

Мор Йокаи "Золотой Человек".

"Святая Варвара".

Железные ворота.

На протяжении четырех миль прорезая горную цепь от самой вершины до подножья, меж отвесных скал высотой от шестисот до трех тысяч футов течет великая древняя река Истер, Дунай.

Мощная ли масса воды проломила себе ворота или подземный жар расколол горную цепь надвое? Нептун сотворил это деяние или же Вулкан? А может, оба они вместе? Одно ясно: сие - творение Божие, но не дело рук человеческих, создать подобное не под силу даже железной руке нынешнего человека, стремящегося уподобиться богу.

Следы прикосновений одного из богов увековечены окаменелостями морских улиток, разбросанных на пике Фрушка Гора, останками гигантских ящеров, некогда населявших первобытные моря, а теперь ставших археологической достопримечательностью пещеры Ветеранов; о деяниях второго бога повествуют базальты на Пиатра Детоната; труды третьего божества - человека - прославляют длинная, вырубленная в скале дорога вдоль берега, защищенная сверху сводом, остатки опор гигантского каменного моста, памятная скрижаль, рельефом вырезанная в склоне скалы, и выдолбленный в середине каменистого русла канал в сто футов шириною, сделавший его проходимым для крупных судов.

История Железных Ворот насчитывает две тысячи лет, и исконное название это звучит на языке четырех наций.

Словно храм вырастает перед нами - храм, воздвигнутый титанами: порталом ему служат мощные скалы, колонны с башню высотой вздымают на недостижимые уступы дикие фигуры колоссов, в коих фантазия усматривает статуи святых. Неф этого храма простирается вдаль на четыре мили, делает изгибы, повороты, образует новые притворы с иной архитектурой стен, с иными удивительнейшими скульптурами. Иногда стена храма является собою ровную плиту, гладкую, как полированный гранит, и лишь испещрена красноватыми и белыми прожилками - загадочными божественными письменами; в иных местах вся скальная поверхность отликает яркой рыжиной, словно и вправду сплошь состоит из железа, а кое-где резко стесанные пласты гранита выявляют дерзновенно-смелые строительные приемы титанов. А за очередным поворотом нашему взору вдруг предстает портал готического храма с его острыми шпилями, стройными, вплотную подогнанными друг к другу базальтовыми пилонами, и где-нибудь посреди закопченной стены нет-нет да и сверкнет золотистое пятно, как крышка ковчега завета: там цветет сера. Но помимо цветов-минералов выступы и трещины стен украшены и живыми цветами: словно сплетенные чьими-то благоговейными руками свисают оттуда венки зелени. То гигантские лиственные деревья и сосны, мрачноватая зелень которых расцвечена желто-красными гирляндами кустов, прихваченных осенними заморозками.

Кое-где эта бесконечная головокружительная каменная громада прерывается проходом в долину, позволяющим заглянуть в потаенный, необжитый человеком райский уголок. Узкое пространство каменного ущелья всегда окутано глухой, мрачной тенью, и сиянье залитой солнцем долины прорезает дневную тьму подобно улыбке волшебного мира; дикий виноград густо оплетает стволы деревьев, и грозди спелых, багряных ягод рдеют среди зелени листвы, а пестрые виноградные листья сливаются в сплошной ковер. Человеческого жилья в долине не увидишь, узкий ручей змеится вдоль лужайки, куда приходят на водопой непуганные олени, а затем подобно серебристому лучу низвергается со скалы вниз. Тысячи и тысячи людей проплывают мимо этой долины, и каждого занимает одна и та же мысль, кто населяет сей дивный край?

Но вот долина остается позади, и перед путешественником предстает еще один храм, более массивный и грозней, чем все прочие: стены приближаются на сто сорок сажень друг к другу и на три тысячи футов к небу; вон та далеко выступающая скала на вершине - Grop lui Petro, могила святого Петра, а гигантские каменные фигуры по обе стороны от нее - его собраты - апостолы.

А в каменном русле меж двух скалистых стен течет Дунай.

Большая, величественная, древняя река, привыкшая с неторопливым достоинством нести свои воды по венгерским равнинным просторам, вольготно нежась в неоглядно широком русле, привыкшая ласкать склоненные к ней плакучие ивы, проводить прибрежные цветущие луга и задушевным словом отзываться на тихий рокот водяных мельниц, - здесь ведет себя совсем иначе. Стиснутая узким - в сто сорок сажень - каменным ущельем, мощная река прорывается сквозь него с невероятной яростью. Тот, кто пропутешествовал по ней до этого места, попросту не узнает реки. Убеленный сединами богатырь на глазах молодеет, превращается в удалого героя; волны его высоко вздымаются над бурным течением, то тут, то там посреди скалистого русла подобно грандиозному алтарю возвышается громадный утес: гигантский Багатай или увенчанный короной Касан. Мощный поток, преисполненный величественного гнева, штурмует их, обрушиваясь всей своею массой и образуя позади утесов глубокие водовороты; он продавливая в скалистом русле бездонные впадины и с оглушительным грохотом устремляется по каменным порогам, связующим стены ущелья.

Иногда Дунаю удастся преодолеть преграду на своем пути, и пенистые волны его победоносно прорываются сквозь скалы, в иных местах стремительный поток разбивается об изгиб ущелья и устремляет свои вечно бурлящие воды под нависающую над ним скалу. Кое-где позади неодолимых скал река намывает острова, создавая новые земные образования, не отмеченные ни на одной из прежних карт, острова эти, поросшие дикими деревьями и кустарниками, не подвластны никакому государству - ни венгерскому, ни турецкому, ни сербскому; это ничья страна, данью не облагаемая, правителя не ведающая, названия не имеющая и как бы выходящая за пределы мира. И та же самая река способна и на разрушительную работу: подмывает давние острова и уносит прочь - вкупе с лесами, зарослями кустарника, жилищами, - стирая с географической карты их контуры.

Скалы и острова на множество рукавов рассекают реку, меж Оградиной и Плависовицей несущую свои воды со скоростью десять миль в час; корабельщику должно как следует знать эти узкие протоки, ведь железная рука человека проложила в каменистом русле лишь один канал, пригодный для движения крупных судов, а вблизи берегов пролегают пути только для мелких суденышек.

В узких рукавах Дуная вдоль небольших островков это великолепное творение природы нарушено своеобразным плодом человеческого труда: два ряда свай из мощных бревен, расположенных клином и обращенных широкой частью к течению. Это ловушка для белуги. Морские гости, войдя в устье реки, заплывают вверх по течению: водяные струи почесывают белужьи головы, унимая вызываемый паразитами зуд. Но затем громадные рыбы попадают в западню; поворачивать назад - не в их привычках, они движутся вперед и вперед по сужающейся западне, пока не оказываются в "камере смертников", откуда спасения нет. Голос этой величественной реки подобен гласу Божию. Извечный равномерный гул монотонностью своею напоминает безмолвие, а внятность - слово Господне. Там, где гигантская река проносится над каменными перекатами, гневно плещется у скалистых утесов, с ревом набрасывается на беззащитные острова, захлебываясь тонет в водоворотах, резвясь мчится по ступенькам водопадов, там, где низменное эхо меж громадных стен подымает этот вечный плеск волн до высот неземной музыки, в которой сливаются воедино звуки органа, перезвон колоколов и затихающие раскаты гром, - там человек умолкает, страшась услышать собственный голос среди этого мощного музыкального звучания. Корабельщики обмениваются знаками, давние суеверия рыбаков запрещают в этих местах говорить вслух: сознание опасности вынуждает каждого возносить в душе молитвы.

И в самом деле любому путешественнику, плывущему меж глухих, мрачных скал, кажется, будто он стиснут стенами собственной гробницы. А уж в особенности, когда налетает гроза корабельщиков: бора - затяжной, иногда неделями не утихающий ветер; он делает Дунай у Железный Ворот непроходимым.

Тянишь каменная стена лишь вдоль одного берега, она служила бы судам защитой от боры; однако зажатый меж дух стен воздушный поток становится столь же капризным, как ветер, пронсящий по улицам большого города: нападает то спереди, то сзади, за каждым поворотом набрасывается с самой неожиданной стороны. Стоит только подумать, будто ветер стих окончательно, как он вдруг врывается из ущелья какой-нибудь долины, словно нарочно подкарауливал там, подхватывает судно, выворачивает руль, задает работу каждой паре рук, вцепившись в бечеву, сдергивает вниз всех тяглых лошадей; затем вдруг делает крутой поворот и с такой скоростью несет по воде подхваченной стихией суденышко, словно оно плывет по течению; волны под ветром разлетаются мельчайшими водяными брызгами - так вздымает смерчем дорожную пыль.

Величественно-храмовое звучание музыки переходит в трубный рев Судного дня, и в этом реве глухнут предсмертные вопли утопающих.

"Святая Варвара" и ее путешественники.

В те времена, когда разворачивается действие нашей истории, пароходы по Дунаю еще не ходили. Начиная от Галица и вверх до канала Майны по берегам Дуная брели девять тысяч лошадей, тянувших суда на бечеве; в турецкой части Дуная ходили и под парусами, на венгерской территории ими не пользовались. Кроме того, снуя меж дух стран, воды Дуная бороздила целая флотилия контрабандистских судов, приводимых в движение лишь мускулистыми гребцами. Тут процветала контрабанда солью. Венгерское государство продавало на турецком берегу по полтора форинта ту же самую соль, цена которой дома составляла пять с половиной форинтов; контрабандист доставлял ее с турецкого берега обратно и перепродавал на венгерском берегу по три с половиной форинта. Получалось, что на этом выгадывали все: и государство, и контрабандист, и покупатель. Более идиллические отношения трудно себе вообразить. Но, разумеется, меньше всех было удовлетворено своей прибылью государство, а потому ради защиты своих интересов понастроило вдоль всего пограничного берега сторожевые будки и приставило к ним мужских обитателей близлежащих деревень, дабы бравые стражи, снабженные ружьями, охраняли кордон. Каждое село отряжало караульных, и у каждого села были свои контрабандисты. А посему надлежало попросту соблюдать очередность: ежели молодежь данного села несет сегодня вахту, то с контрабандою плывут более почтенные обитатели того же села, - согласитесь, тоже славная семейная черта. Однако столь строгой охраной границы государство преследовало и иные, более высокие цели. Скажем, воспрепятствовать проникновению чумы.

Ох, уж эта пресловутая чума!

Нам-то с вами трудно судить, читатель, насколько страшна эта моровая язва; ведь у нас на родине последний случай ее отмечен сто пятьдесят лет назад в Земуне, когда некая вдова, желая прифрантиться, надела зараженную чумой шаль и по дороге в церковь отдала душу богу. Но коль скоро что ни год доводится читать в газетах, будто чума вспыхнула то в Сирии, то в Бруссе, то в Константинополе, мы вынуждены верить, что опаснейшая хворь эта и в самом деле существует, и воздаем хвалу правительству, замыкающему перед нею все окна-двери.

И то правда: соприкосновение с каждым чужим народом наградило нас какой-либо новой, дотоле неведомой заразой. От китайцев мы подцепили скарлатину, от сарацин - оспу, от русский - грипп, от южно американцев - желтую лихорадку, от восточных индусов - холеру, ну а от турок - чуму.

По этой причине обитателям прибрежной полосы по обе стороны Дуная надлежит общаться друг с другом, лишь соблюдая меры предосторожности, что весьма разнообразит и скрашивает их жизнь.

А охранительные меры очень и очень строги. Стоит в Бруссе обнаружиться вспышке чумы, как на турецко-сербском берегу любой живой и неживой предмет тотчас же официально объявляется зачумленным; кто к нему прикоснется, тот "нечистый" ссылается в карантин на десять, двадцать, а то и на сорок дней. Ежели бечева, которой тянут судно вдоль левого берега, на повороте ненароком заденет бечеву правобережного судна, вся корабельная команда считается "нечистой" и вынуждена по десять дней простаивать посреди Дуная; ведь чуме ничего не стоит пристать от одной корабельной бечевы к другой, а уж оттуда распространиться и на всех корабельщиков.

Соблюдение правил подвергается строгому надзору. На каждом судне находится особое должностное лицо - "блюститель чистоты" - страшнейшая личность, в чьи обязанности входит следить за всем и каждым: кто к чему прикасается да кто с кем общается. Стоит незадачливому путешественнику на турецко-сербском пограничье лишь кончиком плаща задеть чужака или же дотронуться до изделия из пуха, шерсти или конопли (все они суть распространители чумы), как надзиратель тотчас же объявляет его "нечистым" и по прибытии в Оршову, исторгнув несчастного из родственных объятий, передает карантинной службе. Потому-то и называют эту должность "блюститель чистоты".

Горе тому поборнику чистоты, кто вздумает утаить подобный случай. За малейшее упущение его ждет кара: заключение в крепость на пятнадцать лет.

Но вот контрабандистов, судя по всему, чума не берет: никаких "блюстителей чистоты" они с собой не возят, и как бы ни свирепствовала в Бруссе моровая язва, они знай себе днем и ночью снуют от берега к берегу. Нелишне заметить, что покровителем их является святой Прокопий. Лишь бора способна помешать розничной торговле; течение у Железных Ворот очень быстрое, и суда, которые движутся только с помощью гребцов, ветром прибывает к южному берегу.

Правда, запретный товар можно провозить и на тех судах, что по берегу тянут лошади, - но это уже будет торговля en gros¹, дорогое удовольствие, не чета мелкой торговлишке солью меж своими людьми. Крупными партиями перевозятся табак и кофе.

Да, вот уж бора полностью очищает Дунай от судов и дня на три - на четыре восстанавливает среди жителей побережья столь неколебимую добропорядочность и верноподданнические чувства к государству, что отпадает всякая надобность в отпущении грехов. Суда стремятся поскорее укрыться в бухте иль стать на якорь посреди Дуная, а пограничные стражи могут спать спокойно, покуда под порывами безжалостного ветра скрипят крыши их домишек.

Корабли по Дуная в такую пору не ходят.

И все же капралу сторожевого поста в Оградине чудится, будто с утра сквозь завывание ветра и шум бушующей реки не раз прорывался тот своеобразный сигнал корабельного рожка, какой слышен за две мили и выделяется даже на фоне громовых раскатов: неприятный, заунывный звук, издаваемый длинной деревянной трубой.

Неужели даже в непогоду идет корабль, рожком подавая сигнал погонщикам на берегу? Или же терпит бедствие среди скал и вызывает о помощи?

Корабль действительно идет - прочное, дубовое судно вместимостью в десять - двенадцать тысяч мер, и, судя по всему, с полной нагрузкой, так как палубу с обеих сторон захлестывают волны.

Вместительное судно окрашено в черный цвет, лишь носовая часть покрыта серебряной краской и завершается гордо задранной завитком бушприта, обитого блестящей жостью.

Крыша судна напоминает крышу дома с узкими лесенками по бокам и с плоской площадкой на самом верху; она служит для перехода от одного руля к другому. Та часть кровли, что

¹ Оптом, сразу (фр.).

находится ближе к носу, завершается сдвоенной каютой - двумя небольшими помещениями, двери которых расположены по правую и левую стороны. Третья сторона каюты являет взору оконца - их по два у каждого помещения, и они при желании закрываются зелеными жалюзи, - а в промежутке меж окнами можно созерцать образ святой великомученицы Варвары, запечатленной в натуральную величину: в розовом одеянии, голубой мантии и пурпурном головном покрывале, вся осиянная золотом, с белой лилией в руке.

Здесь же, на крохотном клочке пространства, не занятом бухтами каната, разместился выкрашенный зеленой краской дощатый ящик в два фута шириной и пять футов длиной; ящик наполнен удобренной землей, засаженной красивейшими сортами махровых гвоздик и фиалок. Святой образ и импровизированный садик защищены металлической решеткой, достигающей трех футов в высоту и сплошь увешанной венками из полевых цветов, в центре горит круглая, красного стекла, лампада, а подле нее прикреплен букетик розмарина и освященной вербы.

В передней части судна возвышается мачта, к крюку которой прикреплена бечева - корабельный трос трехдюймовой толщины; семьдесят две лошади, впряженные в его лямки, тянут берегом тяжелое судно против течения. В иную пору хватило бы и половины этого количества, а в верховьях Дуная с такой задачей справляется дюжина лошадей, но здесь - да еще чтобы совладать с ветром, даже семи десятком лошадей требуется немало понуканий. Человеку надрывать глотку - пустое дело: даже если бы голос его и донесся до берега, то многократное эхо до такой степени исказило бы его, что смысла слов уж было бы и не разобрать.

Зато сигналы рожка понятны даже лошадям: протяжные или отрывистые, грозные или подбадривающие его звуки дают знать и человеку, и животному, когда прибавить ходу, а когда идти помедленнее или же враз остановиться.

Ведь судьба корабля в этой скалистой теснине зависит от многих обстоятельств: судну надобно противостоять дующему со стороны ветру, подчиняться всем капризам течения, огибать скалы и водовороты и тащить на себе тяжелый груз.

И судьба его - в руках двоих людей: рулевого, стоящего у кормила, и судового комиссара, даже сквозь рев стихии подающего с помощью рожка сигналы погонщикам на берегу. Если хотя бы один из них окажется плохим знатоком своего дела, корабль может налететь на скалу или сесть на мель, будет затянут водоворотом или выброшен на противоположный берег и погибнет вкуче с людьми и крысами.

Однако по лицам этих двоих людей не скажешь, будто им знакомо чувство страха.

Рулевой - здоровяк, косая сажень в плечах, с продубленным лицом медного оттенка, румянец на его щеках пробивается тоненькой сеткой склеротических жилок, такими же красными прожилками покрыты и белки глаз. Голос у него вечно с хрипотцой и имеет лишь две разновидности: или надсадный крик, или глухую воркотню. Вероятно, именно это обстоятельство вынуждает рулевого проявлять двойную заботу о своем горле: перво-наперво плотно обматывать его красным бумажным шейным платком, а вдобавок пользоваться палинкой, тем более что фляжка всегда под рукой - в кармане куртки.

Судовому комиссару на вид лет тридцать, у него светлые волосы и мечтательные голубые глаза, усы длинные, зато щеки гладко выбриты; роста он среднего и телосложения, на первый взгляд, хлипкого, а голос, при тихой речи звучащий чуть ли не по-женски мягко, лишь подтверждает это впечатление.

Рулевого зовут Янош Фабула, судового комиссара - Михай Тимар.

"Блюститель чистоты" сидит на краю рулевой скамьи, натянув на голову сермяжный башлык, так что от всей его физиономии видны лишь рыжие усы да красный нос. Имени его история не увековечила. В данный момент сия важная персона занята тем, что жует табак.

К тяжелому дубовому кораблю присоединена шлюпка с шестью матросами, которые гребут в такт; при каждом очередном взмахе одновременно вскакивают с мест, делают два шага, взбегая на возвышение со скамьями, хватают весла, погружают их лопасти в воду и резко

откидываются на скамьи; помимо конной тяги такие усилия гребцов помогают продвигаться судну там, где сопротивление Дуная особенно сильно.

Привязанный к шлюпке, за кораблем плывет и небольшой ялик.

В дверях двойной каюты стоит мужчина лет пятидесяти и курит чубук, набитый турецким табаком. В облике его угадываются восточные черты, и скорее турецкие, чем греческие, а между тем человек этот всей своей наружностью - кафтаном с меховой опушкой, круглым красным колпаком - явно желает выдать себя за греко-серба. Однако от глаз внимательного наблюдателя не укроется, что бритая часть его лица гораздо светлее скул и лба: так выглядит обычно человек, недавно сбравший густую бороду.

Этот господин внесен в судовой журнал под именем Евтима Трикалиса и является владельцем груза. Само судно принадлежит комаромскому² купцу Атанасу Бразовичу.

Ну и наконец, из окошка каюты по соседству со святой Варварой выглядывает девичья головка. Лик девушки вполне мог бы принадлежать святой.

Бледным его не назовешь, лицо именно белое; это белизна, присущая мрамору или хрусталу и совершенно естественная, как черный цвет лица у абиссинцев или желтый - у малайцев.

Белизна, не затуманенная примесью какого бы то ни было иного цветового оттенка, не уступающая румянцу ни под порывами встречного ветра, ни под упорными взглядами мужчин.

Правда, девушке, наверное, лет тринадцать, она еще дитя; однако высокая гибкая фигура и строгое, как у статуи, лицо с безукоризненными античными чертами наводят на мысль, что ее мать, должно быть, подолгу заглядывалась некогда на лик Венеры Милосской.

Густые черные волосы ее отливают металлическим блеском подобно оперенью черного лебедя. Но глаза у нее синие. Длинные, тонко очерченные брови почти сходятся на переносице; такие сросшиеся брови придают лицу какую-то магическую власть. Две тонкие, сросшиеся воедино полоски словно черный орел на лбу святого лика.

Девушку зовут Тимея.

Теперь мы представили всех путешественников "Святой Варвары".

Судовой комиссар, протрубив на берег команды и замерив глубину с помощью свинцового грузила, старается улучшить время, чтобы - оборотясь к святому образу - поговорить с девушкой. Тимея понимает только по-новогречески, а судовой комиссар бегло изъясняется на этом языке. Он рассказывает девушке о красотах этого края: красотах грозных, таящих опасность.

Белое лицо, синие глаза не меняют своего выражения, но явно внимают его речам.

И все же судовому комиссару кажется, что внимательный взор этих синих глаз устремлен не на него, а на фиалки, что благоухают у ног святой Варвары. Он срывает одну из них и протягивает девочке: что ж, пусть слушает, о чем говорят цветы.

Рулевой видит все это со своего места и не одобряет поступков комиссара.

- Чем обрывать цветы у святого образа, - ворчит он скрипучим голосом, - да девчонкам раздавать, лучше бы зажгли освященную вербу у лампы. Ежели богу угодно будет, чтобы мы налетели вон на того каменного идола, то тут нас и сам Иисус Христос не спасет. Пронеси господи!

Это заклинание Янош Фабула произнес бы даже будь он наедине с самим собой, но поскольку рядышком находился "блудитель" и слышал его слова, то между ними возник диалог.

- А с чего это вам приспичило аккурат в такую бурю плыть через Железные Ворота?

- С чего приспичило? - переспросил Янош Фабула, придерживаясь доброго обычая: дабы хорошенько обдумать свои слова, прежде хлебнуть из оплетенной фляжки. - А оттого, что надобно нам поторапливаться. Груза на корабле - десять тысяч мер чистой пшеницы. В Банате³

² Комаром - город на Дунае, ныне Комарно (ЧССР)

³ Банат - историческая область в междуречье Тисы, Муреша и Дуная. По Трианонскому мирному договору 1920 г. разделена между Румынией и Югославией

пшеница не уродилась, а в Валахии урожай выдался отменный. Надо доставить ее в Комаром. Сегодня Михайлов день, ноябрь на носу; ежели не поторопиться, то замерзнем в пути.

- Неужто вы думаете, будто Дунай в ноябре замерзнет?

- Я не думаю, а знаю. В комаромском календаре так сказано. Не верите - взгляните, он у меня над койкой висит.

"Блюститель" еще глубже укутал нос в башлык и в сердцах сплюнул за борт табачную жвачку.

- Некстати сейчас плевать в Дунай, река этого не любит. А что до предсказаний комаромского календаря - не извольте сомневаться. Аккурат десять лет тому напрозорил, что в ноябре ударят морозы. Ну, я с кораблем и торопился к дому, тогда я тоже на "Святой Варваре" плавал. Вот уж потешались все надо мной! А потом 23 ноября как случился враз ледостав, так половина судов и вмерзла - кто у Апатина, кто у Фулдвара. Тут уж настал мой черед смеяться. Господи, спаси и помилуй! Э-эй, навились на весла!

Яростный шквал вновь обрушился на корабль. От усердных стараний удержать прав́ило по лицу рулевого стекали крупные капли пота, но ему не требовалась подмога. За усилия он вознаградил себя глотком палинки, отчего глаза его еще более налились кровью.

- Только бы нам благополучно миновать этот риф. Пронеси, господи! - молит он, а сам усердствует, не щадя сил. - А ну, парень, работай веслом, да поживее! Только бы обогнуть эту скалу!

- Обогнем эту, а там другая на пути появится.

- За ней - третья, а там и тридцать третья, и всякий раз держи за щекой монетку звонаря, потому как все время одной ногой в могиле стоишь!

- Вот что я вам скажу, уважаемый, - произносит "блюститель", вытащив изо рта всю порцию табачной жвачки. - Сдается мне, ваше судно не только пшеницу везет.

Янош Фабула, заглянув под башлык в лицо собеседнику, пожимает плечами.

- Мне-то не все ли равно? Ежели на судне спрятана контрабанда, то в карантине не застрянем по крайности: раз-два, и плыви себе дальше.

- Это как же?

Рулевой сделал выразительный жест, как бы заведя полную пригоршню за спину, и "блюститель чистоты" громко расхохотался, сразу смекнув, что сие означает.

- Нет, вы только посмотрите, - заговорил Янош Фабула, - с тех пор, как я тут проходил в последний раз, течение опять изменилось. Не пусти я сейчас судно по ветру, и запросто можно угодить в новый водоворот, что под "Скалой влюбленных" образовался. Видите, бок о бок с нами все время плывет старая белуга? Вот ведь чудище адское и здоровенная какая, пудов на тридцать будет, не меньше. Коли эта злобная тварь вздумала с кораблем наперегонки состязаться, только и жди беды, помилуй нас, господи! Уж хоть бы подплыла поближе, всадил бы я ей гарпун в спину. С нами крестная сила! А комиссар нет чтобы погонщикам сигнал подать, знай себе с гречанкой язык чешет. Да и барышню эту не к добру занесло на нашу посудину. Стоило только ей на бот ступить, враз северный ветер задул, да так и не стихает. Ох, не к добру это, точно вам говорю. Лицо у ней белое, словно это и не девка живая, а дух какой. И брови, как у ведьмы, сросшиеся... Господин Тимар, погудели бы вы погонщикам!

Но господин Тимар и не подумал братья за рожок: он рассказывает белолицой барышне волшебные легенды о скалах и водопадах.

Ведь начиная в Железных Воротах и вверх вплоть до самой Клиссуры о каждом утесе, о каждой пещере по обоим берегам, о каждом рифе, острове, водовороте сложена своя история, легенда, народное сказание или разбойничья песня; о них рассказывают произведения мировой литературы или высеченные на скалах письмена, песни народных певцов и устные предания корабельщиков, это поистине библиотека, обращенная в камень: названия скал подобны корешкам книг - кто сумеет раскрыть их, прочтет целые романы.

Михай Тимар превосходно ориентируется в этой библиотеке, ведь он с доверенным ему судном не раз проходил из конца в конец весь путь через Железные Ворота, для него любая скала, любой остров - как открытая книга.

А может, помимо жажды поделиться своими знаниями им двигало и иное благое намерение? Ведь когда слабому созданию предстоит столкнуться с опасностью, способной повергнуть в трепет даже закаленное сердце сильного мужчины, - разве не естественно стремление человека, уже сроднившегося со страхами, отвлечь внимание непосвященного романтическими сказками? Тимея слушала легенды о том, как спасся герой Мирко вместе со своей верной возлюбленной Милевой на самой вершине скалы Любикая посреди реки; как защищал он отвесный подступ к убежищу один супротив всех наемных воинов преследователя Ассана; как долгое время кормил влюбленных горный орел - он приносил в гнездо своим детенышам козлят, а Мирко и Милева делили добычу промеж собой... Тем временем от внимания девочки ускользнул тот бешенный рев, с каким стремительные волны разбиваются о скалу Любигая, грозно вырастающую на пути; ей недосуг было ужасаться при виде белых гребешков пены, какими топорщится над водоворотами втиснутая в узкое русло река, - корабельщики прозвали эти волнистые гребешки "барашками".

- Лучше бы смотреть, что под носом творится, а не назад оглядываться, - ворчит рулевой и вдруг, напрягая голос, кричит что есть мочи: - Э-гей, господин комиссар, что это там плывет навстречу?

Комиссар оборачивается к корабельному носу и видит, что предостережение рулевого не напрасно.

В этот момент судно как раз проходило через узкое, всего лишь двести саженей шириною, ущелье Таталия, где течение образует самый крутой водопад, река здесь напоминает бурно струящийся ручей; только ведь не ручей это, а Дунай.

Но даже и этот неширокий поток делится надвое мощной скалой, вершина которой поросла мхом и кустарником; вода разбивается о ее западный склон на два потока: один, тот, что ближе к сербскому берегу, низвергается с крутого скалистого порога; по руслу второго в каменном ложе продолблен канал в пятьдесят саженей шириною, так что там могут проходить вверх и вниз по течению крупные суда. Однако сталкиваться в этом месте встречным судам нежелательно, ведь разминуться здесь не так-то просто. К северу под водой таится немало подводных рифов - наскочить на них ничего не стоит, а с юга, где два протока вновь сливаются, у подножья скалы образуется мощный водоворот, и если он подхватит корабль, то нет такой силы человеческой, которая сумела бы его высвободить.

Стало быть, рулевой и в самом деле предостерегал о весьма серьезной опасности: встречное судно в ущелье Таталия при столь высоком уровне воды да при такой силе ветра!

Михай Тимар попросил Тимею вернуть бинокль, который он только что вручил ей, чтобы девушке легче было рассмотреть убежище Мирко и прекрасной Милевы.

У западной излучины посреди реки виднелась какая-то темная масса.

Михай Тимар навел на нее бинокль и, обращаясь к рулевому, воскликнул:

- Мельница!

- Вот она, кара Господня!

Навстречу по быстрому дунайскому течению неслась водяная мельница, сорванная ураганом с цепи. Иными словами, такое плавучее сооружение, которое, по-видимому, лишено и рулевого, и команды: команда разбежалась кто куда, и "судно", покинутое на произвол судьбы, мчится опрометью, вслепую, сметая на своем пути все мельницы и загоняя на мели встречные грузовые суда, которые не успевают вовремя уклониться от столкновения.

Но здесь посторониться некуда: по обе стороны Сцилла и Харибда.

Михай Тимар, не отвечая рулевому, вернул Тимею бинокль, посоветовал ей, как лучше всего разглядеть гнездо орлов, предок которых некогда спас влюбленных от голодной смерти; затем, вмиг сбросив с себя куртку, прыгнул в шлюпку к гребцам и отдал приказ: пятерым парням пересечь вместе с ним в ялик, прихватив с собой небольшой якорь и бечеву, а затем пустить ялик плыть по воле волн.

Трикалис и Тимея не понимали его распоряжений - говорил он по-венгерски, а они этим языком не владели. Не поняли они и его команды рулевому:

- Погонщикам идти вперед, судну не отклоняться ни вправо, ни влево!

Однако через несколько минут Трикалису и без слов стало понятно, какой опасности они подвергаются. Увлекаемая бурным течением мельница стремительно приближалась, и даже невооруженным глазом можно было различить вращающиеся лопасти колеса; обширное сооружение заполонило собою весь судоходный канал. Стоит ему столкнуться с груженным судном, и вмиг пойдут ко дну оба.

Ялик, где находились шестеро мужчин, с невероятными усилиями старался плыть против бурного течения. Четверо гребли, пятый управлялся с рулем, а комиссар, скрестив руки на груди, стоял на носу лодки.

Чего они рассчитывали добиться - хлипкой лодчонкой против мощной мельницы, силою одних лишь человеческих мускулов против неодолимой стихии течения, против шквального ветра? Да будь каждый из них по силе равен Самсону, и тогда им не побороть законов гидростатики. Оттолкнешь мельницу - но с такою же силой оттолкнется и собственный челнок. Удастся зацепить мельницу - она и людей увлечет за собою. Ведь это все равно, как если бы паук задумал удержать своей паутиной жука-оленья.

Однако челнок и не думал придерживаться середины Дуная, а изо всех сил стремился достичь западной оконечности скалистого острова.

Река в этом месте вздымала волны такой высоты, что челнок с пятеркой храбрецов то исчезал в глубокой водной яме, то в следующее мгновение вновь колыхался на гребне буйной, пенящейся волны, хрупкий, беззащитный против взбудораженного течения, а вода под ним словно кипела, бурлила и клочкотала!

Белая кошка.

Пятеро гребцов в лодке держали совет, как быть.

Один из корабельщиков сказал, что надобно под водой сделать топором пробоину в боковой части мельницы, чтобы та затонула.

Но это не выход: стремительное течение все равно понесет затонувшую мельницу навстречу груженому судну.

Другой посоветовал зацепить мельницу баграми и затем с челнока при помощи руля задать ей такое направление, чтобы она угодила в водоворот.

Этот совет тоже не годился: ведь водоворотом был бы захвачен и сам челнок.

Тимар отдал рулевому распоряжение плыть к оконечности острова Периграда, который увенчан "Скалою Влюбленных".

Когда челнок подплыл к быстрине, Тимар поднял шестипудовый якорь и сбросил его в воду, при этом даже не качнув лодки. Тут-то и выяснилось, что при кажущейся хилости телосложения он обладает крепкими мускулами.

Якорь потянул за собой не один оборот каната: вода в этом месте глубокая.

А Тимар велел рулевому побыстрее плыть к мельнице.

Теперь наконец корабельщики разгадали его намерение: он желает поставить мельницу на якорь.

- Негоже задумано! Высказались они. - Ведь тогда мельница ляжет аккурат поперек судоходного канала и загородит нашему кораблю путь, а канат длинный да тонкий, ему такой тяжести не выдержать.

Евтим Трикалис, заметив маневр Тимара, испуганно выронил чубук и, пробежав по корабельному мостику, закричал рулевому, чтобы тот немедленно обрубил бечеву и пустил судно по течению.

Рулевой греческого не знал, однако по жестам Трикалиса догадался, чего тот требует.

Упершись плечом в руль, он с величайшим спокойствием отвечал:

- Нечего попусту суетиться, Тимар знает, что делает!

Трикалис с яростью отчаяния выхватил из-за пояса кинжал, намериваясь собственноручно перерубить бечеву; однако рулевой сделал ему знак обернуться. И то, что Евтим Трикалис увидел позади, заставило его отказаться от своего намерения.

С низовьев Дуная прямо по самой середине реки двигалось судно. Привычному глазу не составляло труда распознать его даже на расстоянии мили. Судно оснащено парусной мачтой - парус, правда, сейчас спущен, - высокой кормой и двадцатью четырьмя гребцами. То без сомнения турецкая канонерская лодка.

Стоило только Евтиму Трикалису увидеть канонерку, и он тотчас заткнул кинжал за пояс. От зрелища, представившегося ему впереди корабля, он весь побагровел; зато при виде турецкой канонерки лицо его приобрело желтоватый оттенок.

Трикалис торопливо подошел к Тимее.

Дочь разглядывала в бинокль скалистый мыс Периграды.

- Дай-ка сюда бинокль! - проговорил Евтим охрипшим от страха голосом.

- Ах, какая прелесть! Воскликнула Тимея, передавая отцу бинокль.

- Что там такое?

- Вот на той скале живут крохотные сурки, они резвятся друг с дружкой, как белочки.

Евтим направил бинокль на плывущее следом судно, и брови его сдвинулись еще суровее, а лицо побелело, как у мертвеца.

Тимея опять завладела биноклем и вновь навела его на резвых сурков. Евтим правой рукой обнял дочь за талию.

- Взгляни, как они скачут и пляшут! Один сурок гоняется за всеми остальными. Прямо глаз не оторвешь!

Тимея и не подозревала, до чего захотелось вдруг обнимавшей ее руке схватить и швырнуть ее через борт в пенистые волны.

Однако стоило Евтиму обратить взгляд в другую сторону, и к его лицу вновь вернулись краски жизни.

Тимар, подплыв к мельнице поближе, взял в правую руку длинную связку якорного каната; на конце его был закреплен стальной крюк.

Никем не управляемая мельница подобно некоему допотопному чудовищу быстро приближалась по самой середине течения. Мощные лопасти проворно вращались и разъяренных струях воды, и жернов под пустой засыпкой усердно тарахтел, словно перемалывал льющееся бесконечным потоком зерно.

На сооружении, которое столь стремительно несло к гибели, не было ни души; лишь белая кошка сидела на красной гонтовой крыше и отчаянно мяукала.

Тимар, поравнявшись с мельницей, резко раскрутил над головой канат с крюком на конце и метнул его в сторону мельничного колеса.

Стальной крюк впился в одну из лопастей, движимое водою колесо принялось постепенно наматывать на себя якорный канат и тем самым задавало мельнице иное направление - периградскому острову; отлаженный механизм исправно выполнял работу, которая вела все сооружение к неминуемой гибели - к смертоносным скалам.

- Я же говорил: Тимар знает, что делает! - пробурчал Янош Фабула, а Евтим, не скрывая радости, воскликнул: "Молодец, сынок!" - и с такой силой сжал руку дочери, что та от испуга забыла даже про сурков.

- Гляди!

Тимея перевела взгляд на мельницу. Бинокля тут не требовалось, мельница и судно настолько приблизились друг к другу в узком судоходном русле, что между ними оставалось расстояние, дай бог, саженой в десять.

Впрочем, расстояние как раз достаточное для того, чтобы корабль без ущерба для себя смог разминуться с адской машиной.

Тимея не заметила ни опасности, ни счастливого избавления; она видела лишь всеми брошенную белую кошку.

А несчастная животина, увидев приближающееся судно и людей на нем, вскочила с места и с жалобным мяуканьем забежала по краю крыши, прикидывая расстояние от мельницы до судна: сможет ли она перепрыгнуть?

- Ох, бедная киска! - расстроилась Тимея, - Хоть бы нам подплыть поближе, чтобы она смогла сюда перепрыгнуть.

Однако от этой "удачи" судно спасли его святая покровительница и канат, который, все плотнее наматываясь на лопасти колеса, подтягивал мельницу к скалистому остоу, подальше с пути корабля.

- Несчастливая киска! И такая красивая, беленькая!

- Не расстраивайся, доченька, - утешал Тимею отец. - Как только мельница подплывет к острову, кошка соскочит на берег и раз там живут сурки, то и с голоду не пропадет.

Но белая киска не замечала острова по другую сторону мельницы, а зная себе металась по обращенному к кораблю скату крыши, Тимея махала платком, когда судно благополучно проходило мимо укрощенной мельницы, и кричала ей то по-гречески, то на языке, доступном все кошкам: "Ступай брысь! Прыгай на берег!" - но обезумевшее от страха животное не внимало этим советам.

Затем, в тот момент, когда корма судна поравнялась с мельницей, бурной течение развернуло мельницу, и ее колесо закрутилось в обратную сторону; намотанный на лопасти канат мгновенно размотался, и вырвавшаяся на свободу мельница стремглав понеслась вперед, увлекаемая прибрежным течением.

Белая кошечка, пища от страха, взбежала на конек крыши.

- Ах!..

А мельница неслась навстречу собственной гибели.

За скалою ее подкарауливал водоворот - один из известнейших водоворотов, образуемых реками-гигантами. На каждой навигационной карте это место отмечено двумя изогнутыми стрелками, указывающими противоположные направления. Горе тому кораблю, что забредет ненароком в очерченное стрелками место: по краям огромной воронки вода пузырится, словно доведенная до кипения в раскаленном котле, а спиралевидное завихрение зияет в волнах саженной глубиной. Водоворот проделал в скале углубление в сто двадцать футов, и что попадает в эту могилу, того человеку вовек не извлечь, а уж если туда угодит человека, то в день воскрешения усопших придется с ним повозиться!

И вот теперь течение увлекало высвободившуюся мельницу к этому омуту.

Но прежде чем мельницу туда затянуло, она получила пробоину в дне и, начиная тонуть, опрокинулась набок; мельничное колесо установилось вверх своей гигантской осью, белая кошка взбежала на край оси да так и замерла там, выгнув спину. Подхваченное водоворотом дощатое сооружение описало широкий круг, раз пять повернулось вокруг собственной оси, - каждая доска- балка отзывалась нещадным треском, - а затем скрылось под водой.

Исчезла и белая кошка.

Тимея, содрогаясь от ужаса, закрыла лицо тонким шарфом.

Зато "Святая Варвара" была спасена.

Каждому из возвратившихся на корабль гребцов Евтим пожал руку, а Тимара даже обнял.

Тимар надеялся, что Тимея тоже поблагодарит его.

Тимея же спросила его:

- Что теперь будет с мельницей?

- От нее останутся лишь щепки да труха.

- А как же бедная киска?

Губы девушки дрожали, а в глазах стояли слезы.

- Ей-то уж наверняка конец пришел.

- Но ведь эта мельница принадлежала какому-то бедняку! - воскликнула Тимея.

- Это правда. Но нам необходимо было спасти свой корабль и собственные жизни, иначе мы бы сами утонули: нас, а не мельницу, затянуло бы в водоворот и наши останки выбросило бы потом на берег.

Тимея сквозь застилающие глаза слезы посмотрела на человека, поизносившего эти слова.

И сквозь слезы она заглянула в чуждый, непостижимый ее разумению мир:

"Неужели нам дозволено столкнуть в омут мельницу безвестного бедняка лишь для того, чтобы спасти собственный корабль? Неужели нам дозволено утопить несчастную кошку лишь для того, чтобы самим не погибнуть в пучине?"

Она не желала этого понять.

И с этого момента больше не слушала волшебные сказки Тимара, а сторонилась его.

Сальто-мортале мамонта.

Впрочем, и у Тимара пропала охота рассказывать сказки: не успел он толком отдышаться после жестокой схватки не на жизнь, а на смерть, как Евтим сунул ему бинокль и жестом показал, куда смотреть.

Тимар обернулся, навел бинокль на виднеющийся вдали корабль и медленно, словно разжевывая во рту каждое слово, проговорил:

- Канонерская лодка... Двадцатичетырехвесельная... название ее "Салоники".

И он не отрывал глаз от бинокля до тех пор, пока скалистые зубцы острова Периграда окончательно не заслонили турецкий корабль.

Тогда он вдруг положил бинокль и, поднеся к губам рожок, подал сигнал короткими отрывистыми звуками: сперва три гудка, затем еще шесть, - после чего погонщики принялись подстегивать лошадей, чтобы те бежали порезвее.

Дунай омывает периградский скалистый остров двумя протоками. Один - тот, в котором вдоль сербского берега прорублен канал, чтобы грузовые суда могли подниматься вверх по Дуная. Этот путь удобнее, надежнее и дешевле, ведь здесь для продвижения судна требуется вдвое меньше тягловой силы. У румынского его берега вдоль прибрежных скал тоже есть узкий каменистый канал - как раз такой, чтобы там могло поместиться одно судно; однако, чтобы сдвинуть его с места, требуются уже не лошади, а волы, и в лямки впрягают иногда под сто двадцать тягловых животных. Другой проток Дуная, с противоположной стороны острова Периграда, стиснут островом поменьше, но зато перегородившим его поперек. Название этого острова - Рескивал. (Теперь этот остров наполовину взорван, однако во времена нашего повествования еще существовал полностью.) В ущелье, образуемом этими двумя островами, река мчится стрелой, а за его пределами, вверх по течению, разливается полноводно, заполняя пространство меж двух скалистых стен подобно широкому озеру.

Вот только зеркальной поверхности то озеро не образует: оно непрестанно подернуто зыбью и не замерзает даже в самые жестокие морозы.

Дно озера сплошь усеяно рифами; иные из них коварно прячутся под водой, другие на несколько саженей вздымают свои уродливые выступы, стремясь неуклюжей своею формой заслужить одобрителное или порицательное название.

Там стоят друг против друга Голубачка- Маре и Мика, усеянные гнездами диких голубей; там высовывается из воды, грозно наклонясь вперед, разбойник; Горан-Маре лишь голову высунул из воды, а по плечам его нескончаемой чередой прокатываются волны. Зато Пятра Климаре вынуждает повернуть вспять мощный поток воды, штурмующий ее твердыню, а группа рифов, так и не удостоившихся названия, выдает себя всплесками волн, разбивающихся об острые выступы.

Это самое гиблое место для всех корабельщиков мира. Испытанные моряки - англичане, турки, итальянцы, - свыкшиеся со всеми подвохами моря, и по сию пору не без дружи приближаются к этому скалистому руслу.

Здесь, в этом месте, погибло больше всего кораблей. Здесь разбился и великолепный стальной корабль "Силистрия" - гордость турецкой военной флотилии; отряженный под Белград, он, глядишь, повернул бы восточные дела совсем в ином направлении, если бы один из миролюбивых и исполненных политической мудрости рифов острова Рескивал не пропорол борт корабля с такой силой, что "Силистрия" так и осталась тут навеки.

И все же через это грозно вздыбившееся рифами озеро существует проход, но о нем мало кто из корабельщиков знает и еще меньшее число храбрецов, кто когда-либо отважился им воспользоваться.

Этот переход дает возможность грузовому судну перебраться со стороны сербского берега в канал у берега румынского.

Упомянутый канал по всей его длине отгораживает от дунайского протока непрерывная гряда скалистых уступов, войти в него можно лишь у Свиницы, а выйти - только у Скела Гладовы.

Однако опытные лоцманы владеют секретом, как провести груженое судно из сербского канала в румынский: в том месте за Пятра Калугера, где Дунай образует широкий разлив, его можно пресечь наискось. Но это равносильно тому, чтобы заставить плывущего мамонта сделать сальто-мортале. Рожок трубит трижды, затем еще шесть раз кряду, и погонщики знают, что этот сигнал обозначает. Головной погонщик спешивается - у него есть на то своя причина, - и люди начинают криками, шелканьем кнута подстегивать лошадей. Корабль ходко идет против течения.

Рожок трубит девять раз.

Погонщики нещадно бьют лошадей, а те, бедняги, понимая окрики и чувствуя удары, мчатся стремглав. Пять минут такой гонки даются им труднее, нежели целый день обычной работы.

Сигнал корабельного рожка звучит двенадцать раз подряд. Люди и животные напрягаются, не щадя сил; последнее усилие выматывает их до полного изнеможения. Корабельный трос - бечева в три пальца толщиной - натянут как тетива, а стальная тумба на носу корабля, через которую трос перекинут, раскалена, словно огненная. Судовой комиссар стоит у троса с острым корабельным топором наготове.

И в тот момент, когда корабль набирает наивысшую скорость, Тимар одним ударом топора перерубает трос.

Туго натянутый трос, подобно гигантской лопнувшей струне, жалобным стоном сотрясает воздух, и обрубленный конец взвивается высоко вверх; тягловые лошади валятся кучей друг на дружку, у передней лошади оказывается сломанной шея - оттого-то главный погонщик и слез с нее загодя. А корабль, освободившись от троса, вмиг меняет курс, поворачивает носом к северному берегу и начинает пересекать реку поперек течения.

Корабельщики называют этот дерзкий маневр "пересёком".

Теперь уже тяжелое судно ничто не приводит в движение: ни пар, ни усилия гребцов; даже волны идут против него; лишь инерцией полученного толчка несет его к противоположному берегу.

Вычислить эту двигательную силу и соразмерить ее с расстоянием, с силой противодействия составило бы честь даже любому образованному механику. А вот простой корабельщик освоил эту науку на собственном опыте.

С того момента, как Тимар обрубил трос, жизнь всех людей на корабле находится в руках одного-единственного человека: рулевого.

И тут-то Янош Фабула показал, на что он способен.

- Господи, спаси и помилуй! Господи, помоги! - бормочет рулевой, но и сам старается не оплошать. Поначалу корабль мчится с необычайной скоростью, направляясь к центру образуемого Дунаем озера; теперь, чтобы управиться с рулем, нужны два человека, но и им едва удастся сдержать ход разогнавшейся громадины.

Тем временем Тимар, стоя на носу корабля, с помощью свинцового грузила каждую минуту замерял глубину; одной рукой он придерживал шнур, а другую поднял вверх, показывая рулевому на пальцах, сколько футов глубины под днищем судна.

- Господи, помоги!

Рулевой до такой степени изучил рифы, мимо которых они проплывали, что мог бы сказать, на сколько футов поднялся уровень Дуная по сравнению с прошлой неделей. Кормило сейчас в надежных руках; стоит рулевому промахнуться хоть на пядь, стоит кораблю получить малейший толчок, чтобы ход его замедлился хоть на мгновение, - и тогда "Святая Варвара" со всеми путешественниками отправится в двадцатисаженный периградский омут, поглотивший мельницу, а прекрасное белоликое дитя постигнет участь прелестной белой кошечки.

Путники благополучно миновали каменистую мель, за которой начинаются рифы Рускивала.

Это самое коварное место; бег корабля замедляется, силу разгона постепенно поглощает мощное встречное течение, а речное дно сплошь усеяно острыми скалами.

Тимея, перегнувшись через борт, смотрит на воду. В световом преломлении прозрачных волн скалистые массивы, казалось, находятся так близко; зеленые, желтые, красные каменные глыбы своими живыми, яркими красками напоминают гигантскую мозаику, а среди камней нет-нет да и мелькнет проворно серебристая рыбка с красными плавниками. Как наслаждалась юная девушка этой картиной!

Настала минута глубокого молчания: все знали, что проплывают сейчас над собственным кладбищем, и если какой-либо из множества камней внизу не станет для них могильной плитой, то, значит, бог уберет милостью своей. И лишь Тимея, как дитя, не ведает страха.

Теперь судно вошло в окруженный скалами залив. Корабельщики называют это место "ружейными скалами", должно быть, потому, что гул разбивающихся о камни волн напоминает непрерывную ружейную пальбу.

Здесь основной рукав Дуная замедляет течение и образует глубокий водоем. Подводные рифы не представляют опасности - они далеко на дне; там, в зеленоватом полумраке, виднеются огромные, неповоротливые туши - им даже лень пошевелиться: то гости из моря, белуги; и видно, как подводный хищник - стокилограммовая щука своим появлением вспугивает пестрые стайки рыб.

Тимея любовалась забавами подводных обитателей; чем не амфитеатр - только с высоты птичьего полета!

И вдруг, не успела она опомниться, как Тимар схватил ее за руку, оттащил от борта и втолкнул в каюту, резко захлопнув дверь.

- Э-гей, поберегись! - одновременно вырывается у всех корабельщиков.

Тимея не могла взять в толк, что же случилось и отчего с нею обошлись так грубо; одна подбежала к окошку и выглянула.

А случилось вот что. Корабль благополучно миновал залив "ружейных скал" и собирался войти в румынский канал, однако вода из залива, в особенности при сильном ветре, с такой стремительностью бежит в канал, что образует самый настоящий водопад. Тут-то и настает опаснейший момент сальто-мортале.

Выглянув из оконца, Тимея успела увидеть лишь Тимара, который стоял на носу корабля с багром в руках; затем раздался оглушительный грохот, и огромная, как гора, волна, вскипая белой пеной, обрушилась на носовую часть корабля, плеснула в оконные стекла хрустально-зеленоватой массой воды, на миг ослепившей девушку. в следующее мгновение, когда Тимея опять выглянула, она уже не увидела комиссара на носу корабля.

Снаружи поднялся шум и крик. Тимея бросилась к двери и столкнулась с отцом.

- Мы тонем? - спросила она.

- Нет. Корабль спасен, а вот комиссар свалился в воду.

Тимея и сама это видела, ведь у нее на глазах Тимара смыло волной. Однако сердце ее не дрогнуло при словах отца.

Ну, не странно ли? При виде белой кошки, гибнувшей в волнах, она пришла в отчаяние и даже не в силах была сдержать слезы, а теперь, когда волны поглотили комиссара, у нее не вырвалось даже возгласа: "Ах, бедняга!".

Да, но ведь белая киска так жалобно умоляла всех и каждого помочь ей, а этот человека держался так вызывающе! К тому же кошечка была прелестным созданием, а судовой комиссар - всего лишь некрасивый мужчина. Ну и наконец, несчастное животное не могло спастись собственными силами, а комиссар - мужчина сильный, ловкий, наверняка сумеет вызволить себя из беды, на то он и мужчина.

Корабль после завершения сальто-мортале был спасен и плыл по надежному руслу канала; команда, прихватив багры, бросилась к шлюпке - плыть на поиски исчезнувшего комиссара. Евтим, высоко подняв кошелек, показывал им: мог, получают награду, если спасут комиссара. "Сотня золотых тому, кто вытащит его из воды живым!".

- Попридержите свои золотые, сударь! - раздался с другого конца корабля голос разыскиваемого мужчины. - Я и сам по себе отыскался.

Ухватившись за якорный канат, Тимар взобрался на корму. Не стоило за него опасаться - такой не пропадет.

И вмиг, словно ничего не случилось, принялся отдавать распоряжения.

- Бросай якорь!

Двадцатипудовый якорь был спущен в воду, и "Святая Варвара" стала посреди прохода, полностью заслоненная скалами со стороны главного рукава Дуная.

- А теперь в лодку и - на берег! - скомандовал Тимар трем корабельщикам.

- Вы бы переоделись в сухое! - посоветовал ему Евтим.

- К чему тратить время попусту! - ответил Тимар. - Сегодня еще не раз предстоит пройти через такое крещение. Теперь мне, по крайности, нечего воды бояться... Нам надобно спешить.

Последние слова он произнес шепотом.

У Евтима блеснули глаза: он явно одобрял намерение комиссара.

И Тимар торопливо соскочил в лодку; он даже сам правил, чтобы поскорее добраться до будки переправы, где можно заполучить конную тягу. Там ему вскорости удалось набрать восемьдесят голов тяглового скота. На корабле тем временем прикрепили новую бечеву и впрягли в ее волов; не прошло и полутора часов, как "Святая Варвара" продолжила свой путь через Железные Ворота, причем не у того берега, где начала, а вдоль противоположного. К тому времени, как Тимар возвратился на корабль, вся одежда на нем высохла от тяжелого труда.

Корабль был спасен, можно сказать, дважды, а вместе с ним спасены и судовой груз, и Евтим, и Тимея. И спас их Тимар.

А что ему, Тимару, до них? Чего ради надо было так надрываться? Ведь он всего-навсего судовой комиссар, жалкий писарь, получает свое годовое жалованье - прочем, весьма скудное, и ему должно быть совершенно безразлично, загружено ли судно пшеницей, контрабандным табаком или чистым жемчугом: его вознаграждение от этого не станет больше.

Примерно такие же мысли одолевали и "блюстителя чистоты", когда он, после того как судно вошло в румынский канал, возобновил разговор с рулевым, отложенный по причинам, уже известным читателю.

- Признайтесь, почтеннейший: сроду мы не были так близки к тому, чтобы отправиться в тартарары, как сегодня.

- Что правда, то правда! - согласился Янош Фабула.

- Но что за нужда была испытывать судьбу - может или не может человек потонуть в день святого Михаила?

- М-да! - крикнул Янош Фалла и хлебнул глоток из заветной фляжки. - Сколько жалования вам положено за день?

- Двадцать крейцеров! Отвечал "блюститель".

- Кой черт принес вас сюда помирать за двадцать крейцеров? Я вас сюда не звал - уж это точно. Мне в день положены цельный форинт да вольные харчи, стало быть, на сорок крейцеров больше резону рисковать головой, чем вашей милости. Ну, так чего вы ко мне привязались? "Блюститель" покачал головой и даже сдвинул с шапки башлык, чтобы подходчивее растолковать свою мысль.

- А я вам, уважаемый, вот что скажу. По моему разумению, турецкая канонерка, что плывет за нами, преследует ваше судно, и "Святая Варвара" решила дать деру.

- Гм!... - враз поперхнулся рулевой, да так сильно, что слова не мог из себя выдавить.

- Мое дело - сторона, - пожав плечами, продолжал "блюститель", - я на службе у австрийского государства, и на турок мне наплевать, но уж что я знаю - то знаю.

- Ну, тогда знайте то, чего не знаете! - вновь обрел голос Янош Фабула. - Преследует нас турецкий корабль, ясное дело, и в проток этот мы перебрались лишь затем, чтобы сбить турок со следа. А вся беда в том, что барышню эту белолицую собирались забрать в гарем султану, да отец ее воспротивился, вот и пришлось из Турции бежать. И для нас теперь наипервейшая задача поскорее на венгерской земле очутиться, а там уж султан не посмеет их преследовать... Вот, значит, я вам все как на духу выложил, и вы ко мне с расспросами больше не приставайте. Шли бы лучше к преславному образу святой Варвары, и ежели волной загасило лампаду, то не грех бы снова ее затеплить. Да не забудьте возжечь три веточки освещенной вербы, ежели, конечно, вы правоверный католик.

"Блюститель" достал из кармана огниво и, прежде чем уйти, не спеца отвечивал рулевому:

- Я-то, конечно, правоверный католик, а вот про вас рассказывают, будто вы на корабле папист, а на суше кальвинист. Пока по воде плывете - молитесь, а сами ждете не дождетесь поскорей бы на берег да всласть выбраться, чтобы душу отвести. И еще поговаривают, что не зря вас Янош Фабула кличут: фабула по латыни означает "сказка". Ловко вы мне тут наплели, но я, конечно, всему поверил, так что уж вы на меня не сердчайте.

- Вот так-то оно лучше. А теперь ступайте восвояси и сюда больше не показывайтесь, пока сам не позову.

*

Двадцати четырем гребцам понадобилось три часа, чтобы с того места, где их впервые заметили со "Святой Варвары", добраться до периградского острова, у которого Дунай делится на два рукава. Скалистые массивы острова целиком скрывали русло реки вверх по течению, и с канонерки невозможно было разглядеть, что происходит за скалами.

Уже на подходе к острову турки увидели плавающие корабельные останки, выброшенные на поверхность воды бурным водоворотом. Правда, то были обломки затонувшей мельницы, но поди тут разбери, корабль ли потерпел крушение или какая другая деревянная постройка развалилась.

Как только канонерка миновала Периграду, глазам турок предстал широкий рукав Дуная, обозримый на полторы мили.

Ни одного грузового судна не было видно ни на реке, ни на прибрежной стоянке. У берега колыхались на воде лишь рыбацкие лодки и плоскодонки.

Канонерка поднялась еще выше по течению, крейсируя в некоторых местах до середины Дуная и вновь возвращаясь к берегу. Турецкий судовой офицер выспрашивал у береговых стражников про грузовое судно, шедшее впереди. Но стражники ничего не видели, никакое судно мимо не проходило.

Поднявшись еще выше, турки настигли погонщиков "Святой Варвары". Командир канонерки и их подверг расспросам.

Погонщики - добрые, славные сербы - как следует просветили турок, где им искать "Святую Варвару".

"Была, да сплыла: поглотил ее периградский омут с людьми, с поклажей, вот видите, даже трос оборвался".

Турки опустили погонщиков, и те побрели дальше с громкими причитаниями: кто, мол, теперь станет с ними расплачиваться? (А сами у Оршовой вновь встретятся со "Святой Варварой" и потянут судно дальше.) Канонерке не оставалось ничего другого, кроме как повернуть несолоно хлебавши и плыть вниз по течению.

Возвратясь опять к периградскому острову, турки увидели пляшущую на волнах доску, которую почему-то не уносило течение. Выловили доску из воды и обнаружили, что в нее вбит железный крюк, от которого тянулся вниз канат: то была доска от лопасти мельничного колеса. Когда вытянули канат, оказалось, что на конце у него прикреплен якорь; втащили Якорь на борт: на якорном стрегне крупными буквами было выжжено название судна - "Святая Варвара".

Как разыгралась катастрофа, было яснее ясного. Сперва лопнул трос, с помощью которого тянули "Святую Варвару"; судно бросило якорь, но якорь не выдержал нагрузки, корабль угодил в водоворот, и вот теперь его обломки плавают на волнах поверху, а люди покоятся на дне в глубокой каменной могиле.

- О, Аллах милосердный! Дозволь нам не следовать туда за ними.

Пристрастный досмотр.

Двух опасностей - острых скал Железных Ворот и столкновения с турецкой канонеркой - "Святой Варваре" удалось избежать; оставались еще две: бора и карантин в Оршове.

У Железных Ворот вздымающиеся по обе стороны Дуная отвесные скалы втискивают гигантскую реку в узкую, сто саженную горловину; устрашающий поток несется меж каменных стен, образуя водопады, и в иных местах низвергается с высоты двадцати восьми футов.

Скалистые утесы словно бы слагаются из разных пластов, чередуя желтые, красноватые, зеленые оттенки, а верхний выступ их, подобно взлохмаченному зеленому чубу, венчают девственные леса из деревьев всевозможных пород и видов.

В вышине, ее - над скальными пиками, величественно - спокойно парят горные орлы, выписывая круги на узкой полоске неба; его незамутненная голубизна отсюда, из смертоносной глубины ущелья, кажется хрустальной. А мощные скалы, устремившиеся вверх на три тысячи сажень, по мере продвижения судна становятся все выше.

Зрелище сие поистине способно раздосадовать нечистую силу: в узком каменистом русле плывет беспомощное суденышко, нагруженная до краев ореховая скорлупка; нет у этого хлипкого сооружения ни рук, ни ног, ни плавников, и все же оно упрямо движется против течения, движется веред, неся на борту кучку людей. Гордых своим умом, отвагой, красотой. Здесь против людей бессильна даже бора: два ряда каменных стен укрывают их от ветра.

Рулевому и погонщику лошадей сейчас приходится куда легче.

Однако бора начеку!

Перевалило далеко за полдень. Рулевой передал правило своему помощнику, а сам устроился на корме подле очага; развел огонь и принялся готовить "разбойничье жаркое". Для этого требуется особое умение: на длинный деревянный вертел насаживают вплотную друг к другу кусочек говядины, кусочек сала, свинины и снова в той же самой последовательности, а затем, непрестанно поворачивая, поджаривают на открытом огне, покуда мясо не станет съедобным. И вдруг узкая полоска неба меж двух почти смыкающихся каменных стен мгновенно потемнела.

Бора напомнила о себе: буря разыгрывается с такой стремительной силою, что в мгновение ока застилает голубеющую полоску небосвода и в ущелье воцаряется ночной мрак. Вверху теснятся грозные тучи, по обеим сторонам ущелья вздымаются угрюмые стены. Время от времени небо

прорезают зеленоватые зигзаги молний, оглушительные раскаты грома внезапно распадаются, не успев отгреметь до конца: глубокая теснина способна ухватить лишь один аккорд из этого мощного органного звучания. Но вот молния ударяет в Дунай перед самым носом корабля, ее нестерпимый блеск на миг адским пламенем озаряет каменный храм, а сокрушительный громовой грохот проносится вдоль гулкого ущелья, словно возвещая конец света. Дождь льет как из ведра.

Но корабль, несмотря ни на что, должен идти вперед. Он должен плыть, чтобы ночь не застала его в Оршове.

Вокруг - тьма непроглядная, увидеть что-либо можно лишь при вспышке молнии; подавать сигналы с помощью рожка - нельзя, его звуки слышны не только на румынском берегу. Однако, если у человека голова на плечах, он и в таком положении не растеряется.

Комиссар встает на носу корабля и, вынув кресало и огниво, высекает огонь.

С этим огнем ливню не совладать; он виден погонщикам на берегу даже сквозь густую завесу дождя - знай себе вспышки считай, а по числу их сообразишь, что тебе делать велят. Такими же вспышками и с берега подают ответ, - этой тайной телеграфической связью пользуются корабельщики и контрабандисты Железных Ворот. Отрезанные друг от друга обитатели двух берегов достигли невероятного совершенства в этом немом языке.

Тимее зрелище бури доставило удовольствие.

Натянув на голову капюшон своего турецкого одеяния, она выглянула из окна каюты и обратилась к судовому комиссару.

- О, да никак мы в склепе?

- Нет, - ответил Тимар, - но в преддверии его. Видите вон ту высокую скалу, что при каждой вспышке молнии сияет, как огненная? Это могила святого Петра, Grop lui Petro. А два каменных идола подле него - две старухи.

- Какие такие старухи?

- Народная молва гласит, что некогда две женщины - мадьярка и румынка - затеяли свару: каждая из них пыталась доказать, будто бы могила святого Петра находится на ее исконной земле. Своими криками они потревожили вечный сон апостола, и тот во гневе обратил спорщиц в камни.

Тимею не рассмешила эта забавная деталь народного мифа. Ведь она даже понять не могла, в чем тут шутка.

-А откуда известно, что это могила апостола? - спросила девушка.

- На этом месте растет множество лекарственных трав, лечащих самые различные болезни. Травы эти собирают и развозят по дальним странам.

- Значит, апостолом называют того, кто даже за гробом творит добро людям? Допытывалась девушка.

- Тимея! - послушался из каюты повелительный окрик Евтима.

Девушка втянула голову в окошко и опустила жалюзи. Тимар, обернувшись, увидел лишь святой образ.

Судно наперекор грозе плыло вперед.

И вдруг выбралось из мрачного каменного склепа.

А как только скалистые стены раздвинулись, мрачный свод в вышине тоже очистился. С той же быстротой, с какою бора принесла непогоду, она погнала вихрь и громы прочь, и взору путешественников предстала вдруг во всей своей красе долина Черна. Склоны обоих берегов покрыты виноградником и фруктовыми садами? Освещенные лучами заката, в зеленой дали виднелись белые домики, стройные башни с красными крышами, а сквозь прозрачно-хрустальные капли дождя сияла радуга.

Дунай утратил свой устрашающий вид; вырвавшись на широкий простор, он вновь обрел приличествующее ему русло, и среди простирающейся к западу сапфирово-синей водной глади показалась перед путешественниками выстроенная на острове Оршова.

Четвертая и самая страшная опасность для корабля!..

Солнце опустилось за горизонт, когда "Святая Варвара" подошла к Оршове.

- Назавтра жди ветра покрепче! - пробурчал рулевой, глядя на багровое небо.

По закатному небосводу словно разлились потоки раскаленной лавы, захлестывая друг друга и отливая всеми оттенками пламени и крови, а когда пылающая облачная завеса в одном месте вдруг прорвалась, проглянувший сквозь отверстие клочок неба казался не синим, а изумрудно-зеленым. Горы, долина, лес, селение - все было озарено огненным светом небосвода, мучительным сиянием, не отбрасывающим тени, в центре - Дунай, подобный огненному Флегетону, а посреди него остров в колокольнях и массивными домами, и все эти строения раскалены, словно составляют собою огромную плавильную печь, через которую, как через чистилище, надлежит пройти каждому человеческому созданию, намеревающемуся преступить границу меж зачумленным востоком и чистыми от скверны западными землями.

Однако в этом зловещем огненном зареве тягостнее всего действовала на нервы небольшая, выкрашенная в желто-черные полосы лодка, приближавшаяся к судну со стороны Скелы.

Скела - это двойная решетка, через которую дозволено переговариваться, торговаться, заключать друг с другом сделки жителям соседних стран с обоих берегов Дуная.

"Святая Варвара" стала у острова на якорь, поджидая приближающуюся лодку. В лодке сидело трое вооруженных людей, причем двое из них - при ружьях со штыками, а кроме того, двое гребцов и рулевой.

Евтим беспокойно расхаживал взад-вперед по маленькой площадке перед каютой. Тимар, подойдя к нему, негромко доложил:

- Таможенный наряд едет.

Евтим вытащил из-за кожаного кушака шелковый кошелек, достал оттуда два свертка трубочкой и вручил их Тимару.

В каждой трубочке было по сто золотых.

Лодка вскорости причалила к судну, и трое вооруженных мужчин взошли на борт.

Один из них - таможенный досмотрщик, инспектор, в задачи коего входит проверка судового груза: нет ли там контрабандного товара или запрещенного к перевозке оружия. Два других доблестных мужа - финансовые инспекторы, отряженные в качестве вооруженной подмоги, а равно и для контроля над самим досмотрщиком, что досмотр произведен им со всем тщанием.

"Блюстителю" же выступает в роли полуофициального соглашения, присматривая за обоими инспекторами, чтобы те как следует проверяли досмотрщика. Ну, а вся вооруженная троица вместе взятая составляет официальный трибунал, коему вменено в обязанности подвергать допросу "блюстителя", не замечено ли за путешественниками чего подозрительного, не пристала ли к ним моровая язва.

Ну, чем не совершенная система? Один чиновник проверяет другого, и таким образом все должностные лица оказываются друг у друга под надзором.

За эту официальную процедуру положено вознаграждение? Сто крейцеров таможенному инспектору, финансовым инспекторам по двадцать пять на брата, и полсотни "блюстителю".

Цены - согласитесь - божеские!

Досмотрщик ступает на борт, "блюстителю" идет ему навстречу. Таможенник чешет ухо, "блюстителю" почесывает нос. Более они между собой и не общаются.

Тогда досмотрщик поворачивается к судовому комиссару, а финансовые инспекторы примыкают к ружьям штыки. Но по-прежнему держатся на расстоянии: как знать, не подцепишь ли от комиссара заразу?

Начинается допрос.

- Откуда? - Из Галаца. - Владелец судна? - Атанас Бразович. - Владелец груза? - Евтим Трикалис. - Подтверждающие документы?

Вручение бумаг производится с должной предосторожностью.

На мостике устанавливается жаровня с древесным углем, куда насыпают сосновые семена и полынь; каждую бумагу, подлежащую проверке, сперва окуривают со всех сторон, затем

таможенный инспектор ухватывает ее металлическими щипчиками, прочитывает, держа на изрядном расстоянии, после чего возвращает.

К судовым документам пока что придинок нет.

Жаровню уносят, а на ее место ставят кринку с водой.

Собственно говоря, это и не кринка, а большущий глиняный кувшин, с таким широким горлом, что туда любой кулак пролезет. А как же иначе, если на этом основан способ передачи законного вознаграждения!

Как известно, распространенная на Востоке моровая язва легче всего передается именно через монеты. А посему прибывающий с Востока корабельщик первым делом должен погрузить мзду в кувшин с водой, откуда хранитель западной чистоты достает из уже очищенными. Таково общее правило: у Скелы все переходящие из рук в руки деньги надлежит вылавливать из сосуда с водой.

Тимар погружает в кувшин стиснутый кулак. А вынимает руку, разжав пальцы.

Затем туда же запускает пятерню досмотрщик: вытаскивает сжатый кулак и засовывает его в карман.

Опытному инспектору нет надобности разглядывать при огненном зареве неба, что за монеты достались ему на сей раз: он чувствует на ощупь, ощущает по весу, - золото может отличить даже слепой. Однако он не выдает себя ни единой черточкой лица.

Настает черед финансовых инспекторов. Те также с подобающей должностным лицам серьезностью вылавливают со дна кувшина предназначенную им мзду.

Затем вперед протискивается "блюстителю чистоты". Выражение лица у него суровое, даже грозное. Ведь достаточно одного его слова, и судно вкупе со всеми путниками на десять, а то двадцать дней застрянет в карантине. Однако и у этого стража законности, когда он запускает руку в кувшин и вытаскивает ее обратно, лицо не меняет выражения.

Оно и немудрено: все они - люди хладнокровные, помышляющие сугубо о выполнении служебного долга.

Досмотрщик строжайшим тоном требует открыть доступ в трюм. Требование его удовлетворяется, и трое заходят внутрь корабля; из корабельной команды присутствовать при досмотре никому не положено. Оставшись с глазу на глаз, все трое сбрасывают напускную суровость и ухмыляются друг дружке; "блюститель" пребывает на мостике в одиночестве и улыбается самому себе, пряча улыбку под башлыком.

Инспекторы развязывают первый попавшийся мешок наугад - а там и в самом деле пшеница. - Да-а, пшеница-то сорная! - глубокомысленно замечает таможенный досмотрщик.

По всей вероятности, в остальных мешках также находится пшеница и вся она, надо думать, одинаково сорная. При проверке составляется протокол; один из вооруженных господ держит при себе письменные принадлежности, другой - книгу протоколов, куда и заносятся результаты осмотра. Сверх того таможенный досмотрщик пишет несколько строк на отдельном листке, складывает его, запечатывает официальной печатью, однако же адреса не подписывает.

Затем, дотошнейшим образом обшарив каждый уголок-закоулок, где совершенно невозможно обнаружить какой бы то ни было подозрительный предмет, трое инспекторов вновь показываются на белый свет. А точнее говоря, на лунный свет, так как солнце успело скрыться окончательно, и сквозь несущиеся облака проглядывает кривая физиономия луны, делающей вид, будто это она во всю мочь несется по небу, то скрываясь за неплотной завесой облаков, то выныривая оттуда.

Таможенный досмотрщик велит позвать судового комиссара и строгим, официальным тоном доводит до его сведения, что запретного товара на судне не обнаружено; столь же непререкаемым тоном он призывает "блюстителя чистоты" доложить о санитарном состоянии судна.

"Блюститель", сославшись на официальную присягу, подтверждает, что все сущее на корабле лишено какой бы то ни было скверны.

Тогда комиссару выдается свидетельство о том, что судовые документы оформлены по всем правилам. Одновременно составляются расписки в получении мзды: сто крейцеров таможенному досмотрщику, по двадцать пять обоим финансовым инспекторам и пятьдесят "блюстителя". Двести крейцеров тютелька в тютельку. Расписки пересылаются владельцу груза, который за все это время из своей каюты и носа не высунул - он занят ужином. От него требуется обратная расписка о переданных им суммах.

Сверив расписки с обратными расписками, владелец груза и строгие блюстители закона смогут удостовериться в том, что судовой комиссар действительно передал доверенные ему деньги полностью и ни единого крейцера себе не присвоил. Но крейцеры-то ведь не простые, а золотые!

Что греза таить, шевельнулась было у Тимара мысль: вздумай он, к примеру, вместо полсотни золотых, предназначенных для этого грязнули "блюстителя" (куда ему столько?); сунуть в кувшин только сорок монет, никому сроду не дознаться, что он присвоил себе десять золотых. Он смело мог бы удержать хоть половину всей суммы --кто его проверит? Те, кому эти деньги предназначены, даже половинной суммой были бы вознаграждены с лихвою.

Однако искусительной мысли тотчас же сыскалось возражение:

"То, что ты сейчас проделываешь, есть самый настоящий подкуп. Но взятку ты даешь не из своих средств: Трикалис - лицо заинтересованное, вот он и выкладывает денежки. Твое дело только передать, а стало быть, и виновен ты не больше, чем кувшин с водой. Чего ради подкупает досмотрщиков Трикалис - тебе неизвестно. Может, на судне спрятана контрабанда, может, скрывается политический беженец, а может, герой некоего романтического приключения не жалеет денег, лишь бы поскорее уйти от преследования. Все это не твоя забота. Но если хоть одна-единственная монета пристанет к твоим рукам, ты окажешься соучастником любого греха, который, возможно гнетет душу этого человека. Не оставляй себе ни крейцера из этих денег".

Досмотрщик дал разрешение кораблю продолжать путь, в знак чего велел поднять на мачте бело-красный флаг с черным орлом⁴.

А затем, коль скоро официально было признано, что идущий с востока корабль никакой заразой не опасен, досмотрщик безо всякого омовения пожал руку судового комиссара и сказал ему:

- Вы ведь житель Комарома, верно? В таком случае вам нетрудно будет отыскать господина Качуку, он там главный по интендантской части. Как только доберетесь домой, передайте ему это письмецо. Адреса на нем, правда, нет, но он вам без надобности. Имя вы не забудете, оно напоминает название испанского танца. Вручите ему это письмо, не пожалеете.

С этими словами он милостиво похлопал комиссара по плечу, словно тот по гроб жизни должен быть ему благодарен, после чего все четверо посторонних убрались с судна; сели опять в свою желто-черную полосатую лодку и поплыли обратно к Секеле.

"Святая Варвара" могла беспрепятственно продолжать свое плаванье по Дунаю, и будь она сверху донизу забита мешками с солью, кофе. Турецким табаком, а ее пассажиры с головы до пят покрыты черной оспой и ли проказой, никто не посмел бы ее задержать.

Не было на судне ни контрабандного товара, ни моровой язвы, зато было кое-что другое....

Тимар, пряча в бумажник послание без адреса, гадал про себя, что же там может быть написано. А там было написано следующее:

"Кум! Настоятельно рекомендую твоему вниманию подателя сего письма. Это золотой человек!".

⁴ Государственный флаг Австрии

Ничей остров.

Оставленные на сербском берегу погонщики, воспользовавшись парами, вместе с тягловым и лошадьми той же ночью перебрались на венгерский берег; обрубленную бечеву они прихватили с собою, распространяя по пути слух, будто бы в опасном месте, у периградского водоворота, бечева оборвалась сама и судно вкупе с людьми и грузом пошло ко дну.

А наутро в Оршове о "Святой Варваре" не было ни слуху ни духу. Даже если бы капитана турецкой канонерки случаем осенила мысль подняться вверх по центральному каналу Железных Ворот хотя бы и до самой Оршовой, его поиски не увенчались бы успехом, а уж за пределами Оршовой Вплоть до Белграда в его власти лишь половина Дуная - На венгерском побережье он не волен распоряжаться. Только лишь крепость на острове Новая Оршова принадлежит туркам.

"Святая Варвара" покинула окрестности Оршовой в два часа пополудни. Ветер после полудни обычно устраивал себе передышку, и надобно было использовать благоприятную погоду. Корабельщикам - чтоб работалось веселее - выдали двойную порцию палинки, и когда Оршова осталась позади, утреннюю тишину вновь огласили меланхолические звуки корабельного рожка.

Отплытие произошло в совершенном безмолвии, лишь в Новой Оршове протяжными возгласами перекликались меж собой турецкие часовые на крепостных стенах. Корабельный рожок подал сигнал только после того, как даже пик Аллион скрылся за другими мощными скалами.

При звуках рожка Тимея показалась на пороге каюты, где она проспала несколько часов, и, накинув белый бурнус, прошла в носовую часть корабля в поисках отца, который всю ночь так и не прилег, даже не зашел в каюту и - что самое странное - ни разу не закурил трубку. Ночью на судне нельзя было зажигать огонь, чтобы не привлечь внимание сторожевых в новооршовской крепости.

Тимея чувствовала, что должна исправить свой промах, и теперь уже она сама обратилась к Тимару, выпрашивая его о встречающихся на пути достопримечательностях. Инстинкт детского сердца подсказал ей, что она обязана этому человеку благодарностью.

Сумерки застали корабль в окрестностях Оградины; там-то и обратил судовой комиссар внимание Тимеи на исторический памятник восемнадцативековой давности: скрижаль Траяна. Каменную таблицу, высеченную на крутой скальной стене, поддерживают два крылатых амура, уголки ее окружены дельфинами, а в самой скрижали перечислены заемные деяния богоподобного императора.

Тимар протянул Тимее бинокль, чтобы девушка смогла прочесть высеченные на скале строки. - Но я не знаю этих букв! - молвила Тимея.

Буквы скрижали были латинские.

Когда вершина мощной горы Стербец на сербском берегу скрывается из виду, следует очередной скалистый коридор, втискивающий Дунай в стремнину пятисот десяти футов шириною. Это ущелье носит название "Казан". По обе стороны его тянутся крутые каменные стены высотой в две-три тысячи футов, скалистые изгибы которых теряются в нежно-опаловой дымке. Из пещеры в одной из этих крутых скалистых стен с высоты в тысячу футов низвергается ручей, подобный тонкому серебристому лучу, и распыляется в туман, прежде чем успевает достигнуть дунайских вод. Скалы по обе стороны тянутся сплошной стеной; лишь в одном месте утесы расступаются, и из мрачного горного ущелья сквозь расселину открывается дивный вид: цветущий край, вдали маячит стройный, белый шпиль. Это Дуброва - там уже Венгрия.

Тимея не сводила глаз с этой чарующей картины, пока корабль не миновал расселину и суровые утесы вновь не сомкнулись стеной, погрузив в тень глубокое ущелье.

- Мне кажется, - сказала Тимея, - будто бы я по длинному-предлинному тюремному коридору пробираюсь в страну, из которой нет возврата.

Стены по бокам становились все выше, дунайская вода на дне ущелья приобретала все более мрачный оттенок, и, дабы завершить эту суровую панораму, к северу, в отвесной скале вырисовывалась пещера, устье которой было укреплено бруствером с бойницами для пушек.

- Это пещера Ветеранов! - поясняет комиссар Тимее. - Здесь сто сорок лет назад три сотни людей с пятью луками сражались против целой армии турок и держали оборону сорок дней. Тимея покачала головой.

А комиссар продолжал:

- И сорок лет сравнялось с тех пор, как наши вновь отстояли эту пещеру в кровавой борьбе против турок. Две тысячи врагов сложили свои головы у подножья этих скал.

Тимея нахмурил свои тонкие брови и таким ледяным взглядом пронзила рассказчика, что у того вмиг замерли на устах похвалы ратным подвигам венгров. А девушка, прикрыв лик бурнусом, повернулась к Тимару спиной, ушла к себе в каюту и до самого вечера не показывалась оттуда.

Лишь из окошка каюты она наблюдала, как вдоль берега сменяют друг друга развалины крепостей, старинные массивные сторожевые башни, покрытые лесом скалы в долине Клисура, смотрела, как посреди Дуная встают навстречу судну гигантские утесы, трескавацкая каменная гряда, водопадом за нею, и тридцатисаженный Бабагай с его иссеченными склонами.

Не спрашивает Тимея, какова история вон той восьмигранной крепостной башни и по соседству трех башен поменьше, обнесенных бастионом. А ведь поинтересуйся она, и могла бы услышать историю прекрасной Цецилии Розгони и военных походов Жигтода, короля венгров, узнать о падении бывшего мадьярского величия. Ведь перед нею - развалины крепости Голубац.

Оба скалистых берега от начала до конца являют собой историю - историю двух народов, по прихоти судьбы избранных для того, чтобы уничтожать друг друга, и здесь происходило их первое столкновение. Берега эти - сплошные, длинные катакомбы, хранящие останки сотен и сотен тысяч героев.

Ни в тот день, ни на завтра Тимея больше не выходила из каюты, чтобы побеседовать с Тимаром. В свой альбом для набросков она зарисовывала отдельные пейзажи; корабль шел тихим ходом, давая ей возможность свободно писать с натуры.

Минуло трое суток, прежде чем судно добралось до того места, где в Дунай впадает Морава. В устье реки расположена крепость Смедерево. На тридцати шести ее башнях также не раз сменяли друг друга хоругви с изображением Пресвятой Девы и знамена с полумесяцем, а ее бурые стены обагрjali своей кровью сыны самых разных народов.

В устье другого рукава Моравы рушатся под натиском времени голые стены старой крепости Кулич, а за островом Острова на вершине горы видны крепостные развалины Рамы, - сплошь гигантские каменные надгробья.

Однако сейчас недосуг разглядывать исторические руины и сокрушаться над минувшей славой наций, ныне пришедших в упадок: у путников своих бед и хлопот хватает.

По мере того, как открывается Венгерская равнина, северный ветер с такою силой набрасывается на судно, что погонщики на берегу не в состоянии его удержать; корабль того гляди вышвырнет на противоположный берег.

Ничего не попишешь, дальше плыть нельзя!

Трикалис о чем-то пошушукался с Тимаром, и тот направился к рулевому.

Мастер Фабула закрепляет правило канатом и покидает свой пост.

Затем отзывает гребцов из шлюпки и кричит на берег погонщикам, чтоб те остановились: сейчас не поможешь ни греблей, ни тягловой силой.

Прямо перед судном стоит остров Острова; длинная, острая коса врежется в Дунай, северная часть острова, крутая и обрывистая, поросла огромными старыми ивами.

Теперь у корабельщиков задача - переправить судно к южному берегу острова, где "Святая Варвара" могла бы, как в гавани, спастись от северного ветра и скрыться от любопытных

людских глаз. Ведь тот более широкий рукав Дуная, который охватывает остров со стороны Сербии, изобилует отмелями, бродами и считается несудоходным.

Однако подобраться к южной стороне острова не так-то просто.

Лошадьми корабль туда не перетянешь - вдоль берега нет подходящей дороги; известен, правда, корабельщикам и другой прием: пустить лошадей против течения вскачь и резко перерубить натянутую бечеву - тогда судно, получив толчок, само отлетает к противоположному берегу. Однако же и этим способом не воспользуешься: из-за сильного ветра судну не пройти против течения. Единственная надежда на "перематывание троса". Корабль бросает якорь посреди Дуная, лошадей выпрягают и бечеву втаскивают на палубу. Затем к концу троса прикрепляют другой якорь и загружают его в шлюпку; гребцы плывут по направлению к острову и, когда трос кончается, бросают якорь и возвращаются на судно. Теперь первый якорь вытаскивают из воды, а трос второго прикрепляют к вороту, и четверо мужчин начинают сматывать его.

Трос постепенно наматывается на ворот, и корабль медленно продвигается к опущенному на дно реки якорю. Тяжкий, изнурительный труд!

Когда судно подходит к сброшенному якорю, корабельщики вновь грузят вторую "кошку" в шлюпку, плывут вперед, снова бросают якорь, а канат от него опять наматывают на ворот. Так, ценой мучительных усилий, шаг за шагом движется судно против течения, против бешеного ветра. Этот прием и называют "перематыванием троса".

Проходит не меньше полдня, прежде чем с помощью одной лишь человеческой силы удастся перетащить тяжелое, груженое судно с середины Дуная в проток за мысом острова.

Для те, кто трудится, время это будет долгим и изнурительным, а для тех, кто наблюдает за работой. - скучным.

На судне в такую пору и правда нечем развлечься.

Судоходный рукав Дуная, где попадались встречные корабли, где однообразие пути скрашивали развалины старинных крепостей и вереницы грохочущих мельниц вдоль берегов, остался позади; "Святая Варвара" забралась в укромный залив, защищенная справа вытянутым в длину пустынным островом - на первый взгляд, кроме ив и осоки здесь и нет другой растительности, да и никаких признаков человеческого жилья на берегу не видно; слева же дунайская вода как бы теряется в зарослях темного камыша, и лишь на небольшом пятнышке возвышаются серебристые тополя, напоминая о близости суши.

В этом приюте тишины, не омраченной присутствием человека, отдыхает "Святая Варвара".

Однако беды путешественников не кончились: иссякли все запасы провианта. Отправляясь из Галаца, корабельщики рассчитывали сделать, как обычно, длительную остановку в Оршове и закупить свежей провизии, но оттуда пришлось удалиться ночью и к тому же поспешно, так что теперь на судне не оставалось съестного, если не считать горстки кофе и сахара, ну и коробки турецких сладостей - засахаренных фруктов. Впрочем, коробка эта принадлежала Тимее, а девушка предназначала ее кому-то в подарок и не желала открывать.

- Ничего страшного, - успокаивал путников Тимар. - На каком-нибудь из двух берегов да сыщется хоть одна живая душа. Барашки и козлята пока что не перевелись в этих краях, за деньги все можно раздобыть.

Но тут обнаружилось еще одно осложнение. Едва успели поставить судно на якорь, как вздымаемые ветром волны подвергли его качке. У Тимеи разыгралась самая настоящая морская болезнь, девушка была сама не своя от приступов дурноты и страха.

Следовало поискать и какого-нибудь прибежища, где Тимея вместе с отцом могла бы спокойно провести ночь.

Тимар острым взглядом заметил, что над верхушками деревьев, растущих среди камыша, подымается тонкая струйка дыма. Стало быть, там человеческое жилье.

- Взгляну-ка я, кто там обитает!

Была на судне лодка-душегубка: комиссар пользовался ею при охоте, если приходилось простаивать без дела и можно было пострелять диких уток.

Тимар спустил лодку на воду, прихватил с собой ружье, ягдташ и бредень - никогда не знаешь, что подвернется: дичь или рыба, - и в одиночку поплыл к камышам, подгребая и правя веслом. Будучи опытным охотником и пловцом, он вскорости отыскал проход в камышовых зарослях, а дальше водяные растения подсказывали ему дорогу. Там, где на поверхности воды колыхнутся листья нимфеи, поддерживая зеленовато-белые чашечки цветов, - до дна не достать, так как почва вместе с растительными остатками течением уносится прочь; в иных местах водная гладь подернута зеленой ряской, из этого бархатного ковра вытарчивается омежник, дьявольское порождение растительного мира; синий, круглый, надутый, по виду он напоминает кольраби, а для любого животного - смертельный яд. Лопается, как гриб-дождевик; стоило Тимару задеть одну "кочерыжку" веслом, и из нее словно синеватые искры посыпались, разметывая по сторонам ядовитую пыльцу. Корнями растение это уходит в вонючий ил, способный засосать ненароком забредшего сюда человека или зверя. Природа отвела этому виртуозному убийце такое место, где он лучше всего укрыт. Там же, где водяной лаконос обвивает увенчанные султаном стебли камыша, где прекрасные зонтичные соцветья сусака грациозно клонятся среди зелени рогоза, почва на дне каменистая, какую не всегда встретишь под водой. Ну и наконец, попадаете место, где горец и манник образуют густые заросли; пробравшись через них, Тимар обнаруживает, что поля его шляпы сплошь усеяны мелкими зернышками - это и есть еда бедняков, степная манна; трава эта лишь нижней частью стебля уходит под воду, а значит, путник вот-вот выберется на твердую землю.

Если язык этих растений не знаком лодочнику, ему ничего не стоит заблудиться в камышовых зарослях так, что за день оттуда не выберешься.

Продравшись сквозь эти заросли с их розоватыми опахалами, образующие здесь настоящие джунгли. Тимар нашел то, что искал: остров.

Остров этот был наносного и весьма недавнего происхождения, его пока еще не обнаружишь даже на новейших картах.

В русле правого рукава Дуная из воды долгое время торчала каменная гряда, в низовье которой ленивый поворот течения намыл отмель. Потом, во время большого весеннего половодья лед обрушился на остров Острову, отторгнув от него выступ и увлекая за собой землю, камни и чуть ли не целый лес деревьев; этот гигантский ком льда, камней и древесных стволов застрял на мели на скалою да так там и остался. А затем в течение полувека из года в год весенним паводком сюда наносило новые и новые слои ила, за счет новых заторов из камней расширялась территория, на почве, удобренной сгнившими стволами деревьев, пробилась буйная девственная зелень и разрослась невероятно быстро; и образовалось на этом месте творение природы новейших времен, безымянный остров. Он никому не принадлежит, не властвует над ним ни помещик, ни король, ни светский владыка, ни духовный; не причислен он ни к одной стране, ни к какому комитату⁵ или к церковному приходу. На турецко-сербской границе сыщется немало таких райских уголков, где никто не пашет, не косит и скотину не пасет. Здесь полное раздолье дикорастущим цветам да зверям. И бог знает, кому еще...

Северный берег острова со всей очевидностью подтверждает его происхождение. Речные камни там сгрудились целыми завалами, иные из камней размером с человеческую голову или с бочонок; промежутки меж ними заполнены камышовыми корнями и древесной трухой, мелководные заводи сплошь усеяны зелеными и коричневыми дунайскими раковинами. Илистый береговой склон весь изрыт отверстиями, напоминающими маленькие кратеры, куда при звуке приближающихся шагов поспешно прячутся сотни черепах.

По всей своей протяженности берег покрыт низкорослыми кустами краснотала; каждый год во время ледохода их начисто срезает льдом. Здесь Тимар вытащил на берег свою лодчонку и привязал ее к стволу ивы.

⁵ Комитат - единица административного деления в Венгрии

Направляясь в глубь острова, Тимар вынужден был продираться сквозь нетронутые заросли гигантских ив и тополей, зачастую поваленных бурей; бурелом густо оплетен колючими вьющимся плетями ежевики, а пряный аромат валерианы, разросшейся на торфянистой почве, смешивается с лекарственным запахом тополей.

В глубокой низине, где не растут ни кусты, ни деревья, под ногами хлупает вода, буйной травой укрытая от глаза, горделиво возносят зонтики своих соцветий сочные стебли бутня и пахнущий корицей ветреник; отдельной группкой, словно обособленная аристократия флоры, красуется вымахавшая в сажень черная чемерица с огненно-красными цветами; в траве густо разрослись незабудки, ярко пестреют красные медоносные цветы окопника. Не удивительно, что в дуплах трухлявых ив роится такое множество диких пчел. А среди цветов выделяются зеленые, коричневые, красные шары, напоминающие какие-то диковинные плоды; не каждый человек разберет, что это такое. А между тем перед ним - семенные коробочки луковичных растений, отцветших весной.

Цветущую лужайку вновь сменяют густые заросли - на сей раз ивняк и тополя вперемежку с дикой яблоней, а нижний ярус порос боярышником. Это уже более высокое место.

Тимар остановился, прислушиваясь. Ни шороха, ни шума. Млекопитающих на острове нет - они гибнут во время паводка. Тут обитают лишь птицы, крылатые насекомые да пресмыкающиеся.

Но и из птиц сюда не заманишь ни жаворонка, ни дикого голубя, - им на острове не прижиться, им надобно место вблизи человека, где пашут и сеют.

И все же существуют два вида живых тварей, кто даже на пустынном острове выдает присутствие человека: оса и желтый дрозд. Оба они питают пристрастие к садовым плодам.

Там, где с деревьев свисают большущие осиные гнезда, а желтый дрозд в перелеске заливается зазывными трелями, непременно должно быть саду.

Тимар двинулся на посвист дрозда. Насилу продрался сквозь колючие заросли боярышника и кизила, своими острыми шипами нещадно пронзающими тело даже сквозь одежду, и внезапно замер на месте, как замороженный. Он увидел перед собою сущий рай.

Хорошо ухоженный сад хольдов в пять-шесть, с плодовыми деревьями, высаженными хоть и не рядами, но правильными группами; ветви клонятся к земле под тяжестью золотистых, румяных яблок и груш; сливовые деревья стоят как обсыпанные и похожи на гигантские букеты роз или лилий; в траве под ногами стелется сплошной ковер из паданцев: урожай столь обилен, что их даже не подбирают. Кусты малины, смородины, крыжовника сплелись в густые заросли, а промежутки меж развесистых деревьев заполняют свисающие книзу, усыпанные золотистыми плодами ветви еще одного фруктового дерева - сидонского яблока, или айвы.

В лабиринте плодовых деревьев не проложено тропинок, все пространство под ними густо поросло травой.

А сквозь просвет между деревьями прищельца манит к себе цветник, составленный из восхитительных полевых цветов, каких не встретишь в обычных садах. Островки синих колокольчиков, блестящие, шелковистые опахала ваточника, крапчатые лилии, кровавые грозди ипомеи, дивные офрисы с их похожими на бабочек цветами - все эти незатейливые полевые растения, каким-то непостижимым образом превращенные в садовые культуры, свидетельствуют о присутствии здесь человека. И окончательным подтверждением служит и само жилище, из трубы которого струится дым.

Скромное обиталище это выглядит весьма своеобразно. Позади него находится огромная скала, а в скале есть углубление; по всей видимости, там кухня, где стоит очаг, и оттуда же ведет спуск в нижнюю пещеру, служащую подвалом. На вершине скалы виднеется труба, откуда выходит дым. К скале прилепилось и собственно жилище, сооруженное из камня и самана; в нем два окна и две комнаты. Одно окошко поменьше, и одна из комнат пониже; обе крыты камышом. К этой части жилья сбоку приделано деревянное крыльцо, образующее открытую террасу, затейливо украшенную неумело сколоченными деревянными обломками.

Впрочем, совсем не легко разглядеть, из чего именно сооружена эта необычная постройка: из камня, самана или дерева, настолько густо оплетена она ползучими растениями. С южной стороны ее обвивает виноград, множество бордовых и синевато-лиловых гроздьев которого задорно проглядывают сквозь белесо-зеленую листву, а с севера - хмель, спелые шишечки которого нежным золотом покрывают даже выступ высоченной скалы. И дабы не оставалось на скале ни единого уголка без зелени, даже лысая вершина ее засажена заячьей капустой. Здесь живут женщины.

Альмира и Нарцисса.

Тимар направился к потаенному обиталищу. Через цветущую лужайку вела тропка к жилью, но она совершенно заросла травой, так что и звука шагов не было слышно. Тимар бесшумно подошел к небольшой веранде.

Ни вблизи, ни в отдалении людей не было видно.

Зато перед верандой вытянулся на земле огромный черный пес-ньюфаундленд; представители сей славной породы отличаются редкостным умом и внушают такой расpekt, что им не решишься говорить "ты", а с первой же встречи вынужден обращаться уважительно.

К тому же вышеупомянутый четвероногий господин - рослый, мускулистый - являл собою один из прекраснейших экземпляров породы; растянувшись перед верандой во весь свой мощный рост, собака заполонила собою все пространство меж двумя столбами. Черный страж изволил притворяться спящим, вроде бы не замечая ни приближающегося чужака, ни своего четвероногого собрата, который в своей отчаянной дерзости предпринял все возможное, дабы подвергнуть испытанию величественное терпение мощного пса. То была белая кошечка, которая совершенно непочтительно кувыркалась вдоль и поперек по расprostертой громаде собачьего тела, дразнила пса, лапками хватая его за нос. Но и этого ей показалось мало: киска улеглась на спину вплотную к собаке и, ухватив всеми четырьмя лапками переднюю лапу мощного животного, принялась играть ею, словно тряпичной куклой. Когда достойному черному господину становилось щекотно невтерпеж, он выдергивал у кошки свою лапу и подставлял ей другую забавляясь, мол.

Тимару даже не пришло на ум, что если это могучее черное существо вцепится в глотку, ему несдобровать; его занимала другая мысль: вот обрадуется Тимея, когда увидит эту белую кошечку!

Войти в жилище было нельзя: собака лежала поперек дороги. Тимар покашливанием решил дать знать о своем присутствии. В ответ на это величественный зверь спокойно приподнял голову, окинув прищельца большими, умными, карими глазами, взгляд которых не отличается от человеческого: они точно так же умеют плакать и смеяться, сердиться и ластиться; затем пес снова опустил голову на землю, словно желая сказать: "Подумаешь, какой-то человек! Стоит ли ради этого подниматься!".

А Тимар рассудил так: ежели из трубы идет дым, стало быть, кто-то в доме топит печь. И он рассыпался в приветствиях, желая доброго для этому невидимому снаружи человеку на трех языках: по-венгерски, по-сербски и на румынском.

Ему отозвался женский голос по-венгерски:

- Добрый день! Кто там? Да заходите же!
- Я бы зашел, да собака лежит у порога.
- А вы перешагните через нее.
- Не укусит?
- Добрых людей она не трогает.

Тимар, собравшись с духом, перешагнул через преграждавшее путь огромное животное; однако собака даже не шевельнулась, лишь чуть приподняла хвост как бы в знак приветствия.

Взойдя на веранду, Тимар увидел перед собой две двери: одна вела в сложенную из камня лачугу, другая в выдолбленную в камне пещеру, второе помещение оказалось кухней. Там он увидел стоящую у очага женщину с ситом в руках, которое она встряхивала над огнем, Тимар сразу смекнул, что занятие это не имеет ничего общего с колдовскими приемами ведьмина ремесла: женщина просто-напросто калила на огне кукурузу, и дело это не прервешь в угоду непрошеному гостю.

Каленая кукуруза - излюбленное кушанье в Венгрии. А потому, думается, у нас нет нужды никому растолковывать, что это такое да с чем его едят; зато на Всемирной выставке в Нью-Йорке несколько лет назад присудили золотую медаль некоему дошлему янки, который у себя в Америке изобрел способ приготовления каленой кукурузы. Ох уж эти американцы, до всего-то они додумаются! Каленая кукуруза - и впрямь отменная еда. Ешь вволю, сколько влезет, а все равно ею не насытишься: едва набил желудок, ан - уж опять проголодался.

Женщина хлопотавшая у плиты, была темноволосая, сухощавая и несколько нервного типа, но сильная; суровое выражение стиснутого рта смягчали глаза: добрые, располагающие к доверию. По лицу - смуглому, загорелому - ей можно было дать лет тридцать с небольшим. Одежда ее, лишенная какой бы то ни было пестроты и яркости, не была похожа на одежду местных крестьянок, но и господской ее не назовешь.

- Что же вы, сударь, проходите да садитесь! - пригласила его женщина; голос у нее был чуть грубоватый, но при этом совершенно спокойный. Она высыпала добела каленую кукурузу в плетеную корзиночку и предложила Тимару угощаться. Затем взяла с пола кувшин и протянула гостю - вишневая настойка, тоже свежего приготовления.

Тимар занял предложенное место; Стул также был необычный - искусно сплетенный из всевозможных прутьев, другого такого не увидишь. Тут и черный страж оставил свой лежащий пост, прошествовал на кухню и уселся напротив гостя.

Женщина дала горстку лакомства и ньюфаундленду, и тот принялся хрустеть с полным знанием дела. Белая киска вознамерилась было последовать его примеру, но первое же зернышко каленой кукурузы застряло у нее в зубах, так что больше угощения и не потребовалось; кошка трясла лапкой, будто именно ею угодила во что-то липкое. Затем она вскочила на плиту. С живым интересом приняхиваясь к горшку у огня; в нем пыхла и булькала стряпня, должно быть, более подходящее на кошачий вкус.

- Великолепная псина! - восхитился Тимар собакой. - И смирная на удивление, ни разу даже не рыкнула.

- Хорошего человека она сроду не обидит, сударь. Ведет себя смирно, какой бы чужак к нам ни пожаловал, лишь бы добрый был человек; она сразу распознает и лаять не станет. Но попробуй только вор сунуться!... Вора она с другого конца острова почует, и горе тому, кто ее клыков отведаст. Страшный зверь делается! Прошлой зимой сюда по льду пробрался волк - на коз на наших польстился. Вон она, волчья шкура, в комнате расстелена. Собака вмиг с волком расправилась. Зато хорошего человека нипочем не тронет, хоть он на спину ей садись.

Тимара весьма утешило столь бесспорное подтверждение его человеческой добропорядочности. А оставь он давеча у себя в кармане парочку золотых, глядишь, и собака совсем по-другому его встретила бы.

- Итак, сударь, откуда пожаловали и что вам от меня надобно?

- Первым делом, сударыня, прошу прощения, что вторгся ваш сад через заросли. Судно мое бурей отнесло от того берега, вот и пришлось мне спасаться у Острова.

- Верно! Я еще подумала, что ветер, должно быть, разбушевался не на шутку, вон как завывает. Маленькое поселение до того надежно было укрыто густыми зарослями, что ветер угадывался лишь по шуму.

- Ну, а теперь мы вынуждены здесь простаивать, пока ветер не выпустит. Продовольствие у нас кончилось, вот и пришлось мне отыскивать первое попавшееся жилье, где дым над трубой виднеется, да честь по чести просить хозяев, не дадут ли съестного на всю нашу братию за приличествующую плату.

- Как не дать? Конечно, дам, сударь. И плату приму, потому как я этим живу. Есть у нас козлята, кукурузная мука, сыр и фрукты разные. Выбирайте что угодно, для того мы и припасы заготавливаем. У нас, как правило, урожай забирают купцы, что на судах из соседних краев плывут. Мы, сударь, садоводством занимаемся.

(Кроме этой женщины, Тимар никого не видел, но, поскольку говорила она о себе во множественном числе, должны были здесь находиться и другие люди.).

- Премного вам благодарен; все, что вы предложили, нам годится. Я пришлю рулевого и парней из команды, они и доставят на корабль все припасы. А вы, сударыня, скажите, сколько заплатить. Нам потребуется трехдневный запас продовольствия на семерых человек.

- Не вытаскивайте кошелек, сударь; со мной деньгами не расплачиваются. Что мне делать с деньгами тут, на острове? Разве что грабителей приманивать - вломятся да убьют из-за денег. А так всем в округе известно, что на этом острове и полкрейцера не сыщешь, вот мы и спим спокойно. Я, сударь, товарообмена придерживаюсь. Даю людям фрукты, мед, воск, лечебные травы, а мне взамен привозят пшеницу, соль, материю на одежду, посуду, какой потребуется инструмент.

- Как на островах Австралии.

- В точности.

- Договорились, сударыня. У нас на судне есть и пшеница, и соль; вы уж на меня положитесь, а я подсчитаю, какова цена тому, что вы дадите. И сколько чего взамен будет дать надобно. Я вас не обману.

- Я вам верю, сударь.

- Ну, а теперь у меня к вам еще одна просьба. На судне моем находится проезжающий господин со своей юной дочерью. Девушка непривычна к бурному плаванию, так что даже расхворалась. Не приютили бы вы у себя этих моих пассажиров, покамест буря не утихнет?

Женщину и эта просьба не смутила.

- Отчего же не приютить, сударь! Взгляните сами: у нас небольшие две комнатухи, в одной мы сами устроимся, а в другой, коли доброму человеку кров требуется, можно сыскать то, что надобно: покой и самые малые удобства. Ну, а вам, сударь, коли тоже пожелаете тут заночевать, придется довольствоваться чердаком: ведь в обеих комнатах расположатся женщины, вам посторонние. Зато чердак полон свежего сена, а корабельщики - народ неприхотливый.

Тиар, как ни ломал голову, не мог догадаться, кто эта женщина: слова подбирает умело, мысли свои излагает складно и с достоинством. Окружающая обстановка - пещера, приспособленная под убогое жилье. Пустынный остров - тоже не давали ему никакой зацепки.

- Покорно благодарю, сударыня, за вашу обходительность. Сей же момент отправлюсь на судно и доставлю сюда своих спутников.

- Вот и славно. Только к лодке возвращайтесь не той дорогой, какой сюда шли. По топким места да колючим зарослям благородную барышню негоже водить. Есть тут удобная тропка, вдоль берега ведет; правда, заросла она, ведь люди по ней редко ходят, а на нетоптаной земле трава сразу в рост пускается. Велю вас сопроводить до того места, откуда вы к лодке своей выберетесь, а на обратному пути, если приплывете на другой лодке, побольше, можно будет и ближе пристать к нашему дому. Провожатого я вам дам. Альмира!

Тимар огляделся по сторонам, пытаясь определить, из какого уголка дома или сада появится таинственная Альмира, чтобы вывести его к проторенной дорожке. Огромный пес-нюфаундленд поднялся со своего места и завилял хвостом, колотя по отворенной двери, как по старому барабану.

- А ну, Альмира, проводи этого господина к берегу! - сказала хозяйка, а та, к которой относилось это приказание, что-то проворчала Тимару на своем собачье наречии и, ухватив его зубами за край плаща, легонько дернула, понуждая следовать за нею.

- Ах, стало быть, это и есть моя провожатая! Весьма польщен, барышня Альмира! - смеясь, проговорил Тимар и взял свою шляпу и ружье. Вверив хозяйку дома божьему попечению, он направился вслед за собакой.

Альмира, не выпуская из зубов кончика плаща, бережно вела гостя через фруктовый сад, где приходилось ступать со всей осторожностью, дабы не подавить сливу, густо осыпавшуюся с деревьев.

Белая кошечка тоже увязалась за ними, любопытствуя узнать, куда это Альмира ведет незнакомца. Она носилась по мягкой траве, то забегая вперед, то держать позади них.

Они добрались уже до конца сада, когда откуда-то сверху звонкий голос крикнул:

- Нарцисса!

Голос принадлежал юной девушке; в нем звучали легкий укор, нежная любовь и с трудом перебарываемая робость. На редкость приятный голосок.

Тимар огляделся по сторонам, сперва высматривая того, кто крикнул, а уж затем того, к кому этот зов был обращен.

Ответ на второй вопрос стал ясен тотчас же, так как белая кошка мгновенно отскочила в сторону и, распушив хвост, напрямик взлетела на раскидистую грушу, в густой кроне которой промелькнула белая женская одежда; однако разглядеть того, кто заманивал к себе Нарциссу, так и не удалось. Альмира издала какой-то глухой гортанный звук, на языке четвероногих, по всей видимости, означавший, что нечего, мол, заглядываться, куда не следует, и Тимар, не желая рисковать полый плаща, зажатой в собачьих зубах, вынужден был поспешить за своей провожатой.

По очаровательной, заросшей травой тропинке, выходящей вдоль берега, Альмира довела его до того места, где он оставил свою лодку.

И в этот миг, с резким свистом рассекая воздух, к острову пронеслись два бекаса.

Тимару и секунды хватило сообразить, что Тимее обеспечен вкусный обед; в следующий миг он сорвал с плеча ружье и двумя выстрелами сразил обеих птиц на лету.

Но в следующее мгновение и сам он был сбит с ног.

Как только он выстрелил из ружья, Альмира налетела молнией и, схватив его за шиворот, повалила на землю. Тимар попытался было подняться, но почувствовал, что противник будет посильнее и с ним лучше не шутить. Альмира не причиняла ему боли, она всего лишь крепко держала его за ворот, не давая подняться.

Тимар всячески старался ее улестить, величал и барышней Альмирой, и славной, доброй подружкой и втолковывал ей, что он, мол, просто вздумал поохотиться. Черт знает что за собака такая, охотника хватает! Нет чтобы поискать в кустах упавшую туда добычу... Но Альмира не склонялась ни на какие уговоры.

Из бедственного положения его выручила женщина - островитянка: она прибежала на звук выстрела. Издали выкликая имя собаки; в ответ диковинная приятельница выпустила из зубов ворот Тимара.

- Ах, сударь! - жалобно причитала женщина. Не разбирая дороги примчавшаяся на место происшествия. - Я и забыла вас предупредить, чтобы вы не стреляли, иначе Альмира вас схватит. На выстрелы она страсть как сердится. Ну и глупая же я, как это я вам об этом не сказала!

- Ничего страшного, сударыня! - смеясь, отвечал Тимар. - Одно могу сказать: из нее вышел бы пристрожайший лесничий. А я всего только и согрешил, что подстрелил пару бекасов; думаю, пригодятся гостям к обеду.

- Я отыщу их, а вы ступайте к своей лодке. Но когда снова приедете, ружье лучше с собой не берите. Уж можете мне поверить, теперь стоит только Альмине увидеть у вас в руках оружие, и она сразу же отберет его. С ней шутки плохи.

- В этом я и сам убедился. Силища в ней невероятная, куда там защищаться - я и опомниться не успел. Как на земле очутился. Хорошо хоть, что глотку мне не перегрызла.

- О, она никогда человека не укусит! А если попробовать от нее защищаться, так она прихватит руку зубами, словно в стальные кандалы закует. И будет держать, покуда я не подспею. Ну что ж, сударь, до свидания!

Не прошло и часа, как челн с новыми гостями причалил к берегу.

Тимар всю дорогу от судна до берега рассказывал Тимее об Альмире и Нарциссе, чтобы заглушить в девочке физические страдания и страх перед волнами. И то и другое кончилось, как только Тимея почувствовала под ногами твердую землю.

Тимар пошел вперед, указывая дорогу, Тимея, опершись на руку отца, следовала за ним. Два матроса и рулевой, замыкая шествие, несли на шестах мешки с пшеницей и соль в обмен на продовольствие.

Уже издали послышался лай Альмиры. В нем звучали приветственные нотки: обычно так оповещает собака о приближении хорошо знакомого человека, да норовит выбежать навстречу.

Альмира встретила путешественников на полпути, для начала облаяла всю компанию, а затем перемолвилась словом поочередно с каждым: с рулевым, парнями из команды и Тимаром.

После этого она пробралась к Тимее и, изловчившись, поцеловала девочку руку. Но стоило собаке приблизиться к Евтиму, как она притихла, принялась обнюхивать его от самых пят, а затем, не отставая от него ни на шаг, собака все принюхивалась и принюхивалась к незнакомцу, время от времени с такой силой встряхивая головой, что уши сшибались друг о с дружкой.

Очевидно, по поводу этого человека у нее были свои соображения.

Хозяйка поселения ждала гостей на веранде и, стоило им только показаться из-за деревьев, громко крикнула:

- Ноэми!

В ответ на этот зов в глубине сада появилась какая-то фигура. Меж двух рядов густо разросшегося, высокого малинника, чуть ли не смыкавшегося вверх подобно зеленому своду, шла молоденькая девушка. Лицом совсем еще дитя, да и тело детское, лишь вступившее в пору формирования; на девочке белая сорочка и юбка, в подоле верхней юбки Ноэми несет плоды, только что сорванные с дерева.

Эта фигурка, вынырнувшая из зеленых зарослей, подобна идиллическому видению. Нежный цвет лица, когда девочка спокойна, соперничает с розовым оттенком белой розы и принимает краски алой розы, когда Ноэми краснеет и вспыхивает до корней волос. Ее выпуклый чистый лоб словно сама доброта, и это выражение гармонирует с мягким изгибом шелковистых бровей и невинным взглядом выразительных голубых глаз; в очертаниях тонкого рта сдержанность и детская целомудренность. Пышные косы цвета спелого ореха, отливающие золотом, позволяют догадаться, что волосы девочки вьются от природы, а переброшенная назад коса обнажает маленькое ушко. От всего ее облика веет какой-то неосознанной короткостью. Пожалуй, взятые по отдельности, черты ее лица не составили бы идеала для скульптора, да и будь они изваяны из мрамора, возможно, не показались бы красивыми; но в целом ее облик излучает какое-то симпатическое сияние, чарующее при первом же взгляде, и чем дольше на нее смотришь, тем сильнее она завораживает.

Сорочка спустилась с одного плеча девочки, но, чтобы не оставаться ему открытым, на нем уселась белая кошка, прижавшись мордочкой к лицу Ноэми.

Нежные, белые ножки девочки не обуты, ведь она ступает по ковру - великолепнейшему, царскому бархату: осенняя мурава расшита голубыми цветами вероники и красной геранью.

Евтим, Тимея и Тимар остановились у края малинника, дожидаясь приближения девочки.

Ноэми решила, что самым сердечным приемом для гостей будет угостить их собранными ею плодами - это были спелые, с красными боками груши бергамот. К Тимару она обратилась к первому.

Тимар выбрал наиболее спелый из плодов и протянул Тимее.

И обе девочки одновременно с досадой дернули плечиком. Тимея в этот момент завидовала обладательнице белой кошечки, сидящей на плече у своей хозяйки; Ноэми же досадовала оттого, что угощала она вовсе не Тимею.

- Экая ты неловкая! - прикрикнула на нее мать. - Неужто не могла сперва переложить фрукты в корзинку? Кто же так, с подола, угощает? Эх ты!

Девочки зарделась румянцем, бросилась к матери, а та тихо, чтобы другие не слышали, выговорила ей; затем, поцеловав дочки в лоб, сказала опять вслух:

- Ну, а теперь ступай с корабельщиками в кладовую, покажи им, куда сложить то, что они принесли, дай им кукурузной муки да выбери для них парочку козлят.

- Не стану я выбирать, - прошептала девочка. - Пусть сами выбирают.

- Вот чудачка! - с ласковым упреком сказала мать. - Дай ей волю, она бы всех козлят сберегла, не позволила бы зарезать ни единого. Ну что ж, пусть сами выбирают, тогда и жалоб-обид не будет. А я пока стряпней займусь.

Нозми позвала корабельщиков и отворила перед ними кладовые для фруктов и круп - две обособленные пещеры в скале, каждая запечатая собственной дверью. Скала, образовавшая мыс острова, являла собой один из тех камней "пришельцев", которые геологи называют "блуждающими" скалами, итальянцы - "подкидышами", а скандинавы - азарами, то есть инородными скалами, обломками далеких горных хребтов; такую глыбу известняка можно встретить в долине доломитовых скал или русле реки, усыпанном речной калькой. Скала эта была испещрена пещерами, мелкими и покрупнее, и первый поселенец острова находчиво воспользовался этой природной ее особенностью, самую большую пещеру с устремленным кверху отверстием-дымоходом употребив под кухню, наиболее глубокую - под погреб, наивысокую сдал голубятней, а прочие - зимними или летними хранилищами припасов. Вселился в эту богом ниспосланную скалу, подобно пташке божьей, и свил тут себе гнездо. Девочка произвела с корабельщиками товарообмен - разумно и по справедливости. Поднесла каждому чарку вишневки, "обмыть" сделку, и, как велит обычай, пригласила вновь наведаться за провизией, если они будут в этих краях; затем вернулась в хижину.

Не дожидаясь материнских распоряжений, Нозми принялась накрывать на стол. Покрыла стоящий возле веранды столик тонкой соломенной рогожкой, поставила четыре тарелки, разложила ножи, вилки и оловянные ложки.

Ну, а пятому едоку?

Пятый сядет за кошачий стол - да-да, именно так. У ступеней веранды стоит низенькая деревянная скамейка; на середину ее Нозми ставит для себя глиняную тарелку, кладет маленькие нож, вилку и ложку, а по краям скамьи - деревянные плоски для Альмиры и Нарциссы. Вилки с ножом, им, конечно, не положено. И когда блюда с едой обходит по кругу сидящих за столом троих гостей и хозяйку дома, оно передается к кошачьему столу. Нозми оделяет своих гостей по справедливости: кусочки помягче попадают в плоску Нарциссы, те, над которыми должно потрудиться зубам, идут Альмире, а напоследок юная хозяйка накладывает себе. И животным нельзя притрагиваться к еде, пока Нозми не подует на нее, чтобы не обожглись питомцы; и как бы при приподнимала уши Альмира, как бы ни ластилась к плечу хозяйки Нарцисса, послушаться девочки они не смеют.

Хозяйка острова, в силу доброго или дурного мадьярского обычая, решила не ударить в грязь лицом перед гостями, в особенности же ей хотелось доказать Тимару, что она вышла бы из положения и без его охотничьей добычи. Правда, бекасов она зажарила и подала с гречневой кашей, однако наперед шепнула Тимару, что эта еда только для барышень, а для мужчин у нее приготовлен отменный паприкаш из поросятины. Тимар отдал ему должное, зато Евтим к поросятине не прикоснулся, утверждая, будто он сыт, да и Тимея сразу же поднялась из-за стола. Однако у нее это вышло вполне естественно. Она и до этого без конца с любопытством оглядывалась на компанию, пирующую у ступенек веранды, так что никому не бросилось в глаза, когда она вдруг встала из-за стола и пристроилась на ступеньке подле Нозми. Ведь девочки обычно так легко сходятся.

Правда, Тимея не понимала по-венгерски, а Нозми не знала греческого, зато посредницей между ними выступала Нарцисса - ей не составляло труда понимать оба языка.

Беленькая киска прекрасно понимает, что от нее требуется, когда Тимея говорит: "хорайон гатион!" - и своей белой ручкой гладит ее по спине: она с колен Ноэми перебирается на колени к Тимее; подняв голову, она нежно прижимается своей белой мордочкой к белокожему лицу гостя, приоткрыв ярко-розовый рот с острыми зубками и лукаво подмигивая ей своими фосфоресцирующими глазами; затем она взбирается Тимее на плечо, обходит вокруг шеи и вновь перебирается к Ноэми, чтобы затем вновь перекочевать к гостю.

Ноэми радуется, видя, что чужой барышне так нравится ее любимица.

Однако радость ее омрачается, когда она начинает осознать, что эта чужая барышня чересчур нежничает с ее любимицей: смотрите-ка, совсем ее себе присвоила, даже целовать вздумала. И огорчение Ноэми усиливается, когда она убеждается, что Нарциссе легко дается неверность; не прошло и нескольких минут, а она принимает сюсюканье и ласки чужой девчонки, да еще и сама ластится в ответ, а когда Ноэми пытается подозвать ее. Кошка и ухом не ведет. Ей милее греческие слова: "хорайон гатион", красивая киска!

Осердясь на Нарциссу, Ноэми схватила ее за хвост, чтобы притянуть к себе, а Нарцисса пустила в ход когти и расцарапала ей руку.

Запястье Тимеи обвивал золотой, украшенный синей эмалью браслет в виде змейки. Когда Нарцисса оцарапала хозяйку, Тимея сняла с себя гибкий браслет и хотела надеть его на руку Ноэми, видимо, желая смягчить подарком причиненную ей боль.

Ноэми же неверно истолковала ее намерение, решив, что чужая барышня взамен за этот браслет желает получить Нарциссу. Ну, а кошка не продается.

- Не нужен мне этот браслет, все равно я не отдам Нарциссу! Держите свой браслет, Нарциссу я ни на что не променяю! Иди сюда, Нарцисса!

И, видя что Нарцисса не желает откликаться на зов, Ноэми вдруг отпустила ей такую затрепину, что испуганная кошка перепрыгнула через скамью и, чихая, фыркая, взлетела на ореховое дерево; очутившись в безопасности, она сердитым шипением выразила свое недовольство.

В этот момент взгляды Тимеи и Ноэми встретились, и обе девочки уловили в глазах друг друга какое-то странное, похожее на сон предчувствие. Бывает ведь: сомкнешь на миг глаза и за этот краткий миг успеваешь видеть во сне годы, а пробудясь. Все забываешь, помнишь только, что сон твой был долгим.

Взаимопроникновение взглядов длилось всего лишь миг, но обе девочки почувствовали, что в будущем им предстоит каким-то непостижимым образом повлиять на судьбу друг друга, что свяжет их нечто общее: радость ли или боль; и скорее всего - как в забытом сне - им даже не доведется узнать, что эту радость или боль одна из них причинила другой.

Тимея отвернулась от Ноэми; подбежав к хозяйке дома, она вручила ей браслет, а сама уселась подле Евтима, склонив голову ему на плечо.

Тимар растолковал смысл этого дара.

Барышня дарит его девочке на память. Браслет этот золотой.

Едва только Тимар произнес слово "золотой", женщина испуганно выронила его из рук, точно живую змею, и в смятении устала на дочь, не в силах произнести даже привычную подсказку: "поблагодари, мол, как следует".

Тут вдруг всеобщее внимание привлекала к себе Альмира.

Она резко вскочила, издала протяжный вой, и затем, высоко задрав морду, принялась хрипло, яростно лаять; было в собачьем голосе что-то от львиного рыка: злобные, отрывистые звуки словно вызвали невидимого врага сразиться, но при этом собака не побежала вперед, а осталась стоять у веранды с напряженными передними лапами, задними роя земля.

Женщина побледнела. На тропинке за деревьями показалась какая-то фигура.

- С такой яростью она лает только на одного человека! - пробормотала женщина. - А вот и он сам.

Голоса ночи.

Со стороны берега к жилищу приближался молодой мужчина, наряд его составляли широкий кафтан и панталоны, красный бумажный платок на шее и красная турецкая феска.

Лицо незнакомца красиво; вздумай он позировать художнику, и всякий, при взгляде на застывший портрет, сказал бы, что это герой; но когда навстречу вам идет живая натура, первой вашей мыслью будет: ба, да это же соглядатай! Правильные черты лица, большие черные глаза, густые курчавые волосы, красивый рот, казалось бы, должны располагать в пользу их обладателя; однако морщины у глаз, глубокие складки в углах рта, лоб, постоянно покрытый испариной, и неуверенный взгляд яснее ясного говорят о том, что перед вами человек, рабски преданный лишь своим собственным интересам.

Альмира злобно лаяла на приближающегося мужчину, а тот с небрежной лихостью размахивал в такт шагам руками, словно уверенный, что найдется кому его защитить, Ноэми пыталась утихомирить собаку, но та не слушалась; тогда девочка, схватив одной рукой собаку за уши, оттащила ее назад; Альмира заскулила, завизжала от боли, однако лаять все равно не перестала. Наконец Ноэми поставила ногу на голову собаки и прижала ее к земле. Тут уж пришлось покориться; собака улеглась с глухим ворчанием, позволив девочкиной ноге покоиться на огромной черной голове, словно бы не способной стряхнуть с себя такую тяжесть.

Мужчина шел себе посвистывая и, не успев приблизиться, заговорил:

- Выходит, все еще цела у вас эта распроклятая собачища, не извели вы ее? Вот уж я доберусь до нее! Дурацкая скотина!

Поравнявшись с Ноэми, молодой человек, фамильярно ухмыляясь, потянулся к лицу девочки, словно желая ущипнуть ее за щечку, однако Ноэми мгновенно увернулась.

- А ты, моя невестушка, по-прежнему дичишься? Ну, и подросла же ты с тех пор, как я тебя в последний раз видел!

Ноэми, запрокинув голову, смотрела на него. Какую страшную рожицу удалось ей скорчить вмиг! Брови нахмурила, губы выпрямила упрямо, взгляд исподлобья дерзкий, пронзительный; даже цвет лица у нее изменился: нежные розы на щеках поблекли, враз уступив место землисто-серому оттенку. Девочка и вправду могла стать некрасивой, если ей того хотелось.

Пришелец, словно бы не замечая этой перемены, продолжал:

- А уж до чего похорошела!..

Девочка обратилась к собаке:

- Да замолчи же ты, Альмира!

Мужчина уверенно, словно у себя дома, подошел к столу, первым делом поцеловал руку хозяйке, затем с любезной снисходительностью поздоровался с Тимаром и под конец с учтивыми приветствиями раскланялся с Евтимом и Тимеей; речи его лились без передышки.

- Добрый вечер, любезная тещенька! Ваш покорный слуга, господин комиссар! Приветствую вас, почетный господин и госпожа. Позвольте представиться: Тодор Кристьян, рыцарь⁶ и капитан, будущий зять сей уважаемой дамы. Наши с Ноэми отцы были закадычные друзья, так что еще при жизни нас обручили. Обычно я каждый год проводываю своих дорогих женщин в этой обители их летнего отдохновения, чтобы взглянуть, насколько подросла моя невестушка. Очень рад встретить здесь такую почтенную компанию. С вами, сударь, - если не ошибаюсь, вас господином Тимаром кличут - я уже однажды имел честь свидеться. Да и с другим господином вроде бы....

- Он понимает только по-гречески! - перебил его Тимар и глубоко засунул руки в карманы, совершенно лишая пришельца, с которым встречался лишь раз, возможности радостно

⁶ Титул, свидетельствующий о былых феодальных привилегиях

кинуться к нему с рукопожатием. Одна-единственная встреча - эка важность, ведь он торговый поверенный, все время в пути, его немудрено встретить.

Впрочем, Тодор Кристьян утратил к нему интерес, отвлеченный более практичными сторонами жизни.

- Подумать только, будто и впрямь меня дожидались! Ужин - объедение, четвертый прибор свободен. Жаркое из поросятины, да это же моя слабость! Благодарю, милая матушка, почтенные господа и барышня, благодарю, благодарю! Непременно воздам должное столь отменной еда. Весьма благодарен!

Правда, никто из перечисленных особ ни словом не обмолвился, чтобы пригласить его к столу разделить с ними трапезу, но он, поблагодарив всех и каждого, уселся на оставленное Тимеей место и принялся уписывать поросятину; несколько раз он предлагал угоститься и Евтиму, не скрывая своего удивления, как это могла сыскаться на белом свете христианская душа, которая такого лакомого блюда не принимает.

Тимар поднялся из-за стола и обратился к хозяйке:

- Пассажиры мои устали. Им сейчас не столько еда, сколько покой надобен. Не затруднит вас постелить им постели?

- Сейчас будет готово! Ноэми, помоги барышне раздеться.

Ноэми встала и последовала за матерью и обоими гостями в дальнюю комнатку. Тимар тоже отошел от стола, а гость, оставшись в одиночестве, с жадностью уписывал оставшуюся на столе еду, при этом без умолку говорил, обращаясь к стоявшему позади него Тимару, и бросал через плечо обсосанные косточки Альмире.

- Да, должно быть, намаялись вы в пути, сударь, в такую-то непогоду! Прямо диву даюсь, как это вам удалось пробиться сквозь Демир-ворота да через Таталию? Альмира, лови! Но только чтобы потом не злиться на меня, дурища бестолковая! А помните ли, сударь, как мы с вами однажды в Галице встретились?... Пожалуй, и эту тебе доглаживать, черное страшилище! Оглянувшись ненароком, он обнаружил, что и Тимара, и Альмиры след простыл. Оба от него сбежали. Тимар взобрался на чердак и устроил себе ложе на душистом сене, Альмира же скрылась в одной из пещер, в недрах приبلудной скалы.

Тогда и Кристьян отодвинулся от стола; допил все, что оставалось в кувшине и в стаканах гостей, до последней капли и, отломав щепочку от стула, на котором сидел, принялся ковырять в зубах с видом человека, более чем кто-либо другой заслуживавшего сегодняшней ужин. Настал вечер; измученных и натерпевшихся невзгод путников не требовалось убаюкивать. Тимар с наслаждением вытянулся на пахучем сене и, погрузившись в его сладостно-пряный дурман, подумал, что сегодня уснет как убитый.

Однако он ошибся. После чрезмерного напряжения, после отчаянной борьбы с опасностями сон как раз приходит труднее всего; сменяющие друг друга картины одновременно проносились в мозгу подобно сумбурному видению, где все смешалось: неотступные преследователи, грузные скалы, водопады, крепостные руины, незнакомые женщины, черные собаки, белые кошки; в ушах свистел ветер, раздавался рев рожка, щелкал кнут, заходила лаем собака, со звоном падали золотые монеты, люди смеялись, кричали, перешептывались.

Понапрасну зажмурился Тимар глаза: лавина видений и звуков захлестывала его.

И тут вдруг в комнате под чердаком послышался разговор.

Тимар узнал голоса: хозяйка и гость, прибывший последним, говорили между собой.

Перекрытием служили тонкие доски, поэтому каждое слово слышно было столь же отчетливо, словно произносимое над самым ухом. Собеседники старались говорить тихо, приглушенными голосами, лишь мужчина время от времени повышал голос.

- Ну что, матушка Тереза, поднакопила деньжонок? - начал разговор мужчина.

- Сам знаешь, нет у меня денег. Тебе ведь известно: провизию я даю в обмен, а плату деньгами не принимаю.

- И очень напрасно! Не одобряю я этих твоих чудачеств, да и не верю, чтобы у тебя деньжата не водились.

- Я правду говорю. Приходят ко мне люди за фруктами и сразу же приносят какой-нибудь другой товар, какой я могу в хозяйстве употребить. А деньги... что мне с ними делать?

- Я тебя научу: могла бы мне отдавать. Но тебе до моих забот и горя мало. Ведь если я женюсь на Нозэми, то сушеных слив в приданное не возьму. Плохая из тебя мать, совсем не заботишься о счастье собственной дочери. А помогла бы мне наперед, и тогда, считай, хорошее место у меня в кармане. Я как раз получил должность первого драгомана при посольстве, да вот дорожные расходы покрыть нечем: деньги у меня все выкрали, придется теперь должности лишиться.

- Не верю, чтобы тебя назначили на такую должность, какой ты можешь лишиться, - спокойно отвечала ему женщина. - А вот что бы находишься на такой службе, лишиться которой не можешь, - этому я верю. Верю также, что у тебя нет денег; но чтобы их у тебя украли - не верю.

- Не веришь - не надо. Я тоже не верю, будто у тебя нет денег. Должны быть! Сюда ведь и контрабандисты наведываются, а они на плату не скупятся.

- Не кричи так!.. Да, к острову иногда причаливают контрабандисты, но они либо близко к моему дому не подходят, либо если даже и заглянут сюда, то берут фрукты, а взамен дают соль. Нужно тебе соли?

- Брось свои дурацкие шуточки! А про богачей, которые у тебя сегодня ночуют, что скажешь?

- Богачи они или нет - про то мне неизвестно.

- Проси с них деньгами, требуй! Нечего строить из себя святошу, раздобудь мне денег хоть из-под земли! Кончай эту дурь с товарообменом, в Австралии, вишь, себя вообразила! Если желаешь со мной жить в мире, изволь раздобыть золота. Иначе, сама знаешь, стоит мне хоть слово сказать там, где следует, и тебе конец!

- Потихе говори, мучитель ты эдакий!

- Ага, сама запросила, чтобы я говорил потихе? Могу и совсем замолчать, если будешь со мною поласковой. Дай деньжонок, Тереза!

- Не терзай ты мне душу! Нет у меня ни гроша и не хочу, чтобы были в моем доме деньги. Прокляты они для меня, раз и навсегда. Не веришь? Обыщи все ящики и, если что найдешь, забирай себе.

Тодор, судя по всему, внял ее призыву, так как немного погодя раздался его возглас:

- Ага, а это что у тебя? Браслет, да никак золотой!

- Золотой. Барышня, чужестранка, только что подарила Нозэми. Коли нужен тебе, бери.

- Как не взять, за него десять золотых монет выручить можно. Все лучше, чем ничего. Ты не расстраивайся, Нозэми. Вот женюсь на тебе и куплю тебе на обе руки по браслету. Да не такой, а в тридцать золотых каждый, и в середине будет оправлен сапфир. Нет, лучше изумруд. Ты какой камень больше любишь - сапфир или изумруд?

На вопрос его не последовало ответа, но молодой человек расхохотался, довольный своим остроумием.

- Ну, а теперь, милая матушка, приготовь постель своему будущему зятю, дорогому Тодорику, пусть ему пригрезятся сладкие сны про малышку Нозэми.

- Негде мне стелить тебе постель. Боковушку и чердак гости заняли, а в одной комнате с ними тебе тоже не место. Нозэми уже не ребенок, и я не желаю, чтобы ты здесь спал. Ступай под крыльцо, там лыковая подстилка, на ней и заночуешь.

- Ах, какая же ты безжалостная, Тереза! Гонишь своего будущего зятя, единственного, дорогого Тодорушку, на жесткую подстилку.

- Нозэми, отдай ему свою подушку! На вот тебе мое одеяло. Спи спокойно.

- Какой там покой, когда по двору ваша распроклятая собака носится. Загрызет чего доброго, с нее, уродины, станется.

- Не бойся, я ее на цепь посажу. Бедная животина, она и не знает, как это на цепи сидеть. Только и привязываем ее, когда ты на острове появляешься.

Терезе с трудом удалось выманить Альмиру из своего убежища. Несчастное животное заранее знало, что за этим последует: наденут ошейник с цепью. Но собака была приучена к послушанию и позволила хозяйке посадить себя на цепь.

Правда, вынужденная неволя окончательно озлобила Альмиру против истинного ее виновника. Как только Тереза ушла к себе в комнату и на веранде остался один Тодор, собака принялась злобно лаять на него, носясь взад-вперед по узкому пространству, куда хватало цепи; Альмира вставала на задние лапы и напрягалась изо всех сил в надежде вдруг да удастся сорвать ошейник, оборвать цепь или вырвать с корнем куст бузины, к которому она была прикреплена. А Тодор старался обозлить собаку еще пуще. Ему доставляло удовольствие дразнить животное, которое не могло достать своего обидчика и заходило от ярости.

Мужчина подошел к собаке близко-близко, на шаг от того места, куда ее допускала цепь, присел перед Альмирой на карачки и принялся строить рожи: показывал ей нос, высовывал язык, плевал в морду, передразнивал ее лай.

- Гав, гав! Ах, как хочется меня тяпнуть, верно? Гав, гав! Видит око, да зуб неймет! Ах ты, злюка, ах ты, уродина этакая! Гав, гав! Порви цепь и иди сюда. А ну, давай поборемся! Хочешь, укуси меня за палец. Да вот же он, у тебя под носом, бери!

И вдруг посреди приступа самой бешеной ярости Альмира опомнилась и перестала лаять. Должно быть, собачьим умом своим сообразила: тот, кто поумнее, должен уступить. Вскинула голову, словно желая сверху вниз смерить взглядом этого диковинного зверя, стоящего перед ней на карачках. Затем повернулась и задними лапами, как это заведено у собак, с силой лягнула разок-другой, песком засыпав назойливому зверю рот и глаза и вынудив его разразиться бранью, то бишь "человечьим лаем". Сама же Альмира, волоча за собою цепь, удалилась к себе в нору под куст бузины и больше оттуда не выходила; лаять она перестала, но выла еще долго, и от этого ее воя мороз продирал по коже.

Тимар слыша все это и так и не смог уснуть. Дверцу чердака он оставил отворенной, чтобы внутри не было темно. Ночь была лунная, и, после того как собака утомилась, по всей округе воцарилась тишина. Глубокая, удивительная тишина, меланхоличность которой негромкие, одинокие звуки ночи делают еще более чарующей.

Здесь не услышишь шума повозок, грохота мельничных колес, людских голосов. Это край болот, островов, заводей. Разве что раздастся изредка в ночи глухой рокот: то голос выпи, жительницы болот. Полеты ночных птиц, прорезая воздух, оставляют за собой затихающие аккорды, а притомившийся за день ветерок превращает стройные тополя в эоловы арфы, нежно перебирая их упругие струны-ветви. Вскрикнет в камышах водяная собака, подражая голосу плачущего ребенка, да жужжащий жук-олень гулко стукнется о белую стену хижины. Заросли вокруг кажутся непроглядно темными, а в глубине их словно бы лесные феи танцуют с факелами в руках: призрачные огоньки стаями пляшут под трухлявыми деревьями, гоняясь друг за дружкой. Цветник же весь залит серебряным светом луны, и вокруг бутонов мальвы, сидящих на длинных стеблях подобно зернам в колоске, порхают стайки среброкрылых ночных бабочек "павлиний глаз".

Какая дивная обитель! Какое возвышенное, обожествленное одиночество! И как тут не раствориться в нем душою человеку, глаз которого бежит сон!

Только бы человеческие голоса не примешивались к голосам ночи.

Но и они слышны.

Там, внизу, в обеих комнатухах хижины, тоже не спят люди; какой-то злой дух похитил их покой, и голоса ночи приумножаются их тяжелыми вздохами.

Из одной комнаты до Тимара доносится тихая мольба: "Господи Иисусе!...", а из другой к небу несется вздох: "О, Аллах!".

Ну как тут уснешь?

Что за горести-заботы не дают уснуть этим людям?

Думая свои думы, Тимар вдруг набредает на мысль, которая заставляет его подняться с ложа, наспех набросить постеленный под себя кафтан и по лесенке, приставленной к чердачной дверце, спуститься на землю.

Та же самая мысль в ту же самую минуту осенила и другого человека, в одной из нижних комнат.

Когда Тимар, замерев у угла дома, приглушенным голосом позвал: "Альмира!" - в тот же миг другой голос произнес с крыльца имя собаки; голоса прозвучали призрачным эхом один другого.

Несказанно удивленные, оба человека шагнули навстречу друг другу.

Вторым человеком оказалась Тереза.

- Вы спустились с сеновала? - спросила женщина.

- Мне что-то не спится.

- А зачем вам Альмира?

- Не скрою, мне пришла в голову мысль, уж не отравил ли ее этот... Как-то она вдруг смолкла.

- Смотрите-ка, да ведь и меня подняла именно эта мысль. Альмира!

На зов из своего убежища, виляя хвостом, вышла собака.

- Слава богу, она цела и невредима! - проговорила Тереза.

- А этого человека здесь нет. Постель его даже не смята. Пойдем, Альмира, я тебя высвобожу.

Огромный Пес, прижавшись к ногам хозяйки, спокойно позволил отстегнуть кожаный ошейник, а затем, поставив ей лапы на плечи, вылизал Терезе лицо. После этого Альмира повернулась к Тимару и, подняв мощную лапу, протянула ему в знак своего собачьего расположения. Уж что-что, а друзей отличать она умела. Затем, встряхнувшись, она шлепнулась навзничь, дважды перевернулась с боку на бок и уютно устроилась в мягком песке. Она лежала спокойно, не лаяла.

Теперь каждый мог быть уверен, что ненавистного пришельца на острое уже нет.

Тереза подступила вплотную к Тимару.

- Вы знаете этого человека?

- Да как-то раз встречался с ним в Галице. Он поднялся ко мне на корабль и вел себя так, что невозможно было разобрать, согладала ли он или контрабандист. В конечном счете я его спровадил прочь. В этом и состояла вся наша дружба.

- А как вам пришло в голову, что он способен был отравить Альтиру?

- Скажу по совести. Каждое слово, произнесенное внизу, в комнате, слышно на чердаке, так что я вынужден был слушать ваш разговор.

- Значит, вы слышали, чем угрожал мне тот человек? Если я не выполню его требование, ему достаточно будет обронить слово, и мы погибнем.

- Слышал.

- И что вы теперь о нас думаете? Что мы вынуждены скрываться на этом отрезанном от мира острове, так как совершили какой-то невероятно тяжкий грех, не правда ли? Или же что мы занимаемся чем-то таким, что должно скрывать? А может, по-вашему, мы являемся наследниками некоего прославленного имени и вынуждены скрываться от властей? Что вы о нас думаете?

- Ничего я не думаю, сударыня, не мое дело ломать голову над этим. Вы оказали мне гостеприимство, приютили у себя на ночь. За это я вам благодарен. Ветер стих; завтра я поплыву дальше и никогда не стану вспоминать о том, что я на этом острове видел и слышал.

- Но я не хочу, чтобы вы так вот ушли отсюда. Вы против своей воли услышали такие вещи, которые не должны остаться для вас необъясненными. Сама не знаю почему, но я с первого взгляда прониклась к вам чрезвычайным уважением; мне была бы мучительна мысль, что вы покинули наш дом с недоверием, с презрением. С такими чувствами ни вы не сможете уснуть под этим кровом, ни я. Ночь тихая, в такую ночь только и рассказывать своих горьких тайн. А там уж судите сами. Я расскажу вам всю правду, и только правду. И когда вы узнаете историю этого дикого острова и нашей глинобитной хижины, у вас язык не повернется сказать,

что завтра, мол, уплыву далеко и никогда больше вас не вспомню. Вы станете наведываться сюда из года в год, когда дела приведут вас в эти края, и будете останавливаться на ночлег под этой мирной кровлей. Сядьте же на ступеньку подле меня и выслушайте историю нашей хижины.

История обитателей острова.

Двенадцать лет назад мы жили в Панчеве, муж мой служил там городским чиновником. Фамилия его была Белловари. Молодой, красивый, славный он был человек, и мы очень друг друга любили. Мне в ту пору было двадцать два года, ему - тридцать. Родилась у нас дочка, нарекли ее Ноэми. Богатыми мы не были, но достаток в доме водился. У мужа была приличная должность, хороший дом, дивный фруктовый сад, пахотные земли; я росла сиротой и, когда он на мне женился, принесла в дом готовое состояние, так что жили мы без забот. Муж мой водил тесную дружбу с Максимом Кристяном, отцом того человека, который побывал здесь сегодня. Тодору тогда сравнялось тринадцать лет, такой был милый, красивый, живой парнишка, а уж до чего умный да сообразительный! Ношу я, бывало, дочку свою на руках, а мужчины знай приговаривают: надо нам будет поженить наших детей. И я, помнится, не нарадуюсь, когда мальчонка берет мое невинное дитя за крохотную ручонку и спрашивает: "Ну как, пойдешь за меня?" - а Ноэми смеется-заливается. Кристьян считался торговцем. Но не из тех истинных купцов, кто в своем ремесле по-настоящему разбирается да по свету ездит, а так, провинциальный торгаш, зато тягаться с купцами покрупнее и рисковать вслепую - тут он был мастер; если повезет, так в выигрыше, а не повезет - так в накладе останется. Кристяну все время везло, вот он и вообразил, что так будет всегда. Объедет по весне всю округу, посмотрит, как всходят посевы, и заключает договор с оптовыми торговцами на продажу зерна после жатвы. Был у него постоянный заказчик - Атанас Бразович, купец из Комарома, он каждую весну вперед выплачивал Кристяну крупные суммы под то зерно, что должно быть собрано по осени. И Кристьян обязывался по установленной цене загрузить зерно на купеческие суда. Такие сделки приносили Кристяну хороший доход. Правда, я с той поры много над этим размышляла и пришла к выводу, что никакая это не коммерция, а чистой воды азартная игра: торгуют тем, чего пока еще нет и в помине. Бразович обычно ссужал Кристяну крупные суммы, а поскольку у того, кроме дома, никакой недвижимой собственности не было, требовал поручительства. Муж мой охотно взялся выступить поручителем: и собственностью он владел, и к Кристяну дружбу питал. Кристьян себя не обременял, жил припеваючи; муж мой, горемыка, целыми днями у конторки корпел, а дружок его знай себе целыми днями на террасе кафе посиживал, трубку потягивал да препирался с такими же торгашами, себе под пару. Но однажды обрушился на людей бич Господень: настал страшный 1816 год. Весной по всей стране виды на урожай были прекрасные, и можно было рассчитывать на дешевое зерно. В Банате счастлив был тот купец, которому удалось заключить сделку на пшеницу по четыре форинта за меру. А лето выдалось дождливое, шестнадцать недель каждый божий день лило не переставая. Все зерно сгнило на корню; голод грозил краю, в насмешку прозванному Ханааном, и по осени цена пшеницы стала двадцать форинтов за меру. Да и за эти деньги ее не сыскать было на продажу: весь урожай земледельцы попридержали на посевное зерно.

- Как же, как же, помню, - вставил словцо Тимар, - я в то время начинал свое поприще.
- И в тот год Максим Кристьян не сумел выполнить договор, заключенный с Атанасом Бразовичем. Сумма, которую ему предстояло платить, было такой чудовищной, что и не выговорить. Знаете, что он тогда удумал? Сгреб все свои деньги, какие прежде раздал в долг, набрал полную мошну в долг у простаков доверчивых да однажды ночью втихомолку и бежал из Панчева. Денежки с собой прихватил все без остатка, а сына единственного бросил.

Ничто не мешало ему так поступить: все его состояние заключалось в деньгах, а то, что он здесь оставил, было ему не дорого.

Но зачем тогда существуют деньги, если они могут причинить столько вреда человеку, которому ничто на свете, кроме них, не дорого?

Все свои долги и обязательства Кристьян переложил на плечи тех, кто одарил его своей дружбой, кто поручился за него. Среди них был и мой муж.

И тут Атанас Бразович потребовал с поручителей выполнить договор.

Все справедливо: ведь он предоставил кредит сбежавшему должнику, и мы вызвались возместить ему эти деньги. Распростились бы с половиной имущества, этого хватило бы, чтобы выплатить долг. Но Бразович не знал жалости: ему подавай полный расчет по всем условиям договора. Неважно, сколько денег он дал в свое время, - главное, сколько должен был выручить. А он требовал пятикратной прибыли, и документ давал ему на то право. Мы просили, молили его удовольствоваться меньшей суммой, ведь речь шла всего лишь о том, чтобы он не так наживался на попавших в западню людях. Но Бразович был неумолим. Все свои претензии он хотел удовлетворить за счет безвинных поручителей.

Но для чего тогда существует религия, вера христиан и иудеев, если позволительно выставлять такие требования?

Дело подали в суд: судья вынес приговор, у нас отобрали дом, землю, лишили последнего куска, опечатали все имущество и пустили с молотка.

Но скажите мне, для чего тогда законы, для чего существует людское сообщество, если дозволено довести человека до нищенской суммы из-за долга, который сам он никогда не просил? Если дозволено разорить безвинного - и все из-за третьего лица, бессовестного человека, который посмеялся над простаками, да и был таков?

Мы предприняли все возможное, чтобы избавиться от крайней беды; муж самолично отправился в Буду и в Вену просить аудиенции. Подлый мошенник, сбежавший с чужими деньгами, жил в Турции, нам удалось это выведать. Мы обратились с прошением, чтобы его арестовали и доставили обратно: пускай сам удовлетворяет требования своего кредитора. И повсюду получили один и тот же ответ: не в нашей, мол, власти.

Но тогда какой прок от всех этих министров, императоров, великодержавных властителей, если они не в состоянии защитить своих неимущих верноподданных?

Не перенеся этого ужасного удара, обрекшего нас на нищенскую долю, муж мой однажды ночью застрелился.

Он не желал видеть нищету своей семьи, слезы супруги, голодные муки ребенка и предпочел сбежать под землю.

Сбежать под землю - от нас!

О, зачем тогда существуют мужчины, если в случае беды не находят другого выхода, кроме как оставить женщину с ребенком на произвол судьбы и покончить с собою?

Но на этом ужасы еще не кончились, Нищенкой, бездомной бродяжкой меня уже сделали, теперь вознамерились сделать и безбожницей. Вдова самоубийцы понапрасну молила священника похоронить ее несчастного мужа как положено. Его преподобие - человек строгих нравов и великой святости, верность религии соблюдает неукоснительно; он отказал моему мужу в погребении по христианскому обряду, и мне пришлось смотреть, как человека, которого я любила до беспамятства, городской живодер везет на своей телеге, зарывает в яму и землю сверху ногами утаптывает, чтобы не дай бог холмика могильного не осталось.

Но зачем тогда священники, если они не умеют врачевать страждущие души?

Зачем тогда весь этот свет? Оставалось последнее: превратить меня в убийцу и самоубийцу.

Чего проще: убить дитя и себя одновременно. Затянула я шаль на груди потуже, чтобы ребенок не выскользнул, и вышла на берег Дуная.

Я была одна, вокруг - ни единой живой души.

Раз-другой прошла я вдоль берега, высматривая, где поглубже.

Тут кто-то сзади ухватил меня за платье и потащил назад.

Я оглянулась: кто бы это мог быть?

То была собака - мой последний добрый друг из всех живых существ.

Это случилось на Острове, на том острове у нас был дивный фруктовый сад и летний домик. Все комнаты там тоже были опечатаны, и мне позволялось ходить только по кухне да по саду. Села я тогда на берегу Дуная и призадумалась. Кто я есть? Человека, женщина. Неужто я хуже твари бессловесной? Видел ли кто когда, чтобы собака щенят свои топила и себя убивала? Не стану я убивать себя, не стану губить свое дитя! Всем смертям назло буду жить, буду дочку свою растить! Как жить? А как волки живут, как цыганки живут, у которых нет ни дома, ни хлеба. Буду просить милостыни у земля, у реки, у деревьев; только у людей никогда попрошайничать не стану!

Бедный мой муж много рассказывал мне об островке, который лет пятьдесят назад был образован Дунаем в зарослях камыша у Острова. Муж любил охотиться там в осеннюю пору и часто упоминал изрытую пещерами скалу, где он скрывался от грозы. Остров этот ничейный, говорил он, ведь его создал Дунай - себе самому и никому больше. Ни одно правительство не подозревает о его существовании, ни одна страна не обладает правом причислить его к своей территории. Там никто не пашет, не сеет. Земля, деревья, трава - ничьи. Но если они не принадлежат никому, то отчего бы им не принадлежать мне? Попрошу их у Бога, порошу у Дуная - отчего бы им не уступить мне? А я на той земле стану растить хлеб, какой хлеб и как выращивать? Пока не знаю. Нужда научит.

У меня оставалась лодка. Судебный исполнитель не заметил ее, иначе бы тоже отобрал. Мы сели в лодку все трое: Ноэми, я и Альмира, - и я погребла к этому ничейному острову. Ни разу в жизни не бралась я за весла, но тут нужда научила.

Едва я ступила на эту землю, меня охватило удивительное чувство: я сразу как бы забыла все, что случилось со мной в том другом мире. Манящая, умиротворяющая тишина встретила меня тут. Обойдя рощу, лесок, поле, я уже знала, чем стану здесь заниматься. В роще жужжали пчелы, в лесу цвел земляной орех, на поверхности воды колыхались цветы чилима (водяного ореха), вдоль бережка грелись на солнышке черепахи, стволы деревьев были облеплены улитками, а в болотистых зарослях поспевал манник. Боже мой, господи, вот он - стол, обильный твоими щедротами! Да еще в роще было полным-полно дичков плодовых деревьев. Желтые дрозды занесли сюда семена с соседнего острова, и на дикой яблоне желтели плоды, а малиновый куст все еще хранил свои запоздалые плоды. Да, теперь я точно знала, что я буду делать на этом острове. Я превращу его в райский уголок и добьюсь этого сама, своими собственными руками, в одиночку. Займусь таким трудом, какой под силу одному человеку, хотя бы и женщине. А потом заживу, как жил в раю первый человек.

Я разыскала скалу и ее пещеры, созданные матерью-природой. В самой большой пещере была приготовлена постель - охапка сена; стало быть, это место отдохновения моего несчастного мужа и принадлежит мне по наследству. По праву вдовства. Там я покормила младенца, а затем убаюкала и положила дочку на сено, укрыв шалью. Альмире же наказала: " Оставайся здесь и стереги Ноэми, пока я не вернусь". И я поплыла опять на большой остров. Еще раз наведалься в наш бывший сад. Веранду домика закрывал большой парусиновый навес; я сняла его. Парусина нам пригодится - шатер натянуть или просто укрыться, а то и на зимнюю одежду пойдет. Я сложила все, что под руку подвернулось, кухонные да садовые инструменты, связала большущий узел, чтобы только сил хватило на спине дотащить. Богачкой, в карете, запряженной четверкой лошадей, прибыла я в дом своего мужа, а ухожу с узлом на спине; и ведь не вела себя дурно, не транжирила попусту. Как знать, может, и этот узел за спиной - краденый; правда, его содержимое - моя собственность, но уношу я ее сейчас все же по-воровски. Понятия правды и несправедливости, дозволенности и запрета - все смешалось у меня в голове. С узлом за спиной я бежала прочь из собственного дома. Идя вдоль сада, я сорвала по несколько веточек с каждого из дивный плодовых деревьев, отломала черенки смоковниц и ягодных кустов, подобрала в передник рассыпанные по земле семена, а затем... прижалась губами к ветвям плакучей ивы, под которой столько раз забывалась счастливым

сном. Всему конец. Больше я никогда не возвращалась на том место. Лодка в последний раз перевезла меня через Дунай. На обратном пути меня занимали две тревожные мысли. Первая - о том, что на острове водятся и не желанные обитатели - змеи. Наверняка они живут и в пещерах, а я ужасно из боюсь, да и за Ноэми страшно. Вторая мысль была о собаке. Сама-то я могу хоть годы продержаться, питаюсь диким медом, водяным орехом и манником, Ноэми выкормит материнская грудь, а вот что делать с Альмирой? Такое крупное животное ведь не прокормишь тем, что сама станешь есть. А без нее мне никак нельзя, я пропаду от страха и одиночества. Когда я с узлом добралась до пещеры, то увидела, как перед входом извивается хвост крупной змеи, а чуть поодаль лежит и откушенная голова. Недостающую часть между головой и хвостом съела Альмира. Умная собака лежала возле ребенка, виляя хвостом и облизываясь, словно хотела сказать: я уже отобедала. С той поры она стала все время охотиться на змей, добывая себе каждодневное пропитание. Зимой она выкапывала их из нор. Мой друг - так я ее обычно называю - сама додумалась, как ей просуществовать тут, на острове, и избавила меня от тягостных дум.

Ах, сударь, не могу вам передать, что я испытала в ту первую ночь! Ни души вокруг, со мною были только бог, дитя и собака. Не решусь назвать свое чувство болью, скорее это было наслаждение. Мы все втроем укрылись парусиной и проснулись с первым пеньем птиц. И начался труд - труд первобытного человека. Нужда всему научит. До рассвета надобно успеть собрать манник, росную крупу, потому-то ее так и называют. Жены бедняков ходят в болотные заросли, где произрастает это растение со сладкими семенами; задирают подол юбки, придерживая его широко расставленными руками, и начинают кружиться среди кустарника. Спелые зерна сыплются в подставленный подол. Уж это ли не манна небесная, ниспосланный богом даровой хлеб, которым питаются "ничейные слуги"!

Сударь! Два года продержалась я на этом хлебе и каждый день, становясь на колени, возносила хвалу тому, кто заботится о птичках полевых!

Дикие плоды, мед лесных пчел, земляные орехи, черепашие мясо, яйца диких уток, припасенные на зиму водяные орехи, улитки и сушеные грибы служили мне повседневным пропитанием. Благословен господь, подающий своим беднякам столь обильную пищу!

И все это время я днем и ночью трудилась, дабы выполнить данный мною обет. К дичкам я привила ветки плодовых деревьев из нашего сада, вскопала землю и посадила ягодные кусты, виноград и разные полезные растения. С южной стороны скалы я посеяла хлопчатник и ваточник, а из собранного урожая изготовила грубую ткань на ивовом станке, вот была нам одежда. Из рогоза и осоки сплела ульи, собрала в них рои диких пчел, и в первый же год у меня были мед и воск для обмена. Мельники и торговцы подпольным товаром иногда заезжали на остров, помогали мне при наиболее тяжелых работах. И никто не чинил мне обид. Люди знали. Что денег у меня нет, и платили мне своим трудом да необходимыми инструментами - ведь каждому было известно, что денег я не беру! Ну, а когда мои фруктовые деревья начали плодоносить, вот тут-то уж я и вовсе разбогатела. На плодородной земле этого острова любое дерево чувствует себя привольнее вдвойне. У меня есть груши, которые плодоносят два раза в год, и каждое молодое деревце после Иванова дня дает новые побеги. Деревья у меня приносят урожай обязательно каждый год. Я все время старалась изучить их секреты и поняла, что для умело садовника не должно быть ни слишком обильных, ни неурожайных годов. Ведь если с животным говорить, как с человеком, оно вас понимает, вот и деревья, по-моему, тоже прислушиваются - присматриваются к тем, кто с любовью за ними ухаживает, они угадывают ваши сокровенные желания и гордятся, если им удастся доставить вам радость. О, деревья - существа разумные, у них есть душа. Я считаю, убийца тот человек, у кого поднимается рука срубить благородное дерево.

Для меня они все - мои друзья. Я люблю их, живу ими и благодаря им.

Ради их ежегодных даров приплывают ко мне на остров крестьяне из окрестных сел, с мельниц и привозят на обмен то, что мне для хозяйства требуется. За деньги я ничего не продаю! Денег

страшусь, ведь они, окаянные, чуть не сжили меня со света, а муж мой и вовсе из-за них жизни лишился. Не хочу я их больше никогда видеть.

Но я не такая дуручка, чтобы не быть готовой к тому, что могут наступить и суровые года, когда весь кропотливый труд насмарку пойдет: могут ведь ударить поздние заморозки или урожай побьет градом. Я предусмотрела и худые времена. В подвальной пещере скалы и в проветриваемых ложбинках у меня отложено все, что можно припасти впрок: в бочках достаточно вина, в коробах - воска, тюки набиты шерстью и хлопком, чтобы избавить нас от нужды на случай голодного года, а то и двух. Видите, даже склады припасов у меня есть, а вот денег нету. Я считаю себя богатой, хотя вот уже двенадцать лет ни гроша в руках не держала! Ведь я живу здесь на острове, сударь, вот уже двенадцать лет - одна, а вернее, живем втроем. Альмиру я за человека считаю. Ноэми, правда, говорит, что на четверо. Для нее Нарцисса - свет в окошке. Блаженное дитя!

Многие знают, что бы тут живет, но в этих краях предательство не в чести.

Противоестественный замок, которым заперта граница двух стран, воспитал в здешних людях постоянную скрытность. Никто не суется в чужие дела и инстинктивно хранит любую тайну. Отсюда никакие сведения не просачиваются ни в Вену, ни в Буду, ни в Стамбул.

Да и с какой бы стати людям доносить на меня? Я чужого не трогаю, никому вреда не желаю. Выращиваю плоды на клочке земли, а земля эта ничейная. Господь бог да принадлежащий королю Дунай дали мне все блага, и за то я каждодневно возношу им хвалу. Слава тебе, господи, слава тебе. Мой король!

Теперь уж и не знаю, сохранилась ли во мне какая-либо религиозность. Двенадцать лет я не видела ни священников, ни храма. Ноэми об этой стороне религии тоже ничего не знает. Я научила ее читать-писать, я рассказала ей о Боге, об Иисусе, о Моисее - какими я их себе представляю. Рассказала ей о добром, всепрощающем и вездесущем Боге, о возвышенном в своей униженности, немеркнущем в страданиях, божественном в своей человеческой сути Иисусе и о Моисее, ведущем свой народ к свободе, в голоде и жажде странствующем по пустыне, лишь бы не променять волю на сытое рабство, о Моисее, проповедующем добро и братскую любовь. Но о Боге жестоком и мстительном, проводящем различие между людьми, о Боге, требующем жертв и поклонения в богато изукрашенных храмах; об Иисусе, утверждающем собственную исключительность, требующем от людей слепой веры, призывающем платить подати богатым и подвергать гонениям ближних своих; о Моисее, вымогающем деньги и призывающем ко всеобщей ненависти, о себялюбивом Моисее, прославляемом в книгах и церковных проповедях, псалмах и колокольном звоне, - моя дочь не знает!

Теперь, сударь, вам известно, кто мы такие и чем занимаемся. И, стало быть, вам ясно, чем угрожает нам Кристьян, сын человека, за которого поручился мой муж, из-за которого он покончил с собой, а мы с дочкой были вынуждены покинуть людской мир.

Мальчику было тринадцать лет, когда нашу семью постиг крах, но удар этот и его коснулся, ведь родной отец бросил его на произвол судьбы.

Поистине не приходится удивляться, что из него вышел такой негодяй.

Покинутый, выброшенный родным отцом на свалку общества, обреченный на милостыню чужих людей, обманутый, обокраденный самым близким человеком, какого следовало бы питать сыновней любовью, с молодых ногтей заклеянный как сын мошенника... не удивительно, что он стал тем, кем вынужден был стать.

Впрочем, даже я толком не знаю, кто он такой, хотя знаю о нем довольно много.

Люди, побывавшие на острове, немало рассказывали о нем.

Вскоре после бегства Максима Кристьяна он тоже отправился в Турцию - на поиски отца, так он говорил. Одни утверждали, будто бы Тодор разыскал отца, другие уверяли, что ему так и не удалось напасть на его след. Поговаривали так же, будто бы парень обокрал отца, бежал с деньгами и все разом растранил. Но наверняка никто ничего не знает. У самого Кристьяна спрашивать бесполезно, он сроду правды не скажет, где был да что делал. Зато наплетет с три

короба и так ловко свои небылицы порасскажет, что даже тот, кто очевидцем был и видел совсем противоположное, - и тот засомневается, уж не правду ли Кристьян рассказывает. Сегодня он здесь, завтра там. Встречали его в Турции и Валахии, в Польше и Венгрии, и не сыскать в этих странах прославленного человека, с которым бы Кристьян не был знаком; стоит ему с кем-либо сойтись, он непременно обманет этого человека, и обманутый может не сомневаться, что Кристьян объявится снова и снова его обманет. Говорит он на десятке языков, и к какой нации сам себя причислит, за того люди его и принимают. То он выступает купцом, то солдатом или моряком, нынче он турок, завтра грек. Видели его и в роли польского графа, и жениха русской княжны, и немецкого чудо-доктора, способного якобы излечить любую хворь своими пилюлями. Чем она занимается на самом деле - не догадаться. Одно можно сказать наверняка: он - платный согладатай. Кому он служит: туркам, австрийцам, русским? И тем, и другим, и третьим, а может, и еще каких хозяев находит. Но кому бы он ни служил, обманывает всех и каждого. На острове он появляется несколько раз в год. Приплывает на лодке с турецкого берега и той же самой лодкой переправляется на венгерскую сторону. Какие у него там дела, я и предположить-то даже не могу. Но мне кажется все же, что мучительству, всякий раз появляясь здесь, он подвергает меня собственного удовольствия ради. Он любитель вкусно поесть и за юбкой приволокнуться. А у меня всегда есть вкусная еда и есть молоденькая, подрастающая девочка, которую он не прочь поддразнить, называя своей невестой. Нозми ненавидит его, даже не подозревая, насколько обоснована ее ненависть. Но я не думаю, что Тодор Кристьян лишь ради этого наведывается на остров. Должно быть, с островом связаны какие-то тайны, о которых я и понятия не имею. Кристьян - платный доносчик, к тому же злой человек и развращенный до мозга костей. С него все станет. Он знает, что бы с дочкой здесь на птичьих правах, никаких человеческих прав на этот остров мы не имеем, и, владея нашей тайной, прибегает к вымогательству, терзает нас обеих. Придумал для нас угрозу: если мы не станем ему подчиняться и не дадим все, что он потребует, он донесет на нас и австрийскому и турецкому правительству, а те, как только узнают, что посреди Дуная образовалась новая территория, прежде не упоминавшаяся в мирных соглашениях, тотчас выступят со своими претензиями, и, пока спор не решится в пользу одной из сторон, принудительно выселят со спорной территории всех жителей, как это было с пространством между горой Аллион и рекой Черна, объявленным "ничейной" землей. Достаточно этому человеку произнести хотя бы слово, и все, что тяжким двенадцатилетним трудом создано мною на этом пустынном острове, будет загублено, этот райский уголок, где мы так счастливы, вновь будет превращен в дикие заросли, а мы опять станем бесприютными. И это еще не все! Ведь мы вынуждены бояться не только имперских чиновников, но и церковных служителей. Стоит только епископам, патриархам, архимандритам и деканам прознать, что на острове подрастает девица, которая с момента своего крещения не видела храма божьего, и ее тотчас же насильно отберут у меня и поместят куда-нибудь в монастырь. Теперь, сударь, вы знаете, почему тяжелые вздохи не давали вам уснуть?

Тимар задумчиво следил за диском луны меж стволов тополей, постепенно клонившимся к горизонту.

"Почему мне не дана власть вершить судьбы людей?" - думал он про себя.

- Этот человек в любой день может пустить нас по миру, - продолжала Тереза. - Единственное, что для этого требуется, сообщить в Вену или в Стамбул о вновь образовавшемся острове на Дунае, и мы погибли. Ни один человек в округе никогда нас не выдаст, на это способен только он. Но я готова на все. Своим существованием остров обязан лишь этой скале на мысу: она удерживает изгиб дунайского рукава. Однажды, в тот год, когда турки сражались против сербского короля Милоша, сербы- контрабандисты спрятали на острове в ракитовых кустах три ящика пороха. За ними так никто и не явился; возможно, те люди, что спрятали здесь порох, были схвачены, а то и убиты. Я эти ящики отыскала и перенесла сюда, в самую глубокую пещеру. Сударь! Если с этого ничейного острова меня захотят прогнать, я брошу зажженный фитиль на ящики с порохом, и скала вместе с нами взлетит на воздух. Следующей весной после

ледохода от этого острова и следов не останется... Теперь вы понимаете, отчего вам не спалось на этом месте?

Тимар, подперев голову руками. Смотрел перед собой.

- Скажу вам еще кое-что! - добавила Тереза, наклонясь ближе к Тимару, чтобы он расслышал ее шепот. - Мне кажется, у этого человека была и другая причина появиться на острове именно сегодня и внезапно исчезнуть, кроме того, что он проигрался в карты в каком-нибудь распоследнем кабаке и надеялся у меня разжиться деньгами. Этот визит был адресован вам или второму господину. Пусть побережится тот из вас, у кого есть сокровенная тайна!

Луна скрылась за тополями, и небо на востоке стало светлеть. В лесу защебетали желтые дрозды. Близились утро.

Со стороны Острова донесся протяжный звук рожка - побудка для корабельщиков.

На тропинке послушались шаги; один из матросов пришел доложить, что судно готово к отплытию, ветер стих и можно трогаться в путь.

На пороге хижины появился Евтим Трикалис с дочерью - белолицей красавицей Тимеей.

Ноэми тоже была на ногах, из свежего козьего молока готовила в кухне для гостей завтрак; поджаренная кукурузная мука заменяла кофе, а вместо сахара служил сотовый мед. Тимея не стала пить, уступив свою порцию Нарциссе, а та, к превеликому огорчению Ноэми, приняла от чужой девочки угощение.

Евтим Трикалис поинтересовался у Тимара, куда девался господин, пожаловавший сюда вечером. Тимар пояснил, что тот отбыл еще ночью.

От этой вести лицо Евтима Трикалиса омрачилось пуще прежнего.

Затем все они распрощались с хозяйкой дома. Тимея капризничала, жаловалась, что все еще неважно чувствует себя. Тимар задержался последним и на прощание вручил Терезе пестрый шелковый платок турецкой работы - в подарок Ноэми; Тереза поблагодарила его и пообещала, что Ноэми станет носить платок.

- Я еще вернуть сюда! Сказал Тимар, сжав руку Терезы.

По тропинке, поросшей мягкой травой, гости направились к лодке. Тереза и Альмира проводили их до самого берега.

А Ноэми взобралась на верхушку скалы и, усевшись на густую подстилку из мха и мясистых листьев седума, устремила мечтательный взгляд своих голубых глаз вслед удаляющемуся челну.

Прибежала Нарцисса и уютно устроилась на коленях хозяйки, грациозно изогнув шею и головой ластясь к Ноэми.

- Порочь пошла, изменница, неверная! Так-то ты меня любишь? Вмиг переметнулась к другой девочке только потому, что та красивая, а я нет! А теперь, когда она уехала, опять ко мне вернулась, теперь и я для тебя хороша? Ступай прочь, не люблю тебя больше!

Приговаривая эти слова, Ноэми обеими руками прижимала к груди ластящуюся беглянку, округлым нежным подбородком касаясь белой кошачьей головки и не сводя глаз с далекого челна. В глазах ее блестели слезы.

Али Чорбаджи.

На следующий день "Святая Варвара", пользуясь благоприятной погодой, весь день продвигалась вверх по рукаву Дуная, вдоль венгерских берегов. До вечера на судне не произошло ничего примечательного.

Вечером все рано отправились на покой, единодушно сойдясь во мнении, что прошлой ночью мало удалось поспать.

Но Тимару и в эту ночь не суждено было уснуть. Якорь был спущен, на судне царила тишина, и лишь монотонный плеск волн, ударяющихся о борта, мешал окончательно возобладать ночному безмолвию. Но даже и в этой тишине чудилось Тимару, будто соседи его всецело поглощены

каким-то отнюдь не благим занятием. Из боковой каюты, лишь тонкой дощатой перегородкой отделанной от его собственной кабинки, доносились разнообразные звуки: вроде бы позвякивают монеты, а сейчас как будто вытащили пробку из бутылки; вот словно бы ложкой что-то размешивают в стакане, а затем ладонь соприкоснулась с ладонью, точно совершая вечернее омовение. И отчетливо послышался тот же вздох, что и прошлой ночью: "О. Аллах!". И наконец Тимар услышал тихий стук в перегородку: Евтим Трикалис звал его.

- Добрый господин, зайди ко мне!

Тимар второпях оделся и поспешил в соседнюю каюту.

Там помещались две койки и столик между ними. Одна койка была отгорожена занавеской, на другой лежал Евтим. На столике стояли ларец и два пузырька.

- Что прикажете, сударь? - осведомился Тимар.

- Я не приказываю - прошу.

- Что-нибудь стряслось?

- Сейчас все будет кончено. Я умираю - по своей воле, я принял яд. Не поднимай шума, сядь возле меня и выслушай, что я тебе скажу. Тимея не проснется, я напоил ее опиумом, чтобы крепче спала. В этот час ей нельзя бодрствовать. Молчи, не перебивай. Все, что ты скажешь мне, через час утратит для меня всяческий смысл, я же должен сказать тебе очень многое, а времени у меня мало, этот яд действует быстро. О нет, не пытайся меня спасти! Видишь - в руках у меня противоядие, пожалей я о содеянном, я мог бы поправить дело. Но я не хочу, и я прав. Итак, садись и внимай моим словам.

Зовут меня не Евтим Трикалис, а Али Чорбаджи, прежде я был правителем Кандии, затем казначеем в Стамбуле. Тебе известно, что сейчас происходит в Турции. Султан вводит новшества, а улемы, дере-беки и санджа-беки бунтуют. В таких условиях человеческая жизнь гроша ломаного не стоит. Одна сторона тысячами убивает тех, кто не согласен с нею, другая сторона тысячами поджигает дома власть имущих, и нет в стране лица столь высокого, какое бы не опасалось руки властителя или же руки раба своего. По приказу стамбульского наместника не так давно были задушены шестьсот знатных турецких господ, а его самого собственный раб прикончил в Софийской мечети. Даже на самого султана было совершено нападение на галацком мосту: дервиш Сачи угрожал ему смертью. Любое нововведение всегда оплачивается людской кровью: появление первого английского парохода в Босфоре было отмечено двумя сотнями отрезанных голов лодочников. Когда султан посетил Эдирне, было схвачено двадцать шесть знатных людей, из них двадцать человек обезглавлено, а шестеро подвергнуты пыткам, после чего дали чудовищные показания против виднейших людей страны. Затем эти несчастные были задушены, а те, против кого они дали показания, - улемы, военачальники, паши, министры - подвергнуты преследованию. Разумеется, не в открытую: попавшая под подозрение знать исчезла бесследно. Секретарь султана, эфенди Ваффат, был отослан в Сирию, а по дороге до смерти избит; Петрев-паша был приглашен на обед эдирнесским правителем Эмин-пашой, а когда в конце обеда был подан черный кофе, гостеприимный хозяин оповестил гостя, что, по желанию султана, он должен испить находящийся в чашечке яд. Петрев лишь испросил дозволения высыпать в кофе принесенный с собою яд, поскольку в смертельном действии его уверен; затем он воздал хвалу султану, совершил омовение и намаз - и умер. Ныне каждый знатный турок носит при себе в перстне яд, дабы быть наготове, когда настанет его черед.

Я загодя узнал, что мой черед подходит.

В заговоре я не состоял, но у меня были две основательные причины ждать смерти. Одна из них - деньги, другая - моя дочь.

Деньги мои требовались казне, дочь была нужна сералю.

Умереть не трудно, к смерти я готов; но дочь я в сераль не отдам, да и нищей сделать не позволю.

Решил я обхитрить своих недругов и сбежать - с дочерью и со всем состоянием.

Бежать морем не было возможности: на новых колесных судах нас сразу же догнали бы. Я держал припасенным паспорт в Венгрию; обрил свою густую, длинную бороду и под видом греческого купца потайными путями пробрался в Галац. Дальше бежать по суше было уже невозможно. Поэтому я нанял твое судно, почти на все свои деньги накупил пшеницы, таким образом и средства мои остались при мне, и украсть у меня вроде бы нечего. Когда ты назвал имя твоего судовладельца я страшно обрадовался, ведь Атанас Бразович доводится мне родственником: мать Тимеи - родом гречанка - из их семьи. Я не раз оказывал добрые услуги этому человеку и теперь прошу его отплатить мне тем же. Аллах велик и мудр, и от судьбы не уйдешь. Ты, вероятно, догадался, что я беглец, хотя и не знал, злоумышленник или пред тобою или политический беженец; но ты как капитан судна выполнил свой долг по отношению к вверенному тебе путнику и помог мне спастись. Чудом удалось нам пробраться через скалы и водовороты Железных Ворот; дерзко ускользнули мы от преследовавшей нас канонерки; играючи миновали карантин и досмотр в Оршове, и когда все эти великие трудности оказались позади, я споткнулся о соломинку, и теперь мне одна дорога в могилу.

Человек, который вчера вслед за нами появился на острове, - шпион турецкого правительства. Я его знаю, да и он наверняка меня узнал. Никому не удалось напасть на мой след, а эта ищейка вынюхала. Теперь можно не сомневаться, что уже у Панчева меня поджидают... Не перебивай, я знаю, что ты хочешь сказать. Там, мол, уже венгерская территория, и ни одно правительство не выдаст другому политического беженца. Да только меня будут преследовать не как политического беженца, а как жулика. Конечно, это неправда. Я взял с собой лишь то, что мне принадлежало, и если у государства есть ко мне какие претензии, - я оставил в Галицу двадцать семь домов, пусть пользуются. Но ведь меня все равно обвинят в том, что я - вор, похитил деньги из казны. А беглых воров даже Австрия обычно выдает Турции, если турецким ищейкам удастся их выследить. Этот человек меня опознал, и теперь мне конец.

На пожелтелом лбу турка выступили крупные капли пота. Лицо сделалось восковое.

- Дай промочить горло, трудно говорить. Мне еще многое нужно тебе сказать.

Самому мне не спастись, но своей смертью я спасу дочь и ее имущество. Так было угодно Аллаху, а кто дерзнет ускользнуть из-под сени его?

Поклянись своей верой и честью, что выполнишь то, о чем я тебя попрошу.

Прежде всего, когда я умру, не хорони меня нигде на берегу. Да и негоже мусульманину желать, чтобы его хоронили по-христиански. Схорони меня по флотскому обычаю: вели зашить в парусину и привязать к голове и ногам камни потяжелее, а в самом глубоком месте Дуная опустить в воду. Поступи со мною так, сын мой.

А затем так же бережно доведи судно до Комарома и как следует позаботься о Тимее.

Здесь, в ларце, мои наличные деньги - всего тысяча золотых. Остальное богатство мое - в мешках, вложено в пшеницу. На столе я оставил записку, ты спрячь ее у себя; в ней я подтверждаю, во-первых, что переел арбузов, подцепил дизентерию и по этой причине умираю, а во-вторых, что вся моя наличность - тысяча золотых! Не хочу, чтобы тебя обвинили, будто ты довел меня до смерти либо богатством моим поживился.

Тебе я ничего не дарю. Ты поступаешь по доброте сердца, и за то вознаградит тебя твой бог.

Лучшего должника тебе и не сыскать.

А затем доставь Тимею к Атанасу Бразовичу и попроси взять ее в дочери. Одна дочь у него уже есть, пуская Тимея станет ей сестрою. Вручи ему деньги, дабы обратил он их во благо моему детищу. А также передай ему судовой груз да попроси, пусть самолично проследит за тем, как мешки станут опорожняться: я засыпал их чистым зерном и не хочу, чтобы его подменили.

Понятно тебе?

Умирающий вперил в глаза Тимара горящий взор, стараясь побороть подступающую слабость.

- Это очень важно....

Он опять умолк.

- Что, бишь, я сказал?.. Мне надо сказать тебе что-то важное, но в голове мутится.. Ночь-то какая красная! И месяц на небе красный. Ах да, "Красный полумесяц"...

Тут внимание умирающего привлек глухой стон, донесшийся с той стороны, где на ложе своем покоилась Тимея, и придал его мыслям иное направление. Испуганно приподнявшись на постели, он принялся дорожащими руками шарить под подушкой, а широко раскрытые глаза его остекленели.

- О, чуть было не забыл! Ведь я же дал Тимее сонного зелья, и если ее не разбудить вовремя, она уснет вечным сном. В этом пузырьке - противодействующее средство. Когда я умру, ты натри ей лоб, виски и под ложечкой... только как следует, с силой втирай, покуда она не проснется. Вот беда, ведь я, сам того не желая, чуть было не увлек ее за собою. А ей надо жить! Клянешься верой совей и честью, что не дашь уснуть ей навеки, разбудить ее, вернешь к жизни?

Умирающий судорожно прижал к груди руку Тимара; смертельная агония исказила черты его лица.

- О чем это я говорил?... Что же я хотел тебе сказать? На чем остановился? Ах да, "красный полумесяц"!

В раскрытое окно заглядывал рожок убывающей луны, окутанный красноватым туманом. Эта ли картина отпечаталась в угасающем мозгу умирающего или же она навела его на какую-то мысль?

- Да: "красный полумесяц"! - прошептал он еще раз, судорожно привлекая к себе Тимара; затем агония навеки сковала его уста. После недолгих мучений старик скончался.

Живой алебастр.

Тимар остался один на один с покойником, с девушкой, спящей мертвым сном, и с тайной, погребенной в ночной тиши.

А ночные тени словно нашептывали ему:

"Подумай, как славно все уладится, если ты не выполнишь того, что тебе поручено: не предашь уснувшего волнам Дуная, не станешь пробуждать девушку от спячки, но позволишь ей тихо мирно отбыть в мир иной! Правда, соглядатай наверняка успел донести в Панчеве о беглеце Чорбаджи, но если опередить его, причалить к берегу не в Панчеве, а в Белграде и там донести на беглого турка, то треть его сокровищ по закону достанется тебе. Ведь они, эти сокровища, теперь все равно ничьи: отец мертв, дочь, если ты не пробудишь ее к жизни, упокоится навеки. Ты вмиг разбогатеешь! Богатый человек - он всегда в хороших, это бедняк - подлый и никчемный!"

Но у Тимара готов ответ этим ночным теням: "Нет уж, лучше я останусь подлым и никчемным!" И дабы заглушить коварные нашептывания, он закрыл окошко каюты; стоило ему взглянуть на красноватый рожок луны. И его охватывал какой-то страх. Ему чудилось, будто именно оттуда исходил злонамеренный шепот. Может, в этом предостережении и заключался смысл предсмертных слов Али Чорбаджи о "красном полумесяце"?

Тимар отодвинул занавеску, отгораживавшую ложе Тимеи.

Подобно живой алебастровой статуе покоилась спящая девушка; грудь ее медленно опускалась и вздымалась, губы были полуоткрыты, веки сомкнуты, стоящая наготове смерть придала ее лицу выражение неземной значительности.

Одна рука девушки была поднята к локонам, обрамлявшим лицо, другая сжимала на груди сборки ночной сорочки.

Тимар с содроганием дотронулся до нее, словно до заколдованной феи, от прикосновения к которой простой смертный испытывает столь мучительную сердечную боль, что лишается жизни. Набрав в ладонь настройки из пузырька, он принялся растирать виски спящей девушки. Не отрывая взгляда от ее лица, Тимар думал:

"Неужели я мог бы допустить твоей смерти, дивное создание?! Да будь судно нагружено доверху жемчугом и достанься он весь мне в случае твоей смерти, и то я не позволил бы тебе

уснуть навеки. Нет таких брильянтов на свете, которые доставили бы мне большую радость, чем твои глаза, когда ты, пробудясь, откроешь их!".

Тимар растер лоб и виски Тимеи, но застывшее во сне лицо не изменило своего выражения; тонкая линия сросшихся бровей не отозвалась ни единой морщинкой на лбу, когда чужие мужские руки касались их.

Наказ турка гласил: противодействующим средством надлежит натереть и грудь.

Тимар вынужден был взять девушку за руку, чтобы убрать ее с груди.

Рука не оказала никакого сопротивления. Она была вялая и холодная.

Столь же холодной была и вся девичья фигура. Холодной и прекрасной, как алебастр.

А ночные тени нашептывали свое:

"Взгляни, как прекрасно это тело! Никогда еще человеческие уста не касались более совершенной красоты. Кто узнает, если ты поцелуешь ее?".

Но Тимар, перекрывая шепот ночи, ответил самому себе: "О нет! Ты ни разу в жизни не присвоил ничего чужого, а ведь такой поцелуй был бы равнозначен воровству". С этими словами он подтянул персидское ковровое покрывало, которое девушка во сне сбросила с себя, укрыл ее по плечи и под покрывалом растер ей настойкой грудь. А чтобы не поддаться какому бы то ни было соблазну, во время этой процедуры не отрывал глаз от девичьего лица. Ему казалось, что он смотрит на алтарный образ, излучающий чистоту и холод.

И вдруг черные ресницы дрогнули, и глаза открылись; взгляд их был мрачный, тусклый.

Дыхание девушки участилось, и Тимар почувствовал, как сердце у него под рукой забилось сильнее.

Тогда он вытащил руку из-под покрывала.

Пузырек с настойкой Тимар поднес к носу девушки, чтобы та вдохнула резкий спиртовой запах. Похоже, Тимея начала просыпаться: она повернула голову, пытаясь отстраниться от пузырька, и нахмурила брови.

Тимар Тихонько окликнул ее по имени.

Тут вдруг девушка внезапно поднялась и криком "отец!" и застыла, сидя на краю постели и глядя перед собой в одну точку.

Ковровое покрывало соскользнуло ей на колени, а ночное облачение сползло с плеч; девушка походила сейчас на античный бюст.

-Тимея! - Окликнул ее Тимар и натянул на обнаженные плечи бязевую сорочку. Девушка этого даже не заметила.

- Тимея, ваш отец умер! - молвил Тимар, но девушка ни лицом, ни телом не вздрогнула при этих словах; она оставалась безучастной.

Тимар сбежал к себе в каюту за спиртовкой; с лихорадочной поспешностью, обжигая руки, сварил черный кофе, затем подошел к девушке, привлек к себе ее голову, разжал ей губы и, запрокинув ей голову, вынудил проглотить кофе.

До сих пор ему приходилось пересиливать лишь ее телесную скованность; но как только девушка проглотила горькое, горячее питье, она вдруг с такой силой оттолкнула его от себя, что у него даже чашка выпала из рук. А девушка повалилась на постель, натянула на себя покрывало; ее знобило так, что зуб на зуб не попадал.

- Ну, слава богу, раз дружит - значит, жива! - вознес благодарственную молитву Тимар. - Теперь займемся похоронами по флотскому обычаю.

Похороны по флотскому обычаю.

В океане это происходит вполне естественно. Тело умершего зашивают в парусину, привязывают к ногам ядро и бросают за борт. Через какое-то время "могила" его обрастает кораллами.

Однако бросить умершего человека с судна в Дунай не так-то просто. Ведь берег рядом, а на берегу - города и села, где священники и колокола для того и существуют, чтобы предавать покойников освещенной земле да звонить за упокой их душ; тут нельзя всего лишь по воле усопшего взять да и швырнуть его в воду.

И тем не менее Тимар отлично понимал, отчего именно так все и должно произойти. Трудности его не смущали.

Прежде чем успели поднять якорь, он уведомил рулевого, что на судне находится покойник: Трикалис умер.

- Я так и знал, что беды не миновать, - скала Янош Фабула. - Белуга плыла с нами наперегонки, а это верная примета смерти.

- Придется сойти на берег и попросить священника похоронить покойного. Не везти же нам труп с собою, нас и без того подозревают в чумной заразе.

Почтенный Фабула с сомнением крикнул и сказал, отчего, мол, не попробовать.

Ближайшее село Плесковац славилось богатством; был тут храм с двумя башнями и собственный декан - рослый, статный красавец с длинной черной бородой, густыми, широкими бровями и благозвучным, напевным голосом.

Декан был давним знакомцем Тимара, который не раз покупал у него зерно; священник всегда заготавливал немало пшеницы на продажу.

- Ах, сын мой, нехоти ты явился! - воскликнул декан при виде Тимара. - Урожай выдался неважный, да и тот я уже давно распродал. (А между тем и во дворе, и на гумне занимались обмолотом.).

- На сей раз я собрал жатву! - ответил Тимар. - Да только печальную: покойник у нас на судне, ваше преподобие. Вот и решили просить вас пожаловать к нам и похоронить усопшего как положено.

- погоди, сын мой, уж больно ты торопишься! - возразил декан. - Исповедался ли усопший христианин перед смертью? Принял ли святое причастие? Уверен ли ты, что не был он унитарием? Ведь иначе я хоронить не стану.

- Чего не было, того не было, ваше преподобие. Исповедника мы с собой не возим; умер праведник своей смертью и безо всякого вспоможения, как оно и бывает обычно с нашим братом корабельщиком. Но ежели вы, ваше преподобие, не желаете схоронить его честь по чести, то дайте по крайности мне хоть документ, чтобы я смог оправдаться перед родственниками усопшего, отчего не отдал ему последний долг. А там уж мы сами похороним его где-нибудь на берегу.

Декан выдал Тимару свидетельство о том, что покойнику отказано в погребении. Однако крестьяне, занятые обмолотом, прознали о случившемся.

Слыханное ли дело похоронить на их земле покойника не по церковному обряду? Ведь ясно как божий день, что всю округу градом побьет! Откуда бы этот покойник ни взялся, пусть не вздумают корабельщики навязать его какому-нибудь соседнему селу; никому такой подарок не нужен. Как пить дать накличет град, а тут виноград скоро убирать, у крестьянина на эти дни вся надежда. А в будущем году мертвец, не по-христиански погребенный, оборотнем заделается, всю влагу - будь то роса или дождь - в себя впитает.

Тимара же заверили, что быть ему нещадно битым, вздумай он перенести покойника на берег.

И чтобы корабельщики не сумели втихомолку зарыть его в землю где-нибудь на берегу, отобрали крестьяне четверых дюжих парней и послали на судно - проводить его на расстояние дневного пешего пути. А там, как очутиться корабль за пределами их округи, пусть делают со своим покойником что угодно.

Тимар прикинулся страшно разгневанным, но позволил четверке сопровождающих взойти на корабль.

Матросы же тем часом сколотили гроб и положили туда покойника; только и оставалось, что крышку прибить.

Тимар первым делом проведаль Тимею. Горячка разыгралась не на шутку; лоб девушки горел огнем, но лицо по-прежнему оставалось белым. Тимея была без памяти, и о всех приготовлениях к погребению так и не узнала.

- Оно и к лучшему! - молвил Тимар и, прихватив кружку с краской, принялся выводить на крышке гроба имя и дату смерти Евтима Трикалеса. Четверо парней- сербов, став позади, по складам читали вслух ровные строчки, писанные кириллицей.

- Давай-ка напиши хоть букву, а я пока займусь своими делами! - предложил Тимар одному из праздных зевак. Тот ухватился за случай показать свое умение и намалевал на доске такое "X", какое у сербов лишь в давние времена читалось как "С".

- Смотри, как славно у тебя получается! - похвалил его Тимар и вручил кисть другому. - Оказывается, ты тоже молодец. Как тебя зовут?

- Йозо Беркич.

- А тебя как кличут?

- Мирко Якшич.

- Ну, храни вас бог долгие годы! Не выпить ли нам по стаканчику сливовицы?

Сие благое дело свершилось без помех.

- А меня зовут Михай, фамилия моя Тимар. Очень удачная фамилия: захочу - могу назваться венгром, захочу - могу себя за турка выдать или за грека. Но вы меня зовите попросту - Михай.

- С богом, Михай!

Теперь Михай чуть ли не каждую минуту отлучался в каюту проведать девушку. Горячка не проходила, Тимея по-прежнему была без памяти. Однако Тимар не отчаивался, полагая так: кто плавает по Дуная, у того под рукой целая аптека, ведь холодная вода любой недуг лечит. Все его врачевальное искусство состояло в том, что он прикладывал ко лбу и икрам девушки смоченные в холодной воде платки, исправно заменяя их свежими, как только они согреваются.

Этот способ лечения был известен корабельщикам задолго до Призница⁷.

"Святая Варвара" весь день неспешно плыла вверх под Дунаю Вдоль берега Венгрии.

Парни=сербы вскоре перезнакомились с матросами и помогали им работать веслами, а те в свою очередь потчевали сербов жареным на вертеле мясом.

Покойник лежал на палубе, прикрытый чистой простыней вместо савана.

Под вечер Михай объявил своим людям, сто собирается лечь, потому как двое суток не спал; судно пусть тянут, покуда совсем не стемнеет, а тогда можно будет стать на якорь.

Однако Тимар и в эту ночь не ложился спать; вместо того чтобы отправиться к себе в каюту, он прокрался к Тимее и, укрыв ночник в пустом ящике, дабы свет не проникал наружу, всю ночь просидел у постели пребывающей в беспамятстве девушки, оберегая ее покой и меняя компрессы из загодя припасенной речной воды. Глаз он так и не сомкнул ни на минуту.

Тимар явственно слышал, как бросили якорь; корабль остановился, и лишь волны с плеском ударялись о его борта. С палубы еще долго доносился гомон мужеских голосов, затем постепенно все отправились на покой.

Но около полуночи Тимару послушались словно бы приглушенные удары молотка.

"Ага, значит, шляпки гвоздей сукном накрыли, чтобы приглушить удары!" - подумал он.

Затем раздался звук падения какого-то тяжелого предмета и громкий всплеск воды.

После этого на корабле все окончательно стихло.

Михай выждал, пока рассвело и судно вновь двинулось в путь. Минул, должно быть, час, когда он вышел из каюты. Лихорадка отпустила, и девушка забылась спокойным сном.

- Куда делся гроб? - Были первые слова Михая, когда он появился на палубе.

Парни-сербы решительно выступили вперед.

⁷ Призниц Винцент (1799 - 1851) - австрийский лекарь-непрофессионал, предложивший холодные компрессы в качестве жаропонижающего средства при лихорадке и воспалительных процессах

- Мы положили туда камней для тяжести и бросили в воду, чтобы вам не вздумалось похоронить покойника где-нибудь поблизости на берегу да на всех нас накликать беду.

- Что же вы наделали, злодеи вы этикие! Ведь мне теперь придется держать ответ перед комитатской управой; с меня спросят, куда делся проезжий господин, да еще и обвинят, чего доброго, будто бы это я скрыл его неведомо где. Так что уж изложите на бумаге, что это ваших рук дело. Кто из вас умеет писать?

Оказалось, что, конечно же, никто из парней грамоте не обучен.

- Но разве не вы, Беркич да Якшич, помогали мне делать надпись на крышке гроба?

Оба признались, что только и умеют одну-единственную букву написать, да и то исключительно кистью и на доске.

- Ничего не поделаешь. Придется везти вас с собой в Панчево, а там уж вы перед полковником на словах засвидетельствуете в мою пользу. Будьте спокойны, он из вас всю правду вытянет! От этой угрозы мигом научились писать не только Беркич и Якшич, но и два других парня. Уж лучше они дадут письменное свидетельство, только бы не отвезли из в Панчево.

Михай вынес на палубу чернила, перо, бумагу и, заставив одного из грамотеев улечься на живот, продиктовал тому свидетельство; так, мол, и так, ночью, пока корабельщики спали, они, сербские крестьяне, без ведома и согласия Тимара, опасаясь градобития, сбросили усопшего Евтима Трикалеса в Дунай.

-Внизу поставьте свои имена на напишите, где живете, чтобы вас можно было разыскать в случае, ежели судебное расследование начнется.

Один свидетель подписался как "Иса Каракасалович", проживающий в "Гунероваце", а другой назвался "Него Стириопицей из Медвелинца".

На том они с серьезным видом расстались; и Михай, и четверка сербов удержались, чтобы не расхотаться в лицо друг дружке.

С тем Михай и высадил их на берег.

... Али Чорбаджи покоился на дне Дуная, где он и завещал себя похоронить.

Шутка, достойная смеха.

На утро, когда Тимея пробудилась от сна, ее болезнь как рукой сняло. Юная природа взяла свое.

Одевшись самостоятельно, она вышла из каюты и застала Тимара в носовой части корабля.

- Где мой отец? - спросила девушка.

- Барышня, ваш отец скончался.

Тимея в упор смотрела на него большими, грустными глазами, в лице ее, и без того белом, не было ни кровинки.

-Куда же его дели?

- Ваш отец, барышня, покоится на дне Дуная.

Тогда Тимея села у борта судна и молча уставилась в воду. Она не проронила ни слова, не пролила ни единой слезы - лишь неотрывно смотрела в водяную глубь.

Тимар счел за благо попытаться утешить ее.

-Вы захворали и впали в беспамятство, а тем временем господь призвал к себе вашего отца. Я находился при нем в смертный час. Все его слова и помыслы были о вас, через меня он шлет вам свое последнее благословение. Выполняя волю вашего отца, я отвезу вас к его давнему приятелю - он ваш родственник по материнской линии и заменит вам отца. Есть у него и родная дочь- молодая и красивая, чуть постарше вас, она станет вам сестрицею. В той семье вас хорошо примут и будут добры к вам. А весь груз, что находится на этом судне, - ваша собственность, она досталась вам в наследство. Вы теперь богатая и всегда будете с благодарностью вспоминать об отце, который с такой любовью о вас позаботился.

У Тимара перехватило горло, когда он довел свою мысль до конца: "... и который умер, чтобы дать тебе свободу, принял смерть, чтобы даровать тебе жизнь!".

Тимар задумчиво разглядывал лицо девушки. А оно не дрогнуло в ответ на его прочувственные речи, из глаз не скатилось ни слезинки. Михай подумал было, что она стесняется плакать при постороннем, и отошел подальше; но девушка не заплакала, даже оставшись в одиночестве.

Ну не странно ли? При виде белой кошки, тонущей в волнах Дуная, слезы ее лились неудержимо, а сейчас, когда ей говорят, что отец ее покоится на дне речном, она и слезинки не уронит.

А может, так оно и бывает: люди, способные расплакаться от мелких переживаний, глубокую боль переносят, молча уставясь в одну точку, - вполне возможно. Однако Тимару сейчас было не до психологических загадок. На северо-западе показались шпили Панчева, а вниз по течению плыла лодка императорско-королевского флота, направляясь прямо к "Святой Варваре"; кроме капитана и восьми вооруженных лодочников там находился и тюремный стражник.

Подплыв к кораблю, незванные гости взяли его на abordаж и вскочили на палубу.

Капитан поспешил к Тимару, поджидавшему его у дверей каюты.

- Вы будете судовой комиссар?

- К вашим услугам.

- На этом судне под именем Евтима Трикалиса плывет турецкий паша; он расхитил казну и бежал вместе с награбленными сокровищами.

- На этом судне плыл грек по имени Евтим Трикалис - торговец зерном, и вез он не какие-то там награбленные сокровища, а чистое зерно, как показал официальный досмотр в Оршове, подтвержденный документально; вот вам первая бумага, извольте прочесть. Ни о каком турецком паше мне ничего не известно.

- Где он?

- Ежели был он греком, то у Авраама, а если турком - то у Магомета.

- Уж не умер ли он?

- Совершенно верно, скончался от дизентерии. Вот вам второй документ - завещание, собственноручно составленное умирающим.

Капитан прочел бумагу от начала до конца, время от времени бросая косые взгляды на Тимею, которая недвижно сидела на том месте, где ее застала весть о смерти отца. О чем идет разговор, она не понимала: язык ей был незнаком.

- Шестеро моих матросов и рулевой могут засвидетельствовать, что он действительно умер.

- То его беда, а не наша. Умер - значит умер, и его, вероятно, схоронили. Вы скажете нам, где он похоронен, а мы велим выкопать труп. Тут находится человек, который его опознает, и если подтвердится, что Трикалис и Али Чорбаджи - одно лицо, то, по крайности, хоть можно будет конфисковать похищенные сокровища. Где вы его погребли?

- На дне Дуная.

- Вот уж напрасно! Зачем вы это сделали?

- Но-но, тише! Вот вам третья бумага - от декана в Плесковице; Трикалис скончался в его приходе, а декан не только отказался провести обряд как положено, но и запретил снести тело на берег. Люди же требовали бросить покойника в воду.

- Черт бы их побрал, этих попов распроклятых! - Капитан в сердцах стукнул кулаком по эфесу сабли. - Вечно с ними хлопот не оберешься. Но вы ведь сможете примерно место указать, где его бросили в реку?

- Давайте разбираться по порядку, господин капитан. Крестьяне в Плесковаце отрядили на судно четверку караульных, чтобы, воспрепятствовать мне перенести тело на сушу, и эти четверо парней ночью, когда все мы спали, без ведома корабельщиков наложили в гроб камни для тяжести и опустили его в Дунай. Вот собственноручная расписка самих злоумышленников; возьмите ее, господин капитан, и вам не составит труда отыскать их, допросить и наказать поделом.

Капитан был вне себя от ярости; он разразился сардоническим хохотом, поперхнулся, сердито закашлялся и, дочитав бумажонку до конца, швырнул ее Тимару обратно.

- Славно тут у вас все уладилось! Обнаруженный беглец умер, с ним теперь не побеседуешь; поп, видите ли, не разрешил предать его земле; крестьяне сбросили покойника в воду и выдали бумагу, подписанную именами, которых человек отродясь не носил, указали названия деревень, каких никогда на свете не было. Беглец скрывается на дне Дуная, а мне теперь либо баграми прочесывать весь Дунай от Панчева до Смедерева, либо ищи-свищи двух негодяев, одного из которых кличут Каракасаловичем, а другого Стириопицей. И груз я конфисковать не могу, коль скоро личность бегльца не установлена. Да, господин комиссар, вы на славу расстарались, ловко все обделали! И бумагами обзавелись на все случаи, вон их у вас сколько: одна, две, три, четыре! Готов поспорить: вздумай я востребовать свидетельство о крещении этой вот барышни, вы мне и его представите в наилучшем виде.

- Если вам будет угодно.

Правда, свидетельство а о крещении Тимар представить не смог бы, зато сумел скроить такую дурацкую физиономию, что капитан только покачал головой. Рассмеявшись недобро, он похлопал Тимара по плечу.

- Вы прямо золото, а не человек, господин комиссар! Спасли этой девушке всю ее собственность, ведь за отсутствием отца я не могу ни ее задержать, ни на имущество ее арест наложить. Можете продолжать путь. Золотой вы человек!

С этими словами капитан резко повернулся, ближайшему лодочнику, замешкавшемуся на палубе корабля, влепил такую оплеуху, что тот чуть не свалился в воду, и велел немедленно убираться всем с корабля.

Но когда спустился в лодку, еще раз внимательно посмотрел назад.

Судовой комиссар взирал ему вслед все с тем же дурацким выражением.

Груз "Святой Варвары" был спасен.

Роковой конец "Святой Варвары".

Теперь "Святая Варвара" без помех держала свой путь вверх по течению, и у Тимара не было иных забот, кроме повседневных хлопот с погонщиками.

Путешествие по Дуная вдоль Большой Венгерской низменности - впечатление на редкость однообразное; здесь не встретишь ни скал, ни водопадов, ни руин исторических памятников - лишь уныло-скучные берега, поросшие тополем да ивой.

Что интересного расскажешь об этих краях Тимее?

Девушка иной раз целыми днями не выходила из каюты. Отсиживалась в одиночестве и молчала - слова не добьешься. Порой и к еде не притрагивалась: как приносили ей, так и забирали пищу нетронутой.

Вечера стали длинные; погожие дни сменились позднеоктябрьским дождливым ненастьем. Тимея затворницей проводила дни и ночи в своей одинокой каюте, и Михай не знал, что с ней; лишь по ночам сквозь тонкую дощатую перегородку доносились ее тяжкие вздохи. Но плача он не слышал ни разу.

Должно быть, жестокий удар навеки сковал холодом ее сердце. И сколько же тепла понадобится, чтобы растопить этот холод?

Ах, бедный друг мой, стоит ли об этом думать? Стоит ли грузить во сне и наяву об этом дивном белом лице? Даже не будь Тимея столь прекрасна, все равно она очень богата, а у тебя нет и гроша за душой. Тщетное занятие для такого бедняка, как ты, связывать все свои помыслы с прекрасным обликом богатой и знатной барышни. Вот если бы наоборот - ты был бы богат, а она бедна!....

"Кстати, каким же богатством обладает Тимея?" - прикидывает про себя судовой комиссар, дабы подвергнуть себя в отчаяние и отогнать тщеславные мечты прочь.

Отец оставил ей тысячу золотых наличными и судовой груз, который по нынешним временам потянет на десять тысяч золотом. Должно быть, есть у нее и драгоценности, а значит, сотня тысяч наберется. Девица с таким приданым в венгерском провинциально городке считается богатой невестой.

И тут Тимар столкнулся с загадкой, разрешить которую оказался не в силах.

Если сохраненное имущество Али Чорбаджи составляет одиннадцать тысяч золотом, то по весу это не более шестидесяти шести фунтов: золото занимает меньший объем по сравнению с прочими металлами. Шестидесят шесть фунтов золота нетрудно засунуть в котомку и унести на плече хотя бы и пешком. Какая нужда была Али Чорбаджи обращать золото в зерно, для перевозки которого понадобилось целое судно. Чего ради полтора месяца плыть под угрозой попасть в бурю, налететь на скалу, сесть на мель, подвергать себя риску карантина или обыску пограничной стражи, когда с тем же самым богатством в заплечной суме через горы-реки можно было без всякого риска за две недели пробраться в Венгрию?....

Тимар не мог подобрать ключ к этой загадке.

Эта загадка повлекла за собой другую, не менее таинственную.

Если сокровища Али Чорбаджи (праведным ли путем они добыты или неправедным) составляют всего одиннадцать - двенадцать тысяч золотом, с какой стати столь рьяно охотится за ними турецкое правительство? Не жалеет ради этакой мизерной поживы снаряжать двадцатичетырехвесельную канонерку и гонять ее по всему Дунаю, посылать вослед беглецу гонцов да соглядатаев. Это для неимущего судового комиссара десятков тысяч - сумма изрядная, а для знатного падишаха - так, мелкая подачка; к тому же, если бы даже и удалось конфисковать эти ценности сразу, то, пока они прошли бы через руки судебных исполнителей и прочих облеченных властью жуликов, от них едва ли осталось бы султану на табак - разок трубку набить. Какой же резон было ради столь убогой добычи приводить в движение мощный аппарат государственной службы?

А может, главной целью была Тимея? У Тимара достало склонности к романтике, чтобы допустить и такое предположения, хотя его трезвый ум всякий раз упирался в их нелепость.

Однажды к ночи ветер разогнал облака, и Тимар, выглянув из окна каюты, увидел на горизонте с запада молодой месяц.

"Красный полумесяц".

Ярок блистающий серп касался поверхности Дуная.

Тимару почудилось, будто месяц и вправду такой, каким его принято изображать в календарях: напоминает человеческий профиль, а растянутый в ухмылке рот словно говорит что-то.

Только ведь речи луны не всегда понятны: чужд нам этот язык. Вот лунатики его понимают и подчиняются ему, однако, пробудясь ото сна, и они забывают все, что им говорили.

Тимар словно бы получил ответы на свои вопросы. На который же из них: на подсказанный биением сердца или на свои математические выкладки? Похоже, на тот и на другой, вот только расшифровать эти ответы пока не удастся.

Красный полумесяц медленно погружался в воды Дуная, и лунная дорожка добежала по волнам до корабельного носа, словно говоря Тимару: неужто не понимаешь? Наконец и верхний край рожка скрылся под водою, посулив, однако, на прощание: вот вернуть завтра, и тогда ты все уразумеешь.

Рулевой полагал, что надобно использовать ясную погоду и двигаться вперед даже после заката солнца. Алмаш путники уже миновали, и до Комарома было рукой подать. Дунай в этих местах он знал как свои пять пальцев, так что мог провести судно хоть с закрытыми глазами. Вплоть до дёрского рукава Дуная плавание тут совершенно безопасно.

Однако когда "Святая Варвара" подплыла к Фюзитэ, под водой вдруг раздался слабый треск, но при звуке его рулевой в ужасе заорал погонщикам: "Стой!".

Тимар тоже побледнел и замер на мгновение; на лице его впервые за все время путешествия отразился страх.

- На топляк наскочили! - закричал он рулевому.

Рулевой, рослый детина, потеряв голову от страха, бросил руль и, плача как ребенок, побежал по палубе к каюте.

- На топляк наскочили!

С кораблем произошла именно эта беда. Дунай, разливаясь, подмывает берега, а вырванные огромные деревья увлекает своим течением; приставшая к корням земля затягивает деревья под воду, и стоит только идущему вверх по реке груженому судну налететь на комель затонувшего дерева, дырка в днище, считай, обеспечена.

От скал и мелей рулевой может спасти свой корабль; но против подстерегающего под водой топляка бессильны все лоцманские умения, опыт, сноровка: большинство дунайских судов гибнет именно из-за таких скрытых в глубине бревен.

- Нам крышка! - в один голос закричали рулевой и корабельщики и, повскакав с мест, кинулись спасать свой скарб - узлы да сундучки - в шлюпку.

Судно развернулось поперек течения и начало погружаться носом в воду. О спасении его и помышлять не приходилось - куда там! Оно битком набито мешками, и пока их перетаскаешь к пробоине, чтобы закрыть течь, десять раз на дно отправишься.

Тимар рывком распахнул дверцу в каюту Тимеи.

- Барышня, одевайтесь побыстрее да прихватите с собой шкатулку со стола! Корабль наш тонет, надо спасаться.

С этими словами он помог перепуганной девушке облачиться в теплый кафтан и велел садиться в шлюпку, там, мол, рулевой поможет, а сам бросился к себе в каюту за сундучком с судовыми документами и корабельной казною.

Однако Янош Фабула и не думал помогать Тимее, напротив, он очень даже осердился при виде девушки.

- Разве я не говорил, что из-за этой белолицей ведьмы со сросшимися бровями нам всем не сдобровать? Бросить бы ее за борт с самого первоначалу - и дело с концом.

Слов рулевого Тимея не уразумела, но от взгляда его налитых кровью глаз пришла в такой ужас, что убежала обратно к себе в каюту и легла на постель; она смотрела, как просачивается вода в щель под дверью, как проступает все выше и выше, чуть ли не к самой постели, и ей подумалось, что если вода поглотит ее сейчас, то течением унесет ее вниз, к тому месту, где на дне Дуная покоится отец, и они снова будут вместе.

Тимар тоже бродил по колено в воде, пока собрал в каюте все необходимые вещи в сундучок и, взвалив его на плечо, поспешил к шлюпке.

- А где же Тимея? - воскликнул он, не обнаружив девушки на месте.

- Дьявол ее знает! - злобно прохрипел рулевой. - Лучше бы ей вовсе на свет не родиться!

Тимар, барахтаясь по пояс в воде, торопливо пробрался к каюте девушки и схватил ее в объятия.

- Ларец при вас?

- Да! - пролепетала Тимея.

Тимар, не задавая больше никаких вопросов, выскочил на палубу, на руках снес девушку в шлюпку и усадил на среднюю скамью.

Гибель "Святой Варвары" свершилась с чудовищной быстротой.

Носовая часть корабля затонула, и несколько минут спустя из воды торчали лишь крыша и парусная мачта с обвисшей бечевой.

- Трогай! - скомандовал Тимар гребцам, и шлюпка двинулась к берегу.

- Где ваш ларец? - спросил Тимар у девушки, когда они уже успели отплыть довольно далеко.

- Вот он! - показала Тимея.

- О, несчастная! Да это же не ларец, а коробка с турецкими сладостями.

Тимея и в самом деле впопыхах прихватила с собой коробку сладостей, предназначенную в подарок своей новоявленной сестрице, а ларец, где хранилось все ее имущество, остался в затонувшей каюте.

- Поворачивай назад! - закричал Тимар рулевому.

- Это ж совсем спятить нужно, чтобы по своей доброй воле нырять под воду и бог знает что разыскивать! - проворчал Янош Фабула.

- Тебя не спрашивают! Слышал команду - выполняй!

Шлюпка подплыла к затонувшему судну.

Тимар не стал уговаривать никого другого: сам соскочил на крышу и по трапу спустился к скрытой под водой каюте.

Когда он исчез в волнах, Тимея устремила ему вослед неподвижный взгляд своих огромных, черных глаз, словно говоря:

"И ты уходишь от меня туда же, под воду?".

Тимар под водою добрался до палубы; ему приходилось соблюдать крайнюю осторожность, ведь судно накренилось как раз на тот бок, где находилась каюта Тимеи; он вынужден был хвататься за доски палубы. Чтобы руки не соскользнули с гладкого поручня.

Вот и дверь каюты; какое счастье, что ее не захлопнуло волной, иначе пришлось бы повозиться, пока ее откроешь, а тут каждый миг на счету.

Внутри царил мрак. Вода доходила до самого потолка. Тимар ощупью приблизился к столу, но ларца там не обнаружил. Видно, барышня оставила его на постели. Постель всплыла к потолку, пришлось стянуть ее книзу. Ларца не било и там. Может, он сполз, когда судно накренилось?

Руки его не находили ларца, пока наконец в поисках не помогли ноги, споткнувшись о вожденный предмет. Ларец действительно свалился на пол. Тимар схватил его под мышку и попытался выбраться на палубу с противоположной стороны, где ему не пришлось бы карабкаться вверх.

Тимее показалась вечностью та минута, что Тимар пробыл под водой. А он и в самом деле продержался там целую минуту. Девушка тоже все это время сдерживала дыхание, словно желая убедиться, как долго можно не дышать.

И лишь когда голова Михая показалась из воды, она глубоко вздохнула.

Тимар протянул ей ларец, и лицо ее просияло улыбкой. Но улыбка эта относилась не к спасенным богатствам.

- Ай да господин комиссар! - воскликнул рулевой, помогая Тимару взобраться в шлюпку.

Трижды пришлось вам вымокнуть ради этих сросшихся бровей. Трижды!

"Трижды", - Тимея спросила у Михая, что означает по-гречески это слово. Михай перевел; тогда Тимея одарила его долгим взглядом и тих повторила: "Трижды".

Шлюпка плыла к берегу, направляясь к Алмашу. В вечерних сумерках на стальной поверхности воды резко выделялась длинная черная линия - как восклицательный знак и конце жалобного вопля или многоточие как знак оборванной жизни: то виднелась верхушка "Святой Варвары"....

Тимея.

Приемный отец.

Часов в шесть вечера команда и пассажирка "Святой Варвары" покинули затонувшее судно, а к половине восьмого Тимар вместе с Тимеей уже были в Комароме. Скорый возчик, крестьянин из Алмаша, хорошо знал дом Бразовича; нещадно нахлестывая лошадей, под звон бубенцов гнал он свою четверку вдоль улица Рац к Базарной площади в предвкушении щедро обещанных чаевых.

Михай помог девушке выбраться из телеги и, поставив ее на землю, сказал: "Прибыли".

Сунув под плащ ларец с деньгами, он повел Тимею по лестницу.

Дом Атанаса Бразовича был двухэтажный, что считалось большой редкостью в Комароме, где, памятуя об опустошительном землетрясении прошлого века, возводили только одноэтажные постройки.

Нижнюю часть дома занимало обширное кафе - здесь обычно собирались местные купца, а на верхнем этаже вольготно размещалось семейство Бразовича; с лестницы вели два отдельных входа, и был еще третий ход со стороны кухни.

Атанас Бразович не имел привычки в эту пору дня находиться дома; Тимар это отлично знал, поэтому провел Тимею напрямик к правой двери, ведущей на дамскую половину.

Апартаменты здесь были обставлены с модной роскошью, а в прихожей околачивался лакей, которому Тимар наказал позвать из кафе всемилостивейшего господина.

Да будет вам известно, что титул этот - "Всемилоостивейший господин" - в ходу как в Комароме, так и в Стамбуле, с той лишь разницей, что у турок он относится исключительно к особе султана, а у нас распространяется на купцов и прочую чистую публику, не сподобившуюся звания "их благородий".

Тимар тем временем провел девушку к дамам.

Одет судебной комиссар был не слишком подобающе для визита, оно и понятно, если вспомнить, через какие передряги он прошел, но на правах своего человека был вхож в этот дом в любую пору дня и в каком угодно виде. К нему относились, как к лицу, услуги которого оплачиваются, а стало быть, правила этикета на него не распространялись.

Докладывать о визитерах в этом доме не принято, благодаря весьма полезной привычке хозяйки: едва заслышав, что отворяется наружная дверь, тот час высунуться из комнаты и посмотреть, кто пришел.

Госпожа Зофия усвоила эту привычку еще в бытность свою горничной. (Прошу прощения, с языка сорвалось, а точнее, вылетело из-под пера!) Что было - то было: супругу себе господин Атанас подобрал из низов и возвысил до своего положения. Брак был заключен по сердечной склонности, и осуждать за это кого бы то ни было грех.

Так что вовсе не осуждения ради, а для полноты портрета упомянем, что госпожа Зофия, даже став барыней, не сумела отвыкнуть от своих прежних манер. Платье всегда сидело на ней так, словно донашивалось с хозяйкина плеча, из прически спереди и сзади выбивались непослушные пряди, даже самый пышный наряд неизменно выглядел на ней каким-то мятым, и если уж не представлялось возможности чем-либо иным удовлетворить свои склонности, добрую службу служила пара стоптанных шлепанцев. Под светской беседой она понимала любопытство к чужим делам и неутолимую страсть перемывать косточки ближним, а речь свою пересыпала иностранными словечками, употребляемыми до того не к месту, что, когда она при большом стечении народа выпаливала их во всеуслышание, гости (если, конечно, они сидели) чуть не падали со стульев от едва сдерживаемого смеха. Вдобавок к этим своим достоинствам госпожа Зофия не умела говорить тихо; все, что слетало с ее уст, нельзя было назвать даже криком: это был пронзительный визг, словно почтенную даму кромсали ножами и она, надсаживаясь, взывала о помощи.

- Ах, это вы, Михай! - взвизгнула госпожа Зофия, высунув голову за дверь. - Где вы подцепили такую красивую барышню? А что это за ларец у вас под мышкой? Проходите же в комнаты! Атали, смотри, с чем пожаловал Тимар!

Михай пропустил Тимею вперед, а сам вошел вслед за нею, учтиво поздоровавшись с присутствующими.

Тимея робко смотрела на незнакомых людей.

Кроме хозяйки дома в комнате находились еще одна девушка и мужчина.

Девушка - горделивая красавица с хорошо развитой фигурой, стройность которой выгодно подчеркивает корсет; высокие каблуки и замысловатая прическа прибавляют ей роста; руки обтянуты митенками, ногти длинные и заостренные. Красоту лица составляет правильность черт: алый, чуть припухлый чувственный рот, нежная розовая кожа, белые зубы, охотно выставляемые напоказ, ямочки на щеках и подбородке, тонко вылепленный нос, черные брови

и сверкающие глаза, блеск которых кажется ярче, оттого что они сильно навывают; однако это придает ее взгляду несколько угрожающее выражение. Красавица держится горда и дерзко. Такова барышня Атали Бразович.

Что до мужчины, то это молодой - лет тридцати с небольшим - офицер с веселым, открытым лицом и жгучими черными глазами; согласно тогдашнему воинскому регламенту, все лицо его гладко выбрито и обрамлено аккуратными бакенбардами в виде полумесяца. Молодой человек облачен в сиреневый фрак с розовым бархатным воротником и розовыми же обшлагами - униформу военно-инженерных войск.

Военный знаком Тимару: это господин Качука, старший лейтенант фортификационных войск и интендантской службы.. Гибрид несколько необычный, ну да так уж случилось.

Лейтенант тешит себя весьма приятной забавой: запечатлевает пастелью позирующую ему красавицу-барышню. Один портрет - при утреннем освещении - он уже завершил, а теперь пытается изобразить свою модель при свете лампы.

Появление Тимеи прерывает сеанс.

Во всем облике нежной и хрупкой юной девушки есть что-то не от мира сего: словно какое-то призрачное видение, неземной дух или провозвестник судьбы выступил вдруг из мрака.

Господин Качука, обернувшись, загляделся на нее и ярко-красной пастелью прочертил столь жирную полосу по лбу изображенной на портрете красавица, что хлебному мякишу придется изрядно потрудиться, чтобы удалить лишнюю черту. Художник невольно поднялся со стула.

Все встали при виде девушки, даже Атали.

Да, но кто же она, эта юная незнакомка?

Тимар по-гречески шепнул что-то на ухо Тимее, после чего девушка с готовностью приложилась к руке госпожи Зофии, а та в свою очередь расцеловала ее в обе щеки.

Затем Тимар опять что-то сказал девушке, и она с робким послушанием приблизилась к Атали и внимательно посмотрела ей в лицо. Поцеловать ли названую сестрицу или броситься ей на шею? Атали, казалось, вскинула голову еще выше; тогда Тимея склонилась к ее руке и поцеловала. Не руку - отвратительную лайковую перчатку. Атали дозволила это; она бросила взгляд на лицо Тимеи, затем - на молодого офицера, и глаза ее сверкнули, а губы выпятились в горделивой гримасе. Господин Качука всецело был погружен в восхищенное созерцание Тимеи. Однако лицо Тимеи не оживилось ни от восхищенных, ни от сверкающих взглядов. Оно оставалось по-прежнему белым, точно лик неземного существа.

Более всех пребывал в растерянности Тимар. Как представить ему эту девушку, как при чужом офицере рассказать о тех роковых обстоятельствах, что вынудили его принять участие в ее судьбе?

Выручил его господин Бразович, который шумно ворвался в комнату.

Ведь он только что прочел вслух сообщение в "Альгеймайне Цайтунг", удивившее всех постоянных посетителей кафе; газета сообщала, что беглый паша и казначей Али Чорбаджи, укрывшись с дочерью на торговом судне "Святая Варвара", усыпил бдительность турецких преследователей и проник в Венгрию.

Но ведь "Святая Варвара" - это его судно, а Али Чорбаджи - добрый старый знакомец, даже родственник по материнской линии. Такое не каждый день случается!

Можно представить, с какой поспешностью вскочил со стула господин Атанас, когда в ту же минуту к нему явился лакей с докладом, что прибыл господин Тимар с какой-то красивой барышней, а также с медным ларцом под мышкой.

- Значит, это правда! - вскричал господин Атанас и стремглав бросился домой, роняя стулья и опрокидывая картежников.

Господин Бразович был человек грузный, ожиревший настолько, что живот всегда на полшага опережал своего хозяина; когда господин Бразович пребывал в спокойном расположении духа, лицо его бывало медно-красным, что означало на нем бледность, потому что покраснев, оно принимало лиловый оттенок; с утра выбритые щеки к вечеру покрывались щетиной, встопорщенные усы были обсыпаны крошками нюхательного табака и не просыхали от все

возможных спиртных напитков, а густые брови, словно камышовый навес, торчали над вечно налитыми кровью выпученными глазами. (Страшно подумать, что и у прекрасной Атали к старости глаза сделаются в точности такими же!).

А стоило лишь услышать, как говорит господин Бразович, и тотчас же становилось совершенно понятно, отчего госпожа Зофия визжит так громко. Супруг ее тоже не умел разговаривать иначе, кроме как срываясь на крик, только голос у него был зычный и басовитый, как рев бегемота. Госпоже Зофии, если она хотела состязаться с этим голосом, естественно, приходилось повышать свой до визга. Супруги вели себя так, словно побились об заклад, кто кого доведет до горловой чахотки или апоплексического удара. Исход борьбы отнюдь не предрешен. Однако уши господина Бразович постоянно заткнуты ватой, а горло госпожи Зофии всегда обмотано платком.

Господин Бразович, задыхаясь от спешки, вторгся на дамскую половину, издали предваряя свое появление оглушительным криком.

- Значит, прибыл Михай с барышней? Где же барышня? Где Михай?

Михай поспешил навстречу, чтобы задержать его в дверях. самого господина Бразовича он, пожалуй, сумел бы перехватить, однако живот, катящийся впереди своего обладателя, не удержать было никакой силой.

Пришлось Михаилу глазами сделать знак, что здесь, мол, находятся посторонние.

- Ничего страшного, тут все свои! - заверил его господин Бразович. - Перед ним можешь не таиться, господин старший лейтенант - член нашего семейства. Ха-ха-ха! Ну, не сердись, Атали. Всеми свету известно, даже в газетах пропечатали.

- Что в газетах пропечатали? - взволнованно воскликнула Атали.

- Да не бойся, не про тебя, а про Али Чорбаджи! Мой закадычный друг и свойственник, он же турецкий паша и хранитель казны, вместе с дочерью и сокровищами на моей "Святой Варваре" бежал в Венгрию. Я так понимаю, что это прелестное создание и есть его дочка?

С этими словами господин Бразович внезапно сгреб Тимею в охапку, звонко чмокнув ее в обе белые щеки; прикосновение влажных, вонючих усов покорило девочку.

- Молодец, Михай, ловко ты их провез! Поднесли вы ему винца? Зофия, сбегай-ка, принеси стаканчик вина!

Госпожа Зофия супружеского приказа не пожелала услышать, а господин Бразович плюхнулся в кресло, поставив меж колен Тимею, и угодливо оглаживал ее волосы своими вечно соляными ладонями.

- А друг мой любезный, славный паша и казначей, - где же он?

- Он умер в дороге, - тихо ответил Тимар.

- Что-о? Вот беда! - произнес господин Бразович, пытаясь придать свое округлой физиономии вытянутую форму, и вдруг убрал руку с головы девочки. - Но других-то бед с ним никаких не случилось?

Станный вопрос! Однако Тимар разгадал его смысл.

- Имущество свое он доверил мне с тем, чтобы я вручил его вам вместе с дочерью. Али Чорбаджи просил вас быть названным отцом его дочери и попечителем его имущества.

Пори этих словах господин Бразович вновь расчувствовался: обеими руками обхватил голову Тимеи и прижал к своей груди.

- Она мне словно кровное дитя! Я так и буду считать ее своей родной дочерью.

И - чмок, чмок! - вновь принялся терзать безвинную жертву своими поцелуями.

- А что это у тебя в ларце?

- Наличные деньги, которые мне надлежит вам передать.

- Ах, Михай, да это же просто замечательно! Сколько тут?

- Тысяча золотых.

- Как? - вскричал господин Бразович, оттолкнув от себя Тимею. - Всего-навсего тысяча? Михай, ты украл остальное!

По лицу Михая пробежала тень.

- Вот завешание покойного, писанное его собственной рукою. Он пишет, что оставляет тысячу золотых наличными, остальное вложено в судовой груз, то бишь в десять тысяч мер чистой пшеницы.

- Ах так? Ну это другое дело! Десять тысяч мер чистой пшеницы по двенадцать форинтов тридцать крейцеров за меру это будет сто двадцать пять тысяч форинтов. Иди сюда, дочка, садись ко мне на колени; небось умаялась с дороги? Наказывал мне еще что-нибудь мой дражайший, незабвенный друг?

- Он поручил мне передать вам, чтобы вы самолично присутствовали, когда станут опорожнять мешки: боялся, как бы не подменили зерно.

- Как же, как же, прослежу самолично! А где судно с зерном?

- Неподалеку от Алмаша, на дне Дуная.

- Как это- на дне? Что за чепуху ты несешь, Михай?

- Судно наскочило на топляк и затонуло.

Господин Бразович оттолкнул Тимею и в сердцах вскочил с места.

- Мое замечательное судно, доверху груженное отборным зерном, затонуло? Ах разбойники, ах душегубы! Небось все пьяные были в стельку? Ну, вы мне за это дорого поплатитесь! Рулевого велю заковать в железа, а остальные от меня и гроша ломаного не дождутся. С тебя же, Михай, взыщу залог - плакали твои десять тысяч форинтов. Судись - не судись, назад не получишь!

- Цена вашему судну всего шесть тысяч, и оно со всем снаряжением застраховано в триестской страховой компании, - невозмутимо ответил Тимар. - Так что вы никакого ущерба не потерпели.

- Не твое собачье дело! Я с тебя потребую компенсации за *lucrum cessans*⁸. Знаешь что это такое? Ну коли знаешь, так сообразишь, что все твои десять тысяч до последнего крейцера уйдут на покрытие моих убытков.

- Ну это уж моя забота, - спокойно возразил Тимар. Об этом мы в другой раз потолкуем, дело терпит. Зато надобно спешно решать, как быть с затонувшим грузом. Ведь чем дольше зерно под водой останется, тем больше убыток будет.

- Плевать я хотел на это зерно!

- Стало быть, не желаете его принять. Не желаете самолично присутствовать, когда мешки будут опорожнять?

- На черта мне это нужно! Какого дьявола я стану делать с этой горой подмоченного зерна? Не переводить же десять тысяч мер пшеница на крахмал или солод? К черту ее!

- Черту она тоже не нужна, но пшеницу, во всяком случае, следует предложить к распродаже, окрестные мельники, владельцы фабрик, откормщики скота купят, да и крестьяне хоть по какой-нибудь цене возьму на посевное зерно. Судно ведь и так разгружать придется. Хотя бы какую-то часть денег вернем.

- Ах денег!.. (Заветное словцо вопреки ватным затычкам достигло-таки купеческого слуха.) Ну хорошо. Выдам я тебе завтра утром письменное поручение объявить к распродаже пшеницу, всю чохом.

- Желательно сегодня, чего же до завтрашнего дня добру портиться!

- Да сам Господь бог не заставит меня вечером бумаги составлять.

- Я загодя обо всем позаботился. Вот готовое поручение, вам только нужно подписать. Перо и чернила у меня тоже при себе.

Последняя фраза заставила госпожу Зофию вмешаться.

- Не вздумайте в моей комнате чернилами пачкать! - взвизгнула она. - Здесь ковер на полу постелен. Ступай, муженек, к себе в комнату и брызгай чернилами, сколько угодно! И не смей здесь с челядью ссориться, я этих холуйский перебранок у себя не потерплю. Это моя комната!

- А дом этот - мой! - возопил всемилостивейший господин.

⁸ Неполученная прибыль, упущенная выгода (лат.).

- А Комната - моя!

- Здесь я хозяин!

- А я - хозяйка!

Эти крики и визг принесли Тимару известную пользу: господин Бразович сгоряча, дабы показать, что он - истинный хозяин в доме, схватил чернильницу и подписал поучение на распродажу.

Но после того как Тимар получил бумагу, супруги дружно на него накинлись и - один басом, другая - визгливым голосом - вылили на него такой ушат хулы и грязи, что впору было снова нырять в Дунай отмываться.

Правда, госпожа Зофия прохаживалась насчет Тимара обиняками: бранила вроде бы мужа, как-де, тот не боится доверять такому грязному оборванцу, нищему пропойце. Отчего не послать на распродажу кого-нибудь другого из своих судебных комиссаров? Ведь этот прихватит денежки, да и был таков, пропьет или в карты спусти, разве можно положиться на такого ненадежного человека?

А Тимар под этим яростным шквалом обвинений держался с тем же спокойствием, с каким у Железных Ворот противостоял жестокому ветру и грозным молниям.

Но вдруг заговорил и он:

- Желаете принять наличные деньги, что принадлежат сироте, или мне передать их городской попечительской управе? (Слова эти явно напугали господина Бразовича.) Если желаете, пойдемте в ваш кабинет и уладим все дела там; я ведь тоже не люблю *холуйских перебранок*. От такой неслыханной грубости и хозяин дома, и хозяйка вмиг онемели. Обычно это средство успешно действует на всех горлопанов: заставь их принять из рядную порцию грубости, и они вмиг излечатся. Оба супруга тот час уgomонились. Бразович, взяв подсвечник, сказал Тимару: "Ну, ладно, бери деньги и пойдем". А госпожа Зофия сделала вид, будто бы ее застали в преотличнейшем расположении духа, и любезно обратилась к Тимару: "Ах, Михай, не выпьете ли прежде стаканчик вина?".

Тимея в изумлении наблюдала эту сцену; речи на не понимала, а сопровождающие ее жесты и смену выражений лица истолковать была бессильна.

Приемный отец целует -обнимает ее, сироту, а в следующую минуту отстраняет от себя, вновь заключает в свои объятия и снова отталкивает. А как кричат наперебой эти двое на человека, который с таким спокойствие выстоял против смертельной опасности и бури, и стоил о ему произнести всего лишь несколько слов, да и те ровным, бесстрастным тоном, как оба враз стихают, пасуя перед ним, как пасовали омуы, острые скалы и вооруженные солдаты.

Из всего, что тут говорят, она, Тимея, ни слова не понимает. А человек, кто последние месяцы был ей верным хранителем, кто ради нее трижды измерил водные глубины, единственный, кто говорит с ней на ее родном языке, сейчас уйдет насовсем, и она больше даже голоса его не услышит.

Но ей довелось еще раз его услышать.

Прежде чем переступить порог комнаты, Тимар обернулся и сказал Тимее по-гречески:

- Барышня Тимея, вот еще ваша собственность.

С этими словами он вытащил из кармана плаща коробку сладостей.

Тимея подбежала к нему и, взяв коробку, поспешила к Атали, с приветливой улыбкой протягивая ей гостинец, привезенный для нее из далекой страны.

Атали открыла коробку и презрительно фыркнула:

- Фи, как противно пахнет розовой водой! Точь-в-точь как от служанок, когда они по воскресеньям в церковь собираются.

Слов Тимея не поняла, зато брезгливую гримасу уразумела и очень расстроилась. Она попыталась было угостить турецким лакомством госпожу Зофию, но та сослалась на больные зубы, ей, мол, нельзя есть сладости. Тогда, вконец расстроенная, она угостила лейтенанта. Тот пришел в восторг, один за другим отправил в рот три засахаренных ломтика, и Тимея, глядя ему в глаза, улыбалась благодарной улыбкой.

Тимар же стоял в дверях и смотрел, как улыбается Тимея.

Затем Тимея сообразила, что надо бы и Тимара угостить турецкими сладостями. Но Тимар уже ушел.

Вскоре старший лейтенант тоже откланялся.

Будучи человеком воспитанным и учтивым, он поклонился и Тимее, что было ей очень приятно.

Вскорости воротился господин Бразович, и в комнате теперь были все свои.

Между господином Бразовичем и госпожой Зофией закипела свара; обменивались любезностями они вроде бы по-гречески, и Тимее иногда удавалось разобрать отдельные слова, но в целом речь их казалась ей более чуждой и непонятной, чем те языки, в которых она не понимала ни слова.

А разговор меж супругами шел о том, как поступить с этой свалившейся на их голову девчонкой. Все ее наследство - двенадцать тысяч форинтов золотом, ну и та малость, что удастся выручить за намокшее зерно. Этой суммы недостаточно для того, чтобы воспитать из нее такую барышню, как Атали. Госпожа Зофия полагала, что следует ее приучить к работе по дому: к кухне, к уборке, стирке-глажке, - такое умение ей в жизни пригодится. Все одно при таком убогом приданом ей не составить лучшей партии, чем какой-нибудь писарь или судовой комиссар, а для него куда лучше, если жена воспитана как служанка. Однако господин Бразович на эти уговоры не поддавался: что скажут люди? Наконец они избрали золотую середину: в глазах света выставить Тимею не прислугой, а приемной дочерью. Есть она будет вместе с ними, но и прислуживать за столом тоже станет. К Корыту ее не поставишь, зато стирать свои платья и тонкое белое белье Атали - ей вполне по силам. И шить пусть учится, только не в людской будет сидеть, а на господской половине. И Атали она сможет помогать при туалете, это ей будет вроде забавы. Ночевать она станет не с прислугой, а в одной комнате с Атали. Дочке все равно нужна своя горничная. А в награду за это наряды, которые Атали уже надоели, перейдут Тимее. Девница с двенадцатью тысячами приданого должна возносить хвалу небесам за такую участь.

И Тимея была довольна своей участью.

После огромной, непостижимой ее уму катастрофы, выбросившей ее на чужую землю, она, подобно покинутому на произвол судьбы ребенку, льнула к каждому, с кем оказывалась рядом. Тимея была доверчива и услужлива, как и подобает юной турчанке.

Она была очень довольна, что за ужином ей разрешили сесть подле Атали, и ей не пришлось внушать ее обязанности: она сама вскакивала с места, чтобы поменять тарелки и столовые приборы, и делала это с охотой, с ласковой предупредительностью. Старалась не обидеть приютившую ее семью своим печальным видом, а между тем у нее было достаточно причин печалиться. В особенности же ей хотелось угодить Атали. Каждый взгляд ее выдавал искреннее восхищение, с каким обычно девочка-подросток взирает на расцветшую женскую красоту. Как любовалась она розовым лицом Атали, ее сверкающими глазами!

Девочки-подростки воображают, будто бы кто красив, тот непременно и добр.

Слова Атали она не понимала - та не говорила даже на таком греческом наречии, как ее родители, - но по жестам, по глазам пыталась угадать ее желания.

После ужина, за которым Тимея не ела почти ничего, кроме хлеба и фруктов - к жирной пище она не была приучена, - семейство перешло в гостиную, и а.

Атали села к роялю музицировать. Тимея пристроилась подле нее на скамеечке для ног и благоговейно взирала снизу на проворные пальцы названной сестрицы.

Затем Атали показал ей портрет работы молодого офицера. Тимея пришла в такое восхищение, что даже всплеснула руками.

- Ты что, сроду такого не видела?

Вместо нее ответил господин Бразович.

- Где ей было видеть? Турецкая вера запрещает изображать чей бы то ни было облик. Ведь все нынешние смуты и волнения в Турции как раз и начались из-за того, что султан дозволил

написать свой портрет и вывесить его в диване. По этой причине и бедняга Али Чорбаджи оказался замешанным в бунт, вот и пришлось ему уносить ноги. Да, наделал же ты глупостей, непутевый Али Чорбаджи!

Тимея при имени отца припала в благодарственном поцелуе к руке господина Бразовича, решив, что тот помянул усопшего добрым словом.

Затем Атали отправилась на покой, а Тимея со свечой шла впереди, освещая ей путь.

Атали присела у туалетного столика и, глядясь в зеркало, тяжело вздохнула; лицо ее помрачнело, устало расслабив члены, красавица откинулась в кресле. Ах, как хотелось Тимее знать, отчего омрачилось грустью Это прекрасное лицо.

Она вынула гребень из волос Атали, ловкими пальцами распустила волосы, уложенные короной, и с наслаждением заплела на ночь густые каштановые пряди в косу. Заботливо вынула из ушей серьги, при этом ее лицо оказалось так близко от лица Атали, что та не могла не увидеть в зеркале эти два столь разные отражения: одно лицо розовое, блистательно неотразимое, другой лик - бледный, кроткий. И все же Атали досадливо вскочила с места, оттолкнув зеркало прочь: "Пора ложиться" - это белое лицо бросило тень на ее собственное отражение. Тимея аккуратно подобрала разбросанные Атали одежды и с врожденным изяществом аккуратно сложила.

Затем опустилась перед барышней Бразович на колени, чтобы стянуть с нее чулки.

Атали позволила ей это сделать.

А Тимея, сняв тончайшие шелковые чулки и держа на коленях беломраморные ноги, способные сделать честь самой прекрасной скульптуре, склонила голову и прижалась губами к этим дивным ногам.

Атали позволила ей сделать и это.

Добрый совет.

Господин Качука, проходя через кафе, увидел там Тимара за чашкой кофе и дружески поспешил к нему.

- Я промок, продрог, а мне сегодня предстоит еще долгий путь, - сказал Тимар, обменявшись рукопожатием с офицером.

- Так заходи ко мне на стаканчик пунша.

- Спасибо, да только недосуг. Я должен незамедлительно снестись со страховой компанией, чтобы прислали подмогу вытащить судовой груз, ведь чем больше судно пробудет под водой, тем больший будет для компании ущерб. После этого надо бежать к уездному начальнику, просить, чтобы рано утром отправил кого-нибудь в Алмаш провести распродажу, а уж потом обегу торговцев свиньями да возчиков, чтобы сходились на распродажу, и еще ночью надо поспеть в Тату, к владельцу крахмального завода - уж ему-то подмокшее зерно больше всех придется ко двору. Хоть какие-нибудь крохи денег сохранить для этой несчастной девушки. Тебе же я должен передать письмецо - мне вручили его в Оршове.

Господин Качука прочел письмо и сказал Тимару:

- Ладно, приятель, улаживай свои дела в городе, а когда все закончишь, загляни ко мне на полчаса. Я живу рядом с "Англией", в доме, где большой двуглавый орел на воротах. Пока возница будет готовить лошадей в дорогу, мы выпьем с тобой по стаканчику пунша и обмозгуем одно дельце. Только непременно приходи!

Тимар заверил его, что придет, и поспешил по делам.

Было, должно быть, часов одиннадцать, когда он подошел к воротам, украшенным двуглавым орлом; дом находился рядом с городским парком, который в Комароме прозывался "Англией". Господин Качука поджидал гостя, денщик сразу провел его в комнату.

- Я думал, что ты за время моего отсутствия давно уж женился на барышне Атали! - начал Тимар без обиняков.

- Леший его разберет, отчего-то никак у нас не сладится! То я перенесу срок, то она отсрочки попросит. Похоже, у кого-то из нас душа не лежит к этому союзу.

- О, Барышня Атали тут ни при чем, можешь быть уверен!

- Ни в чем на свете нельзя быть уверенным, приятель, а менее всего в чувствах женщины. Я-то считаю, что вредно долгое время со свадьбой тянуть, ведь обрученные не только не сближаются, а, напротив, больше отдаляются взаимно. Люди успевают узнать даже мельчайшие недостатки друг друга - после свадьбы обычно на такие пустяки машут рукой, мол, "бог и ним, все равно теперь ничего не поделаешь!". Мой тебе совет, братец, ежели надумаешь жениться, упаси тебя бог долго ходить вокруг да около. Только начни считать да прикидывать - одними дробями кончишь.

- Но тут ведь, мне кажется, только считай да прикидывай, в накладе не останешься. Девушка-то богатая.

- Богатство, приятель, - понятие весьма условное. Поверь мне, любая женщина ухитрится растратить с лихвою все, что принесет в приданое. Кроме того, с богатством господина Бразовича дело и вовсе не ясное. Он постоянно поддерживает такие предприятия, в которых ничего не смыслит, а поэтому и проследить за ними не может. Через его руки проходит тьма денег, однако он не способен даже на то, чтобы в конце года подвести обычный коммерческий баланс и выяснить, выиграл он или проиграл в результате всех своих операций.

- По-моему, дела его идут весьма хорошо. И Атали - дама очень красивая и образованная.

- Пусть так, но тебе-то какой резон расхваливать мне Атали, словно лошадь на ярмарке? Потолкуем-ка лучше о твоих делах.

Если бы господин Качука мог заглянуть Тимару в душу, он бы понял, что разговор об Атали имеет прямое отношение к его делам. Ведь Тимар завел этот разговор потому, что позавидовал той улыбке, что досталась от Тимеи молодому офицеру. Не хочу, чтобы Тимея улыбалась тебе! У тебя есть твоя Атали, вот и женись на ней!

- Итак, поговорим на более важные темы! Мой приятель из Оршовой пишет, чтобы я взял тебя под свое покровительство. Что ж, попробую. Ты сейчас находишься в крайне щекотливом положении. Доверенное тебе судно затонуло, это не твоя вина, зато твоя беда, ведь теперь тебе побоятся доверить свою собственность. Господин Бразович присвоит себе твой залог, и бог знает, удастся ли тебе отсудить его обратно. Да и этой несчастной девушке ты хотел бы помочь. Я ведь по глазам вижу, больше всего у тебя болит душа оттого, что сироте такой урон нанесен. Как бы разом помочь всем этим бедам?

// **** //

- Ума не приложу.

- Тогда я тебе свой одолжу. Слушай меня внимательно. С будущей недели начинаются обычные ежегодные армейские сборы под Комаромом. Маневры продлятся три недели, и соберется на них тысяч двадцать человек. Объявлен конкурс цен на поставку хлеба. Дело пахнет крупными деньгами, а человеку с умом ничего не стоит и нажиться на этом. Все письменные предложения проходят через мои руки, и я заранее могу сказать, кто именно получит заказ: ведь это зависит не от того, что написано на бумаге, а как раз от того, что там не значится. До сих пор наиболее выгодным было предложение Бразовича. Он берется выполнить поставки за сто сорок тысяч форинтов, а двадцать тысяч сулит за посредничество.

- Черт возьми! Еще и за посредничество?

- А ты как думал? При такой крупной сделке заинтересованное лицо, естественно, стремится отблагодарить того, что устраивает ему подряд. Такой порядок заведен испокон века, иначе интендантам не на что было лбы жить. Впрочем, ты и сам это прекрасно знаешь.

- Знать-то знаю, но сам никогда не пытался воспользоваться этим.

- Ну и напрасно! Мараешь руки ради кого-то другого, а меж тем и для себя тоже мог бы натаскать каштанов из огня, тем более способ тебе уже известен. Внеси-ка и ты предложение: подряжаешься, мол, поставить хлеб за сто тридцать тысяч форинтов да посули тридцать тысяч вознаграждения за посредничество.

- Я не могу сделать этого по нескольким причинам. Во-первых, нет у меня ни отступных денег, кои я мог бы присовокупить к своему предложению, ни капитала, чтобы закупить такую уйму зерна и муки. Кроме того, я не испытываю желания участвовать в подкупе и уж настолько-то смыслю в деловых расчетах, чтобы сообразить, что я не сумею покрыть ни расходы по поставке хлеба, ни вознаграждение за дружескую услугу.

Господин Качука поднял его на смех.

- Да, Мишка, коммерсант из тебя липовый! Но ведь у нас по-другому дела и не делают. На собственном капитале и гроша прибыли не наживешь. Это - мелкое торгашество. Главное тут - протекция, а протекция тебе будет обеспечена, уж об этом я позабочусь. Мы с тобой добрые приятели со школьных времен, так что можешь на меня положиться. Говоришь, нет у тебя отступных? Приложи расписку об отданных Бразовичу под залог десяти тысяч, она сгодится в качестве гарантии. Научить тебя, что делать дальше? Поедешь попять в Алмаш и купишь объявленное к продаже зерно. Первоначальная его стоимость сто тысяч, а если ты объявишь за него десять тысяч форинтов, оно наверняка тебе и достанется. Таким образом у тебя уже будет десять тысяч мер пшеницы. С Бразовичем ты расплатишься его же собственным десятью тысячами форинтов, уже данными им в качестве залога, и тем самым безо всяких осложнений расквитаться с ним. Затем посулишь двойную плату всем мельникам в округе, чтобы они немедленно перемололи тебе все зерно на муку. Ты тем временем договоришься с пекарями, и тогда всю муку сразу же можно пустить в дело - выпечь казенный хлеб. За три недели все эти запасы разойдутся, а если кое-где хлеб выйдет и похуже качеством, то уладить это недоразумение по-свойски - пара пустяков. Значит, через три недели ты выручишь на этой сделке по меньшей мере семьдесят тысяч чистыми. Поверь, если бы я сидел такое предложение твоему хозяину, он бы за него обеими руками ухватился. Удивляюсь, как он своим умом не дошел до этого.

Тимар задумался над этим предложением. Оно и впрямь звучало заманчиво.

Заработать за три недели шестьдесят - семьдесят тысяч форинтов - без малейших усилий и наверняка. В первую неделю хлеб будет чуть слаще на вкус, чем обычно, на второй неделе - с горьковатым привкусом, а на третьей будет отдавать затхлостью. Но кто слушает жалобы солдат, да и вообще военные - народ ко всему привычный.

И все же Тимар содрогнулся, прежде чем испить сию горькую чашу.

- Ох, Имре, - вздохнул он, коснувшись руки бывшего однокашника. - Где только ты освоил эту науку?

- Где? - переспросил тот, посерьезнев. - А там, где ей обучают. Удивляют тебя мои слова, верно? А я теперь многое нахожу естественным. Когда я вступил на воинское поприще, я был полон иллюзий. Теперь они развеялись в прах, а вернее, даже праха не осталось. Мне казалось, что это поприще дает простор героическим подвигам и рыцарским поступкам, и мысль эта согревала мне душу; но вскоре я увидел, что жизнь состоит сплошь из спекуляций, а всеми государственными делами движут чьи-либо частные интересы. Я прошел курс инженерных наук с блестящим успехом. Когда я получил назначение в Комаром, меня прямо-таки распирало от гордости - какие откроются возможности для применения моих военно-инженерных знаний. А знания нужны были только для одного: для спекуляций. Мой самый первый проект военных укреплений эксперты признали превосходным, однако он не был принят; мне дали понять, чтобы я подготовил проект, который потребует сноса некоторых улиц города. Составил я такой проект. Ты, наверное, помнишь ту часть города, на месте которой сейчас огромный пустырь. Ну, так этот пустырь обошелся в полмиллиона. Кстати, и у твоего нанимателя, Бразовича, стояли там дома-развалюхи, за которые он заломил такую цену, как за дворцы. И это называется фортификацией! Ради этого осваивал я военно-инженерные науки! Так постепенно наступает разочарование и начинаешь свыкаться с обстановкой. Должно быть, ты слышал анекдотическую историю - она сейчас передается из уст в уста. В прошлом году, года его высочество кронпринц Фердинанд посетил нас, он сказал коменданту крепости: "Я полагал, что эта крепость черная!" - "Отчего же ей быть черной, ваше высочество?" - "А оттого, что в

расходах на фортификацию десять тысяч форинтов ежегодно списывается на чернила. Я и решил, что здесь чернилами красят крепостные стены!" Все рассмеялись. На том дело и кончилось. Пока мошенничество не всплыло, о нем помалкивают, а если всплывает, то смеются. Тогда отчего бы и мне не посмеяться? И ты смейся! Или ты предпочитаешь поносить весь белый свет из дверей лавчонки и торговать трутом ради прибыли в два крейцера в день? Я-то лично порвал с прекраснодушными мечтами. Поезжай, приятель, в Аламыш и купи затонувшую пшеницы. У тебя еще есть время до десяти часов вечера завтрашнего дня подать предложение на поставку хлеба. А сейчас возница ждет, отправляйся. Да поторопись обратно.

- Я подумаю, - уклончиво ответил Тимар.

- Подумай, подумай! Ведь и несчастную сироту благодетельствуешь, если за ее утраченное имущество вернешь ей десять тысяч форинтов. А иначе у нее и сотни форинтов не останется после вычета расходов за разгрузку судна.

Эта мысль запала Тимару в память.

Словно чья-то рука подтолкнула его вперед. *Fata nolentem trahunt* - судьба против воли влечет. Вскоре он, снова закутавшись в плащ, сидел в крестьянской телеге, и четверка резвых лошадей рысью мчала по ухабистой мостовой. Город спал мирным сном. Лишь у ратуши раздавались мерные выкрики ночного стражника: "День прошел, и слава богу. Завтра новый день грянет!" А на крепостных башнях перекликались мокнувшие под осенним дождем часовые: "Кто идет?" - "Дозор!" - "Проходи!".

Каким - то хлебом их сегодня кормили?

Красный полумесяц.

На следующий день Тимар вместе с прочими торговцами и мельниками и в самом деле принял участие в скупке затонувшего зерна.

Те предлагали бросовые цены - по несколько грошей за меру. Тимару наскучило торговаться за каждый грош, и он выкрикнул, что дает десять тысяч форинтов за весь судовой груз. Услышав это предложение, все покупатели бросились врассыпную, так что их и не созвать было обратно. Чиновник, проводивший торги, трижды ударил молотком и передал Тимару в собственность весь судовой груз.

Все согласились на том, что Тимар спятил: куда девать этакую пропасть подмоченного зерна? А Тимар, связав вместе две шлюпки, скобами прикрепил их к палубе затонувшего судна и приступил к разгрузке.

В положении судно по сравнению с минувшим днем произошла перемена: кормовая часть еще глубже ушла под воду, зато носовая вынырнула, а одна из двух кают и вовсе успела обсохнуть. Тимар обосновался в этой каюте и распорядился начинать трудную работу.

Палубу судна вскрыли и с помощью лебедки принялись по одному вытаскивать мешки, складывая их возле каюты, чтобы стекла вода, а затем грузили их в третью шлюпку и свозили на берег; там была разостлана рогожа - на нее высыпали зерно, разравнивая его тонким слоем. Тимар тем временем рядился с мельниками, уговаривая их немедленно приступить к помолу. Погода благоприятствовала его плану: веял ветерок и зерно быстро сохло. Вот только бы работа шла так же быстро!

Затем Тимар прикинул в уме: всю свою скудную наличность он, пожалуй, ухлопает на оплату работников, и если затея не удастся, его ждет нищенская доля.

Янош Фабула тот так и напроорочил ему: после этакой неразумной сделки судовому комиссару только и останется, что натянуть последний мешок себе на голову да прыгнуть в Дунай.

Тимара одолевали мысли одна другой беспокойнее, и не было им конца-края.

Целый день до самого вечера смотрел он, как мешок за мешком прислоняли к стенке каюты. На всех мешках стояло оттиснутое черной краской одинаковое клеймо: колесо с пятью спицами.

Все же разумнее было бы беглецу не закупать эту пшеницу, а обратить деньги в золото да спрятать в суме. Неужели только из-за нее он подвергался столь упорному преследованию? Стоил о ли бежать, скрываться, принимать яд?

Работа кипела чуть ли не до самого вечера, а вынута было из воды не более трех тысяч мешков. Тимар посулил грузчикам двойное вознаграждение, если они продолжат работу. Пробудь зерно под водой еще ночь, из него вряд ли получится хлеб. Грузчики с удвоенным рвением принялись за дело.

Ветер разогнал облака, и на закатном небе опять появился полумесяц. Он был красным, как и небо.

- Ну что ты преследуешь меня? - сказал про себя Тимар и повернулся к месяцу спиной, чтобы не видеть его. Но едва он отвернулся и стал пересчитывать вытасщенные из воды мешки, как перед ним опять возник красный полумесяц - на одном из мешков.

Там, где на всех остальных мешках стояло клеймо в виде колеса с пятью спицами, на этом была иная торговая марка: полумесяц, оттиснутый киноварью.

Тимар вздрогнул всем телом. Тело, душу, сердце охватил леденящий холод.

Вот оно что! Значит, вот о чем были последние слова умирающего. Но он то ли не проникся достаточными к нему доверием, то ли не успел высказать все до конца. Что же скрывается там, за этим полумесяцем?

Когда работники понесли очередные мешки к шлюпке, Тимар взял свою находку, унес в каюту и запер дверь.

Никто этого не заметил.

Грузчики проработали еще два часа, но настолько устали, промокли, продрогли на ветру, что не в силах были трудиться дальше. Часть работы осталась на завтра.

Усталые люди поспешили в ближайшую корчму обогреться и поесть-попить. Тимар остался на судне один, сказав, что пересчитывает вывезенные на берег мешки, и сам переправиться на лодке. Месяц нижним своим рожком коснулся воды и напоследок осветил каюту.

Руки Тимара лихорадочно дрожали.

Открывая нож, он порезал руку и собственной кровью добавил к красному полумесяцу на мешке еще и красные капли-звезды.

Тимар разрезал завязку мешка, запустил вглубь руку: внутри была чистая, ровная пшеница. Он подрезал нижние уголки - из мешка посыпалась отборная пшеница. Тогда он полоснул вдоль всего мешка, и из-под хлынувшего во все стороны зерна к его ногам упал длинный кожаный мешочек.

На мешочке был замок. Тимар взломал его и высыпал содержимое мешочка на койку - на то самое место, где некогда покоилась перед ним живая алебастровая статуя.

Что за зрелище предстало его глазам при лунном свете!

Целые связки нанизанных на кожаный ремешок перстней с бриллиантами, сапфирами, изумрудами; браслеты, изукрашенные бирюзой и опалами; бусы из жемчуга величиною с орех, ожерелье из солитеров и агатовая шкатулка - стоило ей открыться, и перед Тимаром засверкала груд а бриллиантов и рубинов. Тут было множество аграфов и застежек с вправленными в них редчайшими произведениями ювелирного искусства, за которыми антиквары охотятся на аукционах: сверкающие, точно кошачий глаз, сидериты, камеи, вырезанные на халцедоне и огненным опале, темно-синие восточные аквамарины, красные топазы, пиропы редкого розового оттенка, адулар с перламутровым отливом, называемый также солнечным камнем, меняющий свои оттенки лабрадор, кармазиново-красная шпинель, шедевры античного искусства из благородного коралла, янтаря и египетского камня. Королевская коллекция! В шкатулке из хрусталя хранились экземпляры редко встречающихся платиновых монет, которые русский царь послал в Стамбул по случаю заключения Белградского мира. Наконец со дна мешочка выкатились четыре свертка трубочкой; Тимар развернул один из них: в нем было пятьсот луидоров.

Перед ним лежали подлинные сокровища ценностью в миллион, не менее!

Да, ради этого стоило посылать вослед беглецу и канонерки, и шпионов! Ради того, чтобы сокровища не попали в руки преследователей, стоило Али Чорбаджи скрыться на дне Дуная и стоило переправляться в бурю через Железные Ворота.

"Святая Варвара" везла в своем трюме целый миллион.

Это не сон, не мираж, это - явь. Сокровища Али Чорбаджи лежат на мокром ковре, которым совсем недавно укрывалась Тимея. Тот, кто знает цену жемчугу и драгоценным камням, признает, что не напрасно Али Чорбаджи был правителем Кандии и хранителем казны. Тимар, оглушенный, без сил опустился на край постели, держа в трясущихся руках агатовую шкатулку, в которой сверкали и переливались при свете луны бриллианты.

Уставясь неподвижным взглядом, Тимар смотрел на светящую в окошко луну, а та опять казалась похожей на собственное изображение в календарях: угадывались глаза и рот, и небесное светило словно готово было снизойти до разговора с простым смертным.

"Чьи теперь эти невероятные сокровища?"

"Твои, чьи же еще! Ведь это ты купил затонувший груз целиком, как он есть, с зерном и с мешками. Ты рисковал: все твои затраты могли пропасть втуне и гнилая пшеница пошла бы разве что на удобрение. А мокрое зерно обернулось золотом и драгоценными камнями".

"Все, что тобою куплено, тебе и принадлежит. Ты честно участвовал в аукционе. Откуда тебе было знать, что таит в себе судовой груз?"

"Правда, умирающий обмолвился о красном полумесяце, а ты гадал, что бы это значило. Но ты и сам додумался, что вряд ли все имущество преследуемого было на виду. Теперь-то ты убедился, что твои неясные предположения были вполне обоснованны, но ведь ты этого еще не знал, когда скупал судовой груз. Да и всю эту уйму мокрой пшеницы ты приобрел совсем с другой целью: ты собирался напечь из нее недоброкачественного хлеба для безвинных солдат. Судьба повернула все по-иному. Пойми, что это знак судьбы. Судьбе неужгодно было, чтобы ты получил жалкую прибыль за счет двадцати тысяч несчастных солдат. Вот она и послала тебе другое. Коли она воспрепятствовала злу, стало быть, то, что она предложила тебе взамен, безусловно хорошо".

"Кому же принадлежали эти сокровища?"

"Наверняка султан наградил их во время своих завоевательных походов".

"А казначей, надо думать, похитил их у султана".

"Зато Дунай похитил их у обоих".

"Теперь же они *ничьи*".

"Почему - *ничьи*? Они твои".

"Ори принадлежат тебе по тому же праву, по какому владели ими султан, хранитель казны и Дунай".

"А Тимея?"

Узкая, вытянутая черная тучка заслонила луну, словно рассекла ее надвое.

Тимар погрузился в долгие раздумья.

Луна вновь вынырнула из-за тучи.

"Тем лучше для тебя!"

"Ведь бедняк - человек подлый, никчемный, не правда ли?"

"Да, его хулят-ругают, если он выполнит свой долг, и называют негодеем, если его постигнет беда; ему не возбраняют удавиться, если жить неумогу; прекрасные девушки не торопятся его утешить, если у него душа болит. Бедняк - человек подлый, никчемный".

"И сколь славен человек богатый! Как превозносят его до небес, как стараются снискать его дружбу! Сколь часто прибегают к его советам и сколь охотно вверяют ему судьбу страны! А с какой готовностью сходят по нем с ума женщины!"

"Ты же ни разу не слышал из ее уст простого "спасибо!". Что, если бы ты сейчас положил к ее ногам найденные сокровища и сказал ей: они - твои, я достал их для тебя из подводных глубин!"

"Она даже не сумела бы оценить твой дар. Откуда ей знать, что дороже: шкатулка с бриллиантами или коробка сладостей? Ведь она еще дитя".

"Да и сокровища ей не достались бы, их тотчас же прибрал бы к рукам приемный отец и растратил на девять десятых. Ведь его не проверишь, драгоценности эти можно сбывать только исподтишка".

"Но даже если бы Тимея и получила свое наследство, каков был бы результат? Она заделалась бы богатой дамой и с высоты своего блестящего положения не углядела бы такую ничтожную персону, как ты. А ты как был, так и останешься неприметным корабельщиком без гроша за душой, и даже мечтать о ней было бы с твоей стороны безрассудством".

"Теперь же дела обстоят как раз наоборот: ты заделаешься богачом, а она останется бедно".

"Ты ведь сам молил судьбу об этом!".

"И мольба моя услышана".

"Разве ты подстроил так. Чтобы судно налетела на бревно и затонула?".

"Нет".

"Желаешь ли ты Тимее зла?".

"Нет!".

"Ведь ты же не собираешься присвоить себе найденные сокровища. Ты хочешь обратить их в деньги, увеличить этот капитал и, когда к первому миллиону прибавятся второй и третий, сможешь предстать пред несчастной сиротой и сказать ей: возьми все эти богатства.. и меня тоже!".

"Разве тем самым ты хочешь ей зла?".

"Ты хочешь разбогатеть лишь для того, чтобы сделать ее счастливой".

"Твои намерения чисты, так что совесть твоя может быть спокойна". Серп луны наполовину погрузился в Дунай. Лишь один его рожок огненной башенкой выглядывал из воды; лунная дорожка протянулась по волнам к самому носу корабля. И каждый луч, каждая я волна уговаривали Тимара: "Удача сама идет тебе в руки - бери. Не упускай. Никто ничего не узнает. Единственный человек, владевший тайной, покоится на дне Дуная"".

Тимар слушал уговоры луны, нашептывания волн и тайный голос, который неотступно звучал в его душе, и по лбу его катился холодный пот. Луна, пряча в воду свою огненную башенку, послала Тимару прощальный луч, словно говор:

"Ты теперь богатый господин!".

Но когда совсем стемнело, в настороженной темноте чей-то голос шепнул ему на ухо:

"Ты - вор!".

Через час повозка, запряженная четверкой быстрых коней, стремглав неслась по дороге к Комарому, и когда часы на башне церкви святого Андрея пробили одиннадцать, повозка остановилась возле "Англии", у ворот, украшенных двуглавым орлом. Тимар проворно соскочил и поспешил в дом.

Его ждали.

Золотой рудник.

Однажды мне довелось побывать в Четатье Маре.

Стоит мне вспомнить увиденное, и сердце сжимается. Это невозможно описать, фантазия бессильна воссоздать все то, что предстало передо мною воочию, и нет слов, которые могли бы точно отобразить живую действительность.

Я нахожу лишь одно сравнение из области известных всем понятий.

Представим себе, что мы попали в один из тех гигантских кратеров, которые являет нашему взору лунная поверхность. Когда мы через мощную увеличительную трубу разглядываем ее глубокие, очерченные резкими тенями шахты, подобные заброшенным, безлюдным крепостям.

Вообразим. Будто мы находимся на дне Плутарха, который, как считают, когда-то был огнедышащим вулканом.

Четатье Маре представляет собою такую гигантскую полу внутри горы - чудовищных размеров собор, которому недостает лишь купола. Скалы, образующие его круглое пространство, титаническими массами подпирают друг друга, словно башни, в беспорядке наваленные друг на друга. Ужасающий кратер по всей своей высоте на сотни саженей от кромки и на тысячасаженном дне - нигде не дает места какой бы то ни было растительности: ни травинке, ни кустику; там всюду камни, и одни только камин. Мощные каменные колоссы и обелиски, каменные пирамиды и кубы. Кое-где со стен отвесно свисают каменные "сосульки", грозя в любой момент сорваться вниз, однако висят так вот уже не одно столетие. В иных местах стены рассечены зияющими пропастями, теряющимися в невообразимой глубине горы. А в одной из стен этого страшного каменного собора находится сквозное отверстие, подобное покосившимся церковным вратам, - достойный доступ к жертвенному капищу гигантов. Выглянув через эти врата наружу, можно увидеть посреди простирающейся внизу долины высокую остроконечную гору, тоже почти начисто лишенную зелени и сплошь состоящую из камня. Но камня, раздробленного намелко, так что попадающиеся тут кристаллы аметиста кажутся наиболее крупными.

Вот что представляет собою Четатье Маре.

И этот остывший вулкан, эта полая внутри скалистая гора, воспроизводящая очертания лунных кратеров, - отнюдь не творение природы, а плод трудов человеческих, след деяний римлян. Когда-то гора эта хранила золото. А римские завоеватели согнали сюда поработанных дакийский крестьян и заставили их выбрать всю сердцевину горы. У входа и теперь видны следы зубила и молотка, а на стенах копоть. Ведь пороха в то время не было, и чтобы раздробить каменные стены, под ними разводили костры и раскаляли их, а затем обрызгивали уксусом.

Остроконечная гора, что вздымается посреди долины, сплошь состоит из раздробленного камня, из которого выбрано золото. Гора праха.

В один прекрасный день вершина Четатье Маре обрушилась, похоронив под собою золотой рудник. Говорят, что он уходит вниз еще на такую же глубину, какая видна над поверхностью. В погребенных под обвалом каменных штреках и поныне находят памятники римской эпохи вроде керамического медальона с восковыми табличками - записью об освобождении раба-золотоискателя, - меж створками которого хранится прядь волос, сплетенная в шесть жгутов; эта прядь была подарена рабу его возлюбленной на память.

Окрестные жители и сейчас ковыряют скалу, дробят камень, добывая золото. Адский труд! Золото - могущественный властелин, заставляющий трудиться на себя до последнего вздоха. Сам камень состоит из так называемой "глухой породы", лишь отдельные пласты которой являются золотоносными; золото вкраплено в камень мельчайшими и крупинками, пылью. Иной раз приходится годами пробиваться сквозь глухую породу, пока жила не позволит напасть на свой след; иногда, едва дав себя обнаружить, она начисто пропадает, и всю работу нужно начинать заново. Золото играет с людьми в прятки: золотоискатель должен найти его, пробиваясь сквозь каменную толщу скал.

Куски золотоносной породы бережно выбирают и подвергают сортировке: те, что богаче золотом, попадают в сухие дробилки, те, что поскуднее, - в водяные. Там их дробят в порошок, тщательно просеивают; вдоль всего русла речушки Вереш грохочут приводимые в движение водой механизмы, отделяющие золото от породы. Драгоценный металл оседает на дне длинных лотков и корыт, а мутную порошковую взвесь сливают в ямы; "ловушка", "очаг", "подмостки" - таковы названия очистных приспособлений, через которые надлежит пройти золоту. Однако даже после всех этих стадий золото еще не считается чистым, и тогда дробилки смешивают его с ртутью в больших чанах до тех пор, пока ртуть не вберет в себя все золото до последней крупинки. Этой ртутью наполняют большие мешки из тонкой кожи и кладут под гнет; ртуть просачивается сквозь поры кожи, а золото остается на дне мешка в виде тусклого желтого

порошка. По субботам старатели из окрестностей Четатье Маре отвозят этот порошок в Дюлафехервар и меняют его на деньги.

Вот это и называют золотым дном. .

Однако не верьте свои ушам! Это не золотое дно, а голодная пропасть. Те, кто в погоне за золотом дробит здесь камень, ходят в лохмотьях, питаются хлебом из кукурузной муки, живут в убогих хижинах и умирают до срока. Беднее этих людей и не сыскать на всем свете.

Золотое дно находится вовсе не здесь!

После военных сборов Тимар сразу стал зажиточным человеком, даже приобрел собственный дом на улице Рац - в деловом центре комаромких купцов.

Никто не считал это странным.

По-моему, в записную книжку каждого государственного поставщика будут внесены золотые слова нашего достославного императора Франца Иппроизнесенные его величеством в адрес некоего прозябающего в бедности интендантского комиссара: "Вол был привязан к яслям, так отчего ж он не ел?".

Сколько заработал Тимар на поставке хлеба - неизвестно, а вот что выбился в господа - сразу видно. За все-то он берется, и на все-то у него хватает средств.

Впрочем, применительно к негоцианту, предпринимателю это не так бросается в глаза. Только первые сто тысяч форинтов нелегко раздобыть, а когда они в кармане, деньги сами плывут в руки. У человека появился кредит.

Он справедливо предполагал, что Тимар предложил посредникам более щедрое вознаграждение, чем платил он сам, а потому и получил жирный кус, который обычно доставался ему. Но как удалось Тимару разбогатеть так крупно?

С той поры как Тимар пошел в гору и сделался сам себе хозяин, господин Бразович искал дружбы своего бывшего судебного комиссара, приглашал к себе на вечера, куда Тимар являлся с большой охотой. Ведь это давало ему возможность повидать Тимею, которая уже кое-как понимала разговорную речь.

Теперь и госпожа Зофия была рада Тимару, а однажды визгливым шепотом наемкнула Атали, что не мешало бы ей глядеть на Тимара поласковее, поскольку он теперь богатый господин и вполне подходящая партия, форы даст и трем офицерам, у которых нет ничего за душой, кроме красивого мундира да кучи долгов. На что барышня Атали ответствовала так: "... это еще не значит, что я должна выходить замуж за отцовского служащего". Госпоже Зофии нетрудно было догадаться о начале фразы: "Если и отец женился на своей служанке..." содержащей законный упрек. И впрямь, как осмелилась госпожа Зофия навязаться в матери столь благородной барышне?

А господин Бразович однажды после ужина, когда они вдвоем остались за столом, предложил Тимару скрасить беседу вином, Господин Бразович был непревзойденным мастером по части возлияний, а Тимар, бедняга, и вина-то вволю не видывал.

Когда беседа пошла как между добрыми, старыми приятелями, Бразович и спросил - вроде бы как в шутку:

- Послушай, Мишка, скажи ты мне по совести, как это ты ухитрился столько заработать на поставке хлеба? Ведь я этим делом тоже занимался и знаю, что из него можно выжать. Знаю, как подмешивают к муке отруби, мельничную пыль, знаю секрет, как размолоть охвостья вместо чистого зерна, и разница между мукой ржаной и пшеничной мне тоже хорошо известна. Но я никогда не зарабатывал столько, как ты. Открой, что за дьявольскую уловку ты применил? Ведь теперь дело прошлое.

Тимар через силу тарашил глаза, словно уже настолько опьянел. Что ему и шести лошадиных сил мало, чтобы поднять веки.

- Да видите ли, господин... - заплетающимся языком заговорил было он, однако хозяин дома перебил его.

- Говори мне "ты" и зови по имени!

- Видишь ли. Танасий, никаких дьявольских уловок тут нет и в помине. Ты ведь помнишь, что я скупил подмокшее зерно - груз "Святой Варвары", скупил задешево, по форинту за меру. Но я не стал распродавать его с грошовой надбавкой мельникам, откормщикам скота, крестьянам, как все думают, а тут же все отдал в поло и сразу же расстарался напечь хлеба впрок. Так что все обошлось мне в два раза дешевле, чем если бы я пустил в ход самое дешевое и плохое зерно.

- Ай да молодец! А мне и невдомек; выходит, век живи - век учись... Послушай, Мишка, но хлеб-то солдатский небось неважный получился?

Михай приснул со смеху так, что чуть вином не поперхнулся.

- Ясное дело, неважный! Уж до того скверный, что хуже некуда.

- И в Интендантскую комиссию не жаловались?

- А что толку жаловаться? Вся Интендантская комиссия была мной подкуплена.

- А как же с комендантом крепости. С фельдцейхмейстером уладилось?

- Все они у меня в кармане! - хвастливо заявил Михай, хлопая себя по карману, в котором уместилось столько влиятельных особ.

Глаза господина Бразовича хищно блеснули и словно бы больше обычного налились кровью.

- И этот хлеб из подмоченной пшеницы ты скормил солдатам?

- Скормил. А проглоченный кусок молчит.

- Что верно, то верно. Но и ты, Мишка, помалкивай. Мне ты можешь открыться без опаски, я тебе только добра желаю, но если об этом кто из твоих недругов прознает, тебе, брат, несдобровать. Тогда удаче твоей конец и с домом на улице Рац придется расстаться, так что уж ты лучше никому не рассказывай.

Тут Тимар, словно человек, спяну сболтнувший лишнее, вмиг перепугался и стал заклинять господина Бразовича - даже руку ему поцеловал, - чтобы тот сохранил его тайну, не пускал его по миру. Бразович заверил его, чтобы не беспокоился, мол, он-то, Бразович, никому не проговорится, лишь бы Тимар сам свою тайну не выболтал!

Затем хозяин дома вызвал лакея, наказав ему с фонарем проводить господина Тимара до дома, да следить, чтобы дорогой с ним чего не приключилось. И под руку поддерживать, ежели голова закружится.

Лакей, воротясь, доложил, что насилу довел господина Тимара до дома; тот все песню затянуть пытался, норовил зайти в чужие дворы, а дверь собственного дома не признал. Дома его сразу же уложили в постель, и добрый господин тотчас уснул.

А Тимар, едва только лакей Бразовича ушел, встал с постели и до самого утра писал письма.

Пьян он совершенно не был.

Тимар был уверен, как в завтрашнем дне по численнику, что Бразович немедля донесет обо всей этой истории, и знал -кому.

В ту пору - возможно, теперь это не так - основным принципом государственного хозяйствования было: "stehlen und stehlen lassen" "кради и красть давай другим".

Успокоительный, миролюбивый принцип!

Однако в противовес этой разумной системе был выдвинут французский принцип (что подделаешь, у французов все не так, как у немцев!), звучавший следующим образом: "ote toi, que je m'y mette". Или в вольном переводе: "поди прочь, дай пожить и мне!".

При дворе разные влиятельные лица соперничали между собою и, дабы обратить дойную корову к себе, старались ее же собственными рогами отогнать счастливица от подойника и возвратить bona vassa⁹ своему ведомству.

Существовали, к примеру, три дворцовых канцелярии, кроме того allgemeine Hofkammer fur Finanz- und Handelsangelegenheiten, а также oberste Justizstelle, затем Hofkriegsrath, сверх того

⁹ Дойную корову (лат.)

Censur-und Polizeihofstelle, geheime Haus,-Hof-und Staatskanzlei и, наконец, Generalrechnungsdirektorium¹⁰.

Посему и сообразительности требовалось ровно столько, чтобы вывести, которое из колесиков этой сложнейшей машины надобно повернуть, чтобы открылся сундук, куда честному гражданину можно запустить руку. Чем можно поживиться и где, как, с чьей помощью, на каком основании, каким образом и когда? Кто чей друг и чей недруг, у кого какое слабое место и от кого зависит, чтобы дело приняло нужный оборот? Если вы в состоянии ответить на эти вопросы, значит, вам удалось постичь важнейшую из наук.

Для Тимара не оказалось неожиданностью, когда через несколько дней после дружеской пирушки у Бразовича, его вызвали в комаромскую крепость и некий господин, назвавшийся Oberstfinanzgeheimrath, то бишь тайным советником по финансам, объявил, что он, Тимар, пока задержан для строжайшего расследования и должен передать ключи, чтобы обеспечить доступ к свои бумагам и книгам счетов.

История эта наделала немало шума.

Тайна Тимара оказалась достоянием Дворцовой финансовой палаты, которая постоянно соперничала с Военным советом. И вот сейчас представился великолепный случай выявить чудовищные злоупотребления, втайне совершаемые в недрах военного ведомства, и лишить последнее привилегии на продовольственные поставки. Это наступление было поддержано и тремя дворцовыми канцеляриями, в защиту Военного совета выступила лишь Дворцовая полиция; в конце концов Государственная канцелярия возбудила дело против военного ведомства, и тотчас же была отряжена комиссия со строжайшим наказом: никому пощады не давать, Интендантскую комиссию целиком упразднить, коменданта, генерал-фельдмаршала призвать к ответу, поставщика взять под арест, провести уголовное расследование и выяснить все окончательно. Ведь в доносе столь убедительно изложены все обстоятельства дела.

Если бы удалось доказать, что Тимар подсунул солдатам хоть краюшку скверного хлеба, его песенка была бы спета.

Однако доказать ничего ну далось.

Комиссия денно и нощно трудилась более недели. Вызывали свидетелей, заставляли их клясться, допытывались так и сяк, прибегали к помощи комитатской управы, но тщетно: против Тимара не свидетельствовал никто.

Следствие установило, что Тимар все подмокшее зерно распродал мельникам, земледельцам, владельцам фабрик, откормщикам скота; ни одна ложка порченной муки не попала в солдатский хлеб. Выспросили самих солдат, те тоже в один голос утверждали, что сроду не доводилось им есть такого вкусного хлеба, каким две недели кормил их Тимар. Не выступило против него ни одного обвинителя, ни единого свидетеля обвинения, так что не было никаких оснований подозревать его в подкупе военных властей. Ведь они отдали заказ тому, кто по самым дешевым ценам поставил наилучший товар. В конечном счете дело обернулось им на руку.

Господа военные почувствовали себя кровно задетыми сим расследованием, они звенели саблями, грозя потребовать сатисфакции, и попавшая впросак комиссия с перепугу взяла свои обвинения обратно, оправдала подозреваемых и без оглядки сбежала из Комарома. А Тимара, принеся ему глубочайшие извинения, выпустили на свободу и вынесли вердикт: это же золотой человек!

Первым, кто бросился приветствовать освобожденного узника, был господин Качука, который прилюдно подчеркнуто долго тряс ему руку.

- Дружище, ты этого дела так не оставляй! Надо требовать полной сатисфакции. Представь себе, даже меня заподозрили в получении взятки. Поезжай в Вену и требуй удовлетворения.

¹⁰ Общая дворцовая палат финансовых и торговых дел, Высшее юридическое управление, Дворцовый военный совет, Управление цензуры и полиции, Тайная имперская, дворцовая и государственная канцелярия, Генеральный бюджетно-финансовый директорат (нем.).

Доносчика следует примерно наказать. И теперь, - эти слова он произнес шепотом, - можешь быть уверен, что здесь больше никому не удастся вышибить тебя из седла. Так что куй железо, пока горячо!

Тимар заверил приятеля, что последует его совету.

А при встрече с господином Бразовичем и ему сказал то же самое.

Господин Бразович донельзя расстроился из-за несправедливости, учиненной его другу Мишке. Кто же этот гнусный злодей, посмевавшийся его очернить?

- Кто бы он ни был, он за это жестоко поплатится! - пригрозил Тимар. - Клянусь, коли у него есть свой дом в Комароме, он его лишится, чтобы впредь было неповадно такие шутки шутить. Послезавтра еду в Вену требовать у Дворцовой канцелярии удовлетворения.

- Поезжай, поезжай! - поддержал его Бразович, а про себя подумал: "И я там буду!".

И отбыл в Вену днем раньше, чем Тимар, а там, используя свои давние связи, подготовил ему (правда, ценою невероятных затрат) достойный прием: стоило только Тимару войти в уготованный ему лабиринт, и он бы никогда из него не выбрался. Из Дворцовой канцелярии его отошлют в Дворцовую палату, оттуда переправят дело в Высшее юридическое управление, оно втянет в разбирательство Управление полиции, которое в свою очередь препроводит истца в Тайную государственную канцелярию. И человек, столь опрометчиво решившийся искать справедливости, постепенно озлобится, произнесет какие-нибудь необдуманные слова, а то, глядишь, и пропечатает о своих мытарствах в газете, - тут-то его и схватит с поличным Дворцовый цензурный комитет... Под конец бедняга сам взмолится, чтобы его отпустили с миром, и больше уже никогда в жизни близко не подступится ни к одной из дворцовых служб. Пусть себе ищет правды дружище Михай, кол и он такой простак.

Однако Тимар теперь уже был отнюдь не простак.

Он давно перехитрил обоих своих советчиков.

С первого же шага хитрость, глубоко скрытая в его натуре, дала себя знать.

Тимар научился хитрить с тех пор, как позволил навязать себе первый шаг, и хорошо усвоил золотое правило: никогда не говорить о том, что собирался делать.

Примерно так же обстоит дело с женским целомудрием. До первого грехопадения вся девичья натура исполнена неведения, невинности, чистоты до самых глубин. Однако стоит перешагнуть этот рубеж, и все кристально-прозрачное нутро оказывается взбаламученным, и учителей более не требуется: женское естество уже само умеет все и даже способно изобрести кое-что новенькое.

Уже то, как он оставил с носом своих преследователей у Панчева, позволяло предполагать в Тимаре некоторые таланты. Правда, тогда он поступил так ради другого человека без всякой выгоды для самого себя. Он выполнил, что ему было поручено: обманул преследователей. Теперь же он действовал в своих интересах.

Он стал обладателем несметных сокровищ, но, чтобы распоряжаться ими, надо было позаботиться о законных на то основаниях. Ему пришлось притвориться удачливым предпринимателем, на первой же своей сделке якобы разжившимся огромными деньгами.

Если кто-то подумает, будто он разбогател на контрабанде, - не беда. Доказать не докажешь, потому что это неправда. В свое интендантское предприятие он вложил столько средств, что почти не получил прибыли. Но зато получил возможность покупать дома, корабли и расплачиваться золотом: ведь все думали, будто он разбогател на поставках.

Ему требовался предлог, чтобы постепенно вытащить на свет божий сокровища Али Чорбаджи. Что же он сделал по приезде в Вену?

Тимар должен был потребовать у Дворцовой палаты удовлетворения и тут мог рассчитывать на поддержку Дворцового военного совета. Он заручился рекомендательными письмами от комаромских покровителей к наиболее влиятельным особам.

Однако все рекомендательные письма Тимар спрятал на дне дорожного сундука, направился напрямик к председателю Дворцовой палаты и попросил у него аудиенции.

Министру пришлось по душе, что этот человек пришел прямо к нему, не ища окольных путей, и он велел Тимара впустить.

Министр - высокий мужчина с гладко выбритым лицом, внушающим почтение двойным подбородком, строго нахмуренными бровями и с лысиной на макушке; грудь его украшена множеством знаков отличия. Увидев в перед собою простого смертного в скромном черном мадьярском платье и с длинными усами, высокий чин заложил руки назад, спрятав их под фалы фрака.

- Отчего вы являетесь на аудиенцию без сабли? - таков был первый вопрос его превосходительства, адресованы Тимар.

- Я не дворянин, ваше превосходительство.

- Вот как?... Вы ведь пожаловали ко мне, чтобы потребовать сатисфакции за учиненные против вас арест и следствие?

- Ф далек от этих побуждений, ваше превосходительство, - отвечал Тимар. - Правительство выполняло свой дог, когда на основании убедительных на первый взгляд сведений отнеслось со всей строгостью не только ко мне, но и к господам куда более влиятельным, чем я. Поскольку я не дворянин, то я не вправе и жаловаться на оскорбление исконных дворянских прав. Напротив, я глубоко признателен как осведомителю, так и следственной комиссии, ведь в результате расследования было установлено, что я честно выполнил возложенные на меня обязательства.

- Так вы не намериваетесь требовать удовлетворения я от своего обидчика?

- Более того, я счел бы подобный шаг вредным, ведь это могло бы отпугнуть истинных поборников правды, кто вздумал бы разоблачить доподлинные злоупотребления. Честь моя восстановлена, а по натуре я не мститель. Да и не имею ни времени для мести, ни желания. Что было, то прошло, и лучше об этом забыть.

При этих словах его превосходительство вытащил руку из-под фрачной полы, чтобы похлопать Тимара по плечу.

- Что ж, разумно, очень разумно рассуждаете. Стало быть, говорите, у вас нет времени обивать пороги, требуя удовлетворения? Но тогда с какой же целью вы ко мне пожаловали?

- С одним предложением.

- Ах, с предложением?

- Да. И для этого мне требуется ваше высокое покровительство.

Высокий покровитель поспешил вновь спрятать руку под фалду фрака.

- Есть среди императорских владений одно поместье близ иллирийской границы, в Леветинце.

- Угу-м, - хмыкнул высокопоставленный господин и сурово нахмурил лоб. - И что вам до этого поместья?

- Будучи поверенным по закупке зерна, я часто бываю в тех краях и потому поместье это хорошо знаю. Территория поместья тридцать тысяч хольдов; его арендовал у правительства венский банкир Зильберман по сорок крейцеров с хольда. Заключение договоров ведает Дворцовая палата, а поступающей арендной платой распоряжается Дворцовый военный совет. Сумма эта - двадцать тысяч форинтов. Зильберман, поделив поместье на три части, раздал его тем субарендаторам, которые платил и ему по форинту с хольда.

- Да, это так. Ему ведь тоже нужно было хоть что-то заработать.

- Разумеется. Что до субарендаторов, то они распределили земля мелкими участкам среди окрестных жителей, и те выплачивали свою долю натурой. Однако теперь, когда выпали два скудных года подряд, а уж в особенности нынешний с его сильной засухой, тамошние земли не уродили даже посевного зерна. Земледельцы не собрали никакого урожая, и им нечем было расплачиваться с субарендаторами; те в свою очередь не внесли платы основному арендатору, а он, дабы уклониться от обязательств. Объявил себя банкротом и остался на этот год должником.

При этих словах обе руки его превосходительства вынырнули из своего укрытия, дабы жестикующей поддержать его обличительную речь.

- Еще бы, вещь он, мерзавец, роскошествовал что твой князь! Подумать только, держал лошадей по восемь тысяч форинтов, сейчас они продаются аукциона, А как-никак министр и то не могу себе такого выезда позволить.

Тимар сделал вид, будто не отметил по себя этих слов министра, и продолжал:

- Дворцовая палата не получит платы за аренду, поскольку и взыскивать не с кого: у основного арендатора и субарендаторов имеются жены, и у всех собственность числится за женами как их приданое. А двадцать тысяч форинтов недостачи обременяют казну Дворцового военного совета, и, насколько мне известно, последний намеривается взыскать означенную сумму с Дворцовой палаты.

Его превосходительство открыл табакерку и, запустив пальцы за понюшкой, краем глаза наблюдал за говорящим, стараясь проникнуть в его замыслы.

- Так вот, мое покорнейшее предложение заключается в следующем, - продолжал Тимар, вынув из кармана какую-то сложенную бумагу. - Я арендую леветинцское поместье на десять лет по той цене, что платили субарендаторы основному арендатору, то есть по форинту с хольда.

- Хм! Недурно.

- Поскольку сейчас уже конец ноября, новый арендный договор, можно сказать, просрочен на год: ведь земли остались нераспаханными. Я же предлагаю не только включить в договорный срок этот упущенный год, но и обязуюсь возместить не внесенную за прошлый год арендную плату.

Его превосходительство побарабанил пальцами по крышке своей золотой табакерки и крепко сжал губы.

"Однако, - подумал он про себя, - да это же золотой человек! Он гораздо умнее, чем можно предположить по его дурацкой физиономии. Догадался же, что Дворцовая палата намеривается выцарапать из лап Дворцового военного совета все интернатские дела, ведь и комаромское следствие было учинено с этой целью. Обвинение в подкупе с позором провалилось.

Дворцовый военный совет и его высокопоставленные покровители из военных одержали вверх и теперь намериваются вырвать у Дворцовой палаты ведение арендных дел в приграничных округа. Ведь это тоже bona vassa! А тут еще такой замечательный предлог, как ущерб, нанесенный арендатором леветницкого поместья. И вот человек, которого Дворцовая палата преследовала и он едва избежал беды, не становится на сторону ее противников, а, напротив, пытается ей помочь и укрепить ее позиции. Золотой человек! Таких людей ценить надобно".

- Ну что ж, дело ясное! - произнес его превосходительство вслух. - Сразу видно, вы человек порядочный. Наше ведомство вас обидело, а вы решили стать выше личных обид. Вы убедитесь, что это верный путь, каким и надлежит следовать каждому разумному гражданину. Единственно для того, чтобы доказать, как умеет государство ценить разумные деяния своих граждан, заверяю вас, что предложение ваше будет принято. Зайдите ко мне еще разок сегодня к вечеру; благоприятный ответ я вам гарантирую.

Тимар вручил его превосходительству изложенное на бумаге предложение и, низко поклонившись, удалился.

Его превосходительству этот человек пришелся по душе.

Во-первых, он прощает правительству учиненную над ним несправедливость, которая могла бы обернуться весьма неприятными последствиями, если бы дело копнуть поглубже. Во-вторых, предлагает правительству договор в полтора раза выгоднее прежнего. В-третьих, своим великодушием оказывает большую услугу Дворцовой палате, попавшей в неловкое положение, и дает ей возможность блестяще отразить все нападки Дворцового военного совета. Трижды золотой человек!

Впрочем, не трижды - четырежды! - но его превосходительство не мог этого знать.. Он узнал об этом лишь к обеду, приехав к себе в особняк, когда конюх сообщил ему, что некий мадьяр, которому его превосходительство поручили выторговать на аукционе выезд господина Зильбермана, лошадей доставил, а насчет уплаченной цены доложит самолично.

Четырежды золотой человек!

Когда Тимар под вечер вновь наведлся в приемную его превосходительства, на лице каждого, кто попадался ему навстречу, он подмечал любезную улыбку. Но был отблеск золота.

Его превосходительство предупредительно встретил его у двери. Провел к письменному столу, где наготове ждал договор, снабженный всеми необходимыми подписями, печатью данного ведомства и большой круглой печатью.

- Прочтите, подойдут ли вам условия!

Первое, что поразило Тимара, был арендный срок, рассчитанный не на десять лет, а на двадцать.

- Нравится вам такой срок?

Еще бы не нравиться!

Второй неожиданностью для него оказалось его собственное имя, звучащее как "дворянин Михай Тимар Леветинцкий".

- Нравится вам новый титул?

"Дворянин Михай Тимар Леветинцкий" - спору нет, звучит красиво!

- Дворянская грамота будет выслана вам вслед, - со всемилостивейшей улыбкой заверил его высокопоставленный господин.

Тимар подписал договор, прибавив к прежнему имени и новое свое звание.

- Не спешите, - удержал Тимара его превосходительство, после того как церемония подписания состоялась, - я хочу еще кое-что сказать вам. Правительство полагает своим долгом награждать ревностных граждан, отличившихся в служении отечеству. При этом предпочтение отдается тем, кто снискал всеобщее признание на поприще национальной экономики и торговли. Не могли бы вы называть мне человека, достойного награждения, скажем, орденом Железно короны?

Его превосходительство был совершенно уверен, что услышит в ответ: "Вот моя петлица, ваше превосходительство, более подходящего места для твоего ордена не сыскать. Ежели ты ищешь достойного человека, он перед тобою".

Ведь и само предложение предполагало подобный ответ.

Каково же было изумление высокопоставленного господина, когда Михай Тимар Леветинцкий по кратком раздумии ответил:

- С радостью, ваше превосходительство. Осмелюсь указать одного весьма достойного человека, который с давних пор пользуется всеобщим уважением и втайне оказывает благодеяния всему окрестному люду. Декан из Плесковаца, Кирилл Шандорович, как никто другой заслужил эту награду.

Министр попятился от изумления. Ему еще не доводилось встречать человека, который бы на вопрос "кому дать орден?" не повернулся бы к зеркалу, чтобы ткнуть пальцем в свое отражение: "Вот он пред вами, достойнейший из достойных!" А этот Тимар в глухом медвежьем углу откопал священника, который ему не сват и не брат и даже не единоведец, и заявляет, что этого человека он, мол, считает достойней собственной персоны.

Золотой-то он золотой человек, да слишком уж чистого золота! К такому надо добавить как минимум три карата серебра, дабы оно поддавалось обработке.

Однако предложение было высказано, теперь на попятный не пойдешь.

- Ну что, хорошо, - кивнул господин министр. - Только ведь вручению этого ордена предшествуют определенные церемонии. Корона не может подвергать себя возможность отказа, а потому удостоенному сей награды прежде надлежит собственноручно составить ходатайство.

- Его преподобие человек в высшей степени скромный, он отважится на такой шаг лишь в том случае, если получит поощрение свыше.

- Ах вот как? Понятно. Значит, если я собственноручно напишу несколько строк, этого будет достаточно? Хорошо, я так и сделаю, поскольку вы этого человека рекомендуете. Государству должно поощрять таких скромных и достойных граждан.

И сановный господин собственноручно начертал несколько поощрительных строк священнику Кириллу Шандоровичу, заверив его в том, что если он пожелает, то за свои выдающиеся заслуги будет награжден орденом Железной короны.

Тимар почтительно поблагодарил влиятельного господина за милость, а тот в свою очередь заверил его в своем неизменном покровительстве.

И наконец, во всех канцеляриях, где простого смертного поджидает еще с десяток крючкотворческих ловушек, каждый торопился тотчас же услужить Тимару; иному просителю неделями не обойти этот чиновничий лабиринт, а наш герой облетел его за какой-то час.

Оршовский очистительный кувшин с водой незримо присутствовал и тут.

Когда Тимар бережно положил в кожаный бумажник оформленные по всем правилам договорные документы, вечер окончательно вступил в свои права.

И тут Тимар заторопился.

Но не ужинать и не ложиться на покой: он помчал к постоялому двору "Золотой баран", где останавливались скоростные возчики из Нергешуйфалу. Купил в корчме булку и сарделек и сунул в карман: поесть можно будет и дорогой.

Тут же кликнул возницу.

- Отправляемся немедленно. Ни кнута, ни лошадей не жалеть! Получишь по форинту чаевых с каждой мили, двойную плату за скорость.

Возницу не пришлось долго уговаривать.

Минуты две спустя повозка мчалась по улицам Вены, а возница всюду нахлестывал лошадей.

Понапрасну полицейский кричал вслед, что в Вене щелкать кнутом не разрешается.

В ту пору скоростной извоз от Веды до Земуна осуществляли возчики-крестьяне. Лошадей днем и ночью держали в полной готовности, чтобы их в любой момент можно было запрячь, и едва только на краю села раздавалось гулкое хлопанье бича, сменный возчик выводил четверку отдохнувших лошадей, и прибывшая повозка в два счета оказывалась в новой упряжке и отправлялась в путь, несясь, не сбавляя скорости. По горам, по долам и в дождь и в слякоть. Если две повозки встречались на полпути, то обе распрягались, возчики менялись упряжками, и так образом каждый из них проделывал лишь половину пути. Скорость езды определялась размерами платы.

Тимар два дня и две ночи не слезал с повозки даже поесть, спал он тоже в телеге, хотя и была она очень треской, да Тимар был человек привычный.

На другой день к вечеру Тимар прибыл в Земун, а оттуда ночью помчал в самое ближнее село леветинцкого поместья.

Погода стояла ясная, мягкая, хотя был первый день декабря. Тимар велел ехать напрямик к сельской управе, а там распорядился вызвать старосту. Представившись новым арендатором поместья, он поручил старосте объявить крестьянам, что они и на будущий год получают земли исполу. Урожая не было два года, это все равно что земля пролежала под паром, значит, на будущий год быть обильной жатве. Погода благоприятствует, осень затянулась, еще не поздно пахать и сеять, ежели взяться за дело дружно. Так-то оно так, отвечали ему, и с пахотой, глядишь, управились бы, да вот беда: посевного зерна нет и его ни за какие деньги не достать. Крестьяне позажиточнее свои-то земли засеяли с горем пополам, да и то не все, а бедный люд будет целую зиму кукурузным хлебом пробавляться.

Будет и посевное зерно, заверил земледельцев Тимар, об этом он позаботится.

Так он объехал все села, где жили испольщики, и по его наущению крестьяне вышли с плугом на залежные земли и принялись распахивать из края в край огромные угодья, которые, не будь Тимара, лежали бы еще год под паром и не родили бы ничего, кроме сорняков.

Но откуда же взяться посевному зерну? Доставлять по реке из Валахии уже поздно, а поблизости раздобыть неоткуда.

Однако Тимар знал место, где можно было разжиться зерном.

Вечером второго декабря он прибыл в тот самый Плесковац, где ранней осенью его грозились поколотить, и наведаясь к его преподобию Кириллу Шандоровичу, в свое время прогнавшему его со двора.

- Ба, сын мой, да никак это опять ты? - воскликнул, увидев его, досточтимый священник, столь великий друг и благодетель простого люда, что давным-давно мог бы быть удостоен ордена Железной короны, кабы не его неборимая скромность. - Чего тебе от меня надо? Хлеб, чтобы, покупать собрался? Так ведь я еще два месяца назад тебе сказал - нет у меня хлеба, ничего я тебе не дам. И не вздумай мне байки рассказывать, я все равно ни одному твоему слову не поверю. Имя у тебя греческое, усы у тебя длинные, и вся твоя рожа не внушает никакого доверия.

- На сей раз буду говорить чистую правду, - улыбнулся Тимар.

- Быть того не может! Ваш брат комаромский купец так и норовит нас, простаков, облапошить. То наплетете, будто урожай в ваших краях отменный, чтобы цены на хлеб сбить; то слух пустите, будто бы правительство собирается всех лошадей распродать, а у самих у вас на уме, как бы задешево овес скупить. Вся натура у вас фальшивая.

- Сейчас я правду скажу. Я прибыл по поручению правительство и от его имени призываю вас, ваше преподобие, открыть для нас свои закрома. Правительство, узнав о том, что окрестный люд остался без посевного зерна, желает раздать его в долг. Такая благотворительность - святое дело, да и правительству добрую услугу окажет тот, кто протянет руку помощи. Зерно нужно не мне, оно достанется крестьянам на семена.

- Да, сын мой, это все правда. Мне и самому жаль этих несчастных бедняков, но ведь и я гол как сокол. У меня ведь, как у всех - недород, откуда же мне зерна взять? Вот от, перед тобой огромный амбар, да что толку: все три настила пустехоньки.

- Какое там "пустехоньки", ваше преподобие! Уж я-то знаю, что там даже позапрошлый урожай цел. По сусекам поскрести, глядишь, и для меня с десятков тысяч мер наберется.

- Черта с два наберется! Да я тебя и на порог-то амбара не допущу! Не надейся, не продам даже по пяти форинтов за меру. По весне пшенице будет цена семь форинтов, вот тогда-то я ее и пущу на продажу, а сейчас не уступлю ни зернышка. И врешь ты все, вовсе не правительство тебя прислало, ишь ты, явился и думает на мякине меня провести. Да правительство-то и знать не знает о том, что мы с тобой на свете живем. И кто мы есть? Так, козявки ничтожные. Бастион твердо стоял под обстрелом легкой артиллерии. И Тимар пустил в ход тяжелую артиллерию - письмо министра.

Его преподобие, прочтя письмо, не знал, верить ли собственным глазам: ведь тогда надо было поверить и Тимару.

Однако солидная печать с двуглавым орлом на конверте и официальный штампель Дворцовой палаты на самом письме убедили его, что это не обман, а явь.

Ведь украсить свою грудь блестящим крестом было для его преподобия пределом мечтаний. Тимар знал об этой его слабости; всякий раз, когда они после очередной сделки садились опрокинуть по стаканчику, господин Шандорович изливал ему свои горькие жалобы: до чего, мол, несправедливо поступает правительство, вешая на грудь патриарха из Карловица награду за наградой! Вот и получается: одному человеку все, а другому ничего.

Итак, заветнейшей мечтой его преподобия было нацепить орден. Чтобы пялились на него мужики, чтобы завидовал таможенный майор, наградами обойденный.. Да и патриарх тотчас же стал бы с ним полюбезнее.

Вся его неприязнь к Тимару мгновенно улетучилась.

- Присаживайся, милейший братец! (До сих пор он не удосужился предложить Тимару даже присесть) Расскажи, как тебе удалось свести знакомство с самим министром. Отчего именно тебе поручили передать это письмо?

Тимар бойко, словно по-писанному, изложил ему вымышленную историю. Он, мол, оставил службу у Бразовича и заступил на правительственную должность, сам господин министр с его

мнением очень считается, вот и к награде этой его преподобие рекомендовал он, Тимар, как своего доброго старого знакомого.

- Я сразу понял, что ты не такой простачок, каким кажешься; этим ты мне и полюбился. Ну, что ж, сын мой, поскольку кличут тебя на греческий лад и лицо у тебя честное и доброе, - дам я тебе зерна. Сколько надобно - десять, двенадцать тысяч мер? Что в закромах есть, все тебе отдам. И вовсе не в угоду министру, ты не думай, а ради твоих честных глаз. Ну, и чтобы бедному люду порадеть. Какую, бишь, я тебе цену называл - пять форинтов? Из уважения к тебе готов уступить по четыре форинта девятнадцать грошей.

А сможешь ты сей момент расплатиться или за деньгами в Вену ехать надо? Я не против, тем более что так и так должен поехать: надо же поблагодарить его превосходительство за оказанную мне честь. Ты вещь не откажешься поехать с мною, проводить меня? Нет-нет, к министру со мной ходить не обязательно, ты можешь обождать и в приемной. Кстати, како он из себя, этот господин министр, - высокий или низкорослый, любезный или сердитый? Орден он мне вручит сразу же? Как то по-твоему, придется ему по вкусу добрый карловацкий вермут? Впрочем, и ты сейчас его отведаешь.

Понапрасну Тимар всячески отнекивался, говоря, что ему сегодня же ночью надобно поспеть в Леветниц: отдать наказ управляющим, чтобы прислали исполщиков за зерном, - гостеприимный хозяин никак не соглашался отпустить его. Господин священник счел за благо отрядить в распоряжение Тимара верховых, чтобы те передали его наказ арендаторам, а Михая пришлось остаться в гостях на ночь.

У его преподобия были в ходу пузатые бокалы без ножки; эти хитрые сосуды нельзя выпускать из рук, покуда вино не выпито до последней капли, иначе они опрокидываются. Один из таких бокалов священник вручил Тимару, другой взял себе, так и скоротали ночь за беседой. Тимар исправно прикладывался к вину, однако по нему это не было заметно: ему довольно часто приходилось бывать в винодельческих краях, и он поднаторел в питейном искусстве.

На следующий день крестьянские телеги одна за другой подкатывали ко двору священника. Увидев, что перед ними и впрямь распахнуты ворота просторного, в три настила, амбара, исполщики заявили Тимару, что отныне будут почитать его за чудотворца. Одного только позапрошлогоднего зерна в житнице оказалось столько, что его достало бы под озимые.

Тимар безвыездно оставался в арендованном поместье, пока не наступили сильные морозы и не положили конец посевной. Под озимые засеяли достаточно. Остальные земли можно будет засеять весною или пустить под пар, под покосы. Из тридцати тысяч хольдов земельных угодий всего лишь несколько сот хольдов приходилось на пастбища, остальное занимали обширные, плодороднейшие поля. Если будущий год выдастся урожайным, то закромов под зерно не хватит. Озимые засеяли в самую удачную пору. До конца октября погода держалась сухая и ветреная; тем, кто засеял свой надел в это время, на хороший урожай в будущем году лучше не надеется: полчища сусликов, хлынувших на поля, изничтожили зерно на корню. Тем же, кто сеял в ноябрьскую слякоть, нанес ущерб рано выпавший снег, так как взошедшие ростки сгнили од снегом в раскисшей земле. Но затем, когда этот первый снег в одночасье растаял, наступила мягкая погода, продержавшаяся до самого рождества, и повезло тем, кто подгадал с севом на это время; суслики погибли, морозы наступили раньше чем выпал снег, и пышный белый покров надежно укрыл до весны драгоценные семена от всяческих напастей.

Искусство возделывания земли напоминает азартную игру: либо пан, либо пропал!

Тимару в этой игре выпала шестерка. Наступивший год оказался настолько щедрым, что тем хозяевам в округе, кто выбрал для посевной благоприятную пору, принес урожай сам-двадцать. Земледельцы леветинцкого поместья благословляли нового арендатора, который не допустил, чтобы год пропал втуне. Их собственные земли принесли чахлый урожай, сорное, пораженное головней зерно, зато арендованные поля радовали обильной, чистой пшеницей.

В тот год Тимар на тридцати судах доставил в Комаром и в Дёр отборную пшеницу, но по вырученным деньгам груз этих тридцати судов составил для него примерно столько, сколько для иного торговца - содержимое трех судов.

Ведь только от него зависело, какой доход получить за этот год: обогатиться ли кругленькой суммой в полмиллиона или увеличить ее еще на сотню тысяч? А может, напротив, скинуть сотню тысяч с полмиллиона, чтобы дать беднякам хлеб подешевле или же чтобы приставить своим конкурентам нож к горлу?

Вольно ему было играть с торговой братией, как кошке с мышью. Он мог сбивать цену на зерно, как ему заблагорассудится.

В кафе у Бразовича среди завсегдатаев, торговцев зерном, каждый вечер разгорались страсти. Оперившийся за какой-то год Тимар безжалостно давит всех купцов. Конкурировать с ним на рынке нет никакой возможности. Денег у него куры не клюют, а собственного добра ему ничуть не жалко, будто он о краденое. Конкуренты готовы были удушить его собственными руками, вздумай он появиться среди них.

Но он избегал их общества.

Никто не видел, чтобы он с кем-то заговорил, желая завязать знакомство. Он ни с кем не делится своими планами. И за что бы ни брался, все в его рука обращается в золото. Затекает новые и новые дела, до которых любой мог бы додуматься: прямо-таки на ладони лежали, только зажди в кулак; ан, спохватывались-то, лишь когда этот человек успевал заграбастать все у них из-под носа. И все-то ему на месте не сидится, все-то он, с повозки не слезая, разъезжает туда-сюда, только диву даешься, почему он все еще живет в этом городе, отчего не переселится в Вену? Чего ради такому богатому человеку держать главную контору в Комароме? Хотя в ту пору Комаром был важным торговым городом.

Но Тимар-то знал, что его привязывает к Комарому. Он знал, чего ради живет в этом городе, где каждый собрат по торговому ремеслу - заклятый враг, где всякий раз, когда он проезжает мимо кафе Бразовича, вослед ему летит напутствие: "Чтоб тебе шею свернуть!" Этот дом - вместе со всеми своими обитателями - тоже должен перейти в его руки!

Вот что привязывало его к Комарому даже теперь, когда он стал обладателем полутора миллионов. Вот ради чего оставался он там, где его по-прежнему называли Тимаром, не желая свыкнуться с его новым дворянским титулом: "Леветинцкий".

А ведь свое благородное звание он сумел подкрепить и благородными делами. Основал больницу для городской бедноты, учредил стипендии в протестантском приходском училище, даже чаша для причастия под его руками обратилась в золото: взамен прежней, серебряной, он пожертвовал храму новую - золотую. Двери его дома всегда были открыты для бедняков, и по пятницам вдоль всей улицы выстраивался к его дому нищий люд за причитающимся вспомоществованием - самой большой на свете медной монетой, которую называют "неразменным талером". А еще поговаривали, что если какой корабельщик утонул, то Тимар назначает его детям содержание и вдове выплачивает ежегодное пособие. Поистине золотой человек!

И лишь голос в душе постоянно твердил ему: "Неправда это! Все неправда!".

Девичья шутка.

Послеобеденный кофе господин Бразович обычно пил на половине супруги, распространяя вокруг себя густые клубы дыма.

Господин Качука шептался с Атали в стороне за столиком, там же сидела и госпожа Зофия, делая вид, будто поглощена шитьем. (Вот уже год, как на этом столе всем на показ было разложено рукоделие, дабы каждый гость мог видеть, что здесь готовят приданое.).

Молодой офицер теперь дневал и ночевал в доме: с утра являлся с визитом, затем его оставляли обедать, и лишь поздний вечер вынуждал его вернуться к себе на холостяцкую квартиру.

Надо думать, комаромская крепость была полностью оснащена всевозможными оборонительными средствами, если военный инженер мог целые дни проводить с барышней Атали.

Зато собственные ободрительные укрепления господина Качуки рушились на глазах. Похоже, от женитьбы не отвертеться, о ведь он стоял насмерть не хуже Зрини¹¹. Потесненный из окопов, отступал и укрывался в цитадели. До сих пор ему удавалось найти подходящий предлог, чтобы отсрочить женитьбу, но теперь его последние бастионы оказались взорваны; вот уже и реверс¹² записали на имя Бразовичей и Дворцовый военный совет засчитал эту операцию как взнос наличными; и жилье подыскали для будущих молодоженов... а затем был нанесен и последний удар: господина Качуру произвели в капитаны. У осажденного расстреляны все патроны, защищаться нечем и отступать больше некуда; теперь не остается ничего другого, кроме как капитулировать - взять в жены красивую и богатую девицу.

А господин Бразович, попивая кофе на женской половине, день ото дня все более ожесточался, а распалял его гнев не кто иной, как все тот же Тимар.

Сокрушить Тимара, да-да, Карфаген должен быть разрушен! - Господин Бразович был буквально одержим этой мыслью.

- Вы Только подумайте, какую мерзопакость опять учинил этот негодяй! Каждый порядочный торговец только радуется, что зерно все распродано и зима на носу - можно спокойно отдохнуть, а этому неймется. Затеял дело, о каком никто отродясь не слыхивал: Взял Балатон в аренду и намеревается производить зимой подледный лов! Нынче у кенешского мыса за один улов выудили триста центнеров рыбы. Уж это ли не грабеж? К весне он всю рыбу в Балатоне изведет, не останется там не то что осетров, а ни карпа, ни окуня, ни чехони, ни жереха, ни уклейки! И улов весь как есть отправляет в Вену. Выходит, для того, что ли, в Балатоне осетры водятся, чтобы ими немчура лакомилась? Это не человек, а наказание Господне, всем миром надо взяться да изничтожить его. Дело кончится тем, что я сам рано или поздно его порешу. Подговорю двоих корабельщиков, чтобы подстерегли его на мосту да сбросили в Дунай. Либо заплачу часовому сотню форинтов: пойдет Тимар ночью мимо поста, ну его и подстрелят как бы ненароком. А еще можно подкинуть ему во двор бешеную собаку; Тимар утром из дома, собака его и покусает... Впрочем, самое место ему на виселице, он этого заслуживает больше, чем наши прославленные разбойники Банди Андял да Тарци Зёльд. Ведь тот же Зёльд отбирает только деньги, какие найдет при тебе, а этот грабитель того гляди без крыши над головой оставит. Подпалить бы разок его в собственном доме, да так, чтобы и он сам заживо сгорел!.. И таким людям еще дают дворянское звание! Мало того: на комитатском собрании производят его в ассессоры, и этот распоследний негодяй теперь сидит со мной в одно ряду! Какой-то выскочка, прощелыга смеет со мною равняться, да у меня даже дед был исконным венгерским дворянином! Дайте только срок, вот уж наступит реставрация комитатского управления, пусть от попробует сунуться в благородное собрание; я подобью сельских дворян, и они так его вышвырнут в окошко, что он и костей не соберет! Эх, сойтись бы мне с ним разок где-нибудь за обедом, я бы ему подсыпал вместо перца яду в уху, чтобы он опрокинулся кверху брюхом, точно дохлая рыба.

До меня слухи дошли, будто этот проходимец навещается с визитами к благородным барышням. Судовой писарь - тоже мне важная персона, да ему бы не заноситься, а носом тину пахать! Вот бы угодить ему в такой дом, куда частенько удалой офицер хаживает; вызвал бы тот Тимара на дуэль да проткнул бы его насквозь, как лягушку, - вот так!

Господин Бразович с явным намеком воззрился на господина Качуку, но тот сделал вид, будто не слышит.

На самом-то деле он все слышал, но из длинных речей господина Бразовича сделал свой вывод: этот новоиспеченный миллионер, похоже, нанес благосостоянию Бразовича ощутимый ущерб,

¹¹ Зрини Миклош (1508 - 1566) - герой освободительной борьбы против турецких захватчиков; погиб при обороне крепости Сигетвар

¹² Денежное обеспечение, залог, вносившийся офицером при женитьбе

и ярость против его сотрясает не только господина Бразовича, но и его двухэтажные хоромы. И мысль эта отнюдь не усугубила радости господина Качуки в ожидании свадьбы.

- Ах, да не стану я дожидаться, пока кто-нибудь другой уберет этого молодчика! - произнес наконец господин Бразович, поднимаясь из-за стола; он отложил чубук и взял стоявшую в углу камышовую трость. - Есть у меня трость со стилетом, я обзавелся ею с той поры, как этот Тимар стал тут околачиваться. Ради него и купил. (И дабы сделать свои слова убедительными, вытащил из трости острый клинок.) Вот какая штука, смотрите! Только бы встретиться нам с глазу на глаз, уж я бы всадил в него клинок! Я бы его пригвоздил к стене, как летучую мышь, ей-ей!

И дабы обещание сие звучало убедительнее, еще сильнее выпучил свои налитые кровью глаза. Затем господин Бразович допил остатки кофе и, облачившись в зимнее пальто, сказал, что идет заняться гешефтом. (Точнее: играть в карты.) Вернется рано. (То бишь рано утром.).

Никто его не удерживал.

Он с большой осторожностью стал спускаться по узкой винтовой лестнице своего дома, ибо при его грузной комплекции не безопасно поспешно сбегать по ступенькам. И как бы вы думали, кто поднимался ему навстречу? Конечно же, Тимар....

Наконец-то, попался! Вот он, близехонько, ничего не стоит ножом пырнуть в этом узком, темном закутке, где их никто не видит. Не случайно большинство убийств из-за ушла совершалось именно на лестницах. У Тимара при себе нет никакого оружия, даже трости. А у господина Бразовича трость со стилетом, в два фута длиной.

Господин Атанас при виде Тимара сует трость под мышку, высвобождая правую руку, снимает шляпу и громогласно восклицает:

- Ваш покорный слуга, милостивый государь! Желаю доброго здоровья, господин Леветницкий! А Тимар ответствует:

- Сервус, Танасий! Значит, уже отправился по делам?

- Ха-ха-ха! - Добродушно смеется господин Атанас, словно уличенный в шалости ребенок. - А ты, Мишка, не желаешь ли нам компанию составить?

- О, нет! Если вам угодно, чтобы я проиграл сотню-другую, я лучше наперед выплачу. Но просиживать ночи напролет в ожидании счастливой карты да обливаться потом от волнения - это удовольствие не для меня.

- Ха-ха-ха! Ну что ж, тогда ступай к дамам, они наверху. Желаю приятно провести время. Мы с тобой сегодня больше не встретимся.

Сердечно пожав друг другу руки, они расстались.

Не стоит принимать угрозы господина Атанаса всерьез. У него только голос грозный да фигура внушительная. Его не слишком-то и побаиваются. Даже собственная супруга не боится. Вернее, именно она и не боится.

Знает господин Атанас, очень даже хорошо знает, что Михай частенько навещается в его дом, и норовит подгадать так, чтобы сам он в это время находился в отлучке. А госпожа Зофия старалась исподволь внушить ему, будто ходит Тимар к ним скорее всего ради прекрасных глаз Атали. Но это уж дело господина Качуки. Если господин Качука не торопится проткнуть Тимара, как лягушку, пусть пеняет на себя. Предупреждение ему было сделано, и тем не менее он, судя по всему, не прибегнет к оружию. А между тем достаточно часто сталкивается с Тимар у Атали.

У капитана Качуки и в мыслях не было вызывать Тимара на дуэль. Бывшие однокашники вновь заделались такими друзьями, что водой не разольешь.

Обитатели этого дома и его посетители являли собою такую тесную, дружную компанию, какой свет не видывал.

Господин Бразович, не просто догадывался, а благодаря свои связям точно знал, что тропку, ведущую к нынешнему его богатству, указал Тимару не кто иной, как капитан Качука.

Додумался он и оп причине, по которой это было сделано. Качука хотел порвать отношения с Атали. Ведь попадись господин Бразович на эту удочку и откажи молодому офицеру от дома, -

ему у это было бы только на руку. Расчет не удался: господин Бразович любит капитана, как родного сына; Качуке не удастся отвертеться, придется ему жениться на Атали.

Капитан Качука давно ходит в женихах у барышни Атали. И вот теперь он каждый день имеет возможность убедиться, что за ней ухаживает опасный соперник - богатый человек, которого следовало бы возненавидеть хотя бы уже за то, что в раздоре между Дворцовым военным советом и Дворцовой палатой он - Качуке это хорошо известно - не моргнув глазом предал своих прежних покровителей. И все же капитан настолько любит своего давнего приятеля, что готов простить ему даже, если тот отобьет у него невесту.

Атали презирает Тимара, бывшего отцовского служащего, но обращается с ним любезно; капитана она страстно любит, однако в его присутствии отличает Тимара вниманием, дабы вызвать в избраннике своего сердца ревность.

Госпожа Зофия ненавидит Тимара, но встречает его с такой приторной ласковостью, словно мечтает рано или поздно заделаться его тещей и зажить с ним под одной крышей.

Что же до Тимара, то он дал клятву погубить их всех. "Всемиловитейшего господина", вздорную старуха, красавицу-барышню, ее жениха - всех-всех он решил выставить из этого дома; и все же ходит туда, целует ручки дамам, обменивается рукопожатием с мужчинами и старается выказать себя приятным собеседником.

Его тоже принимаю весьма любезно; барышня Атали в его честь садится за рояль, госпожа Зофия оставляет его к полднику, угоститься кофе и компотом. И Тимар выпивает кофе с мыслью, что в его может быть подмешан и крысиный яд.

Когда подают полдник, в комнате появляется Тимея - она помогает сервировать стол. Тут уж Тимар не слышит, о чем говорит барышня Атали, какую музыку играет; он не видит никого, кроме Тимеи.

Да и как тут не заглядеться!

Тимее пошел пятнадцатый год, она уже вполне развитая девушка. Однако ее чистый взгляд и наивная неловкость выдают в ней ребенка.

Она уже говорит по-венгерски, но с чуждым акцентом и иногда коверкает слова или употребляет их не к месту, что у нас подвергается жесткому осмеянию. (даже в парламенте, в разгар серьезнейших дебатов.).

Барышне Атали Тимея подвернулась очень кстати: есть кого выставить дурочкой. Бедное дитя для нее - всего лишь предмет шуток.

Атали дает ей донашивать свои платья, которые были в моде четыре года назад. А мода у нас, цивилизованных наций, отличается безумным непостоянством. То-то смеху было бы, вздумай кто-нибудь среди бела дня появиться на улице в платье с пышным кринолином, а ведь еще недавно он был так моден.

Одно время кринолин прилаживали не на бедрах, а на плечах. Рукава у платьев выкраивались такими пышными, что их приходилось поддерживать широкими обручами наподобие бочки, а чтобы ткань на морщила, набивали их, как подушки, оципаным пером; платье доходило до щиколоток, и было оторочено оборками. Довершали этот модный убор высоко воткнутый гребень, с помощью которого держалась прическа, и огромный бант, пришпиленный к пучку. Этот наряд казался прекрасным, пока был в моде, но четыре года спустя, когда его давно перестали носить, любая красавица, облачившись в него, выглядела бы пугалом.

Атали доставляло удовольствие делать из Тимеи пугало.

Бедняжка, сроду не видевшая европейской моды, воспринимала все эти вычурные, как любая представительница дикого племени: одевание нравилось ей. Как она обрадовалась, когда Атали Разодела ее в свои вышедши из моды аляповатые шелковые платья. А уж когда ей в волосы воткнули огромный гребень и пришили к пучку яркий бант! Ей казалось, что в новом наряде она стала необычайно красива. И когда при виде нелепо разряженной девочки прохожие улыбались, Тимея полагала, что это знак восхищения, и чуть не бегом бежала по улице, чтобы на нее не пялились попусту. Не мудрено, что в городе не было ей другого прозвания, кроме как "блажная турчанка".

Как бы ее ни дурачили, Тимея не сердилась. Душа ее была еще по-детски чистой, чтобы понять, когда положено сердиться. Она не улавливала даже самую неприкрытую насмешку.

И Атали доставляло особое наслаждение выставять девочку на посмеище, в особенности перед мужчинами. Когда в дом являлись молодые люди, она подстрекала их ухаживать за Тимеей. Ее Чрезвычайно забавляло, что Тимея воспринимает эти ухаживания всерьез, что ей нравится, когда к ней относятся как к барышне и на танцевальных вечерах оказывают ей внимание, приглашая танцевать. Ну не потеха ли, когда кавалеры, дурачась, преподносят Тимее огромные букеты садовых цветов, тщательно подобранный, но совсем не пригодных для украшения туалета, когда вынуждают ее произносить неуклюжие фразы, вызывающие дружный смех всей компании. Ах, как красиво выделяется из общего хохота дивный, залихватый смех Атали!

А госпожа Зофия избрала к Тимее более серьезный подход: она вечно бранит девочку. Что бы ни делала Тимея, как бы ни старалась, госпожа Зофия знай ее корит. А бедная воспитанница по обыкновению всех девочек-подростков и без того неловка, и чем больше ее бранят, тем больше промахов совершает.

- Кто же подает чашку перевернутой вверх дном? Ну что за нескладеха! Неужто до сих пор не запомнила, какую ложку подавать Атали? Кто потаскал сахарное печенье? Не ты разве? Ишь сладкоежка! Чем ты опять все платье перепачкала? Думаешь, тебе каждый день будут новое подавать? Господи, разве так вытирают ножи? Кто отбил у чашки ручку - небось опять ты? Только для того и берешь на себя вину, чтобы я у служанки не удержала из жалования; с тебя ведь не удержишь, тебе жалованья не полагается.

Барышня Атали встает на защиту Тимеи.

- Полно тебе, мама, что ты на нее так ополчилась? Обращаешься с ней, как с прислугой, хотя прекрасно знаешь, что Тимея не прислуга. Терпеть не могу, когда ты на нее кричишь.

И Тимея бросается целовать руки госпоже Зофии, чтобы та на нее не сердилась, барышне Атали за ее заступничество и им обеим, чтобы не ссорились из-за нее.

Где еще встретишь натуру столь покорную, столь благодарную! Но госпожа Зофия ждет не дождется, когда Тимея на минуту выйдет из комнаты, чтобы высказать дочери свою затаенную мысль, но так, чтобы гости - Тимар и капитан Качука - тоже слышали:

- Лучше бы и впрямь воспитывать ее прислугой, а не барышней. Ты ведь знаешь, какая беда с ней случилась. Те деньги, что Тимар... то есть господин Леветинцкий, спас для нее, были отданы в рост под проценты одному магниту. А тот обанкротился, все деньги пропали, и у девочки теперь нет ничего, кроме того, что на ней надето.

"Ага, значит, вы уже успели ее совсем без гроша оставить!" - мелькает у Тимара мысль, и он вдруг испытывает такое облегчение, словно из долгого срока учебы ему скостили целый год.

- Меня только одно в ней раздражает, - говорит Атали. - Она такая бесчувственная. Ругают ли ее, насмеваются ли над ней, она сроду не покраснеет.

- Такова особенность греков! - замечает Тимар.

- Причем здесь греки? - пренебрежительно роняет Атали. - Это верный признак болезни. У нас в пансионе любая воспитанница умела вызывать у себя такой неестественный белый цвет лица. Наглотаешься мела и поджаренный кофейных зерен - вот и вся премудрость.

Слова Атали обращены к Тимару, но взгляд прикован к лицу господина Качуки.

А господин Качука не отрывает глаз от трюмо, в котором можно увидеть отражение Тимеи, когда та снова войдет в комнату. Атали подметила эту его хитрость.

Не укралась она и от Тимара.

Вошла Тимея, неся поднос, уставленный звякающими бокалами; все ее внимание поглощено тем, как бы какой из них не уронить. После того, как госпожа Зофия взвизгнула: "Осторожно, не урони!" - она и в самом деле уронила весь поднос; к счастью, бокалы упали на мягкий ковер и ни один из них не разбился, просто все они покатались врассыпную.

Госпожа Зофия тотчас собралась накинуться на нее, однако Атали вовремя пресекла ее порыв:

- На сей раз ты сама виновата! К чему было говорить ей под руку? Тимея останется со мной, а на стол пусть накрывает служанка! Расстроенная госпожа Зофия удалилась на кухню и собственноручно сервировала полдник.

А господин Качука в то т момент, когда Тимея уронила бокалы, с ловкостью военного подскочил к ней и, вмиг собрав бокалы, поставил их на поднос, который Тимея держала трясущимися руками.

Благодарный взгляд больших темных глаз юной девушки не укрылся от внимания ни Атали, ни Тимара.

- Послушайте, господин капитан, - шепнула Атали своему жениху, - не подстроить ли нам шутку? Хорошо бы разыграть эту малышку. Сделайте вид, будто ухаживаете за ней, вот уж поразвлечемся... Тимея, ты будешь полдничать с нами. Сядь подле господина капитана. Этот замысел мог быть горькой шуткой или язвительной подковыркой, мог быть продиктован самолюбивой ревностью или злобой. Посмотрим, что из этого получится.

Вконец сконфуженная, с плохо скрываемой радостью девочка села за стол напротив пленительной красавицы Атали, которая, дозволив жениху поухаживать за Тимеей, теперь восседала за столом, словно королева, подавшая нищему ребенку золотой. Бедняк ошарашен - на один день, а королевского богатства не убудет.

Капитан предложил Тимее сахару, но серебряные щипцы никак не хотели слушаться девичьей руки.

- А вы возьмите своей прелестной белой ручкой! - ободряюще сказал ей капитан.

От этих слов Тимея настолько растерялась, что взятый ею кусок сахара опустила вместо кофейной чашечки в стакан с водой.

Ей еще никто никогда не говорил, что у нее красивые белые руки.

А ведь у капитана, возможно, и в мыслях не было смущать Тимею, когда он посоветовал ей взять сахар пальцами. Искренне желая помочь ей; это даже красиво, если сахар возьму такие чистые детские руки.

Однако девочке запали в память эти слова, и она не раз украдкой принималась разглядывать свои руки: действительно ли белы они и красивы.

Атали с трудом сдерживала смех. Затея очень забавляла ее, и она решила продолжить розыгрыш.

-Тимея, угости господина капитана сахарным печеньем.

Девочка взяла с серебряной подставки хрустальное блюдо и протянула его господину Качуке.

- Выбери для него что-нибудь сама.

Тимея по случайности выбрала печенье в виде сердечка. Откуда было знать невинному созданию, как эту форму называют. И что значит в действительности сердце - ей тоже было неизвестно.

- Пожалуй, этого мне будет много, - пошутил капитан. - Не желаете ли, барышня Тимея, разделить со мною пополам?

С этими словами он разломил сахарное сердечко и половинку вернул Тимее.

Девочка оставила печенье на тарелочке, она не съела бы его ни за какие блага мира. Она ревностно стерегла его взглядом и, не дожидаясь, пока госпожа Зофия или служанка поменяют тарелки, поспешила сама собрать со стола посуду и исчезнуть вместе с ней из комнаты. Эту половину сердечка наверняка потом у нее обнаружат. Вот уж будет смеху-потехи!

Нет ничего легче, нежели заморочить голову пятнадцатилетней девочке! Она пока еще всему верит и готова поверить первому встречному, кто скажет: "Какие у вас прелестные белые ручки!".

А господин Качука принадлежал к тому типу людей, кто не упустит случая, оказавшись в обществе красивой девушки, сделать ей комплимент. Ведь он даже за пожилыми дамами норовит приволокнуться. Впрочем, это флирт безобидный. Но он не в состоянии удержаться, чтобы даже служанке, со свечой провожающей его к выходу, не сказать что-нибудь волнительное. Для него вопрос чести заставить каждое девичье сердце учащенно биться при

виде его синего мундира. Правда, Атали может быть уверена, что она - господствующая планета. Однако же заняться Тимеей - тоже не пустая трата сил. Конечно, она пока еще ребенок. Но в недалеком будущем обещает стать красавицей. Кроме того, она сирота, к тому же турчанка, даже некрещеная, и девица с причудами, - вот вам еще три причины говорить ей красивые слова без всяких угрызений совести.

Господин Качука пользовался каждой возможностью. И доставлял своей нареченной несказанное удовольствие.

Как-то раз, готовясь ко сну, Атали сказал Тимее:

- Господин капитан просил тебя в жены. Пойдешь за него?

Девочка испуганно взглянула на Атали, бросилась к своей постели и укрылась с головой одеялом.

Атали долго наслаждалась, видя, что Тимея не может уснуть от ее слов, беспокойно ворочается в постели и вздыхает.

Девичья шутка удалась.

На следующий день Тимея стала сверх обыкновения серьезна и неразговорчива, детской игривости в ее манерах как не бывало; на лице ее отражалась задумчивая меланхоличность. Тайное средство оказало свое воздействие.

Атали посвятил в розыгрыш всех домашних. Отныне с Тимеей обращались как с будущей невестой, нареченной господина Качуки. Слуги, госпожа Зофия - все подыгрывали ей.

Но не спешите осудить их, то была не безбожная шутка. Напротив: шутка совершенно в христианском духе.

Однажды Атали сказал Тимее:

-Смотри, капитан прислал тебе обручальное кольцо. Но пока ты некрещеная, тебе его нельзя носить. Сперва надо перейти в христианскую веру. Хочешь, чтобы тебя окрестили?

Тимея, прижав руки к груди, склонила голову.

- Значит, сперва тебя окрестят. Да, но ведь для этого необходимо прежде вникнуть в суть нашей веры, изучить катехизис и библейские сказания, псалмы и молитвы. Придется ходить к священнику и кантору, они тебя этому научат. Согласна?

Тимея лишь молча кивнула.

И с той поры изо дня в день ходила к священнику и кантору, сжимая под мышкой молитвенник и обиход - точь-в-точь маленькая школьница. А поздно вечером, когда все в доме уже ложились спать, она выбиралась в пустую прихожую и до глубокой ночи учила вслух восхваляющие Господа и облагораживающие душу притчи о казнях египетских, о Самсоне и Далиле, об Иосифе и жене Потифара. Учение давалось ей с трудом, ведь она не была к тому приучена. Затверживать абстрактные, непонятные тезисы катехизиса стоило ей огромных усилий. Но чего бы она не сделала, лишь бы стать крещеной!

- Вот видите! - заявила Атали как-то раз, когда в доме был и Тимар. - Кабы не наша шутка, никогда не удалось бы ее обратить в нашу веру, чтобы выучила закон божий да пожелала быть крещеной. А теперь сама изо всех сил усердствует, чтобы как можно скорей подготовиться. Стало быть, вскружить невинной девочке голову, внушив ей, что она невеста, - акт милосердия. Тимар видел, какую жестокую игру ведут с бедняжкой, но не мог сказать ей об этом. Да и что тут можно сказать? Она бы и не поняла. А тем, что он бывал в доме, Тимар только усугубил веру Тимеи в вымысел. Ведь девочка слышала от всех и каждого - даже серьезный и старый господин Атанас намекал иногда, - что этот богач господин Леветинцкий ходит к ни из-за Атали. Тимея находила это вполне естественным. Богатый господин и невесту себе ищет богатую, Тимар и Атали под стать друг другу. А бедному венгерскому офицеру как нельзя лучше подходит столь же бедная дочь турецкого солдата. Для Тимеи это было само собой разумеющимся.

Вот она и училась новой религии днем и ночью.

Катехизис, Псалтырь, Библия были уже почти пройдены, тогда окружающие придумали для себя очередную забаву. Тимее сказали, что уже назначен день свадьбы, но до тех пор надобно

подготовить очень многое из одежды. Отделка, украшение нарядов и уймы белья отнимет немало дней, не говоря уж о свадебном платье, в котором она пойдет под венец. Его положено вышивать самой невесте. Тимее это было понятно: в Турции такой же обычай. А Тимея прекрасно умела вышивать шелком, серебром и золотом. Этому ее дома, в гареме, обучили лучше всего.

Затем ей дали свадебное платье Атали: пусть, мол, изукрасит его искусной вышивкой, какой оба обучалась дома, - и сказали, что это ее собственный подвенечный наряд. Тимея сплошь разрисовала шлей и подол платья арабесками дивной красоты и принялась расшивать. Под ее умелыми пальцами рождалось подлинное произведение искусства. Она трудилась с раннего утра до позднего вечера; даже когда в дом являлись визитеры, она не откладывала работу, а беседовала с ними, не отрываясь от вышивания. Да оно и к лучшему, что глаза ее всегда были опущены к работе: она не видела чужих взглядов. И потому не замечала, что за спиной над нею насмеваются. Женщины перемигивались между собой и с визитерами: эта, мол, вышивает не разгибаясь, потому как думает, что себе свадебный наряд готовит. Вот дурочка!

Тимар все это видел.

О, сколько раз уходил он из этого дома с такой горечью в сердце, что, когда обхватывал руками две мраморные колонны у подножия лестницы, ему вспоминался Самсон, порушивший храм филистимлян!

Так когда же он порушит этот дом?

День, приближения которого Тимея ожидала с таким затаенным трепетом, действительно был днем свадьбы господина Качуки... но свадьбы с барышней Атали.

Только вот на пути к этому дню стояли некоторые препятствия. Нет-нет, дело здесь отнюдь не в небесных аспектах и не в сердцах влюбленных(ведь они любят друг друга ровно настолько, насколько это необходимо), а всего-навсего в денежных обстоятельствах господина Бразовича. Когда господин Качука просил руки Атали, он откровенно раскрыл свои карты перед господином Бразовичем, человек он бедный, дохода его хватает лишь на то, чтобы просуществовать одному, ведя образ жизни, приличествующий его воинскому званию. Но содержать на эти средства женщину - в особенности такую, что привыкла к удобствам и роскоши, - невозможно, а потому он ясно и понятно заявил отцу, что сможет жениться лишь том случае, если приданое супруги покроет расходы на ведение домашнего хозяйства. Против этого у господина Бразовича не было никаких возражений. В таких делах он не прижимист. В день свадьбы он выдаст за дочерью сто тысяч форинтов приданого наличными, и пусть молодые с ними делают что хотят.

И когда господин Бразович обещал это, он и был в состоянии выполнить свое обещание. Но с тех пор неожиданно разбогател этот Тимар и всяческими неслыханными уловками и хитростями настолько спутал все спекуляции господина Бразовича, так разрушил все его надежнейшие расчеты, так подставил ножку на зерновом рынке, вытеснил из конкурентной борьбы и закрыл перед ним двери домов была влиятельных покровителей, - что в данный момент господину Бразовичу совершенно не представлялось возможным раздобыть где бы то ни было сто тысяч форинтов.

Кроме того, прав был господин Качука, когда говорил Тимару, что господин Бразович и сам никогда не знает, как обстоят его дела: держится он на плаву или идет ко дну. Новые начинания у него перепутаны со старыми, доходные с убыточными; воображаемые прибыли, безнадежные претензии, долги, в которых он не сознается даже самому себе, договора, от которых не отмахнешься, судебные иски сомнительного исхода - все свалено в одну кучу, так что никто не может сказать - а менее других сам господин Бразович, - когда он Крёз, а когда Кир. Поэтому если кому-то причитается с него сто тысяч форинтов, то умный человек предпочтет получить их безотлагательно.

А у господина Качуки настолько ума хватало. Господин Атанас неоднократно предпринимал попытки приблизиться к укреплениям военного инженера, делая ему выгодные предложения: зачем ему все сто тысяч на руки. Жена быстренько все растратит, да и проценты с этой

сумы всего шесть тысяч форинтов. А не лучше ли будет, если господин Атанас заменит их рентой в восемь тысяч в год, а основной капитал останется у него? Не лучше ли молодоженам удовлетвориться недвижимой собственностью, которая приносит доход в семь тысяч форинтов? Но военный инженер не позволял овладеть своим последним редутом. Он тут же наполнял водою рвы и грозился взорвать цитадель супружества, если ему не выложат перед свадьбой все сто тысяч.

Так что господин Бразович находился в большом затруднении, и если кто и смотрела на вышиваемое Тимеей свадебное платье с еще большим огорчением, чем Тимар, то это был отец невесты.

Ad vocem¹³ Тимар! В голове господина Бразовича рождается спасительная мысль. Тимара этого он ненавидит любой ненавистью, готов его в ложке воды утопить. А не лучше ли выдать дочь за него замуж?

Ведь не пришта она к этому Качуке. Не хочет капитан жениться, пусть идет траншеи копать. Главное, выдать Атали замуж.

Решительно такая подмена был бы недурна. Правда, этот Тимар мошенник, достойный всяческого презрения, разбойник, по которому веревка плачет, но женись он на Атали, тотчас же перестанет быть таковым, вмиг порядочным человеком сделается. Прекратится между ними вражда, соперничество, он, Бразович, обретет надежного компаньона, и все его дела разом поправятся.

И затея эта вполне осуществима. Тимар часто бывает у них в доме. Ведь не ради прислуги он сюда навевывается? Вот только один у него недостаток: уж больно он застенчив да робок. Не решается признаться, что дерзнул поднять взгляд на дочь своего бывшего работодателя. Да и капитана этого побаивается: а ну как тот ему голову с плеч снесет? Ничего, коли он такой робкий, надобно ему помочь.

Раз после обеда господин Атанас налил себе к кофею двойную порцию анисовой (она, якобы, придает храбрости), велел отнести питье к себе в кабинет и наказал женщинам, как только появится Тимар, прислать его к нему для разговора.

На своей половине господин Бразович набил чубук турецким табаком и вскоре окружил себя такой густой пеленой дыма, что она вполне могла сойти за пятое состояние материи.

Расхаживая взад-вперед по комнате, то погружаясь в дымовые глубины, то выныривая из них, этот здоровяк с выпученными, налитыми кровью глазами напоминал гигантскую морскую каракатицу, которая подкарауливает жертву, чтобы вытянуть из нее все соки.

Жертва не заставила себя ждать.

Тимар, узнав от госпожи Зофии, что хозяин дома желает с ним побеседовать, поспешил на его половину.

Огромная каракатица подплыла к нему по волнам дыма, уставилась на него своими выпученными глазами и, по обыкновению всех морских чудищ, тотчас набросилась на добычу.

- Послушайте, господин хороший! - закричал господин Атанас Тимару прямо в лицо. - Зачем вы ходите к нам в дом? Какие у вас намерения насчет моей дочери?

Чем не лучший способ прижать трусишку к стенке, заставив его высказаться напрямик? От такого натиска он и вовсе перепугается не на жизнь, а на смерть, а когда опомнится - поздно, уже угодил в сети. В брачные тенета.

Попробуй-ка ответь на такой убийственный вопрос!

По речам господина Атанаса Тимар прежде всего понял, что тот не пожалел для себя анисовой - отсюда и весь его кураж.

- Сударь, - проговорил он спокойным тоном, - насчет вашей дочери у меня нет никаких намерений. Да их и быть не может, поскольку у барышни есть жених, а мне он добрый друг.

Зачем я хожу в ваш дом? Что ж, отвечу. Если бы вы не спросили, я бы не стал говорить, ну а уж

¹³ Что касается, к слову заметить (лат.)

коли поинтересовались, знайте: я хожу к вам потому, что дал клятву вашему безвременно погибшему другу и родичу не оставить его дитя своей заботой. Для того я и ходил к вам, чтобы присматривать, как вы с сиротой обращаетесь. Скверно вы с ней обращаетесь, господин Бразович, из рук вон скверно! Заявляю вам это прямо в глаза и в стенах вашего собственного дома. Вы расхитили все имущество опекаемой вами сироты! Да-да, именно расхитили - точнее не скажешь, вы всем семейством жестоко насмехаетесь над несчастной девочкой, на всю жизнь безжалостно отравляете ей душу. Бог вас накажет! И запомните, господин Бразович, это наша с вами последняя встреча наедине в этом доме. Не приведи вам Господь дожить до того часа, когда я приду сюда еще раз!

Тимар повернулся и ушел, хлопнув дверью. А каракатица вновь погрузилась в мутные глубины табачного дыма и опрокинула третий стаканчик анисовой, размышляя про себя: на это следовало бы хоть что-то ответить, но что тут ответить?

Тимар же возвратился в гостиную; не только за тем, чтобы взять шляпу, но и из других побуждений.

В гостиной никого, кроме Тимеи, не было. Атали с женихом уединись в соседней комнате. В разгоряченном лице Тимара Тимея подметила важную перемену. Всегда покорное, кроткое, сейчас это лицо было гордым и одухотворенным. Лица многих людей преображаются и хорошеют, озаренные внутренней страстью.

Тимар направился прямо к Тимее, которая расшивала на свадебном уборе золотые розы с серебряными листьями.

- Барышня Тимея! - пылко, прочувствованно заговорил он. - Я с вами прощаюсь. Будьте счастливы и как можно дольше оставайтесь ребенком. Но если настанет час, когда вы почувствуете себя несчастной, вспомните, что есть на свете человек, который ради вас.... Голос его прервался, сердце сжалось тоскою. Он не смог продолжить свою речь.

За него договорила Тимея:

- Трижды....

Сжав ее руку, Тимар срывающимся шепотом проговорил:

- И во веки веков.

С тем он и удалился, не пожелав нарушить уединение влюбленной пары в соседней комнате.

Произнести "бог с вами" у него язык не повернулся бы. Ведь в этот миг он желал лишь одного: дабы отстранил Господь свою хранящую десницу от сего дома.

Работа выпала из рук Тимеи; юная девушка, невидящим взглядом уставясь перед собой, еще раз вздохнула: "трижды..." Золотая нить выскользнула из игольного ушка.

Спустившись по лестнице, Тимар очутился меж двух мраморных колонн, поддерживавших лестничные своды.

С несдерживаемой яростью стукнул он по ним кулаками.

Почувствовали ли обитатели дома этот гневный удар? Не подсказало ли им пошатнувшееся здание, что самое время прибегнуть к молитве, ибо крыша вот-вот рухнет им на головы? О нет, обитатели дома по-прежнему потешаются над бедной девочкой, которая не покладая рук трудится над подвенечным убором.

Это Тоже шутка.

Слава о новоявленном дворянине Леветницком не только разошлась по всей Венгрии, но и докатилась до Вены.

"Золотой человек!" - судили о нем единодушно. Чего бы он ни коснулся, все превращается в золото, за какое бы дело ни взялся, оно становится золотым дном. Вот он, золотой рудник, не где-нибудь в Четатье Маре, не под Шельмецем или в Верешпатаке, а здесь, перед нами.

Главное искусство "золотоискателя" состоит в том, чтобы допрежь компаньонов прознать, за какое крупное предприятие намерено взяться высокое правительство. Этим искусством Тимар овладел в совершенстве.

Стоило Тимару затеять какое-либо начинание, ему вослед роем устремлялись толпы пронырливых дельцов; каждый понимал, что дело пахнет золотом, остается только грести его лопатой.

Однако слава "золотого человека" утвердилась за Тимаром не только поэтому, но и по другой причине: он никогда не ловчил, не обманывал.

Крупные предприятия и законным путем приносят немалую прибыль; безумец, кто старается выгадать, урвать верхнее, ведь тем самым он перерезает путь золотоносному руднику и теряет ограбленную им жилу. Хвала разуму того человека, кто не гнушается прибылью в грош с каждого форинта: ведь на миллион набегит по грошику пятьдесят тысяч форинтов. Грош за грошом принесут и второй миллион, только нужно бережно с ними обращаться. Богиня удачи и без того появляется перед нами в весьма декольтированном виде, и вздумай мы сдернуть с нее последнюю короткую тунику, пожалуй, обидеться.

Но Тимар обладал должным тактом. Он получал большие прибыли, поскольку брался за крупные предприятия, но при этом никогда не обманывал, не присваивал чужого, а и на риск никогда не шел. Из доходов он уделял солидную долю тем, от кого зависело получение подряда и льготных условий, а потому золотой рудник всегда был перед ним открыт.

Более того, иногда он приносил истинную выгоду государству, раскрывая хитросплетения, в результате которых его конкуренты, решившие покуситься на государственную казну, оказывались с носом. Разумеется, в поражении конкурентов для Тимара был свой резон; те-то, уж конечно, не величали его золотым человеком. Зато в правительственных кругах и среди простого люда ему другого прозвания не было.

И вот однажды он начал скупать виноградники в Моношторе.

Тоноштор - это холм, высящийся над Уй-Сёнем, окраиной Комарома; немецкие военные стратеги новейшей поры называют его Sandhugel, то бишь "песчаный холм". Уже по названию нетрудно догадаться, что местечко это никак не могло славиться своими винами, а виноградники, приносящие обычное, ничем не примечательное вино, казалось бы, не должны интересовать важных господ: жаль трудов, они не окупятся. И все же Тимар скупил тут хольдов десять.

В деловом мире его действия не прошли незамеченными. Что он опять задумал, этот Тимар?

Неужто и песчаный холм может скрывать золото?

Господин Бразович, полагая, что напал на верный след, бросился штурмовать господина Качуку, окопавшегося в своей норе.

- Ну, сынок разлюбезный, сейчас для вас самое время доказать мне свою преданность. Ежели вы и вправду меня за отца родного почитаете, признайтесь, что правительство намерено возводить на Моношторе крепостные укрепления. Нет-нет, не стоит возражать, я знаю, что вы рискуете должностью, разглашая подобные тайны. Для вас это вопрос чести, но и я клянусь честью, что от меня никто ничего не узнает. Уж мне-то вы можете сказать, из меня и раскаленными щипцами тайну не вырвать. Сами видите, этот мерзавец Тимар скупает там участки все подряд - вероятно, ему кто-то намекнул. Не отдавать же этому живоглоту жирный кусок весь целиком? Так что ж, все-таки на холме форт будут строить?

Господин Качука позволил выжать из себя утвердительное признание. Да, Дворцовый военный совет принял решение продлить комаромскую оборонительную линию вплоть до Моноштора. Ах, до чего же отрадные сведения! Немало сот тысяч форинтов сгрел в свой карман господин Атанас в подобных случаях, заранее скупив хижины, а затем, при отчуждении земельных участков, перепродав их государству под видом дворцов.

Теперь бы хоть одним глазком взглянуть на план укреплений! Господин Атанас упрашивал-уламывал будущего зятя, пока тот наконец не согласился.

Взглянув на план, господин Атанас уяснил для себя все подробности: какие земли намерено отчуждать правительство, какие участки пересечет новая линия укреплений. Тимар, негодая, зацапал себе сердцевину - то место, где будет сооружена цитадель.

- А какой порядок цен будет установлен при отчуждении?

Да, это ключевой вопрос.

Разгласив сию тайну, господин Качука поистине совершил бы преступление; однако в угоду будущему тестю он пошел и на это.

При отчуждении земель правительство будет выплачивать деньги в двойном размере против последней закупочной цены на участок.

- Довольно! - вскричал господин Атанас, облобызав будущего зятя. - Довольно! В остальном можете положиться на меня! В день свадьбы получите свои сто тысяч форинтов!

С этими словами господин Атанас убежал прочь, чтобы действовать без промедления.

Между тем полученных сведений было вовсе не "довольно". Надлежало бы и еще кое о чем повыспросить господина Качуку, господин капитан не утаил бы своих секретов: кто сказал "а", произнесет и "б". Но господин Атанас не счел нужным допытываться и остался в неведении, как муха, что вслепую бьется о стекло. А господин Качука уже охладел и к обещанной сотне тысяч форинтов, и к тому, что к ней прилагалось. Дадут - хорошо, не дадут - еще лучше.

Господин Бразович немедленно помчался в Уй-Сёнь и стал обходить подряд всех виноградарей, уговаривая продать участок. Скупал не торгуясь, а если хозяин упрямылся, не желая продавать, сулил втридорога. Ведь для него, чем дорожу, тем лучше: при отчуждении участка затраченные деньги он вернет вдвойне.

Однако махинации господина Бразовича привлекли внимание и других дельцов. Нахлынули конкуренты, и теперь уже виноградники шли с торгов; кто бы мог подумать, что плохонькие моношторские вина настолько возрастут в цене, что будут распроданы еще задолго до сбора урожая? В результате цены на виноградники так подскочил, что если до разглашения тайны им при отчуждении была бы красная цена сто тысяч форинтов, то теперь правительству пришлось бы приобретать их у новых владельцев уже за пятьсот тысяч. Господин Бразович скупил земель на сто тысяч форинтов, хотя с немалым трудом наскреб денег: сбыв за бесценок весь хлеб, распродал свои суда, наделал долгов под большие проценты, не пощадил и чужих средств, доверенных его опеке. Но ведь на сей раз игра шла наверняка: кашу-то Тимар заварил! Правда, ему самому повезло меньше других, он скупил свои земли задешево, а стало быть, и прибыль получит не такую большую. Зато главное, что он тоже заинтересован в деле, а значит, уж тут комар носа не подточит, спекулянты в этом же году получают целиком всю выручку. Ведь выплачивать предстоит государству, а он все денежки берет у нас; выходит, мы, в сущности, получим обратно свои же собственные средства.

Что до Тимара, то он и на этот раз обвел всех вокруг пальца, нацелив свой удар на Атанаса Бразовича.

Тимару была известна и та важная подробность, которую не позаботился выяснить господин Атанас.

Правительство намеревается в значительной степени расширить комаромские укрепления и приступит к этой работе в нынешнем же году, - все это верно. Но вот вопрос: где именно начнутся работы? Ведь они рассчитаны на тридцатилетний срок!

Тимар сыграл весьма злую шутку со своими конкурентами, ох, сколько проклятий посыплется на его голову!

Но будучи умелым коммерсантом, он усвоил себе за правило: если содеешь поступок, за который многие станут тебя проклинать, постарайся одновременно свершить деяние, за которое еще большее число людей благословят тебя; тогда при сведении баланса всегда остается "сальдо" в пользу "благословений".

Тимар призвал к себе Яноша Фабулу.

- Янош, - начал он, - вы уже не молоды и сил своих на труды положили немало. Не пора ли подумать об отдыхе?

Янош Фабула к этому времени совсем лишился голоса и говорил наподобие суфлера, который шепотом подсказывает актерам текст роли.

- Верно изволили заметить, сударь. Вот и глаза стали подводить. Я уж и сам было подумывал, чтобы бросить воду и присмотреть себе какое-нибудь занятие на берегу. Пристроили б вы меня, сударь, к себе в поместье управителем либо ключником.

- Я мог бы предложить вам, Янош, кое-что получше. В тех краях да на сербских хлебах вам не прижиться, вы ведь к комаромским белым булкам попривыкли. А не заделаться ли вам хозяином обоза?

- Отчего не заделаться? Правда, для этого токмо двух вещей не хватает: хозяйства да обоза.

- Будет у вас и то и другое. Знаете, что я подумал? Сейчас продается с торгов участок земли между Вагом и Дунаем, когда-то там был большой выгон для скота. Ступайте на торги да купите его.

- Ха-ха-ха, сударь! - хрипло рассмеялся Янош Фабула. - Ну, вы меня и насмешили! Да ведь купи я тот выгон, буду самой безмозглой скотиной, какая когда-либо там ходила. Земля-то совсем никудышная, на ней и не растет ничего, кроме ромашки. Что мне, ее в аптеку сдавать, что ли? Да и участок вон какой огромный - платить, поди, не одна тысяча понадобится.

- Это уж не вашего ума дело; сказано вам, так слушайтесь моего слова. Вот вам две тысячи залога, внесете их на торах да пообещаете уплатить все остальное. Только смотрите, никому другому землю ту не уступайте, какую цену на нее ни установят, на такую и соглашайтесь. И никого в долю не берите, кто бы к вам в компаньоны ни набивался. Все, что надо будет платить, я вам одолжу, а вы мне возвратите, как разбогатеете. Ни процентов, ни долговой расписки с вас не прошу, уговор наш - по чести-совести. Ну как, по рукам?

Янош Фабула недоверчиво качал головой:

- Ни тебе процентов, ни долговой расписки, деньжищ вгрохаеть уйму, а земля никчемная, под паром. Ей-й, учет мое сердце, последние сапоги с меня стащут, ямы не избежать.

- Зря вам всякие страхи мерещатся, Янош. Год земля будет вашей, значит, и весь доход с нее тоже наверняка вам достанется.

- А чем мне ее распахивать-засеивать?

- Не надобно ее ни распахивать, ни засеивать. Ступайте и делайте, как я велю. А жатва на вашей земле будет, только никому про это не сказывайте.

Янош Фабула привык всякое слово и поступок Тимара поначалу считать несусветной глупостью. Однако же привык он и выполнять все его наказы с безоговорочным послушанием. Потому как впоследствии каждый раз убеждался, что эти несусветные глупости неизменно оборачиваются глубочайшей премудростью. У этого человека какое-то особое чутье.

И старый рулевой поступил по совету Тимара.

А теперь откроем вам подоплеку этого дела.

План оборонительных сооружений вокруг комаромской крепости действительно существовал. Дворцовый военный совет замыслил превратить крепость в превосходную лагерную стоянку. С этой целью готовились обстоятельные проекты, включавшие в себя строительство моношторской цитадели и протяженную линию укреплений, долженствующих связать устье Вага с устьем Рабы; фронт этой линии, именуемой ныне "Линией наместника", вкуче с артиллерийской позицией на круглой площадке вверху моношторского холма охватил бы крепость и весь город сплошным фортификационным кольцом.

Выполнение работ было рассчитано на тридцать - сорок лет, а расходы оценены во столько же миллионов.

Осуществление проекта, по всей вероятности, было одобрено всем правительственным советом, - в этом не приходилось сомневаться.

Однако оставался шанс внести в этот проект оговорку, подсказал ее Дворцовой палате некий ловкий наушник. .

Ведь если участки фортификационной линии будут возводиться постепенно, то отчуждать все земли, по которым пройду будущие укрепления, одновременно нет смысла. На первых порах достаточно будет выкупить у владельцев наделы, необходимые для сооружения меж двумя рукавами Дуная "Линии наместника", а с отчуждением моношторских участков лет двадцать можно подождать.

Только ведь пронырливые дельцы, прознавшие о новых фортификационных сооружениях, бросились наперебой скупать земли на моношторском песчаном холме, никому и в голову не пришло обратить внимание на междуречье двух рукавов Дуная. Поэтому огромную территорию, продаваемую городом с торгов, наш знакомец Янош Фабула сумел приобрести за двадцать тысяч форинтов.

Если отчуждение моношторских земель будет отсрочено, то очередь до них дойдет через двадцать лет, а за это время все средства спекулянтов, вложенные в не приносящие дохода виноградники, окажутся поглощены процентами.

Вот какую шутку подстроил Тимар своим конкурентам и наиболее рьяному из них Атанасу Бразовичу: стоило тому приобрести участки на песчаном холме, как Тимар тотчас же пустил в ход все средства, чтобы венским правительством не было одобрено намерение Дворцового военного совета приступить к осуществлению плана фортификационных работ одновременно по всем пунктам.

Так обстояли дела за три дня до свадьбы Атали.

За два дня до означенного срока господин Янош Фабула влетел на галерею дома Тимара.

Да-да, именно влетел: развевающиеся полы его плаща вполне могли бы сойти и за крылья.

- Двадцать тысяч! Сорок тысяч! Комиссия... выплата... Император, король... Голое пастбище! Жатва!

Бедняга не мог говорить от волнения, так сыпал бессвязными словами, которые Тимар Наконец сложил в такую вот понятную фразу:

- Успокойтесь, Янош, я знаю, что вы хотите сказать. Сегодня на участок приезжала комиссия устанавливать цены на земли, попадающие под полосу новых укреплений. Ваш участок, за который вы заплатили двадцать тысяч форинтов, у вас откупили за сорок тысяч, так что излишек сверх ваших трат - ваша чистая прибыль. Это и есть жатва. Верно я говорю?

- Верно, сударь! Верно и так складно, будто сам Иоанн Златоуст. Все оно так и есть в точности. Получить ни за что ни про что двадцать тысяч! Да я отродясь таких денег не зарабатывал! Двадцать тысяч - шутка сказать, у меня я все в голове вверх тормашками перевернулось!

Дозвольте, сударь, разок перекувырнуться.

Тимар дозволил, и Янош Фабула не один раз, а трижды прошелся колесом вдоль галереи. Затем еще трижды в обратную сторону и опять выпрямился пред Тимаром.

- Вот теперь вроде мозги на место встали.. Значит, вся эта пропасть деньжищ мне досталась. Тогда пойду куплю синагогу!

(Дабы кто не подумал, будто последняя фраза Яноша Фабулы дурная шутка, поспешим пояснить, что при тогдашних обстоятельствах жители, исповедующие иудейскую веру, принуждены были строить новый молельный дом на землях графа Зичи, а прежняя синагога действительно была пущена с молотка; вот она-то и понравилась до чрезвычайности нашему другу Яношу Фабуле).

Но прежде чем купить синагогу, он в тот день еще шесть раз наведался к господину Тимару: в первый раз привел к нему свою жену, во второй раз - дочку на выданье, в третий - дочь-молодицу в четвертый - сына, окончившего школу, в пятый - сына, только что пошедшего в школу. Жена Фабулы преподнесла господину Тимару белую комаромскую булку - пышную, поджаристую, с золотисто-румяной зашипкой на боку; дочь-молодица принесла миску великолепных медово-сладких пышек из соложеного теста, дочь на выданье - "невестино блюда", искусно составленное из медового калача, красных яиц, обернутых в золотую фольгу орехов и всевозможных цветных бумажек; старший паренек - знаменитый прицелов - притащил большую клетку, полную щеглов и малиновок, а мальчонка-школьник - приветствие в

стихах собственного сочинения. Целый день сородичи Яноша Фабулы рассыпались в благодарностях Тимару, а поздним вечером все вшестером заявили под окна к благодетелю восславить его песней: "За доброту воздастся счастьем на всю жизнь!".

... Ну, а какие дары преподнесут и что пропоют ему конкуренты - и в том числе господин Бразович, - узнав, в какую аферу он втравил их скупкой моношторских участков?..

Невестино платье.

До свадьбы оставалось всего три дня.

В воскресенье пополудни барышня Атали отправилась с визитами к своим девичьим подругам. Обычно в таких случаях барышням предоставляется привилегия наносить визиты в одиночку, без материнского сопровождения: ведь девушкам столько нужно напоследок сообщить друг другу по секрету - девичьей поре приходит конец.

Стало быть, госпожа Зофия могла остаться дома. Она-то больше всех радовалась тому, что выдался хоть день в году, когда не надо идти в гости или ждать в дом визитеров, не надо присматривать за дочкой, слушать немецкую речь, из которой они ни словечка не разбирает, а можно остаться дома и вспомнить былые счастливые времена, когда она, еще горничной, вот таки же вольным воскресным днем, насыпав полный передник вареной кукурузы, усаживалась на лавку и до самого вечера лушил а кукурузу да ела по зернышку, и при этом всласть сплетничала с веселыми подружками, такими же служанками ей под пару.

Вольный день и вареная кукуруза - они и сейчас при ней, вот только подружки не хватает.

Госпожа Зофия даже горничную с кухаркой отпустил прогуляться, чтобы одной побыть в кухне: вареной кукурузой в комнатах не полакомишься, шелуха так на пол и летит.

Но вот отыскалась ей и подходящая компания: на кухню проскользнула Тимея. Девочке тоже нечем было себя занять; вышивка на подвенечном платье закончено, теперь оно в работе у портного, который наверняка поспеет к последнему часу последнего дня.

Тимея была вполне под стать госпоже Зофии - такая же нежеланная в доме, как она, с той только разницей, что Тимея считает себя барышней, хотя всем известно, что она всего лишь прислуга, а госпожу Зофию все почитают за барыню, но она-то сама считает себя служанкой.

Итак, Тимея пристроилась на лавке под бочок к госпоже Зофии - точь-в-точь нянька и кухарка, которые всю неделю знай себе ссорятся, а по воскресеньям тихо мирно усаживаются рядом точить лясы.

До свадьбы оставалось всего три дня.

Тимея робко, осторожно огляделась по сторонам, не подслушивает ли кто, и шепотом спросила:

- Мама Зофия, расскажите мне, какая она, эта свадьба?

Госпожа Зофия, втянув голову в плечи, затряслась от сдерживаемого смеха и хитро, искоса посмотрела на девочку. С коварством истинной старой служанки она ухватила за смешную слабость юной служаночки, чтобы окончательно задурить ей голову.

- Ах, Тимея, Тимея, - заводит она с проникновенностью опытной сказительницы, - свадьба - это обряд красоты необычайной. Ну, да сама увидишь.

- Я как-то раз хотела подсмотреть у дверей церкви, - откровенно, как на духу признается девочка. - Подкралась туда, как раз когда начиналась свадьба. Но только и успела увидеть, как жених и невеста подошли к красивому золоченому буфету.

- Это не буфет, а алтарь!

- И тут какой-то злой мальчишка заметил меня и прогнал из храма: "А ну, прочь отсюда, турчанка!" Я и убежала.

- После того, как жених и невеста станут перед алтарем, - растолковывала госпожа Зофия, вылушивая по зернышку и отправляя в рот вареную кукурузу, выходит батюшка, священник; на голове у него золотая шапка, облачение из вышитой парчи с золотыми пряжками, а в руках толстая книжка с застежками. По этой книге он читает и очень красиво поет. Жених и невеста

опускаются перед алтарем на колени на маленькую скамеечку, а священник из спрашивает, любят ли они друг друга.

- ТИ тогда надо отвечать?

- А как же! И не просто так сказать, люблю, мол, а повторить за священником клятву - он сперва жениху, потом невесте читает по книге, - что они дают обет всегда любить друг друга, не оставить в радости-горе, хранить верность до гроба, в чем и клянутся во имя отца, сына и святого духа, пресвятой девы и всех святых во веки веков, аминь. И хор подхватывает: "аминь". Тимея зябко передернула плечами.

- Потом священник берет с серебряного подноса обручальные кольца и надевает одно невесте, другое - жениху, а после этого складывает их руки вместе и обвивает их широким золотым поясом. Все это время регент и хор поют "Господи, помилуй, Господи, помилуй".

Слова эти завораживающе звучали для слуха Тимеи. "Господи, помилуй!" - не иначе как заклинание простереть над человеком благословляющую десницу.

- Теперь и жениха, и невесту с головы до пят укрывают тяжелым, расшитым шелковым покрывалом и, пока священник произносит молитвы, два шафера держат над головами брачующихся серебряные венцы.

- Ах!..

Госпожа Зофия, видя живую заинтересованность девочки, принялась разжигать ее воображение алтарными свечами.

- Тем временем хор непрерывно поет "Господи. Помилуй", а священник берет один из серебряных венцов и протягивает жениху, чтобы тот приложился губами. После целования надевает венец жениху на голову и произносит: "Венчается раб божий Атанасий рабе Божией Зофии". Затем берет другой венец и подносит его невесте для целования.

- Ее тоже венчают венцом?

- Конечно.

- А ей какие слова говорит священник?

- Ей он говорит: "Венчается раба Божия Зофия балу Божию Атанасию".

- Ах, какие дивные слова! Чудо как хорошо!

- Потом дьякон читает молитву во здравие новобрачных, а священник, взяв их за руки, трижды обходит с ними вокруг аналая. Потом шаферы снимаю с них обоих шитое покрывало. Народу в храме собирается видимо-невидимо, все перешептываются: "Невеста-то до чего хороша! Что за пара, всем на загляденье!".

Тимея с целомудренной мечтательностью кивает головой в такт ее словам, словно и в само деле находя эту картину прекрасной.

Госпожа Зофия, вдохнув поглубже, вновь принялась за рассказы Тут священник выносит золотую Чашу с вином. Жених и невеста пьют из нее поочередно.

- В ней настоящее вино? - испуганно спрашивает Тимея. Девичье отвращение к вину усугублено памятью о запрете питья, предписываемого магометанской религией.

- Самое настоящее, как и положено. И вино это брачующиеся должны выпить. А шаферы и подружки невесты тем временем осыпают их пшеницей, сваренной в меду, чтобы была их жизнь счастливой и благополучной. До того трогательно, прямо до слез!

Глаза Тимеи сияли. Она явственно представляла себе это таинство - наполовину религиозную мистерию, наполовину сокровенную тайну - и трепетала всем телом.

А госпожа Зофия смеялась про себя и, чтобы подавить желание расхохотаться вслух, набила рот вареной кукурузой.

Потеха вышла на славу, жаль только, что она была прервана. За дверью послышались мужские шаги, и кто-то вошел в кухню.

Вот ужас-то! Ведь это был не кто иной, как господин Качука.

Госпожа Зофия не знала куда деваться: на ногах домашние шлепанцы, передник полон кукурузы. Что прятать в первую очередь? Однако Тимея испугалась еще больше, хотя ей-то прятать было нечего.

- Прошу прощения! - просто, по-семейному, заговорил капитан. - С парадной стороны все двери заперты, вот я и решил войти через кухню.

- Заперты, а то как же! - взвизгнула госпожа Зофия. - Дочка отправилась к подругам с визитами, прислугу я отпустила в церковь, только мы вдвоем дома и остались. Сидим вот на кухне, пока прислуга не вернется. Просим прощения, господин капитан, что мы в затрапезном виде.

- Ничего страшного, мама Зофия, - любезно успокоил ее капитан. - Тогда и я останусь с вами на кухне.

- На кухне? Нет-нет, этого я не могу допустить! Да мне тут и посадить-то вас негде, господин капитан.

Госпожа Зофия пребывала в растерянности. В гостиную капитана не проведешь, для этого хозяйка дома одета неподобающим образом. Послать Тимею, чтобы побыла с гостем, пока она сама переоденется, тоже нельзя - неприлично. Хорошо еще, что капитан, человек военный, не терялся ни в какой ситуации.

- Не стоит из-за меня разводить церемонии, мама Зофия. Пристроюсь-ка я вот на этом бидоне, чем не подходящее место?

И он сел на бидон напротив Тимеи.

Теперь оставалось только одно неудобство: передник полон кукурузы. Капитан выручил госпожу Зофию и из это затруднения.

-Никак вы, мама Зофия, кукурузу лузгаете? Приятное занятие для воскресного дня, так что тут нечего стесняться. Я Тоже люблю кукурузу, насыпьте-ка мне горсточку вот сюда, в фуражку. Госпожа Зофия поняла, что ей не угнаться за капитаном, когда увидела: он и в самом деле не брезгует этим простонародным лакомством, причем отправляет кукурузу в рот не очищенную и целыми горстями. Акции господина Качуки в ее глазах сразу возросли.

- А я тут как раз рассказывала Тимее, - начала госпожа Зофия светскую беседу, - как происходит крещение.

Тимея приготовилась убежать на случай, если госпожа Зофия скажет правду. Однако госпожа Зофия не напрасно была матерью взрослой барышни; уж ей ли не суметь повернуть разговор на другое, едва а только появится неожиданный визитер.

- Я ей и объяснила, что он да как, вот она и напугалась, бедняжка. Смотрите, вся дрожит! Это я ее настрашала, говорю, что ее, мол, запеленают как младенца и плакать велют. Да не бойся ты, это я так просто, в шутку сказала. Но больше всего она за свою прическу опасается, знает, что от воды вся красота испортится.

Здесь самое время упомянуть о прическе Тимеи.

У девочки были дивные волосы, густые и длинные. Атали выдумала себе забаву: приглашала куафюршу, чтобы та устраивала на голове Тимеи сооружения одно чудней другого. Например, подбирали девочке все волосы кверху, на висках гладко зачесывали, а на макушке возводил целую башню; в другой раз разбирали волосы на пробор и встопрощивали их по бокам на манер крыльев, придавая Тимее сходство с летучей мышью, а затем закручивали и укладывали на ушах бараными рогами; при этом затылок и макушка получались оголенными- ведь все волосы были стянуты к ушам. Атали заставляла девочку носить такие прически, которых сроду никто не носил, нелепые, смехотворные, непременно бросающиеся в глаза, и для их создания не жалели горячий щипцов, проволочных закруток, папильоток, щетки, вощеной помады. Все это проводывалось под знаком родственной любви, и девочке было невдомек, что прически эти ей не идут.

Господин Качука просветил ее на этот счет.

- Полноте вам, барышня Тимея, беспокоиться об этой прическе. Вам гораздо больше было бы к лицу носить волосы совсем просто. У вас такие дивные волосы, что поистине грех жечь их железом да склеивать воском. Не позволяйте учинять над собою такое. Да тут каждого волоска жаль, экая красота пропадает! Ведь от этого измывательства над природой, какое у вас, барышень, именуется украшением, волосы только портятся: утрачивают блеск, секутся на концах, легко рвутся и вскоре начинают выпадать. А вам нет никакой нужды в этих выкрутасах.

У вас такие прекрасные, густые волосы, что если заплести их в простую косу да уложить венцом, более красивой прически вы себе и пожелать не сможете.

Возможно, эту пламенную речь господин Качука произнес исключительно из человеколюбивой жалости к загубленной красоте и у него не было иных намерений, кроме как избавить дивные волосы Тимее от навязанных ей уродливых причесок, однако эффект, вызванный его словами, оказался гораздо сильнее, чем он предполагал.

С этого момента Тимее казалось, словно воткнутый в волосы гребень вот-вот раздерет ей голову, и она не могла дожидаться, когда господин Качука уйдет.

Капитан и не стал засиживаться, сжалившись над госпожой Зофией, которая во время его визита безуспешно пыталась справиться с трудной задачей - как-нибудь спрятать свои ноги в стоптанных шлепанцах. Господин Качука, пообещав навеститься еще раз, попрощался: маме Зофии поцеловал руку, а Тимее отвесил низкий поклон.

Едва только дверь за капитаном затворилась, Тимея вытащила из волос высокий гребень, сдернула с макушки башней выложенные завитки, мигом распустила всю прическу и, встав у лохани с водой, принялась мыть голову.

Что ты делаешь, несчастная? - завизжала госпожа Зофия. - Перестань сейчас же! Оставь прическу, как была! Вот уж Атали рассердится, когда придет да увидит!

- Пусть сердится! - упрямо ответила девочка. Отжав мокрые волосы, она села на скамью подле госпожи Зофии и, стараясь совладать со своей встопорщенной гривой, начала заплетать простую косу.

В сердце ее зародилось упорство. Подавившее страх. Слова капитана придали ее душе силу.

Его Вкус, его желание были для нее законом. Она заплела косу и естественным узлом выложила ее на затылке - точь-в-точь как учил ее капитан.

Госпожа Зофия про себя смеялась: вконец девчонку одурачили!

Пока Тимея заплетала волосы, госпожа Зофия придвинулась к ней поближе, стараясь снискать ее расположение.

- Давай доскажу тебе про свадьбу. На чем прервал наш разговор Качука? Эх, знал бы он, о чем у нас тут с тобою речь!... Значит, я остановилась на том. Что жених и невеста пьют из одной чаши, а хор и дьякон поют "Господи, помилуй!". Потом священник читает Евангелие, а шаферы тем временем держат венцы у барчующихся над головами. Священник берет венцы, кладет их на серебряный поднос и обращается к жениху: "Будь славен, как Авраам, благословен, как Исаак, и плодовит, как Иаков!" Затем поворачивается к невесте и говорит ей: "Будь превознесена, как Сарра, ликуй, как Ревекка, плодить и размножайся, как Рахиль!" И после этого благословения жених и невеста перед всем народом и перед святым алтарем троекратно целуются....

Тимея даже глаза зажмурила, чтобы не видеть этой сцены.

Атали обомлела, когда, явившись домой, увидела Тимею с распущенными волосами.

- Кто тебе позволил распустить волосы? Где твой гребень, где бант? Немедленно приколи на место!

Тимея, сжав губы, решительно тряхнула головой.

- Сделаешь, как я велю?

- Нет!

Атали была поражена столь необычным упрямством. Слыханное ли дело - ей посмели возразить! И кто же? Девчонка, которую в доме держат из милости, всегда такая покорная, даже ноги ей целовала однажды.

- Нет? - переспросила она, подойдя к Тимее вплотную и приблизив свое распаленное гневом лицо к белому лицу девочки, словно желая ожечь ее.

Госпожа Зофия из угла со злорадством наблюдала эту сцену.

- Я ведь говорила, что тебе от Атали достанется!

А Тимея, взглянув в сверкающие глаза Атали, еще раз повторила:

- Нет!

- Это почему же? - вскричала Атали, и в этот миг голосом очень напоминала мать, а выпученными глазами - отца.

- Потому что так я красивее! - ответила Тимея.

- Кто это тебе сказал?

- Он....

Пальцы Атали скрючились, как орлиные когти, стиснутые зубы блеснули меж алых губ.

Казалось, она готова растерзать строптивую девчонку! Но.. всего лишь рассмеялась.

Ее необузданная ярость излилась в язвительном хохоте. Оставив Тимею, она удалилась к себе в комнату.

В тот день под вечер господин Качука снова наведлся в дом невесты. Его уговорили остаться к ужину. За столом Атали осыпала Тимею непривычными ласками.

- Замечаете, господин капитан, насколько красивее Тимея с распущенными волосами?

- И правда! - подтвердил капитан.

Атали улыбнулась.

Она отыграется на девочке, но теперь уже шуткой не ограничится, в ход пойдет более грозное оружие.

До свадьбы оставалось всего два дня.

В эти два дня Атали была с Тимеей сама предупредительность и нежность. Она не отпускала девочку к прислуге, а служанкам наказала, входя в комнату, целовать Тимею Руку.

Госпожа Зофия несколько раз назвала ее "невестушкой".

И вот портной доставил готовое платье для невесты.

Сколько радости было Тимее, когда она его увидела! Она прыгала и хлопала в ладоши, как ребенок.

- Ну, иди примерь свой невестин наряд! - с жестокой улыбкой сказала Атали.

Девочке позволила надеть на себя роскошный подвенечный наряд, расшитый ее же собственными руками. Она не носила корсета, а фигура ее была развита не по годам, та что платье было ей впору.

С каким стыдливым самодовольством разглядывала она себя в большом трюмо! Ах, как красива она будет в подвенечном платье! Может, у нее даже шевельнулась мысль о том, что ее ждет любовь? Наверное. И сердце ее забилось сильнее, и вспыхнул в нем огонь, заставляющий испытывать наслаждение и боль?

О, об этом не думали те, кто вел с ней жестокую игру.

Горничная, помогая ей одеться, кусала губы. Чтобы не рассмеяться.

Атали же с бессердечным лицемерием наряжала простодушную девочку, которая не в силах была скрыть свою радость. Новые, прежде неведомые ей чувства, отражались на беломраморном лице Тимеи.

Атали принесла Тимее примерить и венок. Мирт и белый жасмин удивительно шли ей.

- Ну и красавица же ты у нас будешь послезавтра!

Затем Тимею заставили снять подвенечный наряд.

- А теперь примерю я, - сказала Атали. - Интересно, пойдет ли мне.

На ней лиф удалось посадить правильно лишь с помощью корсета, зато на ее прекрасной, горделивой фигуре все линии платья обрели более четкие очертания. И ей на голову надели миртовый венок, и она тоже принялась разглядывать себя перед зеркалом.

Тимея глубоко вздохнула и с неподдельным восхищением прошептала Атали:

- О, какая ты красивая! Очень-очень красивая!

Пожалуй, на этом можно было бы и окончить шутку?

Нет, она должна поплатиться сполна! Должна быть наказана за свою дерзость, за свою глупость.

Язвительную комедию целый день разыгрывали с ней все кому не лень. От сыплющихся со всех сторон намеков девочка была сама не своя. Подкарауливала у дверей господина Качуку и

убегала прочь, едва завидев его. Вздрагивала, когда при ней произносили его имя. И отвечала невпопад. Все веселились над ней всласть.

Догадывался ли об этом хоть отчасти господин Качука?

Пожалуй, догадывался.

Трогало это его? Пожалуй, не трогало.

Пожалуй, он догадывался о таких вещах, какие насмешникам и не снились, и с большим хладнокровием ждал рокового дня. Накануне свадьбы Атали сказала Тимее:

- Сегодня тебе придется попоститься. Завтра для тебя святой праздник, тебя поведут к алтарю, окрестят, затем обвенчают. Весь предыдущий день надо поститься, чтобы предстать пред алтарем чистой.

Тимея послушалась наказа и за весь день не проглотила ни кусочка.

А между тем у девочек-подростков весьма хороший аппетит. Природа требует свое: сытная еда для нее покамест единственная знакомая страсть, об удовлетворении которой ей кое-что известно. И эту страсть Тимея сумела подавить в себе. Она отсидела за столом и во время обеда, и во время ужина, глядя, как едят остальные. А к столу намеренно подавались такие блюда, которые она очень любила, за дверьми столовой служанки и кухарка наперебой соблазняли ее отложенными для нее лакомствами: не обязательно так уж строго выдерживать пост, даже если она его и нарушит, все равно ведь никто не узнает. Тимея не поддавалась искусу и выдержала голод. Она тоже помогала готовить к завтрашнему пиру торты и заливные; целая груда аппетитнейших, соблазнительных яств лежала перед ней, но она ни одного из них даже не попробовала, хотя на примере Атали, которая тоже помогала в праздничных приготовлениях, было ясно, что невесте в таких случаях вовсе не возбраняется лакомиться. Но она, Тимея, не смела нарушить пост! С вечера она рано легла, жалуясь, что ее знобит. Ее и вправду колотила дрожь, она зябла даже под одеялом и никак не могла уснуть. Атали, отправляясь на покой, слышала, как сотрясает Тимею неодолимая дрожь, как у не стучат зубы. Однако не отказала себе в жестокой радости шепнуть девочке на ухо: "Где-то ты будешь завтра в эту пору?".

Бедное дитя! Как же ей было уснуть, когда все чувства, коим в ее годы надлежит спать младенческим сном, были разбужены до времени в ее детском сердце?

Долгие часы она не находила себе покоя; лежала, сомкнув глаза, но страхи, похожие на радости, и страсти, прячущиеся под маской потаенного ужаса, преследовали ее. Она решила прибегнуть к молитве, но в отчаянии своем не сумела выбрать из множества священных книг молитву, подходящую к случаю, так как никто не счел нужным ее наставить. (К чему? Ведь это тоже шутка!) Девочка принялась читать вслух библейскую притчу о казнях египетских; устрашающие стихи эти начинаются описанием воды, каковая превращается в кровь, а завершаются рассказом о смерти первенцев.

И Атали была столь бессердечна, что смеялась про себя над девочкой, не вывела ее из заблуждения, не объяснила, что сейчас уместнее молитва, начинающаяся словами "Отче наш...", не сказала: "Иди сюда, помолимся вместе!" Не прочла с девочкой молитву до конца, до завершающих слов "Но избави нас от лукаваго". И напрасно! Ведь сегодня был канун ее свадьбы, а в таких случаях не мешает помолиться, даже если невеста столь хороша собою и богата.

Все нервы Тимеи были взбудоражены, сон не шел к ней до самого рассвета; тем более глубоким, похожим на беспмятство сном забылась она под утро и не пробудилась даже от поднявшейся вокруг утренней суматохи.

А ведь наступил день свадьбы!

Атали строго-настрого наказала слугам не будить Тимею, даже велела опустить шторы на окнах, чтобы в спальне было темнее, - лишь бы девочка не проснулась до тех пор, пока Атали будет совсем обряжена к венцу.

Меж тем эта процедура требовала не мало времени. Атали хотела появиться сегодня во все оружии своей красоты. К этому дню съехались из дальних краев родственники и деловые

друзья Бразовича - невероятное количество гостей, дабы отпраздновать свадьбу единственной дочери в богатом семействе и самой красивой девушки всех окрестных комитатов.

Гости начали уже съезжаться. Мать невесты, госпожа Зофия, тоже втиснулась в новое платье и - что гораздо мучительнее - в новые туфли, иль усилившее ее желание, чтобы этот хлопотный день поскорее кончился.

Появился и жених, - как обычно, учтивый, с безмятежным видом; однако его безмятежное лицо никогда не выдавало истинных переживаний, а учтивость была всего лишь манерой обращения. Господин Качука принес и свадебный букет для невесты. Камелий в ту пору еще не знали, и букет был составлен из все возможных роз. Господин Качука сказал, что розы предназначаются розе, и за сей комплимент был вознагражден горделивой улыбкой на сияющем лице.

Не хватало лишь двоих: Тимеи и господина Бразовича. Появления Тимеи никто не торопил, никто о ней не спрашивал, с гораздо большим беспокойством поджидали все господина Бразовича.

Прошел слух, что он еще спозаранку отбыл к губернатору, и теперь гости нетерпеливо ждали его возвращения. Даже невеста несколько раз подходила к окну - выглянуть, не показалась ли отцовская карета.

Только жених не проявлял беспокойства.

Но куда же подевался господин Бразович?

Накануне с вечера он был в прекрасном расположении духа. Развлекался в дружеской компании, приглашал всех знакомых на свадьбу, а поздно вечером, стукнув в окно господина Качуки, взамен пожелания доброй ночи крикнул ему: "К завтраму будут сто тысяч форинтов!".

И для хорошего настроения у него были основания.

Губернатор дал ему знать, что фортификационный план полностью одобрен советом министров и дано предписание приступить к отчуждению земель; более того, за участок в дунайском междуречье деньги уже выплачены, средства за остальные участки тоже перечислены, ордера за подписью министра должны вернуться нынче ночью. А значит, денежки все равно что в кармане.

Утром господин Бразович едва мог дожждаться присутственного времени и даже чуть раньше явился в губернаторскую приемную, чтобы его не обогнали прочие просители.

Губернатор не заставил господина Бразовича ждать, тотчас велел пригласить его.

- Возникло маленькое осложнение, сказал он вошедшему Бразовичу.

- Маленькое - не беда, лишь бы не большое.

- Доводилось вам когда-нибудь слышать о Государственном совете?

- Сроду не слышал.

- Я тоже. Лет пятнадцать о нем не было ни слуху ни духу, однако вопреки всему это орган существует и именно сейчас напомнил о своем существовании. Как я уже говорил, совет министров принял решение о принятии плана укреплений и об отчуждении земель. И тут из неизвестного источника поступил донос, в котором сообщалось о пагубных для государства обстоятельствах. Подвергнуть сомнению решение совета министров представлялось невозможным, и тогда был созван Государственный совет, о котором за последние пятнадцать лет только и было известно, что члены его получают годовое жалование да средства на содержание канцелярии. Спорный вопрос был передан на рассмотрение Государственного совета, и тот мудро порешил в принципе одобрить решение правительства, но осуществление его разбить на два этапа. Участки в дунайском междуречье подлежат немедленному отчуждению, а моношторские земли - лишь тогда, как будут завершены первые этапы фортификационных работ. На это уйдет лет восемнадцать - двадцать, значит, владельцам участков придется обождать столько же, прежде чем они получат выплату. Всего доброго, господин Бразович.

Господин Бразович ни слова вымолвить не мог. Кому пришло бы в голову помнить о каком-то Государственном совете, когда все министры уже завоеваны? Кто мог предположить, что, когда

в интересах всех и каждого перерезать жилы государству, отыщется чудак, пренебрегший собственными интересами?

Помощи ждать было неоткуда.

Ста тысяч, которые, казалось, уже в кармане, - как не бывало. Но пропала и вторая сотня тысяч, вложенных в чахлые, бесполезные виноградники, которые в этот момент утратили всякую ценность. Все надежды, все воздушные замки рухнули. Роскошные двухэтажные хоромы, плывущие по Дунаю груженные суда, ярко освещенный храм с разодетыми свадебными гостями - все мираж; достаточно легкого ветерка, небольшого облачка, затянувшего солнце, чтобы сдуть. Разметать этот мираж вместе с карточным домиком моношторской крепости.

Когда господин Бразович вышел из губернаторского кабинета, ему показалось. Будто у часового два кивера на голове и два ружья на плече, окна павильона пляшут, а длинный ровный коридор вздымается перед ним крутым горным склоном и стены грозят вот-вот на него рухнуть....

А вот и Тимея!

Она наконец-то проснулась в полумраке затененной комнаты, но словно не пришла в себя от глубокого, горячего сна, оделась кое-как и, не найдя никого в комнатах поблизости, добралась до зала, где обряжали к свадьбе Атали.

Войдя в залитую ярким светом комнату, заставленную цветами и свадебными подарками, она вдруг опомнилась: ведь сегодня же день свадьбы!

При виде господина Качуки с букетом для невесты в руках ее сердце екнуло: Да это ведь жених!

А переведя взгляд на Атали, она подумала: "Ведь это мой подвенечный наряд".

Ее ошеломленный вид, широко открытые глаза и рот вызвали смех и... слезы.

Служанки, гости, госпожа Зофия не в силах были сдержать свое веселье.

Атали с царственной снисходительностью приблизилась к ней и, взяв свой затянутой в белую перчатку рукой девочку за подбородок, усмешливо произнесла:

- Да, славный день настал, моя малышка, только к венцу пойду я. А ты пока походи в школу и обожди годков пять, тогда сможешь выйти замуж, если найдется желающий взять тебя в жены.

При этих словах женщины и вовсе не смогли удержаться от хохота. Смеялся. Заливался стар и млад над маленькой дурочкой, которая позволила так подшутить над собой.

Тимея стояла, окаменев, руки бессильно поникли. Лицо ее не покраснело и не побледнело.

Девочка не знала названия тем чувствам, что испытывала сейчас.

Атали почувствовала. Что эта жестокая шутка не делает ей чести, и попыталась как-то ее смягчить.

- Иди сюда, Тимея! - позвала она девочку. - Видишь, я тебя дожидалась. Помоги мне приколоть фату.

Подвенечную фату!

Тимея непослушными руками взяла фату и подошла к Атали. Вуаль надо было пришить к пучку золотой булавкой в виде стрелы.

Руки у Тимеи дрожали, стрела сама по себе была не самой подходящей шпилькой: никак не хотела проходить сквозь пучок. Атали сделала нетерпеливое движение, и Тимея тупым кончиком стрелы слегка уколола голову красавицы невесты.

- Ах, какая ты неловкая! - раздраженно вскричала Атали и ударила Тимею по руке.

Брови Тимеи нахмурились. Выбранить, ударить ее сейчас и на глазах у "него"! Глаза ее застлало слезами. Две тяжелые капли скатились по белым щекам.

Вероятно, две эти слезы перевесили чашу весов, кои держит некая рука, справедливо отмеряющая счастье и несчастье.

Атали попыталась выставить свою вспыльчивость лихорадочным волнением. Так поняты волнение и капризы невесты перед самым венчанием. Тем более шаферы и подружки уже собрались, а отец невесты запаздывает.

Всех охватило беспокойство, лишь жених сохраняет самообладание.

Вот уж и из храма дали знать, что священник ждет брачующихся, и колокола успели отзвонить, как и принято в честь богатого прихожанина, а господина Бразовича все нет и нет. Грудь Атали вздымается от досады, она шлет в крепость нарочных одного за другим.

Наконец из окна увидели приближающуюся застекленную карету. Господин Бразович прибыл!

Невеста еще раз подходит к зеркалу взглянуть, красиво ил лежат складки фаты, поправляет браслеты на руках, нитки жемчуга на своей дивной шее Юоны. Тем временем с лестницы доносится странный топот, словно несколько человек поднимаются одновременно и тяжелой поступью. За дверьми в зале раздаются испуганные вскрики, в которых словно звучит подавленный ужас; гости беспокойно теснятся к выходу.

Из комнаты Атали поспешно выходят подружки невесты и другие молодые барышни посмотреть, что там творится. И вот ведь удивительно: ни одна не возвращается обратно. Атали слышит, как взвизгнула госпожа Зофия. Но она ведь всегда визжит, даже когда тихо разговаривает.

- Взгляните, что там случилось. - говорит Атали жениху.

Капитан тоже выходит, и Атали остается в комнате наедине с Тимеей. Гул испуганных, приглушенных голосов все усиливается. Атали это начинает беспокоить.

Возвращается жених.

Остановившись в дверях, он сообщает невесте:

- Господин Бразович умер!....

Невеста, судорожно взметнув руки, падает без чувств. Не подхвати ее Тимея, она размозжила бы голову о мраморный мозаичный столик.

Лицо горделивой красавицы невесты сейчас белее, чем у Тимеи.

А Тимея, держа на коленях голову Атали, думает: "Вот ведь и подвенечное платье валяется в пыли!".

Жених по-прежнему стоит в дверях, долго глядя на лицо Тимеи, затем поворачивается и в наступившей суматохе незаметно покидает дом. .

Он даже не дал себе труда поднять свою невесту.

Тимея.

"И подвенечное платье валяется в пыли!".

Вместо брачного пира пришлось справлять поминки.

А вышитый невестин убор сменился траурным одеянием.

Черный цвет ставит на одну доску равно богатых и бедных. Атали и Тимея надели одинаковые платья: черные.

И если бы траур сводился только к необходимости ходить в черном платье!

Но с внезапной кончиной Атанаса словно целая стая зловещих птиц слетелась к его дому, подобно тому как перед пургой вся крыша надевает траур, облепленная черными воронами....

Первая тень от черных крыльев легла на него, когда жених вернул обручальное кольцо; он даже не явился на похороны, чтобы поддержать невесту, по пути на кладбище то и дело терявшую сознание. А ведь обычаи этого города требуют от близких - будь то господи или распоследние бедняки - смиренно, с непокрытой головой, пешком провожать гроб до самого кладбища.

Кое-кто строго осуждал господина Качуку за этот поступок; и даже то обстоятельство, что господин Бразович не выполнил условие и не дал наперед обещанные сто тысяч приданого, не оправдывало, по их мнению, жениха и вовсе не освобождало от каких бы то ни было обязательств. В подобных случаях люди непреклонны в своих суждениях и не принимают никаких оправданий.

А воронье продолжало слетаться на крышу обреченного дома. Кредиторы востребовали долги, и тогда рухнул весь картонный домик.

По слову первого же заимодавца, прибегнувшего к судебной тяжбе, дому Бразовича пришел конец. Лавина стронулась и неудержимо прокатилась до самого подножия склона. Выяснилось, что подозрения сбежавшего жениха имели основания: коммерческие дела господина Бразовича настолько были осложнены операциями, которые казались прибыльными, а в действительности принесли лишь убытки, ошибочными расчетами, скрытыми долгами и воображаемыми доходами, что после приведения их в порядок оказалось: всего имущества Бразовича не хватит для покрытия долгов. А ведь он сверх того растратил средства, вверенные его христианской совести и деловой чести: имущество сирот, пожертвования в фонд церковного прихода, больничную кассу, денежные залоги, внесенные его клиентами, общественную казну. Мутный, грязный поток захлестнул даже крышу дома, покрыв его позором.

Тимея тоже целиком лишилась своего имущества, ведь ее капитал не был вложен в недвижимость.

А затем нахлынули адвокаты, сенаторы, судебные исполнители, опечатали все шкафы, всю мебель и доме; они не интересовались у изнеженных дам, когда можно нанести визит, а врывались в любую пору дня, расхаживали по комнатам, как у себя дома, и во всеуслышание на чем свет стоит поносили усопшего, не стесняясь присутствия скорбящих женщин и не заботясь о том, что говорят слишком громко. Конфисковывали все, что ни попадется под руку, оценивая каждую вещь: картины в рамах или без рам и невестино платье без самой невесты.

Был назначен срок (и даже на воротах вывесили объявление), когда по решению властей будет пущено с молотка все имущество - все вплоть до искусно расшитого подвенечного платья. А когда будет продан и сам дом, нынешние его обитатели окажутся под открытым небом, и красавиц Атали негде будет голову преклонить.

Что же ей делать - осиротевшей дочери разоблаченного мошенника, лишенной всего, даже доброго имени? Ведь у нее в целом свете не осталось ни одного доброжелателя, да и сама она себе добра не желает.

Из всех сокровищ у нее сохранились лишь две ценные вещи, которые ей удалось утаить при конфискации: халцедоновая шкатулка и возвращенное женихом кольцо.

Халцедоновую шкатулку она спрятала в карман и ночью, оставшись одна, принялась разглядывать заключенные в ней сокровища - всевозможные яды. Однажды, во время путешествия по Италии, Атали, повинуясь странной прихоти, составила себе целую коллекцию ядов. Обладание этими сокровищами придало ей упрямства. Она вбила себе в голову, что при малейшем огорчении возьмет да и покончит с собой; эта причуда сделала ее тираном по отношению к родителям и жениху, чуть что не по ней, достаточно открыть халцедоновую шкатулку, а там только выбирай, какой из ядов быстрее подействует.

И вот настал час великого искушения! Жизнь простиралась перед нею безрадостной пустыней. Отец сделал свою дочь нищей, а жених бросил свою невесту.

Атали, встав с постели, раскрыла шкатулку, перебирая яды один другого соблазнительнее.

И тут вдруг поняла, что боится смерти! Сердцу пока еще не достаёт силы решиться на крайний шаг.

Атали задумчиво разглядывала в зеркале свое отражение. Как она хороша! Нет, у нее не хватит смелости загубить такую красоту.

Она захлопнула шкатулку и спрятала ее вновь: все равно она не в состоянии принять какой бы то ни было из этих ядов.

Она извлекла другое свое сокровище: обручальное кольцо, и в нем тоже яд, еще более губительный. Этот убивает душу, и этого яда она не боялась испить полную чашу. Ведь она любила человека, которому дала это кольцо, и не просто любила, но была предана всей душой. Шкатулка с ядами - плохой советчик, а кольцо - и того хуже.

Атали начала одеваться. Некому было ей помочь, все слуги покинули дом. Госпожа Зофия и Тимея спали в комнате для прислуги; все парадные помещения были опечатаны. Атали не стала будить спящих и оделась сама.

Насколько ночь вступила в свои права, Атали не знала; великолепные напольные часы заводить перестали - к чему, ведь их все равно пустят с молотка, - и теперь одни показывали утро, другие - день.

Который бы ни был час, неважно. Атали отыскала ключ от входной двери и украдкой выбралась из дому. Все двери за собой она оставила незапертыми. Что ту можно украсть?

Она в одиночку двинулась по темным улицам. А между тем комаромские улицы в те времена тонули в благопристойном мраке: чуть мерцающий фонарь у статуи Святой троицы, другой у ворот ратуши и третий у здания гауптвахты - вот и все городское освещение.

Атали торопливо шла к "Англии", а это место пользовалось дурной славой: темный парк, отделяющий город от крепости, где по ночам околачиваются женщины с размалеванными лицами и всклокоченными волосами, ища здесь пристанища после того, как их выгонят из при базарных кабаков. Атали наверняка придется столкнуться с этими "ночными феями", когда она будет проходить мимо "Англии". Но барышня их не боится. Яд, которым напитало ее обручальное кольцо, лишил Атали страха перед этими беспутными созданиями. Человек страшится грязи лишь до тех пор, покуда сам хоть раз в нее не ступит.

На углу "Англии" несет вахту часовой. Надобно укрыться от его внимания, чтобы не окликнул: "Стой! Кто идет?".

К угловому дому со стороны рынка пристроена аркада; днем тут торгуют хлебом. Под сенью аркады Атали незаметно пробиралась вдоль дома, второпях споткнувшись обо что-то. Поперек галереи валялась пьяная баба в лохмотьях. Разбуженная толчком, она обрушила на Атали поток брани, но та лишь переступила через лежащую и пошла дальше.

Атали почувствовала облегчение, свернув за угол в парк; когда скрылся из виду фонарь перед зданием гауптвахты, деревья укрыли ее в своей глухой тени.

Средь кустов сирени светилось окно. Свет этот, как путеводная звезда, вел Атали к жилищу капитана.

А вот и калитка ворот, украшенный двуглавым орлом. Атали взялась за кольцо с львиной головой; рука ее дрожала, не осмеливаясь опустить кольцо. Наконец она все же постучала.

На стук вышел денщик и отворил калитку.

- Дома капитан? - спросила Атали.

Малый с ухмылкой махнул рукой, давая понять, что барин дома. Он не раз видел Атали и немало двадцаток перешло в его ладонь из ее прелестных ручек, когда он по поручению своего господина доставлял красавице барышне букеты цветов или ранние фрукты.

Капитан еще не ложился, он работал.

Комната была обставлена скромно: ни одного лишнего предмета и какого-либо намека на роскошь. По стенам развешаны карты, на столах разложены книги и инженерные инструменты; входящего поражает строгий военный порядок, а также запах табачного дыма, насквозь пропитавшего собою мебель, книги и пол: горечь его ощущается, даже если в данный момент в комнате не курят.

Атали никогда не бывала в квартире капитана. Тот дом, куда жених ложен был ввести ее в день свадьбы, конечно, был обставлен по-другому, но на него вместе со всей мебелью кредиторами в тот же день был наложен арест. В эту комнату Атали лишь изредка заглядывала через окно, когда после обеда под присмотром матери прогуливалась здесь под звук и духового оркестра. Визит дамы застал господина Качуку врасплох. Три верхние пуговицы его фиолетового мундира, вопреки воинскому регламенту, были расстегнуты и даже галстук он для удобства снял.

Атали стала в дверях, опустив руки, понуря голову.

Капитан поспешно подошел к ней.

- Господи, барышня, что вы делаете? Как же вы решились прийти сюда?

Атали, не в силах вымолвить хоть слово, бросилась к ему на грудь и горько зарыдала.

Однако капитан не обнял ее.

- Садитесь, барышня, - сказал он, подведя Атали к простой, обитой кожей оттоманке, после чего первым делом повязал галстук и тщательно застегнул мундир на все пуговицы. Затем придвинул стул и сел напротив Атали.

- Что же вы делаете, барышня?

Атали вытерла слезы и долгим взглядом впиалась в глаза капитана, словно пытаясь сначала глазами растолковать ему, зачем она пришла, неужели он не понимает?

Нет, капитан решительно отказывался понимать.

Атали пришлось объясняться, и вдруг ее охватила такая дрожь, что речь ее едва можно было отличить от стоны.

- Сударь! Поя я была счастлива, вы были очень добры ко мне. Сохранилась ли в вас хоть частица той доброты?

- Да, барышня, - с холодной учтивостью ответил Качука. - Я навеки останусь вашим почитателем и другом. Несчастье, постигшее вас, коснулось и меня, ведь мы оба потеряли все, что имели. Я тоже повергнут в отчаяние, ибо не нахожу ни одной спасительной мысли, которая бы вновь привела меня к осуществлению моих развеянных в прах надежд. Поприще, которое я избрал для себя, предписывает столь строгие правила, что я бессилён выполнить их. У нас, в армии, бедным людям жениться нельзя.

- Знаю, - проговорила Атали, - и вовсе не хотела напоминать вам об этом. Сейчас мы очень бедны, но ведь наша судьба может еще повернуться к лучшему. У отца в Белграде богатый дядя; после его смерти все состояние достанется нам, и мы опять разбогатеем. Я готова ждать вас до тех пор, ждите и вы меня. Возьмите обратно ваше обручальное кольцо, отвезите меня к вашей матери и оставьте у нее как свою нареченную, я буду ждать, пока вы за мной не приедете, и стану вашей матушке во всем послушной дочерью.

Господин Качука испустил такой вздох, что едва не погасил свечу; взяв со стола циркуль, он принялся сосредоточенно вертеть его в руках.

- Что вы, барышня, это невозможно! Вы ведь не знаете мою мать. Она женщина честлюбивая, с тяжелым, неуживчивым характером и никого, кроме себя, не любит. К тому же бедствует на свою скудную пенсию. Вы и не представляете, какие у нас были раздоры из-за моего выбора. Мать - урожденная баронесса и с браком моим никак не желала примириться. Ведь она даже на свадьбу нашу не приехала. К ней я вас отвезти не могу. Из-за вас я бросил вызов своей матери. Грудь Атали судорожно вздымалась, лицо горело; ухватив обеими руками вероломного жениха за левую руку, с которой он с такою легкостью снял обручальное кольцо, она произнесла шепотом - чтобы стены не услышали и книги никому не передали ее слова:

- Если из-за меня бросили вызов своей матери, то я из-за вас брошу вызов всему свету!

Господин Качука уклонился от красноречивого взгляда прекрасной дамы; он чертил циркулем геометрические фигуры на столе, словно по соотношению синусов и косинусов пытался установить разницу между безумием и любовью.

А барышня продолжала:

- Я настолько глубоко унижена, что ниже мне уже не упасть. Мне больше нечего терять на этом свете, кроме вас. Если бы не вы, я бы руки на себя наложила, я больше не принадлежу себе самой. Повелевайте мною, я покорная ваша раба. Я окончательно потеряла голову и не жалею об этом. Убейте меня, и я не пикну!

Пока длилось это страстное излияние, господин Качука Циркулем вычертил для себя должный ответ.

- Барышня Атали, я буду с вами откровенен. Вы знаете, что я - человек честный.

Об это Атали его не спрашивала.

- А честный, благородный человек никогда не воспользуется бедственным положением дамы для удовлетворения своих низменных страстей. На правах близкого друга и безграничного почитателя я готов дать вам добрый совет. Вы сказали, что у вас есть дядюшка в Белграде. Поезжайте к нему. Кровный родственник, он наверняка сердечно примет вас. Я же даю вам

честное благородное слово, что не женюсь, и если мы когда-нибудь снова с вами встретимся, я всегда буду питать к вам те же самые чувства, что и сейчас, и все годы прежде.

Господин Качука не лгал, принося эту клятву.

Но по лицу его в этот момента Атали прочитала то, о чем капитан умолчал: он не любит ее ни сейчас, ни прежде, капитан любит другую, и если та, другая, тоже девушка бедная, доведенная до нищеты, то ему нетрудно дать честное благородное слово, что он не женится.

Вот что прочитала Атали в холодном взгляде своего бывшего жениха.

И тут вдруг в ее мозгу вспыхнула отчаянная мысль, вернув прежний блеск ее глазам.

- Не придете ли вы завтра проводить меня до Белграда к дядюшке? - спросила она.

- Приду, - поспешно ответил господин Качука. - А теперь прошу вас удалиться домой. Вас кто-нибудь провожал сюда?

- Я пришла одна.

- Какая дерзость! Кто же проводит вас домой?

- Вы этого сделать не можете! - с горечью произнесла Атали. - Если нас кто-нибудь увидит вместе в столь поздний час, позора не оберешься - я имею ввиду вас. Ну а я не боюсь. У меня больше нечего отнять.

- Вас проводит мой денщик.

- Не надо. Не дай бог патруль схватит, ведь рядовым не разрешается после отбоя расхаживать по улицам. Я и одна доберусь. Итак, до завтра!

- Завтра в восемь я буду у вас.

Атали закуталась в черную накидку и поспешно удалилась, прежде чем господин Качука успел отворить перед нею дверь.

В последний миг ей показалось, будто капитан бросился надевать саблю: наверное, решил проводить ее хотя бы издали. На углу парка она остановилась; позади никого не было.

Атали в потемках торопливо пошла к дому.

И дорогой в голове ее родился план. Только бы сел капитан с ней в карету, чтобы проводить ее до Белграда, а там уж ему никакой силой больше от нее не освободиться.

Проходя вдоль длинной аркады, она опять споткнулась о пьяную бабу, лежавшую на каменном полу. Но на сей раз та даже не проснулась, так что и брани не прозвучало. До чего же крепко спят нищие!

Но когда Атали подошла к дверям своего дома, мрачная мысль враз остудила ее разгоряченную душу: а ну как капитан поторопился пообещать, что проводит ее до Белграда, лишь бы поскорей избавиться от ее присутствия? Вдруг он вовсе и не придет завтра - ни в восемь часов, ни позднее?

Мысли эти кружили стаей летучих мышей, не давая ей покоя, пока она, спотыкаясь, брала по темной лестнице и ощупью пробиралась по темной галерее. "Что. Если он не придет?".

Мучительный страх терзал ее.

Добравшись до прихожей, она пыталась отыскать в темное оставленные на столе свечу и огниво с кресалом. Вместо этого ей под руку попался нож, остро наточенный кухонный нож с костяной ручкой.

Что ж, это тоже какой-то проблеск во мраке.

Зажав нож в руке, Атали шла через темные комнаты. Зубы ее стучали, а в голове билась мысль: если сейчас вонзить этот нож в сердце белолицей девочки, которая спит подле нее в своей постели, обе они нашли бы себе вечное пристанище, ведь и для нее, Атали, казнь была бы уходом из этого мира.

Да, один удар ножом, туда, где белое тело покоится на белой постели....

Но белолицей девушки там нет.

Лишь у себя в спальне, подойдя к постели Тимеи, Атали вспомнила, что девочка теперь спит в комнате для прислуги, вместе с госпожой Зофией.

Нож выпал у нее из рук, и ее охватила неудержимая дрожь.

Лишь сейчас Атали почувствовала, до чего она одинока, и на душе у нее тот же мрак, что и вокруг.

Она не раздеваясь бросилась на постель, желая облегчить душу молитвой. Но вместо молитвенных слов на память ей пришли библейские стихи о карах египетских, те, что напуганная Тимея читала в ночь накануне свадьбы, а она тогда смеялась над ней. Сейчас эти стихи звучали, как наяву:

"И была густая тьма по всей земле Египетской три дня".

"И умрет всякий первенец в земле Египетской..."

Стоило Атали закрыть глаза, ей рисовались все те же страшные картины, а когда ее сморил тяжкий сон, одни и те же кошмары преследовали ее: кровавые реки, холодные жабы, тучи саранчи, убийственный град, моровая язва, воспаление с нарывами, липкая, свинцовая тьма, поражение первенцев!..

От глубокого, подобного дурману сна Атали пробудил барабанный бой. Ей как раз снилось, что некую молодую даму, которая убила свою соперницу, ведут на казнь; и вот она на эшафоте, опускается на колени, меч палача уже наготове, судья зачитывает приговор: "Да будет Господь милосерден к ней!" - затем раздается барабанная дробь... И туту она проснулась.

Барабан возвещал о начале аукциона.

Ах, слушать его было еще тоскливее, чем сигнал палачу! Слышать, как выкликают на всю улицу одно за другим названия знакомых, привычных любимых предметов обстановки, которые еще вчера она называла своими: "Раз! Два! Кто больше?" А затем: "Три!" - барабанная дробь, и карающий меч опускается.

И вновь слышится то же самое: "Раз! Два! Кто больше?"

Атали надела траурное платье - теперь единственное, и отправилась поискать кого-нибудь. Во всем доме остались лишь мать и Тимея; они сейчас, должно быть, находились на кухне.

Обе давно проснулись, давно оделись.

Госпожа Зофия выглядела толстой и неповоротливой, как бочка. Она знала: что надето на человеке, то с него уже не снимут, вот и напялила на себя с дюжину одежек, то с него уже, да еще и рассовала по карманам, салфетки, серебряные ложки. Тимея была в своей будничной одежде - простой и бедной.

Стоя у плиты, она кипятила молоко, варила кофе к завтраку.

Пори виде Атали госпожа Зофия разразилась громким визгом и бросилась дочери на шею.

- Ох, доченька милая. Красавица ты моя родимая! Что с нами случилось, что с нами теперь будет? Уж лучше бы не дожить нам до этого черного дня! Тебя небось этот мерзкий барабан разбудит?

- Еще нет восьми часов? - спросила Атали.

Кухонные часы шли.

- Как же нет, что ты, милая! Ведь в девять часов начались торги; разве ты не слышишь?

- К нам никто не заходил?

- Знамо дело, никто! Некому к нам в эту пору являться.

Тогда Атали опустилась на лавку. На ту самую деревянную скамью, где госпожа Зофия расписывала Тимее красоту свадебного обряда.

Тимея приготовила завтрак, поджарила на углях нарезанную ломтиками булку и накрыла на кухонном столе для старой и молодой госпожи.

Атали не поддавалась на уговоры, хотя госпожа Зофия усиленно заставляла ее поесть.

- Пей, доченька, красавица ты моя разъединственная! Как знать, подадут ли нам с тобой завтра кофе? Ведь у нас теперь кругом одни недруги, все знакомые нас кланут почем зря. Куда же нам деться, куда податься?

Однако причитания не помешали ей управиться со своей чашкой кофе.

А Атали думала о поездке в Белград и поджидала спутника.

Госпожу Зофию занимали свои думы, выдававшие ее весьма своеобразные представления о самоубийстве и легкой смерти.

"Хоть бы в этой чашке на дне булавка какая попалась! Застряла бы в горле, глядишь, я бы и задохнулась".

Затем она пожелала, чтобы утюг свалился с полки, как раз, когда она проходила бы мимо, угодил бы ней на макушку. Точно так же она ничего не имела против землетрясения; рухнул бы дом, и всем его обитателям - враз конец.

Но поскольку ни один из этих видов смерти не спешил посетить ее, а Атали никак не удавалось вызывать на разговор, пришлось довольствоваться малым - сорвать зло на Тимее.

- Эту неблагодарную ничем не проймешь, хоть бы слезинку проронила! Да ведь и то верно, ей-то чего плакать? Ей легко, пойдет в услужение, тем и прокормится. А то и в модистки устроится. Еще, глядишь, радоваться станет, что вырвалась отсюда на собственные хлеба, заживет припеваючи. Только ты погоди радоваться! Еще помянешь нас, не раз пожалеешь, да поздно будет.

Тимея пока еще не совершила ничего такого, о чем ей стоило бы пожалеть, однако госпожа Зофия заранее предвещала дурное, и печаль ее по этому поводу меркла лишь перед расстройством из-за тяжелой участи Атали.

- А вот что с тобой-то станется, доченька родимая, красавица ты моя распрекрасная? Кто приютит тебя, бесприютную? Каково придется твоим белым рученькам?

- Поди прочь, оставь меня в покое! - огрызнулась Атали, стряхивая с шеи причитающую мать. - Взглянула бы лучше в окно, не идет ли к нам кто?

- Да нет там никого! Кто к нам пойдет?

Меж тем время не стояло на месте, барабанная дробь и выклики аукциониста сменяли друг друга; при каждом ударе кухонных часов Атали вздрагивала, а затем, вновь подперев ладонями лицо, устремляла перед собой невидящий взгляд. Румянец ее прекрасного лица приобрел лиловатый оттенок, губы посинели; поблекший. Желтовато-серый, как у печеночного больного, цвет лица свел на нет ее пышную красоту, застывшие глаза, обведенные темными кругами, припухший рот, нахмуренные брови, стянувшие морщинками бледный лоб, превратили прекрасное лицо в уродливую, грозную маску. Атали сидела в кухне с видом поверженного ангела, изгнанного с небес в земную пустыню.

Время подходило к полудню, а тот, кого она ждала, все не являлся.

Наводящий точку шум аукциона все приближался; торги начались с комнат, выходящий на улицу, а теперь переместились во внутреннюю анфиладу, которая замыкалась кухней.

У госпожи Зофии, несмотря на владевшее ею отчаяние, достало наблюдательности подметить, сколь быстро идут торги. Едва успевают выкликнуть цену какого-либо предмета, как тут же и скрепляют каждую сделку барабанной дробью. Толпы зевак и покупателей, собравшихся на аукцион, разочарованно галдят: "Эдак здесь ничего и не купишь! Видать, этот человек не в своем уме!".

Кто же он, этот человек не в своем уме?

Теперь дело лишь за кухонной обстановкой, но аукционист даже не заглядывает на кухню.

"Больше нет желающих? Раз, два, три!" - в передней звучит барабанная дробь. Какой-то безумец скупил все не глядя.

А еще госпожу Зофию поражает, что купленные вещи не торопятся выносить из дома. Ведь как оно обычно бывает на аукционах? Купил кто-нибудь кровать и тотчас же норовит разобрать ее на части и поскорей утащи прочь. Но на сей раз все вещи остаются на своих местах.

Теперь наступает самый ответственный момент торгов: продажа дома. Все спускаются во двор. Желающие приобрести дом Бразовича проталкиваются к столу аукциониста. Выкрикивают начальную цену, и тотчас же кто-то негромким голосом делает встречное предложение. В толпе собравшихся раздаются испуганные восклицания, проклятия, смех; народ с шумом расходится, и опять слышатся те же вскрики: "Да он не в своем уме!".

"Продано! Продано! Продано!" В последний раз раздается барабанная дробь: дом нашел своего покупателя.

- Ну что ж, доченька родимая, пора нам отсюда убираться. Давай напоследок выглянем в окошко, ведь никогда больше не доведется! Вот бы церковная колокольня сейчас рухнула да порешила нас всех в одночасье!....

Но Атали по-прежнему сидела на лавке и все ждала, не сводя глаз с настенных часов. А они уже показывали полдень.

Бледный лучик надежды слабо светился перед нею в египетской тьме. Возможно, капитан постеснялся пробираться сквозь толпу и выждал, пока тоскливый обряд разорения будет над ними свершен, а теперь, когда двор опустел, он, наверное, придет.

- Кто-то идет, не слышишь?

- Не слышу, доченька, моя раскрасавица.

- Ну как же? По галерее кто-то идет, тихо, будто на цыпочках.

Действительно, послышались тихие шаги, и кто-то постучал в дверь кухни - вежливо, как гость, который испрашивает разрешения хозяев и, лишь дождавшись отклика "войдите!", тихонько отворяет дверь и входит, загодя сняв шляпу и отвесив учтивый поклон... Михай Тимар, господин Леветинцкий.

Поклонившись дамам, Тимар остановился у двери.

Атали поднялась, устремив на него взгляд, полный разочарования и ненависти, госпожа Зофия, ломая руки, поглядывала на него со страхом и робкой надеждой, Тимея спокойно и кротко смотрела ему прямо в глаза.

- Я, - начал Тимар, ставя это слово на первое место, как какой-нибудь папа римский в своей булле, - я приобрел сейчас на аукционе этот дом и все, что в нем продавалось. Купил не для себя, а чтобы передать тому единственному человеку, кого в этом доме нельзя купить и кто для меня единственное сокровище на свете. Барышня Тимея, с сегодняшнего дня вы - хозяйка этого дома. Здесь все как есть ваше: платье и драгоценности в шкафах, лошади в конюшне, ценные бумаги в кассе, - все, как было опечатано судьями. Все записано на ваше имя, и кредиторы Бразовича удовлетворены по всем статьям. Отныне вы в этом доме госпожа и хозяйка. Примите его от меня в дар... И если бы сыскался в вашем доме крохотный уголок для такого тихого человека, как я, кто дерзнул бы вам докучать лишь своим почтительными восхищением, и если бы вы предоставили мне этот уголок... если бы в вашем сердце нашлось для меня крохотное прибежище и вы не отвергли бою мою руку - я был бы безгранично счастлив и, клянусь, не было бы в моей жизни иной цели, кроме как сделать вас счастливой в благодарность за то, что вы осчастливили меня.

При этих словах лицо Тимеи озарилось дивным сиянием. Лучи благороднейших чувств: непередаваемой муки, девичьего целомудрия, сердечной признательности, святой жертвенности - слились воедино в этом свете.

"Трижды... трижды..." - беззвучно шептали ее губы, и каждый нерв, как натянутая струна, отзывался на это слово. Этот человек столько раз спасал ее, он был так добр к ней! Никогда не насмехался над нею и не льстил. И вот теперь он предлагает все что душе угодно.

Все ли? Кроме одного.

Но ведь то, единственное, все равно потеряно для нее и принадлежит другой.

Закончив свою речь, Тимар спокойно ждал. Тимея долго молчала.

- Не спешите с ответом, барышня Тимея, - произнес наконец Тимар. - Я согласен ждать вашего решения. Зайду завтра или через неделю, когда вы позволите. Вы останетесь владелицей всего, что я вам вручил, все записано на ваше имя и не оговорено с моей стороны никакими условиями. Вы свободны и теперь ни от кого не зависите. Если вы не желаете больше видеть меня в этом доме, только слово скажите. Можете подумать над ответом неделю, месяц, а то и год.

Тимея с решительным видом вышла из своего закутка у плиты, куда ее оттеснили обе дамы, подступила к Михая. Во взгляде ее отражалась зрелая серьезность, придавшая всему ее облику женское достоинство. В тот роковой день свадьбы кончилось ее детство, она стала повзрослему серьезной и молчаливой. Спокойно глядя Михая в глаза, она произнесла:

- Я уже все обдумала.

Госпожа Зофия с ревнивым злорадством ждала, что скажет Тимея. Ах, если бы она сказала Тимару: "Не нужен ты мне, ступай прочь!" Ведь с такой сумасбродной девчонки станется, к тому же ей задурили голову рассказнями о другом красавце. И тогда Тимар сгоряча отрежет: "Ну и оставайся сама по себе, не видать тебе ни дома, ни моей руки; предлагаю и то и другое барышне Атали!" "И возьмет в жены Атали - сколько раз бывали такие случаи, когда заносчивая девица отвергала достойного просителя, а тот в отместку тотчас же просил руки у гувернантки или горничной.

Однако этой надежде госпожи Зофии не суждено было сбыться.

Тимея, протянув руку Михаю, тихим, но твердым голосом проговорила:

- Я согласна стать вашей женой.

Михай сжал протянутую ему руку не с пылкостью юного влюбленного,, но с почтительностью любящего мужчины и погрузил долгий взгляд в дивные, неземной красоты, глаза Тимеи.

Девушка позволила ему заглянуть ей в душу.

- Я выйду за вас замуж, - повторила Тимея, - и буду вам верной, послушной женой. Лишь об одном прошу вас, и ради всего святого, не отказывайте мне в моей просьбе.

Михай от счастья потерял голову; он забыл, что коммерсанту ни в коем случае нельзя ставить свою подпись на чистом листе бумаги.

- О, только скажите! Любой ваше желание будет исполнено.

- Прошу вас, - сказала Тимея, - если уж вы берете меня в жены и если этот дом станет вашим домом, а я - хозяйкой в нем, дозвольте моей приемной матери, которая меня, сироту, опекала, и названной сестрице, с которой я жила бок о бок, остаться тут с нами. Считайте их моими родными матерью и сестрой обращайтесь с ними как следует....

У Тимара против воли навернулись слезы.

Тимея, заметив эти предательские слезы, обеими руками схватила руку застигнутого врасплох Тимара и горячо атаковала его:

- Вы ведь не откажете мне в моей просьбе, не правда ли? Вернете Атали то, что принадлежит ей, - и наряды, и драгоценности? И пусть она живет с нами, а вы будете к ней добры, как к моей родной сестрице! И маму Зофи станете называть так же, как я, верно ведь?

При этих словах госпожа Зофия громко взвизгнула и, бросившись на колени перед Тимеей, принялась с неудержимой страстью осыпать поцелуями ее одежду, колени, ноги; с губ ее срывались какие-то невнятные, бессвязные крики.

Тимар утер глаза, и в следующее мгновение к нему опять вернулся трезвый рассудок; он вновь обрел свою способность видеть наперед и избегать необдуманных шагов - способность, какая выручала его в трудные минуты и давала ему преимущества перед конкурентами. И на сей раз его спасла собственная находчивость, вмиг подсказавшая ему, как предотвратить будущие осложнения.

Он нежно сжал руки Тимеи.

- У вас благородное сердце, Тимея! Вы позволите мне вас так называть?... И мне бы не хотелось отставать от вас в благородстве. Встаньте с колен, мама Зофия, и не плачьте; скажите Атали, чтобы подошла поближе. Я хочу сделать для нее и для вас больше того, о чем просила Тимея: предоставить Атали не пристанище, а счастливый дом. Внесу за жениха денежную гарантию и дам ту сумму, какую покойный отец обещал ей в качестве приданого. Пусть они будут друг с другом счастливы!

Тимар сумел прозреть даже такие дали, которые уходили за пределы горизонта, он подумал: не такой жертвы, на какую бы он не пошел, лишь бы убраться этих женщин подальше от своего дома и от Тимеи и лишь бы бравый капитан женился на красавице Атали!

Теперь настал его черед выдержать натиск благодарственных поцелуев госпожи Зофии.

- О, господин Леветинцкий! Благодетель вы наш великодушный, дайте поцеловать ваши руки-ноги, вашу светлую голову!

Госпожа Зофия выполнила всю обещанную программу, а сверх того чмокнула Тимара в плечика, в шею в спину, а под конец обняла обоих - Михая и Тимею, горячо произнесла слова благословения: "Будьте счастливы!".

Нельзя было без улыбки смотреть, как безудержно радуется бедная женщина.

Однако Атали отравила всеобщую радость.

Гордо - точь-в-точь падший ангел, который покаянию предпочитает вечные муки, - она отвернулась от Тимара и сдавленным от негодования голосом проговорила:

- Благодарю, сударь. Но мне господин Качука больше не нужен - ни в этой жизни, ни в загробной! Заму за него я не пойду. Я остаюсь здесь, при Тимее - служанкой.

"Ничей" остров.

Женитьба на алебастровой статуе.

Тимар был безмерно счастлив своему обручению с Тимеей.

Неземная красота девушки покорила его душу с первой встречи. Тимар восхищался ею.

Кроткость Тимеи, в которой он убедился впоследствии, снискала его уважение. Гнусная игра, какую Бразовичи вели с девичьим сердцем, вызывала в нем благородное сочувствие к девушке, а легкомысленное ухаживание красавца капитана возбуждало ревность. А ведь все эти чувства - свидетельства любви.

И вот теперь мечта сбывается: прекрасная девушка принадлежит ему, она станет его женою.

А душа его избавится еще от одного тяжелого груза: от самообвинения. Ибо с того дня, как Тимар обнаружил на затонувшем судне сокровища Али Чорбаджи, душевному покою его пришел конец; после каждой удачной сделки обличающий внутренний голос твердил: все это не твое, ты завладел имуществом несчастной сироты! Говорят, ты удачливый человек?

Неправда! Золотой Человек? Какое там! Бессовестный вор, вот ты кто такой!

Теперь эта тяжба окончена. Внутренний судья произносит оправдательный приговор.

Обокраденной сироте возвратится ее собственность, к тому же приумноженная вдвойне. Тем, что принадлежит мужу, владеет и жена. Ей никогда не узнать, что основы этого громадного состояния некогда были ее собственностью; она знает лишь, что теперь это все ее. Тем самым и судьбу удалось задобрить.

Но удалось ли?

Тимар не подумал, что его рассуждение сродни софизму. Ведь к возвращенным Тимее сокровищам он навязал еще и себя в придачу и в обмен на богатства просил у девушки ее сердце. А это есть насилие, обман.

Тимар хотел как можно скорее начать семейную жизнь. Ему не грозили проволочки, так как не требовалось шить-вышивать наряды невесте, он все приобрел в готовом виде у лучших торговых домов Вены, а подвенечное платье Тимее создал знаменитейший парижский модельер, так что невесте не было нужды шесть недель трудиться над ним, как над тем, первым. А первое - двукрат злополучное - платье упрятано в стенной шкаф, куда никто никогда не заглядывает. И оттуда его никто и никогда не достанет.

Однако по-прежнему оставались препятствия духовного порядка: ведь Тимея все еще была не крещеная.

Тимар вполне естественно желал, чтобы Тимея, если уж он а переходит из турецкой веры в христианскую, стала протестанткой, тогда она сможет ходить в церковь вместе с мужем.

Но туту протестантский священник заявил, что прежде всего неофитке должно ознакомиться с основами той религии, в лоно которой она желает вступить. И поскольку здесь мало видеть и

слышать, как, скажем, в греческой церкви, а надобно и разуметь - ведь протестантская вера основывается на разумении, на работе мысли, - значит, девице придется подучиться церковным наукам; тогда она сама сможет убедиться, насколько те догматы, которым она отныне намерена следовать, разумнее, рациональнее, обоснованнее тех, которые до сих пор держали ее в плену заблуждений.

Но вот ведь беда: магометанская вера и не разрабатывала никаких догматов для женщин. Восточные женщины не являются членами религиозной общины, им не разрешается присутствовать на богослужении вместе с мужчинами, таблица Михраба, указующая на Мекку со стены любого магометанского храма, лишена для них какого бы то ни было смысла, ритуальные омовения Абдест, Гизым или Тухрет их ни к чему не обязывают, равно как и строжайший пост Рамадан или праздник Байрам. Женщины не совершают паломничество в Мекку к Каабе, не припадают устами к священному камню, не пьют из источника Земзем; женщин священнослужитель не венчает в храме, не обучает закону божьему, не подтверждает, не исповедует, женщинам и души-то не дано; для них не существует загробного мира, за ними в смертный час не является ангел Азраэль, отделяющий душу от плоти, ангелы Мункар и Накир не выспрашивают у них после смерти, что доброго и что дурного содеяли они в своей брэнной жизни. Их не омывают в источнике Измаила, не сталкивают в яму Морзута, их не воскрешает после смерти трубный зов ангела Исрафима. У них на лбу не начертано слово "мумен" ("верующий"), они не перебегают через мост Аль-Сират и не сваливаются с него в какой-либо из семи кругов преисподней, среди которых наиболее прохладный - Геенна огненная, а следующие за нею Ладана, Хотима, Саир, Сакар, Яхим и Аль-Хавият постепенно "поддают жару". Женщинам нет нужды бояться пекла, но зато и рая им не видать, они не попадают под сень огромного дерева Туба, поскольку у мужчин нет в них никакой надобности: их-то в раю поджидают вечно юные гурии - по семьдесят семь девственниц на каждого праведника. Магометанская женщина - всего лишь цветок, не более того, увянет и облетит; а душа ее - цветочный аромат, подует ветер и унесет без следа.

А посему его преподобие взял на себя весьма трудную задачу, возжелав обратить Тимею в разумную и ясную протестантскую веру. С неофитами из иудеев или папистов ему уже приходилось иметь дело, но турчанок пока не попадалось.

В первый же день, когда его преподобие расписывал перед Тимеей прелести потустороннего мира, говоря, что на небесах нас ждет встреча со всеми близкими, кого ты любила и кому принадлежали сердцем на земле, девушка ошарашила его вопросом:

- Каждый встретится на том свете с человеком, кого он любил, или же с кем его обвенчал священник?

Вопрос был весьма каверзный, однако его преподобие как истый пуританин нашел достойный ответ:

- Поскольку исключено, чтобы человек любил другого, а не того, с кем обвенчан, и нелегко, чтобы он не любил того, с кем его соединил узами брака священник, то нет здесь никакого противоречия. .

Однако священник счел за благо не сообщать Тимаре об этом разговоре.

На следующем уроке Тимея поинтересовалась, очутится ли на том свете вместе с нею и ее отец, Али Чорбаджи.

Его преподобие затруднился с ответом на столь щекотливый вопрос.

- Но я ведь и мат буду женою господина Леветинского? - с жадным любопытством допытывалась Тимея.

Тут уж священник с великодушной радостью отвечал, что, по всей вероятности, так оно и будет.

- Ну, если мы окажемся в царстве небесном вместе с господином Леветинским, то я попрошу его уделить местечко и для моего несчастного отца, чтобы он тоже был с нами. И господин Леветинский мне не откажет, правда ведь?

Его преподобию только и оставалось, что крепко почесать в затылке да посулить новообращенной, что он доведет ее скрупулезный вопрос до Святейшего синода.

На третий день его преподобие сказал Тимару, что хорошо бы барышню окрестить да обвенчать, а уж в остальные религиозные догматы посвятит ее со временем будущий супруг. В ближайшее воскресенье и свершилось святое таинство. Тимея впервые попала тогда в протестантскую церковь.

Этот строгий храм с гладко побеленными стенами, простым, без позолоты, амвоном произвел на нее совсем иное впечатление, чем та церковь, откуда ее однажды прогнали злые мальчишки. Там был раззолоченный алтарь, в серебряных канделябрах горели массивные восковые свечи, стены были сплошь увешаны святыми образами, курился ладан, звучало таинственное пение и по звонку колокольчика молящиеся опускались на колени; все эти зрительные образы и звуки будоражили фантазию. Здесь же на длинных скамьях сидят по отдельности мужчины и женщины, каждый кладет перед собою псалтырь, и стоит только кантору начать, вся паства подхватывает псалом и поет до конца.

А когда все смолкают, на кафедру восходит священник и приступает к проповеди без всякой торжественной церемонии - не поет песнопений, не прикладывается к чаше, не указывает перстом, только знай себе говорит. Тимея из его речей ничего не понимает. Но вот что самое для нее удивительное: в церкви полным-полно женщин, и все два часа они молчат, не пикнут, рта не раскроют, даже шепотом с соседкой не перемолвятся. Жуткая церемония! Такое огромное скопище женщин, лишившихся дара речи на целых два часа. Даже воскликнуть "аминь!" в конце проповеди и то им не дозволено.

Тимея сидит в первом ряду у кафедры, подле нее - супруга куратора, будущая крестная мать, кто поведет ее к купели; крестным отцом будет сам господин куратор.

Эта церемония тоже не дает никакой пищи воображению. Сперва его преподобие произносит у купели какие-то заумные речи, но после и он замолкает; новообращенная склоняет перед купелью главу, и священник во имя святой троицы нарекает ее Жужанной - такое имя выбрали для нее крестные родители.

Затем священник обращается к крестным отцу и матери с поучением, перечисляя их обязанности, после чего крестная мать ведет новообращенную обратно к скамье. В это время прихожане встают и читают молитву - про себя, вслух молится лишь пастор, - а Тимея размышляет, с какой это стати нарекли ее Жужанной, если она была вполне довольна своим прежним именем.

Прочтя молитву, верующие вновь садятся, а кантор заводит приличествующий случаю псалом "Пастырь Израиля! Внемли", что повергает Тимею в некоторые сомнения: уж не причислили ли ее к иудеям?

Наконец все ее тревоги развеял другой пастор, помоложе; взойдя на кафедру, он произнес прекрасную проповедь, после чего вынул из молитвенной книги какую-то бумагу и зачитал оглашение: мол, наш брат во Христе, кальвинистскую веру исповедующий, высокородный дворянин, достославный господин Михай Тимар Леветинцкий обручается с девицей Жужанной Тимеей Чорбаффи кальвинистского вероисповедания, дочерью усопшего высокородного дворянина, достославного господина Али Чорбаффи.

И превеликое скопище женщин ни единым словом не откликается даже на эту незаурядную новость.

Тимея примирилась с происшедшим.

От первого оглашения до свадьбы необходимо было выждать две недели. Михай каждый день навещался к Тимее. Девушка всякий раз встречала его с искренней приветливостью, и Михай в предвкушении блаженства был на седьмом небе.

При каждом своем визите он заставлял Тимею в обществе Атали; правда, компаньонка находила предлог удалиться, однако вместо нее в комнате появлялась госпожа Зофия.

Мама Зофия осыпала Михая всяческими похвалами. Уж до чего нежная да ласковая у него невеста, и с какой благодарностью поминает она славного, доброго Михая: ведь он так

трогательно о ней заботился, когда они плыли на "Святой Варваре", спас ее от кораблекрушения и от турецкого плена; едва не утонул из-за нее, а затем спас ее с тонущего судна, да еще и вернулся обратно, чтобы отыскать под водой ларец со всем ее богатством. И как в опасные минуты отвлекал ее внимание разными историями и преданиями, и как отыскал для нее убежище на пустынном острове, и как выхаживал ее, хворую, - не будь его, она бы наверняка умерла... Все эти мельчайшие подробности мама Зофия могла узнать лишь от самой Тимеи, и Михай чувствовал себя счастливым, оттого что Имея их помнит. Если она рассказывает об этом госпоже Зофии, то, значит, все же любит его, полагала Михай.

- Ах, господин Леветинский, если бы вы знали, как она к вам привязана! И Тимея не смущалась, слыша подобные высказывания. Не жеманничала, застенчиво возражая, но и не подтверждала их правоту невинным румянцем. Она выказывала себя с Михаем скромной, серьезной и послушной. Позволяла ему держать ее руку в своей, долго смотреть ей в глаза, при встрече и прощании пожимала ему руку и одаривала улыбкой.

А госпожа Зофия ухитрялась день ото дня радовать Михая какой-нибудь новой подробностью из рассказов Тимеи о нем. Тимар уверовал, что он-то и есть тот счастливец, кому уготована ее любовь.

Настал день свадьбы.

Вдоль улицы длинной вереницей выстроились кареты гостей, собравшихся из далеких краев, - как в тот злополучный день. Но на сей раз никакое несчастье не нарушило торжественную церемонию.

Жених повез невесту в церковь из бывшего дома Бразовича, который ныне стал ее собственностью. Свадебный пир был устроен в доме жениха, и мама Зофия не позволила отстранить себя от предпраздничной подготовки. А вот Атали осталась в одиночестве, в бывшем отчем доме, и, спрятавшись за шторой, следила, как одна за другой проезжали мимо кареты с шаферами и подружками, с невестой, а затем с женихом, следила у того самого окна, где некогда в роковой день она поджидала прибытия собственного жениха.

Она дождалась и той минуты, когда кареты мимо дома Бразовича промчались обратно - теперь жених и невеста сидели в одном экипаже, - и долго смотрела им вслед. И если весь верующий люд молился сейчас о новобрачных, то и она наверняка просила о чем-то бога для них!

Тимее свадьба вовсе не показалась такой прекрасной, как ее расписывала мама Зофия. На пасторе не было ни парчового облачения, ни золоченой митры, священнослужители не вынесли серебряных венцов, дабы обвенчать новобрачных, не скрасили церемонию божественным песнопением. Жених в дворянском бархатном платье с аграфами и оторочкой из лебяжьего пуха выглядел весьма импозантно, только все время стоял потупясь: не научился он держать голову так высоко и гордо, как положено при дворянском парадном облачении.

Напрасно прождала Тимея и того трогательного момента, когда жениха и невесту покрывают шелковым покрывалом и они впервые как бы остаются наедине под этой святой сенью, а священник, взяв их за руки, трижды обводит вокруг аналоя. Ничего этого не было: ни питья из общей чаши, ни священного поцелуя перед алтарем, да и самого алтаря тоже не было. Был только пастор в черном облачении, который произносил очень умные слова, однако куда более заставляюще прозвучало бы сейчас "Господи, помилуй!". Жених и невеста даже не опускались на колени друг подле друга, так и были обвенчаны стоя. Протестантская свадьба, лишенная каких бы то ни было пышных церемоний, совсем не затронула буйного восточного воображения невесты: ведь Тимея из всего брачного таинства способна была понять лишь внешнюю его сторону.

Возможно, она поймет со временем?

Пышный свадебный пир закончился, гости разошлись по домам, невеста осталась в доме жениха.

Когда Михай наконец-то очутился наедине с Тимеей, когда сел подле нее и взял ее за руку, он почувствовал дрожь в сердце; и дрожь охватила все его существо.

Недосыгаемое сокровище, обладания коим он столь жаждал, теперь принадлежало ему. Стоит только протянуть руку, чтобы привлечь Тимею к груди... Но он не решался, скованный волшебными чарами.

А она - женщина, жена - не ощущает его близости. Ее не бросает ни в жар, ни в холод.

Если бы она хоть раз потупилась в испуге, когда пальцы Михая коснулись ее плеча, если бы вспышка целомудренного румянца хоть раз озарила ее белое лицо, чары, сковывающие Михая, были бы разрушены... Но она неизменно холодна и бесстрастна, как сомнамбула.

Михай видит перед собою все то же безжизненное существо, которое он той роковой ночью пробудил от смертного сна, которое сидело тогда на краю постели подобно алтарному образу, источающему хлад; белый лик Тимеи не меняет своего выражения, ни когда ночная сорочка обнажает ее плечи, ни когда слуха ее касается ужасная весть о смерти отца, ни сейчас, когда ей, юной жене, на ухо шепчут: "Любимая моя!".

Это алебастровая статуя - податливая, гибкая, покорная, но не живая. Смотрит на тебя, не взгляд ее не выражает ни поощрения, ни запрета. Делай с нею что угодно, она все стерпит.

Хочешь высвободи ее дивные, блестящие волосы и распустит их по плечам, коснись жаркими губами белого лица - оно не воспламенится.

Михаю кажется, что привлеки он к своей груди это ледяное существо, и чары развеются; но тотчас же дрожь охватывает его еще сильнее. Ведь это было бы равносильно греху, которому противятся и здравая натура, и ангел-хранитель, противится все его естество.

- Тимея! - с мольбою шепчет он. - Понимаешь ли ты, что теперь ты моя жена?

Тимея, спокойно глядя ему в глаза, отвечает:

- Понимаю.

- Любишь ли ты меня?

Большие синие глаза Тимеи распахиваются широко-широко, и взгляд этих глаз открывает супругу так много, словно ему удалось на миг заглянуть во все тайны звездного неба. Но вот глаза ее скрываются за длинными, шелковистыми ресницами.

- Ты не испытываешь ко мне любви? - со страстны вздохом умоляюще вопрошает супруг.

Опять тот же взгляд! И белолицая женщина спрашивает:

- Что это - любовь?

Что есть любовь? Всем мудрецам мира не под силу объяснить это тому, кто не чувствует сам.

Что есть любовь? Тому, кто может это объяснить, не требуется ни единого слова.

- О дитя! - вздыхает Тимар и, отстраняясь от супруги, встает. Тимея тоже поднимается.

- Нет, мой господин, я вовсе не дитя. Я знаю, кто я есть: ваша жена. Я обещала вам и поклялась перед Господом быть вам верной, послушной женою. Таков мой удел. Вы сделали мне столько добра, что я обязана вам по гроб жизни. Вы - мой супруг и повелитель, и я всегда буду угождать вашим желаниям и поступать как прикажете. Михай отвернулся и закрыл лицо руками.

Этот взгляд, полный самоотречения, остудил в крови его всяческие желания. У кого достало бы мужества приставать с объятиями к страстотерпице, к статуе святой мученицы с пальмовой ветвью в руках и терновым венцом на главе? У кого вскипела бы кровь при виде призрака, бесплотной тени своей некогда усопшей невесты?

"Буду делать, сто прикажете!".

Михай начал догадываться, сколь бесславную победу он одержал: женился на сказочно прекрасной алебастровой статуе!

Демон-хранитель.

Должно быть, и с другими мужьями случалось так, что они не находили пути к сердцу жены. Вероятно, и другие в таких случаях полагались на врачующее время. Как можно противиться зиме? Дождаться весны.

Дочь родителей-мусульман дома воспитывалась, зная, что до свадьбы не увидит лица человека, кто возьмет ее в жены. Ни родители, ни поп, ни муж не спрашивают ее, любит она или нет. Ее доля - покорность. Муж станет ее почитать, а если уличит в неверности - убьет. Главное, чтобы у будущей жены либо красивое лицо, живые глаза, густые волосы и здоровый дух изо рта; сердцем ее никто не интересуется.

Однако в доме приемного отца девушка усвоила другое. Оказывается, любовные мечты у христиан дозволены и даже, более того вполне доступны; но стоит только поддаться этим мечтам, и тебя не лечат от них, как больного, а наказывают, как грешника. Она, Тимея, выстрадала эту науку.

Выходя замуж за Тимара, Тимея словно бы всей своей крови до последней капли наложила запрет отзывать на какое-либо иное чувство, кроме чувства женского долга. Ведь дай она волю своим мечтаниям, и тогда каждая капля крови подстрекнула бы ее пойти тем путем, что проделала однажды ночью другая девушка, дважды споткнувшись впотьмах о распростертое тело гулящей бабы. Но для нее, Тимеи, споткнуться, оступиться значило бы предать смерти свою душу. Она погребла в себе свое чувство, заморозила свою душу. И вышла замуж за человека, которого уважала, которому была благодарна и желала стать верной спутницей жизни.

Обычная, будничная история. И каждый, с кем она случается, утешает себя: мол, придет весна и растопит застылое сердце.

После женитьбы Михай увез молодую жену в свадебное путешествие. Они объездили Швейцарию, Италию и возвратились с тем же, с чем уезжали. Ни пленительные долины Гельветии, ни ароматные рощи Италии не взрастили лекарственного средства на этот случай. Михай старался угодить молодой жене, осыпал подарками, на какие столь падки женщины: нарядами, драгоценностями, - познакомил ее с увеселениями больших городов, - все напрасно. Лунный луч не дает тепла даже в зажигательном стекле.

Молодая женщина была кротка, нежна, предупредительна, исполнена благодарности и послушания и лишь сердца своего нигде не находила: ни дома, ни в пути, ни в радости, ни в грусти. Сердце ее было похоронено.

Тимар взял в жены мертвую женщину - с таким убеждением воротился он из заграничного вояжа. Он подумывал было насовсем оставить Комаром и перебраться в Вену - вдруг там начнется новая жизнь?

Но после надумал другое.

Он реши остаться в Комароме, приспособив для жилья бывший дом Бразовича; там он будет жить с женою. Свой же собственный дом отведет под контору с тем, чтобы деловая сторона его жизни никак не касалась другого дома, где живет его жена. Тогда он сможет весь день проводить вне дома и никому не бросится в глаза, что жена его пребывает в одиночестве. На люди они всегда появляются вместе. По гостям жена ходит с мужем; она дает ему понять, когда пора возвращаться домой, и удаляется под руку с супругом. Мужу все завидуют: какой счастливый человек, жена у него красавица, а уж до чего преданна!

О, если бы она не была так честна, так преданна, если бы можно было ее возненавидеть!

Но в ее поведении не к чему придраться.

И весне не удалось растопить сердечный лед. Ледяные торосы лишь возрастают день ото дня.

Михай клянет свою судьбу.

Ни за какие сокровища мира не в состоянии он купить любовь собственной жены. Богатство тут даже помеха: изобилие, роскошь лишь увеличивают расстояние меж ними. Четыре стены бедняцкого жилища лучше сближают тех, кто принадлежит друг другу. Любой батрак, корабельщик, все имущество которого одна комнатуха, одна постель и один стол, - куда счастливее. Дровосек тоже человек счастливый, ведь когда он пилит бревна, за другую пучку пилы держится его жена; окончив труд, супруги садятся рядышком на землю, едят фасолевый суп из одного горшка, а после трапезы целуют друг друга.

Итак, станем бедняками!

Возненавидев собственное богатство, Тимар решил от него избавиться. Обеднев, лишившись удачи, он станет ближе своей жене, - так он воображал.

Однако обеднеть оказалось не так-то просто. Удача благосклонна к тому, кто ею пренебрегает. За какое бы дело, сулившее верный провал любому иному человеку, Тимар ни брался, его ждал блестящий успех; сама невероятная затея в его руках обретала стопроцентную надежность.

Кубик всегда выпадал шестеркой, и, даже пытаясь проиграть, Тимар непременно срывал банк.

Деньги текли к нему рекою, и, даже когда он бежал, скрывался от них, они настигали его.

А он отдал бы все до последнего гроша за один сладостный поцелуй собственной супруги.

Ведь, говорят, деньги всесильны. Сколько любви можно было бы купить за эти несметные богатства - любви фальшивой, неискренней, сколько сияющих, нежных улыбок, за которыми не кроется нежных чувств, сколько греховной, запретной любви, которую люди вынуждены таить! Не купить лишь любовь той единственной женщины, которая могла бы любить по-настоящему преданно и счастливо.

Тимару было бы легче возненавидеть жену. Заставить бы себя сердцем поверить, будто она любит другого, будто она неверна ему, нарушает свои супружеские обязанности.

Но для ненависти поводов нет. Никто никогда не видит госпожу Леветинцкую иначе, кроме как об руку с мужем. В обществе она держится с величайшим достоинством, пресекающим любые попытки к сближению. На балах не танцует и не скрывает причины тому: прежде ее танцевать не обучали, а теперь, мужней женой, учиться поздно. Компанию себе подбирает из женщин солидных, и если муж отлучается из города на неделю, она всю неделю из дома ни ногой.

Да, но как она ведет себя дома: ведь на людях человек весь на виду, а у дома стены не прозрачные.

О, на этот вопрос Михай располагал надежнейшим ответом.

В том доме вместе с Тимеей жила Атали.

Атали - не ангел-, но демон хранитель супружеской чести.

Каждый шаг и поступок, каждое слово и мысль, каждый вздох и украдкой оброненную слезу, даже отголоски потаенных снов и мечтаний юной супруги неотступно стережет другая женщина; она одинаково ненавидит и мужа, и жену и не замедлила бы повергнуть обоих в несчастье, подметь она хоть тень греха в стенах этого дома.

Если бы Тимея, заклиная Михая позволить Атали и госпоже Зофии и впредь оставаться в одном доме с нею, поддалась в тот момент не только доброму сердечному побуждению, но и некоему иному чувству, ей не придумать бы более совершенного средства самозащиты, чем удержать возле себя эту девушку - бывшую невесту человека, с которым ей, Тимее, даже встречаться заказано.

Жгучие, ненавидящие глаза Атали преследуют ее повсюду.

Покуда демон-хранитель молчит, даже сам Господь бог не осудит Тимею.

А Атали молчит.

Атали стала для Тимеи поистине домашним злым духом не только в главных устремлениях жизни, но и в ее мелочах.

Ни одно, даже самое мельчайшее обстоятельство не ускользало от ее внимания, и она пользовалась любым подходящим случаем, чтобы сделать Тимее наперекор. К примеру, она вбила себе в голову, что Тимея нарочно, из желания похвастаться своим великодушием по сую пору почитает ее как сестру и такую же госпожу в доме, как и она сама, Атали назло ей подчеркивала перед людьми, что она всего лишь служанка.

Тимея каждый день силой отбирала у Атали щетку, когда та являлась убирать ее комнату, но стоило ей чуть отвернуться, как Атали принималась начищать одежду своей госпожи. А уж если к обеду бывали званы гости, то Атали попросту невозможно было вытащить из кухни.

Атали в нетронутom виде получила от Тимеи полный арсенал своих нарядов и украшений; весь гардероб был забит платьями из мериносной шерсти, пуха тибетской козы и граденапля, однако Атали выбрала себе самое поношенное и грязное платье, в котором когда-то только

причесывалась, и носила его не снимая. При этом ей доставляло радость прожечь на нем дырку у плиты или, заправляя лампу, посадить масляное пятно: она знала, что это лучший способ вызвать досаду Тимеи. Драгоценности, стоившие больших денег, Атали также все до единой получила обратно, однако и не думала их носить, купила себе за десять крейцеров брошку со стеклом вместо камня и прикалывала ее.

Тогда Тимея выкрала у нее эту брошку и отдала ювелиру заменять кусочек стекла благородным опалом; грязные, заношенные платья все бросила в огонь, а для Атали заказала наряд из той же ткани, что были сшиты и ее собственные туалеты.

О, Тимею нетрудно было огорчить, зато рассердить было невозможно.

В разговоре с Тимеей Атали усвоила невыносимо подобострастную манеру, зная, что это больно задевает Тимею. Стоило Тимее о чем-то попросить ее, а и Атали с такой готовностью бросалась выполнять поручение, словно рабыня-негритянка, которую подхлестывают бичом. У нее даже голос менялся, когда она говорила с Тимеей. Ее естественный тон пропадал без следа, уступая место какому-то невероятно высокому, пискливому голосу, полному угодливой лести; она терзала Тимею, с приторной ласковостью сюсюкая с ней, и даже шепелявила, точно обращаясь к неразумному младенцу: "Крашавица Тимея, шладкая моя, шердце мое!".

Заставить Атали говорить ей "ты" Тимее и вовсе не удавалось. Однако самым утонченным измывательством с ее стороны было постоянное восхваление супругов друг перед дружкой; тут Атали оказывалась поистине неистощима на выдумки.

Оставаясь наедине с Тимеей, она завистливо вздыхала: "Ах, Тимея, какая вы счастливая! У вас прекрасный муж, и он так любит вас!" Стоило прийти домой Тимару, и она с невинным видом осыпала его упреками: "Что же вы так долго пропадали? Тимея заждалась вас, прямо места себе не находит. Сделайте ей сюрприз: войдите потихоньку и закройте ей сзади глаза; пусть угадает, кто это".

И супругам приходилось сносить эти оскорбительные до глубины души издевки, прячущиеся под маской подобострастия, угодливости, ласки. Ведь они не были счастливы, и Атали это прекрасно знала.

Ее усмешливое лицо повсюду подкарауливало их в собственном доме, настигало в самом укромном убежище, от этой навязчивой мести, раздражающего раболепия, язвительной угодливости невозможно было скрыться.

И оба сносили это.

Зато когда Атали оставалась одна, когда сбрасывала маску, столь мучительную и для нее самой, и для других, уж тут-то она давала волю злости!

Уединившись в своей комнате, нещадно колотила она об пол злополучную щетку, которую давеча позволила Тимее выхватить у себя из рук, ручкой щетки со всей силы обрушивала удары по чем попадя. Притворялась, будто выбивает пыль из стульев и кушеток, а на самом деле давала выход своей злости. Если шлейф платья ненароком застревал в дверях или рукав цеплялся за дверную ручку, Атали, скрипнув зубами, делала сильный рывок, и тут уж, к ее радости, либо платье рвалось, либо дверная ручка отскакивала напроць. Разбитые чашки-тарелки, треснутые бокалы, хромые стулья свидетельствовали о тех несчастных минутах, когда вынуждены были остаться наедине с Атали.

В особенности доставалось одному безответному объекту, на который Атали обычно разом изливала свою копящуюся по капле ярость. Безответный объект этот вовсе и не был лишен дара речи, просто он имел несчастье доводиться Атали матерью. Мама Зофия норовила, бедняжка, держаться от дочери подальше и пуще огня боялась остаться с ней с глазу на глаз. Она была единственным человеком в доме, кто слышал истинный голос Атали, кто каждый день имел возможность заглянуть в бездонный омут ненависти, переполняющей душу дочери. Госпожа Зофия боялась спать в одной комнате с дочерью и в минуту откровенности показала кухарке свои испещренные синяками руки: то были следы прелестных ручек Атали. Стоило дочери, изнемогающей от сдерживаемой злобы, очутиться подле госпожи Зофии, как она, с вывертом уцепив мать за руку, шептала ей на ухо: "Зачем произвела меня на свет?".

А уж какое наслаждение доставляло ей пнуть ногой любимую собачку Тимеи!..

Не меньшую радость испытывала она, досаждая Тимее мелкими кляузами: слуги в доме никудышные, опять сколько добра перепортили, зато языками чесать да сплетни распускать - тут они первые. И на каждый день у нее находилось что донести Тимее.

Завершив очередной день, проеденный под знаком показной лести и скрытого неистовства, Атали отправлялась ко сну. Ей не требовалась ничья помощь, чтобы раздеться, - она срывала с себя одежды: шнуровка, затянувшаяся узлом, безжалостно обрывалась, пряди распущенных волос ни за что ни про что страдали под резкими рывками гребня, а если и гребню они не поддавались, Атали, зажав в кулаке, рвала их и дергала, словно волосы были не ее, а чьи-то чужие, словно они в чем-то провинились. Пнув ногой сброшенную на пол одежду, она задувала сальную свечу, позволяя тлеющему фитилю наполнить комнату удушливой гарью. Бросившись на постель, Атали впивалась зубами в подушку и грызла ее, мысленно рисуя картины адских мук. Сон приходил к ней поздней ночью лишь после того, как она слышала: где-то в глубине дома хлопнула дверь. Молодой супруг удалился в свою одинокую спальню. Эта мысль наполняла Атали радостью, и она засыпала.

Уж ей ли было не знать, что молодожены вовсе не счастливы!

Затаив злорадство, она ждала, к чему это приведет.

Ни муж, ни жена ничем не выдают себя.

Нет промеж них ни жарких перебранок, ни размолвок. Даже неосторожный вздох не вырвется ни у одного из супругов.

Тимея все та же, что прежде, только муж день ото дня становится мрачнее. Битый час просиживает он подле жены иной раз, держа ее руку в своей, но в глаза ей не взглянет; затем встанет и удалится, не сказав ни слова. Мужчины не столько умеют властвовать своими чувствами, как женщины.

Одно время Тимар взял за обыкновение, отправляясь в какую-нибудь поездку, говорить, к какому сроку его ждать, а на самом деле возвращался раньше. А то наведается к жене в неурочный час, когда его никто не ждет. Делает вид, будто вернулся домой ненароком, и не желает выказать, что его влечет домой. Но причина у него на лице написана. Его терзают подозрения. Он боится.

В один прекрасный день Михай объявил дома, что должен отбыть в Левтинц, откуда возвратится лишь через месяц. Все дорожные приготовления указывали на то, что он действительно собирается долго пробыть в отлучке.

Когда супруги при расставании обменялись поцелуем - холодным, показным, условным поцелуем, - Атали присутствовала при этом. Она улыбалась.

Иной, пожалуй, и не заметил бы это улыбки, не почувствовал бы заключенной в ней ехидства, какое ощутил Михай.

Злорадство, презрительная насмешка над одураченным мужем проскальзывали в этой улыбке, словно бы говорящей: "Скатертью дорожка!..".

И Михай занозой в сердце увез с собою эту коварную усмешку.

До полудня ехал он с этой тяжестью на сердце, держа путь к Леветинцу, а в полдень повернул повозку и к ночи возвратился в Комаром.

В его кабинет вел отдельный вход, а ключ от двери Михай всегда носил при себе, так что он смог проникнуть в дом, никого не ставя в известность о своем прибытии. Из кабинета, миновав смежную переднюю, можно было попасть в спальню Тимеи.

Его юная супруга не имела обыкновения запираť дверь своей спальни. Перед сном она подолгу читала, и горничная, как правило, заглядывала к ней, чтобы проверить, погашена ли свеча.

Позади спальни Тимеи находилась комната Атали и госпожи Зофии.

Михай неслышно приблизился к двери и осторожно приотворил ее.

В доме царила тишина, все обитатели его спали.

Молочно-белый абажур ночника приглушал свет, комната была погружена в мягкий полумрак.

Михай отдернул полог: перед ним покоилась на постели все та же спящая непорочная статуя, которую некогда ему с таким трудом удалось оживить в каюте "Святой Варвары". Вот и сейчас сон ее казался таким же глубоким. Она не почувствовала присутствия Михая, не видела его сквозь сомкнутые ресницы. А ведь женщина, если любит, способна даже во сне, с закрытыми глазами узреть любимого человека.

Склонившись над спящей Тимеей, Михай прислушался к биению ее сердца; оно билось ровно, спокойно.

Ни одной предательской приметы... Ни глотка пищи изголодавшемуся чудовищу, алчущему добычи.

Долго стоял Михай, глядя на спящую Тимею.

Вдруг он вздрогнул и, обернувшись, увидел перед собою Атали - совершенно одетую, с витой свечой в руках. И опять на губах ее играла все та же оскорбительно-насмешливая улыбка.

- Вы что-то забыли дома? - шепотом спросила она Михая. Михай дрожал, словно вор, застигнутый врасплох.

- Тс-с! - он сделал знак в сторону спящей и поспешно отошел от постели. - Я забыл дома бумаги.

- Разбудить Тимею. Чтобы она вам их выдала?

Тимар был крайне раздосадован, что впервые в жизни позволил уличить себя во лжи. Ведь все деловые бумаги находились не у Тимеи, а в его собственном кабинете.

- Не надо ее будить, бумаги у меня. Просто я искал ключи.

- Ну и как, нашли? - язвительно поинтересовалась Атали. Она зажгла свечу и предупредительно проводила Михая в его кабинет; поставила свечу на стол, но не ушла из комнаты.

Михай в растерянности перебирал бумаги, не находя нужных ему - ведь он и сам не знал, чего он ищет. Под конец он запер письменный стол, ничего не взяв оттуда.

И вновь столкнулся с язвительной улыбкой, время от времени скользившей по губам Атали.

- Вам что-нибудь угодна? - Спросила Атали, перехватив устремленный на нее вопрошающий взгляд.

Михай не отвечал.

- Хотите что-то от меня услышать?

У Михая кровь бросилась в голову. Он молчал, не в силах вымолвить ни слова.

- Хотите, чтобы я рассказала вам о Тимее? - прошептала Атали, склоняясь к нему ближе и завораживая змеиным взглядом своих красивых глаз и без того одурманенного мужчину.

- А что вы о ней знаете? - невольно вырвалось у Михая.

- Все. Хотите, чтобы я вам рассказала?

Михай колебался.

- Только предупреждаю заранее: вы будете глубоко несчастны, если узнаете все то, что знаю я.

- Говорите?

- Что ж, слушайте. Мне не хуже вас самого известно, что Тимея вас не любит. Да и вы не хуже меня знаете, кого любит Тимея. Но одного вы не знаете - это знаю только я: Тимея чиста перед вами, как ангел.

При этих словах Тимар вздрогнул.

- Вы ждали от меня другого, не правда ли? Вам приятнее было бы услышать, что ваша супруга достойна презрения, тогда вы могли бы возненавидеть ее, оттолкнуть от себя. Нет, сударь! Вы взяли в жены алебастровую статую, она не любит вас, зато верна вам. Об этом знаю только я, но знаю наверное. О. ваша супружеская честь находится под надежной охраной! Приставь вы к жене стоглазого Аргуса, и он не сумел бы стеречь ее лучше, чем я. О чем бы эта женщина ни думала, ни говорила, - мне известно до мелочей, и нет в потаенных уголках ее сердца сокровенных чувств, о которых бы я не прознала. Вы предусмотрительно позаботились о своей чести, взяв меня в дом. И при всей своей ко мне ненависти вы не прогоните меня, ибо знаете: пока я тут, человек, которого вы так боитесь, не посмеет и близко подойти к вашей семейной сокровищнице. Я - алмазный замок на дверях вашего дома... Итак, знайте всю правду.

Всякий раз, когда вы уезжаете из города, до тех пор, покуда вы не возвращаетесь обратно, ваш дом превращается в монастырь. Никаких визитеров - ни мужчин, ни женщин - здесь не принимают. Все письма, какие приходят на имя вашей супруги, вы можете найти у себя на письменном столе нераспечатанными. Хотите - читайте, хотите - бросьте в огонь, как вам угодно. Пока вы в отъезде, ваша жена даже на улицу не показывается, разве что в карете и в моем обществе. Остров - единственное место ее прогулок, но и там я всегда нахожусь рядом с нею. Я вижу, как она страдает, но не слышу от нее и слова жалобы. Да и разве стала бы она мне жаловаться? Мне, испытавшей те же муки, что и она. И все из-за нее. С тех пор, как это белолицее призрачное существо появилось в доме. Я несчастна. До той поры я была и любима и счастлива. О, не бойтесь, я не заплачу. У меня уж и любви не осталось, одна только ненависть, лютая ненависть. Вы спокойно можете оставлять на меня дом. Можете разъезжать по свету, куда вам вздумается, со спокойной душой: дома осталась я. И пока, возвращаясь, вы будете заставлять свою супругу в живых, можете быть уверены: она была вам верна. Ибо я, сударь, вздумай она перемолвиться с тем человеком хоть одним ласковым словом, обменяться с ним хоть одной приветливой улыбкой или прочесть хоть одно его письмо, не стала бы дожидаться вас, а сама убила бы ее, и вы подоспели бы домой лишь к похоронам. Теперь вы знаете, какое оружие оставляете дома: отточенный клинок, ревнивою рукою приставленный к сердцу вашей жены. Так вот, под защитой этого клинка вы можете, закончив день, спокойно отходить ко сну, и какое бы вы ни питали ко мне отвращение, вам без меня не обойтись.

Тимар чувствовал, как под напором этой зловещей страсти никнут его энергия и воля.

- Итак, я сказала вам всю правду о Тимее, о вас и о себе. Могу повторить еще раз. Вы взяли в жены девушку, которая любит другого; и этот другой прежде принадлежал мне. Вы погубили моего отца, отняли у меня этот дом, из-за вас все мое состояние прахом пошло... а хозяйкой в доме вы сделали Тимею. Что ж, судите сами, многого ли вам удалось добиться. Жена ваша - сущая мученица. Вы тоже страдаете, и страдания ваши стократ сильнее от того, что женщину, за обладание которой вы так боролись, вы сделали несчастной, ведь Тимее не видать счастья, пока вы живы, господин Леветинский. Вы покинете дом с этой раной в сердце, и нигде не сыскать вам целительного бальзама. А я этому только рада. Рада от всего сердца!

С пылающим лицом, сверкая глазами и злобно стиснув зубы, Атали склонилась над безвольно поникшим мужчиной и словно вонзила ему в сердце незримый кинжал.

- А теперь прогоните меня из дома... если сможете.

Лицо Атали утратило всякую женственность. В порыве необузданной страсти напускная покорность уступила место вызывающему высокомерию.

"Прогоните меня, если сможете!"

И горделиво, подобно торжествующему демону, она покинула кабинет. Даже свечу со стола прихватила с собою, оставив потрясенного Михая в темноте. Ведь теперь она в открытую заявила, что она не покорная служанка, а демон-хранитель этого дома.

Михай смотрел, как Атали с горящей свечою в руках приближалась к дверям в спальню Тимей, ему хотелось вскочить с места, схватить сатанинское отродье за руку, преградить ей путь и сказать: "Так оставайся же в этом проклятом доме, откуда я не могу тебя выгнать, не нарушив данного мною слова, но оставайся одна, без нас!" А затем ворваться к Тимее, как в тот роковой вечер, когда затонуло судно, схватить ее в объятия и с криком: "Дом рушится, надо спасаться!"

- бежать с нею отсюда и укрыть ее в таком месте, где никто не будет ее стеречь....

Эта мысль не давала ему покоя... Так надо было бы сейчас поступить.

Дверь спальни отворилась; Атали обернулась, посмотрела на него и вошла в спальню. Дверь захлопнулась, и Михай остался во мраке. В глухом, непроглядном мраке!

Затем он услышал, как в замке дважды повернулся ключ. Участь его была решена.

Он поднялся. В потемках, на ощупь собрал все необходимое в дорогу, не зажигая свет и стараясь не шуметь, чтобы не разбудить еще кого-нибудь в доме и утаить, что он возвращался. Покончив со сборами, он осторожно прокрался за дверь, неслышно запер ее на ключ и, как вор, как беглец крадучись, покинул собственный дом. На улице апрельская непогода встретила его

проливным дождем со снегом вперемешку. Лучше и не придумаешь для человека, который хочет остаться незамеченным.

Ветер со свистом, завывая, проносился вдоль улиц, снег сыпал в лицо, и в такую погоду, когда добрый хозяин собаку из дому не выгонит, Михай Тимар в открытой повозке тронулся в путь.

Весна в цвету.

Лихое ненастье преследовало путника до самой Байи. Зима не желала уступать весне, кое-где свежавыпавший снег покрывал поля, а деревья стояли совсем голые.

Под стать холодной ветреной погоде были и мрачные мысли Михая.

Атали высказала жестокую правду. В браке несчастлив не только муж, но и жена, только он несчастлив вдвойне, ибо именно он обрек их обоих на злую участь.

Каждый проступок требует возмездия. Обнаружив сокровища Тимеи, он присвоил их с намерением рано или поздно завоевать с их помощью и самое Тимею. Он добился своего и теперь наказан за это.

Бедняк - человек подлый, никчемный, зато он может быть счастлив; богачу почет и слава, зато отказано в счастье.

Но почему он должен быть несчастлив? Неужто его не за что любить, неужто он совсем лишен тех благородных качеств, за которые женщина любит мужчину? А гармоничные черты лица, выразительные глаза, здоровая, сильная натура, горячая кровь, любящее сердце - неужто недостойны ответной любви? Неужто женщина не способна полюбить его самого, даже будь он распоследний бедняк без гроша в кармане?

И все же Тимея не любит его, - таков постоянный ответ на все его мучительные вопросы.

"Эта женщина не может полюбить меня!" - горчайший укор для мужского сердца, он терзает пуще угрызений совести.

Но к чему тогда вся жизнь, какой смысл в бесконечной череде дней? Пахать, сеять, заниматься деловыми махинациями, грести деньги лопатой, чтобы потом начинать все сызнова? А может, лучше творить людям добро? Что ж, это последнее прибежище для души. Тот, кого не любят дома, ищет любви вне его стен.

Тот к, кого не любя дома, сажает деревья, уходит в помологию; то первая стадия. Затем человек увлекается разведением кур и прочей домашней живности. А когда душевная тоска доходит до крайней стадии, человек становится альтруистом, посвящает себя благотворительной деятельности. И чего он этим достигает? Есть ли смысл делать людям добро?

До самой Байи терзали Михая эти горькие думы, а там он устроил себе передышку. В Байе у него тоже была деловая контора, и, путешествуя по Большой Венгерской низменности, он наказывал всю свою корреспонденцию направлять сюда. Вот и сейчас его ждала целая пачка писем.

С полным равнодушием пробежал он глазами эти письма. Вымерзла или уцелела на полях сурепица, повысились ли таможенные сборы на английской границе, поднялись ли акции золотых и серебряных рудников, - не все ли равно?

Однако среди прибывшей сюда почты оказались два письма, обрадовавшие Михая: от его деловых представителей из Вены и Стамбула.

Оба письма содержали отрадные вести. Михай спрятал их в карман, и безразличие, доселе томившее его. Стало проходить. Вновь со свойственной ему решительностью отдавал он распоряжения своим доверенным лицам, внимательно выслушивал отчеты и, покончив с делами, сразу же ехал дальше.

Теперь его путь обрел свою цель. Правда, не какую-то возвышенную, а мизерную - но все же цель: доставить радость двум бедным людям. Но радость истинную.

А тут и погода переменялась: небо прояснело, солнышко стало пригревать вовсю, как обычно у нас бывает. Когда зима враз сменяется летом! К югу от Байи даже природа явила совсем иную картину.

Пока Михай на перекладных мчался к югу, природа спешила изо всех сил, вкладывая в один день результат недельных трудов. У Мохача леса встретили путника нежной дымкой первой зелени, в окрестностях Сомбора пашни отливали темно-зеленым бархатом, Нови-Сад порадовал глаз пестрой россыпью весенних цветов; на подступах к Панчеву равнины золотились полями сурепки, а холмы утопали под покровом розоватого снега: миндальные и абрикосовые деревья стояли в цвету. Двухдневное путешествие походило на сказочный сон. Еще позавчера в Комароме снег лежал белоснежной пеленою, а сегодня в низовьях Дуная деревья, одетые густой листвой, стоят в цвету.

Михай заночевал в своей леветинцской усадьбе; все распоряжения управляющему отдал с вечера, а наутро, поднявшись с первыми лучами солнца, продолжил путь, намереваясь провести свои грузовые суда на Дунае.

Там он застал все дела в наилучшем порядке. За флотилией присматривал Янош Фабула, а стало быть, присмотр был надежный.

- Отправлялись бы, ваше благородие, уток пострелять!

Господин Леветинцкий так и поступил, как советовал ему Янош Фабула. Велел спустить на воду небольшую лодчонку, загрузил туда недельный запас провизии, ружье-двустволку да побольше патронов. Никого не удивит, если он неделю пробудет в камышовых зарослях, где в эту пору полным-полно драгоценной дичи: стаями проносятся дикие утки, бекасы, и кроншнепы сами на выстрел летят. Не пренебрегают охотники и цаплей - ради перьев. Попадаются в камышах даже пеликаны и египетские ибисы, а если повезет, то встретишь и фламинго. Стоит только завязтому охотнику углубиться в заросли, и его потом не скоро дождешься. А Михай Тимар был страстный охотник, для каждого корабельщика это излюбленное развлечение.

Однако на сей раз Михай даже на зарядил ружье. Тихонько пустил лодку плыть по течению, пока она не поравнялась с оконечностью Остров, а там, налегая покрепче на весла, пересек Дунай.

Обогнув остров, он тотчас же узнал места.

Посреди простирающихся к югу камышовых зарослей, вздымаются верхушки знакомых тополей; туда Михай и направил свой путь.

В камыше уже проторен путь, ведущий вкось и вкривь, как позволял болотистый берег, однако бывалому человеку это не помеха. А Михай. Стоило ему хоть раз побывать в новом месте, потом и в темноте здесь не заблудится.

...Интересно бы узнать, что сейчас поделявают Альмира и Нарцисса. Знай себе охотятся на приволье - что еще делать в такую дивную весеннюю погоду?

Вот только в охоте их воля ограничена. На мышей охотятся лишь по ночам, значит, это занятие не для Альмиры; гоняться за птицами строжайше запрещено Нарциссе, зато для Альмиры под запретом находятся сурки, с позапрошлого года обосновавшиеся на острове: когда Дунай замерз, они по льду перебрались сюда с суши.

Так что приятельницы охотятся на водяных обитателей - тоже неплохой спорт!

Альмира заходит в чистую, прозрачную воду, где дно усеяно крупной галькой, и осторожно засовывает лапу в углубление меж камнями: там темнеет что-то подозрительное. Вдруг собака резко выдергивает из углубления лапу, высоко подпрыгивает и, визжа и поскуливая, на трех лапах устремляется к берегу; четвертую, в которую намертво вцепился клешнями черный рак, она держит на весу. Альмира отчаянно скулит, пока наконец на берегу ней не удастся стряхнуть с себя грозное чудовище, а затем они сообща с Нарциссой берутся за рака, с пристрастием допытывая его, как дорого он намерен запросить за свою нежную мякоть. Рак, ретроград по натуре, не склонен торговаться, он знай себе пятится, желая во что бы то ни стало угодить обратно в воду. Обе охотницы лапами бьют и подталкивают рака, покуда им не удастся

опрокинуть его навзничь. И тут все трое призадумываются: как быть дальше, не знают ни Альмира, ни Нарцисса, ни сам рак.

Вдруг внимание Альмиры привлекает шум: кто-то знакомый приближается по воде к острову. Собака не лает, лишь глухо ворчит, но эта добродушная старческая воркотня подобна приветственному смеху; ведь Альмира узнала гостя.

Михай выпрыгивает на берег, привязывает лодку к ивовому пню и здоровается с Альмирой - гладит ее по голове и спрашивает: "Ну как вы тут живы-здоровы?"

Собака отвечает ему со всеми подробностями, только, конечно, на своем собачьем наречии, Судя по интонации ее голоса. Ответ должен быть самый благоприятный.

Но тут вдруг радостную встречу прерывает испуганный вопль. Произошла беда, которую можно было заранее предвидеть. Нарцисса вытянула шею, чтобы понюхать рака, и отчаянно барахтающееся чудище, клешней ухватив кошку за ухо, всеми шестью крючковатыми ногами вцепилось ей в морду.

Тимар одним прыжком очутился рядом и со свойственным ему присутствием духа вмиг оценил грозящую опасность. Схватив злодея за панцирь так, что тот не мог дотянуться до него клешнями, Тимар сдавил его голову, вынудив рака отпустить свою жертву, а затем с такой силой шмякнул его о землю, что кошачий обидчик расстался с жизнью. Нарцисса в порыве благодарности вспрыгнула на плечо своего спасителя, но даже оттуда, с безопасной позиции, продолжала сердито фыркать на поверженного врага.

Свершив сей героический подвиг, а без подвигов, по-моему, ни в одном романе не обойтись, Тимар принялся выгружать из лодки покажу, Все припасы были сложены в торбу, взвалил на плечо - и вся недолга. А вот что делать с ружьем? Нести в руках - Альмире не понравится, на берегу тоже не бросишь: пойдет кто-нибудь мимо и наверняка подберет.

Но Тимар и тут проявил находчивость: дал ружье Альмире в зубы, и та, стиснув приклад своими мощными челюстями, гордо понесла ружье, словно трофей. Или как дрессированный пудель - хозяйскую трость.

Нарцисса осталась сидеть на плече Михая, ласково мурлыча у него над ухом.

Ведомый Альмирой, Михай послушно следовал за нею.

Стоило ему ступить на зеленую тропку острова, и душа его воспрянула, словно омытая. Какой благодатный покой, какое чарующее безлюдье!

Фруктовые деревья этого райского сада сейчас в цвету и стоят, словно белые и розовые пирамиды; меж ними цветочные гроты - клонящиеся к земле ветви шиповника, а пышный травяной ковер расшит сиреневыми глазками фиалок и желтыми звездочками гусиных лапок. Золотистые лучи солнца пробуждают в цветах любовь, и воздух напоен любовным ароматом; с каждым вдохом полной грудью вбираешь в себя этот пьянящий, густой эфир. Цветочные заросли полнятся неумолчным гулом - в нем сущий глас божий, и Господь взирает на мир раскрытыми очами цветов....

Воистину это храм....

Но какой же храм без певчих? И соловей поет псалмы Давидовы, а жаворонок - хвалебные гимны, и голоса их звучат сладостнее пения самого царя Давида.

Густые кусты сирени, увенчанные лиловыми шапками соцветий, в одном месте расступаются, открывая жилище островитянок, и Михай невольно останавливается как зачарованный.

Скромная хижина вся объята пламенем - не пламенем пожара, нет!.. - ярким полыханием роз.

Вьющиеся розы оплетают ее до самой крыши, и вокруг жилища хольда на два все сплошь покрыто розами: уйма кустов, высоченные деревья, беседки, изгородь. Розовые заросли образуют целый парк, лабиринта, их буйное великолепие ослепляет, и благоуханный аромат доносится еще издали, окутывая человека, как нечто неземное.

Едва Михай углубился в лабиринт розовых зарослей, как послышалось чье-то радостное восклицание:

- Ах, господин Тимар!

И та, что выкликнула его имя, бегом устремилась ему навстречу. Тимар узнал и по голосу: то была Ноэми.

Юная Ноэми, которую он не видел два с половиной года, выросла и оформилась в девушку, Щеки порытые здоровым румянцем, глаза озарены кротким, небесным сиянием. И одета она теперь без небрежности, опрятно и красиво; в густые, золотистые волосы воткнул розовый бутон.

- Ах, господин Тимар! - восклицает девушка, поспешая навстречу гостю, на бегу, издали протягивает ему руку и искренним, сердечным рукопожатием приветствует пришельца.

Михай отвечает на пожатие девичьей руки, невольно задерживая взгляд на лице Ноэми. Не чудо ли? Вот лицо, которое просияло радостью при виде его, Тимара.

- Как же долго вы не приезжали! - говорит Ноэми.

- Как же вы похорошели за это время! - говорит Тимар, и в этом его утверждении равно естественно звучат нежность и откровенная прямота.

Девушка и вправду сильно изменилась к лучшему.

Такие метаморфозы свойственны девичьим лицам: у иных девочек, в детстве отличающихся идеальной красотой. На пороге зрелости черты лица утрачивают тонкость, становятся массивными, грубыми, а у других в те же самые годы формирования прелесть черт, дотоле неприметная, обретает совершенство, какое трудно было предположить. Возможно, есть тому и некое естественное объяснение. Скажем, зреющие в душе чувства лепят лицо по своему образу и подобию, стойкие благие или дурные страсти, печаль или радость, тревога или покой переделывают, приспособливают к себе черты лица, как морская улитка свою раковину...

Лицо Ноэми лучилось доброжелательностью.

- Так вы меня еще помните? - спросил Тимар, задержав в своей руке протянутую ему девичью ручку.

- О, мы вас очень часто вспоминаем!

- Тереза, матушка ваша, здорова?

- Да вот же она идет.

Хозяйку выманила из дома Альмира, принесла в зубах ружье; Тереза сразу догадалась, что прибыл какой-то приятный гость, и поспешила навстречу.

При виде Михая она заторопилась еще пуще; издали узнала она судового комиссара, который, как и в прошлый раз, в серой куртке с сумой через плечо, направлялся к их хижине.

- Добро пожаловать! Долго же мы вас ждали! - на ходу приветствовала он а гостя. - Все-таки вы про нас вспомнили! - С этими словами Тереза безо всяких церемоний обняла Михая. И тут взгляд ее упал на сброшенную Тимаром суму. - Альмира! - крикнула он неотступно следующей за ней собаке. - Возьми торбу и отнеси в дом!

- Там жареное мясо всяких видов! - заметил Михай.

- Вон что? Тогда смотри, Альмира, как бы Нарцисса до него не добралась!

Эти ее слова вызвали недовольство Ноэми.

- Будто Нарцисса такая уж невоспитанная!

Госпожа Тереза расцеловала дочку, дабы ее смягчить, а та поддалась на ласку.

- Ну а теперь приглашаю в дом! - сказала Тереза, доверительно беря Михая под руку. - Пойдем и ты, Ноэми.

- Сейчас, только корзину отнесу, а то она уже полная.

Посреди дороги стояла огромная светлая плетеная корзина, чем-то нагруженная с верхом и укрытая белой простыней. Ноэми наклонилась, чтобы поднять ее за обе ручки.

Михай подскочил к ней.

- Я помогу донести, а то вам будет тяжело.

Ноэми залилась веселым, звонким ребячливым смехом и приподняла простыню. Корзина была наполнена розовыми лепестками.

Однако Михай все же ухватил корзину за одну ручку, и они вдвоем понесли ее по дорожке, обсаженной лавандой.

- Вы из них делаете розовую воду? - спросил Тимар.
- Вам и объяснять ничего не нужно, сами обо всем догадываетесь.
- У нас в Комароме изготовление розовой воды тоже в чести. Многие бедные женщины этим зарабатывают на жизнь.
- Вот как? Значит, роза не только для нас дар божий! Благодатный цветок, одной красоты его хватило бы человеку, чтобы скрасить жизнь, а он еще и кусок хлеба дает. Знаете, сударь, прошлый год для нас выдался неудачный: поздние заморозки загубили весь урожай фруктов и винограда, дождливое и холодное лето пчелам не дало собрать взятку, а тут еще и на домашнюю птицу мор напал... Пришлось бы нам порастрясти свои запасы, кабы розы не выручили. Розы-то нам не изменяют, каждый год цветут, вот и прошлый год не дали пропасть с голоду. Мы выгнали триста бутылок розовой воды, всю ее закупили и увезли в Сербию, а нам взамен дали пшеницы. Спасибо вам, розочки, красавицы пригожие, кормилицы щедрые! За то время, что Тимар здесь не был, в домике прибавились новые помещения: сбоку была пристроена сушильня и отдельная каморка, где гнали розовую воду. Главное место здесь занимал очаг с медным чаном, из которого медленно, по капле, стекала первая выварка. Возле очага в большой кадке были свалены розовые выжимки, а на широкой скамье насыпаны свежие лепестки, которым сперва надлежало слегка провянуть.
- Михай помог Нозми высыпать розовые лепестки на скамью; густой, насыщенный аромат дурманил не хуже вина.
- Нозми, зарывшись в мягкую грудку лепестков, проговорила:
- Ах, как славно было о бы хоть разок выпасться в такой постели!
- Что ты, глупышка! - остерегла ее Тереза. - Уснешь и не проснешься: розовый запах - верная смерть.
- Пуская смерть, зато прекрасная.
- Тут уж Тереза не пожалела упреков.
- Выходит, умирать собралась? И меня бы не пожалела, оставила одну? Ах, ты, бессердечная девчонка!
- Нозми бросилась матери на шею, целовала, улещала ее.
- Нет-нет, родная моя, любимая! Ни за что не оставлю тебя, моя единственная!
- Тогда к чему эти пустые слова? Вот вы хоть ей скажите господин Тимар, слуханное ли дело так шутить с матерью? Молоденькая девочка, чуть ли не вчера в куклы престала играть, а туда же, о смерти разговоры заводит!
- Михай согласился с Терезой: никак не пристало такой юной девушке говорить матери о смерти, какой бы прекрасной она ей ни казалась.
- Побудь здесь, Нозми, присмотри за котлом, чтобы не дай бог гуща не пригорела. А я пойду на кухню, надо же нашего гостя вкусеньким попотчевать. Вы ведь у нас сегодня весь день погостите, верно я понимаю, господин Тимар?
- И сегодня пробуду, и завтра, если работу какую дадите. Пока все дела не переделаю, от вас не уеду.
- О, тогда вы от нас целую неделю не уедете! - вмешалась Нозми. - Я вам столько работы найду!
- Ах ты, чудачка! Какую же работу ты подыщешь господину Тимару? - смеясь, спросила Тереза.
- Ну, например, розовые лепестки толочь.
- Да он небось и не умеет.
- Как не уметь? - возразил Тимар. - Дома, у матушки, мне не раз приходилось этим заниматься.
- Наверное, ваша матушка тоже была очень добрая, - высказала предположение Нозми.
- Очень добрая.
- И вы тоже ее очень любили?
- Да, очень.
- Она еще жива?

- Нет, давно умерла.

- И теперь у вас никого нет близкого?

Тимар задумался и печально понурил голову.

- Никого....

Он сказал правду.

Ноэми с жалостливым сочувствием взглянула Мухаю в глаза. "Никого нет близкого..." - какие опасные слова!

Мухай заметил, что гаспожа Тереза нерешительно остановилась в дверях: и дела в кухне ждут, и уходить боязно. И тут его осенило.

- Знаете что, матушка Тереза? Не затевайте вы никаких обедов в мою честь. Привез я всякой всячины, только из сумки выложить да к столу садиться - там на всех нас хватит.

- А кто это о вас позаботился? - спросила Ноэми. - Кто собрал вам припасы в дорогу?

- Янош Фабула, кому же больше!

- Ах, это ваш расторопный рулевой? Он тоже здесь?

- Нет, он на том берегу. Следит за погрузкой судна.

Тереза тоже уловила ход мысли Тимара, но ей не хотелось отставать от него в великодушии.

Она решила доказать, что не собирается оберегать от него Ноэми.

- Мы сделаем по-другому. Я и на кухне управлюсь, и за чаном присмотрю, а ты, Ноэми, тем часом покажи господину Тимару остров, пусть он поглядит, какие у нас тут перемены.

Ноэми отличалась послушанием и привыкла беспрекословно выполнять все, что мать скажет.

Она повязала голову цветистым турецким платком, который пришелся ей очень к лицу. Тимар узнал в нем свой давний подарок.

- До свиданья, дорогая! - До свидания! - обменялись прощальными словами и мать и дочь, целуя друг друга. Судя по всему, всякий раз, когда одна из них уходила из дома, они обычно прощались так, словно им грозила долгая разлука, а встретясь через час, обнимались и целовались, будто не виделись целые годы. Но ведь у них никого нет, кроме друг друга.

Ноэми бросила на мать вопросительный взгляд, Тереза кивнула ей утвердительно: "Ступай!".

И Ноэми с Тимаром начали обход острова.

Тропинка была настолько узкой, что им приходилось держаться чуть ли не вплотную друг к другу; однако у Альмиры хватило сообразительности просунуть между ними голову и создать естественную преграду. За минувшие три года остров сделался еще более обжитым и ухоженным. Следы умелых, заботливых рук видны были на каждом шагу вплоть до самого мыса. В лесной чащобе была проложена просека и расчищена тропа, в роще вырублен подлесок, и высокие, стройные деревья росли без помех, а иные тополя до того раздались вширь, что толщиной стали чуть ли не в два обхвата. На дички были привиты черенки культурных плодовых сортов, а карликовые деревца под искусной рукою превратились в густую переплетенную живую изгородь, отделявшую фруктовый сад от зеленого луга. Где паслись овцы и козы. У одного белого барашка на шее красовалась красная ленточка - по всей видимости, это был очередной любимец Ноэми.

При виде юной хозяйки животные бросили пастись, обступили Ноэми и радостно заблеяли, как бы приветствуя ее, а девушка, похоже, понимала эти знаки внимания. И все время, пока Ноэми с Тимаром шли через пастбище, стадо провожало их до дальнего конца луга, где за живой изгородью виднелась ореховая роща. Деревья, дивные, как на подбор, раскидистые, стволы толщиной в добрых полсажени, были покрыты гладкой, шелковистой корой.

- Смотрите, какие красавцы! - сказала Ноэми. - Эти ореховые деревья самая большая мамина гордость. Им всего пятнадцать лет, они на год моложе меня.

И сказано это было так естественно, без тени кокетства.

Вправо от ореховой рощицы начинались топи. Тимар вспомнил, что, когда впервые попал на остров, выбирался на сушу именно здесь. Теперь это болотистое место заросло водяными растениями: желтыми кувшинками и крупными лилиями, белизной похожими на ландыши, - а посредине замерли два аиста, погруженные в созерцание природы.

Тимар открыл калитку в живой изгороди, ему было приятно вновь повидать этот девственный уголок острова. Однако от глаз его не укрылось, что юная провожатая словно бы боится чего-то.

- Вы по-прежнему одни здесь, на острове? - спросил он.

- Да, только вдвоем. В сезон наведываются охотники до наших фруктов и привозят на обмен то, что нам надобно. Зимой бывают дровосеки, помогают нам лес проредить и вместо платы берут себе сваленные деревья. Ну а со всей остальной работой мы и сами вполне справляемся.

- Но ведь садоводство немалых трудов требует, одних только гусениц обирать и то пропадешь.

- О, тут мы забот не знаем! Есть у нас доброхотные помощники - вон они, на деревьях распевают! Видите, сколько гнезд в кустах? И в каждом наши верные работники живут. Здесь их никто не трогает, не обижает, вот они и рады трудом отплатить. А уж как поют - заслушается!

Лес и вправду был наполнен неумолчным райским пеньем; под вечер каждая птаха спешит к гнезду и в эту пору поет особенно голосисто. А тут еще кукушка исправно отсчитывает время по лесным часам, и дрозд высвистывает греческие гексаметры....

Вдруг Ноэми громко вскрикнула и в страхе прижала руки к сердцу; побледнев, она отшатнулась назад, и Тимар вынужден был хватить ее под руку, чтобы она не упала.

- Что с вами?

Ноэми укрыла лицо ладонями и, как ребенок, плача и смеясь одновременно, жалобно проговорила:

- Сюда идет....

- Кто идет?

- Да вон на! - воскликнула девушка с гримасой отвращения.

В траве неспешно пробиралась большущая жаба; увидев приближающихся людей, она приготовилась к прыжку, чтобы скрыться в ближайшей канаве.

Ноэми до такой степени перепугалась, что даже не в силах была убежать от страшилища.

- Неужели вы лягушек боитесь? - изумился Тимар.

- До смерти боюсь! Если она на меня прыгнет, из меня тут же душа вон.

- Все вы, девушки, одинаковы. Кошек они любят, потому как те умеют ластиться, а лягушек боятся - уродливые, мол. Ими брезгают, их чураются, но лягушки такие же наши друзья, как и птицы, каждому садоводу надежнейшая подмога. Вы ведь знаете, что существуют бабочки, гусеницы и разные прочие насекомые, которые появляются только ночью. А все певчие птицы по ночам спят, они нам не защита. И тогда выходят из своих укрытий отвратительные лягушки и в темноте вступают в бой с нашими недругами. Они поедают ночных вредителей, гусениц, бабочек, дождевых червей, личинок садового хрущика, улиток, губительных для плодовых деревьев. Смотреть, как лягушка охотится на насекомых, одна радость. Стойте спокойно и наблюдайте за ней, ведь эта уродливая жаба вовсе не для того крадется в траве, чтобы напугать вас, у нее этого и в мыслях нет, это кроткое. Доброе животное, да и врагом она вас не считает. А вон там, видите, шевелит крылышками синий жучок? Это самое опасное насекомое в лесу - рогохвост; достаточно одной его гусеницы, чтобы загубить молодое дерево. Вот на него-то и нацелилась наша бородавчатая приятельница. Не будем ей мешать. Смотрите, как она подобралась, вся изготовилась к прыжку, язык мгновенно выбрасывается... Хоп - готово! Вредный жучок заглочен, только крылышки торчат. Судите сами, стоит ли брезговать такой полезной помощницей только оттого, что у нее наружность неказистая?

Ноэми восхищенно всплеснула руками; жаба не казалась ей теперь такой уж страшной.

Девушка не противилась, когда Михай, взяв ее за руку, подвел к берегу и принялся рассказывать, до чего сообразительны лягушки, какой у них веселый нрав и какие удивительные штуки они способны проделывать. Он потешил Ноэми рассказом о небесно-голубой суринамской лягушке, приобретенной прусским королем за четыре с половиной тысячи талеров, о светящейся лягушке, по ночам испускающей мерцающий свет; она любит прокрасться в дом и, спрятавшись где-нибудь за балкой. Средь ночи оглушить спящих своим

лягушиным пением. В Бразилии не раз случалось, что хор светящихся лягушек, проникших в оперный театр, заглушал и певцов, и оркестра.

Теперь Нозэми уже смеялась над страшным чудовищем. А смех,, как известно, на полпути между отвращением и симпатией.

- Если бы они хоть не квакали так противно!

- То, что для нашего слуха противно, дамской половине лягушачьего рода представляется сладчайшей речью. У лягушек голосом наделены лишь самцы, а самки безголовые. И самец ночи напролет твердит своей подруге: "О, как ты мила, до чего ты прелестна!" Можно ли представить себе существо более нежное и любящее?

В Нозэми и впрямь шевельнулось теплое чувство к этим созданиям.

- А знаете ли вы, что лягушка не какая-нибудь глупая тварь, а, напротив, очень и очень знающая? Древесная лягушка, к примеру, предсказывает погоду: к дождю выходит из воды и квакает, а к вёдру прячется в воду.

Теперь уже девочка слушала с интересом.

- Хотите, поймаю? - предложил Тимар. - В орешнике одна расквакалась. - И вскоре он вернулся, нес я пленницу в ладонях.

Нозэми бросало то в жар, то в холод.

- Вы только взгляните! - уговаривал ее Тимар, слегка раздвинув ладони. - Уж это ли не милое существо? Окраска зеленая, под цвет травы, а лапки - ни дать ни взять человеческие руки в миниатюре. А сердечко как бьется! Как внимательно она смотрит на нас, и газа до чего умные и красивые - черные с золотым ободком! Она совсем не боится нас.

В Нозэми любопытство борется со страхом; девушка нерешительно протянула было руку, но тут же и отдернула ее.

- Не бойтесь, потрогайте ее. Это самая безобидная тварь на свете. Подставьте-ка ладонь!

Нозэми боязливо, но со смехом подставила ладонь; правда, смотрела она при этом не на лягушку, а в глаза Михая и вздрогнула, когда холодное тельце животного коснулось ее руки. Но тотчас же и рассмеялась, весело, как дитя, которое долго не решалось войти в воду, а теперь радуется, что все страхи позади.

- Чувствуете: одна даже не вырывается у нас из рук, ей там вполне уютно. Мы отнесем ее домой и посадим в банку с водой. Я выстрогаю лесенку, чтобы лягушка могла подниматься из воды, когда почувствует дождь. Дайте, я понесу ее.

- Нет, нет! - горячо возразила Нозэми. - Я сама.

- Тогда сложите ладони лодочкой, чтобы она не выпрыгнула, только постарайтесь не причинить ей боли... Нам пора домой, роса уже выпала.

Они повернули к дому. Нозэми убежала вперед и издали закричала матери:

- Мама, мама! Ты только взгляни, какую пташку мы поймали.

- Знаешь ведь, что птиц ловить нельзя! - строго укорила дочку Тереза.

- Но она такая красивая! Ее поймал господин Тимар и для мне. Полюбуйся!

Госпожа Тереза всплеснула руками, увидев в ладонях дочери зеленую древесную лягушку.

- Ты только посмотри, как она доверчиво моргает глазами! - Лицо Нозэми сияло. - Мы посадим ее в банку с водой, будем ловить для нее мух, а она станет нам предсказывать погоду. Ах ты, милая моя малышка! - И она нежно прижала лягушку к щеке.

Тереза в полном изумлении обернулась к Тимару.

- Сударь, вы просто кудесник! Еще вчера она, не помня себя, убежала бы от этой твари прочь....

А Нозэми вспылала необычайным интересом к этим скромным земноводным; накрывая на веранде к ужину стол, она прочла матери целый научный доклад обо всем, что узнала от Тимара. Лягушки, оказывается, очень полезные животные, а кроме того умные, веселые и забавные. А уж какую напраслину на них возводят: и яд-то они якобы из себя выделяют, и спящему человеку в рот заползают, и молоко у коров высасывают, и лопаются от злости, если к ним паука поднести, все это темные крестьяне выдумали от невежества. На самом же деле лягушки - самые что ни на есть надежные наши друзья, они по ночам нас оберегают:

бесчисленные следы их крохотных лапок на песке вокруг дома как раз и говорят о том, что они тут несли ночной дозор. И бояться их - значит проявлять черную неблагодарность.

Тимар тем временем соорудил из ивовых прутьев маленькую лесенку для пучеглазого метеоролога, помещенного в банку с широким горлом, до половины заполненную водой. Банку сверху завязали бумагой, проделав в ней отверстие, чтобы можно было пускать туда мух.

Будущая прорицательница, очутившись на новом месте, конечно же, плюхнулась на дно и не склонна была вылезти из воды ни ради мух, ни для того, чтобы поквакать. Ноэми же радовалась этому, как верной примете хорошей погоды.

- Знаете ли, сударь, - сказала госпожа Тереза после того, как подала ужин и они все трое сели к столу, - вы не просто чуда совершили с Ноэми, но очень помогли ей. Остров был бы для нас сущим раем, если бы она так не боялась лягушек. Бывало, стоит ей только увидеть хоть одну лягушку, - сразу побледнеет, в лице ни кровинки, и вся от страха дрожит. А уж чтобы за изгородь ступить, туда, где болото начинается и где лягушек полным-полно, - ее никакой силой, бывало, не заставишь. Вы сделали Ноэми другим человеком и вернули ее родному острову.

- Да, остров ваш такой чудесный! - заметил Тимар.

Тереза тяжело вздохнула.

- Отчего ты так тяжело вздыхаешь? - спросила Ноэми. .

- Сама знаешь.

Знали и Тимар, кто заставляет хозяйку острова страдать.

Ноэми попыталась перевести разговор на более веселую тему.

- Лягушек я начала бояться с тех пор, как один злой мальчишка швырнул к моим ногам бурую, вроде хлебной корки, лягушку, он сказал, что это буйволовая лягушка; если ее сечь по спине крапивой, она, мол, ревет, как буйвол. Мальчишка и вправду ударил несчастную лягушку крапивой, и она так мучительно закричала, что мне ее крика вовек не забыть. Словно всех своих собратьев призывала отомстить нам. А сама вся белой пеной покрылась... С тех пор мне все время чудится, будто лягушачье племя ползает, скачет вокруг только для того, чтобы улучшить момент и обрызгать меня ядом... Лягушка кричала дурным голосом, а ее мучитель знай себе смеялся.

- Кто же был этот жестокий мальчишка? - спросил Михай.

Ноэми молча махнула рукой, но Тимар и сам догадался. Он перевел взгляд на Терезу, та утвердительно кивнула. Они с Михаем научились понимать друг друга без слов.

- С тех пор его здесь не было? - поинтересовался Михай.

- Что вы, сударь, каждый год бывает и раз от разу все пуще измывается. Теперь, видите ли, изобрел способ обирать нас. Деньгами с меня не возьмешь, так он со шлюпкой является; нагрузит меду, воска, шерсти, а потом продаст. Делать нечего, я даю, только бы от него откупиться.

- В этом году он еще не наведывался, - заметила Ноэми.

- Приедет - не пропадет. Чует мое сердце: не нынче-завтра явится.

- Вот бы сейчас и явился! - сказала вдруг Ноэми.

- Зачем это? Только его нам и не хватало!

- Я так хочу! - Лицо Ноэми вдруг вспыхнуло.

А Тимар подумал, что достаточно было бы одного слова, чтобы сделать этих людей поистине счастливыми. Но он пока что скупился на это слово - точь-в-точь как ребенок, который, дождавшись любимого лакомства, оттягивает удовольствие и сперва отщипывает по крошке. Повинуясь какому-то внутреннему побуждению, он старался всецело вжиться в радости и горести обитателей острова.

С трапезой было покончено. Солнце клонилось к закату, близился дивный, теплый весенний вечер. Небосвод прозрачным золотистым куполом раскинулся над землей. Всюду тишь, на деревьях ни листок не шелохнется.

Женщины по деревянной лесенке провели гостя на вершину "блуждающей" скалы. Оттуда открывается необозримый простор: по-над купами дерев, за камышовыми зарослями далеко виден Дунай.

Остров внизу простирался подобно сказочному морю, каждая волна которого окрашена в особый цвет: густо-розовая полоса - это яблони, ярко багровеют молодые абрикосовые саженцы, нежным золотом вздымают свои верхушки тополя, белой кипенью ослепляют цветущие груши, а сливовые деревья угадываются по медной зелени крон. И посреди этого моря красок огненным конусом высится обвитая жгуче-красным и розами скала, вершина которой темнеет под буйной порослью лаванды.

- Диво дивное! - воскликнул Тимар, зачарованный красотой пейзажа.

- Ах, видели бы вы эту скалу летом, - горячо подхватила Ноэми, - когда ее обвивают не розы, а дельфиниум и вся она словно в золото убрана, а на вершине синий венок из цветущей лаванды!

- За чем же дело стало? Приеду и посмотрю! - проговорил Тимар.

- Правда? - Ноэми в порыве радости протягивает ему руку, и он впервые ощущает жаркое пожатие женской руки, какого ему еще ни разу не доводилось почувствовать.

А Ноэми, отстранять от него. Прильнула к матери: склонила голову к ней на плечо и обвила шею руками.

Вокруг тишина и покой, не нарушаемые человеческими голосами. Лишь монотонный хор лягушек наполняет звуками надвигающуюся ночь. На востоке сияющие рожки молодого месяца как бы разделили небосвод надвое: одна его часть темно-синяя, другая - нежно-опалового оттенка. Как видно, даже свод небесный может быть в разладе с самим собой. .

- Слышишь, о чем поют лягушки? - шепнула Ноэми Терезе. - Знаешь, что они говорят любимой? "О, милая! Родная моя!" - и так всю ночь напролет. О. милая, родная моя! - приговаривала она, при каждом слове нежно целуя мать.

Михай стоял на вершине скалы, позабыв обо всем на свете. Молодой месяц поблескивал сквозь трепещущую листву тополей. На сей раз был он не красным, а серебристым.

Удивительное. Дотоле незнакомое чувство овладело сердцем мужчины. Томление то было или страх? Пугающее воспоминание или манящая надежда? Зарождающаяся радость или отмирающая печаль? Чувство. Роднящее с богом, с человеком или же со зверем? Чутье, предчувствие? Магнетическое воздействие луны или же весеннее пробуждение природы, которому подвластны травы и деревья, существа теплокровные и холоднокровные?

Так же заморожено смотрел он когда-то с палубы затонувшего судна на клонящийся к закату месяц, и сокровенные мысли его перекликались с призрачным лунным светом....

"Неужто не понимаешь? Завтра вернусь, тогда опять поговорим!".

Паук среди роз.

Однако трудовому человеку недосуг подолгу любоваться луной да красотами природы.

Возвратившиеся с пастбища овцы и козы ждут, чтобы их подоили; это входит в обязанности Терезы, а Ноэми серпом жнет кормилицам траву. Тимар раскуривает трубку и, прислонясь к дверям загона, продолжает неспешную беседу. Чем не бравый крестьянский ухажёр, положивший глаз на юную крестьяночку?

Наконец остается последнее дело: на ночь влить в медный котел розовую воду, выпаренную по первому разу, а после можно и на покой.

Тимар облюбовал себе для ночлега пчельник; Тереза расстелила там свежего сена, а Ноэми позаботилась об удобном изголовье, так что нашего героя не пришлось убаюкивать. Едва опустив голову на подушку, он тотчас же уснул, и всю ночь ему снилось, будто он подрядился в садовники и котел за котлом гонит розовую воду, целое море розовой воды.

Когда Михай пробудился, солнце уже взошло высоко. Долго же он проспал! Пчелы жужжали вокруг, трудясь без усталости. Кто-то побывал здесь утром: Михай убедился в этом, обнаружив

возле своего ложа предметы, необходимые для мужского туалета, что хранились в его дорожной торбе. Ведь можно только пожалеть мужчину, который привык брить подбородок и по какой-либо причине вдруг лишен такой возможности. И как приятно, если в чужом доме кто-то заранее о тебе позаботился и теперь, пробудясь. Нет нужды шарить по углам в поисках обмылка, пригоршни теплой воды да карманного зеркальца, в котором можно самому себе рожи строить. Окаянная щетина способна испортить настроение не хуже уколов совести, зато с каким облегчением потом вздыхает счастливец, поглаживая гладко выбритый подбородок. К том времени, как Михай привел себя в порядок, хозяйки уже ждали его к завтраку, подав на стол свежее молоко и масло, а затем началась будничная работа - нужно было обрабатывать урожай роз.

Михая по его просьбе поставили к толкушке - толочь розовые лепестки; Ноэми ошипывала лепестки с сорванных цветов розы, а Тереза хлопотала у чана для перегонки.

Тимар решил рассказать Ноэми о розах. Он не стал говорить ей, что розы напоминают нежный румянец ее щек - Ноэми наверняка высмеяла бы его, а поведал ей все, что ему довелось узнать о розах во время путешествий. Сведения эти были поучительны, Ноэми внимала ему, вся уйдя в слух, и Тимар, выказав такую ученость, еще более вырос в ее глазах. У юных, неискушенных девушек люди умные да знающие весьма в чести.

- В Турции розовую воду используют и в еде, и в питье, а розы разводят целыми плантациями. Из них делают и четки: раздавленные лепестки прессуют в виде шариков, потому-то и называют четки "розовым венчиком". Но есть на Востоке великолепный сорт роз, из которых добывают розовое масло: это бальзамическая роза. Она разрастается в высокий двухсаженный куст, ветви которого сгибаются под тяжестью белоснежных цветов. Ароматом своим эти розы превосходят все остальные. Стоит только их лепестки бросить в воду и выставить на солнце, и очень скоро поверхность воды покроется радужными пятнами от выделяемого лепестками масла. Точно такие же свойства у вечнозеленой розы, листья которой не опадают даже зимою. А цейлонская роза окрашивает волосы и бороду в рыжий цвет, да причем так прочно, что годами не смывается, поэтому ее сушеные лепестки служат на Востоке предметом торговли. Лепестки могольской розы действуют как дурман, от их аромата человек делается пьяный, словно вина хлебнул. А на розе "вильморин" водится особый жучок; стоит ему подточить розу, и у нее вместо цветов вырастают махровые шары- соцветия в кулак величиною. Говорят, что если такую "л"лохматую" розу сунуть под подушку капризному младенцу, тот уснет сладким сном.

- И вы побывали во всех местах, где эти розы произрастают? - спросила Ноэми.

- О да! Я ведь много дальних стран пообъездил. Бывал и в Вене, и в Париже, и в Константинополе.

- А эти города далеко отсюда?

- Если идти пешком, то за тридцать дней доберешься до Вены, а за сорок - до Константинополя.

- Но вы ведь плыли туда по воде.

- А водный путь еще дольше, ведь приходилось брать попутный груз.

- Чей груз?

- Хозяина, который меня нанимал.

- Ваш хозяин по-прежнему господин Бразович?

- Кто вам это сказал?

- Рулевой, когда вы здесь в прошлый раз были.

- Нет, господин Бразович умер. Тут в разговор вмешалась Тереза.

- Умер! - взволнованно воскликнула она. - Значит, он умер! А его жена и дочь?

- С его смертью они лишились всего своего состояния.

- О боже праведный, свершилась воля твоя!

Мама, милая, добрая моя! - Ноэми ласково уговаривала мать, пыталась утешить.

- Сударь, я ведь вам в прошлый раз не все рассказала. Когда обрушилось на нас страшное горе, я тщетно молила Бразовича не разорять нас вконец. И тогда мне пришла мысль: ведь у этого

человека есть жена, есть ребенок, пойду-ка я к госпоже Бразович, женщина женщину скорее поймет и пожалеет. Взяла я свое дитя на руки и отправилась в Комаром. Жара стояла адская. Разыскала я их дом - роскошный, двухэтажный. Впрочем, в дом меня с младенцем не впустили, заставили ждать на галерее. Наконец вышла госпожа с девочкой лет пяти- дочкой своей. Я ей в ноги бросилась, христом-богом заклинала сжалиться, быть нашей заступницей перед мужем. А она схватила меня за руку да и спустила с лестницы. Я, пока падала, обеими руками деточку свою оберегала, чтобы та не убилась, ну а уж сама-то оберечься не сумела - аккуратно головой и ударилась о мраморную колонну, что лестничный свод поддерживала. До сих пор на лбу шрам остался... Насилу я на ноги поднялась и прочь заковыляла; Ноэми у меня на руках плачем заходится, а та девочка наверху вслед нам смотрела и смехом заливалась... Поэтому я и говорю сейчас на их беду: слава тебе господи! Да будет благословенна рука, что столкнула их с той же лестницы, откуда они меня скинули!

- Мама, мамочка, не говори так!

- Значит, и до них нужда добралась? Как высоко нос задирали, а теперь, выходит, под забором очутились? Прощай, все наряды и драгоценности, пусть-ка теперь в рубище походят да у знакомых побираются! Им ведь тоже небось никто не подаст, верно я говорю?

- Нет, сударыня, - вынужден был ответить Михай. - Нашелся человек, кто принял в них участие и взял под свою опеку.

- Что за безумец! - вне себя от волнения вскричала Тереза. - Да как он смеет перечить судьбе? Взять в дом проклятых - ведь это значит и на себя проклятье навлечь!

Ноэми бросилась к матери, пыталась ладонями зажать ей рот, затем, припав к ее груди, старалась поцелуями принудить ее к молчанию.

- Родимая моя, не говори так, нет моих сил это слышать! Возьми обратно свои проклятия, дай мне стереть поцелуями их след с твоих губ!

Отчаянные мольбы дочери заставили Терезу опомниться.

- Полно тебе, не бойся, глупышка! - проговаривала она, глядя Ноэми по голове. - Что в них проку, в проклятиях этих - так, пустые слова, дурная старушечья привычка. Разве нет у Всевышнего других забот, кроме как от раздавленных червей проклятия выслушивать да копить их до Судного дня. Никого мое проклятье не коснется.

А Тимар подумал: "Меня оно уже коснулось. Ведь я и есть тот безумец, что приютил у себя проклятых злодеек".

Ноэми решила перевести разговор на прежнюю тему - о розах.

- Скажите, где взять могогорскую розу - ту самую, запах которой вызывает дурман?

- Если желаете, я могу вам привезти.

- А где она растет?

- В Бразилии.

- Это далеко?

- На другом конце света.

- Но ведь туда нужно добираться морем.

- Да, плыть шесть месяцев кряду.

- И какая вам надобность туда ехать?

- Дела заставляют. Ну и могогорскую розу вам привезти....

- Нет уж, лучше не привозите!

Ноэми пошла к двери, и Михай успел заметить, что глаза ее полны слез.

Девушка вернулась не скоро; прежде она набрала целую корзину розовых лепестков и в очередной раз высыпала их на рогожу, где они высились большущей грудой.

К полудню выварилась заложенная в чан розовая каша, и после обеда Тереза сказала гостю, что на сегодня с делами покончено и можно прогуляться по острову. Такой бывалый путешественник столько далеких краев объездил, глядишь, и присоветует отшельникам, какие из растений в их райском уголке можно употребить с пользой.

Перед уходом Тереза наказала Альмире: "Останешься дом сторожить. Ложись у порога, и отсюда - ни на шаг!".

Альмире этот наказ понятен, и она послушно ложится у порога.

Михай и обе женщины углубились в лес.

Едва они скрылись из вида, как Альмира насторожила уши и сердито зарычала. Она недовольно трясла головой, словно чуя недоброе; поднялась было с места, но затем снова улеглась.

Мужской голос затянул по-немецки песню, припев которой звучал так:

" На ней, коль не ошибся я, черненький жакет".

Человек, приближавшийся со стороны берега, явно хотел предупредить обитателей домика о своем визите. Похоже, он побаивается собаки. А та даже голоса не подает.

Наконец пришелец показался на тропинке, осененной гирляндами цветущих роз. Да, это он - Тодор Кристьян. На сей раз он разряжен щеголем, на нем темно-синий фрак с желтыми пуговицами, пальто переброшено через руку.

Альмира лежит не шелохнувшись. Она рассуждает, как истинный философ: всякий раз, как я ополчаюсь против этого человека, на цепь сажают меня, а не его. Так что лучше будет оставить пока свое мнение при себе и посмотреть, как он себя поведет. Но с ним надо быть начеку!

Тодор, фамильярно насвистывая, приближается к своему извечному недругу.

З Здравствуй, Альмира, иди сюда, милая собачка! Гавкни разом в мою честь, ну, прошу тебя!

Куда твои хозяйки подевались, где милая матушка Тереза?

От Альмиры нельзя было добиться ни звука.

- Ты только взгляни, какой я тебе гостинец принес! Кусок жареного мяса, на,, держи! Не хочешь? Может, отравы боишься? Вот, чудачка, да не бойся ты, ешь!

Но Альмира даже не обнюхала брошенный к ее ногам кусок мяса, однако скоро к нему подобралась Нарцисса (кошка не в силах противостоять столь сильному искушению). Тогда Альмира, рассердившись, выкопала в земле глубокую ямку и зарыла там подачку, как прячут предусмотрительные собаки на черный день излишки еды.

-Фу, черт, до чего недоверчивая зверюга! - сердито буркнул себе под нос Тодор. - Но уж в дом-то зайти можно?

Нельзя ни за что.

Альмира дала это понять молча: слегка оскалясь. Показала Тодору свои великолепные белый клыки.

- Что за шалопутная собака, чего доброго укусит сдуру! Так где же хозяйки, может на винокурне?

Тодор зашел в каморку, однако же никого там не обнаружил.

Умыл лицо и руки свежевыпаренной розовой водой, находя особое удовольствие в том, чтобы в одну минуту загубить результаты дневного труда.

Однако, когда он пожелал выйти наружу, выяснилось, что путь перекрыт. Альмира, растянувшись у порога, вновь показала ему клыки.

-Теперь, значит, решила не выпускать? Фи до чего невежливая тварь! Ну ладно, я ведь и здесь могу подождать. Мне не к спеху, отдохну, пока женщины не придут.

С этими словами он растянулся на охапке розовых лепестков, только что собранных Ноэми.

- Чем не королевское ложе! Ха-ха-ха!

Женщины вместе с Тимаром возвратились с прогулки по отдаленным уголкам острова.

Тереза с удивлением увидела, что Альмира лежит не у веранды, а стережет вход в каморку.

-Что там такое, Альмира?

Тодор, слышав голос Терезы, вздумал разыграть отменную шутку: Зарылся с головой в груды розовых лепестков и, когда Ноэми со словами: "Что тут такое, Альмира?" - заглянула в каморку, неожиданно высунул свою ухмыляющуюся физиономию.

- Это твой дорогой и единственный женишок, Ноэми!

- Что случилось? - спросила подросевшая мать.

- Там, среди роз...- запинаясь, выговорила Ноэми.

- Кто там. Паук?

- Да. Паук....

Тодор смеясь вскочил со своего благоуханного ложа, довольный, будто ему на славу удалась замечательная шутка, от которой все должны прийти в восторг. С громким хохотом бросился он к Терезе с поцелуями, не обращая внимания ни на ее сердитый взгляд, ни на испуганное лицо Ноэми.

- Какой сюрприз я вам приготовил, ха-ха-ха! Да, Тереза, матушка моя ненаглядная, это я, твой дорогой зятек! Как сильф, взял да вынырнул из розового моря! Ха-ха-ха!

Затем он решил как следует поздороваться с Ноэми, но та мигом увернулась от его объятий, и тут только Тодор Кристьян заметил, что у этой сцены есть свидетель: Михай Тимар.

Эта неожиданность несколько охладила его пыл, хотя и дурачился-то Кристьян не от души, а нарочно, чтобы женщин позлить. С судебным комиссаром у него были связаны малоприятные воспоминания, так что он предпочел бы с Тимаром не встречаться.

- Здравия желаю, господин комиссар! - приветствовал он Тимара. - Вот и опять довелось встретиться. Надеюсь, на сей раз у вас на судне не прячется турецкий паша? Хи-хи-хи! Да вы не пугайтесь, господин комиссар!

Тимар пожал плечами и ничего не ответил.

А Тодор повернулся к Ноэми, с назойливой нежностью обвив ее талию, но девушка тотчас же отворотила от него лицо и резко оттолкнула от себя.

- Оставь девочку в покое! - решительно, сухо произнесла Тереза.

- Ладно, не сердись. Еще и присесть не успел, а ты уже гонишь. Выходит, мне свою милую невестушку и обнять нельзя? Небось от этого ее не убудет. И что вы меня так боитесь?

- Есть причина, - хмуро ответила Тереза. - Затем опять пожаловал?

- На этот раз не собираюсь ничего у тебя просить, напротив: теперь я дам тебе денег, осыплю золотом с ног до головы. Разбогатеешь так, что сможешь откупить обратно и дом свой прежний в Острове, и сад, и все свое имущество, - все, чего некогда лишилась. знаешь ведь, я почитаю своим сыновним долгом возместить урон, какой мой отец имел несчастье нанести тебе.

Тодор Кристьян чуть не до слез расчувствовался, однако и это ничуть не растрогало присутствующих, они не верили ни смеху его, ни слезам.

- Чего мы здесь торчим, давайте пройдем в дом! Нельзя же о наших родственных делах по всему свету трубить.

- Полно дурачиться! - усмехнулась Тереза. - Откуда на пустынном острове всему свету взяться?

А господина Тимара можешь не стесняться, он наш давний, добрый знакомец. Желаете пройти в дом - заходи. Знаю, что ты проголодался, в том все и дело.

- Ха-ха-ха, умница ты моя! Изучила все мои слабости, знаешь, что твой Тодорушка всегда не прочь подкрепиться. Да и кто бы устоял против твоих слоеных пирогов, при одном их виде сразу жалеть начинаешь, что желудок не растягивается. Другой такой кулинарки, как ты, нет на всем свете! Я едал за столом турецкого султана, но ему такая повариха и во сне не снилась.

Тодор отлично знал слабое место Терезы, оттого и превозносил ее хлебосольство. Кто бы ни пришел в дом, она на еду никогда не скупилась; даже смертельного врага и то голодным не отпустила бы.

На голове у Тодора красовалась модная шляпа с узкими полями; он лихо сдвинул ее на макушку с таким расчетом, чтобы шляпа слетела с головы, сбита низкой притолокой, и он мог сказать:

- Черт бы побрал эту моду! В таких шляпах хорошо ходить там, где потолки да притолоки высокие. Вот у меня в новом доме все двери двустворчатые. И вид на море - загляденье!

- Неужто у тебя и вправду где-то есть свой угол? - спросила Тереза, накрывая на стол в комнате.

- А то как же? В лучшем особняке Триеста. Я - представитель наипервейшего судостроителя....

- В Триесте? - вмешался Тимар. - И как же его зовут?

- Он строит морские суда, - с пренебрежительной гримасой сказал Тодор, - а не какие-нибудь там хлипкие посудины... Зовут же его синьор Скарамелли.

Тимар промолчал. Не считая нужным оповещать, что и он именно синьору Скарамелли заказал построить морское судно.

- Теперь я прямо купаюсь в деньгах! - похвалялся Тодор. - Через мои руки проходят миллионы. Не будь я человеком щепетильным, мне бы ничего не стоило прикарманить тысячи. Кстати, моей милой Ноэми я привез, что обещал. Помнишь, что я тебя обещал? Колечко! А с каким камешком - с изумрудом, рубином? Не угадала: кольцо с бриллиантом, и немалым: в три с половиной карата. Это будет тебе обручальное кольцо. На, держи!

Тодор запустил руку в карман штанов и долго в нем рылся, затем сделал испуганное лицо, вытаращил глаза и с напускным ужасом завопил: "Потерялось!" Вывернув карман, он представил взорам всех троих предательскую дырку, откуда выпало кольцо с бриллиантом. Ноэми рассмеялась во весь голос. Смех ее был залихватистый и звонкий - жаль, что нечасто приходилось его слышать.

- А может, и не потерялось. А завалилось? Так что зря смеется моя красавица невестушка! - с этими словами Тодор принялся стягивать сапог. И действительно, когда он тряхнул голенище, на стол выкатилось пропавшее кольцо. - Вот оно! Разве праведное имущество расстанется со своим владельцем? Колечко мне верно, как моя нареченная. Полюбуйся-ка, матушка Тереза, какой подарок справил твой будущий зять своей невесте. Хорош, правда? А вы, господин комиссар, в бриллиантах разбираетесь? Во сколько оцените этот камень?

Тимар рассмотрел "драгоценность" и сказал:

- Пьер де Страс. Если двенадцать на дюжину, то по пяти грошей пойдет.

- Уж кто бы говорил, а кто помалкивал! Сам кроме овса да кукурузы другого товара не видел, а туда же, о бриллиантах судить берется!

И поскольку Ноэми всячески отбивалась от подарка, Тодор надел злополучное кольцо на собственный мизинец и, как он ни был поглощен едой и питьем, старался все время оттопыривать палец с кольцом.

Аппетит у молодого человека был лучше некуда.

За едой он пустился в длинные разглагольствования о том, какое это трудное дело - судостроение. Рассказал, сколько миллионов кубометров леса ежегодно расходует триестская верфь. Теперь уж поблизости и лесов не осталось, где можно было бы взять подходящее дерево, вот разве что в Славонии. А вскорости придется и строевой лес вывозить из Америки.

Наевшись до отвала, он приступил к сути дела.

- Ну а теперь, милая матушка Тереза, растолкую тебе, зачем я приехал.

Тереза смотрела на него с тревогой и недоверием.

- Зараз осчастливлю и тебя, и Ноэми, и себя самого, ну и для синьора Скарамелли нужным человеком заделаюсь. Слушай внимательно! Не так давно господин Скарамелли возьми да и скажи: "Вот что, друг мой Кристьян, придется вам ехать в Бразилию".

"Туда тебе и дорога", - вздохнула госпожа Тереза. Тодор уловил ее мысль и улыбнулся.

- Видишь ли, из Бразилии мы вывозим все дерево, необходимое для судостроения. Из махахубы и мурайи делают днище, из пальмы и патавоу - боковые стенки корабля. Мангровое дерево, ройок и гратгал ценны тем, что не гниют в воде, запаха "mort aux rats" - "крысиной смерти" - не выносят крысы. Железное дерево идет на изготовление руля, а сургумтрия на лопасти весел. Тиковое, сандаловое и махагоновое дерево используется на лучшую корабельную мебель, каскарилью, такаамахаку и берберитовое дерево даже жук-точильщик не берет, а дерево маоу не поддается даже тередо навалис - моллюскам - древоточцам. Но и это еще не все, без дерева Фернамбук, манцинель, казуар, без "драконьей крови" и "дьяволова кофе" тоже никак не обойтись.

- Перестань! - оборвала его Тереза. - Сколько можно перечислять разные чудные названия?

Надеешься задурить мне голову, думаешь, я за этими деревьями леса не вижу? Если в Бразилии произрастает такая пропасть ценных пород, то объясни, отчего ты туда не поехал?

- Так в том-то весь смысл моей идеи! С какой это стати, сказал я синьору Скарамелли, нам ехать в Бразилию, ежели у нас поблизости можно сыскать деревья не хуже? Я, например, знаю

остров на Дунае, где произрастают девственные леса, деревья там одно другого краше и тамошним, Бразильским, ничуть не уступают.

- Так я и знала! - пробормотала Тереза.

- Тополя нисколько не хуже патавоу, а за ореховым деревом и махагоновому не угнаться. На нашем острове этого добра полным полно.

- На мои ореховые деревья нацелился?

- А с яблонями так и каскарилье не сравниться.

- Значит, и о яблонях позаботился?

- Против сливы не устоят и лучшие сорта тикового дерева.

- Выходит, ты намерен вырубить все деревья и продать их господину Скарамелли? - очень спокойным тоном поинтересовалась Тереза.

- Но ведь мы заработаем уйму денег - по десяти форинтов за дерево, это уж как минимум.

Синьор Скарамелли дал мне карт-бланш, мне предоставлено полное право самому заключить с тобой договор, а он уже готов, у мен я в кармане, твое дело только подписать, и мы - богатые люди. От деревьев этих тут все одно проку мало, и когда они будут изведены под корень, мы и сами здесь не останемся, переедем жить в Триест. Ну, а остров можно будет засадить вишней "махалеб": из ее древесины делают знаменитые турецкие чубуки - вишневые, ароматные, ну да ты сама знаешь. Никакого особого ухода за этими деревьями не требуется, достаточно будет держать здесь одного управляющего, чтобы он сбывал купцам в Варну ежегодную партию древесины - на вишневые чубуки. Так что бы и на этом деле заработаем по пятьсот золотых с хольда. Вот и считай: с десяти хольдов набегит целых пять тысяч.

Тимар не смог удержаться от улыбки. О таких дерзких спекуляциях даже ему не доводилось слышать.

- К чему эти ваши усмешечки? - окрысился на него Тодор. - Я свое дело разумею.

Ему ответила Тереза.

- Я свое тоже. Всякий раз, как тебя сюда приносит нелегкая, ты для меня все равно как вестник смерти: знаю, что ты опять какую-нибудь подлость удумал. Тебе прекрасно известно, что денег у меня нет и никогда не будет. Ты и тут нашел выход: являешься с пустой шляпкой и все, что мне удалось накопить для нас обеих, выгребашь подчистую и распродаешь. Я отдавала, ты брал, бог тебе судья. Но теперь тебе фруктов мало, обложил данью, до какой турецкий паша не додумался. Деревья он, видите ли, продать задумал. Да они для меня единственные добрые друзья и кормильцы, я их своими руками сажала, сама за ними ухаживала, они мне - и дом, и кров! Как тебе не совестно плести небылицы, будто бы эти деревья на морские суда пойдут и за них бог весть какие деньги заплатят. Вырубить-то ты бы их не пожалел, а потом продал бы за грош первому попавшемуся углежогу, - вот и весь твой хитроумный замысел. Надеюсь меня околпачить, как деревенскую простушку? Прибереги для себя эти дурацкие шуточки, не то я тебе покажу, на что годятся вишневые сучья!

- Помилуй, матушка Тереза, какие тут могут быть шутки! Не стал бы я сюда являться без причины. Ведь сегодня праздник, или ты забыла? У меня именины, и в это т же день родилась моя дорогая малышка Ноэми. Наши покойные отцы заповедали нас друг другу - уж это-то, надеюсь, ты помнишь! - и было условленно, что как только сравняется Ноэми шестнадцать, тогда и стать нам супругами. В этот день ваш верный Тодор подоспел бы к вам и с другого конца света. Вот он я, со всем пылом сердца. Но ведь одной любовью сыт не будешь. Жалование у меня, правда, приличное, синьор Скарамелли не скупится, но все свои средства я потратил на обстановку дома, мебель купил самую что ни на есть роскошную. Придется и тебе раскошиться, должна же ты хоть что-то дать за Ноэми. Иначе как ей на люди показаться. Чтобы достоинства своего не уронить. Приданое невесте требуется, и она вправе его с тебя требовать. Как-никак единственная дочь, уж ей ли на твои щедроты не рассчитывать! Ноэми сердито забилась в угол и уткнулась лбом в стену.

- Сколько ни жмись, а придется тебе ради Ноэми раздобыться. Если уж очень жалко, оставь себе половину деревьев, а я удовольствуюсь другой половиной. Там уж моя забота, кому и как их продать. Дай Ноэми в приданое ореховые деревья, у меня на них покупатель есть, уверяю тебя.

- Вот что, Тодор: не знаю, сегодня ли у тебя именины или в какой другой день, но что Ноэми родилась не в этот день, уж это я точно знаю... И так же точно знаю, что, будь ты даже единственным мужчиной в целом свете, Ноэми все равно за тебя не пойдет.

- Ха-ха-ха! Предоставь это дело мне.

- Изволь. У меня же с тобой разговор короткий. Свои любимые ореховые деревья я тебе нипочем не отдам, даже если бы они сей момент требовались на Ноев ковчег. Уступила бы я тебе одно-единственное дерево ради той веревки, какая тебе все равно на роду написана, а ежели у тебя сегодня именинный день, то и повод для подарка подходящий.

Тодор Кристьян встал с места, но вовсе не для того, чтобы уйти; он переставил стул задом наперед, уселся на него верхом, облокотился на спинку стула и с вызывающей дерзостью посмотрел в глаза Терезе.

- Не слишком-то ты меня привечаешь, матушка Тереза. Видать, забыла, что стоит мне сказать хоть слово....

- Говори! Этого господина можешь не стесняться, он все знает.

- Что этот остров - не твой?

- Да.

- Достаточно одного моего доноса в Вене или Стамбуле....

- Чтобы сделать нас нищими и пустить по миру.

- И сделаю! - вскричал Тодор Кристьян, показав свое истинное лицо. Его горящие алчностью глаза впились в лицо Терезы; он вытащил из кармана лист бумаги, где были проставлены первые строчки договора, и ткнул пальцем в место, отведенное для подписи и даты. - Если ты сейчас же, немедленно не поставишь здесь свою подпись, клянусь, я так и сделаю!

Тереза дрожала всем телом.

И тут Михай Тимар тронул Тодора за плечо.

- Вы не сможете этого сделать, сударь.

- Чего именно? - резко обернувшись, спросил тот.

- Донести тем или иным властям о существовании этого острова и о том, что он самовольно занят.

- Почему это не смогу?

- Потому что вас опередили.

- Кто?

- Я.

- Вы? - вскричал Тодор, замахиваясь кулаком на Михая.

- Вы? - вскрикнула, Тереза, в отчаянии хватаясь за голову.

- Да, я заявил и в Вене, и в Стамбуле, что возле Острова вот уже лет пятьдесят как образовался остров; на нем никто не живет, и названия ему нет! - тихим, но твердым голосом произнес Тимар. - И тут же обратился с просьбой и к венским властям, и к стамбульским, чтобы мне предоставили этот остров в аренду сроком на девяносто лет. Определена и ленная подать: венгерскому правительству мешок орехов в год, а стамбульскому - ящик сушеных фруктов. Я только что получил договор и фирман.

Тимар вынул из кармана два письма - те самые, что в Байе доставили ему такую радость. Став богатым и знатным, он постарался обеспечить покой несчастной семье, на которую так и сыпались удары судьбы. Немалых денег стоил ему этот арендный договор об уплате мешка орехов да горстки сушеных фруктов.

- И предоставленное мне высочайшим повелением право на пользование островом я незамедлительно передоверил нынешним его обитателям и колонистам. Вот официальное разрешение.

Тереза молча упала к ногам Михая. Ее сил хватило лишь на то, чтобы, захлебываясь рыданиями, целовать руки человеку, кто избавил ее от сущего проклятия, навеки прогнал злое наваждение, не девавшее ей покоя ни днем, ни ночью.

Ноэми крепко прижала руки к сердцу, словно опасаясь, как бы оно не выдало ее, даже если уста молчат.

- Как видите, сударь, - заключил Михай, обращаясь к Тодору Кристьяну, - ближайшие девяносто лет вам на этом острове делать нечего.

Тодор Кристьян, побелев от злости, с пеной на губах взвизгнул:

- Кто вы такой? По какому праву вмешиваетесь в дела этой семьи?

- А вот по какому: я его люблю! - воскликнула Ноэми со всем пылом страсти и, бросившись на грудь Михая, обвила его шею руками. Тодору нечего было сказать. В немой ярости погрозил он Тимару кулаком и выскочил из дома вон. Но его молчаливый взгляд был исполнен угрозы, какая заставляет ожесточившегося человека хвататься за оружие или подсыпать яд.

А девушка по-прежнему прижималась к груди Тимара.

Вне мира.

Девушка по-прежнему прижималась к груди Михая, хотя тот, от кого она защитила его своим телом, уже ушел.

Отчего она бросилась ему на грудь, отчего произнесла слова любви?

Хотела тем самым раз и навсегда прогнать человека, который одним своим присутствием наводил на нее ужас? Хотела окончательно отбить у него охоту навязываться в мужья?

Читатель вправе подумать, что выросшая на острове дикарка понятия не имела о правилах приличия, о добропорядочности и морали, о целомудренной сдержанности и светских условностях, о взаимоотношениях женщины и мужчины, регламентируемых строжайшим государственными и церковными законами.

А может быть, Ноэми спутала любовь с чувством естественной благодарности к человеку, избавившему их с матерью от непрестанной тревоги и страха; он дал им право до конца дней обитать в их райском уголке и, очевидно, добился этого ценою немалых усилий, а стал быть, все время помнил о них....

Возможно, она испугалась, увидев, как рука их мучителя потянулась за оружием, и инстинктивно заслонила собою спасшего их человека?

Или же подумала: судовой комиссар, человек неимущий, мать его была такой же беднячкой, как и моя, он ведь сам сказал, что у него никого нет. Тогда отчего бы мне не быть для него близкою? Чего ради наведываться ему на пустынный остров, если его ничто здесь не привлекает? А если же он меня любит, то отчего бы и мне не любить его?

Нет-нет, никакие логические ходы, никакие рассуждения, никакие уловки здесь ни при чем. Нет здесь ничего, кроме любви.

Ноэми не знала, отчего и почему любит, просто любила, и все.

Не знала, дозволена ли эта любовь богом и людьми, принесет ли она радость или горе, - просто любила, и все.

Она не стремилась быть счастливой, гордой, быть супругой своего избранника, венчанной серебряным венцом во имя отца и сына и святого духа, - просто любила, и все.

Она не собиралась защищать себя пред людьми и судьями, не искала себе оправдания, покорно опустив голову; не просила у мужчины защиты, у людей - сочувствия, у бога - милосердия, просто любила, и все.

Такова была Ноэми.

Бедняжка Ноэми, сколько тебе предстоит из-за этого выстрадать!..

... Михай впервые в жизни услышал обращенные к нему слова любви.

Его любят от всего сердца; любят судебного комиссара, у которого ни гроша за душой, только жалованье от хозяина; любят бескорыстно, ради него самого.

Чудодейственное тепло разлилось по его жилам, - тепло, пробуждающее от тяжелого сна и дающее силы воспрянуть духом.

Боязливо, робко поднес он руки к плечам девушки, чтобы прижать ее к себе, шепотом спросив: - Правда ли это?

Ноэми, не отрываясь от груди его, кивнула.

Михай перевел взгляд на Терезу.

Тереза приблизилась и возложила руку на голову дочери, словно благословляя ее на любовь.

Наступила долгая, немая сцена, когда все ее участники молча прислушивались к биению сердец друг друга.

Тереза, нарушив молчание, заговорила primero.

- О, если бы вы знали, сколько слез она пролила из-за вас! Если бы видели, как она вечерами поднималась на скалу и часами смотрела в даль, некогда скрывшую вас! Если бы слышали, как она во сне произносит ваше имя!

Ноэми сделала протестующий жест, словно умоляя мать не выдавать ее чувства.

А Михай поймал себя на том, что все крепче прижимает Ноэми к своей груди.

Вот ведь нашлось на белом свете существо, которое способно любить его и которому от "золотого человека" не нужно золота, нужен лишь он сам, человек!

Михай чувствовал себя так, словно он долго блуждал, прежде чем догадался преступить границы привычного мира, зато теперь перед ним открывается новая земля, новое небо и новая жизнь.

Он склонился к девушке, чтобы поцеловать ее в лоб, и явственно ощутил биение ее сердца у своей груди.

А вокруг в целом мире не было никого и ничего, кроме благоуханья цветов и кустарников, кроме жужжания пчел и пения птиц.

Сама природа внушала мысль о любви.

Блаженство, переполнявшее их существа и не требующее слов, подсказало им выйти на волю, под сень небес. Они так и вышли из дома, не расплетая объятий, и когда взгляды их погружались друг в друга, оба думали об одном; "И у тебя глаза такого же цвета, как мои!".

И если сияющий небосвод и напоенная благоуханием земля сговорились меж собой околдовать их, то вспыхнувшее в молодых сердцах чувство лишь усиливало колдовские чары. Юное дитя, еще никогда никого не любившее, и мужчина, которого никто никогда не любил... Что будет, если эти два существа обретут друг друга?

День прошел, а они никак не могли нарадоваться радости друг друга.

Настал вечер, взошла луна. Ноэми привела Михай к выступу скалы, откуда затуманенным от слез взглядом три года назад провожала она лодку с судебным комиссаром.

Тимар опустился на поросшую зеленью скалу, среди пахучих зарослей лаванды. Ноэми села подле него, прикинув золотистой головкой к его плечу и устремив к небесам сияющий счастьем взгляд.

Тереза стояла над ними, с улыбкой взирая на молодую пару.

Серебристая луна озаряла ясный небосвод, струила свой призрачный свет на землю.

И вновь вела свои искустельные речи:

""Теперь это сокровище принадлежит тебе: ты его отыскал, оно само отдало себя в твои руки, что ж, владей им. Всего ты добился в жизни, только любовью был обделен, теперь и любовь ты обрел. Бери ее, наслаждайся, пей до дна, и станешь другим человеком, ведь тот, кого любит женщина, - небожитель. А ты любим, ты счастлив!"".

...И лишь едва слышный голос прошептал внутри: "Ты - вор!".

Первый поцелуй открыл Михай новую жизнь. Он пробудил в его сердце юношеские мечты, тягу к романтике, с которой Михай не расставался в годы своих одиноких путешествий и деловых разъездов, лишь научился скрывать ее под бременем повседневных забот, жестких

коммерческих расчетов, приумноживших его состояние. Романтические грезы в конечном счете привели его к райскому счастью, и тут он увидел, что цветы на деревьях райского сада намертво прихвачены морозом. Подавленных, недоумевающий, охладелый душою, утратив все цели в жизни, он брел пустынею, пока счастливый случай не вывел его к оазису. И в этом крохотном оазисе он нашел то, что долго и тщетно искал по всему свету: любящее сердце! В душе его свершилось чудесное преображение.

Первое чувство, овладевшее им, больше всего походило на какой-то загадочный страх: Михай страшился счастья. Пойти своему счастью навстречу или бежать от него? Что его ждет - благо или зло, жизнь или смерть? Где тот бог, что ответит на эти вопросы! Ведь отвечает же он цветку, раскрывающему чашечку своих лепестков, малой букашке, звенящей крылышками, птице, льющей гнездо. И лишь для человека, вопрошающего: "Блаженство иль вечную кару обрету я, поддавшись голосу сердца?" - у Всевышнего не находится ответа.

Михай решил прислушаться к голосу сердца, а голос этот подсказал ему: загляни в ее глаза, какой грех в том, чтобы упиваться сияньем девичьих глаз!

Только ведь опьянение это будет длиться вечно: стоит погрузиться взглядом в глаза любящей души, и ты навеки оставишь там собственную душу.

Михай глядел в глаза Ноэми, позабыв обо всем на свете, и находил в них целый мир, сулящий безбрежное наслаждение, земное счастье, блаженство.

Это предвкушение счастья пьянило его.

С молодых лет он не был любим. Лишь однажды дерзнул он помечтать о счастье, не страшась трудов и препон, устремился к нему, а достигнув, обрел лишь жестокое разочарование, испепелившее все его радостные надежды.

И вот теперь ему открыто говорят, что он любит. Говорят весенние деревья, осыпая его лепестками цветов, говорят твари животные, тычась в его руку, говорят уста, выдавая тайну сердца; жаркий румянец и сиянье глаз говорят о том же, выдавая эту тайну еще с большей откровенностью, нежели уста.

Даже мать девушки, которой надлежало бы опасливо скрывать эту тайну, без опаски выдает ее "Она вас так любит, что может умереть от любви".

О, пусть она не умирает!..

Тимар провел на острове день, равный вечности. Душа его была переполнена чувствами, которым нет конца. То был день самозабвения, сна наяву: стоило грезившему пожелать чего-либо, и желание его тотчас осуществлялось.

Однако на третью ночь, когда Михай после дивного вечера - с любимой, при луне - удалился на покой в свое темное убежище, в душе его заговорил неусыпный, неумолчный обличительный голос:

"Ведаешь ли ты, что творить? Ведь это хуже воровства, поджога или убийства. Несчастная женщина лишена всего своего имущества, отвергнута обществом и изгнана с малым ребенком на необитаемый остров; увидев молодого своего супруга погребенным как самоубийцу в неосвященной земле, дошла до грани человеконенавистничества и неверия в бога. А ты вторгся сюда как тать и похищаешь ее единственное, бесценное сокровище, норовишь навлечь на этих несчастный смерть, горе и мучения. Ты страшнее всех, на ком печать проклятия убогой и гонимой вдовы, а ведь это проклятие покарало их всех до единого. Ты убиваешь обретшую покой душу, ты похищаешь чистое, невинное сердце, не оставляя взамен своего. Безумец, беги, пока не поздно!".

Голос преследовал Тимара неотступно, всю ночь не давая ему сомкнуть глаз. Рассвет застал его на ногах.

Решение было принято. Он уедет и долго-долго не вернется сюда. Не вернется, куда его на забудут и пока он сам не позабудет об этих трех днях, когда ему казалось, что он тоже имеет право на счастье.

До восхода солнца он успел обойти весь остров, а возвратясь из своих странствий, застал Терезу и ее дочь на веранде - они накрывали стол к завтраку.

- Я должен уехать сегодня! - сказал Тимар Терезе.

- Так скоро!.. - прошептала Ноэми.

- У него много дел! - пояснила Тереза дочери.

- Да, корабли дожидаются! - прибавил Михай.

Объяснение звучало вполне правдоподобно. Ведь судовой комиссар - человека подневольный, не может же он попусту тратить время, запроданное нанимателю.

Его и не уговаривали остаться; он должен уехать - это вполне понятно, но ведь он вернется, и его будут ждать здесь - год, два, до самой смерти, вечно....

Однако Ноэми, узнав о расставании, не могла заставить себя притронуться к парному молоку.

Нельзя было удержать Михая: ждут дела, значит, он должен ехать.

Тереза сама вынесла ему ружье и суму, спрятанные ею в час его приезда.

- Ружье заражено? - предусмотрительно спросила она.

- Нет! Ответил Михай.

- Лучше зарядить, - настаивала Тереза, - Да дробью, так надежней будет. Камыши на том берегу - место коварное, туда волки забредают, а то и другие какие звери поопаснее.

И не отставала от Михая до тех пор, покуда ружье не было заряжено охотничьей дробью; она собственноручно насыпала порох на полку. Пистонов в ту пору еще не знали.

После этого Тереза сказала Ноэми:

- возьми ружье, чтобы Альмира не отняла. Ступай, проводи его к лодке.

Дав дочери такой наказ, она отпустила их одних.

Тимар молча шел подле Ноэми по обрамленной розами дорожке; рука девушки покоилась в его руке.

Неожиданно Ноэми остановилась. Михай тоже остановился и заглянул ей в глаза.

- Ты что-то хочешь мне сказать? - спросил он.

После долгого раздумья девушка ответила:

- Нет. Ничего.

Но Тимар уже научился читать по ее глазам, научился угадывать ее мысли.

"Радость, любовь моя, счастье жизни моей, скажи ты мне, что стало с той белолицей девочкой, которая в прошлый раз была здесь с тобой? Тимеей ее звали", - вот что хотела спросить Ноэми, но не произнесла вслух, лишь молча шла, держа руку Михая в своей руке.

С тяжелым сердцем расставался Михай с Ноэми.

Передавая ему ружье, девушка прошептала:

- Остерегайтесь. Как бы беды какой с вами не приключилось.

И, сжав его руку, она в последний раз посмотрела ему в глаза своим дивным, переворачивающим всю душу взглядом.

- Вы еще вернетесь? - с нежной мольбой спросила она.

Михай был тронут этим молящим тоном. Прижав девушку к груди, он прошептал:

- Отчего ты не говоришь мне "ты"?

Ноэми, потупясь, покачал головой.

- Скажи мне: "ты"! - настойчиво шептал Михай.

Девушка, спрятав лицо у Михая на груди, молчала.

- Не можешь, не хочешь? Короткое словцо, всего-то один слог! Боишься произнести?

Ноэми, закрыв лицо руками, молчала.

- Прошу тебя, Ноэми, скажи мне одно это слово, и я буду счастлив! Боишься выговорить вслух, произнеси потихоньку, шепотом, но не дай мне уйти без него.

Девушка молча покачала головой, так и не сумев выговорить это короткое слово.

- Ну что ж, храни вас бог, милая Ноэми! - срывающимся голосом произнес Михай и прыгнул в лодку.

Камышовые заросли вскоре заслонили остров. Но пока берег не исчез, Михай видел прислонившуюся к стволу акации девушку; обхватив ладонями лицо, она тоскливо смотрела ему вслед, но так и не крикнула вдогонку заветное слово.

Tropicus Capricorni¹⁴.

Переплыв на другой берег, Михай оставил свою лодку местному рыбаку, пусть, мол, посторожит ее, пока он не вернется.

Только вернется ли?

Тимар намеревался пешком добраться до пристани, где под присмотром Яноша Фабулы шла загрузка его судов. Грести против течения - нелегкая забава, а Михай сейчас находился не в том расположении духа, когда физическая нагрузка была бы в радость. К тому же поднялась сильная волна, чтобы такую преодолеть - нужно выложиться без остатка.

Путь Михая пролегал через территорию, которая на большом протяжении являет собою результат трудов дунайских разливов. Прихотливое течение, прорвав где-нибудь преграду на своем пути, меняет и изгибы: один берег упорно подмывает из года в год, другой точно так же год от года наращивает; тополя, занесенные на новые участки вместе с землей, дают молодую поросль. Отложения каждого года легко отличить по тополям, которые так и растут уступами. В этих нетронутых чащобах теряются извилистые тропинки, проложенные сборщиками хвороста и рыбаками. Кое-где можно наткнуться и на заброшенный шалаш - верхушка у него сбита набок ливнями и бурями, стены обвиты плетями ежевики и тыквы. Такой шалаш может оказаться пристанищем охотника, схроном беглого разбойника или логовом волчицы с детенышами.

Погруженный в свои мысли Тимар брел через нескончаемые заросли, держа за ремень переброшенное через плечо ружье.

...Нельзя тебе сюда возвращаться. Даже одной лжи нелегко придерживаться всю жизнь, а если их будет две, к тому же взаимно исключаящих друг друга? Опомнись, ведь ты не мальчик, чтобы давать волю страстям. А может, твое чувство и вовсе не страсть, а так, преходящее увлечение или еще того хуже - тщеславие. Твоему мужскому самолюбию льстит, что юная девушка, которую молодой, видный, даже красивый мужчина просит в жены, отталкивает его, бросается тебе на грудь со словами "я его люблю!". Умерь свое честолюбие: девушка отвергал того красавца, потому что он к гнусный человек, а тебя боготворит, наделив всевозможными возвышенными качествами. Но если бы она знала правду, известную тебе одному: что ты тоже всего лишь мошенник, просто более удачливый, чем тот, другой, разве тогда удостоила бы она тебя своей любви?

...Ну а если бы и вправду она тебя беззаветно любила, и ты принял бы эту любовь, какой стала бы твоя и ее жизнь? Расстаться с нею ты уже никогда не сможешь, значит, тебе придется вести двойную жизнь, построенную на лжи. Желаете связать свою участь сразу с двумя семьями и, откуда бы ни удалился, нести в сердце своем ревность? В одном случае опасаться за свою любовь, в другом - за честь.

...Жена не любит тебя, но чиста перед тобою, как ангел; если страдаешь ты, страдает и она; если оба вы страдаете друг из-за друга, - то не ее вина, но целиком твоя. Ты похитил ее сокровища, похитил ее свободу, а теперь, вопреки данному тобой обету, хочешь похитить у нее и свою верность?

...Но ведь она никогда о том не узнает, твоя измена не причинит ей боли. Ты и раньше по полгода проводил вдали от дома, уж такова участь коммерсанта, который в интересах дела вынужден разъезжать по всей стране и надолго отлучаться в дальние края. Если с весны до осени жить на острове, это никому не бросится в глаза. Что-то давно тебя не видно. Ах, торговые разъезды? Понятно....

¹⁴ Тропик Козерога (лат.) - поэтическое название Бразилии

Но что будет с этой девушкой? Ведь она не легкомысленное создание, чтобы сегодня сделать ее жертвой своих страстей, а завтра, пресытившись, щедро вознаградить ее и оставить: пусть ищет утешения в другом месте. Отец ее погиб, наложив на себя руки, и с сердцем дочери заигрывать опасно.

...Ну а если благословение небес, какого ждут все молодые пары, будет ниспослано тебе там, куда ты его не призывал? Что случится с близкой тебе женщиной, что случится с семьей, на которую ты не имеешь права, равно как и она лишена права на тебя - по людским законам.

...Эта девушка не создана для пошлых романов, для удовлетворения минутных мужских прихотей. Она безраздельно завладевает душой любимого, отдавая взамен всю свою душу без остатка. Хватит ли у тебя совести втянуть ее в омут, из которого ей не выбраться?

...Не видать тебе покоя ни днем ни ночью, а в страшных снах тебе будет являться облик детоубийцы и ли самоубийцы. Какое из этих кошмарных видений для тебя предпочтительнее?

...Есть ведь и еще одно препятствие, которое совсем не легко устранить: отвергнутый жених. Прожженный авантюрист, ему одним грехом больше, одним грехом меньше - без разницы, он тебя и на другом конце света отыщет. Встанет поперек пути, как раз когда ты устремился к вершинам своей карьеры, выведает все твои тайны и до конца дней твоих станет преследовать, терзать угрозами. Он него никакой ценой не освободишься, никакой жертвой не откупишься. Неотступный преследователь твой, он окажется вернее спутника жизни, поклявшегося пред алтарем в вечной любви. От него не убежишь: либо ты убьешь его, либо он тебя, - неразрывны узы, которые может разрешить лишь палач! А ты, золотой человек, образец добродетели и щедрости, всеми уважаемый и почитаемый, окажешься в позорном положении обвиняемого перед судом.

Тимар то и дело вытирал лоб, а затем догадался снять шляпу: теплый весенний ветерок обвевал измученную голову, осушая пот.

Поток тяжких обвинений вызвал в нем попытку оправдаться.

...Неужели я лишен права радоваться жизни? Вот уже без малого сорок лет, как я весь день от зари до зари провожу в трудах и заботах... чего же ради? Чтобы другие могли спать покойно, когда сам я не ведаю покоя?

...Отчего я несчастен в собственном доме?

...Неужели я недостойн женской любви? Ведь женщине, на которой женился, я принес в дар пылкую любовь, я боготворил ее! А она не любит меня, ее холодность повергает в отчаяние.

...Неправда, что я присвоил себе ее имущество, напротив: я спас его для нее. Ведь отдай я найденные сокровища опекуну, они бесследно пропали бы, и Тимее пришлось бы побираться. А теперь к ней возвратилось все, что некогда ей принадлежало. Себе я не оставил ничего, кроме одежды, чтобы прикрыть тело, - разве это воровство?

...Нозми любит меня, и тут уж ничего не поделаешь. Она полюбила меня с первого взгляда.

...Разве она станет счастлива, если я никогда больше не вернусь сюда?

...Не убью ли я ее, если навеки покину? Не подтолкну ли к самоубийству, если больше никогда не вернусь к ней?

...Люди в неразумии своем прогнали от себя подлинное счастье. Как знать, не поселилось ли оно здесь, на этом обособленном от мира острове, где не властны светские и церковные законы, а жизнью правят лишь законы природы, чувства истинной любви и привязанности?

...И стоит ли так опасаться незадачливого жениха? Ему не нужно ничего, кроме денег, а деньги у меня есть. Брошу подачку, и он уберется с глаз долой!

Весенний ветерок шелестел в кронах молодых тополей.

Близ извилистой тропинки виднелся шалаш, сложенный из вязанок хвороста; вход в шалаш закрывали плети ежевики.

Тимар вытер лоб и надел шляпу.

Голос внутри вновь попытался воззвать к его разуму, прельщая душевным покоем:

...Земных утех ты не ведаешь, жизнь твоя сурова и уныла, зато спокойна. Вечером, отходя ко сну, ты подводишь итог: "Ну, вот, и еще один безрадостный день прошел". И вправде тут же

добавить: "Но день ничем не омраченный. Я никому не причинил вреда". согласишься ли ты променять этот покой на радости. Кой лишат тебя сна?

Дух противоречия тотчас же перехватил слово:

...Но кто сказал, будто любовь - грех, а страдание - добродетель? Видел ли кто-нибудь воочию сидящих подле Господа двух архангелов: тот, что сидит одесную, записывает имена зачавших от скуки праведников, а тот, что расположился ошуюю, заносит в черный свиток имена грешников, дерзнувших любить и быть счастливыми?

Вблизи грянули два выстрела, и над самой головой Михая со зловещим осиным жужжанием просвистели две пули, сбив шляпу так, что она отлетела в кусты.

Стреляли из шалаша.

В первый момент Михай испугался от неожиданности: выстрелы прозвучали словно бы в ответ на сокровенные его мысли. Он вздрогнул всем телом, и сковывающий его страх смысла волна гнева; сорвав ружье с плеча и поправили заряд, он яростно рванулся к входу в шалаш, где еще не развеялся пороховой дым.

Под направленным дулом его ружья стоял дрожащий от страха Тодор Кристьян. Двустольный пистолет - теперь уже бесполезный - Тодор держал перед собою, пытаясь заслонить лицо. Все его тело сотрясала крупная дрожь.

- Ах, вот это кто! - вскричал Михай.

- Пощадите! - еле выговорил злоумышленник; он выронил оружие и умоляюще протянул руки к Михая. В лице его не было ни кровинки, глаза погасли; полумертвый от страха, он едва держался на ногах.

Тимар быстро опомнился страх и гнев его улетучились.

- Подойди поближе! - опустив ружье, ровным тоном приказал он Тодору.

- Боюсь, - чуть слышно вымолвил тот, прижавшись к стенке шалаша. - Вы меня убьете.

- Не бойся, не убью! - И Тимар разрядил ружье в воздух. - Видишь, теперь я тоже безоружен.

Тодор на подкашивающихся ногах вышел из шалаша.

- Ты хотел меня убить, несчастный! - проговорил Михай. - А мне жаль тебя.

Незадачливый убийца не отваживался поднять на него глаза.

- Тодор Кристьян, ты так молод, а уже мог стать убийцей. Радуйся, что тебе это не удалось, и постарайся исправиться. Ведь ты от природы не зол, злым тебя сделали люди. Я знаю историю твоих злключений и попробую тебя спасти. Способности в тебе заложены хорошие, вот только используешь ты их дурно. Бродяжничаешь, мошенничаешь - неужели такая жизнь тебе по душе? Не может этого быть. Отчего бы тебе не начать все сначала? Хочешь, я подыщу тебе подходящую должность, и ты с своими талантами заживешь как честный человек? Мне это под силу, у меня обширные связи. Ну как, по рукам?

Убийца бросился на колени перед человеком, которого несколько минут назад собирался убить, и, схватив обеими руками протянутую ему руку, покрыл ее поцелуями.

- О, сударь, позвольте мне стать перед вами на колени! - рыдая, промолвил он. - Вы первый, кто говорит со мною по-человечески! С малых лет меня, как бездомного пса, гоняли от порога к порогу, каждый кусок мне удавалось урвать лишь обманом, воровством или лестью. Мне и руки-то сроду никто не подал, а если кто и подавал, то, значит, злодей еще хуже меня норовил заманить на кривую дорожку. А уж какую жизнь я вел - сквернее некуда, сплошь обман да предательство, любого знакомого лица пуще огня боишься. Вы протянули мне руку!.. А я-то, подлый душегуб, который день вас туту подстерегаю! И вы решили помочь мне спастись от себя самого. Позвольте мне на а коленях выслушать ваши приказания.

- Встаньте! Терпеть не могу сентиментальности, а уж мужским слезам и подавно не верю.

- И правильно делаете. Сударь! - воскликнул Тодор Кристьян. - Моим слезам, конечно, веры нет. Ведь я комедиант завзятый, покажи мне грош и вели пустить слезу, я зальюсь в три ручья. Кто же мне поверит, если я заплачу от души? Я подавлю свои чувства, сударь.

- Так-то оно лучше, тем более что я вовсе не намерен читать вам проповедь. У меня к вам деловой разговор. Вы говорили о связях с банкирским домом Скарамелли и поездке в Бразилию.

- Сударь, все это неправда.

- Ясно. Значит, связей с ним у вас нет.

- Были, но оборвались.

- Вы бежали или вас выгнали?

- Первое.

- С доверенными вам деньгами?

- Да, там было сотни три-четыре.

- Скажем для верности, пятьсот форинтов. Нет ли у вас желания вернуть долг господину Скарамелли? У меня-то с этой конторой связи надежные.

- Я не хочу оставаться там на службе.

- А поездка в Бразилию?

- Вранье все это, никакое дерево для постройки судов оттуда не вывозится.

- В особенности тех пород, что вы перечислили. Там были и лекарственные породы, и деревья-красители.

Тодор улыбнулся.

- Ваша правда. Деревья с острова я собирался продать углежогу, Тереза верно меня раскусила.

- Значит, вы не ради Ноэми приплыли на остров?

-Э-э, да у меня в каждой стране по законной супруге!

- Ну что ж, я мог бы предложить вам очень хорошее место в Бразилии - должность маклера при некой новой фирме, где потребуются знания венгерского, немецкого, итальянского, английского, французского и испанского языков.

- Я говорю и пишу на всех этих языках.

- Знаю. А кроме того, объясняетесь по-гречески, по-турецки, по-польски и по-русски. Вы - человек выдающихся способностей, и я обеспечу вам ложность, где таланты ваши будут оценены по заслугам: три тысячи долларов постоянного жалования плюс проценты с прибыли. От вас зависит, чтобы процент этот был как можно выше.

Тодор Кристьян лишился дара речи от таких слов. Он настолько привык притворяться, что сейчас, испытывая прилив истинной благодарности, не смел выразить свои чувства, опасаясь, что Тимар сочтет это очередной комедией.

- Сударь, вы не шутите?

- Какой резон мне с вами шутить? Вы покушались на мою жизнь, и я должен позаботиться о собственной безопасности. Убить вас? Я не могу взять такой грех на душу, значит, мне надобно обратить вас на путь истинный. Другого способа защиты у меня нет. Если вы станете честным человеком, то и я смогу спокойно разгуливать по лесу. Надеюсь, теперь вы меня поняли.

Предложение свое я вам сделал по зрелом размышлении, и вот том доказательство: мой кошелек, денег в нем хватит на дорогу до Триеста и расплатиться с синьором Скарамелли. К тому времени, как вы доберетесь до Триеста, я успею письменно снестись с синьором Скарамелли, и он скажет, что вам делать дальше. Ну, а теперь разойдемся в разные стороны.

Тодор дрожащими руками взял протянутый ему кошелек.

Михай поднял свою простреленную шляпу.

- А эти два выстрела расценивайте как вам будет угодно. Если вы хотели убить меня из-за угла, то у вас есть все основания избегать в дальнейшем встреч со мною там, где властвуют законы. Если же то была горячность оскорбленного соперника, то при ближайшей встрече право первого выстрела за мной....

Тодор Кристьян, рванув на груди рубаху, взволнованно воскликнул:

- Если я еще хоть раз попадусь вам на глаза, стреляйте прямо сюда! Убейте меня как бешеную собаку! - Подняв с земли свой разряженный пистолет, он насильно всунул его Михай в руки. -

Вот вам мой пистолет, и если я когда-нибудь окажусь у вас на пути, стреляйте безо всяких разговоров и предупреждений!

Он не отставал от Михая до тех пор, покуда тот не спрятал пистолет в карман своей охотничьей сумки.

- Прощайте! - Тимар повернулся и пошел своей дорогой.

Тодор некоторое время смотрел ему вслед, затем бросился вдогонку.

- Сударь, обождите минуту! Вы сделали меня другим человеком. Позвольте мне в письмах, если я когда-либо буду вам писать, называть вас "отец мой". До сих пор это слово вызывало во мне ужас и отвращение, пусть же отныне ему станут сопутствовать доверие и любовь! Благодарю, отец мой!

Тодор пылко прижался губами к руке Михая и бросился прочь; когда ближние кусты скрыли его от Тимара, молодой человек, уткнувшись лицом в траву, разрыдался. И слезы его были искренними.

Бедняжка Нозми добрый час простояла под акацией, на том месте, где они с Михаем простились. Тереза отправилась на поиски дочери и, найдя Нозми, села подле нее на траву и достала вязание.

- Слышишь, мама? - вдруг встрепенулась Нозми. - Два выстрела на том берегу!..

Обе настороженно прислушивались. В воздухе, прогретом летним зноем, царил тишина.

- Опять два выстрела! Мама, что это?

- Охотники стреляют, дочка, - пыталась успокоить ее Тереза.

Однако лицо Нозми сделалось белым, как цвет к акации у нее над головой, а руки, прижатые к груди, тщетно старались унять биение сердца.

- О, нет! - чуть слышно промолвила девушка. - Он больше не вернется.

Нозми жестоко казнила себя: отчего не сказала она Михая короткое слово "ты", ведь он так об этом просил!

- Вот что, друг мой Фабула, - заявил Тимар своему верному управляющему, - этот годы мы не повезем зерно ни в Дёр, ни в Комаром.

- А что же мы с ним делать станем?

- Перемелем на муку. Две водяные мельницы у нас есть свои, в поместье, да найдем еще десятка три дунайских, вот и управимся.

- Сбыть с рук такую пропасть муки тоже совсем не просто.

- Пусть вас это не беспокоит. Загрузим малые суда мешками с мукой и доставим в Карловац, а оттуда на повозках отвезем в Триест. Морское судно мое готово, остается только забить трюмы мешками с мукой до отправить в Бразилию.

- В Бразилию? - испуганно переспросил Фабула. - Нет уж, сударь, увольте, мне туда ехать не с руки.

- Я и не собираюсь вас туда посылать, на то есть другой человек. Ваше дело проследить, чтобы здесь все шло без сучка, без задоринки - и помол, и перевозка муки до Триеста. Сегодня же отдам распоряжение всем управляющим и мельникам, а в мое отсутствие будете распоряжаться вы.

- Благодарю покорно! - сказал Янош Фабула и, понуря голову, вышел из кабинета господина Леветинского.

- Опять какую-то дурь несусветную удумал! - пробурчал он себе поднос, но так, чтобы и хозяину было слышно. - Мыслимое ли дело и Венгрии в Бразилию муку вывозить! Я ведь и географии обучался у его преподобия господина Оноди, так что и про Бразилию эту мне много чего ведомо. Главный город там Рио-де-Жанейро; оттуда вывозят хлопок, табак, сахар, кофе, там находятся самые знаменитые алмазные рудники. Живут в Бразилии, индейцы, португальцы, голландца, англичане и немцы. А теперь вот и венгру, вишь, пришла охота в эту уйму пронырливого люда затесаться! Муку он туда вывозить надумал. Да там цельные леса из таких деревьев, что только знай руби да из сердцевины выгребай готовую муку-крупку. А в иных лесах

прямо на деревьях готовые булки растут, обрывай с веток те, что поспели, и в печь пихай. И в такую хлебную страну муку везти, да еще из-за моря. Во-вторых, все равно ее там никто не купит. А ежели и купят, то из Бразилии денег не дождеешься: и адвоката туда не пошлешь, и вице-губернатору не пожалуешься. Выходит, опять господин Леветинцкий невесть что учудил. А только, помяните мои слова, и эта его блажь тоже чудом обернется, как всякий раз бывало. Пойдет туда корабль с мукой, а обратно вернется с золотом. Но уж больно чудная эта затея!.. Наш друг Фабула Был совершенно прав. Да и сам Тимар был примерно того же мнения. Ведь, снаряжая судно в Бразилию, он рискует сотней тысяч форинтов.

Впрочем, идея эта не была для него внове. Давно задавался он вопросом, отчего бы венгерскому негодянту не взяться на какое-нибудь дело покрупнее? Не вечно же тянуть суда по Дунаю взад-вперед, торговаться из-за цен на зерно, выхлопывать у высоких министерских чинов заказы и, если повезет, отводить канал государственных расходов к собственному участку. Не вечно же заключать с Дворцовыми палатами арендные договора на грошовых для себя условиях, а попутно - из благородных побуждений - выручать под высокие проценты деньгами бедствующих магнатов, чтобы, как нищий по копеечке, сколачивать один убогий миллионишко за другим! Неужто не сыскать венгерскому купцу более обширного, свободного и добычливого поля деятельности, чем эта мелочная торговля? Неужто не найти у себя в стране товара, какой мог бы выдержать конкуренцию и открыть выход на мировой рынок?

Внешняя торговля была его давней, заветной мечтой. Тимар загодя занялся усовершенствованием своих мельниц и заказал в Триесте судостроительной компании морское торговое судно. Однако причиной столь скоропалительного о решения все же была Ноэми: стычка с Тодором Кристьяном подтолкнула его тотчас же приступить к осуществлению своего замысла.

Вывоз муки в Бразилию стал теперь делом второстепенным, главной задачей было отдалить от себя Тодора на расстояние целого полушария.

Те, кто видел, какую кипучую деятельность развил в эти недели Тимар, как разъезжал с мельницы на мельницу, как следил за погрузкой и торопил груженные суда к немедленной отправке, - говорили: вот образец для подражания каждому негодянту! Такой богатый господин, держит такую пропасть управляющих, агентов, комиссаров, приказчиков, старост и надзирателей, а во все дела вникает самолично, будто самый обычный купец. Уж кто-кто, а Тимар в торговом деле разбирается.

Знали бы они, как далеки сейчас от торговли его интересы!

Минуло три недели, и первый корабль, груженный тоннами венгерской муки, стоял в триестском порту, готовый поднять якоря. Красавец трехмачтовик носил название "Паннония". Даже придиричивый Янош Фабула, присутствовавший при погрузке, остался доволен судном. Тимар же и в глаза не видел свое детище. Он даже не поехал в Триест проводить судно в первое путешествие, все эти недели он находился в Панчеве или Леветинце. Реализацию идеи взяла на себя фирма Скарамелли: у Тимара была причина не связывать свое имя с этим предприятием, и он лишь обменивался с фирмой письмами.

В один прекрасный день Тимар получил послание от Тодора Кристьяна. Вскрыв конверт, он с удивлением обнаружил приложенные к письму деньги - сотенный банкнот. Что же до содержания письма, оно было следующим:

"Отец мой!

Теперь, когда вы читаете эти строки, я уже далеко в открытом море на борту красавицы "Паннонии" в качестве бразильского агента фирмы Скарамелли. Приношу свою глубочайшую благодарность за ваше великодушное предложение. Банк выплатил мне наперед двухмесячное жалование, и я посылаю вам сто форинтов с нижайшей просьбой: не откажите в любезности передать эти деньги владельцу трактира "Белый корабль" в Панчеве. Прошлый раз я остался должен этому честному малому и теперь с благодарностью возвращаю свой долг. Благослови вас небо за вашу доброту ко мне!".

Тимар облегченно вздохнул: этот человек встал на честный путь, вот ведь вспомнил о своих прошлых долгах и покрывает их сбереженными деньгами.

До чего приятное чувство помочь пропащему человеку! Спасти недруга, покушавшегося на твою жизнь, вернуть его обществу, превратить мошенника в честного человека, отыми дочиста упавшую в грязь жемчужину - благое дело, достойное эпохи первых христиан. Ты поистине человек благородной души!

Но обличающий голос в душе возразил: " Ты - убийца! И радуешься не тому, что спас человека, а что сам от него избавился. Если вдруг до тебя дойдет весть, что корабль твой в океане попал в шторм и, разбитый в щепки, пошел ко дну вместе с грузом и людьми, радость твоя будет еще больше. Не интересуют тебя и торговля мукою, ни прибыли, ни убытки, ты сейчас думаешь совсем о другом. Каждое лето из болотистых долин Ла-Платы и Амазонки выбирается губительное чудовище - желтая лихорадка; подобно тигру, подстерегает она каждого вновь прибывшего чужака, из сотни людей каждые шестьдесят падают жертвой этой хвори. Авось да и Тодор окажется среди них. Ты - убийца! А может, ты надеешься на иной, более вероятный исход: в краю, где властвуют страсти, этот легкомысленный, темпераментный человек станет жертвой прекрасный креолок и увеселительный притонов, растратит вверенные ему деньги и после этого преступления вынужден будет скрываться, а значит, окажется все равно что мертв для тебя и для всего здешнего мира. Предвидя такой исход, ты радуешься ему заранее! Ты - Убийца!

Тимар и впрямь испытывал радость, словно ему удалось убить недруга, - радость беспокойную, исполненную укоров совести и отдаленный, неясных тревог.

С этого дня Тимара словно подменили; его нельзя было узнать. Обычно хладнокровный и уравновешенный, сейчас он каждым своим поступком выдавал несвойственное ему беспокойство. Деле противоречивые распоряжения, а через час и вовсе забывал о своих указаниях. Отправляясь в какую-нибудь поездку, вдруг возвращался с полпути. Случалось, забросив коммерцию, он производил впечатление человека, делами совершенно не интересующегося, а потом вдруг за малейшее упущение раздраженно набрасывался на подчиненных.

Нередко видели его на берегу Дуная: опустив голову, долгими часами расхаживал он взад-вперед, словно близок был к помешательству, и начал с того, что сбежал из дому. А иногда наоборот, запершись в своей комнате, целый день не желал никого видеть.

Письма, которые из всех уголков страны отсылали Тимару в Леветинц, грудой копились у него на столе нераспечатанными.

Серьезный, взрослый человек не способен был думать ни о чем и ни о ком, кроме златокудрой девушки, которую он последний раз видел на берегу острова такой грустной.

Он то решал вернуться к ней, то был полон решимости забыть ее навсегда.

Тимар сделался суеверен, жаждал небесных знамений, вещих снов, которые подскажут ему, как поступить. Но в сновидениях ему являлась все та же девушка - счастливая и страдающая, вверившая ему свою судьбу и ныне потерянная для него; эти сны и вовсе лишали его покоя. А небеса тоже не спешили подать какой-нибудь указующий знак.

В один из томительных дней Тимар заставил себя взяться за ум; привычные дела утишат мятущуюся душу. Он сел за стол и начал распечатывать накопившуюся корреспонденцию. Однако стоило ему дочитать письмо до конца, как он уже забывал, о чем шла речь в начале. Тимар видел перед собою голубые глаза Ноэми и желал читать лишь то, что они говорили. Но вот под руку ему попался конверт увесистее прочих; адрес был написан знакомым почерком. Сердце Тимара дрогнуло - то был почерк Тимеи.

Холодок пробежал у него по жилам: вот оно, небесное знамение! Это письмо определит исход его душевных борений.

Тимея - ангельски доброе создание, верная, преданная жена! Одно ее ласковое слово подействует на его душу, как оклик на человека, забывшегося глубоким сном. Строки

знакомому почерка возродят в памяти дивный страдальческий облик и вернут его на путь истинный.

В конверте прощупывалось что-то тяжелое. Должно быть, какой-нибудь приятный сюрприз, знак нежного внимания. Ну да, конечно же, вещь завтра у него день рождения! Это письмо - милое напоминание о празднике.

Михай слова печать и бережно вскрыл конверт.

К его удивлению. Оттуда выпал ключ от письменного стола, - вот-то и придавал такую тяжесть конверту. А в письме было всего несколько строк:

"Мой дорогой супруг!

Вы забыли вынуть ключ от ящика письменного стола. Чтобы вы не беспокоились, посылаю его вам. Храни вас Господь!

Тимея".

И все.

Тимар действительно забыл этот ключ в письменном столе, когда среди ночи тайно вернулся домой и от речей Атали совсем потерял голову.

Итак, никаких сюрпризов, подарков, всего лишь ключ и несколько холодных слов в придачу!

Тимар удрученно положил перед собою письмо.

Тут вдруг его пронзила страшная мысль: если Тимея обнаружила ключ, торчащий в замке письменного стола, то не исключено, что она рылась в его вещах, - женщины нередко делают это из любопытства. А если она заглянула в ящик, то обнаружила там вещь, которую не могла не узнать. Обращая сокровища Али Чорбаджи в деньги, Тимар соблюдал осторожность: старался не сбывать такие произведения ювелирного искусства, которые могли бы навести на след, и в первую очередь продал бриллианты без оправы. Среди драгоценностей был выложенный бриллиантами медальон с миниатюрой внутри. Портрет изображал молодую женщину, чертами лица поразительно напоминающую Тимею. По всей вероятности, это была ее мать, гречанка по происхождению. Если Тимея обнаружила этот медальон в ящике мужнина стола, она обо все догадалась. Узнала на портрете лицо матери и поняла, что драгоценность принадлежала ее отцу; после этого нетрудно было сообразить, что отцовские сокровища попали в руки Тимара, а там уж и распутать всю историю, каким образом Тимар стал богатым человеком и откупил Тимею ценою ее же собственных сокровищ.

Если Тимея поддавалась любопытству, то теперь она знает все и презирает своего мужа.

Разве не подтверждают это слова ее письма и приложенный к нему ключ? Разве не хотела она дать мужу понять: "Я распознала тебя"?

Если до этого момента Михай колебался, карабкаться ли ему вверх или катиться по наклонной плоскости вниз, то теперь он окончательно укрепился в мысли: вниз!

Не все ли равно? Перед женою он разоблачен, строить из себя "золотого человека", щедрого, великодушного благодетеля больше не удастся. Теперь она знает ему истинную цену.

Значит, остается катиться вниз.

Решено: он вернется на остров. Однако ему не хотелось отступать с поражением.

Он отправил Тимею письмо, где просил ее всю корреспонденцию, какая за время его продолжительного отсутствия будет поступать на комаромский адрес, вскрывать самолично и в случае необходимости обращаться за помощью к его адвокату и комиссионеру; если же потребуется безотлагательное вмешательство, то она вправе самостоятельно распоряжаться от его имени: подписывать чеки, получать и выдавать деньги по своему усмотрению. Вместе с письмом он вернул Тимею ключ от письменного стола, чтобы в случае надобности все договора и прочие бумаги были у нее под рукою.

Михай решил пойти с козыря. Почувствовав, что тайна его вот-вот раскроется, он поспешил сам навести на ее след в надежде, что так она, может и не выявится. Ведь подозрительность, как филин, хорошо видит в потемках, зато слепнет при свете дня.

Вслед за тем он отдал необходимые распоряжения всем своим управляющим, предупредив каждого, что уезжает надолго, но не сказав, куда именно. А всю почту на его имя велел пересылать в Комаром своей жене.

Из Леветинца он выехал после обеда, но не в собственном экипаже, а наемной крестьянской повозкой: он рассчитывал таким образом запутать следы.

Всего лишь несколько дней назад Михай находился под властью суеверий, ожидая вразумляющих знамений от небесных сил и стихий природы. Теперь же, когда он принял окончательное решение вернуться на остров, ему все было нипочем. А между тем и небесные и земные стихии не скупились на зловещие предостережения, пытаясь чуть ли не силком удержать его.

Под вечер, когда вдаль показалась уходящая за горизонт полоса тополиных зарослей, окаймляющих берег Дуная, на небе вдруг возникла, стремительно приближаясь, какая-то странная, похожая на клубы дыма туча тускло-красного цвета. Возчик, сербский крестьянин, с тяжкими вздохами принялся было молиться, но, как только клубящаяся туча приблизилась, благоговейные слова на его устах сменились ругательствами.

- Комарье летит!....

Комары, несметными полчищами гнездящиеся в скальных пещерах Голубаца, - воистину порождение дьявола; время от времени они снимаются с мест и, сбившись в огромный рой, обрушиваются на равнину. Тогда уж не приведи бог какой-нибудь несчастной скотине попасться им на пути.

Туча комаров накрыла равнину, где пролежала дорога к реке. Мелкая, беспощадно жалящая мошка облепила обеих лошадей, плотно забивая глаза, уши, ноздри. Перепуганные животные, не слушая возницу, повернули назад и понеслись, закусив удила. Тимар рискнул соскочить на полном ходу; природная ловкость и счастливый случай выручили его - руки-ноги остались в целости, но лошади с повозкой умчались куда глаза глядят.

Уж этого ли предостережения мало, чтобы повернуть обратно? Но Тимар был полон решимости, его было не остановить. Ведь теперь он ступил на такой путь, где человеку негоже обращаться за поддержкой к Всевышнему. Нозми влекла его к себе, Тимея отталкивала, и в этом противоборстве полярных сил Тимар положился на собственную волю. А она вела его вперед.

Лишившись лошадей, он зашагал к прибрежным зарослям пешком. Оружие его осталось в повозке, он подобрал толстый ивовый сук и, вооружившись им, как дубиной, в поисках тропинки углубился в заросли. Вскоре он заблудился. Время шло к ночи. Чем настойчивее продирался Тимар сквозь чащу кустарника, тем меньше оставалось надежды выбраться отсюда.

Наконец он наткнулся на какой-то шалаш и решил переночевать здесь. Собрав в кучу валявшийся вокруг хворост, он разложил костер; по счастью Когда он соскочил с повозки, охотничья сумка осталась при нем. Тимар достал хлеб и сало, чтобы поджарить на огне.

В охотничьей сумке обнаружилось и еще кое-что: дуствольный пистолет Тодора, из которого тот стрелял в Михая, спрятавшись в шалаше. Да и шалаш-то, пожалуй, был тот же самый.

Проку от пистолет не было никакого, поскольку пороховница Михая тоже осталась в повозке, однако оружие все-таки сослужило свою пользу, утвердив Михая в его фатализме. У человека, который чудом уцелел под пулями, должно быть еще какое-то предназначение на земле.

Эта мысль пришла как нельзя кстати: с наступлением ночи заросли превратились в опасное место. Поблизости были волки; Тимар видел, как в густом кустарнике зеленым блеском горят из глаза. Время от времени один из старых волков дерзко подкрадывался с тыла к самому шалашу и выпускал леденящий душу вой.

Тимар попытался было укрыться в шалаше, но темное нутро встретило его злобным змеиным шипением, а под ногами лениво колыхнулась какая-то масса: очевидно, он едва не наступил на черепашу.

Тимар сидел у костра, не давая огню угаснуть, и раскаленным кончиком длинного прута чертил в воздухе какие-то замысловатые знаки - должно быть, огненные иероглифы собственных мыслей.

До чего же тоскливая ночь! У него есть несколько домов, есть удобная постель, в доме его живет молодая, красивая женщина, которую он вправе называть своей женою, а он проводит ночь в одиночестве, в гнилом, покрытом плесенью шалаше! Кругом вою т волки, а над головой с ленивым шуршанием ползет по стенке шалаша змея.

А ведь сегодня у него день рождения - по обычаю здешних краев радостный семейный праздник. И Михай хочет, чтобы этот день для него тоже стал праздником.

По натуре своей Михай был человеком набожным, верующим. Он с детства привык молиться по утрам и вечерам, и этой своей привычке не изменял никогда. В горе, нужде, в любой опасности, каких немало встречалось на его нелегком жизненном пути, его духовным прибежищем была молитва. Он верил в бога, и вера спасала его от беды, помогая во всех начинаниях.

Но этой страшной ночью он не смог молиться: слова, обращенные к богу, застывали на устах. "Отвари, господи, лик свой, дабы не узреть, каким путем я бреду!".

С этого памятного для рождения Михай перестал молиться. Бросив вызов судьбе.

Едва развиднелось, ночные чудища попрятались в свои норы. Тимар покинул место ночлега и вскорости обнаружил тропинку. Выведшую его прямо к реке.

Но тут его поджидало новое страшное испытание: Дунай вышел из берегов.

Наступила пора таяния последних снегов, на мутно-желтых волнах вздувшейся реки колыхались вырванные с корнем тростники и кусты тальника. Рыбачья хижина, куда направлялся Тимар, стояла на высоком холме, а сейчас вода подобралась к самому ее порогу. Лодка, которую он некогда здесь оставил, была привязана к стволу старой ивы возле нее.

В самой хижине никого не было - какая рыбная ловля во время паводка! - да и рыболовные снасти рыбаки, спасаясь, прихватили с собой.

Требовалось ли какое иное небесное знамение, божье предначертание? Разлившаяся река во всей своей величественной мощи преградила путь дерзкому смельчаку.

В такую пору никто не решается плавать по реке.

Вот он, чудодейственный знак: вернись.

"Ну уж нет! - сказал себе Тимар. - Решил идти, так иди!".

Хижина оказалась заперта, но Михай разглядел в щелочку, что его весло и багор находятся внутри, и взломал дверь.

Прыгнув в лодку, он носовым платком привязал ноги к рулевой скамье, распутал веревку, которая удерживала лодку, и резко оттолкнулся от берега.

Бурное течение подхватило лодку.

Дунай кичился своей необузданной властью, в гневе вырывая с корнем целые леса. Человек, дерзнувший пуститься по волнам, - для реки не более чем жалкий муравей, хватающийся за соломинку. Однако этот ничтожный муравей и не помышлял сдаваться, знай себе работал веслами, стараясь держать курс. Стремительные волны швыряли утлое суденышко, как ореховую скорлупу, встречный ветер отгонял его назад к берегу. Но человек не поддавался ни ветру, ни волнам.

Шапку он бросил к ногам, влажные от пота волосы трепал ветер; волны, захлестывая через борт лодки, ледяными струями ударяли в разгоряченное лицо, но даже это не остужало Михая. Ему было жарко. От одной лишь мысли, что Ноэми, видимо, находится сейчас в опасности, его бросало в жар. Эта мысль не давала роздыха его рукам.

Река и ветер - всевластные стихии, однако человеческая страсть и воля оказались сильнее.

Тимар лишь сейчас по-настоящему узнал себя, понял, какая сила воли таится в его характере и как выносливы его руки. Доплыв наперекор течению до мыса Острова, он совершил титанический труд.

Теперь можно было и передохнуть.

Острову совершенно залило паводком, вода струилась меж деревьев. Здесь было удобнее продвигаться, помогая себе багром. Тимару предстояло подняться по течению как можно выше, с тем чтобы потом волны отнесли его на ничей остров.

Но когда Тимар, проплыв вдоль острова необходимое расстояние, выбрался из леса на открытое место, взгляду его вновь представилось непривычное зрелище.

Ничей остров, обычно скрытый густыми зарослями камыша, из которых выглядывали лишь кроны деревьев, сейчас оказался посреди дунайского протока весь на виду. Камышовые заросли целиком ушли под воду, из-под воды торчали лишь верхушки деревьев, и только "блуждающая" скала и ее окрестности выделялись зеленым пятном.

Тимар, сгорая от нетерпения, предоставил лодке плыть по волнам. С каждым взмахом весел приближалась знакомая скала, вершина которой отливала небесной голубизной от цветущей лаванды, а склоны, обвитые дельфиниумом, казались золотисто-желтыми.

И чем ближе становилась скала, тем нетерпеливее делался путник.

Вот показался и фруктовый сад, деревья которого стояли наполовину в воде, но к розарию разлив не подобрался, и козы с овцами сбились там в кучу.

Вот и радостный лай Альмиры! Собака выскочила на берег, убежала обратно, снова вернулась и, бросившись в воду, поплыла навстречу гостю, затем вслед за лодкой повернула к берегу.

А что это за фигурка в розовом, там, у подножья цветущего куста жасмина? Девушка идет навстречу Михай, подходит к самой кромке плещущейся воды.

Последний взмах весел, и лодка причаливает к берегу. Михай выпрыгивает на сушу, и лодку уносит волнами: в ней больше нет нужды, вот никто и не заботиться вытащить ее на берег.

Ноэми и Михай не сводят глаз друг с друга.

Вокруг простирается библейский рай: плодоносные деревья, цветущие травы, кроткие животные, отгороженные от мира речными волнами, а в раю - Адам и Ева.

Девушка, побледнев от волнения и дрожа всем телом, ждет любимого, а когда тот бросается к ней, она в про порыве страсти припадает к его груди и, не помня себя от радости. Воскликает: - Ты вернулся! Ты! Ты! - и губы ее, даже смолкнув, продолжают нем твердить: "Ты, ты!".

Окрест раскинулся библейский рай. Жасминовый куст держит над из главами серебряные венцы, а соловьиный хор поет "Господи, помилуй...".

Родимый кров.

Лодку Тимара унесло волнами; челн, на котором некогда приплыла сюда Тереза, давно сгнил, а новый она, за ненадобностью, не покупала, так что пришельцу не уйти с острова, пока не придут первые скупщики фруктов. Но до тех пор пройдут еще недели и месяцы.

Недели и месяцы счастья!

Неисчислимые дни безоблачной радости.

Ничей остров стал для Тимара родимым кровом. Здесь он обрел труд и покой.

После того как паводок схлынул, Тимара ждала большая работа: осушить низинные места острова, где стояла вода. Целыми днями он рыл отводные каналы; Ладони его огрубели, как у заправского землекопа. Зато по вечерам, когда он, взвалив на плечо лопату и мотыгу, возвращался к домику, его всегда ждали и встречали с любовью.

Поначалу женщины рвались помочь ему в изнурительном труде, но Михай деликатно отказался: пусть лучше займутся по хозяйству, а землю копать - мужская работа.

И когда канал для отвода стоячий вод было готов, Михай взирал на плод своих трудов с такой гордостью, словно это и было единственным делом его жизни, которое можно без стеснения назвать благим, которым можно оправдаться перед судом своей совести. День завершения этой работы стал для островитян праздником. Они не соблюдали великих праздников, не отмечали

воскресений; праздником для них становился любой день, когда господу угодно было ниспослать им радость.

Обитательницы остров а были скупы на слова. Все, что царь Давид восславил в ста пятидесяти псалмах, вмещалось у них в одну молитву, а любовные излияния, воспетые в стихах сонмом поэтов, заменял один - единственный взгляд. Они научились угадывать мысли друг друга, научились следовать мыслям другого, научились сливать мысли воедино.

Михай день ото дня все больше восхищался Ноэми. Преданная, благодарная натура, начисто лишенная капризов и требовательности. Она не ведала грусти или тревоги о будущем.

Попросту была счастлива и давала счастье другому. Никогда не спрашивала Михая: " Что будет со мной. Когда ты уедешь? Оставишь меня здесь или возьмешь с собою? Будет ли мне прощение за то, что я люблю тебя? Какую веру исповедует священник, что благословляет тебя? Можешь ли ты принадлежать мне? Нет ли у какой другой женщины прав на тебя? Какое место занимаешь ты в том, большом мире и что это за мир, в котором ты живешь?" Ни в лице, ни в глазах ее Михай не замечал и тени подобных тревог, всегда читая лишь один и тот же извечный вопрос: "Любишь ли ты меня?".

Тереза как-то мимоходом обронила, что у Михая, мол, наверное, накопилось немало дел, но он успокоил ее: "Янош Фабула со всеми делами управится". А стоило Терезе перевести взгляд на дочку, кроткие голубые глаза которой. Как подсолнечник к солнцу, постоянно были обращены к Тимару, и она тяжело вздыхала: "Как же она его любит!".

Тимар испытывал неодолимую потребность дать работу пукам: целыми днями рыть канавы, вбивать сваи. Плести из прутьев изгородь; тяжелый физический труд помогал душе справляться с бременем еще более тяжких забот.

А что творится тем временем там, в обыденном внешнем мире?

Три десятка его судов плывут по Дунаю. Новая галера бороздит океанские воды, а все его благополучие, многомиллионное богатство вверено неопытным женским рукам.

И если сейчас жена по своей легкомысленной прихоти пустит все состояние на ветер, разстранжирит все до гроша, разорив мужа подчистую, разве повернется у него язык укорить ее за это?

Он был счастлив тут, не хотел знать, что происходит там.

Душа его рвалась надвое: туда его влекли богатство, честь, положение в обществе, к острову привязывала любовь.

Ведь Михая не составило бы труда покинуть остров. Дунай не море, а Михай был хорошим пловцом и в любой момент мог переплыть на другой берег и никто не стал бы его удерживать, женщины знали, что там его ждут дела. Но стоило ему очутиться подле Ноэми, как он забывал обо всем на свете; тогда он только любил, был счастлив и утопал в блаженстве.

- О, не люби меня так крепко! Шептала девушка.

Так проходил день за днем.

В садах поспели фрукты, ветви деревьев клонились к земле под тяжестью плодов. Какое наслаждение изо дня в день наблюдать, как плоды зреют, набирают силу. Яблоки и груши наливаются и хорошеют, каждый плод по-своему: зеленые коричневеют и становятся похожи цветом на матовую загорелую кожу или же вдруг покрываются желто-красными полосками; коричневая кожица плодов с солнечной стороны румянеет и отдает в багрянец, в золотистые тона других сортов вкрапливаются карминные точки, а кармазинно-красная поверхность иных плодов рябит зелеными пятнышками. И каждое спелое яблоко сияет, словно веселое детское личико.

Тимар помогал женщинами собирать урожай. Объемистые корзины одна за другой наполнялись благодатными дарами природы, и он, складывая фрукты, поштучно пересчитывал их и не переставал восхищаться.

Как-то раз пополудни, когда он помогал Ноэми нести полную корзину, он увидел возле дома незнакомых людей: съехались скупщики фруктов.

Впервые за долгие месяцы он встретил людей из другого мира, которым есть что порассказать о тамошней жизни.

Торговцы как раз договаривались с Терезой о ценах на фрукты. Шел обычный обмен товарами. Тереза, по своему обыкновению, хотела получить за фрукты зерно, однако купцы на сей раз предлагали гораздо меньше. Чем в былые годы, ссылаясь на то, что пшеница, мол, очень вздорожала. Комаромские торговцы скупают зерно потом, вот и взвинтили цены. Все зерно они тут же перемалывают на муку и везут за море.

Тереза, конечно, не поверила, решив, что это всего лишь торгашеская уловка.

Зато Тимар наострил уши: ведь эта идея принадлежала ему, интересно, что из нее вышло по прошествии стольких месяцев.

Теперь он не находил себе места, его одолевали мысли о коммерции, о делах в имении. Эта весть подействовала на него, как звуки трубы на служилого солдата, которого влечет на поле брани даже из объятий любимой.

Обитательницы острова сочли естественным, что Михай готовится к отъезду: его ждет служба. А сюда он вернется снова будущей весной. Ноэми просила его лишь об одном: не выбрасывать одежду, которую собственноручно соткала и сшила для него.

- Буду хранить, как святыню.

- И иногда вспоминай бедную Ноэми.

На это он не сумел ответить словами.

Михай подкупил торговцев, чтобы те задержались еще на денек.

В этот последний день он, оставя все дела, рука об руку с Ноэми обошел заветнейшие уголки острова, одарившие их часами неземного блаженства, тут подобрал лист, там - цветочный лепесток на память. На листьях и цветочных лепестках были начертаны волшебные легенды, прочесть которые могли лишь они двое.

- Не разлюбишь меня в разлуке?

Последний день пролетел невероятно быстро.

Купцы решили отправиться с вечера, чтобы плыть было не жарко. Михай вынужден был распрощаться с девушкой.

У Ноэми хватило ума не заплакать, ведь она знала, что Михай вернется, и постаралась отвлечься хлопотами, собирая ему провизию в дорогу.

- Пока доберешься до того берега, настанет ночь, - с ласковой тревогой сказала она, укладывая дорожную сумку Михая. - Есть у тебя оружие?

- Нет. Никто меня не тронет.

- Как же - нет? А это что такое? Ноэми с любопытством извлекла пистолет.

И вмиг побледнела, узнав пистолет Тодора, которым тот не раз похвалялся перед нею, грозя застрелить Альмиру.

- Это его оружие!

- Когда ты уплыл отсюда, он подстерег тебя на том берегу и выстрелил из этого пистолета! - с жаром воскликнула девушка.

- С чего ты взяла?

- Я слышала два выстрела, а потом еще два - твои. И пистолет этот ты забрал у него.

Изумлению Тимара не было границ. Выходит, любящие глаза видят даже то, чего видеть не могут! Он не стал отрицать. Что все так и было.

- Ты убил его? - спросила Ноэми.

- Нет.

- Куда же он делся?

- Теперь тебе незачем его бояться. Он уехал в Бразилию. Нас отделяет от его чуть ли не половина земного шара.

- Я бы предпочла, чтобы нас отделяли от него три аршина земли! - взволнованно воскликнула Ноэми, схватив Михая за руку.

Михай удивленно смотрел ей в лицо.

- Что с тобою? Откуда у тебя эти жестокие мысли? Ведь ты не способна убить скотину, задавить паука, насадить бабочку на булавку!

- Я готова убить каждого, кто посмеет отнять тебя у меня, будь то человек или хоть сам дьявол!..

И она страстно прижала к себе Михая. А его бросало то в жар, то в холод.

Фамильная драгоценность.

Очутившись на другом берегу, Михай вновь направился к рыбацкой хижине.

Его мысленному взору рисовались две картины. Одну из них он видел и воочию: одетая зеленью скала посреди Дуная, а на вершине скалы - стройная девушка, прощаясь. Машет платком, покуда вечерний туман не скрывает их друг от друга. Вторая картина вставала в его воображении: комаромский дом и перемены, происшедшие там за время его отсутствия. Впрочем, дорога домой долгая, и Михай еще успеет дополнить вторую картину подробностями. При виде Тимара старый рыбак разразился жалобами (рыбаки никогда не прибегают к крепким выражениям).

- Вы только подумайте, сударь, во время паводка какой-то мерзавец украл вашу лодку. Дверь в хату взломать не постеснялся и весла ваши унес. Как только жуликов таких земля носит!

Тимару приятно было услышать, что его раз в кои-то веки в глаза называют вором. Вор он и есть. Да если бы все его кражи сводились к одной лодке!..

- Бог с ним, с этим человеком! - сказал он рыбаку. - Как знать, может, лодка ему очень нужна была, да еще в половодье? Заведем себе новую. А теперь, дружище, воспользуемся вашей лодкой. Да хорошо бы поторопиться, чтобы еще ночью на пристань поспеть.

Рыбак за щедрую мзду согласился отвезти Тимара. К рассвету они добрались до пристани, где обычно грузились суда. Время было раннее, и это казалось Тимару на руку: он никому не хотел говорить, откуда и каким путем прибыл. На постоялом дворе у пристани всегда можно было найти возчиков. Тимар нанял одного из них, чтобы тот доставил его в Леветинц. Расчет его был прост: от управляющего леветинцским поместьем он узнает все новости за последние пять месяцев (сколько времени он провел на острове!), и тогда в Комароме его уже ничем не удивишь.

Одно крыло двухэтажного барского дома занимали старик управляющий с женою, а другое Тимар приспособил себе под жилье; Терраса этого флигеля выходила в бывший охотничий парк, так что можно было незаметно проникнуть в комнату, которую Тимар избрал своей конторой.

Михаю приходилось учитывать все до мельчайших подробностей, дабы последовательно придерживаться лжи.

Он отсутствовал пять месяцев, стало быть, путешествие его было далеким. А багажа у него при себе - одна охотничья сумка, да и там лишь полосатые холщовые штаны и рубаха, сшитые руками Ноэми. Одежда, в которой он прибыл на остров, была рассчитана на более холодную погоду, но и она успела поизноситься, сапоги были залатаны, - так что ему нелегко было бы объяснить свой странный вид.

Лишь бы удалось незаметно пробраться через охотничий парк в свою контору, с ключом от которой он не расставался, а там все пойдет как по маслу. Он наскоро переоденется, разложит дорожные чемоданы, и сделав видимость, будто прибыл из дальних краев, призовет к себе управляющего.

План его почти удался: никем не замеченный, он через террасу прошел к своей конторе. Но когда он хотел отпереть дверь, то с удивлением обнаружил, что в замке изнутри уже вставлен ключ.

В его кабинете кто-то был. А ведь там хранятся деловые бумаги, конторские книги, вход туда всем заказан. Какой же ослушник дерзнул туда проникнуть?

Михай сердито распахнул дверь и ворвался в комнату.

И тут его охватил истинный страх. За письменным столом сидел человек, которого он никак не ожидал здесь увидеть: то была Тимея.

Никакой призрак с того света не мог бы напугать его сильнее, чем это кроткое существо с бесстрастным белым лицом и невозмутимым взглядом!

При его появлении Тимея отложила перо и встала. Перед нею была раскрыта толстая приходно-расходная книга - Тимар оторвал ее от работы!

Михаею овладели самые противоречивые чувства: страх, оттого что, возвратясь из своих тайных странствий, первой он встретил именно жену; радость, что застал ее здесь, и застал в одиночестве; восхищение тем, что жена, оказывается, работает.

Тимея в первый миг от удивления широко раскрыла глаза, но затем поспешила Михайю навстречу и протянула ему руку - без единого слова.

Это белое лицо всегда оставалось загадкой для супруга, так и не научившегося читать по нему. Знает ли, догадывается ли она о чем-либо или же не знает ничего? Что скрывается за ее холодным безразличием: молчаливое презрение или тоска о загубленной любви? А может, эта застылось органически присуща ее натуре?

Михай тоже не находил слов.

Тимея сделала вид, будто не заметила потрепанной одежды мужа; женщины умеют видеть, даже если вроде бы и не смотрят.

- Рада, что вы наконец-то вернулись! - негромко промолвила Тимея. - Я ждала вас каждый день. Можете переодеться в соседней комнате, а затем прошу вас ко мне. К тому времени я покончу с делами.

И она закусила кончик пера.

Михай прижался губами к ее руке. Торчащее изо рта перо не располагало к поцелуям в губы.

Михай пошел в соседнюю комнату, которая служила ему гардеробной. Там его ждали заранее приготовленные таз для умывания со свежей водой, чистая рубашка и прочая одежда, начищенные до блеска сапоги - все, как дома. Тимея не могла знать, когда он вернется, а значит, оставалось предположить, что она ждала его каждый день и бог весть, с каких пор.

Но как она здесь очутилась, Что здесь делает?

Он торопливо переоделся. Снятую с себя одежду затолкал в самую глубину гардероба. Вдруг да кому-нибудь придет в голову поинтересоваться, как это он умудрился порвать пальто на локтях? Ну, а уж холщовые одежки, украшенные вышивкой, и вовсе надо убрать подальше с глаз долой! женскому сердцу они могли бы поведать о многом, ведь женщины - большие мастерицы читать иероглифы вышивки.

Мыла изрядно поубавилось, прежде чем с рук сошла грязь. А вдруг кто-нибудь спросит: какая такая работа досталась вашим рукам, что они так потемнели на солнце и огрубели?

Приведя себя в порядок, он вернулся в кабинет. Тимея дожидалась его в дверях. Взяв мужа под руку, она произнесла:

- Пойдемте завтракать.

Миновав гардеробную, они вошли в обеденную залу. Михай и тут поджидал сюрприз: Круглый стол был накрыт к завтраку на три персоны. Кто же третий?

Тимея позвонила, и две двери в залу отворились: вошла горничная, а в других дверях показалась Атали.

Стало быть, третий прибор был для нее.

При виде Тимара лицо Атали вспыхнуло нескрываемым гневом.

- А-а, господин Леветинский, наконец-то соблаговолили пожаловать! Ну чем не благая мысль сказать жене: "Вот тебе ключи, вот тебе все книги и вежи за меня дела, как знаешь!" - а потом за пять месяцев даже весточки не прислать!

- Прошу тебя, Атали! - пыталась успокоить ее Тимея.

- Я ведь укоряю господина Леветинского не за то, что он так долго отсутствовал... Напротив, в супруге это весьма достойная черта. В других семьях тоже так поступают: муж едет в Карлсбад,

жена - в Эмс, и каждый развлекается в свое удовольствие. Но нам такого развлечения не нужно, благодарим покорно! С весны до осени торчать в Леветинце, где, кроме крестьян да комаров, ни одной живой твари не увидишь, с утра до вечера препираться с мельниками и матросами, вести конторские книги, рассылать письма во все концы света, а потом за полночь штудировать английскую и испанскую грамматику, чтобы уметь объясниться с чужестранными агентами, - это, сударь, неподходящее развлечение для молодых женщин!

- Атали! - строго одернула ее Тимея.

Михай молча занял свое место за столом, где возле его тарелки были положены знакомые столовые приборы и поставлен стакан, из которого он обычно пил. Здесь его ждали изо дня в день, и стол каждый день был накрыт для него.

Он едва дождался конца завтрака. Атали больше с ним не заговаривала, но всякий раз, когда их взгляды встречались, Тимар читал в них искреннюю обиду.

Для него это был обнадеживающий знак.

Когда встали от стола, Тимея вновь попросила Тимара пройти с ней в контору. Михай ломал голову: какую небылицу придумать, если она спросит, где он был? Потешить ее историйкой в духе Тодора Кристьяна, что ли?

Но Тимея не обмолвилась на этот счет ни словом.

Подвинув к письменному столу еще один стул, она села рядом с мужем и положила руку на раскрытый грессбук.

- Супруг мой, здесь отражено состояние ваших дел с того момента, как вы поручили мне их вести, вплоть до нынешнего дня.

- И вы самостоятельно вели их?

- Я так поняла, что вы именно этого от меня хотите. Из вашего письма я уловила, что вы затеяли очередное перспективное торговое дело - вывозить венгерскую муку в другие страны. Мне казалось, что на карту поставлено не только ваше состояние, ваш торговый кредит и честь. Более того, от успеха этого предприятия зависит и развитие известной отрасли промышленности. В коммерции я совершенно не разбиралась, но подумала, что надежный присмотр здесь окажется ценнее иных знаний. Значит, контроль я не могла передоверить никому другому. Сразу же по получении вашего письма я приехала сюда, в Леветинц, и, как вы мне велели, взяла в свои руки ведение всех ваших дел. Я изучила торговые книги, освоила правила расчетов. Надеюсь, что вы найдете все в полном порядке. Записи в книгах и кассовая наличность совпадают в точности.

Михай оторопело смотрел на молодую женщину; через ее руки прошли миллионы, а она с полнейшим хладнокровием смогла найти им должное применение, быстрым вмешательством сумела спасти находящиеся под угрозой капиталы, наладила оборачиваемость крупных денежных сумм, словом, освоила дело до тонкостей.

- Удача в этом году благоприятствовала нам, - продолжала Тимея, - и восполнила пробелы в моих знаниях и умении; чистая прибыль за пять месяцев составила пятьсот тысяч форинтов. Эта сумма не лежит мертвым капиталом: пользуясь данными мне полномочиями, я вложила их в новое дело.

Интересно, какие формы вложений способна изобрести женщина?

- Ваш первый опыт с отправкой муки в Бразилию увенчался полным успехом. Венгерская мука сразу стала пользоваться спросом на южноамериканском хлебном рынке - так пишут ваши поверенные из Рио-де-Жанейро, и все в один голос хвалят вашего главного представителя Тодора Кристьяна за расторопность и честность.

Тимар невольно подумал: выходит, какое зло я ни соверши, оно оборачивается добром, какую глупость ни выдумай, она оборачивается мудростью? Чем-то это кончится?

- Получив такое сообщение, я стала думать: а как бы поступили вы? Надо воспользоваться представившимся случаем и полностью утвердиться на рынке. Я тотчас же дополнительно арендовала мельницы, раздобыла суда, загрузила мукою, и в настоящее время груз муки

стоимостью в полмиллиона форинтов направляется к берегам Южной Америки, где сразу вытеснит всех конкурентов.

Михай обмер от удивления: в этой женщине больше дерзости, чем в ином мужчине! Другая поскорее спрятала бы эти чудом привалившие деньги, чтобы не растратить по мелочам, а эта не побоялась продолжать начатую торговую операцию, да еще и приумножила размах дела.

- Я подумала, что бы поступили бы именно так! - сказала Тимея.

- Да-да, - пробормотал Тимар.

- Кстати, есть одно обстоятельство, которое подтверждает правильность моих действий. Как только мы взялись за дело с большим размахом, сразу же за нами вослед устремилась вся орава конкурентов, каждый норовит поскорее и побольше намолоть муки и сплавить ее в Бразилию. Но пусть вас это не тревожит, конкурентов мы побьем. Ни один из них не разгадал секрета преимуществ венгерской муки.

- То есть?

- Если бы кто-нибудь из них догадался спросить у своей жены, та, пожалуй, разъяснила бы. Я же додумалась до этого вот каким образом. В американском преискусстве цен на зерно я нигде не нашла такой полновесной пшеницы, как венгерская; значит, чтобы выиграть в конкуренции с американской, необходимо пустить на муку полновесное зерно. Так я и сделала. А все наши здешние конкуренты используют наиболее легковесные сорта. Они за это поплатятся, мы же будем вознаграждены.

Михай только диву давался. Пока он долгие месяцы созерцал, как зреют в райском саду запретные плоды, эта хрупкая женщина днем и ночью самоотверженно трудилась, дабы не рухнуть под тяжким бременем его гигантских торговых операций. Не гнушаясь скучной, иссушающей душу работой, придала новый блеск торговому дому мужа, отстояла его коммерческую честь, приумножила состояние. При этом лишила себя каких бы то ни было радостей, обрекла свою юность и красоту на унылое прозябание в глухом краю, безропотно сносила житейские тяготы и, не щадя усилий, училась, осваивала новые языки, вела обширную переписку, торговалась с клиентами, самолично контролировала все деловые операции. Но и этого ей показалось мало: в тонкости коммерции она вложила женскую душу, коей больше пристало бы искать радостей жизни... И вот теперь, после столь долгого отсутствия мужа, она не терзает его вопросом: "А что ты делал все это время?".

Михай приложился к руке Тимеи с тем страхом, с каким целуют близкого усопшего: он принадлежит уже не нам, а земле, и поцелуя нашего не почувствует.

Проводя на острове дни в блаженно упоении, он, вспоминая Тимею, убеждал себя, что она тем временем ищет развлечений на стороне: путешествует или отправилась на воды; денег в ее распоряжении предостаточно, и она вольна тратить их как угодно. И вот теперь он увидел, в чем состояли "развлечения" Тимеи: вести счета, долгими часами корпеть в конторе, заниматься деловой перепиской и самостоятельно, без учителя, освоить два иностранных языка. И все это она делала лишь потому, что к наказу супруга отнеслась со всей душой.

Жена ввела его в курс дела касательно всех отраслей его разветвленного предпринимательства: биржевых операций, землепользования, речного и морского фрахта, дохода от фабричной продукции, банковских вкладов - и по каждой статье представила исчерпывающий отчет.

Повышение и падение курса акций государственного займа и золотых и серебряных рудников, аренда и субаренда, ипотека, право пользования родовой собственностью, барщина и оброк, тяжелые товары, легкие товары, зерно, отвечающее биржевым стандартам, экспедиторские расходы, валютные курсы, манко, тара, судовой груз, тоннаж, иностранные системы мер и денежные системы - Тимея с такой уверенностью шла через этот ужасающий лабиринт специальных терминов и выражений, словно с малых лет только этим и занималась.

Нередко ей приходилось вести тяжбы, заключать сложные договора, требовавшие досконального изучения вопроса, и со всеми этими многотрудными делами она справлялась наилучшим образом. Прикинув в уме колоссальный объем этой работы, Тимар вынужден был признать, что если бы он сам занимался ею, то ему пришлось бы корпеть все пять месяцев с

утра до вечера. Каких же усилий стоило это молодой женщине, которая предварительно должна была изучить все до тонкостей? Ведь у нее и на отдых-то, похоже, времени не оставалось.

- Страшно подумать, Тимея, какой воз вы за меня вывезли!

- Поначалу, правда, трудновато приходилось, но потом я втянулась, и стало не так обременительно. Работа сама по себе приносит удовлетворение.

Юная женщина, единственная утеха которой в работе! - найдется ли более горький упрек.

Михай взял Тимею за руку. Лицо его выражало глубокую печаль, и на сердце лежала тяжесть...

Только бы узнать, о чем сейчас думает Тимея.

Ключ от письменного стола не выходил у него из головы. Если Тимея раскрыла его тайну, то сейчас ее отношение к супругу сходно с отношением обвинителя к обвиняемому, и над ним вершится беспощадный суд.

- А в Комароме вы с тех пор не бывали? - не удержался он от вопроса.

- Всего лишь раз, когда нужно было отыскать в вашем письменном столе договор со Скарамелли.

У Тимара кровь застыла в жилах.

Лицо Тимеи оставалось бесстрастным.

- Тогда нам следует возвратиться в Комаром, - сказал Михай. - Здесь все дела с продажей муки закончены. Теперь остается ждать вестей о дальнейшей судьбе товара, что находится в пути, но раньше зимы они вряд ли прибудут.

- Как скажете.

- А может, вы предпочли бы совершить путешествие в Швейцарию или Италию? Сейчас для этого самая благоприятная пора.

- Нет, Михай, мы и так слишком долго жили в разлуке. Давайте теперь побудем вместе.

Однако Тимея даже пожатием руки на дала понять, что она подразумевает под этим "побывать вместе".

У Михая не хватало духу ответить Тимее хотя бы ласковым словом. Одной ложью меньше!

Ему и без того в утра до вечера постоянно приходилось изворачиваться перед нею. Даже само молчание, когда они с Тимеей оставались наедине, и то было ложью.

Просмотр деловых бумаг занял время до самого обеда.

К обеду были званы гости: управляющий и его преподобие господин Шандорович.

Священник давно испросил для себя этой услуги: незамедлительно известить его о прибытии господина Леветинцкого, дабы выразить ему свое почтение. Получив радостную весть, он тотчас же поспешил в усадьбу. На груди его красовался орден.

Едва переступив порог дома, его преподобие разразился торжественной проповедью, в коей превознес Тимара как благодетеля всей округи. С кем только он его на сравнивал: с Ноем, соорудившим ковчег, с Иосифом, спасшим народ от голодной смерти, с Моисеем, вымолившим манну небесную. Положив начало заокеанской коммерции мукой, Тимар, по мнению священника, превзошел все негоции, на которые когда-либо дерзала Европа. "Да здравствует гений, у которого даже первый блин и тот не выходит комом!".

Тимару пришлось выступить с ответным словом. Он говорил сбивчиво и нес всякий вздор. Его так и подмывало высмеять все эти выпренные речи: "Набрел я на эту идею вовсе не потому, что мечтал осчастливить вас; понадобилось отослать одного наглеца как можно дальше от некой юной красавицы. А если из всей этой несурязицы в конечном счете поучилось нечто путное, в том исключительная заслуга сей дамы, восседающей подле меня. Ну не смешно ли, право?".

За обедом царило веселье. Оба гостя равно знали толк в винах. Священник, невзирая на свой сан и вдовство, умел ценить женскую красоту и не скупился на комплименты в адрес Тимеи и Атали, а управляющий изощрялся в остроумии по этому поводу.

Шутливая пикировка, занятная болтовня двух старых весельчаков порой смешила даже Тимара, но всякий раз, как взгляд его падал на холодное лицо Тимеи, смех застыл на его устах.

Она свое веселое настроение оставила на сохранность где-то в другом месте.

Смеркалось, когда обед подошел к концу. Оба гостя озорными намеками поторапливали друг друга: пора, мол, и честь знать, супруг только что воротился из долгой отлучки, молодая жена заждалась, им небось поговорить меж собой не терпится.

- Да уж, если уйдут - хорошо сделают! - шепнула Тимару Атали. - У Тимеи по вечерам такие сильные головные боли, что она по полночи не спит. Смотрите, как она бледна!

- Уж не больны ли вы, Тимея? - ласково спросил Тимар жену.

- Нет, у меня ничего не болит.

- Не верьте ей! - вмешалась Атали. - С тех пор, как мы обосновались в Леветинце, ее терзают чудовищные головные боли. Нервное расстройство от напряженной умственной работы и от здешнего нездорового воздуха. На днях я нашла у нее седые волосы. Сама-то она нипочем не признается, что ей худо, пока вовсе не свалится. Но и тогда от нее слова жалобы не услышишь. Тимар испытывал в душе муки грешника, подвергаемого пытке. И у него не хватало духа сказать жене: "Если ты страдаешь от боли, позволь мне ночевать подле тебя, чтобы я смог ухаживать за тобою!".

Нет, нет! Он опасался произнести во сне заветное имя Ноэми; женщина, которая ночами не спит от мучительных болей, услышала бы его.

Ему должно бежать супружеского ложа....

На следующий день они почтовой каретой выехали в Комаром. Сначала Михай сидел в карете, напротив дам. Путешествие протекало на редкость скучно: поля повсюду в Банате были уже убраны, и зеленела лишь кукуруза да бескрайние заросли камыша. Дорогой путники не перемолвились ни словом; все трое напряженно боролись со сном.

К концу дня Тимар, не в силах более выносить немой взгляд Тимеи, ее загадочное, не выдающее своих чувств лицо, сказал, что хочет курить, и пересел в открытую часть кареты к кондуктору, впредь так и сохранив за собой это место.

Когда они останавливались на постой, Тимару приходилось выслушивать раздраженные тирады Атали по поводу скверных дорог, дикой жары, полчищ мух, невероятной пыли и прочих дорожных неудобств. Харчевни все до одной отвратительны, еда - в рот не возьмешь, постели неудобные, вино кислое, вода грязная, рожи вокруг разбойничьи, она всю дорогу больная, тошнота и жар замучили, голова раскалывается... А каково Тимее, с ее-то нервами?

Эти недовольства Тимар вынужден был выслушивать на каждой остановке. Но от Тимеи он не услышал ни единого слова жалобы.

Когда они наконец прибыли домой, госпожа Зофия встретила их упреками: она, мол, тут поседела от одиночества. На самом-то деле она пожила в свое удовольствие, целыми днями ходила по дворам да занималась пересудами.

Переступив порог своего дома, Тимар испытал жгучий трепет. Чем станет для него этот кров - адом или раем? Сейчас раз и навсегда выяснится, что скрывает этот бесстрастный лик за своей мраморной холодностью.

Он повел Тимею в ее комнату, где она передала ему ключ от письменного стола.

Тимар знал, что Тимея открывала стол, когда ей понадобилось отыскать договор.

Письменный стол, а точнее, бюро было старинной работы; верхняя часть его закрывалась выпуклой решеткой типа оконных жалюзи, решетку эту можно было поднять вверх, и под ней находились всевозможные ящики. В ящиках побольше Тимар хранил договоры, в маленьких - ценные бумаги и драгоценности. Самый шкаф представлял собою металлический сейф, выкрашенный под красное дерево, а замок у решетки был с секретом: ключ свободно поворачивался в обе стороны, но замка не отпирал, если не знать, в какой момент надобно прекратить поворачивать ключ. Тимея этот секрет знала, так что имела доступ в каждое отделение; выдвинуть ящики туда не составляло.

Тимар с замиранием сердца выдвинул ящик с драгоценностями, какие он не решился продавать, поскольку они известны среди ювелиров, ведь существует целая наука со своими мэтрами и учениками, которым ничего не стоит опознать раритеты: этот камень отсюда-то, а эта камея оттуда-то. И сам собою напрашивался вопрос: как тебе удалось раздобыть эту

драгоценность? Поэтому пустить ее в оборот может не сам "добытчик", а лишь его потомок в третьем поколении, которому безразлично, каким путем сокровище попало к его деду.

Если у Тимеи достало любопытства выдвинуть этот ящичек, значит, она увидела драгоценности и уж наверняка узнала хотя бы одну из них: медальон с портретом в бриллиантовой оправе.

Женщина на портрете так разительно похожа на Тимею, что скорее всего это ее мать. В таком случае Тимея поняла все.

Она поняла, что Тимар заполучил сокровища ее отца. Каким об путем они ни попали к Тимару, ясно, что путь этот не был праведным, что этот темный, а может, и преступный путь привел его к сказочному богатству, благодаря которому он добился руки Тимеи, разыграв роль великодушного благодетеля по отношению к той, кого ограбил.

Пожалуй, она может предположить даже худшее, чем было в действительности. Таинственная смерть отца, его загадочные похороны способны пробудить в ее душе подозрение, что и это дело рук Тимара.

Но если душу Тимеи гнет столь ужасное подозрение, то как объяснить ее верность, усердие, ее ревностное отношение к доброму имени мужа. Неужели за всем этим кроется лишь глубочайшее презрение, какое питает возвышенная душа к пресмыкающемуся во прахе существу? Но Тимея поклялась ему в верности, она носит его имя и слишком горда, чтоб бы нарушить свою клятву или опорочить собственное имя!

Тимар извел себя терзаниями. Необходимо было добиться определенности. Но и тут ему пришлось прибегнуть ко лжи.

Он вынул из ящичка портрет в бриллиантовой оправе и прошел на половину жены.

- Дорогая Тимея! - начал Михай, усаживаясь подле супруги. - За это долгое время я побывал в Турции. Что я там делал, вы узнаете позднее. Когда я был в Скутари, некий ювелир-армянин предложил мне портрет в бриллиантовой оправе. Женщина на портрете похожа на вас. Эту драгоценность я купил, чтобы подарить вам.

На карту была поставлена судьба.

Если лицо Тимеи даже при виде медальона не утратит своего холодного бесстрастия, если укоризненный взгляд темных очей лишь вскользь заденет лицо мужа, это будет означать следующее: "Не в Турции ты купил эту драгоценность, она давно лежит у тебя в столе! Кто знает, где ты ее взял? Кто знает, где ты был на самом деле? Все твои пути-дороги темны!" И тогда Тимар пропал....

Однако все вышло по-другому.

Как только Тимея увидела портрет, она изменилась в лице. Глубокое волнение, которое нельзя изобразить притворно, так же как невозможно и утаить, исказило ее мраморные черты. Схватив портрет обеими руками, она пылко прижала его к губам; глаза ее наполнились слезами. Лицо Тимеи ожило!

Михай был спасен.

Долго подавляемые чувства вырвались наружу; рыдания сотрясали ее грудь.

Привлеченная необычными звуками, из соседней комнаты вошла Атали и обомлела, увидев Тимею плачущей. А та вскочила порывисто, как дитя, бросилась к Атали и голосом, в котором смешались рыдания и смех, проговорила:

- Смотри, смотри, это моя мать!... Он раздобыл для меня ее портрет!

После чего поспешила обратно к Михаилу и, обвив его шею руками, горячо прошептала:

- Благодарю... О, благодарю вас!

Тимару подумалось, что сейчас самое время поцеловать эти губы, шепчущие слова благодарности, и затем целовать, целовать их непрерывно.

Однако дрогнувшее сердце удержало его: "Не укради!".

Теперь, после всех событий на "ничейном острове", поцелуй, сорванный с этих уст, был бы кражей.

Тимару пришла в голову другая мысль. Он поспешил к себе в кабинет и выгреб из ящичка все оставшиеся там драгоценности.

Удивительная женщина: у нее в руках был ключ ко всем потайным местам, но она не стала шарить в его столе; взяла лишь ту бумагу, какая была ей нужна.

Сложив драгоценности в ягдташ, с которым он возвратился с остров, Михай вернулся к жене. - Я не все сказал вам, Тимея! Там же, где мне предложили медальон, я обнаружил вот эти драгоценности и купил их для вас. Примите в дар.

С этими словами он одну за другой выложил Тимее на колени ослепительные сокровища, сверкающей грудой закрывшие вышитый передник. Волшебная сцена из сказок "Тысячи и одной ночи!".

Бледная от зависти Атали стояла. Мстительно сжав кулаки: ведь все это могло бы принадлежать и ей. А лицо Тимеи потухло, черты его вновь сковала мраморная холодность; она равнодушно взидала на груды драгоценностей, сваленных ей на колени. Пламень алмазов и рубинов бессилён был согреть ее сердце.

Ноэми.

Новый гость.

Долгие зимние месяцы вновь были заполнены коммерческими делами - во всяком случае, именно так называют их промеж себя богатые дельцы.

Господин Леветинцкий постепенно освоился со своим положением; как говорится, при полных сундуках и сны слаще. Он часто навещался в Вену, участвовал в развлечениях, какими тешили себя крупные финансисты, и видел немало полезных примеров. Кто привык ворочать миллионами, тот может себе позволить, покупая в ювелирном магазине новогодние подарки, отбирать все вещицы в двойном комплекте. Ведь надобно порадовать сразу два женских сердца: подумать о жене, которая принимает гостей, когда в доме званый вечер, а по будням берет на себя все домашние хлопоты, и не забыть о другой даме, главное занятие которой танцы или пение, что, впрочем, не мешает ей требовать для себя роскошные апартаменты в гостинице, богатый выезд, драгоценности и кружева. Тимару посчастливилось бывать на тех вечерах, что его собратья по торговому ремеслу, денежные тузы, давали дома: солидные та матроны потчуют гостей чаем и выпрашивают о семье. Бывал он и на вечерах иного рода, где дамы куда более легких манер в развеселой компании угощались шампанским, а мужчины допытывались у нашего добродетельного героя, какой балерине или певице он покровительствует.

Тимар, ко всеобщему веселью, краснея, выслушивал лукавые намеки. "Помилуйте, да господин Леветинцкий - образец добропорядочного супруга!" - с серьезным видом заявляет некий толстосум. "Немудрено быть верным супругом, - вмешивается другой, - если жена у тебя остра умом и красавица, каких в целой Вене не сыскать". "Скуповат наш Тимар, - говорит третий у него за спиной. - Да он скорей удавится, чем пустит на ветер такую пропасть денег, в какую все эти любительницы шелка да кружев обиходится". А иные, пошептавшись. Пускаю слух, объясняющий загадку Тимара: он из тех неудачников, чье сердце глухо к женским чарам; пусть-ка его попробует завлечь любая чаровница. И находятся искустельницы: дамы. Блистающие красотой и бойкостью речи, со славой покорительниц мужских сердец. Но Тимар не поддается соблазну, он неизменно равнодушен к прелестям столичных львиц.

- Образец супружеской верности! - превозносят Тимара доброжелатели. - Невыносимый человек! - Брюзжат хулители.

А он молчит и думает... о Ноэми.

Это ли не мука: есть долгих месяцев не видеть ее и неотступно думать о ней! И даже не с кем поделиться этими своими думами.

А не выдал свои мысли. Сидя за обедом, с трудом удерживается от восклицания: "Подумать только, точно такие же яблоки растут на острове, где живет Ноэми!" Когда глаза Тимеи выдают терзающую ее головную боль, его так и подмывает сказать: "Вот у Ноэми мгновенно проходила головная боль, стоило мне только положить пуку у ней на лоб". А при виде белой кошечки, любимицы Тимеи, сами рвутся слова: "Ах, Нарцисса, где же ты оставила свою хозяйку?".

Но Тимару должно соблюдать особую осмотрительность; есть в доме человек, который с неослабным вниманием следил не только за Тимеей, но и за ним.

Конечно, от внимания Атали не укрылось, что Тимар после своего возвращения не так грустен, как прежде. Всем бросилось в глаза, что он очень хорошо выглядит. Ведь это неспроста. Нет, Атали не потерпит, чтобы в этом доме кто-то был счастлив. Где он урвал себе счастье? Отчего не страдает так, как ей хотелось бы?

Торговые дела идут блестяще. В начале нового года получена долгожданная весть из-за моря; корабль с мукой благополучно прибыл и операция увенчалась полным успехом. Венгерская мука завоевала себе в Южной Америке такую славу, что теперь даже муку местных сортов норовят сбывать под видом венгерской. Австрийский консул поспешил доложить правительству об этом серьезном завоевании, в результате которого внешняя торговля обогатилась еще одной очень важной статьей экспорта. Ну и у конечном итоге за заслуги пред отчизной на поприще национальной торговли и экономики Тимар удостоился звания королевского советника и малого креста ордена Святого Иштвана.

Как же язвительно издевался злой демон в душе Тимара, когда ему на грудь повесили орден и впервые называл его "Милостивый государь": "Этой частью ты обязан двум женщинам - Ноэми и Тимее!".

Впрочем, неважно! Ведь и пурпур изобрели случайно: собачка возлюбленной некоего пастушка съела багряную раковину, отчего морда у нее окрасилась в багровый цвет, - и тем не менее пурпурный краситель стал всемирно известным товаром.

Да и в Комароме теперь в с великим почтением относились к господину Леветинцкому. Мало быть богатым, вот если ты - королевский советник, туту уж в решпекте никак не откажешь.

Всяк спешил его поздравить: городские чиновники, купцы, члены магистрата, пресвитеры, сановные священнослужители. Он принимал поздравления с христианской скромностью.

Явился приветствовать его от имени всей гильдии корабельщиков и наш друг Янош Фабула, разряженный в пух и прах, как и положено ему по рангу. На нем был короткий доломан темно-синего сукна с тремя рядами крупных, как орех, серебряных пуговиц в виде завитка улитки; на грудь свешивалась прикрепленная у плеч серебряная цепь чуть ли не в ладонь толщиной, поддерживавшая огромный медальон с изображением Юлия Цезаря - работы комаромского мастера. Остальные члены депутации были разодеты подстать ему: комаромские матросы в ту пору любили украшать себя серебром. Поздравителей, по обыкновению, пригласили отобедать. Этой же чести удостоился и Янош Фабула.

Наш друг Фабула отличался искренностью и прямотою. А тут еще и вино развязало ему язык, и он не удержался, чтобы не заговорить с ее милостью. Ведь вот когда он впервые увидел ее еще барышней, сроду бы не подумал, что из нее такая справная хозяйка получится, да к тому же супруга господина Леветинцкого. Чего уж греха таить: он, Фабула, ее тогда даже побивался. И вот вам, слава провидению божьему да разуму человека, как оно все повернулось к лучшему! В доме мир и благодать, теперь дело за небольшим. Услышал бы Господь нашу молитву да послал бы нашему благодетелю господину Леветинцкому самое большое счастье: нового гостя в дом - ангелочка с неба!

Тимар в испуге закрыл ладонью свой бокал. Если от этого вина у человека что на уме, то и на языке, он и капли не выпьет. И тут его пронзила другая мысль: "Вдруг да Господь услышит эту молитву?"

А Янош Фабула, не довольствуясь одними добрыми пожеланиями, счет нужным присовокупить к ним и практические советы.

- И то сказать, милостивый сударь мой, уж больно вы о делах хлопчете, себя совсем не жалеете. Негоже так-то, ведь жизнь, она один раз дается, стало быть, ею надобно с умом управлять. Я бы нипочем не оставлял жену надолго, будь у меня такая раскрасавица да умница. Ну да что поделаешь, коли у него его милости земля под ногами горит? Все-то он новые дела измышляет, везде-то он норовит самолично быть. Зато все ему и удастся, за что ни возьмись. Ведь это жен надо такое удумать - в Бразилию нашу муку засылать! Сказать по правде, когда я это услышал - вы уж не обессудьте за резкое слово, - ну, думаю, совсем наш барин рехнулся, в этакую даль муку отправлять, да ведь она вся в клейстер превратится. Нешто Бразилию мукой удивишь? Там в лесу на деревьях караваи растут. А та нет, что помене, - булки. И вот, нате вам, какой выгодой все обернулось! Да и как иначе, ежели человек сам во все вникает, за всем присматривает!

Последние слова невольно прозвучали насмешкой для Михая, так что он не смог промолчать.

- Тогда все ваши похвалы, дорогой Янош, относятся не ко мне, а к моей жене: ведь это она следила за всем ходом дела.

- Оно конечно, ее милость - госпожа вседостойнейшая, и мы к ней со всем уважением, а только я при своих словах остаюсь. Мне-то ведь доподлинно известно, где вы были, милостивейший государь, этим летом!

Михай оторопел. Неужели Фабула и в самом деле знает, где он был? А Янош Фабула. Подняв бокал. Лукаво подмигнул ему.

- Ну, так сказать ее милости, где вы побывали нынешним летом? Выдать вашу тайну?

Тимар почувствовал, как все его тело цепенеет, скованное страхом. Взгляд Атали был прикован к его лицу, и он ни единой черточкой не смел показать, что слова подвыпившего гостя приводят его в смятение.

- Ну что ж, Янош, выкладывайте всю правду! - сказал он с напускным спокойствием.

- А вот и скажу, пускай ее милость все про вас знает! - воскликнул Янош Фабула. Ставя стакан на стол. - Сбежал наш господин, никому словечком не обмолвился, а сам сел на корабль, да - в Бразилию! Вот так-то, милостивый сударь мой, в Америке вы побывали. Все дела там наладили. Оттого все и удалось на славу.

Тимар облегченно вздохнул.

- Ну и чудак вы, Янош! Атали. Прошу вас. Угостите господина Фабулу кофе.

- Все оно так и было, никому меня не переубедить! - стоял на своем Янош. - Как ни таись, а шила в мешке не утаишь, вот я и разгадал. Барин наш ездил в Бразилию, за три тысячи миль. Каких только страстей не натерпелся, сколько штормов перенес, от дикарей-людоедов еле спасся. Бог тому свидетель, но и нам кое-что ведомо... Ну, а свое дело сделал, муженька выдал ее милости, надобно наказать беглеца да в другой раз не пускать в такие дальние странствия. Тимар смотрел на женщин. Лицо Тимеи выражало искренний испуг и удивление, Атали не скрывала досадливой брезгливости. Обе они поверили пьяным рассказам, как и сам Фабула уверовал в них и готов был голову дать на отсечение, что все именно так и происходило.

Тут и Тимар, напустив на себя таинственный вид, улыбнулся рассказчику.

Теперь уже не Янош Фабула лгал, а он сам.

Золотой человек вынужден лгать постоянно.

Сочиненная Яношем Фабулой небылица прилась как нельзя кстати. Венгерскому простонародью свойственно окружать легендой выдающихся людей. Словно бы мало одних реальных фактов для народного восхищения. В эти легенды верит и сам их сочинитель, а со временем всеобщая вера поднимает их на уровень достоверности.

Отныне у Тимара был предлог для таинственных исчезновений. Ну а если в его преследующих объяснениях и окажутся кое-какие несообразности, каждый готов будет истолковать его скрытничанье как ложь во спасение, как доказательство его бережного отношения к Тимее: заботливый супруг, мол, не хочет волновать жену, утаивая от нее свое опасное путешествие, каким на заре пароходства считалось плавание через океан.

Легенде можно было придать такую видимость правдоподобия, что поверил бы даже Атали. Ибо Атали Тимару удалось обвести вокруг пальца столь ловко, как никого другого. Она хорошо изучила женское сердце. Поэтому понимала, какие чувства скрывает Тимея, какая борьба идет в ее душе. Атали неотступно наблюдала за развитием этой душевной борьбы. Женщина с болью в сердце всячески избегает человека, который причинил ей эту сердечную боль; она избирает для своей отшельнической жизни такое прибежище, где рядом нет ни единой родственной души, где неоткуда ждать радости, где ничто не может пробудить в ней утасяющую страсть: алфёльдскую степь. Похоронив себя заживо среди бездушных конторских книг. Она убивает в душе чувства, целиком отдаваясь работе, губительной для любой страсти: стяжательству. Так поступает женщина, чтобы заглушить в себе несчастную любовь.

Но если на это способна женщина, разве мы не вправе ждать того же от мужчины? Уж ему-то тем более пристало удалиться в пустыню - бежать за море, похоронить все, что согревает душу, в ледяной яме стяжательства.

Могла ил зародиться у Атали столь дерзкая мысль, что именно мужчине удалось найти средство против неизлечимого недуга, что он счастлив, когда н бывает дома?

Дорого бы дала Атали, чтобы узнать эту тайну!

Но тростник вокруг "ничейного острова" безмолвен, не в пример тому, что разболтал тайну царя Мидаса.

Атали, терзаясь этой неразрешимой загадкой, вся исходила злобой.

Тимар и Тимея являли собою образец счастливой супружеской четы. Тимар, не жалея богатств, осыпал жену драгоценностями, а она, появляясь на люди, надевала украшения. Нуждается ли любовь мужа в более блестящих подтверждениях, чем бриллианты, подаренные жене?

Атали было над чем призадуматься. Неужто и вправду Тимар и Тимея из тех людей, для кого вся любовь состоит в том, чтобы одаривать бриллиантами и принимать дары? Или все же бывает такое на свете, что люди не любят друг друга и однако умудряются быть счастливыми? Атали по-прежнему с подозрением относилась к Тимее, но не к Тимару.

А Тимар едва мог дожидаться, когда зиму сменит весна. Ну, и конечно, когда вновь заработают мельницы - ведь у коммерсанта всегда дела на уме.

Заокеанская торговля мукой, принесшая успех в первый же год, будет продолжаться с еще большим размахом.

Но на этот раз Михай уговорил жену не губить здоровье попусту, ведение всех дел он возложит на своих служащих, а Тимея на лето могла бы поехать куда-нибудь на морские купания, подлечить расстроенные нервы.

Ну а куда поедет он сам? Об этом его никто не спрашивал. Естественно было предположить, что он вновь отправится в Южную Америку, успокоив жену невинной сказочкой о путешествии в Египет или Россию.

Тимар же поспешил к низовьям Дуная.

Когда на тополях начали лопаться почки, ему стало невтерпеж томиться дома; заманчивые картины владели всеми его мечтами и помыслами. Он не стал даже отдыхать в Леветинце; агенту и управляющему дал самые общие распоряжения, которые они вольны были выполнять как им заблагорассудится. Заночевать он решил в Плесковаце у некогда благодетельствованного им священника Шандоровича.

Поздним вечером добрался он до дома священника и вошел через кухню. В печи весело потрескивал огонь, молодая и весьма миловидная особа была занята стряпней, а в комнате, где он застал его преподобие в полном одиночестве, стол был накрыт для двоих.

Его преподобие встретил знатного гостя с полным радушием и в первых же фразах поспешил поздравить его с наградой; затем попросил позволения заглянуть на кухню, чтобы отдать необходимые распоряжения.

- Надобно дорогого гостя принять честь по чести. Сами-то мы живем очень скромно.

- Мы? - лукаво переспросил Тимар.

- Ай-яй-яй! - Укоризненно проговорил священник, грозя Михаю пальцем. - Не совестно задавать такие каверзные вопросы?

Хозяин дома отдал распоряжения и вернулся с бутылкой доброго вина: чтобы. Мол, не скучно было, пока ужин готовится.

Но всякий раз, поднимая очередной стаканчик, его преподобие грозил Тимару пальцем, словно уличая его в какой-то дурной мысли.

- Да-а, ну и жизнь пошла! Слова сказать нельзя, сразу оговорят. Ведь человек он и есть человек, а не чурка бесчувственная и не каменная глыба.

Тимар оправдывался, что он, мол, и не думал утверждать обратное. Но хозяин дома по-прежнему осуждающе качал головой и чем больше пил - а за ужином он то и дело прикладывался к бутылке, - тем разговорчивее становился.

Ужин был обильный и вкусный, за столом прислуживала молодая, миловидная особа, и стоило только Тимару на нее взглянуть, хозяин дома каждый раз грозил ему пальцем и делал неодобрительные намеки на "злые языки".

- Пусть кто-нибудь покажет мне в Библии такое место, где злые языки оказались правы!

Тимар не взялся бы за эту задачу даже ради епископского сана.

- Посуди сам: разве не был Авраам скромнейшим и достойнейшим из всех патриархов, разве не был он Сарре верным мужем? Но ведь всем нам известна история служанки Агари, не правда ли? А между тем Авраам был поистине святой человек.

Михай с ним согласился.

- Или взять, к примеру, патриарха Иакова. Сперва он женится на Лие, после влюбляется в Рахиль и ее тоже берет в жены, но ведь никому не приходит в голову обвинять его в двоеженстве! Пойдем дальше! Что ты скажешь про царя Давида? Сколько жен у него было? Шесть, и все в одно время. Но этого ему показалось мало: он влюбился в Вирсавию, у которой был муж, Урия; мужа послал на смерть, а жену прибрал к рукам. И все ему было нипочем! А ведь сам в ста пятидесяти псалмах только и делает, что собственную святость воспекает. Ну а мудрый Соломон, то и вовсе четыреста жен имел! Разве можно после этого требовать от простого человека, чтобы он был мудрее Соломона и праведнее Давида?

Простосердечный священник и не подозревал, что своими речами он как бы вручает гостю подорожную, с какою тот может переправляться через Дунай.

Ведь Тимара отделяло от Ноэми всего полдня пути.

Он не видел Ноэми полгода. В мыслях он представлял себе сцену свидания, всепоглощающая страсть жгла его мозг и не давала забыться сном.

Тимар насилу дождался, пока рассвет. Едва лишь ночной мрак начал рассеиваться, он уже был на ногах. Повесив ружье и охотничью сумку на плечо, он, не будя гостеприимного хозяина, без прощания тихонько вышел из дома и поспешил к молодому леску на берегу Дуная.

Дунай выполняет весьма полезную работу. Из года в год расширяя эту лесную полосу и отодвигая в глубь суши прежнюю береговую линию: ведь тем самым и построенные четверть века назад домишки - прибрежные пограничные заставы - тоже отодвинулись вглубь. Путник. Перебирающийся на другой берег Дуная без паспорта, ступив в этот лесок, попадает как бы на территорию некоего дружественно-нейтрального государства. Тимар заранее отправил свою новую верткую лодку к знакомой рыбацкой хижине, куда он обычно добирался пешком. Лодку он обнаружил на месте и направил ее к камышам на противоположном берегу.

Лодка подобно белуге проворно скользила по волнам, но скорость ее хода никак нельзя было приписать только ей самой.

Шел апрель, весна полновластно вступила в свои права, деревья на Острове все оделись листвой и выбросили цвет. Тем сильнее поразило Михая зрелище, открывшееся ему за Островой: безмянный остров словно выгорел, зелени на нем словно бы и вовсе не было. По мере приближения к острову картина становилась яснее. В северной части острова все деревья были рыже-коричневые.

Лодка быстро шал через камыши. Ступив на берег, Михай отчетливо увидел, что большая купа деревьев высохла на корню. Ореховые деревья, любимцы Терезы, погибли все до единого. Михай был подавлен этим зрелищем. Прошлый год об эту пору его встречали здесь цветущие рощи, розовые заросли, а ныне высохший лес. Не иначе как дурное предзнаменование!

Он устремился в глубь острова и все ждал, когда же раздастся приветственный собачий лай. Но вокруг царила тишина.

Тревога его все возрастала. Дорожки, усыпанные прошлогодней палой листвой, пребывали в небрежении; казалось, что даже птицы перестали петь на острове.

Вот-вот должна была показаться хижина, и сердце его сжималось от страха. Что же случилось с обитательницами острова? По нем - так с ними могло случиться что угодно: они могли умереть да так и остаться непогребенными. Сам он полгода сюда и глаз не казал, занятый другими заботами: вершил государственные дела, вывозил в свет красавицу жену, приумножал свои богатства. А женщин на острове тем временем хранило небо - если. Конечно, хранило.

Когда он подошел к крыльцу, дверь отворилась, и из хижины вышла Тереза.

Пир виде его взгляд ее посерьезнел, в нем промелькнул испуг; затем губы ее тронула какая-то горькая улыбка.

- Ах, вот вы и вернулись! - сказала Тереза и поспешила навстречу Михая пожать ему руку. И сама же еще поинтересовалась, отчего он так мрачен.

- С вами ничего не стряслось? - перебил ее Михай.

- Нет, ничего не стряслось! - с кроткой улыбкой ответила Тереза.

- Мне прямо не по себе стало, когда я эти высохшие деревья увидел, - сказал Михай, чтобы как-то оправдать свой расстроенный вид.

- Прошлогодний паводок загубил их, - пояснила Тереза. - Ореховые деревья не переносят избытка влаги.

- Вы обе здоровы? - с беспокойством допытывался Михай.

- Здоровы, все трое, - мягко произнесла Тереза.

- Как - трое?

Тереза улыбнулась, вздохнула и снова улыбнулась. Затем, положив руку Михая на плечо, сказала:

- Жена одного бедняка-контрабандиста захворала тут, у нас на острове. Женщина умерла, а ребенок остался. Он и есть третий.

Тимар бросился в дом.

В дальнем углу комнаты стояла плетенная из лозы колыбель; по одну сторону от нее сидела Альмира, по другую - Ноэми. Ноэми, качая колыбель, ждала, когда Тимар подойдет.

В колыбели покоился младенец: румяные щечки, круглый ротик, похожий на вишню. Ребенок спал, неплотно прикрыв глаза и подняв ручонки к голове.

Михай как замороженный стоял у колыбели. Он посмотрел на Ноэми. И во взгляде его читалось. Что он силится разрешить какую-то загадку. Этой загадкой было лицо Ноэми: на нем отражались сладостное блаженство и некая неземная радость, благодатная гармония целомудрия и любви. Ноэми улыбнулась и потупила глаза.

Михая казалось, что еще миг, и он лишится рассудка.

Тереза коснулась его руки.

- Ну как, не сердитесь, что мы оставили у себя дитя бедной женщины? Мы решили, что нам его бог послал.

Не сердится ли он? Михай упал на колени перед колыбелью, где лежал младенец, обхватил руками и, прикинув к ней, безудержно разрыдался. Так неудержимо плакать умеют только

мужчины, долго молча сносившие горе, в сердце которых скопилось море боли, враз прорвавшей сдерживавшую его плотину. Он судорожно целовал этого крошечного посланца небес: его ручки, край рубашонки, румяные щечки... Ребенок строил умильные гримасы, но никак не хотел просыпаться. Потом все же открыл свои большие голубые глаза и мгновение вглядывался в незнакомое лицо, как бы вопрошая: "Чего тебе от меня надо?" И тут же рассмеялся звонко, будто сам себе ответил: "Знаю, знаю!" Голубые глазки вновь закрылись, младенец спал и улыбался во сне, не обращая внимания на поцелуи. Которыми незнакомый человек покрывал его личико.

- Бедная женщина, разве она могла подумать, что ее сиротку будут так ласкать! - смеясь, сказала Тереза, но тут же и отвернувшись, чтобы украдкой смахнуть слезу.

- А на мою долю поцелуев достанется? Со счастливым укором проговорила Ноэми.

Михай на коленях подполз к ней. Не в силах промолвить ни слова, он прижал ее руки к губам и, уткнувшись в колени Ноэми, замер. И время, казалось замерло.

Но вот дитя проснулось и заговорило на своем языке, который принято называть плачем.

Хорошо, что есть люди, понимающие этот язык.

Младенец проголодался.

Ноэми попросила Михай выйти из комнаты: незачем ему знать, кто питает сиротку.

Михай вышел из дома. Душа его воспарила к небесам. Он видел себя в некоем новом созвездии, откуда человеку покинутая им Земля представляется чужой планетой. Все, что принадлежало ему на той планете, оставлено безвозвратно и лишилось своей притягательной силы. Орбита, по коей вращалась вся его предыдущая жизнь, изменила ось вращения, обретя иной центр притяжения.

Перед ним открывалась новая цель, новая жизнь; неясно было лишь одно: как вырваться из прежнего мира и перейти в другой. Жить одновременно на двух разных планетах, возноситься с земли на небо, а с неба вновь возвращаться на землю, там улаживать себя беседой с ангелами, тут пересчитывать богатства - сверхчеловеческая задача для нервов. Этак и в самом деле немудрено повредиться рассудком!

Младенцев недаром называют ангелочками. "Ангелос" в переводе означает "посланец". Дитя и есть посланец иного мира. Неведомую, пленительную силу этого мира излучает лицо, глаза ребенка, воздействуя на тех, к кому он послан. Детские глаза порой лучатся неким голубым, завораживающим сиянием, какое обладает способностью говорить; глаза утрачивают это голубое сияние, как только приучаются говорить губы. Эту своеобразную голубую радугу можно наблюдать лишь в глазах младенца.

О, сколько счастливых часов провел Михай, замороженный голубым радужным ореолом!

Положив младенца на разостланную поверх травы козью шкуру. Он устраивался подле его и любовался нехитрыми забавами ребенка. Срывал цветок, упрашивая малыша взять подарок. А затем подолгу бился, чтобы выпросить цветок назад: ведь ребенок всякую полюбившуюся ему вещь тащит в рот. Михай пытался угадать смысл первых слогов, произносимых младенческими устами, позволял малышу дергать его за усы и, убаюкивая, напевал ему колыбельные.

Его чувства к Ноэми были совсем иные, чем до приезда на остров. Вожделение сменилось чувством счастья, пылкая страсть перешла в сладостное спокойствие, - так после перенесенной лихорадки человека охватывает блаженное ощущение выздоровления.

Да и сама Ноэми совершенно преобразилась за эти полгода. Нежное, обаятельное лицо ее приобрело иное выражение. От всего ее облика веяло той терпеливой кроткостью, какую нельзя ни намеренно усвоить, ни отторгнуть от себя; сдержанное достоинство окружало молодую женщину пленительной защитной оболочкой, невольно вызывая в людях уважение.

Тимар не мог нарадоваться. Потребовалось немало дней, прежде чем он поверил, что это не сон; что молодая, улыбающаяся женщина с нежно лепечущим ангелочком на руках, - живая явь.

А затем пришли нелегкие думы: что будет дальше? Часами бродил Михай по острову, размышляя о будущем.

"Что ты в силах дать этому ребенку? Деньги, все свои несметные богатства? Деньги здесь цены не имеют. Обширные земельные угодья, поместья? Но ведь к этому острову и клочка земли не прирежешь. Забрать мальчика с собой, вырастить барчуком. Именитым господином? Но женщины не отдадут ребенка. Взять с собою и женщин тоже? Этого нельзя сделать, даже если бы они согласились: ведь тогда они узнают всю правду и проникнутся к тебе презрением. Они могут быть счастливы только здесь; где никто не спрашивает, какого он роду-племени. Женщины дали ему лишь имя: Адеодат (Богоданный), фамилии у него нет. Так что же можешь дать ему ты?"

Однажды, когда Михай, погруженный в раздумья, бесцельно бродил по острову, продираясь сквозь заросли кустарника и одичалых цветов, под ногами у него неожиданно захрустели сухие сучья. Он огляделся по сторонам и увидел, что очутился в унылой роще засохших ореховых деревьев. Благородные красавцы деревья погибли безвозвратно, весна не одарила их ветви ни единым зеленым листком, и теперь земля под ними была сплошь усеяна сухими сучьями. На этом кладбище мертвых деревьев Михая осенила живительная мысль. Он тотчас же повернул к хижине.

- Тереза, сохранился плотницкий инструмент со времен, когда строили дом?

- Здесь все лежит, в кладовой.

- Дайте-ка мне. Знаете, что я надумал? Вырублю сухие ореховые деревья и построю Доди красивый дом.

Тереза изумленно всплеснула руками, а Ноэми ответила по-своему - расцеловала маленького Доди, словно говоря ему: "Ты слышишь, что тебя ждет?"

Удивление, написанное на лице Терезы, Михай истолковал как молчаливое сомнение.

- Да-да, - подтвердил он свои слова, - весь дом построю в одиночку, без посторонней помощи!

Секеи¹⁵ и румыны из отборного дуба строят дома, похожие на драгоценную шкатулку. Ну а наш будет целиком из ореха, не дом а княжеский дворец. Все до последнего гвоздя сделаю своими руками, это будет мой подарок Доди: когда вырастет - станет там жить.

Тереза лишь улыбалась.

- Конечно, Михай, вы хорошо задумали. Я ведь тоже свое гнездо в одиночку строила, как ласточка. Сама возводила стены из глины, сама крыла крышу камышом. Но плотницкие работы одному человеку не по плечу, вещь у пилы, к примеру, две ручки, как вы с ней управитесь в одиночку?

- А я на что? - с жаром воскликнула Ноэми. - Думайте, не справлюсь? Смотрите, какие у меня сильные руки!

С Этими словами она высоко подняла рукав сорочки, чтобы похвастаться своей рукой.

Обнажилась дивная, не уступающая красотой руке Дианы, округлая рука, в которой угадывались здоровые. Сильные мускулы. Михай покрыл ее поцелуями от плеча до кончиков ногтей, после чего признал хорошей помощницей в будущем.

- О, мы будем трудиться вместе! - сказала Ноэми, загоревшись идеей Михая. Ее живое воображение расцветило замысел новыми красками. - Мы будем уходить в лес. Для Доди подвесим на дереве люльку. Сами станем целый день трудиться, а ты, мама, будешь приносить нам обед в горшке. Рядышком сидеть на срубленном дереве и хлебать суп из одного горшка - да может ли на свете быть что-нибудь лучше этого!

Все так и сбылось.

Михай, не теряя времени, подхватил топор, отправился в ореховую рощу и принялся за рубку. К тому времени, как первое поваленное им дерево удалось очистить от сучьев, ладони его сплошь покрылись волдырями. Ноэми утешала его тем. Что женщины никогда не натирают мозолей на ладонях.

¹⁵ Секеи - этнографическая группа венгров в Трансильвании

Когда были срублены три дерева, так что одно можно было положить на два других, используя их вместо козел. Потребовалась помощь Ноэми. Молодая женщина знала. Что говорила, обещая стать помощницей; в тяжелой работе выявилась нерастроченная сила и выносливость, какие трудно было предположить в этой хрупкой фигурке. Ноэми так ловко управлялась с пилой, точно ее сизмальства обучали этому.

Михаю довелось на деле испытать участь дровосека, который вместе с женой спозаранку пилит бревна, а когда наступает полдень, им прямо в лес приносят обед. Они бок о бок усаживаются на бревне, подчистую съедают фасолевую похлебку, запивают еду свежей водой из кувшина, после чего дозволяют себе часок отдохнуть. Женщина устраивается на куче мягких стружек, дровосек, вольготно растянувшись на траве, засыпает, а жена передником прикрыв ему лицо от мух, берет ребенка на руки и всяческими забавами развлекает малыша, чтобы тот не плакал и дал отцу вздремнуть.

Вечером они всей семьей возвращаются домой. Дровосек на плече несет пилу и топор, а руки жены заняты драгоценной ношей - ребенком. Дома уже полыхает печь, и из кухни плывут аппетитные запахи. Ребенка укладывают в колыбель, жена подает мужу трубку и достает из печи уголек, чтобы разжечь ее; когда на стол выставляется миска с горячей едой, вся семья усаживается вокруг, ужин подьедает без остатка - тогда, как известно, назавтра можно ждать хорошей погоды, - а затем начинаются рассказы о том, как провел день малыш.

Дровосеку и его жене нет нужды спрашивать друг друга, "любишь ли ты меня?".

Михай постепенно втянулся в работу, плотницкий топор проворно мелькал в его ловких руках. Ноэми с удивлением приглядывалась к нему.

- Признайся, Михай, - не выдержала она наконец, - не работал ли ты когда-нибудь плотником?

- Конечно, да не простым, а корабельным.

- Тогда скажи мне, как тебе удалось выйти в такие важные господа, что теперь ты можешь на все лето забросить работу и жить в свое удовольствие на острове? Ведь ты теперь сам себе хозяин, верно я угадала?

- Как-нибудь расскажу, - отговорился Михай. Но так и не стал рассказывать ей, каким образом превратился он в важного барина, которому вольно делать что пожелает, хоть целыми неделями бревна пилить.

Он развлекал Ноэми рассказами о своих путешествиях по свету, однако в рассказах этих никогда не заходил так далеко, чтобы касаться собственной персоны. От любопытных расспросов уклонялся, делая вид, что с головой ушел в работу, да и перед сном его тоже не удавалось выпросить по излюбленной женской привычке загонять беззащитного ответчика в угол. К счастью, проведение позаботилось о Михе, наделив его способностью засыпать мгновенно, едва голова коснется подушки.

За долгие месяцы жизни тут Тимар постепенно убедился, что безымянный остров не настолько скрыт от людских глаз, чтобы никто не знал о его существовании.

Факт этот известен целой категории общества, но она не откроет миру тайну острова.

Эту категорию составляю "изгой" цивилизации. "Status extra statum"¹⁶.

У границ этого государства обрываются пути законов общества, церковный правил.

Место их обитания - приграничная полоса двух стран: Венгрии и Сербии. Чем не благоприятные условия: вольно текущая древняя река с ее густо заросшими островами, с нетронутыми чащами по обоим берегам, с нависающими над водой деревьями; свободные просеки в чаще и грунтовые дороги попадаются редко, села отстоят далеко друг от друга, а больших городов и вовсе нет. На поверхности жизни царит воинская дисциплина, а в глубине -- первозданная свобода. Обязанность поселян совершенно не ясна; необходимость в охране границы отпала столетия назад. От кого ее охранять? Недруги-турки - давно изгнаны из этих краев. Охранительная система сложит теперь только защите таможенных интересов. Однако

¹⁶ Государство вне государства / лат.

гражданский образ жизни формирует все же контрабанда. У нее есть своя система, своя школа, свое тайное правительство: поистине государство вне государства.

Тимара не раз удивляло, когда он неожиданно обнаруживал лодку или шлюпку, причаленную к острову по прикрытием ивняка и никем не охраняемую. Стоило ему через несколько часов вернуться на это место, и он уже не находил лодки. Другой раз он натыкался на целые тюки, спрятанные в ракушечных кустах, и если ему случалось снова забрести в эти места, то оказывалось, что тюки тоже исчезли. Но таинственные путники, избравшие остров перевалочным пунктом, намеренно обходили стороной хижину и обжитое пространство вокруг нее. Приезжали и незаметно уезжали. Стараясь не проложить тропинку в траве.

И все же были случаи. Когда окрестные жители наведывались в хижину: им была нужна Тереза. Стоило Альмире предупредить о приближении чужака, Тимар бросал работу и спешил к хижине. Укрыться в дальней комнате. Он не хотел. Чтобы посторонние увидели его здесь. Правда, он отрастил бороду, и это изменило его облик, но ведь мог появиться человек, с которым он встречался в другой своей жизни.

"Изгои" цивилизации вспоминали о Терезе, когда с ними случалась какая-нибудь беда.

Этим людям частенько доводится попадать в переделки, где недолго получить рану - нехорошую, глубокую, нанесенную оружием. С такими ранами к полковому лекарю не обратишься, потому как дело кончится пристрастным допросом. А хозяйка остров знает снадобья для лечения ран, умеет сращивать сломанные кости, соединять края зияющих ран и заживлять их. В тех краях, в особенности на турецкой стороне. Очень распространены злокачественные язвы и чирья; Тереза успешно пользовалась их простыми травами, секрет которых ей открыла нужда. Хворые и страждущие часто наведываются к ней и свято блюдают ее тайны, поскольку знают, с какой яростью преследуют знахарей полковой врач и аптекари. У "изгоев" общества нередко возникают меж собой тяжбы, с какими к судье не сунешься. Им хорошо известно, что в суде и на истца, и на ответчика наденут колодки. Вот они и просят умудренную жизнью хозяйку острова рассудить их; Тереза выслушивает и ту и другую сторону, и ее суждение для них равносильно приговору, который обжалованию не подлежит. Чаще всего предметом раздоров является кровная месть. Тереза большая мастерица мирить ярых противников, и те впоследствии поддерживаются скрепленный ее руками мирный союз. Иногда в хижину забредет какой-нибудь мрачный тип с безумным взглядом. Явно сторонящийся людей: преступник, терзаемый угрызениями совести, который не решается обратиться к священнику за отпущением греха, так как страшится ада и боится тюрьмы. Хозяйка острова умеет врачевать и эти душевные недуги: дает несчастному целительный бальзам - веру в милосердие Господне - и помогает ему обрести душевный покой.

Иной раз к порогу хижины добирается затравленный, измученный, изнывающий от голода и жажды человек. Тереза не спрашивает, откуда он пришел, куда держит путь. Накормит, напоит, даст человеку передохнуть и собраться с силами, а потом проводит в дорогу, снабдив запасами съестного.

Терезу знает множество людей, как веру, исповедующих закон молчания, и нет на свете тайного общества, крепче привязывающего учеников к своему учителю, чем привязаны к ней эти люди.

Кроме того, каждому известно, что денег у нее не найти, а значит, ей не нажить врагов и из-за людской жадности.

Тимар убедился, что попал в такое место, которое целые столетия с их трудами, заботами, новыми идеями будут обходить стороной, прежде чем история острова и его обитателей окажется вовлечена в хаос, именуемый общественной жизнью.

Он мог продолжать свои труды, не опасаясь, что рано или поздно в той, другой, жизни узнают, что Михай Тимар Леветницкий, королевский советник, земельный магнат и делец, ворочающий миллионами, пробавляется плотницким ремеслом на безвестном острове, а когда решает дать себе роздых, достает карманный ножик и мастерить из ивовых прутьев решетку к кровати для сироты-младенца, у которого нет ни отца, ни матери, нет ни имени, ни фамилии.

А какие радости выпадают здесь на долю Тимара! С каким вниманием прислушивается он к первому слову. Которое тшится выговорить ребенок. Как помогает маленькому человечку сложить непослушные губы, чтобы получилось слово "папа".

Разумеется, ребенок учится говорить именно с этого слова. По его младенческому разумению, так и должно быть: ведь человек, который улыбается ему с такой любовью, и не может быть никем иным, кроме как папой.

Откуда ему знать, что он - сын бедного контрабандиста, несчастный сирота, родители которого умерил?

Вскоре для ребенка наступает знакомство с менее лучезарной стороной жизни, начинаются детские страдания. Сколько тревоги, сколько бессонных ночей в доме, когда у малыша режутся зубки. Ноэми остается с ним дома, а Михай что ни час всаживает топор в бревно и бежит домой взглянуть, не стало ли хуже маленькому Доди. Он берет с рук у Ноэми ребенка и часами расхаживает, напевая колыбельную:

И если ребенок, позабыв о боли, засыпает под монотонное пение, то-то радости бывает Михаяю! Но вот Тимар все что мог переделал: Все бревна и балки были готовы. На это его умения хватило, а вот что делать дальше, он не знал. Плотницкое ремесло тоже науки требует, а он прихвастнул перед Ноэми, когда сказал ей, что науку эту превзошел.

Приближалась осень. Тереза и Ноэми считали вполне естественным, что в эту пору Тимар должен покинуть их. Ведь ему надо думать о куске хлеба впрок. Такая уж у него работа сезонная, что летом за нею присматривать не нужно, зато зимой следует браться за дело засучив рукава. В этом не было ничего необычного, все прочие торговцы тоже бывают заняты по полгода. Любопытно, что схожее представление о работе Тимара существовало и в другом доме. Ведь Тимея тоже полагала, что дела вынуждают Тимара быть в отъезде целое лето, когда он все свое умение обращает на пользу промыслов, экономики и торговли.

С осени до весны он обманывал Тимею, с весны до осени - Ноэми. Уж в непоследовательности ему нельзя было себя упрекнуть.

В этом году он покинул остров раньше обычного и поспешил домой в Комаром.

Дела без него сверх всяких ожиданий шли успешно. Даже главный выигрыш в крупной государственной лотерее и тот выпал на его долю. Давно позабытый лотерейный билет валялся у него в столе на дне ящика, и Тимар лишь три месяца спустя после розыгрыша предъявил его, чтобы получить нечаянно привалившие сто тысяч. Создавалось впечатление, будто он такие мелкие суммы и в расчет не принимает, а это заставило людей еще больше дивиться его удаче. У этого Тимара так много денег, что они ему уже и не нужны.

На что же их употребить?

И Тимар нашел им употребление: выписал из Трансильвании и из окрестностей Заранде знаменитых резчиков по дереву. Мастера эти ставят дома из твердых пород дерева - прочные, на века, и дивно изукрашенные. Не дома, а дворцы! В таких домах живут секейский и румынский помещики. Внутри все тоже украшено резьбой; сам дом и вся мебель работы одного и того же мастера. Материалом служат дуб, ореховое дерево, и все до единой детали постройки деревянные, тут не встретишь ни кусочка железа.

Резчик по дереву.

Возвратясь домой, Михай застал Тимею недомогающей. Это дало ему повод пригласить нескольких известных венских врачей, чтобы провести консилиум.

Врачи установили диагноз и сошлись на том, что больной необходимо сменить климат, и рекомендовали ей провести зиму в Меране.

Михай отвез туда супругу и Атали.

В тихой, защищенной от ветров долине Михай подыскал для Тимеи дом, в саду которого был прелестный павильон в швейцарском стиле. Он знал, что Тимее это придется по вкусу.

В зимние месяцы Михай несколько раз наведывался к Тимее, по большей части в сопровождении некоего пожилого человека, и убедился, что любимым обжитым уголком Тимеи действительно стал садовый павильон.

По возвращении в Комаром Михай взялся за дело, чтобы за зиму построить точно такой же павильон, как в Меране. Привезенный им секейский резчик был большой искусник по этой части. Он вычертил подробнейший план меранского деревянного домика, его наружной и внутренней конструкции, затем в доме Тимара на улице Рац оборудовал себе просторную мастерскую и принялся за работу. Но об этом никому нельзя было говорить, чтобы не испортить сюрприз. А резчику требуется подмастерье, без помощника в таком большом деле не обойтись. Только попробуй найти подмастерье, который умел бы держать язык за зубами. Как тут быть? Пришлось заделаться помощником самому Тимару, и он с утра до вечера долбил, сверлил, резал, строгал, обтачивал наперегонки с мастером.

Резчику, даже если бы уста его были запечатаны печатью царя Соломона, невозможно было удержаться, чтобы воскресными вечерами не поделиться по секрету с близкими приятелями, какой сюрприз готовит господин Леветинцкий для своей супруги. Сперва они каждую деталь отделают, одну к другой подгонят, а когда все будет готово, то домик установят в прекрасном, большом саду Леветинцких на моношторском холме. И хозяин - богач из богачей, а вот ведь не считает для себя зазорным целый божий день гнуть спину, будто простой подмастерье, да и то сказать, за какой инструмент ни возьмется, так ловко с ним управляется, что не каждый бывалый работник за ним угонится. Дела свои торговые господин Леветинцкий сейчас позабросил, все на агентов переложил, а сам целыми днями в мастерской пропадает. И все для того, чтобы супруге своей нежданную радость доставить. Так что об этом деле помалкивать надобно, пусть будет для красавицы госпожи приятная неожиданность.

Ничего удивительного, что о замысле Тимара прознал весь город, а стало быть, и госпожа Зофия, которая не замедлила написать Атали, а та рассказала Тимее. И теперь Тимея заранее знала, что когда она вернется в Комаром, Михай в первый же погожий день отвезет ее в карете на моношторский холм, где разбит их прекрасный фруктовый сад, и на обращенном к Дуная склоне холма она увидит милый ее сердцу павильон, точную копию меранского, у окна столик с корзинкой для рукоделия, на этажерке из граба свои любимые книги, березовое кресло перед верандой, - и все это должно быть для нее сюрпризом, ей придется улыбаться и делать вид, будто она очень рада, а когда она станет хвалить мастера за редкостную работу, то услышит: "Не меня хвалите, ваша милость, а моего помощника, самая красивая резьба на этом доме - его рук дело. Как по-вашему, кто делал эти карнизы и резные перила, и капители? Мой подмастерье. А кто был моим подмастерьем? Сам господин Леветинцкий. В этот дом, ваша милость, более всего его труда вложено".

И снова Тимее придется улыбаться и подыскивать слова, чтобы выразить свою благодарность. Слова они и есть слова! Ведь все усилия Михая напрасны. Осыпъ он свою жену драгоценностями или поделись с ней куском черного хлеба, заработанного на поденщине, любви ее этим не купишь.

Все так и произошло. По весне Тимея вернулась домой. Моношторский сюрприз был обставлен по строгому замыслу - богатое пиршество, уйма гостей, на губах Тимеи мелькала грустная улыбка, в лице Тимара читалось сдержанное великодушие, на лицах гостей - восторженная зависть.

Дамы сошлись на том, что ни одна женщина не заслуживает такого мужа, как Тимар, это идеал супруга; мужчины же говорили, что когда муж подарками старается подольститься к собственной жене, это дурной признак. Не к добру это, когда муж берется рукодельничать. Лишь Атали молчала. Она искала нить Ариадны, какая помогла бы ей распутать тайну, и не находила.

О Тимее она знала все: та по-прежнему страдает и страдания приближают ее к смертному порогу. Ее убивает яд, действующий не через плоть, но разъедающий душу. Убивает медленно, но верно. Но что произошло с Михаем? Его лицо выдает, что он счастлив. Где сумел он

выкрасть себе счастье? Перед Тимеей заискивает, всячески норовит угодить ей. Что за этим скрывается? На людях выказывает себя нежнейшим и счастливейшим из супругов. Какая ему в том польза? В обществе всегда шутилив и весел, а по отношению к Атали равнодушен до беззлобия, словно успел позабыть тот ночной разговор, всколыхнувший всю его душу, словно его теперь не трогала язвительная усмешка Атали. Дошло до того, что он пригласил ее на котильон.

Счастлив ли он в действительности или же только притворяется счастливым? Притерпелся к своей участи или пытается добиться невозможного - всеми правдами и неправдами покорить сердце Тимей? Но ведь это совершенная нелепица, Атали по себе знает. Находились претенденты на ее руку, добропорядочные провинциалы, способные должным образом содержать супругу. Но она отвергает предложения, ей безразличны все мужчины. Любить она была бы в состоянии лишь одного - единственного, которого ненавидит. Тимею понимает лишь Атали.

Тимею она понимает, а вот Михая понять бессильна. Этот человек с сияющей улыбкой на лице, ласковыми речами и великодушным сердцем остается для нее загадкой. Золотой человек, на котором не обнаружить ржавого пятна.

Михай часто ловил на себе ее испытующий взгляд и от души веселился про себя.

"Ищи разгадку, допытывайся, демон-хранитель! Никогда не дознаешься тебе и никому другому, что всю зиму я трудился не покладая рук лишь для того, чтобы освоить мастерство, а после на безвестном клочке земли для некоего безымянного создания выстроить дом не хуже моношторского. Есть там одно крошечное существо, ради которого покрылись трудовыми мозолями мои руки. Попробуй угадать, как его зовут!".

Тимар снова созвал врачей на консилиум. На сей раз Тимее было рекомендовано полечиться в Биарицце. Михай отвез туда Тимею; обставил ее особняк с безукоризненным комфортом, позаботился о том, чтобы туалеты и парадный выезд жены не уступали в роскоши английским леди и русским княгиням, и оставил ей полный кошель золота, попросив привезти его домой пустым. К Атали он тоже был щедр. В книге приезжающих Атали была внесена как кухня госпожи Леветинцкой, и ей надлежало по три раза на дню менять туалеты так же, как и Тимее. Можно ли более неукоснительно соблюдать супружеские обязанности?

Выполнив свой долг, Михай поспешил... но не домой, а в Вену. Там он скупил оборудование для целой столярно-плотницкой мастерской, велел упаковать его в ящики и доставить в Панчево.

Теперь оставалось придумать какой-нибудь ловкий предлог, чтобы переправить инструменты на "ничейный остров".

Ему и без того приходилось соблюдать осторожность. Рыбаки на левом берегу Дуная не раз видели. Как он отплывал на лодке по направлению к Острову и лишь долгие месяцы спустя возвращался обратно, и, наверное, давно гадают между собой: кто этот человек и чего ради повадился ездить на остров?

Когда груз прибыл в Панчево, Михай на повозках переправил его в тополиные заросли на берегу Дуная, а затем созвал рыбаков и попросил их доставить ящики на пустынный остров. В ящиках, мол, оружие.

Достаточно было одного этого слова, чтобы тайна его оказалась погребенной навеки. Теперь он мог как угодно часто переплывать на остров и обратно, днем и при лунном свете - люди не перешептывались на его счет. Все знали, что он - агент сербских и черногорских борцов за свободу, и не выдали бы его даже под пыткой. Теперь его имя для местных жителей было свято.

Чтобы напустить вокруг себя тумана, Тимар вынужден был обманывать каждого, с кем доводилось перемолвиться хоть словом.

Ночью рыбаки - с ними были и Михай - переправили груз на остров. Причалив к берегу, они с полным знанием дела отыскивали подходящее место под береговым обрывом, где кустарник

разросся особенно густо, и перенесли туда ящики. Когда же Михай пожелал с ними расплатиться, наотрез отказались от денег. Пожали ему руку и распрощались.

Рыбаки уплыли, Михай остался на острове.

Ночь была лунная, заливался трелями соловей.

Михай пошел вдоль берега, чтобы отыскать ведущую к дому тропинку. По пути он набрел на свою плотницкую мастерскую, где осенью оставил работу прерванной. Отделанные резьбою бревна были тщательно укрыты связками камыша, чтобы сырость их не испортила.

Отсюда дорога вела через розовый сад. Розы давно отцвели, Михай тем временем обживал свой моношторский павильон, а позднее развлекался на морском курорте с женою. В этом году он опоздал к сбору урожая роз, а его наверняка ждали с замиранием сердца. Но ведь прежде он должен был замести следы.

На цыпочках приблизился Михай к жилищу островитянок. Вокруг - ни шороха, ни шума, и он счел это добрым знаком. Альмира не лает, так как спит в кухне, а ее молчание, в свою очередь, означает, что она боится разбудить спящего ребенка. Выходит, все в доме живы - здоровы.

О, сколько раз видел он этот домик во сне и наяву - в мечтах своих! Сколько раз воображал, как он подходит к заветному порогу!

Иногда ему представлялось, что дом сгорел, и на земле валяются обуглившиеся балки, а стены поросли бурьяном; обитатели дома исчезли: куда - никому неизвестно. Иной раз явственно виделась такая картина: он переступает порог, из-за двери выскакивают вооруженные до зубов бандиты, хватают его с криком "тебя-то мы и дожидались!", связывают, затыкают рот и сталкивают в пещеру, служащую подвалом, а еще нередко виделось ему словно наяву, что входит он в хижину и застаёт там окровавленные тела своих близких; золотистые волосы Ноэми рассыпались по полу, на груди ее - ребенок с разбитой головой. Какую же муку он себе нажил, прикипев сердцем к людям. Которых вынужден покидать надолго! Наваянная его внутренними сомнениями, терзала его душу и такая сцена: он приближается к Ноэми и вместо ее кротко улыбающегося лица видит холодную алебастровую маску и слышит вопрос: "Где вы так долго пропадали, господин Леветинский?".

Сейчас, когда он стоял перед этим скромным жилищем, все страхи его развеялись. Здесь все, как прежде; здесь по-прежнему живут те, кто любит его. Как оповестить их о своем прибытии, какой приготовить им сюрприз?

Он встал у низкого, увитого розами оконца и запел знакомую песню:

Его расчет оправдался. Мгновение спустя окошко распахнулось, и выглянуло сияющее от счастья лицо Ноэми.

- Милый мой! - чуть слышно произносит она.

- Твой! - шепотом подтверждает Тимар. Нежно обнимая высунувшуюся из окна головку Ноэми.

- Как Доди? - были его следующие слова.

- Он спит.

И они разговаривают тихо-тихо, едва уловимым шепотом, чтобы не разбудить ребенка.

- Да что же это мы! Заходи в дом!

- Разбудим его, потом будет плакать.

- Он теперь без причины не плачет. Большой стал, ведь ему уже годик сравнялся.

- Годик? Так он и вправду уже большой!

- Он даже имя твое выговаривать научился.

- Как, он уже и говорить умеет?

- И учится ходить.

- Не нынче - завтра побежит!

- И ест все подряд.

- А вот и зря! Ему еще рано.

- Что ты в этом понимаешь? О, если бы ты его виде!..

- Отодвинь занавеску, пусть луна посветит, и я погляжу на него.

- Нет, нельзя, чтобы лунный свет падал на спящего ребенка, от этого он может заболеть.

- Глупости какие!
- С ребенком связано много суеверий, но лучше им верить. Ведь дети потому и находятся на попечении женщин, что женщины всему верят. Заходи в комнату и любуйся им здесь.
- Не стану заходить, пока он спит: боюсь разбудить. Выходи лучше ты ко мне.
- Никак нельзя! Тогда он сразу же проснется, да и маму будить не хочется.
- Тогда ложись к ребенку, а я обожду здесь.
- Не хочешь прилечь?
- Скоро светать начнет. Возвращайся к нему, но окошко оставь открытым.

И Тимар остался у открытого окна, осторожно заглядывая в комнату, пол которой был расчерчен серебряными квадратиками лунного света, он жадно ловил каждый звук изнутри: короткий всхлип - голос просыпающегося ребенка, и следом чуть слышную, навевающую сон мелодию колыбельной - "моей любушки избушку", а затем едва уловимый звук поцелуя - награда послушному ребенку, вновь убаюканному колыбельной песенкой.

Так и скоротал Тимар остаток ночи, облокотясь о подоконник и прислушиваясь к дыханию спящих, пока рассвет не разогнал сумрак в маленькой спальне.

Первым встрепенулся при свете зари ребенок, звонким смехом возвещая о своем пробуждении, после чего уже всем стало не до сна. Малыш резвился, болтал что-то, понятное лишь им двоим: ему самому и Ноэми.

Когда наконец Тимару удалось взять на руки ребенка, он сказал:

- На этот раз я не уеду отсюда, пока не построю тебе дом. Что ты сказал, Доди?

А Доди и в самом деле ответил Михая милым лепетом, какой Ноэми истолковала следующим образом: "И правильно сделаешь".

Ноэми.

Тимар переживал счастливейшие дни соей двойственной жизни.

Ничто не нарушало полноты его счастья, кроме мысли о том, что у него ведь есть и другая жизнь, куда он неизбежно должен вернуться.

Знай он какой-нибудь способ вырваться из того, другого, мира - и жизнь его безмятежно потекла бы на этом благословенном острове.

А ведь как легко было бы этого достичь! Просто остаться здесь навсегда. Поищут его с годик, пооплакивают два года, три года будут вспоминать, а там и из памяти вон. Да и он забудет весь мир, весь мир ему заменит Ноэми.

Ведь Ноэми - поистине сокровище!

В характере ее соединились все приятные женские черты и начисто отсутствует все раздражающее. Красота ее далека от того уныло правильного совершенства, любованием которым приедается столь быстро; напротив, при каждой смене настроения она чарует вновь. В натуре ее слились воедино нежность, мягкость и жар души. В полной гармонии уживаются в ней целомудренная дева, фея-чаровница и земная женщина. Любовь ее лишена и тени эгоизма; все существо ее растворено в любимом человеке. Нет у нее своих горестей и радостей, только его, Михая, горести и радости. Дома она заботится о его уюте, старается угодить во всем, в работе с неутомимым усердием помогает ему. Всегда весела и бодра, а стоит ей чуть занемочь, и прикосновение губ к страждущему лбу излечивает ее хворь. Ноэми покорна том, кто - она знает это- боготворит ее. А когда она, взяв ребенка на руки, играет с ним, человеку, который обладает ею и все же не может называть ее совсем своей, впору потерять голову.

Но Тимар пока еще не окончательно потерял голову.

Он еще торговался с судьбой.

Уж очень высока цена за обладание этим сокровищем: юной женщиной с дитятей на руках.

Ведь цена-то ему - целый мир! Бросить миллионное состояние, отказаться от положения в обществе, от высоких заслуг, от именитый приятелей, бросить на полпути грандиозные дела,

прославившие Тимара на весь свет и сулящие в случае успеха большую будущность отечественной индустрии... Ну и вдобавок ко всему оставить Тимею!

Пожалуй, он мог бы еще бросить вызов миру, отказавшись от своих несметных богатств: поднялись они со дна речного, пусть и канут в воду. Но самолюбию его казалась невыносимой мысль, что белолицая женщина, которая осталась равнодушна к его супружеской страсти, испытает в этой жизни счастье - но с другим человеком.

Михай и сам не подозревал, какая сатанинская сила таится в его сердце. Женщина, которая не умеет любить, чахнет на глазах, а он проводит счастливые дни там, где умеют любить.

И за эти счастливые дни рос дом, возводимый теперь уже опытной рукою умелого мастера. Уже высятся стены из гладкотесанных бревен орехового дерева, до того искусно подогнанных одно к другому, что ветру не сыскать было и щелки. Дом был подведен под крышу, а кровля крыта гонтом, выструганным на секейский лад в виде рыбьей чешуи. С плотницкими работами было покончено, оставались работы столярные. Теперь уже Михай трудился в одиночку, и из нового дома, превращенного в мастерскую, целыми днями раздавалось пение под аккомпанемент пилы и рубанка.

Как и всякого усердного труженика, Михая лишь наступление темноты вынуждало покинуть мастерскую. Он возвращался в хижину, где его ожидал вкусный ужин, а после ужина он усаживался на скамеечку перед домом и раскуривал глиняную трубку. Ноэми садилась подле него и, поставив себе на колени маленького Доди, заставляла его повторять выученное за день новое слово.

Одно-единственное слово! Но разве не заключает оно в себе большую премудрость, чем все науки на свете?

- На что бы ты променяла Доди? - с ласковой шуткой спросил он как-то раз Ноэми. - За всю эту землю, осыпанную алмазами, обдала бы?

- За небеса вместе с ангелами и то не отдала бы!

А малыш Доди, резвясь, ухватил ручонкой трубку Михая, теребил и дергал ее, покуда не вытащил у него изо рта, а когда наскучил этой забавой, бросил трубку оземь. Трубка была глиняная и, конечно же, разбилась.

Тимар вспыхнул и с досады легонько ударил малыша по ручку. Тот от неожиданности замер, уставясь на Михая, а затем, уткнувшись в грудь Ноэми, расплакался.

- Вот видишь, - печально сказала Ноэми, - ты променял бы его даже на трубку. А ведь она и была-то глиняная...

Михай очень раскаивался. Что ударил ребенка. Говорил ему всякие ласковые слова, даже поцеловал обиженную ручку. Но малыш не унимался и прятал лицо в шаль Ноэми.

Всю ночь ребенок вел себя беспокойно: никак не желал спать, плакал. Тимар в сердцах сказал, что мальчик вырастет с дурным, настырным характером, если вовремя не переломить в нем это упрямство. Ноэми ответила ему взглядом, полным мягкого укора.

На следующее утро Тимар покинул дом раньше обычного и ушел в мастерскую, но пения его в тот день не было слышно. Да и работу он прервал сразу после полудня, а когда добрался домой, заметил, как испугалась Ноэми при виде его. Лицо Тимара изменилось до неузнаваемости.

- Со мной что-то неладное! - сказал он Ноэми. - Голова тяжелая, ноги подкашиваются, все тело болит. Придется лечь.

Ноэми торопливо постелила Михая постель в дальней комнате, помогла ему раздеться. Она с тревогой отметила, что руки у него холодные, как лед, а дыхание горячее.

Тереза тоже поспешила к больному, потрогала у него лоб и руки и посоветовала укрыться потеплее, потому что скоро начнется озноб.

Михай опасался худшего. В тех краях тогда свирепствовал тиф, необычайно широко распространявшийся во время весенних паводков Дуная.

Когда голова его коснулась подушки, он еще не успел потерять сознание, и мысли одна тревожнее другой одолевали его. Что, если у него начнется лихорадочный жар? Врача, который

мог бы оказывать ему постоянную помощь, поблизости нет, так что тут и умереть недолго. Никто и не узнает, куда он пропал. А что будет с Тимеей? Что будет с Ноэми?

У кого надет поддержку бедная Ноэми, овдовев прежде, чем стала женой? Кто будет растить маленького Доди? Какая участь уготована ему в будущем, если Михай умрет?

Кто скажет Тимее, когда ей надеть и когда снять вдовый траур? Что же ей, до конца своих дней ждать его возвращения?

Выходит, обе женщины из-за него будут несчастны до конца жизни.

Затем слабеющее сознание Михая пронзила мысль: вот-вот у него начнется тифозный бред, тогда-то уж он проговорится перед женщинами, которые днем и ночью будут сидеть у его изголовья. Проговорится в бреду о своих несметных богатствах, о целом штате служащих, о своих дворцах, о белолицей жене. Если ему почудится рядом Тимея, он окликнет ее по имени, назовет своей женой. А ведь Ноэми знакомо это имя!

Сейчас, пока еще не начался бред. Тимару страшно было подумать, что вскоре он окажется в током состоянии, когда помимо его воли все тайны сердца раскроются и непокорные губы сами расскажут о том, кто он есть на самом деле.

Помимо телесных мучений его терзало раскаяние: зачем он вчера ударил Доди? Этот пустяковый проступок давил душу словно тяжкий грех.

Михай хотел был попросить, чтобы ему принесли поцеловать ребенка.

- Ноэми! - жарко выдохнул он.

- Чего тебе? - шепотом спросила Ноэми.

Но он уже и сам забыл. Чего хочет.

Как только Михай слег в постель, жар тот час же дал себя знать. Людей, здоровых от природы, этот подручный костлявой старухи валит в первую очередь и мучает пуще других.

С этого момента Михай не переставая бредил. И каждой слово. Срывавшееся с его губ вынуждена была выслушивать Ноэми.

Сам больной не сознавал, что он бредит.

Тот, кто говорил его устами, был чужой человек - правдивый, не имеющий тайн; они говорил все, как на духу.

Бредовые видения тифозного больного в чем-то схожи с фантасмагориями безумца. Они упорно вращаются вокруг одной навязчивой идеи, вокруг одного лица, и как бы ни чередовались бредовые картины, центральная фигура всегда остается одной и той же.

В бредовых видениях Тимара тоже царила одна фигура. То была женщина, но не Тимея, а Ноэми. Только о ней он и упоминал. Имени Тимеи он не произнес ни разу - она не занимала его сердца.

Ноэми слушала его слова с замиранием сердца и с наслаждением.

Михай говорил о таких незнакомых вещах и увлекал ее за собой в такой чуждый ей мир, что оставалось лишь ужасаться чудовищной болезни. Способной вызывать столь невероятные видения; и все же слушать его было наслаждением, ибо говорил он о ней, и только о ней одной. Вот он воображал себя во дворце знатных господ и обращался к какому-то господину.

"Кому вы хотите, ваше превосходительство, вручить этот орден? Я знаю девушку на ничейном острове - никто иной не заслуживает награды, как она. Дайте орден ей. Ее зовут Ноэми. Как ее фамилия? К чему она ей? Разве королев называют по фамилии?"

"Ноэми Первая; милостию божией королева ничейного острова и розовых куш".

Фантазия больного работала, развивая возникшую идею.

"Когда я стану королем ничейного острова, у меня будут министерства: распоряжаться всеми мясными делами поставлю Альмиру, а всеми молочными - Нарциссу. Никогда не стану требовать с них отчета и буду называть их "мои верноподданные".

Затем он заговорил о дворцах:

"Как тебе нравятся эти залы, Ноэми, а эта позолота на потолке, фигурки танцующий детей на золотом фоне? Они похожи на маленького Доди, правда? Жаль, что они так высоко. Тебе холодно в этом огромном зале? И мне тоже. Насколько уютнее в нашей маленькой хижине у

жаркого очага! Вернемся туда. Не люблю я эти пышные дворцы. В этом городе часто бывают землетрясения. Боюсь, как бы потолок не обрушился на нас. Вон там, из-за дверцы, кто-то подглядывает за нами. Какая-то женщина. Лицо у нее завистливое. Не смотри на нее, Ноэми, у нее дурной глаз. Этот дом когда-то принадлежал ей, а теперь она стала здесь призраком. Гляди, у нее в руках кинжал, она хочет тебя убить. Бежим отсюда!"

Но на пути их встало препятствие: груды денег.

"Я не могу подняться, золото придавило меня! Навалилось на грудь всей тяжестью. Убери его прочь! Ах, я утопаю в золоте! Крыша рухнула, а с чердака сыплется золото. Душно! Ноэми, дай руку, вытащи меня из-под этой горы золота!"

При этом рука его находилась в руке Ноэми, и молодая женщина с ужасом думала. Какой же чудовищной властью должно обладать золото, если мозг неимущего корабельщика терзается такими кошмарными видениями!

Но вот в его видениях вновь все заслонила Ноэми.

"Ты не любишь алмазы, Ноэми. Вот чудачка! Думаешь, если они сверкают огнем, то непременно должны обжечь? Не бойся! Ой, ты была права, они действительно обжигают! Как же я этого не знал до сих пор? Да ведь это адский огонь. "Диамант", "диаболус" - у них даже названия родственные. Давай бросим их в воду. Сорви их с себя. Бросить в воду - хорошо я придумал? Я знаю, откуда они взялись, и отнесу их на то же место. Не бойся, я не утону.

Задержи дыхание молись. Сколько секунд ты сможешь не дышать, столько же выдержу и я под водой. Мне только в затонувшее судно попасть, в его каюту. Ай, кто это там на постели?"

Больного охватил панический страх, он вскочил на ноги и порывался бежать. Ноэми с трудом удалось уложить его обратно.

"Там кто-то лежит на постели!"

"Нельзя произносить вслух его имя!"

"Смотри, красный полумесяц, он заглядывает в окно! Гони его прочь, не хочу, чтобы он светил мне в глаза. Он подплывает все ближе и ближе. Занавесь окно!"

Окно и без того было занавешено. А ночь стояла темная, безлунная.

Затем, когда возбуждение Михая чуть утихло, он сказал:

"О, как ты прекрасна, Ноэми, без алмазов!"

Тут лихорадочные фантазии его устремились по иному руслу.

"Тот человек по другую сторону земного шара стоит прямо у нас над головой. Если бы земля была прозрачная, он бы нас увидел. Но ведь я его вижу, значит, и он нас видит. Что же он там делает? Собирает гремучих змей, а потом, когда вернется, выпустит их на этом острове. Не пускайте его сюда, запретите ему возвращаться! Альмира, Альмира, проснись! Возьми его! Ага, на удава наткнулся. Удав душит его своими кольцами, сейчас проглотит. Боже, какое страшное у него лицо! Только бы не видеть, как змея заглатывает его! Только бы он не смотрел на меня так! Вот уже одна голова торчит из пасти удава, а он все смотрит на меня. О, Ноэми, закрой мне лицо, чтобы я его не видел!"

Одно кошмарное видение сменялось другим.

"По морю плывет целая флотилия. Чем же она нагружена? Мукой. Налетает шквал, торнадо, подхватывает корабли. Взметает их к небу и разбивает в щепы. Отовсюду сыплется мука, от нее все становится белым. Белое море, белое небо, белый ветер. Луна проглядывает из-за туч.

Смотри, как ураган швыряет муку ей прямо в красную физиономию! Чем не старая хрычовка, решившая напудрить свою медно-красную рожу? Что же ты не смеешься, Ноэми? Смейся!"

А Ноэми, вся дрожа, ломала руки.

Бедное создание, она ни днем, ни ночью не отходила от постели Михая. Днем сидела подле него на стуле, а на ночь придвигала к его ложу топчан и дремала рядом, не думая о том, что тиф заразен. Часто клала голову на подушку Михая, щекой прижималась к его пылающему лбу, поцелуями утишая вздохи, врывающиеся с пересохших губ.

Тереза безвредными домашними средствами пыталась унять жар и распахивала настежь окна, чтобы комнатка проветривалась: свежий воздух - лучший целитель тифа.

Мать пояснила Ноэми, что в болезни на тринадцатые сутки наступает кризис: она либо идет на убыль, либо кончается смертью.

Сколько часов простояла на коленях Ноэми в эти дни, в эти долгие ночи, моля Господа сжалиться над ее несчастным сердцем, вернуть Михая к жизни! Если могиле нужна жертва - пусть возьмет ее. Она согласна умереть вместо Михая.

И судьбе иногда свойственна ирония!

Ноэми предлагала смерти весь мир и себя в придачу, лишь бы Михай остался в живых.

Бедняжка думала, что имеет дело с честным партнером, с которым можно торговаться.

И ангел смерти принял условия торга.

На тринадцатые сутки бредовые видения, жестокий жар отпустили Михая. Нервное возбуждение сменилось вялостью и упадком сил - верный признак, что дело пошло на поправку. Теперь он вернется к жизни, если за ним будут заботливо ухаживать, окружат вниманием и любовью, сумеют внушить ему бодрость, уберечь от хандры и приступов раздражения. Больной в это время очень капризен и вспыльчив, а между тем его выздоровление зависит от душевного покоя. Любое возбуждение может кончиться смертью.

На четырнадцатые сутки Ноэми всю ночь просидела у ложа больного, даже к Доди не заглянула ни разу. Малыш все это время спал подле Терезы.

Утром четырнадцатого дня, когда Михай забылся крепким сном, Тереза прошептала на ухо Ноэми: "Маленький Доди тяжело болен".

Теперь еще и ребенок! Бедная Ноэми!

У Доди начался дифтерит - опаснейшая детская болезнь, против которой почти бессильна даже врачебная наука.

Михай спал, и Ноэми в тревоге поспешила к ребенку. Личико его совершенно изменилось.

Малыш не плакал; эта болезнь не знает слов жалобы, но тем страшнее ее муки.

Что может быть ужаснее этого зрелища: маленькое невинное существо, которое не может пожаловаться и которому люди не в силах помочь.

Ноэми застывшим взглядом уставилась на мать, словно вопрошая: "Неужели ты ничего не можешь сделать?".

Тереза не смогла выдержать ее взгляд.

"Ты умела помочь стольким больным, страждущим, умирающим, неужели только для него единственного не найдется у тебя никого средства?".

Нет, не найдется.

Ноэми бросилась на колени у кровати ребенка, прижалась губами к его губам, порывисто шепча.

- Что с тобой, маленький мой, родной? Открой свои дивные глазки, ангелочек мой, взгляни на меня!

Малыш никак не хотел открывать глаза. А когда наконец в ответ на поцелуи и мольбы матери поднял веки, взгляд его был ужасен. То был взгляд ребенка, познавшего близость смерти.

- О, не смотри на меня так страшно!

Ребенок не плакал, лишь хрипло кашлял.

Только бы не услышал другой больной!

Ноэми, дрожа всем телом, держала ребенка на руках и все время прислушивалась, не проснулся ли в соседней комнате Михай.

Заслышав его голос, она оставила больного дитя и поспешила к Михая. Теперь, после того как приступы жара и нервной лихорадки миновали, он страдал от упадка сил, был нетерпелив и раздражителен.

- Где ты пропадала? - накинулся он на Ноэми. - Бросила меня тут одного. Вечно не дозовешься тебя, когда что-нибудь нужно.

- О, не сердись! - молила его Ноэми. - Я хотела принести тебе свежей водички.

- Могла бы и Тереза сходить, все равно ей делать нечего. Окно настежь распахнуто, чего доброго крыса вскочит, пока сплю. Не видишь здесь крысу?

Больному нервной лихорадкой чаще всего мерещатся крысы.

- Никакая крыса не вскочит. Милый. Окошко затянуто сеткой от комаров.

- Ах, так? Ну, где же твоя свежая вода?

Ноэми дала ему попить и снова навлекла на себя гнев больного.

- Какая же это свежая вода, если она уже успела согреться! Решила уморить меня жаждой?

Ноэми кротко сносила все придирки, а когда Михай уснул, вновь выскользнула из комнаты и поспешила к Доди.

Так они с Терезой и сменяли друг друга: пока Михай спал, Тереза сидела у его постели, а когда начинал просыпаться, она делала знак Ноэми, чтобы та, оставив больного ребенка, успела ее сменить подле Михая.

Так продолжалось всю эту долгую ночь. Ноэми неустанно сновала от одного одра к другому, всякий раз придумывая для Михая очередные отговорки, чтобы оправдать свое отсутствие.

Ведь больные так мнительны! Они убеждены, что все вокруг сговорились против них и замыслили какой-то неслыханный обман. Чем слабее у больных нервы, тем они раздражительнее. А ведь достаточно вспышки гнева, легкого испуга или волнения, и может наступить смерть. Кто берется ухаживать за таким больным, должен подвигнуть себя на мученичество.

Ноэми была мученицей.

Ребенку становилось все хуже. Тереза бессильна была ему помочь. А Ноэми не могла даже плакать.

Нельзя, чтобы Михай увидел ее заплаканные глаза и спросил, отчего она плакала.

На следующее утро Тимару полегчало; он сказал, что не прочь поесть мясной похлебки. Ноэми тотчас же принесла заранее приготовленную еду. Больной съел целую миску и сказал, что суп пришелся ему по вкусу. Ноэми сделала вид, будто рада.

И тут Михай задал ей вопрос: "А что поделявает малыш Доди?".

Ноэми испугалась; вдруг Тимар почувствует, как дрогнуло при этих словах ее сердце?

- Доди спит, - ответила она.

- Спит в такой неурочный час? Уж не захворал ли он?

- Нет, он здоров.

- А отчего ты не приносишь его ко мне, когда он не спит?

- Тогда спишь ты.

- Верно. Но уж ты улучи момент, когда ни он, ни я не спим, и принеси его. Так хочется на него взглянуть!

- Хорошо, Михай!

А ребенку становилось все хуже.

И Ноэми приходилось скрывать от Михая, что Доди болен, и выдумывать всякие небылицы, так как Михай то и дело спрашивал о ребенке.

- Играет Доди с деревянной куклой?

- О да, играет. - И про себя добавила: с костлявой старухой!

- Говорит он обо мне?

- Да, говорит, очень много. - И не могла не подумать про себя: а вскоре станет говорить с Господом!

- Поцелуй его за меня.

И Ноэми передала умирающему крошке прощальный отцовский поцелуй.

Минули еще сутки.

Проснувшись утром, Михай никого не застал подле себя. Ноэми всю ночь провела у постели ребенка; смотрела, как борется со смертью это крохотное существо, и подавляла в сердце свое невыплаканное горе. Как только не разорвалось ее несчастное сердце?

Водя к Михая, она вновь улыбнулась.

- Ты была у Доди? - спросил больной.

- Да, я была у него.

- Он все еще спит?

- Спит.

- Неправда!

- Я говорю правду: он спит.

... Ноэми только что закрыла глаза ребенку, опочившему вечным сном! Но ей нельзя было выдать свою боль. Она вынуждена была улыбаться.

Пополудни Михай вновь впал в нервное состояние, а когда день стал клониться к вечеру, его капризы и вовсе сделались невыносимыми. Он кликнул Ноэми, которая находилась в соседней комнате.

Ноэми тотчас же поспешила на зов; выражение лица ее было исполнено любви и нежности. Однако больной был явно не в духе. От его придирчивого взгляда не укрылось, что в платье Ноэми спереди вколота игла с шелковой ниткой.

- Никак шитье занялась? Нашла время! И что же за наряд ты себе шьешь?

Ноэми вскинула на него взгляд и мысленно ответила: "Смертную рубашечку маленькому Доди". А вслух произнесла:

- Пришиваю оборку к своей сорочке.

- Тщеславие. Тебе название - женщина! - с неуместной язвительностью поддел ее Михай.

А Ноэми, сложив губы в улыбку, ответила: "Воистину так!".

И вновь наступило утро.

Теперь Михая терзала бессонница. Как он ни старался, никак не мог заснуть; его постоянно занимала мысль о маленьком Доди, и он без конца посылал Ноэми взглянуть, что делает ребенок, не случилось ли с ним чего.

И Ноэми, выйдя в другую комнату, всякий раз целовала лежащего в гробу крошечного покойника и говорила ему нежные, ласковые слова, чтобы ввести Михая в заблуждение:

"Милый Доди, маленький мой! Что ж ты, се спишь и спишь? Любишь меня, моя радость?" А возвратясь к Михая, говорила, что малыш здоров.

- Как долго он спит! - удивлялся Михай. - Отчего ты его не будешь?

- Скоро разбужу! - кротко отвечала Ноэми.

Но вот Михай на мгновение забылся сном и так же внезапно пробудился. Сон был очень короток - больной даже не понял, что спал.

- Знаешь, Ноэми, - сказал он, - Доди сейчас пел. Я сам слышал. Оказывается, он дивно поет!

Ноэми, прижав руки к сердцу, нечеловеческим усилием сдержала готовые вырваться рыдания.

На небесах поет наш Доди, в хоре ангелов, среди сонма серафимов!

Под вечер Михай отослал от себя Ноэми.

- Ступай, уложи Доди спать. И поцелуй его за меня.

Ноэми сделала бы это и без просьбы.

- Что сказал Доди? - спросил он, когда Ноэми вернулась.

Ноэми, не в силах вымолвить ни слова, бросилась Михая на грудь и поцелуями запечатала ему уста.

- Он просил тебя об этом? Милое дитя! - воскликнул Михай. От этого поцелуя он уснул, словно бы ребенок послал ему частицу своего сна.

Наутро первые слова Михая были опять о малыше.

- Надо вынести Доди на воздух, не дело ребенку все время в доме находиться. Вынесите его в сад!

Женщины именно это и собирались сделать.

Тереза еще ночью вырыла могилу у подножья плакучей ивы.

- Ступай и ты, Ноэми, побудь с ним в саду! - уговаривал Михай. - А я пока подремлю. Я так хорошо себя чувствую!

Ноэми вышла из комнаты больного и заперла за собой дверь на ключ. Затем они с Терезой вынесли своего ангелочка, душа которого возвратилась на небеса, и навечно предали его тело матери-земле.

Нозми не пожелала насыпать холмик: стоит Михаю увидеть его, и он все время будет проводить у могилы, а постоянная тоска подорвет его здоровье. Вместо могильного холма она разбила под деревом цветочную клумбу, в середине которой посадила розовый куст - один из привитых самим Михаем, с ослепительно белыми цветами без примеси какого-либо иного оттенка.

Затем Нозми возвратилась к больному.

Михай тотчас спросил ее, где она оставила Доди.

- В саду.

- Во что он одет?

- В белую рубашечку с голубыми лентами.

- Это ему очень идет. Ты хорошо его укрыла?

- Очень хорошо.

Тремя футами земли.

- Принеси его показать, когда опять пойдешь к нему.

Силы оставили Нозми. Она поскорее вышла во двор, бросилась на шею матери, судорожно прижалась к ней, но не заплакала. Плакать было нельзя.

Нозми, как потерянная, бродила по саду. Подошла к плакучей иве, сорвала с белой розы полураскрывшийся бутон и возвратилась к Михаю. Тереза шла за ней следом.

- Где же Доди? - нетерпеливо спросил Михай.

Нозми опустила на колени у его постели и с ласковой улыбкой протянула ему белую розу.

Михай взял розу, поднес ее к лицу.

- Как странно! - сказал он. - У этой розы совсем нет запаха, словно она выросла на могиле.

Нозми поднялась с колен и вышла из комнаты.

- Где же ребенок? - теперь Михай обращался к Терезе.

- Не сердитесь на нее! Проговорила Тереза мягким, просительным тоном. - Вы тяжело болели; теперь, слава богу, страшное позади, но ведь болезнь ваша заразная и всего опаснее для других именно тогда, когда проходит. Это я запретила Нозми приносить к вам ребенка, пока вы не выздоровеете окончательно. Тут моя вина, но я хотела как лучше.

Михай сжал руку Терезы.

- И очень хорошо сделали! Как же это я, глупец, сам не догадался! Нет, вы, право же, очень умно поступили. Надеюсь, малыша и нет здесь, в соседней комнате?

- Нет. Мы устроили ему отдельное жилье в саду.

Тереза и не солгала, бедняжка.

- Вы молодец, Тереза. Идите же к нему, а Нозми пришлите ко мне. Я больше не стану требовать, чтобы она принесла сюда Доди. Бедная Нозми, сколько она натерпелась!.. Но как только я встану на ноги, вы меня отведет к нему?

- Да, Михай!

Этой спасительной ложью Михай позволял себя убаюкивать до тех пор, пока не встал с одра, окончательно поборов болезнь.

Но он по-прежнему был слаб и едва мог ходить.

Нозми помогла ему одеться. Опираясь на ее плечо, Михай вышел из комнаты; Нозми подвела его к скамеечке перед домом, усадила и сама села рядом, держа Михая под руку и склонив голову ему на плечо.

Был теплый, летний день. Михаю казалось, словно каждый листок своим шорохом шептал ему что-то ну ухо, словно пчелы своим жужжанием хотели передать какую-то вест, словно бы даже трава под ногами шелестела неспроста; все звуки сливались в единый гул.

Но одна мысль особенно беспокоила его.

Стоило ему взглянуть в лицо Нозми, как мучительное предчувствие охватило душу. Что за непостижимая загадка в этом лице?

Михай решил разгадать ее.

- Нозми!

- Что, Михай?

- Милая Ноэми, посмотри на меня!

Ноэми подняла глаза.

- Где малыш Доди?

Не в силах больше сдерживать горе, она подняла свой мученический лик к небу и простирая вверх руки, трепещущим голосом проговорила:

- Он там... там!..

- Умер! - выдохнул Михай.

Ноэми упала ему на грудь и горько зарыдала.

Михай прижал ее к себе и дал выплакаться. Было бы святотатством не дать пролиться этим долго сдерживаемым слезам.

Сам он не плакал - настолько велико было потрясение.

Михай был потрясен величием души, вознесшим это несчастное, одинокое существо на столь недостижимую высоту. Она сумела скрыть свое самое тяжелое горе - во имя человека, которого любит. Какой же безмерной должна быть эта любовь!

Выплакавшись, бедная Ноэми с улыбкой взглянула на Тимара: будто радуга проглянула после дождя.

- И ты сумела скрыть это от меня?

- Я боялась за твою жизнь.

- Ты не решалась плакать, чтобы я не заметил своих слез!

- Я ждала, когда можно будет выплакаться.

- Когда тебя не было подле меня, ты ухаживала за Доди. А я-то бранил тебя!

- Ты не сказал ни одного дурного слова, Михай.

- Когда ты передала ему мой поцелуй, ты знала, что этот поцелуй - прощальный. Когда ты сказала, что шьешь себе наряд, ты шила ему смертный саван! А когда ты улыбалась, сердце твое раздирали муки, равные мукам пресвятой богородицы! О, Ноэми, я боготворю тебя!

Но бедной Ноэми нужно было, чтобы он всего лишь любил ее.

Михай привлек ее к себе.

Шелест листвы и трав, жужжанье пчел, сливавшиеся в единое звучание, обрели свой смысл.

Мысли Михая стали отчетливее.

После долгого, горестного молчания он вновь заговорил:

- Где он лежит? Отведи меня к нему.

- Только не сегодня, - сказала Ноэми, - для тебя это пока еще немалый путь. А завтра проведем.

Но ни на другой, ни на третий день Ноэми не повела Михая к могиле Доди.

- Ты бы не отходил от его могилы и снова расхворался бы. Я не стала насыпать холмик и не поставила надгробие, чтобы ты не навещался туда и чтобы тоска не точила тебя.

Но тоска не отпускала Тимара.

Когда он, окрепнув, смог без посторонней помощи бродить по островку, то занялся поисками места, тщательно от него скрываемого.

Однажды он возвратился домой с просветленным лицом. В руках у него был полураспустившийся бутон белоснежной розы - той, что не пахнет.

- Это она самая? - спросил он Ноэми.

Изумленная Ноэми молча кивнула. Вот ведь, не удалось скрыть от него могилу! Его навела на след белая роза, он сразу догадался, что ее недавно там посадили.

После этого Михай успокоился, словно человек, выполнивший свое жизненное предназначение.

Дни напролет просиживал он на скамеечке перед домом, вороша палкой округлые камешки и шепча про себя.

"Ты не променял бы его на весь земной шар, усыпанный алмазами; на весь небесный свод вместе с сонмом ангелов... а из-за паршивой глиняной трубки ударил его по руке".

Роскошный дом из орехового дерева стоял недостроенный, бурьян густо разросся вдоль его стен; Михай к дому даже близко не подходил.

Единственным человеком, которому удавалось поддерживать в выздоравливающем Михе волю к жизни и спасти его от отчаяния, была Ноэми.

Меланхолия.

Бутон за бутон раскрывались на кусте белые розы. Тимар весь день был поглощен тем, что следил, как зреют и распускаются нежные цветы. Стоило только бутону раскрыться, как Михай срывал его и прятал в бумажник; засушенные цветы он хранил у себя на груди.

Печальное времяпрепровождение.

Вся нежность, какую Ноэми окружала Михая, бессильна была излечить его от тоски.

Чрезмерная женская ласка была ему в тягость.

Между тем Ноэми могла бы его утешить, стоило ей сказать лишь слово. Но целомудренная застенчивость мешала ей произнести его, а Михая и в голову не приходило спросить.

Душевной болезни свойственна обращенность в прошлое, когда человек ничего вокруг не замечает.

Как-то раз Ноэми сказала Тимару:

- Михай, тебе лучше бы уехать отсюда.

- Куда?

- Куда глаза глядят. Здесь ты совсем изведешься. Уезжай отсюда, укрепи здоровье. Я сегодня же соберу твою дорожную сумку, а торговцы фруктами завтра перевезут тебя.

Михай не ответил ни слова, лишь кивнул головой в знак согласия.

Перенесенная им тяжелая болезнь чрезвычайно возбудила нервы, а положение, в которое он сам себя поставил, пережитый удар действовали на возбужденные нервы столь мучительно, что Михай и сам понимал: если он останется здесь, то либо сойдет с ума, либо покончит с собой.

Самоубийство! Нет более легкого выхода из затруднительной ситуации. Злая судьба, отчаяние, страх, душевная борьба, гонения, людская несправедливость, разочарования, разбитые надежды, сердечные муки, физические страдания, нравственные пытки, память об утрате, незабываемый облик дорогих усопших - все это лишь дурной сон. Достаточно нажать на спусковой крючок пистолет, и наступит пробуждение. А те, кто останется тут, пусть терзаются снами.

В последний вечер Михай, Ноэми и Тереза после ужина все втроем вышли посидеть на скамеечке перед домом, и Михай неотступно думал о том, как, бывало, сидели здесь они вчетвером.

Полный круг луны мелькал за серебристыми облаками.

Ноэми, положив руку Тимара себе на олень, взяла ее в свои ладони.

- Что она такое, эта луна? - задумчиво спросила Ноэми.

Покоящаяся на ее коленях рука Михая судорожно сжалась в кулак. "Моя злая звезда! Сроду бы мне не видеть того красного полумесяца!" - сказал он про себя.

Тереза ответила на вопрос дочери:

- Это пустынная и остывшая планета, где нет ни деревьев, ни травы, ни животных, ни воздуха, ни звука, ни цвета.

- Нет ничего? - переспросила Ноэми. - И эта огромная звезда совершенно пустая? Там никто не живет?

- Этого никто не знает! - отвечала Тереза. - Когда я была девочкой, мы в пансионе часто разглядывали ее в подзорную трубу. Она сплошь покрыта кратерами; говорят, что раньше это были вулканы, но теперь и они погасли. Правда, таких мощных подзорных труб, чтобы разглядеть там живое существо, пока еще не изобрели, но ученые люди определенно установили, что там нет ни воды, ни воздуха, а без этого ни животные. Ни люди жить не могут.

- А вдруг там все же есть какая-то жизнь? - допытывалась Ноэми.

- О чем ты, право?

- Я тебе объясню. Прежде, когда я была одна, меня часто одолевали тяжелые мысли - в особенности, когда я сидела у берега и смотрела на воду. Вода словно тянула, заманивала меня к себе: как хорошо, должно быть, там, на дне, как покойно было бы там лежать. Не пугайся, Михай, все это было давно... А потом я задала себе вопрос: "Допустим, тело твое будет покоиться на дне Дуная. Ну, а душа? Для нее ведь тоже должно найтись место". И тогда я пришла к мысли, что душе, по своей воле покинувшей бренную плоть, нет иного места, кроме как на луне. А теперь я и вовсе в этой мысли утвердилась. Если там нет ни деревьев, ни травы, ни воздуха, ни воды, ни звука, ни цвета, то это место предназначено для тех, кого тяготит собственная плоть. Там нет ничего плотского, земного, там ничего не причинит им горя, но и радости ничто не доставит.

Тереза и Михай разом поднялись, возмущенные словами Ноэми, которая не могла взять в толк, что их так взволновало. Откуда ей было знать, что ее родной отец покончил с собой, а тот, кого она держит за руку, тоже близок к самоубийству.

Михай сказал, что похолодало, и предложил вернуться в дом.

Теперь он с удвоенным чувством страха будет думать о луне. Одной страшной мыслью он обязан Тимее, другой - Ноэми.

Это ли не кара, когда ночное светило становится зловещим символом, напоминающим человеку о первом его преступлении, о первом роковом проступке. Предопределившем всю его жизнь!

На следующий день Михай уехал с острова. Проходя мимо заброшенного деревянного дома, он даже взгляда не бросил в его сторону.

- По весне возвращайся снова, - ласково шепнула ему на ухо Ноэми.

Бедное создание, она находила вполне естественным, что Михай полгода не принадлежит ей.

"Но тогда кому же?" - этим вопросом она никогда не задавалась.

Пока Михай добрался до Комарома, долгая дорога вконец измотала его.

Тимея при виде Михая ужаснулась: она едва узнала его.

Даже Атали и та не на шутку испугалась. Впрочем, на то у нее была своя причина.

- Вы болели? - спросила Тимея, принякая к груди мужа.

- Да, я был тяжело болен.

- Во время поездки?

- Да, - ответил Тимар, для которого эти невинные расспросы были равносильны допросу с пристрастием. Ведь ему приходилось следить за каждым своим словом.

- Вы долго хворали?

- Несколько недель.

- Господи! И нашлось кому ухаживать за вами на чужбине?

У Тимара чуть не сорвалось с языка: "О да! Подле меня был ангел!" Но он тотчас же спохватился и вместо этого сказал:

- За деньги-то как не найтись!

Тимея, даже когда огорчалась, внешне никак не выказывала своих чувств, и сейчас тоже Михай не мог подметить, чтобы хоть какое-то движение души отразилось на этом всегда бесстрастном лице. Ведь оно и прежде было таким же застывшим.

Холодный поцелуй. Каким они обменялись при встрече, не сблизил их.

А Атали шепнула Михая:

- Ради бога, сударь, берегите свою жизнь!

Тимар понял издевательский смысл этих слов: ему надо жить, чтобы Тимея страдала. Ведь если Тимея вдруг овдовеет, на ее пути к счастью не останется преград. А для Атали это невыносимо, как муки ада.

Растущее в душе Тимара отвращение к жизни теперь усилилось мыслью, что этот демон, люто ненавидящий их обоих, молится о продлении его жизни, лишь бы продлить их с Тимеей страдания.

Все заметили разительную перемену, происшедшую с Тимаром за лето. Веселый, жизнерадостный человек превратился в исхудалую, безгласную тень.

Свой первый день дома он провел, уединившись у себя в кабинете. А секретарь, заглянувший к Тимару пополудни, увидел на его столе конторскую книгу, раскрытую на той же странице, что и утром. Хозяин к ней даже не притронулся.

Доверенные лица Тимара, узнав о его возвращении, немедленно поспешили к нему с кипами документов. На каждое сообщение Тимар равнодушно говорил "хорошо" и подписывал се бумаги, какие перед ним клали. Правда, иные документы подписывал не там, где следовало, а на других расписывался дважды.

Под конец он выставил из кабинета всех посетителей. Сказав, что хочет спать, но после было явственно слышно, как он часами непрерывно расхаживает взад-вперед по комнате.

Когда Михай за обеденным столом встретился с женщинами, взгляд его был столь мрачен, что никто не решался с ним заговорить. Обед проходил в молчании. Тимар едва притронулся к еде, да и к вину не выказал охоты.

А через час после трапезы хозяин нетерпеливо поинтересовался у лакея, отчего до сих пор не подают обед, начисто забыв о том, что обеденное время давно прошло и вся посуда на кухне вымыта.

К вечеру им до такой степени овладели сонливость и вялость, что стоило ему чуть присесть, как он тут же засыпал. Однако, когда он разделся и лег в постель, сна не было ни в одном глазу.

О, как холодна эта постель!

Все в этом доме дышало холодом: каждый предмет обстановки, каждая картина на стене, даже старинные фрески на потолке, казалось, вопрошали: "Зачем ты возвращаешься сюда? Ведь ты не чувствуешь себя дома, ты здесь - чужой!".

Ах, как холодна постель!

Слуга, явившийся доложить хозяину, что ужин подан, застал своего господина в постели и поспешил сообщить об этом Тимее. Тимея зашла к мужу спросить, что с ним.

- Ничего страшного, - отвечал Михай, - просто устал с дороги.

- Послать за врачом?

- Нет, не стоит, ведь я не болен.

Тимея, пожелав ему доброй ночи, удалилась; ей даже не пришло в голову проверить, нет ли у него жара.

Тимар, лежа в постели, никак не мог уснуть и невольно прислушивался к каждому шороху в доме. Он слушал, как все домашние разговаривают шепотом и на цыпочках прокрадываются мимо двери кабинета, чтобы не потревожить его сон.

А его занимала одна мысль: куда убежать от самого себя? Разве что в царство снов. Это было бы прекрасно, если бы туда попадали с такою же легкостью, как в царство смерти. Но в мир сновидений нельзя вторгаться насильно.

Опиум? Что же, хорошее средство. Своего рода самоубийство, которое уводит в сон.

И Тимар следил, как постепенно смеркается и вечерние тени погружают в сумрак углы комнаты; ночь становится все темнее, и наконец темнота сгущается в непроглядный мрак - глухую тьму, как в подземелье или перед глазами незрячего человека. Такую тьму доводится "увидеть" лишь во сне.

А Михай понимал. Что спит и что слепота, поразившая его зрение, есть не что иное, как ослепление сном.

При этом Михай отчетливо сознавал, где именно он находится. Он лежит в собственной постели, в своем комаромском доме; у кровати стоит ночной столик, на нем старинный китайский бронзовый светильник с расписным фарфоровым экраном; на стене рядом с кроватью большие часы с музыкой; шелковые занавеси на окнах опущены до полу. Массивная кровать старинной работы снабжена выдвижным ящиком, а в сущности, второй кроватью - это поистине произведение искусства, какие и сейчас еще удастся видеть в старых домах; в такой постели на ночь могла расположиться целая семья.

Тимар отлично помнил также, что он не запер дверь комнаты, а стало быть, к нему может войти кто угодно. А если кто-нибудь проникнет, чтобы убить его? И какая разница между сном и смертью?

Эту загадку он пытался разрешить во сне.

И вдруг ему приснилось, что дверь тихонько открывается и кто-то входит - женские шаги. Полог у постели чуть слышно шелестит, отодвигаемый чьей-то рукою; над ним склоняется женская фигура.

- Это ты, Ноэми? - произносит во сне Михай и в ужасе спохватывается. - Как ты сюда попала? Вдруг тебя увидят!

В комнате темно, ему ничего не видно, но он чувствует, как кто-то садится с краю постели и прислушивается к его дыханию.

Вот так же долгими ночами прислушивалась к его дыханию Ноэми в хижине на острове.

- Ты и сюда пришла ухаживать за мной, Ноэми? Я очень тронут, но под утро тебе придется уйти, чтобы рассвет не застал тебя в доме.

Раздался бой часов, гулкий, как удары колокола, и возвестил о наступлении ночи. Сидящая на краю постели женщина встает, чтобы остановить маятник: бой часов и музыка могут потревожить спящего; при этом ей приходится наклониться над постелью так. Что Михай слышит биение ее сердца.

"Как тихо бьется сейчас твое сердце!" - думает он во сне.

Затем ему чудится, будто чья-то рука пытается нащупать на ночном столике химическое зажигательное устройство.

"Уж не хочешь ли ты зажечь свет? Это было бы опрометчиво с твоей стороны! Ведь стоит кому-нибудь заглянуть с галереи в окно, и тебя увидят".

Трут начал тлеть, и с помощью лучины ночник был зажжен. Отчетливо проступили контуры женской фигуры. Лица Михай не видел, но хорошо знал, что это Ноэми. Кому же еще быть подле него?

Женщина осторожно повернула экран, чтобы свет не падал Михая в глаза.

"Ах, Ноэми. Ты опять намерена бодрствовать подле меня всю ночь? Когда же ты сама будешь спать?".

И женщина, словно отвечая на его вопрос, опускается на колени и выдвигает вторую постель.

В сердце Михая боролись сладостное упоение и страх. "Ты устраиваешься на ночь здесь, подле меня? О, как я люблю тебя! И как я за тебя боюсь!".

А женщина стели себе постель в выдвижном ящике и ложится.

Восторг и ужас терзают душу спящего Михая.

Ему хочется склониться к ней. Обнять, поцеловать ее и воскликнуть: "Скройся, беги отсюда, тебя могут увидеть!" Но руки-ноги его словно налиты свинцом, а язык отказывается повиноваться.

Женщина рядом засыпает, и от этого сон Михая тоже становится глубже. Сновидения его свободно переходят из прошлого в будущее, витают в царстве грез и неизменно возвращаются сюда. Много раз подряд ему представляется, что он воспрянул ото сна, но спящая женщина не исчезает.

Но вот наступает рассвет, и первые лучи солнца заглядывают в окно. Небывало прекрасный и яркий солнечный свет затопляет комнату.

"Проснись, проснись! - сквозь сон шепчет Михай. - Беги на остров, чтобы день не застал тебя здесь. Оставь меня!".

Он борется со сном.

"Да ведь тебя и нет со мной, это всего лишь сон!".

И, сделав над собой невероятное усилие, Михай разрывает оковы сна и просыпается - не сей раз вьяве.

За окном и правда уже рассвело, лучи солнца пробиваются сквозь оконную штору; ночник чуть мерцает, прикрытый расписным экраном; на выдвижном отделении постели спит женщина, уткнувшись лицом в руку.

- Ноэми! - восклицает Михай.

От его восклицания женщина просыпается, поворачивает голову.

Это Тимея....

- Вам что-нибудь нужно? - спрашивает она, проворно садясь в постели.

Она проснулась от звука голоса, имени она не разобрала.

Михай, еще не стряхнув с себя остатки сна, с удивлением наблюдал это чудесное превращение Ноэми в Тимею.

- Тимея! - сонным голосом бормочет он.

- Я здесь! - отвечает женщина. Кладя руку на край его постели.

- Как вы тут очутились? - спрашивает Михай, испуганно подтягивая к подбородку одеяло, словно страшись возникшего перед ним лица.

А Тимея с полным самообладанием отвечает:

- Я беспокоилась за вас; боялась, как бы ночью не случилось беды. Мне хотелось быть рядом с вами.

В голосе и взгляде Тимеи сквозила столь простодушная, искренняя озабоченность, какая недоступна притворству. Верность у этой женщины в крови.

Михай пришел в себя. Страх его сменился угрызениями совести.

Бедная женщина, приткнулась возле его постели - вдова при живом муже! Ни разу не довелось ей испытать общей радости с мужем, но сейчас, когда муж страдает, она пришла разделить с ним его страдания.

Михаю пришлось прибегнуть к испытанному средству - ко лжи. Принять заботы Тимеи он не мог, значит. Следовало деликатно отклонить их.

Михай постарался придать своему взгляду спокойное выражение.

- Прошу вас, Тимея, больше не делать этого. Не подходите близко к моей постели. Я перенес болезнь, которая передается окружающим, - подцепил во время путешествия восточную чуму. Держитесь от меня подальше, я боюсь за вас. И потом, мне хочется побыть одному - и днем и ночью. Теперь самое страшное уже позади, но, думается, лучше избегать близкого общения. Поэтому очень прошу вас, больше так не делайте!

Тимея потупила глаза и глубоко вздохнула; затем поднялась с постели и вышла из комнаты.

Она даже не раздевалась, так и лежала одетая у ног супруга.

Когда Тимея ушла, Михай тоже встал и оделся.

На душе у него было тяжело, беспокойно. Чем дальше заходил он в своей двойной жизни, тем больше запутывался в противоречивых обязательствах и обязанностях. Он взял на себя ответственность за судьбу сразу двух благородных, самоотверженных женщин, сделал несчастными их обеих и вместе с ними самого себя. Где же спасение?

Если бы хоть одна из них оказалась заурядной женщиной. Которую можно презирать, ненавидеть, подкупить деньгами! Но они не уступают друг другу в возвышенности и благородстве души, и судьба обеих - тяжелейший укор виновнику их несчастий. Нет ему оправдания!

Как объяснить Тимее, кто такая Ноэми? Как объяснить Ноэми, кто такая Тимея?

Если бы можно было разделить между ними все свои богатства, или одной отдать все сокровища, а другой - свое сердце! Но ведь ни одно из этих решений неприемлемо!

Если бы можно было уличить жену в неверности, исполниться к ней презрением и оттолкнуть от себя! Как на беду, обоим его избранницам свойственно благородство и душевная красота. Жизнь в Комароме лишь усугубила душевную болезнь Михая.

Он по целым дням не выходил из своей комнаты, ни с кем не разговаривал, с утра до вечера сидел неподвижно, забыв о делах. Невозможно было понять, что с ним происходит. Если его спрашивали, отчего он так грустен, он отвечал, что это последствия восточной чумы.

Наконец Тимея обратилась к врачу.

Консилиум пришел к заключению, что Михай необходимо поехать на какой-нибудь морской курорт: пусть волны возвратят ему то, что отнято землею.

Михай возразил в ответ, что ему не хочется видеть людей.

Врачи посоветовали выбрать какой-нибудь курорт в умеренном климате, где сезон уже прошел и гости разъехались: Татрафюрд, Элепатак или Балатонфюрд. Там он обретет одиночество, но главное для него - холодные купания.

И тут Тимар вспомнил, что у него есть летняя усадьба в одной из долин близ Балатона; он купил ее несколько лет назад, когда взял в аренду рыбную ловлю на Балатоне, но дай бог раза два-три побывал там за все время. Михай пообещал врачам, что конец осени он проведет там. Его выбор был одобрен. Северный берег Балатона - поистине благословенный край: сады, на четырнадцать миль протянувшиеся сплошной цепочкой, уютные деревушки в тесном соседстве друг подле друга и господские усадьбы. Стоящие на особицу. Величественное озеро с его малыми бурями, но большими волнами похоже на ласковое море; воздух здесь, как в Италии, люди приветливы, источники обладают целебным воздействием - наилучшее место для страдающего черной меланхолией. Поздней осенью в Фюреде не встретишь курортников, разве что одного-двух профессоров, заходящихся кашлем, да нескольких плебанов, мечтающих избавиться от катара желудка, так что никто не потревожит одиночество тоскующей души. Тем заметнее красоты природы; погожей осенью в прибалатонских краях наступает вторая весна. Итак, Михай отправили на Балатон.

Однако врачи не знали, что в конце лета в окрестностях Балатона случился град. А можно ли представить себе зрелище более меланхоличное, чем край, побитый градом?

Виноградники, обычно оглашаемые веселыми голосами сборщиков урожая. Стоят заброшенные; молодые побеги, переплетясь с красноватыми плетями колючего вьюнка, разрослись в густую, смердящую чашу вокруг запертых винных подвалов. Листва фруктовых деревьев, окрашенная в медно-зеленые или коричнево-красные тона, прощается с намеками на вторую весну. Вместо выбитых градом хлебов на полях мощно встал сорняк; там, где шуметь бы золотым колосьям, все заросло лопухами, татарником, чертополохом, и никто не идет их косить. Проселочные дороги поросли портулаком - по ним никто не ездит. Всюду тишина и унылое запустение.

В такую пору и приехал Михай к себе в усадьбу.

Сам особняк представлял собою старинное здание. Его построил ради собственного удовольствия некий знатный господин, которому понравился красивый вид, а средства позволили удовлетворить свою прихоть. Дом с массивными стенами и выходящей на озеро верандой стоял на высоком фундаменте в окружении статуй святых; у подножья лестницы высились мощные тутовые и фиговые деревья.

Наследники первого владельца за гроши продали одинокий дом, представлявший ценность лишь для того, кому вдруг пришла бы странная блажь обосноваться здесь на долгое время. Вокруг в четверть часа ходьбы не было другого человеческого жилья, а ближайшие к особняку дома тоже пустовали. Давильни и винные подвалы в этом году не распахнут свои двери, так как виноград не уродился; на окнах отелей в Балатонфюреде опущены жалюзи - все курортники поразъехались. В эту пору и пароходы уже не ходят. Украшенный колоннами павильон с источником кислых вод обезлюдел, и на бульваре сухие листья платана шуршат под ногами редких прохожих - никто не метет и не расчищает дорожки.

Ни людей, ни аистов в округе. Лишь величественный Балатон, осердясь, рокошет что-то свое, загадочное, но что его сердит - неведомо.

А на мысу посреди Балатона возвышается одинокая гора, на вершине которой стоит монастырь с двумя башнями; там живут семеро монахов и покоятся останки мадьярских князей.

В такие края Тимар прибыл на излечение.

С собою он взял лишь одного слугу, да и того через несколько дней отправил домой под тем предлогом, что ему вполне достаточно услуг виноградаря, присматривавшего за домом. А тот был человек старый и к тому же глухой.

И все же кое-какие признаки говорили за то, что жизнь в курортном местечке не вымерла окончательно. Владелец единственного в Фюреде доходного дома жил там вместе с семьей, да и управляющие именьями также жили безвыездно. В часовне по утрам звонили к обедне. Однако однажды вечером. Когда владелец доходного дома праздновал именины дочери, в доме готовился при и стряпня шла полным ходом, как вдруг жир выплеснулся в огонь, пламя взметнулось в трубу и охватило весь дом. Сгорели и сам доходный дом, и купальня, и дом управляющего, и часовня. Среди дымящихся развалин жить, конечно, никто не пожелал, и место это обезлюдело до весны.

Так что теперь в долине не слышно было ни человеческих голосов, ни колокольного звона, доносился лишь таинственный рокот величественного озера.

Тимар целыми днями просиживал на берегу, вслушиваясь в загадочные речи Балатона. Иногда озеро вдруг начинало волноваться, казалось бы, в самую тихую погоду, и цвет его, насколько хватало взгляда, становился изумрудным. На меланхолической зеленой поверхности волн не видать было ни единого паруса; ни судна, ни парома, ни шлюпки - словно это не судоходное озеро, а мертвое море.

Балатон обладает редкостной силой двоякого воздействия: тело он укрепляет, но душу гнетет. Дышится легко и вольно, аппетит просыпается ненасытный, однако душой овладевает грустное, мечтательное настроение, уносящее в мир легенд.

Живописные группы гор по берегам озера увенчаны руинами крепостей, напоминающих о недавнем героическом прошлом края. В садах сиглигетской и чобанцкой крепостей и поныне цветут шалфей и лаванда, посеянные в былые времена заботливой рукой, но стены крепостей ветшают и рушатся год от года, а одиноко торчащие башни словно бы чудом уцелели под натиском стихий. Но даже те места, где обитают люди, медленно приближаются к своей гибели. Восточный склон тиханьской горы постоянно обваливается; старики еще помнят времена, когда монастырь можно было объехать на грузовых подводах; потом вдоль стен вилась только пешая тропа, а теперь монастырь высится на самом краю обрыва, и из-под пассивного сооружения, воздвигнутого некогда королем Эндре, безостановочно крошится осыпь. На вершине горы были когда-то два горных озера - теперь и ни исчезли; близ дороги разрушается от ветхости заброшенная церковь, на месте давнего села - скотный выгон. А огромное озеро за падающие в него камин воздаст сторицей: выбрасывает на берег допотопные окаменелости, раковины, похожие на козье копытце. Все обитатели озера настолько отличаются от живых существ, населяющих ныне иные воды, словно Балатон и правда является единственным уцелевшим сыном некогда властвовавшего здесь моря, поныне хранящим память отступившем к дальним берегам властелине-отце. В окраске балатонских рыб, улиток, водяных змей и даже раков преобладает белый цвет. Обитатели Балатона не встречаются в других водах; озерный ил здесь кишит кристаллическими иглами, прикосновение которых вызывает ожог и обладает целительным свойством, а от балатонских губок на коже вздуваются волдыри. Вода огромного озера пресная и пригодна для питья, я знаю многих людей, которые поистине влюблены в Балатон.

Тимар принадлежал к их числу.

Подолгу плавал он в тихо плещущих волнах, подолгу бродил вдоль берега и даже поздним вечером насилу мог расстаться с озером.

Он не искал развлечений ни в охоте, ни в рыбной ловле. Как-то раз прихватил с собою ружье, да так и забыл его, повесив на ветку дерева; в другой раз пойманный им судак унес с собой и крючок, и удилище. Близлежащие предметы как бы ускользали от его внимания - душа и мысли его были далеко.

Затянувшаяся осень подходила к концу; вода за ночь сильно остывала, купания пришлось сократить. Зато у долгих ночей были свои тихие прелести: звездное небо, звездопад, луна.

Тимар выписал себе мощный рефрактор и засиживался за полночь, любуясь удивительными творениями космоса - планетами, вокруг которых вращаются спутники и малые сателлиты; зима образует на поверхности планет белые пятна, а лето красит их в красный цвет. А чего стоил вечная загадка неба - застывшая в неизменности Луна, которая в подзорную трубу кажется светящимся куском лавы. Сверкающие горные хребты и глубокие кратеры, залитые светом равнины и темные впадины - целый мир, лишенный признаков жизни!

Там обитают лишь тени людей, кто своевольно расстался с плотью, дабы та не обременяла душу. Они сосланы туда, в ничто.

Жители Луны не ведают огорчений, не испытывают ни боли, ни восторга, они бесстрастны и бездеятельны, там нет побед и поражений, там гложет звук. Там нет ни воздуха, ни воды. Ни ветра, ни бури, нет цветов, нет животных, нет борьбы, нет ни биения сердца, ни поцелуя, ни рождений, ни смертей. Ты вроде бы есть, и тебя нет, ты - ничто, тебе оставлены разве что воспоминания!

Нет, это было бы страшнее ада - бесплотной тенью жить на Луне, в пустынном мире, жить памятью о Земле, где есть зеленая трава и алая кровь, раскаты гром и звуки поцелуя, где есть жизнь и есть смерть.

Как, бишь, говорила Нозми?..

И все же какой-то голос непрестанно нашептывает Михаю, что его место там, среди обитателей лунного мира.

Нет иного выхода из его злополучной жизни.

Он сам сделал ее такою.

У него две жизни, взаимоисключающие друг друга. И две женщины, ни одну из которых он не может покинуть, ни от одной не может оторваться.

В такие минуты, когда он находится одинаково далеко от них обеих, когда но совершенно один, с особой остротой ощущает он весь ужас своего положения.

Ведь он боготворит Тимею. А Нозми безраздельно властвует в его душе.

С той он вместе страдает, с этой вместе радуется. Та - поистине святая, эта - истинная женщина. Михай часто думает о своей жизни. Когда он совершил роковую ошибку? Когда присвоил себе сокровища Тимей? Или когда взял Тимею в жены?

Или когда, в отчаянии покинув ее, со смятенной душою встретил Нозми и обрел с нею счастье? Первое обвинение более не тяготит его. Тимея теперь владеет всем имуществом, которое Тимар поднял со дна Дуная, ее состояние возвращено ей.

Второму обвинению тоже есть оправдание. Он женился на Тимее по любви, и Тимея вышла за него по доброй воле, жарким рукопожатием ответив на его предложение руки. Михай обошелся с нею как мужчина, достойный женской любви. Откуда ему было знать, что Тимея любит другого? Откуда ему было знать, что она любит так сильно, что даже не желает познать любовь?

Но вот от третьего обвинения никуда не уйдешь. Когда ты узнал, что жена тебя не любит, так как другой человек разрознил ваши сердца, нужно было не бежать трусливо, а пойти к тому человеку и сказать: "Друг мой и наперсник юных лет, одному из нас нет места в этом мире. Я тебе люблю и обнимаю, а теперь поедem куда-нибудь на уединенный остров и будем стреляться до тех пор, покуда они из нас не умрет". Вот как надо было тебе поступить. И тогда жена признала бы в тебе мужчину.

Другой человек сделался в ее глазах идеалом, поскольку предстал перед нею храбрым и мужественным; кто мешал тебе доказать, что ты тоже мужчина? Острая сабля в твоей руке скорее покорила бы ее сердце, чем все твое золото и бриллианты. Любовь женщины не выпрашивают, как милостыню, а завоевывают.

И ты должен был заслужить, завоевать, а мает быть, и силою добыть ее любовь. Будь ты тираном, ты бы обращался со своей женой, как султан, купивший ее в рабство, бил бы ее плетью, покуда не укротил строптивую, но все же ты был бы ее повелителем, ты обладал бы ею

и она была бы твоей. А ты сделал ее жертвою, живым укором своей совести, призраком, что словно с того света является к тебе безгласным судиею твоего проступка.

И ты не дерзаешь порвать эти узы!

Если бы ты набрался мужества подойти к ней и сказать: "Тимея, я ваш злой гений, лучше будет расторгнуть наш союз".

Но ты дрожишь. Ты боишься, что Тимея ответит: "Нет, я не стремлюсь к разводу. Ведь я не стражду. Я дала клятву хранить вам верность и от клятвы своей не отступлюсь".

Осенние ночи становились все длиннее, а дни - короче, вода в озере постепенно остывала, но Тимару купание в холодной воде доставляло удовольствие. Пловец ведь холода не ощущает.

Тело его вновь обрело прежнюю натренированную упругость, от перенесенной болезни не осталось и следа, нервы, мускулы были крепки, как сталь. И все же он был очень болен.

Ипохондрия у людей с больной селезенкой, подверженных сплину, поддается лечению: проходит телесный недуг, и человек обретает покой. Но когда тоска ложится камнем на душу здорового, закаленного мужчины - это уже смертельная беда.

Ипохондрик носит теплое пальто, кутается с головы до пят, плотно конопатит окна, чтобы не пахло сквозняком, пищу принимает точно отмеренными порциями и оп совету врача.

Докучает лекарям жалобами, изучает медицинские пособия и тайком прибегает к знахарским снадобьям, велит топить в комнатах до строго определенного градуса и каждый час меряет пульс - ипохондрик боится смерти. А человек, терзаемый меланхолией, подставляет

распахнутую грудь ветру, ходит в непогоду с непокрытой головой, спит у растворенного окна и не стремится продлить жизнь.

Ночи стояли ясные. Тимар, как только вылезает, ночи напролет просиживал у окна, разглядывая в подзорную трубу светящиеся точки мирового пространства. Едва луна уходил за пределы видимости, он тотчас же бросался к телескопу. Луна была ему ненавистна, как может быть ненавистен человеку вконец опостылевший край, со всеми обитателями которого он успел перессориться, или же как кандидат в парламентские депутаты ненавидит избирательный округ, где он в силу многих причин провалился и где тем не менее вынужден жить.

Во время этих астрономических наблюдений на его долю выпала удача быть свидетелем столь редкого небесного явления, что значится в астрономических ежегодниках в разряде исключительных. На небе появилась одна и комет, возвращающихся с определенной регулярностью.

Тимар сказал себе: "Вот она, моя звезда. Такая же потерянная, как моя душа, ее передвижения столь же бесцельны, как и мои, все ее существование, как и мое, - лишь видимость, лишенная какой бы то ни было реальной основы". И он целыми ночами следил за прохождением этого небесного чуда.

В одном направлении с кометой двигался и Юпитер с четырьмя своими спутниками; пути их неизбежно должны были пересечься.

Как только комета приблизилась к Юпитеру, хвост ее вдруг начал раздваиваться: сказывалось воздействие большой планеты, дерзнувшей оспорить у Солнца его властительное право на комету.

Все это происходило на глазах у обитателей Земли.

На следующую ночь у кометы образовалось два хвоста, раскинутых в разные стороны.

И тут самый большой и наиболее отдаленный спутник Юпитера стал стремительно приближаться к комете.

"Что же будет с моей звездой?" - гадал Тимар.

На третью ночь ядро кометы стало тускнеть и как бы дробиться. Спутник Юпитера в эти часы находился к ней ближе всего.

К наступлению четвертой ночи вся комета была разорвана надвое; два новых небесных тела - каждое с мерцающим ядром и ярким хвостом - разошлись по своим параболам, образующим острый угол, и начали свой бесцельный бег в бесконечных просторах Вселенной. Выходит, и небесные пути бывают схожи с путями земными?

Тимар следил за этим удивительным явлением в подзорную трубу, пока кометы не скрылись в глубинах Вселенной. Увиденное произвело на него глубочайшее впечатление.

Теперь он покончил свои счета с миром.

К самоубийству бывают сотни всевозможных поводов, однако наиболее настойчивый и неодолимый из них. Как правило, порожден долгим созерцанием Вселенной. Стерегите того, кто не ради научного интереса изучает небо, исследует тайны природы: на ночь прячьте от него острый нож, пистолет, обыскивайте его одежду - не спрятан ли там яд?

Да, Тимар был готов убить себя. У сильных натур такое решение приходит не в одночасье, а созревает постепенно. Оно вынашивается годами, а способ осуществления изобретается с превеликим тщанием.

В душе Тимар мысль эта созрела окончательно, и он приступил к планомерному ее осуществлению.

С наступлением в Прибалатонье ненастных дней он вернулся в Комаром. Каждый, кто встречался с ним, непременно отмечал, что он стал совсем как прежде и хорошо выглядит.

А Тимар к тому же выказывал и хорошее расположение духа.

Лишь от Тимеи не укрылось выражение внутренней решимости на его лице, лишь Тимея допытывалась с беспокойством: "Что с вами, супруг мой?".

С тех пор как Михая подкосила болезнь, Тимея по отношению к нему была сама заботливость и нежность. Эта ее нежность лишь подталкивала его к острию ножа.

Любое самоубийство есть безумие, а любое безумие хоть чем-то да выдаст себя. Многие люди отдают себе отчет в том, что они безумны, и каждый самоубийца тоже знает это о себе. Он пытается скрыть свою тайну и тем самым выдает ее. Решает про себя впредь вести умные разговоры, чтобы никто не догадался о его безумии, но все его умные речи не к месту и не ко времени и лишь вызывают подозрение. Будущий самоубийца выказывает преувеличенную веселость, не скупится на шутки, но веселье его столь необычно и действует настолько удручающе, что каждый сторонний наблюдатель, содрогнувшись, скажет про себя: "Этот чует своей конец!".

Тимар решил, что это должно произойти не дома.

Он написал завещание, согласно которому все свое имущество оставил Тимее и бедному люду.

У него хватило нежности и предусмотрительности учредить особый фонд на случай, если Тимея после его кончины выйдет замуж, а ее будущие дети вдруг окажутся в нищете: им будет обеспечено пособие из этого фонда размером в тысячу форинтов в год.

А план его заключался в следующем: как только наступит подходящее время года, он уедет - якобы в Египет, а в действительности - на ничейный остров.

Он хочет умереть там.

Если удастся уговорить Нозми последовать за ним - они умрут вместе.

О. Нозми наверняка согласится. Что ей делать на этом свете без Михая?

Чего стоит весь этот мир - таков, каков он есть?

Оба они уйдут к Доди.

Зиму Тимар провел попеременно то в Комароме, то в Дёре или в Вене; жизнь повсюду была ему в тягость.

К своему превеликому несчастью, человек, страдающий меланхолией, мнит прочесть на лице каждого встречного приговор себе: "Ба, да он же меланхолик!" В словах каждого знакомого ему чудится намек на какие-то происшедшие в нем перемены, и все-то ему кажется, будто люди перешептываются у него за спиной, обмениваются условными знаками при его появлении, будто женщины боятся его, а мужчины стараются напустить на себя спокойствие. Меланхолику случается по рассеянности говорить такие нелепые слова или совершать такие комические поступки, которые свидетельствуют о душевном разладе. И его бесконечно раздражает, что люди не смеются. А люди попросту боятся смеяться.

Но бояться они понапрасну. Ведь Михай еще не дошел до такой степени помешательства, чтобы ни с того ни с сего вдруг вскочить с места и засыпать перцем глаза сидящим напротив. Хотя

иной раз он и испытывает подобно желание; к примеру, когда Янош Фабула, явившись к нему с визитом, вытягивается, будто аршин проглотил, и в качестве церковного вице-куратора начинает разглагольствовать на всякие серьезные темы; в таких случаях Тимра так и подмывает, опершись о плечи почтенного вице-куратора, перепрыгнуть через него, как при игре в чехарду. Было в его взгляде нечто такое., от чего мороз подирал по коже.

С этим взглядом встречалась и Атали.

Нередко, когда они за семейным столом сидели напротив, глаза Тимара были с вожделением прикованы к лицу и фигуре Атали. Взгляд душевнобольных очень выразительно передает их тягу к женским прелестям. Атали же отличалась редкостной красотой, такой шее и груди поистине могла бы позавидовать Ариадна. И Михай глаз не мог оторвать от этой дивной белой шеи, так что Атали испытывала некоторое беспокойство при виде столь настойчивого немого поклонения.

Да, Михай думал о ней: один бы единственный раз обладать этой прекрасной белоснежной шеей, этой дивной бархатистой грудью - сдавил бы я тебя железной рукою, так, чтобы и душа из тебя вон!

Вот какие мысли владели Тимаром, когда он лицезрел прекрасную, как у вакханки, фигуру Атали.

Лишь Тимея не боялась его.

Тимея вообще не ведала страха, ибо ей нечем было дорожить в этой жизни.

Тимару вконец прискучило ждать запаздывавшей весны. Да и какой смысл ждать цветения трав тому, кто будет покоиться, укрытый дерном?

В день отъезда Тимар устроил пир. Созвал каждого встречного-поперечного, дом был полон гостей.

Перед началом пиршества он строго-настрого наказал Яношу Фабуле:

- Вот что, приятель мой, окажите-ка вы мне христианскую услугу. Не отходите ни на шаг от меня и наутро, когда я буду пьян до бесчувствия, велите снести меня в повозку и уложить на сиденье, а там пусть запрягают и - вон со двора.

Так он задумал покинуть свой дом и родной город - находясь в беспамятстве.

К утру все гости пьяные валялись кто где, Янош Фабула, запрокинув голову. Сладко похрапывал в кресле, лишь Тимар был совершенно трезв. Вино для душевнобольного - все равно что яд для царя Миридата: не оказывает нужного воздействия.

Пришлось Тимару самому разыскивать повозку, чтобы отправиться в путь.

В голове его все смешалось: явь и сон, фантазия и пьяный дурман, воспоминания и галлюцинации.

Ему казалось, будто бы он остановился у ложа спящей святой белым, как мрамор, лицом и поцеловал эту беломраморную статую в губы, но поцелуй не пробудил ее.

Возможно, это был всего лишь плод воображения или же сцена померещилась ему спящу.

Затем ему представилась другая картина. В темном коридоре из-за двери подсматривала за ним женщина с прекрасным лицом менады и пышно завитыми локонами; горящая свеча, которую она держала над головой, позволяла видеть ее сверкающие газа и жемчужную полоску зубов меж алых губ, искривившихся язвительной усмешке. "Куда это вы собрались, сударь?" - спросила она нетвердо стоявшего на ногах Тимара, а тот, наклонясь к ушку обольстительной чаровницы, шепнул:

- Да вот, решил сделать Тимею счастливой....

При этих словах прельстительное лицо вмиг оборотилось головой Медузы, а вьющиеся локоны - змеями.

Возможно, и это было всего лишь галлюцинацией.

Тимар проспался лишь к полудню, когда возница менял лошадей. К тому времени они уже успели далеко уехать от Комарома.

Намерения его остались неизменными.

Поздно ночью он добрался до низовьев Дуная, где у рыбацкой хижины его дожидалась барка контрабандистов. Той же ночью он переплыл на остров.

Одна мысль наполняла его надеждой: вдруг Ноэми уже умерла? Вполне возможно. Какое бремя сейчас свалилось бы у него с души - не нужно было бы уговаривать Ноэми принять смерть.

Когда человеком овладевает какая-либо навязчивая идея, он требует от судьбы ее воплощения: как он задумал, так тому и должно быть.

Возле куста белой розы теперь, наверное, растет другой куст, который весной покроется алыми розами: это Ноэми. А скоро с ним рядом будет и третий куст - желтая роза, символ "золотого человека".

Лелея эту мечту, ступил Михай на берег острова.

Царила ночь, луна заливала остров серебристым светом. Недостроенный дом. Похожий на гробницу, стоял на заросшей травой площадке, дверь и окна его были завешены рогожей, чтобы снег и дождь не проникал внутрь.

Михай поспешил к хижине. Альмира, выйдя навстречу, лизнула ему руку, но не залаяла; схватив его зубами за полу одежды, собака повела Михая к окну.

В окошко хижины светила луна, так что внутри было совсем светло. Михай заглянул в окно и явственно увидел, что в комнате стоит лишь одна кровать, а другая вынесена. В постели спала Тереза.

Значит, все его предположения оказались верными: Ноэми покоится под розовым кустом. Что ж, так оно и к лучшему.

Он постучал в окошко.

- Тереза, это я!

Хозяйка тотчас же вышла из домика.

- Вы теперь одна, Тереза? - спросил Тимар.

- Одна.

- Ноэми ушла к Доди?

- Нет. Это Доди пришел к Ноэми.

Тимар недоуменно посмотрел на Терезу.

Женщина взяла его за руку и с лукавой серьезностью повела за дом, куда выходило окно другой комнаты.

В этой комнате тоже было светло: там горел ночник.

Тимар заглянул в окошко и увидел лежащую в белой постели Ноэми; одной рукой она прижимала к груди золотоголового ангелочка.

- Кто это? - спросил Тимар, невольно понизив до шепота готовый сорваться вскрик.

Тереза мягко улыбнулась.

- Разве сами не видите? Маленький Доди. Он отпросился у Господа и вернулся к нам обратно, сказал, что здесь лучше, чем на небесах. "У тебя и так много ангелочков, - сказал он Господу, - отпусти меня к тем, у кого я был один-разъединственный". И Господь отпустил его.

- Каким образом?

- Хм... старая история. Жена бедного контрабандиста умерла, младенец остался сиротой, и мы взяли его к себе. Вы не против?

Тимар дрожал всем телом, как в лихорадке.

- Не будите их до утра! - сказала Тереза. - Ребенку не на пользу, если прерывают его сон; в детской жизни немало своих тайн. Потерпите немного, ладно?

Тимар, не говоря ни слова, скинул шапку, снял плащ и верхнее платье, оставшись в одной рубашке, засучил рукава. Тереза решила, что он повредился в уме. Но нет, еще никогда рассудок его не был так ясен! Бегом направился он к недостроенному дому, сорвал с двери и окон рогожу и вошел в свою столярную мастерскую; зажав в тиски доску недоделанной двери, он взял рубанок и принялся за работу.

Над островом занималась заря.

Нозэми снилось, будто кто-то трудится в недостроенном доме; рубанок снимает с твердого дерева звонкую стружку, а когда инструмента смолкает, раздается веселый голос невидимого работника: "Моей любушки избушку на дворец не променяю!".

И когда он открыла глаза, переключка рубанка и песни ни с не смолкал.

Тереза.

Тимару удалось обокрасть всех и вся.

От похитил у Тимеи отцовские миллионы, похитил ее сердечный идеал, а под конец присвоил себе ее супружескую верность.

Он похитил у Нозэми ее любовь и нежность, безраздельно овладел ее душой и телом.

Он похитил доверие Терезы, последнюю веру ее разочарованного сердца и человеческую порядочность, отнял у нее ничейный остров, чтобы затем вернуть ей, тем самым незаконно присвоив ее благодарность.

Он лишил Тодора Кристяна всего Старого Света, хитроумным способом спровадив его за океан.

Он лишил Атали отца, матери, жениха, собственного дома, всех земных и небесных благ.

Он лишил Качуку надежды на счастливую жизнь.

Уважение окружающих, благодарные слезы бедняков и сирот, королевская награда - все это незаслуженно присвоено им. Даже солидарность контрабандистов и мелких жуликов и та добыта обманом.

Он обманул самого Господа бога, похитив ангела небесного.

Собственная душа и та более не принадлежала ему: он прозаложил ее луне и опять обманул, не дав обещанное.

Уже был под рукою яд - средство переправы в звездные сферы, заранее ликовало сонмище дьяволов, готовясь вонзить когти в свою жертву. Но он обхитрил и самого дьявола, пощадив себя, хотя собирался убить.

Он стяжал себе райский сад на земле, где украдкой срывал запретные плоды за спиной архангела-хранителя; в этом райском уголке он перехитрил всех, кто олицетворяет человеческие законы: священнослужителя, короля, судью, военачальника, налогового инспектора, полицейского. Всех он обвел вокруг пальца.

И все сходило ему с рук.

Но доколе удача будет сопутствовать ему?

Всех ему удалось обмануть, кроме одного человека: самого себя.

Лицо его светилось улыбкой, а в душе навсегда воцарилась печаль.

Уж он-то знал себе настоящую цену, и все-таки поступки свои соразмерял с тем выдуманном человеком, каким казался со стороны.

Но ведь это невозможно.

Несметные богатства, всеобщее уважение, счастливая любовь - если бы хоть одно из этих земных благ досталось ему праведным путем! Основу его характера, его естественную духовную атмосферу составляли искренность, честность, любовь к ближним, взыскательность, самопожертвование, однако жизненные соблазны, противу которых слаб человек, увлекли его на совершенно иной путь. И в результате он превратился в человека, которого все любят, все уважают и лишь он сам ненавидит и справедливо обвиняет себя.

Вдобавок ко всему со времени его последней болезни судьба наградила его железным здоровьем, все шло ему на пользу. Вместо того чтобы постареть, он помолодел.

Вот уже которое лето подряд Тимар был занят физическим трудом. Он завершил столярные работы в домике, поставленном в прошлом году, дело было за токарной отделкой и художественной резьбой. Ему удалось обхитрить даже муз, похитив у них творческие способности. Истинным наслаждением было любоваться домом, который под умелыми руками

Тимара превращался в подлинное произведение искусства. В Тимаре пропал прирожденный художник.

Колонны, поддерживавшие крыльцо домика, были все резные: одна изображала двух сплетшихся змей, головы которых служили капителю; другая являла собою увитый лианами пальмовый ствол; третью образовывало переплетение виноградных лоз, где из-под листьев выглядывали ящерицы и белки, а четвертой колонной служил пучок тростинка, гордо возносящего метелки своих соцветий.

Внутренняя обшивка стен, изукрашенная сложной мозаикой, могла быть причислена к непревзойденным образцам художественной резьбы, столы и стулья отличались художественной компоновкой деталей, белокпипенный граб и испещренных узорами выплывок, послуживший материалом для гардероба, и часового футляра, призваны были выгодно оттенить темно-коричневый фон орехового дерева. Изящный, с интарсиями, балдахин над кроватью свидетельствовал о художественном вкусе мастера. Двери и она тоже открывались по-особому, не как в обычных домах: задвинутые вбок или поднятые кверху, они исчезали в стене; все хитроумные запоры-завдвижки были также сработаны из дерева. Тимар загодя объявил, что в доме не будет ни одной детали, ни единого клина, сделанных не его руками, и правда, железа тут было не сыскать. Тимару хотелось все смастерить собственными силами и из подручных материалов, которыми был богат остров. Задержка вышла лишь с окнами - чем заменить стекло? Поначалу Тимар затянул рамы москитной стеклой, но тогда дом становился пригодным лишь для летнего пользования, да и дождь захлестывал внутрь, если не закрывать ставни. Он попробовал было на манер эскимосов заменить стекло пленкой пузыря, но это не вязалось с общей роскошью отделки. Тимар продолжал поиски до тех пор, пока на одном из склонов "блуждающей" скалы не обнаружил пласт слюды, именуемой кошачьим серебром или мариинским стеклом. С превеликим тщанием он высвободил нежный прозрачный минерал из каменной породы, расщепил его на тончайшие пластинки, а затем, соорудив из узеньких планок некое подобие решетки, заполнил ее промежутки этим ниспосланным свыше стеклом. Труд поистине рабски, однако у могущественного, богатого негоцианта достало на него терпения. Зато вот уж было радости, когда он смог ввести своих близких в готовый, отделанный дом. Смотрите, любуйтесь, все это плоды моих трудов. Даже король не способен преподнести такого подарка королеве!

Втором малышу сравнялось четыре года к тому времени, как "домик Доди" был готов.

Теперь Михая ждали другие заботы - научить мальчика читать.

Доди рос мальчиком здоровым, смышленным, веселым. Тимар заявил, что сам берется обучить его грамоте, плаванию, гимнастике, а также садоводству и плотницкому ремеслу. Если человек умеет обращаться с долотом и рубанком, он всегда себе заработает кусок хлеба. А Доди освоит все эти премудрости.

Тимар поверил было, что все идет как надо и что такая жизнь будет продолжаться до скончания дней.

Как вдруг судьба, избрав своим орудием Терезу, властно скомандовала: "Стой!".

Минуло восемь лет с тех пор, как Тимар впервые очутился на безымянном острове. Ноэми и Тимея тогда были еще детьми, теперь же Ноэми сравнялось двадцать два, а Тимее двадцать один год; Атали шел двадцать пятый, Терезе перевалило за сорок пять. Самому Тимару исполнилось сорок два, а маленькому Доди пошел пятый годик.

Одному из них предстояло уйти из жизни, завершив до конца весь отпущенный срок - недолговечный, зато исполненный стольких страданий, что их хватило бы и на мафусаилов век.

Как-то летним днем, когда Ноэми с ребенком гуляла в саду, Тереза обратилась к Тимару:

- Михай, я должна тебе кое-что сказать. Мне не дотянуть до зимы, я знаю, что умру. Вот уже двадцать лет я страдаю сердечной болезнью, и эта болезнь сведет меня в могилу. Не подумай, будто говорю так, для красного словца; болезнь моя смертельна. Я скрывала ее, никогда не жаловалась, лечилась сама, умела, лечили меня вы своей любовью и радостями. Если бы не вы, мне бы давно лежать в могиле. Но теперь недолго осталось. Вот уже год, как я не сплю. За

целую ночь не вздремнуть ни минуты: ляжешь, а сна ни в одном глазу. Думаю, скоро придет долгий сон - долгий и беспробудный. Я его заслужила. Целый день я только и делаю, что прислушиваюсь, как оно бьется, мое сердце. Зачастит вдруг, словно испугалось чего, и замрет, точно остановилось насовсем, потом стукнет раз-другой, заколотится, забьется и опять перестанет. Отработалось мое сердце. Конец ему приходит. Часто кружится голова, только силой воли удерживаешься, чтобы не упасть. Долго мне не протянуть. Он я смирилась ни о чем не жалею. Душа моя спокойна. Дочери моей есть кого любить помимо меня. Я ни о чем тебя не спрашиваю, Михай, не требую с тебя никаких заверений. Столько слов говорится впустую, больше полагаюсь на чувства. А ты ведь чувствуешь, что ты знаешь для Ноэми и что Ноэми значит для тебя. Стало быть, и у меня душа не болит. Можно умирать, не докучая Всевышнему своими молитвами. Да и о чем мне просить его, когда он и без просьб не оставил меня своею милостью. Верно, Михай?

Михай стоял понурясь. Это обстоятельство рушило все его мечты. Он видел, что здоровье Терезы подорвано. По лицу ее он замечал, как старается она побороть неумолимую болезнь, которая наносит человеку удар именно там, где тело теснее всего соприкасается с душою, - в сердце. С ужасом думал он о том, что станет с Ноэми, если Тереза вдруг умрет.

Разве сможет он тогда, по своему обыкновению, оставлять на долгие зимние месяцы слабую женщину одну с малым ребенком?

Кто тогда их ободрит, защитит, кто им поможет?

Михай всегда отгонял от себя эту мысль, но сейчас она подступила к нему вплотную; больше от нее не отмахнешься.

Тереза сказала правду. В тот же день на остров приехала знакомая торговка фруктами, и Тереза, отмеряя ей корзиной персики, вдруг упала без памяти.

Ее удалось привести в чувство. Через два дня торговка явилась снова. Тереза решила превозмочь себя и вновь потеряла сознание. Торговка расстроено запричитала.

Когда эта женщина через несколько дней в третий раз приехала за фруктами, Михай и Ноэми не выпустили Терезу из дома и сами отмерили фрукты.

На прощание торговка заметила, что ежели бедная хозяйка занемогла так сильно, то надо бы ей исповедаться.

Михай глубоко задумался над словами Терезы.

Для него Тереза была не только матерью Ноэми и единственной опорой семьи в его отсутствие. Это женщина большой души; судьбе угодно было избрать ее, как был избран Иов, дабы испытать ее тысячей земных напастей; однако душа ее не сломилась под бременем страданий, не поддавалась сомнениям, не позволила унижить себя. Тереза молча терпела и трудилась.

Ее жизнь, равно как и ее смерть, свидетельствуют о ее делах и страданиях.

Тимар пришел к мысли, что судьба, возможно, для того и свела его с этой женщиной, чтобы через него вознаградить ее за все муки. А еще он подумал, что уйма промахов, грехов и терзаний, в людском обществе надежно погребенная под пирамидой блистательной лжи, на этом островке найдет свое искупление: все, что совершил он в жизни своей истинно доброго и справедливого, сосредоточено здесь, на этом крошечном клочке земли.

Молчаливо снося боль, Тереза таяла на глазах, а в душе Михая все сильнее звучал обличительный голос, внушая ему, что после смерти этой женщины на его долю выпадает великое наследство: тяготы, какие несла на своих плечах Тереза, и душевная сила, помогавшая ей не сломиться под их бременем.

Ноэми все еще не знала, что мать смертельно больна. Обмороки Терезы приписывали жаре. Тереза объяснила дочери, что это нередко бывает с женщинами в преддверии пожилого возраста.

Тимар же стал относиться к Терезе еще заботливее. Не подпускал ее к работе, охранял ее покой, старался унять болтовню ребенка, хотя Тереза по-прежнему не могла уснуть.

Так прошло лето, теплые дни, казалось, принесли больной облегчение, однако это была всего лишь видимость; с наступлением осени обмороки участились, и знакомая торговка не переставала вздыхать, что самое бы время исповедаться и причаститься.

Как-то раз они вчетвером обедали в ближней комнате, когда Альмира своим лаем возвестила о приближении чуждого. Тереза, выглянув в окно, испуганно бросила Тимару: "Ступай скорее в ту комнату, не надо, чтобы он тебя здесь видел!".

Тимар, тоже бросив взгляд в окошко, согласился, что с этим незванным гостем ему и вправду лучше не встречаться, поскольку это был не кто иной, как господин Шандорович собственной персоной. Его преподобие тотчас же опознает в нем господина Леветинцкого, а вслед за тем вскроется немало любопытных обстоятельств.

- Побыстрее уберите стол и оставьте меня одну! - распорядилась Тереза, вынудив подняться Ноэми и Доди. К ней словно разом вернулись силы; она проворнее всех помогала задвинуть стол в дальнюю комнату, так что когда священник постучал, Тереза находилась в комнате одна. Кровать свою она придвинула к двери в дальнюю комнату и села на край постели; тем самым вход туда был надежно закрыт.

Борода у святого отца отросла длиннее, в ней густо пробивалась седина; однако на щеках по-прежнему играл румянец и во всем его облике чувствовалась самсанова сила.

Служка и ризничий, сопровождавшие священника, в дом не вошли, а остались у веранды, сведя дружбу с Альмирой. Его преподобие вошел в комнату, простерев руку вперед, дабы желающие могли приложиться к ней. Тереза, разумеется, не воспользовалась представившимся случаем, что не прибавило гостю кротости.

- Неужто не узнаешь меня, грешница?

- Как не узнать? Узнаю, сударь, и про грехи свои помню. Что привело тебя сюда?

- Язык у тебя. Старая карга, как помело! От бога отвернулась, во гресе погрязла, и ты еще спрашиваешь, что меня привело сюда? Видно, ты и впрямь меня не признала.

- Признала, признала, сударь. Ты и есть то священник, что отказался хоронить моего мужа.

- Да, отказал, потому как умер он не по-христиански, без исповеди и без отпущения грехов.

Зарыли его, как собаку, и поделом. Если не желаешь себе собачьей смерти, покайся в своих грехах, пока не поздно, а то ведь на ладан дышишь. Благодетельные прихожанки известили меня о том, что ты при смерти, и Христом богом умоляли приехать сюда и дать тебе отпущение. Так что их благодари.

- Говори потише, сударь. В соседней комнате находится моя дочь; не надо ее расстраивать.

- Ах, дочь? И кроме нее, еще мужчина и ребенок?

- Верно.

- И мужчина этот - супруг твоей дочери?

- Да!

- Кто соединил их узами брака?

- Тот, кто соединил Адама и Еву, - Господь бог.

- Ты, женщина, в уме повредила. Это был один-единственный случай на свете, когда не существовало ни священников, ни алтарей. Теперь все так просто не делается, на все есть закон.

- Знаю. Этот закон загнал меня сюда, на пустынный остров, но здесь он не властен.

- Выходит, ты еретичка?

- Живу в мире и умру с миром.

- И свою единственную дочь ты учила жить в скверне?

- Что есть скверна?

- Что есть скверна? Это презрение со стороны всех честных людей.

- Мне от этого ни жарко ни холодно.

- Бесчувственное отродье! Выходит, тебе причиняет страдания лишь телесная боль, а о спасении души ты даже не помышляешь? Я тщусь указать тебе путь в царствие небесное, а ты

по своей воле метишь в ад? Веруешь ли в воскресение из мертвых? Веруешь ли в райскую жизнь?

- Не верую. Да и не желаю для себя ни райской жизни, ни воскрешения. Нет у меня желания снова длить тяготы дней. Хочу покоится под землею, под листвою дерев. Обращусь в прах, и древесные корни впитают мои соки, вот и превращусь я в зеленый листок. Иной жизни я себе не желаю. Хочу жить жизнью дерева, которое я сама же и посадила. И не верую в бога безжалостного, кто заставляет страдать и за порогом жизни. Мой бог милосерд, он дает упокоение в смерти и травам, и деревьям, и человеку.

- Только не таким закоснелым в грехе, как ты. Гореть тебе в аду, быть тебе в когтях дьявола!

- Покажи мне в Священном писании место, где говорится, что Господь бог сотворил ад и дьявола, тогда поверю.

- Ах ты, богохульница, выжечь бы тебе язык каленым железом! Так ты и от дьявола хочешь отречься?

- Воистину отрекаюсь. От начала мира не творил Господь нечистую силу, это вы сотворили дьявола, чтобы людей пугать. Только и дьявол-то у вас неудачный получился: с двумя рогами да с раздвоенным копытом. Такие звери травой питаются, а людей не едят.

- Господи, не введи во искушение! Сей миг разверзнется земля под нами и поглотит богохульницу, как Дафна и Авирона. Такой вере ты обучаешь и ребенка?

- Ребенка научает тот, кто признал его своим сыном.

- Кто же это?

- Тот, кого ребенок называет отцом.

- И как же зовут этого человека?

- Михай.

- А фамилия?

- Фамилии я у него никогда не спрашивала.

- Даже фамилией не поинтересовалась? Что же тогда ты о нем знаешь?

- Знаю, что он человек честный и любит Ноэми.

- Но кто же он? Из господ или из простых? Ремесленник, корабельщик, а может, контрабандист?

- Бедный человек, нам под стать.

- Ну, а кроме того? Я ведь не просто так у тебя допытываюсь, мне должно знать, какой он веры: папист, кальвинист, лютеранин? Сектант, униат, православный или иудей?

- Меня это ничуть не заботило.

- Блудешь ли посты?

- Было, что два года кряду мяса в рот не брала, потому как его не было.

- Ну а кто крестил ребенка?

- Господь бог. Дождь небесный кропил, и радуга склонилась к дитяти.

- Ах вы, нехристи!

- Нехристи? - с горечью переспросила Тереза. - Но отчего же? Ведь мы не язычники и не богоотступники. На этом острове ты не сыщешь даже золотого тельца, кому поклоняются все на свете. Небось и ты не прочь поклониться двуглавному орлу, лишь бы он был отчеканен на звонкой монете? Разве не говорят люди: "Слава богу", когда к ним богатство привалит, а как денежки вышли, так: "Нет бога"?

- Креста на тебе нету, ведьма злоязыкая! Над святынями богохульствуешь?

- Я говорю от чистого сердца. Господь обрушил на меня самые жестокие кары: изведав беззаботное счастье, я впала в крайнюю нужду; в одночасье сделалась вдовой и нищей. Но я не отреклась от Бога, не отвергла его дар - жизнь человеческую. Я ушла в пустыню, здесь я взыскала Бога и обрела. Мой Бог не требует пышных молебствий, песнопений, жертвоприношений, изукрашенных храмов и колокольного звона; ему достаточно, если сердцем чтить его заповеди. Мое благочестие не в том, чтобы четки перебирать, а в том, чтобы трудом славить Господа. Я осталась без ничего, люди обобрали меня дочиста, и все же я не

предалась земле, наложив на себя руки, а, напротив, ничью землю превратила в цветущий сад. Люди меня обманули, ограбили, подвергли осмеянию; власти меня ободрали как липку, добрые друзья утянули последнее, а духовные пастыри глумились над моим горем. И все же я не озлобилась. Живу на пустынном острове, какого только люда здесь не перебывало, а я кормлю, лечу, обихаживаю всякого, кто ни придет к моему порогу, и круглый год сплю без замков и запоров, потому что не боюсь людского зла. Разве нехристи такие бывают?

- Опять намолочила с три короба! Я тебя совсем про другое спрашивал: кто этот человек, который живет у тебя в хижине, правоверный христианин или же еретик, и отчего ребенок некрещенным растет? Не может быть, чтобы ты не знала его фамилии.

- Ладно, будь по-твоему! Не хочу врать: фамилию его я знаю, а больше мне ничего о нем не известно. Но и фамилии его я никому не назову. Должно быть, и в его жизни есть тайны, как были они в моей. Свои тайны я ему раскрыла, а про его секреты сроду не допытывалась. Наверняка у него есть причины скрывать их. Я его знаю как человека доброго и честного и ни в чем дурном не подозреваю. Те, кто лишили меня всего на свете, только плачущее дитя мене оставили. Были так называемые порядочные люди, добрые друзья, дворяне высокого звания. Я свое дитя взрастила своими силами. Лелеяла и берегла как зеницу ока и не пожалела уступить единственное свое сокровище человеку, о котором мне известно лишь, что он любит и любим. Разве не тверда я в вере своей в Господа?

- Надоело мне, старая ведьма, твои разглагольствования слушать! За такую веру в былые времена во всем христианском мире на костер отправляли.

- Выходит, к счастью, что право на владение этим островом мне дает фирман турецкого султана- Фирман турецкого султана? - удивленно воскликнул священник. - И кто же тебе его сюда доставил?

- Человек. Имени которого тебе не узнать!

- Узнаю немедленно, и самым простым способом. Кликну сюда ризничего да служку, велю им отодвинуть твою постель вместе с тобою и войду туда. Ведь запора на двери нет.

Тимар в соседней комнате слышал каждое слово. Кровь бросилась ему в голову при мысли, что его преподобие, увидев его, воскликнет: "Ба, да это же господин королевский советник, его милость Михай Леветинский собственной персоной!".

А священник, открыв дверь на веранду, кликнул своих дюжих подручных.

Однако Тереза нашла выход из отчаянного положения: накинула на плечи турецкий пестротканый бумажный ковер, который служил ей покрывалом для постели.

- Сударь! - молящим тоном обратилась она к священнику. - Дозволь сказать слово, и ты убедишься, сколь тверда моя вера в Господа. Взгляни: это покрывало привезено из Бруссы. Побывал тот один человек проездом оттуда и оставил покрывало мне в подарок. Вот ты говоришь, будто я нехристь, а меня Бог бережет; ведь я по ночам этим ковром укрываюсь, хотя всем известно, что Бруссе вот уже четыре недели свирепствует азиатская чума. Кто из вас может похвастаться такой твердостью веры? У кого хватит смелости прикоснуться к моей постели?

На этот вопрос уже некому было отвечать. У.

Услышав, что ковер привезен из Бруссы, где чума косит людей подряд, вся боголюбивая троица опротивев бросилась к двери, оставив остров его закосневших в грехе обитателей добычей дьявола. Молва о проклятом богом острове умножилась еще одним дурным слухом, предостерегая людей, которым дорога жизнь, держаться от этого места подальше.

Тереза выпустила из дальней комнаты укрывавшееся там семейство.

Тимар, поцеловав ей руку, произнес одно только слово: "Мама!".

Тереза тихо прошептала в ответ: "Сын мой", - и пристально посмотрела ему в глаза. Взгляд ее говорил: "Помни о том, что сейчас тебе довелось услышать!".

- А теперь мне пора собираться в путь!

О близкой смерти Тереза говорила как об отъезде из дому.

- Я покину вас погожим октябрьским днем, в ясную пору "бабьего лета". Когда всякое насекомое впадает в зимнюю спячку и когда деревья роняют свою листву. Тереза приготовила себе одежду, в какой ее надлежало похоронить, и саван, чем прикрыть тело. Гроб ей не нужен - так ближе к матери-земле. Поддерживаемая Тимаром и Ноэми, она вышла на просторный луг и облюбовала место, где ее похоронить.

- Вот здесь, среди чистого поля! - сказала она Тимару и, взяв у него лопату, собственноручно наметила контуры могилы. - Дом для Доди ты уже построил, теперь позаботься и о моей обители. Холмик насыпать не надобно и надгробье тоже не ставьте. Не сажайте на этом месте ни кустов, ни деревьев, просто закройте его снятым отсюда дерном. Пусть это место останется ничем не приметное среди ровной земли - такова моя последняя воля. Не хочу чтобы кто-нибудь из моих близких в добрый час ненароком споткнулся о мою могилу и закручинился. И Тимар подготовил Терезе вечное пристанище.

Тереза же ни разу не спросила у него: "Кто ты? Дни мои сочтены, вскоре я переселюсь в мир иной, а ведь так и не знаю, на кого оставляю Ноэми".

Однажды вечером она забылась и уснула вечным сном.

Ее похоронили, как она наказывала: тело завернули в тонкое белое полотно, а могильное ложе устлали благоуханными ветвями ореха.

А затем место ее упокоения разровняли и сверху положили свежий дерн, снятый оттуда же.

На другое утро, когда Тимар и Ноэми, ведя за руки маленького Доди, пришли к этому лугу, на его ровной поверхности не видно было никакого признака могилы. Осенняя паутина затянула всю траву серебристым саваном, на котором щедрой алмазной россыпью сверкали капли росы. И все же они определили то место среди серебристой зелени луга.

Шедшая впереди Альмира вдруг легла, прикинув головой к земле. Здесь и было заветное место.

Тимар подумал, что теперь этой могилой для него отрезаны все пути. Надо решать, где остаться: тут или там?

Атали.

Сломанная сабля.

Тимар дождался на острове заморозков, когда зеленый луг стал серебриться инеем, когда деревья сбросили последнюю листву, когда соловьи и дрозды, покинув свои гнезда, устремились в теплые края. Тогда только он решил, что пора возвращаться в мир. В реальный мир. А Ноэми придется оставить на пустынном острове одну с малым дитятей.

"Я вернусь еще зимой", - сказал он, расставаясь с Ноэми.

Однако Ноэми ведь не знала даже, какая бывает зима в тех краях, где живет Михай. Дунай вокруг острова замерзает редко; здесь, на юге, зима обычно мягкая, при двух градусах мороза считается самое сильное похолодание; плющ и лавровые деревья всю зиму стоят зеленые. Михай же выпал нелегкий путь. К северу в окрестностях Дуная уже лег снег, и понадобилась целая неделя, чтобы по занесенным дорогам добраться до Комарома.. Но там, в предместье, пришлось выждать еще сутки: Дунай разбушевался так, что о переправе не могло быть и речи. А ведь было время, когда он не побоялся в одиночку на утлой лодчонке переправиться по вешнему паводку через Дунай. Но тогда его ждала на берегу Ноэми, теперь же ему предстояла всего лишь встреча с Тимеей.

Впрочем, похоже, что он и сейчас спешит. Едва только на Дунае успевает стать лед, он первым переходит реку пешком.

Да, он спешит и к Тимее. Спешит, чтобы развестись с нею.

Дело решенное - они должны развестись, и точка. Ноэми нельзя оставаться одной на безлюдном острове. Одна должна быть по справедливости вознаграждена за свою любовь и преданность; проклятия достоин человек, покинувший ее на произвол судьбы, после того как завладел ее душою и телом.

Ну, и Тимея... пусть будет счастлива наконец.

И все же эта мысль причиняла Михаю боль: Тимея будет счастлива не с ним.

Если бы можно было ее возненавидеть если бы удалось поставить ей в вину какой-нибудь серьезный проступок с презрением оттолкнуть ее и забыть!

Повозку свою Михай вынужден было оставить на другом берегу Дуная, в Уй-Сёне, поскольку упряжки пока еще на лед не пускали; домой он прибыл пешком.

Ему показалось, что при его появлении в лице Тимеи мелькнул испуг. Протянутая ему рука вроде бы дрожала, и голос, когда она ответила на его приветствие, тоже дрогнул. И вопреки обыкновению, она не подставила ему для поцелуя свое белое лицо.

Тимар поспешил к себе в комнату переодеться с дороги.

Неужели ее испуг не без причины?

Тимар успел подметить и еще один признак: демонический блеск в глазах Атали, призрачный огонек злорадного торжества.

Быть может, Атали что-то знает?

К обеду они вновь сошлись все трое. Молча сидели за столом, украдкой бросая друг на друга испытующие взгляды.

В конце обеда Тимея, обращаясь к Михаилу, обронила:

- На этот раз вы были в отъезде так долго....

Тимар подумал про себя: "А скоро уеду насовсем", - но промолчал.

Прежде чем начинать бракоразводный процесс, Тимар решил посоветоваться с адвокатом.

Никакой убедительной причины он выставить не мог.

Оставалась лишь "неодолимая антипатия". Но уж тут - уж правда или нет - обе стороны должны свидетельствовать одинаково.

Только согласится ли на это Тимея? Все зависит от нее.

Тимар весь день терзался раздумьями. Он наказал слугам ото всех держать в тайне его возвращение, сегодня ему ни с кем не хотелось встречаться.

И все же под вечер кто-то дерзнул нарушить его одиночество.

Он с досадой ухватился за ручку двери, чтобы захлопнуть ее перед носом у непрошеного посетителя - кто бы он ни был, и удивленно отшатнулся: перед ним стояла Атали.

В глаза ее мерцал все тот же злорадный блеск, губы кривились в торжествующей. Язвительной усмешке.

Михай, как замороженный, попятился под ее взглядом.

- Что вам угодно, Атали? - растерянно спросил он.

- Гм... А как вы полагаете, господин Леветинцкий, что именно мне угодно?

- Откуда мне знать?

- Зато я знаю, что вам угодно.

- Мне?

- Разве вы не желаете кое-что от меня услышать?

- Что? - жарким шепотом выдохнул Михай; он плотно притворил дверь, не сводя широко раскрытых глаз с лица Атали.

- Что вам было бы желательно от меня узнать, господин Леветинцкий? - проговорила прекрасная дева, по-прежнему улыбаясь. - Неужели так трудно догадаться! Сколько лет уже я нахожусь в вашем доме?

- В моем доме?

- Ну конечно! С тех пор как он стал вашим. Так вот: я здесь целых шесть лет. Каждый год я была свидетельницей вашего возвращения домой и каждый год видела на вашем лице иное выражение. В первый год на вашем лице читалась мучительная ревность, затем - легкомысленная веселость, еще через год - притворное спокойствие, а как-то раз я видела даже банальную филистерскую деловитость. Было над чем поломать голову! Год назад я решила было, что этой невеселой игре пришел конец, и это напугало меня. Тогда вы часто сидели, уставясь перед собой в пустоту с таким видом, будто воззрились на дно собственной могилы. А ведь вам прекрасно известно, что никто на всем белом свете не молится так горячо о вашем здравии, как я!

Михай нахмурился при этих словах, но Атали, похоже, прочла его мысли.

- Да=да! = страстно повторила она. - Если есть на свете человек, любящий вас, то даже он не может столь искренне желать вам долгих лет жизни. А сейчас я вновь ловлю у вас тот же взгляд, что и в первый год. Он-то и есть истинный. Вам ведь хотелось бы кое-что узнать о Тимее, не правда ли?

- Вам что-то известно? - нетерпеливо спросил Тимар и спиной заслонил дверь, словно желая удержать Атали в плену.

Атали насмешливо рассмеялась: ведь это Михай был ее пленником.

- Многое, - ответила она. - Можно сказать: все.

- Все?

- Да. Во всяком случае достаточно, чтобы обречь на вечные муки всех нас троих: меня, вас и ее! Кровь вскипела в жилах Михая.

- И вы расскажете мне все, что знаете?

- За тем я сюда и пришла. Но прежде прошу вас выслушать меня спокойно, так же как и я спокойно буду говорить вам такое, от чего впору сойти с ума, если уж не умереть на месте.

- Прошу ас, говорите. Но прежде лишь одно слово: Тимея не верна?

- Да.

- Ах!

- Еще раз повторяю: да! И вы сможете сами в том убедиться воочию.

Все благородные чувства взбунтовались в душе Тимара против этого чудовищного подозрения.

- Барышня, подумайте, что вы говорите!

- Я перечислю только факты, а если вы после этого хотите убедиться, то можете все увидеть вами. И тогда вам придется обвинить во лжи собственные глаза и уши, посмеявшие очернить святой образ.

- Я готов вас выслушать, хотя и не верю.

- А я все равно скажу. Ваша святая икона все же сошла с алтаря на грешную землю, чтобы послушать городские пересуды, суть которых в том, что небезызвестный храбрый майор дрался из-за нее на дуэли с каким-то заезжим офицером и жестоко ранил того в голову, так что даже сабля переломилась от удара. Наша святоша выслушала эту историю от госпожи Зофии, и глаза ее наполнились слезами. Каково? Да вы еретик, если не верите, будто святая икона способна лить слезы! Во всяком случае факт, что госпожа Зофия на другой день рассказала об этом храброму майору. Госпожу Зофию хлебом не корми, только дай ей возможность сплетничать, строить козни да клеветы разводить. Для нее наипервейшая радость тайком свести любящие сердца, перессорить благополучную семью, устроить чье-нибудь счастье за счет несчастья другого человека, выведать чужие секреты и затем терзать доверчивого простака угрозами выдать их... Уж мне ли ее не знать? Ведь госпожа Зофия - моя мать.

Произнося слово "мать", Атали отерла губы, словно хотела избавиться от какого-то горького привкуса.

- Старая сводня доставила шкатулку с запиской от майора.

- Что было в шкатулке?

- Для вас гораздо важнее узнать, что было в записке. В шкатулке лежал обломок сабли с рукоятью, - той самой сабли, которую майор сломал на дуэли. Это подарок на память.

- Ну что ж, - проговорил Михай, стараясь казаться спокойным, - ничего плохого в этом не вижу.
 - Я тоже. А что скажете о записке?
 - Вы читали ее?
 - Нет. Но ее содержание мне известно.
 - Откуда?
 - Святая дева ответила на эту записку, а ответ передала также через госпожу Зофию.
 - Возможно, это был отказ.
 - Нет, это бы не отказ. Госпожа Зофия от меня ничего не скрывает, отлично зная, что своими рассказами доставляет мне адские муки. И потом, она ведь мне не служанка, а всего лишь мать. Прислуживать она обязана святой госпоже, а мне, такой же прислуге, как и она сама, вольно доносить всякие сплетни о хозяйке. В людской не существует деления на матерей и дочерей, там все мы равны: слуги - н народ завистливый, охочий до сплетен, не щадящий своих господ. А вам, сударь, не совестно шептаться с прислугой?
 - Продолжайте!
 - Что ж, продолжу, тем более что история еще не окончена. Ответное письмо майору было написано не на розовой бумаге и не благоухало духами. Писали его здесь за вашим собственным столом, скрепили вашей же печатью, и оно вполне могло бы содержать категорический и безоговорочный отказ домогающемуся ее расположения воздыхателю и просителю. Но отказа не было.
 - Кто это может знать?
 - Госпожа Зофия и я, а вы будете третий... Как вас угораздило объявиться столь некстати и в такую неподходящую погоду? На Дунае бог знает что творится, льдины громоздятся одна на другую; тут, думается, ни одна живая душа не рискнет перебраться с берега а берег. Казалось, в такой день город надежно отрезан от всего мира, так что никакому ревнивцу сюда не проникнуть. Как же вам это удалось?
 - Не томите, Атали!
 - Разве вы не заметили, как растерялась эта святая при вашем неожиданном возвращении? Разве не почувствовали, как дрогнула ее рука в вашей руке? Вы явились на редкость некстати, сударь! Госпоже Зофии снова пришлось идти к майору с коротким посланием: "Сегодня невозможно".
- Лицо Тимара исказилось гримасой страха и гнева. Подавленный тяжелой вестью, он рухнул в кресло со словами:
- Я вам не верю.
 - И не надо, - пожав плечами, ответила Атали. - Но я могу дать вам дурной совет, чтобы вы убедились воочию: сегодня невозможно, поскольку вы возвратились, но можно будет завтра, если вы вновь покинете дом. Вы ведь каждый год ездите на Балатон, когда озеро замерзает и начинается подледный лов. Это и в самом деле занятный спорт. Отчего бы вам не объявить завтра: "ока держаться холода, съезжу-ка я, пожалуй, в Фюред, проверю, как поживают балатонские осетры"? А после того спрячьтесь у себя в доме на улице Рац и ждите, когда вам стукнут в окошко и скажут: "Пора!" Тогда можете вернуться сюда.
 - Мне пойти на такое? - ужаснулся Тимар.
- Атали смерила его презрительным взглядом.
- А я-то думала, вы мужчина! Я думала, что достаточно вам услышать: сегодня к вам в дом явится человек. Которого любит ваша жена, которого она предпочла вам, ради которого опозорила вас, - вы схватите первое попавшееся оружие убьете его, не разбирая, кто он таков, будь он хоть брат родной! Значит, я обманулась в вас. Вы испугались моих слов. Простите, что вмешалась не в свои дела. Впредь этого не повторится. Прошу вас, не выдавайте меня госпоже. Больше вы от меня слова худого о ней не услышите, да и сейчас я напрасно оговорила. Ее. Все это ложь. Она верна вам.

Выражение лица Атали вдруг сделалось таким покорным, а тон настолько молящим. Что Тимар засомневался: может, и впрямь она сочинила все это. Но едва в нем затеплилась искра надежды, как Атали, рассмеявшись, бросила ему в лицо:

- Вы - трус!

И повернула к двери. Михай бросился ей вслед и схватил ее за руку.

- Останьтесь! Я послушаюсь вашего совета и все сделаю так, как вы скажете.

- Тогда слушайте внимательно. - Атали склонилась к Михая так близко, что грудь ее касалась его плеча, он ощутил на лице ее жаркое дыхание. Увидев их издали, можно было подумать, будто это секретничают влюбленные.

Но Атали шептала Тимару отнюдь не любовные слова.

- Когда мой отец строил этот дом, комната, где теперь спит Тимея, предназначалась для гостей. Кто обычно гостил у господина Бразовича? Разная торговая братия, деловые партнеры, заводчики. В стене той комнаты со стороны лестницы есть ниша: винтовая лестница делает там плавный поворот, а внутренняя стена образует угол. В эту нишу можно проникнуть из коридора. Тайник замаскирован стенным шкафом, где хранится старая, разрозненная посуда.

Шкаф этот редко открывается, но даже если бы он всегда стоял с распахнутой дверцей, никому бы и в голову не пришло крутить винты под полками. А между тем средний винт третьей полки легко вынимается. Но даже если и вынуть винт ненароком, о тайнике все равно не догадаешься

- обычный гвоздь, не более того. Необходимо иметь особый ключ; он вставляется вместо винта, и, если нажать на головку ключа, из него выскакивает борода. Дальше все просто; один поворот ключа - и весь шкаф бесшумно отодвигается, открывая доступ к тайнику, свет и воздух туда поступают через вытяжную трубу, выходящую на крышу. Потайной ход в стене ведет прямо к той комнате, которая теперь принадлежит Тимее, а некогда давала приют гостям господина Бразовича, и упирается в дверную нишу. Изнутри она закрыта похожей на икону картиной - мозаикой из перламутра, изображающей святого Георгия со змием. Вы не раз собрались снять эту картину со стены, и она осталась там лишь потому, что Тимея не позволила. Один из кусочков мозаики отодвигается в сторону, и тогда видна вся комната и слышно все, что там говорится.

- Зачем был нужен тайник вашему отцу?

- Думаю, он помогал ему в деловых махинациях. Отцу часто приходилось принимать у себя и торговых партнеров, и конкурентов, и официальных чиновников. Дом славился отменной кухней и превосходными винами. Накормив и напоив гостей всласть, господин Бразович препровождал их в эту комнату и оставлял одних, а сам прокрадывался в тайник и подслушивал их разговоры. Этим простым и надежным путем он всегда узнавал, за какую минимальную цену условились уступить свой товар владельцы и каков потолок в предложениях конкурентов, какие акции замышляют правительственные интенданты и строители крепостных укреплений. У пьяного человека, как известно, что на уме, то и на языке, да и откуда гостям было знать, что все их секреты подслушиваются! А господин Бразович собирал таким образом немаловажные сведения и использовал их к своей выгоде. Однажды он сам за столом перепил лишнего и послал меня подслушивать; тогда-то я и узнала про тайный ход. Ключ от тайника и поныне хранится у меня - вот он! Если бы я захотела, то могла бы спасти все ценности после того, как на имущество Бразовича был наложен арест, а все комнаты его опечатали. Но я слишком горда, чтобы унижаться до кражи!

- Значит, из тайника можно проникнуть в комнату?

- Мозаичная картина посажена на дверные петли и со стороны тайника открывается, как дверь.

- Стало быть, вы можете попасть в спальню Тимеи, когда вам вздумается? - воскликнул Михай, не в силах побороть ужас.

Атали высокомерно улыбнулась.

- Мне нет нужды проникать к ней тайным путем. Тимея всегда спит при открытых дверях, и вы отлично знаете, что мне дозволено ходить через ее комнату. К тому же она спит крепко.

- Дайте мне ключ.

Атали вытащила из кармана хитроумный ключ; по внешнему виду он ничем не отличался от обычного винта, и надо было нажать на головку, чтобы изнутри выдвинулась бородка ключа. Атали показала Тимару. Как им пользоваться.

Какой-то голос внутри - должно быть, глас ангела-хранителя - склонял Тимара бросить этот ключ на дно глубокого колодца до двора. Однако Михай не поддавался благим увещаниям и внимал шепоту Атали.

- Итак, вам представляется случай самолично во всем убедиться. Для этого лишь надобно завтра сделать вид, будто уезжаете, и ждать моего сигнала, когда следует вернуться домой и проникнуть в тайник. Ну как, согласны?

- Согласен.

- Носите вы при себе оружие - пистолет или кинжал? Кто знает, какой оборот примет дело. В мозаичной картине справа вделана круглая дверная ручка; нажать ее, и дверца распахнется, заслонив постель Тимеи. Вы все поняли?

Атали судорожно стиснула руку Михая и заглянула ему прямо в лицо; глаза ее горели неукротимой ненавистью. Она продолжала что-то говорить, но речи ее было не слышно - лишь губы беззвучно шевелились да дико метались глаза. О чем они говорили, эти безмолвные слова?

Тимар тупо смотрел перед собой, замороженный, безвольный, как сомнамбула. Он вскинул голову, чтобы задать Атали какой-то вопрос, но в комнате никого не было. Лишь зажатый в кулаке ключ подтверждал, что минувшая сцена происходила въявь.

Никогда еще Тимару не доводилось испытывать такие муки, как в эти долгие часы до завтрашнего вечера.

Он действовал в точности по наущению Атали. До полудня пробыл дома, а после обеда об. Явил, что уезжает на Балатон проверить, как обстоят дела с рыбной ловлей, взятой из в аренду. Пешком и без всякого багажа он переправится по льду Дуная на другой берег так же, как вчера добирался сюда. Дорожный возок дожидается на другой стороне реки, поскольку езда по неокрепшему льду еще запрещена.

Своих управляющих Тимар не принял и в конторские книги даже не заглянул. Наугад взял из кассы пачку денег, не пересчитывая сунул в бумажник и - скорее из дома вон!

Едва он успел спуститься по лестнице, его перехватил письмоноша: надобно было расписаться в получении письма. Тимар не стал ради этого возвращаться. Он всегда носил при себе особое перо, стержень которого одновременно служил и чернильницей. Прислонив квитанцию к услужливо согнутой спине почтальона, Тимар поставил этим пером свою подпись.

Мельком взглянув на обратный адрес, он увидел, что письмо пришло из-за океана, от агента из Рио-де-Жанейро. Тимар не читая сунул письмо в карман. Заокеанская торговля мукой... До нее ли ему было сейчас?

В доме на улице Рац для хозяина также постоянно держали готовой комнату, где с наступлением холодов ежедневно топили. Вход в нее вел с особой, закрытой галереи, и от торговой конторы и прочих деловых помещений ее отделяло несколько пустующих комнат. Тимар проникнул в комнату никем не замеченный; сел у коня, выходящего на улицу, и приготовился ждать.

За коном завывал ветер, разрисованные морозом стекла не позволяли видеть, что происходит снаружи, но зато так же надежно защищали и от посторонних взглядов извне.

Итак, вожаемая цель достигнута: неверность Тимеи подтверждена. Ведь он сам жаждал этого, дабы успокоить собственную совесть, дабы иметь право сказать: "Мы обоюдно грешны друг перед другом и свободны от взаимных обязательств". Наконец-то он получил право ненавидеть и презирать эту женщину, которой доньше вынужден был воздавать почтение, как холоп платит дань своему властелину. Теперь он может низвергнуть ее с трона, куда женщине дозволено взойти лишь единожды. Получив такой весомый повод для развода, он наконец-то сможет возвысить до себя Ноэми, дать ей положение, какого она заслуживает по праву, сделать ее счастливой женщиной и своей законной женой.

И все же мысль эта была для него мучительна.

Стоило ему только дать волю своему распаленному воображению и представить себе первую интимную встречу Тимеи с другим мужчиной, как в крови его вскипали самые низменные инстинкты, будоража душу.

Чувство стыда, жажда мести, адские муки ревности терзали его. Ведь позор и обман трудно снести даже том случае, если надеешься изречь из них выгоду.

Он лишь сейчас начал понимать, какое бесценное сокровище Тимея. Отказаться от этого сокровища по своей воле, вернуть его самой обладательнице он был бы не прочь, но позволить другому обокрасть себя - эта мысль приводила его в бешенство.

Тимар мучился, не зная, как поступить.

Если бы яд Атали проник до самого сердца, то следовало бы с кинжалом в руке подстеречь неверную жену и поразить ее насмерть в объятиях возлюбленного, в момент страстного поцелуя. Ведь Атали нужна была кровь Тимеи.

Но оскорбленная мужская честь вызывает к другому: ей требуется кровь соперника, и прилитая не исподтишка, но в открытом поединке. Сабля против сабли., и борьба не на жизнь, а на смерть!

Когда же верх одержали трезвый расчет и мудрое хладнокровие, Тимар подумал. "К чему все эти мысли о кровопролитии? Тебе нужно не отмщение, а сандал. Выскочить из засады, кликнуть в свидетели прислугу, прогнать из дома неверную жену вместе с ее соблазнителем - вот поведение умного человека. Ты ведь не солдат, чтобы саблей карать за обиды. На то есть судья, есть закон!".

Однако он все же не мог преодолеть желание держать под рукой, как и советовала Атали, кинжал и пистолет. Бог его знает, какой оборот примет дело. Ведь только в решающий момент выяснится, кто же все-таки возобладает: мстительный убийца из-за угла, оскорбленный супруг или расчетливый делец, способный хладнокровно занести скандал и позор в статью "дебет" и полученную от них выгоду соответственно в рубрику "кредит".

Тем временем наступил вечер.

Фонарей на темной улице заметно прибавилось. Господин Леветницкий из собственного кармана платил за освещение на своей улице. Тени прохожих мелькали в замерзшем окне.

Вдруг какая-то тень остановилась под окном, и послышался тихий стук.

Тимару почудилось, будто морозные цветы на стекле, дрогнув от стука, обратились в деревья заколдованного леса и шумят, гудят, предостерегая: "Не ходи!".

Тимар медлил. Стук повторился. "Иду", - прошептал он и, прихватив оружие, выскользнул из дома.

Всего лишь несколько десятков шагов до другого дома, где, окруженная богатством и роскошью, томится прекрасная белолицая женщина.

Тимару никто не встретился под дороге, улица была пустынна.

Лишь иногда ему удавалось различить некую темную фигуру впереди; она торопливо скользила, стараясь лежаться в тени, пока наконец не скрылась в угловом доме. Тимар следовал за этой фигурой.

Тимар беспрепятственно проник в дом. Чья-то рука позаботилась отпереть и входную дверь с улицы, и решетчатую загородку лестницы, и дверцу стенового шкафа в коридоре.

Тимар передвигался под ому без малейшего шума.

Он сразу же обнаружил вынимающийся винт под полкой, вставил принесенный с собою ключ; потайная дверца раскрылась перед ним и захлопнулась за его спиной. Тимар очутился в потайной нише. Соглядатай в собственном доме!

Итак, вдобавок ко всему еще и "соглядатай".

Существует ли еще какая-нибудь подлость, которой он не совершил?

А говорят, "бедняк - человек подлый, никчемный, богатый человек - славный". Вот она, слава его, чем обернулась.

Хорошо, что здесь темно, как подземелье.

Передвигаясь ощупью, он сделал несколько неуверенных шагов вдоль стены, пока не увидел впереди слабое мерцание. Свет лампы просачивался из комнаты сквозь мозаику.

Тимар отыскал неплотно пригнанный кусочек мозаики, отодвинул его и через тонкую стеклянную пластинку заглянул в комнату.

На столе стояла лампа под абажуром из матового стекла. Тимея расхаживала взад-вперед по комнате, складки ее белого вышитого платья колыхались в такт шагам.

Отворилась дверь с галереи, вошла госпожа Зофия и что-то шепнула Тимее.

Но Тимар даже шепот разобрал отчетливо. Ниша в стене подобно голоснику улавливает каждый звук.

- Можно ему прийти? - спросила госпожа Зофия.

- Да, я жду, - ответила Тимея.

Госпожа Зофия ушла, и Тимея выдвинула из гардероба ящик и достала оттуда какую-то коробку. Она подошла к лампе и встала прямо напротив Тимара, так что лампа ярко освещала ее лицо и позволяла наблюдать малейшее движение черт.

Тимея открыла коробку. Что же там хранилось? Обломок сабли с рукояткой.

При виде сломанного оружия женщина содрогнулась; нахмуренные брови также выдавали ее страх. Затем лицо ее постепенно прояснилось, тонкие черточки бровей разгладились, и перед Тимаром опять была святая с нимбом черных волос над беломраморным челом.

Печальное лицо ее озарилось нежностью; она поднесла саблю к губам так близко, что Тимар затрепетал: вот-вот поцелует!

Обломок сабли был ему ненавистен, как соперник.

И чем дольше смотрела Тимея на свою реликвию, тем ярче разгорались ее глаза. Наконец, собравшись с духом, она извлекла саблю из коробки и даже попыталась по-мужски наносить ею удары воображаемому противнику и отражать его атаки... Если бы она знала, что здесь, поблизости, затаился человек, для которого мука мученическая сносить эти ее удары!

В дверь постучали. Тимея испуганно спрятала саблю в коробку, поправила завернувшиеся было к локтям длинные оборки рукавов и робко промолвила: "Войдите!".

Вошел он - майор Качука. Статный мужчина, лицо красивое, мужественное.

Тимея не пошла ему навстречу, она по-прежнему стояла так, что свет лампы падал на ее лицо.

Тимар не спускал с нее глаз.

О, муки ада! Что довелось ему видеть? Когда майор вошел в комнату, лицо Тимеи жарко вспыхнуло.

Да, алебастровая статуя зарделась румянцем, неподвижный лик вдруг ожил, и его девственная белизна украсилась розами. Статуе встретился человек, который сумел оживить ее... Нужны ли еще какие-нибудь доказательства, нужны ли после этого какие-либо слова?

Тимар готов был в ярости вышибить прикрытую мозаикой дверцу и подобно дракону, одолевшему святого змееборца, ворваться в комнату и броситься промеж влюбленных, прежде чем уста Тимеи облекут в слова то, о чем и без слов говорило ее лицо....

Но нет, должно быть, ему померещилось. Он взгляделся внимательнее: лицо Тимеи светилось белизною, как обычно. Холодно, с достоинством, она сделала майору знак сесть на стул, а сама опустилась на софу - о отдалении от него; взгляд ее был холоден и облик внушал почтение.

Майор, держа в одной руке украшенный золотым позументом кивер, в другой саблю с золотым темляком, сидел прямо и напряженно, словно перед генералом.

Они долго молча смотрели друг на друга, борясь с одолевающими их чувствами.

Тимея заговорила первой: - Сударь! Вы прислали мне какое-то загадочное письмо и еще более странный подарок - сломанную саблю.

С этими словами Тимея, открыв коробку, достала оттуда листок бумаги.

- Вот ваше письмо : "Сударыня! Сегодня я дрался на дуэли с одним человеком и, если бы не сломалась сабля, убил бы его. Эта дуэль была вызвана весьма загадочными обстоятельствами, которые касаются вас и в еще большей степени вашего супруга. Позвольте мне повидать вас хоть на несколько минут, чтобы я смог сообщить вам необходимые сведения". В письме слова

"вашего супруга" подчеркнуты двойной чертой. Это и послужило причиной, вынудившей меня, сударь, дать вам возможность поговорить со мною. Так говорите же: какое отношение имеет ваша дуэль к личным делам господина Леветинцкого? Я готова слушать вас, пока речь пойдет о господине Леветинцком; если вы вздумаете перевести разговор на другое, я тотчас же удалюсь.

Майор поклонился с глубочайшей серьезностью.

- Начну с того, сударыня, что уже несколько недель по городу разгуливает неизвестный человек; он носит мундир морского офицера, что дает ему право бывать повсюду, где собираются офицерские компании. Судя по всему, он весьма общителен и собеседник занятный. Кто он - судить не берусь, не в моих привычках шпионить за людьми. Скажите, сударыня, а вам он не примелькался? Вы не раз могли видеть его в театре. На нем зеленый мундир с красно-золотыми обшлагами.

- Да, видела.

- И не припоминаете, будто встречали его прежде?

- Я не всматривалась в его лицо.

- Да, ведь вы же никогда не смотрите в лицо посторонним мужчинам.

- Наш разговор не обо мне. Продолжайте, сударь!

- Этот человек вот уже которую неделю развлекается в нашей компании. Денег у него, судя по всему, хватает. Причину своего пребывания здесь он объяснил всем и каждому: он дожидается господина Леветинцкого, у него к нему очень важное дело, каковое можно уладить только при личной встрече. Постепенно нам стало это надоедать, а он с таким таинственным видом каждый божий день справлялся о господине Леветинцком, что в конце концов у всех сложилось мнение, что это какой-то авантюрист. Однажды вечером мы решили припереть его к стенке: надо же было узнать, чего ради околачивается здесь этот чужак, втершийся в нашу компанию. Я призвал его к ответу. Он опять вылез со своей обычной отговоркой, что у него дело к господину Леветинцкому. "Отчего бы вам не обратиться к торговому поверенному господина Леветинцкого?" - "Потому что дело это весьма щекотливого свойства и может быть улажено только лично". Услышав этот дерзкий ответ, я решил, что пора перестать с этим субъектом церемониться. "Послушайте, - сказал я ему, - все мы, и я в том числе, по праву сомневаемся, будто бы у господина Леветинцкого могли быть какие-либо общие дела с вами, к тому же личного, да еще и щекотливого свойства. Кто вы такой, нам неизвестно, зато факт, что господин Леветинцкий - человек волевой и честный, в равной степени славящийся своим богатством, хорошей репутацией, умом и положением в обществе. Тому, кто, кроме всего прочего, безупречен в семейной жизни и стоек в своих патриотических чувствах, нет никаких причин вступать в какие-то таинственные отношения с человеком вашего пошиба.

Тимея медленно поднялась с места, подошла к майору и протянула ему руку:

- Благодарю вас.

И Тимар вновь увидел, как на ее белом лице вспыхнул все тот же непривычный румянец и теперь уже не сходил с ее щек. Тимею распалила мысль: вот ведь с какою преданностью мужчина, которому принадлежит ее сердце, защищает другого, который является ее супругом и разлучает их сердца.

Майор продолжил и, дабы не смущать Тимею, искал глазами нейтральный предмет, на котором мог бы остановить свой взгляд; обычно так поступают при напряженном монологе, чтобы не сбиться с мысли. Такой точкой опоры стала для него голова змия на мозаичной картине. А Тимар подглядывал в щелку как раз против змеиного глаза, и теперь ему казалось, будто говорящий каждое свое слово адресует непосредственно ему.

А между тем в тайнике было темно, и его, разумеется, никто не видел.

- И тут человек этот резко вскинулся, словно подобострастный пес, которому вдруг наступили на хвост. "Что-о? - вскричал он громовым голосом. - Это Леветинцкий, по-вашему, богатый да знатный, безгрешный душою и семи пядей во лбу, счастливый отец семейства и верный сын отечества? Ну, так я вам покажу, что он за человек! Дайте только мне с ним встретиться, и на

другой же день он сбежит отсюда без оглядки, бросит и дом свой, и красавицу жену, и любимую родину, и старушку Европу! Сбежит, и больше вы о нем не услышите!".

Рука Тимеи невольно коснулась эфеса сабли.

- Вместо ответа я дал ему пощечину.

Тимар отпрянул от потайной двери, как будто сам получил пощечину.

- Я тотчас же заметил, что человек этот раскаивается в своих словах и хотел бы ретироваться восвояси. Но я преградил ему путь. "Ведь вы офицер, сабля при вас, стало быть, знаете, как положено разрешать подобные споры. На втором этаже ресторации есть просторная танцевальная зала, велите зажечь свечи, выберем себе из присутствующих по паре секундантов, да и дело с концом". Мы не дали ему ни минуты передышки. Началась дуэль. Человек этот дрался, как пират, несколько раз пытался левой рукой схватить мою саблю за клинок; под конец я вышел из себя и обрушил на его голову такой удар, что он свалился, как подкошенный. К счастью сабля во время удара легла плашмя - оттого-то ни и переломилась. На другой день, как я узнал от врача, этот человек покинул город. Рана его, должно быть, не опасна.

Тимея вновь взяла в руки сломанную саблю, внимательно осмотрела клинок. Затем положила ее на стол и молча протянула майору руку.

Майор бережно взял ее обеими ладонями и поднес к губам; он с такой трепетной нежностью коснулся ее губами, что это даже не было похоже на поцелуй. Тимея не отдернула руку.

- Благодарю! - тихо прошептал майор. Тимар в своем тайнике, пожалуй, и не расслышал бы это слово, но подернутые влагой глаза Качуки говорили то же самое: "Благодарю!".

Наступила долгая-долгая пауза, Тимея вернулась на свое место и сидела на софе, склонив на ладони поникшую голову.

Майор нарушил молчание.

- Но я не затем просил вас, сударыня, о встрече, чтобы похвалиться своими подвигами: для вас мой поступок неприятен, а с моей стороны - это лишь выполнение долга дружбы, и отнюдь не корысти ради; вы даровали мне пожатие руки, и для меня это высшая награда. Я искал встречи с вами столь необычным способом: прислать в подарок даме сломанную саблю - ну, не смешно ли? - с единственной целью, чтобы задать вам очень важный вопрос. Сударыня! Допускаете ли вы, что в словах этого человека есть хотя бы доля правды?

Тимея вздрогнула, как от электрического удара. Такой же удар ощутил и Тимар: в нем также каждый нерв напрягся при этом вопросе.

- Что вы имеете в виду? - взволнованно воскликнула Тимея.

- Я выразился достаточно ясно и желаю получить от вас ответ! - сказал майор, поднимаясь с места. - Если этот человек солгал в чем-нибудь одном, значит, все сказанное им - неправда; но если он прав хоть в чем-то, тогда и все его слова могут оказаться правдой. Именно поэтому я и обратился к вам. Прямо, откровенно, без утайки я задаю вам вопрос: не скрыта ли хотя бы капля правды во всем этом потоке клеветы? Ведь я не стал пересказывать вам всю грязь, какою этот человек облил господина Леветинцкого: там что ни слово - то грубое оскорбление для мужского достоинства. Есть ли какие-то основания предполагать, что, к примеру, коренной поворот в жизни Тимара каким-то образом связан со смертью бывшего владельца этого злополучного дома? Если такое предположение допустимо, то никакие соображения не удержат меня, чтобы Христом богом не молить вас, сударыня, бежать отсюда, пока не поздно! Ведь я не могу допустить, чтобы вы погибли под руинами этого дома, не могу хладнокровно смотреть, как кто-то тянет вас за собою в омут!

Эти пылкие слова не оставили Тимею равнодушной. Тимар ревниво ждал, чем завершится ее душевная борьба. Тимея вышла победительницей. Собрав все силы, она с достоинством ответила:

- Не извольте беспокоиться, сударь! Смело могу заверить вас, что этот незнакомец - кто бы он ни был, откуда бы он ни выискался - лжет и в клевете его правды нет ни на грош.

Имущественное положение господина Леветинцкого мне известно досконально, поскольку в его отсутствие все делаю веду я. Будучи полностью осведомленной на этот счет, смею

утверждать, что финансовое положение его прочно. Даже если в результате делового риска или какого-то непредвиденного случая он вдруг лишится всего своего состояния, это никак не отразится на судьбе дома. Со спокойной совестью могу также сказать вам, что среди миллионов господина Леветинцкого не сыскать и филлера, добытого неправым путем. Он не присваивал чужого имущества, и ему нет нужды опасаться каких бы то ни было обвинений или стыдиться перед Богом и людьми за свои доходы. Господин Леветинцкий - богатый человек, но ему нечего краснеть за свое богатство....

Ах, как горело в темноте лицо Тимара!

Майор вздохнул.

- Вы полностью убедили меня, сударыня. Да я и сам так думал. Все, в чем незнакомец обвинял Тимара как негоцианта, конечно же, поклеп. Но этот человек позволил себе намеки, которые бросают тень на вашего мужа и как на безупречного семьянина.

Тимея смотрела на его с невыразимой болью, во взгляде ее заключался и ответ: "Сам видишь и все же спрашиваешь?".

- Вас окружают роскошь, богатство, слава, - дерзко продолжал майор. - Но если то, о чем, клянусь честью, я никого не спрашивал, а, против воли своей услышав, заявил "лжешь!" и вызвал клеветника на дуэль... если правда, что вы страдаете, что вы несчастны, я не был бы мужчиной, когда бы не нашел в себе мужества сказать вам: "Сударыня, есть а свете еще один человек, который так же страдает и так же несчастен, как и вы. Отриньте это злосчастное богатство и положите конец страданиям обоих. Ведь за эти страдания их виновнику не будет прощения, даже когда он предстанет перед лицом Господа. Разводитесь с мужем, сударыня!". Тимея, прижав к груди руки, возвела очи горе, словно страстотерпица, идущая на муки. Вся боль ее исстрадавшегося сердца вновь всколыхнулась в этот миг.

Тимар при виде этого страдальческого лица отвернулся от предательской щели и сердцах стукнул себя кулаком по лбу.

Несколько минут он стоял недвижно, ничего не видя и не слыша.

Когда мучительное любопытство вновь заставило его приникнуть к яркому "глазку" он не увидел великомученицы: лицо Тимеи вновь было спокойно.

- Сударь, - мягким, ласковым тоном обратилась она к майору, - я выслушала вас до конца, и это лучшее доказательство моего уважения к вам. Не лишайте меня этого чувства и больше никогда не задавайте мне подобных вопросов. Призываю в свидетели целый свет: слышал ли кто-нибудь от меня хоть слово жалобы, видел ли хоть одну мою слезу? Да и на кого мне жаловаться - на мужа, добрейшего, благороднейшего человека на земле? Он спас меня от смерти; трижды опускался в подводные глубины, сам был на волосок от гибели, стараясь спасти чужую, незнакомую девочку. Он взял под защиту юную глупышку, над которой издевались все, кому вздумается. Ради меня он изо дня в день навещался в дом своего смертельного врага, опекал и оберегал меня. Когда я осталась без гроша в кармане и без крыши над головой, он не погнушался предложить нищей служанке руку и сердце, сделал меня хозяйкой в доме и владелицей всех своих богатств. И, предлагая руку, он делал это всерьез, а не для того, чтобы позабавиться надо мною.

С этими словами Тимея поспешила к гардеробу и порывисто распахнула дверцу.

- Взгляните сюда, сударь! - обратилась она к майору, развернув шлейф висящего в шкафу вышитого платья. - Узнаете? Да, это свадебное платье, которое я когда-то вышивала. Вы долгие недели смотрели, как я просиживала за работой. Здесь что ни стежок - то погребенная мечта, и весь этот свадебный наряд для меня грустное воспоминание. Ведь меня уверили, будто я готовлю его для себя, а когда работа была закончена, сказали: "Снимай, это платье предназначено другой невесте!" Ах, сударь, тот удар поразил меня в самое сердце! Все эти годы я живу с незаживающей раной. И теперь мне предложено развестись с замечательным, благороднейшим человеком, который не делал попыток обмануть и обольстить меня, но, напротив, когда другой смял, растоптал мою душу, да так и оставил меня поверженной, он помог мне подняться, обладал меня и все эти годы с поистине ангельским терпением старался

излечить мой смертельный недуг и делил со мною мои страдания. Я должна развестись с человеком, которому некого любить, кроме меня? Ведь я у него одна в целом свете, единственное существо, привязывающее его к жизни, единственное родное лицо, при виде которого рассеивается его грусть. Я должна развестись с человеком, которого все любят и уважают? Я должна заявить ему, что ненавижу его, - именно я, обаянная ему всем своим благополучием и принеся ему в приданое лишь разбитое сердце?

Сраженный этой страстной отповедью, майор спрятал лицо в ладонях. А свидетель бурного объяснения, укрывшись за спиной святого Георгия, чувствовал себя ничуть не лучше змия, пронзенного копьем архангела. И дабы усугубить его мучения, копье извлекли из раны.

- Знайте, сударь, - продолжала Тимея с достоинством, полным неотразимого обаяния, - я не оставила бы Тимара даже в том случае, если бы он оказался вовсе не тем человеком, каким знают его люди. Будь он банкротом, будь он нищим, я и подавно не бросила бы его в беде. Коснись позор его имени, я все равно не отреклась от него, буду делить с мужем бесчестье, как делила с ним славу. Если все отвернутся от него с презрением, я и тогда до конца дней своих не перестану его уважать. Если он вынужден будет скитаться, я последую за ним, если заделается разбойником, я вместе с ним поселюсь в лесу. Если решит покончить с собой, я тоже покончу счеты с жизнью....

Что за чудеса? Похоже, змий на мозаичной картине плачет!

А Тимея все говорила.

- И последнее. Даже если бы я узнала, сударь, что моему женскому самолюбию нанесена горчайшая обида, что муж изменил мне, что он полюбил другую, я бы сказала: "Благослови Господь женщину, давшую ему счастье, которого я лишила его!" - и не развелась бы с ним. Я не сделала бы этого, даже если бы он сам пожелал развестись со мной. Я не расстанусь с ним никогда, ибо прекрасно сознаю свой долг перед супружеским обетом перед собственной совестью.

Ее слова исторгли рыдания и у майора.

Тимея помолчала, стараясь совладать с собою, и тихим, кротким голосом продолжила:

- А теперь прошу вас навеки оставить меня в покое. Удар, что вы нанесли мне прежде, искуплен дуэльным сабельным ударом, поэтому я и сохраню на память эту сломанную саблю. Всякий раз, глядя на нее, я буду думать о вас как о человеке благородной души, и эта мысль исцелит меня. Ваши многолетние старания избежать встреч и разговоров со мной и серьезность повода, заставившего вас обратиться ко мне, оправдывают наше сегодняшнее, и последнее, свидание. За мозаичной картиной словно бы послышались удаляющиеся шаги.

Едва Тимар выскочил из тайника на галерею, путь ему преградила какая-то темная фигура.

Тень во мраке, фантом или злой дух?

- Что там произошло? - послышался голос Атали.

Тимар, схватив ее за плечи, прижал к стене и выдохнул ей в лицо:

- Будь ты проклята! Будь проклят этот дом, будь проклят во прахе тот, кто его построил!

И он, как безумный, сбегал вниз по лестнице.

Дверь из покоев Тимеи отворилась, и на фоне освещенного дверного проема возникла фигура уходящего визитера. Тимея позвонила. Послышался визгливый голос госпожи Зофии, не щадящей ругательств в адрес того, кто задул фонарь на лестнице. Затем, принеся свечу, она посветила майору, пока тот спускался вниз. Атали прижалась к стене у дверцы тайника, и, когда все ушли и на галерее вновь воцарилась темнота, она еще долго стояла там, беззвучно произнося какие-то слова. Губы ее молча шевелились, широко раскрытые глаза беспокойно блуждали, стиснутые зубы скрипели, и яростно сжатые кулаки грозили кому-то во мраке. Кто знает, какие слова слетали с ее губ?

Первая неудача.

Бежать, но куда? - в этом весь вопрос.

Городские часы пробили десять, значит, уже опущен шлагбаум перед мостом, ведущим через узкий рукав Дуная на остров, откуда затем можно было бы перебраться по льду через широкий рукав реки. Теперь из города не выйти иначе, как наделав переполоха среди сборщиков подати на мосту и стражников на берегу, которым городской полицией строго-настрого заказано с восьми вечера и до семи утра пропускать на ледовую переправу кого бы то ни было, хотя бы самого папу римского.

Правда, может статься и так: где не помогут буллы церковного владыки, там выручат банкноты из бумажника господина Леветинцкого. Зато на другой день по всему городу разойдется слух, что "золотой человек" на ночь глядя, в одиночестве и с превеликой поспешностью бежал из города, не убоившись рискованной переправы по льду. Найдется ли лучшее подтверждение для небылиц, из-за которых состоялась нашумевшая дуэль? Тогда уж все в один голос скажут: не иначе как Тимар сбежал в Америку! И до Тимеи дойдут эти слухи.

Тимея! Как трудно убежать от этого имени! Оно повсюду преследует его.

Не оставалось ничего другого, кроме как вернуться в дом на улице Рац и там дожидаться рассвета.

Тимару предстояла томительная ночь.

Потихоньку, как вор, открывал он двери на пути к своей собственной комнате. Прочие обитатели дома в эту пору спят.

Проникнув в комнату, Тимар не стал зажигать свечу. Он лег на диван, и в темноте его вновь обступили кошмарные видения.

Как вспыхнуло румянцем алебастровое лицо! Выходит, подо льдом все же теплится жизнь, недоставало лишь солнца, чтобы ее пробудить. Брак для Тимеи - извечная полярная зима. И не выбраться из этого злосчастного ледового плена. Жена неколебимо верна ему.

Да и соперник оказался верным другом, способным сломать саблю о голову наглеца, посмевшегося оклеветать супруга обожаемой женщины. Нельзя не преклоняться перед подобной верностью долгу. Вот ведь как низко пал Тимар: даже этот человек, которого он ненавидел как счастливого соперника и презирал как жалкого неудачника, вынужденного подбирать крохи со стола интендантских афер, даже он превзошел Тимара благородством характера. Он возвысился, оставаясь самим собой, - лишь Тимар падал все ниже и ниже.

А Тимея любит этого человека, и оба они несчастны.

Несчастны по той причине, что Тимар - "золотой человек". Из него сотворили кумир те, кто не любит его. Никому не приходит в голову обмануть, обокрасть, унижить его, отбить хоть осколок от алмаза его честности, напротив: ее оберегают как реликвию.

И попробуй тут кто сказать им: все это неправда!

С каким жаром супруга превозносила его до небес!

"Из служанки он сделал меня госпожою".

Неправда! Ты и была госпожою, а слугою был он. В господа он выбился благодаря твоему состоянию и лишь вернул тебе то, что и так принадлежало тебе по праву.

"У него никого нет, кроме меня! Я для него единственное родное существо, при виде которого рассеивается его грусть".

И это неправда! Есть у него и любовь, и счастье, лелеемые в заповедном уголке земли, где он в нарушение супружеского обета изменяет тебе, глумясь над твоей верностью.

"Я должна презирать человека, окруженного всеобщим уважением?"

Но отчего его все уважают? Да оттого, что не знают его.

Знай Тимея, какое чудовище таится в нем, разве сказала бы она: "Я буду делить с ним бесчестье, как делила славу"?

Сказала бы. Тимея никогда не расстанется с ним.

Она рассудила бы так: "Если уж ты сделал меня несчастной, так будь и сам несчастен вместе со мной" Ангелам свойственна такая жестокость.

А если кто-нибудь откроет ей тайну ничейного острова и расскажет о Ноэми? У нее и на это есть готовый ответ: "Благослови Господь женщину, давшую ему счастье, которого я лишила его!".

Такова Тимея.

Ну а Ноэми? Каково ей сейчас на пустынном острове, откуда ей нет дороги в широкий мир из-за высокой добродетели Тимеи? В глухой бесприютности, зимой, одна с малым ребенком на руках, о чем она думает сейчас? Некому сказать ей даже слово утешения. Как, должно быть, страшно ей, одинокой, незащищенной против злых людей, хищного зверя и природных стихий! Как, должно быть, тоскует ее сердечко при мысли о далеком возлюбленном: где он, что с ним? О. Если бы она знала!

О, если бы знали обе женщины, как глубоко погряз в грехах человек, причиняющий такие страдания им обеим!

Если бы нашелся охотник открыть им глаза....

Постойте! Да ведь нашелся человек, который сказал нечто похожее на правду о Тимаре и получил за то пощечину и сабельный удар. Какой-то неизвестный морской офицер. Кто же он таков, этот явный недоброжелатель Тимара? Теперь уже не дознаться: раненный на дуэли незнакомец исчез из города.

Инстинкт подсказывает Тимару, что от этого человека надо бежать.

Бежать! Теперь это постоянное побуждение Тимара. Нет для него более мучительного состояния, чем вынужденное сидение на месте. Стоит ему покинуть ничейный остров, и он нигде не находит себе покоя. Остановится во время пути на отдых и, не в силах дожидаться в харчевне, пока зададут корма лошадям, пешком уходит вперед по дороге. словно бы что-то гонит его.

В утешение себе Тимар решил помечтать: как он заберет Ноэми Доди с острова, как они поднимутся на океанский корабль и вместе объедут весь мир, побывают в самых отдаленных краях земли.

Да, но Тимея!

Это имя для него - крушение всех надежд.

В океане теплые течения идут от экватора к полюсам, а от полюсов к экватору плывут айсберги; Тимару пришла мысль: каким же безумием было с его стороны пытаться вместить в своем сердце океан.

Сна ни в одном глазу. Карманные часы пробили двенадцать. До утра еще долгие семь часов и думы, думы без конца!

Тимар решил все же зажечь свечу. Он знает средство против сердечных волнение, снадобье куда более действенное, чем опиум или настой дигиталиса: прозаическое занятие. Человеку, поглощенному работой, недосуг прислушиваться к сердечной боли.

Среди негоциантов редки самоубийства из-за несчастной любви. Деловые заботы оказывают благотворное воздействие на человеческий организм, оттягивая кровь от головы и сердца к ногам.

Тимар взялся за письма, накопившиеся под пресс-папье в виде бронзового дракона. Управляющий обычно складывал здесь такие бумаги, которые требовали личного ознакомления или вмешательства Тимара. Некоторые письма в поисках адресата пропутешествовали через Байю, Леветинц, Вену, Триест и возвратились в комаромскую резиденцию, яснее ясного доказывая, что Тимар за минувшие полгода не появлялся ни в одном из этих мест.

Если бы не честные люди вокруг, его ничего не стоило бы обокрасть и обмануть по всем статьям. На некоторых письмах стояли пометки рукою Тимеи о том, что ею отданы распоряжения по этому делу.

Вновь Тимея!

Михай вскрывал деловые письма одно за другим. Все они содержали добрые вести. Ему вспомнился Поликрат, которому настолько везет, что под конец он страшится собственной удачи.

Богатство Тимара неуклонно растет. Накопившийся капитал лежит мертвым грузом. Различные благотворительные деяния не исчерпывают прибыли, обильной сверх всяких ожиданий.

За что бы он ни взялся, все завершается удачей. Любое предприятие, которому он дает свое имя, приносит золото. Чистый бумажный листок становится ценной бумагой, если на нем оттиснут знак фирмы Леветинцского.

Каков же фундамент этого о неслыханного успеха? Тайна, которой никто, кроме него, не знает. Кто не видел, как из кожаного мешочка сыплется на корабельную койку сокровища Али Чорбаджи? Он один - и красный полумесяц, а это надежный сообщник, ему и не такое доводилось видеть.

Стало быть, таков краеугольный камень мирового порядка: покуда содеянное преступление не выплывет на свет божий, оно лишь приумножает славу и добродетели преступника.

Но ведь такого не бывает!

Человек, тонкий по натуре и склонный к рефлексии, Михай предвидел, что этому чрезмерному везенью, построенному на гнилой основе, должен прийти конец, ибо таков порядок вещей! И он с радостью расплатился бы половиной, да что там - всем своим состоянием, лишь бы знать, что на этом его счета с судьбой покончены. Но он чувствовал, что ниспосланная ему кара именно в том и заключается, что все его богатство, власть, видимость семейного счастья - не более чем ирония судьбы. Он надежно погребен под этими благами, ему уже не восстать, не воспрянуть к единственно счастливой жизни - с Нозми и маленьким Доди. Лишь после смерти первого малыша он понял, как много значил для него ребенок. С появлением на свет второго мальчика это чувство лишь укрепилось в нем. И он лишен права обладания этими главными сокровищами своей жизни. Да, он погребен под грудой золота и бессилён высвободиться. В здравом уме и трезвой памяти он видит ту же картину, какая рисовалась ему в тифозном бреду: погребенный заживо, он лежит в могиле, доверху засыпанной золотом; в головах на могиле установлена мраморная скрижаль, прославляющая его деяния, а на мраморной плите - алебастровая статуя, которую не сдвинешь с места: Тимея. Нищенка с малым ребенком робко подходит к могиле нарвать цветов тимьяна: это Нозми. Погребенный заживо силится воскликнуть: "Дай руку, Нозми, вытащи меня из этой золотой могилы!" - но голоса не хватает. Тимар вернулся к чтению корреспонденции. Среди прочих попалось письмо от бразильского агента. Любимое детище Тимара - торговля венгерской мукой - ширилось и укреплялось, также заложив камень в фундамент его славы и богатства.

Лишь сейчас Тимар вспомнил о конверте с заокеанским штемпелем, который по пути вручил ему письмоносец. Поглощенный другими заботами, он сунул его в карман нераспечатанным. Тимар вытащил письмо; отправитель - все тот же бразильский агент, который в предыдущем послании сообщал благоприятные вести, на этот раз писал следующее:

"Сударь!

После того как я отправил вам последнее письмо, нашу фирму постиг тяжелый удар. Ваш протеже Тодор Кристьян подло обманул нас и нанес финансовый ущерб. Нам трудно винить себя: этот человек все годы выказывал такую преданность делу, усердие и ум, что мы привыкли относиться к нему с полнейшим доверием. Он получал солидное жалование и немалый процент с прибыли, этого хватило бы не только на безбедное существование, но и на то, чтобы отложить впрок и помещать капитал в наше дело под проценты. Однако этот человек - самый гнусный мошенник и опасный авантюрист, какие когда-либо существовали на свете. Мелкие капиталы - якобы из сэкономленных средств - он действительно вкладывал в наше дело, а сам тем временем нещадно обкрадывал фирму, присваивал денежные отправления, подсовывал фальшивые чеки, будучи уполномочен вами заправлять всеми делами фирмы, подделал

крупные векселя. По предварительным подсчетам, нанесенный ущерб составляет десять миллионов рейсов".

Тимар выронил письмо. Десять миллионов рейсов - это же сто тысяч форинтов! Вот оно, кольцо, брошенное Поликратом в море.

Подняв листок, он продолжил чтение:

"Однако для фирмы гораздо ощутимее потеря престижа. Оказалось, что этот мошенник, дабы увеличить оборот, последние годы подменял присылаемую вами муку более легкой луизианской мукой и этим грязным трюком настолько подорвал доверие к венгерскому товару, что не знаю, удастся ли нам когда-либо восстановить его".

Вот он, первый удар, подумал Тимар. И наиболее чувствительный для дельца крупного размаха. Удару подверглось дело, которым он более всего гордился, которое было ему по душе, которое принесло ему ранг королевского советника.

Рухнуло славное строение, возведенное Тимеей.

Вновь Тимея!

Тимар поспешил узнать, что было дальше.

"На преступный путь молодого человека толкнуло знакомство с легкомысленными женщинами - наиболее опасная для чужестранцев здешняя болезнь. Кристьян тотчас же был взят под арест, однако из похищенных денег при нем ничего не оказалось. Часть он проиграл в картежных притонах, часть растратил на прекрасных креолок. Вероятно, немалую сумму злоумышленник припрятал в надежде воспользоваться ею после выхода на свободу. Впрочем, свободы ему долго не увидеть: здешний суд приговорил его к пятнадцати годам каторги на галерах".

Не в силах читать дальше, Тимар бросил письмо на стол, встал и принялся беспокойно расхаживать взад-вперед по комнате.

"К пятнадцати годам каторги на галерах!" Пятнадцать лет быть прикованным к скамье и ничего не видеть, кроме неба и моря! Безнадежно, безутешно сносить палящее солнце и бурное море, слать проклятия немилосердно жестокому человеческому обществу! Ведь Кристьян состарится к тому времени, как отбудет свой срок. Чего же ради он должен страдать? Ради спокойствия господина Михая Тимара Леветинцкого, возжелавшего без помех предаваться на ничейном острове запретным утехам. Ради того, чтобы ни дна душа не могла рассказать Тимее о Ноэми, а Ноэми о Тимее.

Посылая Тодора в Бразилию, разве ты не думал, что такое может произойти? Конечно же, думал! Более того: ты рассчитывал, что представившийся случай неизбежно приведет его к злодеянию.

Отчего ты тогда, сразу же не застрелил его на месте, как и положено мужчине, вступающему в поединок с соперником в любви? Но нет, ты разыграл перед ним отеческую заботливость и заслал его на другой конец света, а теперь все пятнадцать лет будешь смотреть, как он умирает у тебя на глазах.

Ведь тебе не избавиться от этого зрелища, в каких морях и под какими широтами ни пребывал бы Тодор.

Комната не была протоплена на ночь, внутри царил холод и окна были разрисованы морозным инеем, и все же Тимар, меряя шагами тесное пространство, непрерывно вытирал со лба пот.

Выходит. Несчастливым становится каждый, кому он протягивает руку.

Его рука проклята!

Когда-то он, поддавшись самообольщению, тешил себя мыслью, что каждого, кого ни коснись, он делает счастливым; даже грешники и те встают на праведный путь. И вот оно, страшное прозрение: проклятие и муки дает его рука!

Обожаемая женщина по его вине несчастна, и ее страдания разделяем друг, у которого он, Тимар, коварно увел ее из-под носа. На страдания и нужду обречена другая женщина, любовь которой он похитил, а достойного места в мире ей подыскать не может.

А теперь еще этот человек, который по его милости вынужден пятнадцать лет слушать звон своих цепей!

Боже, какая кошмарная ночь! Неужели рассвет так никогда и не наступит?

В своей комнате он чувствовал себя, как в тюрьме, как в склепе.

А ведь к этому огорчительному письму еще сделана и приписка.

Тимар решил дочитать письмо и вернулся к столу.

Приписка, датированная двумя днями позже, гласила:

"Мною только что получено письмо из Пот-о-Пренса, где извещают, что с галеры, где находился и наш каторжанин, прошлой ночью на лодке бежали три невольника. Власти организовали преследование. Опасаюсь, что среди бежавших был и Кристьян".

Прочтя эти строки, Тимар вдруг почувствовал какой-то безотчетный страх. Из жара его бросило в холод.

Тимар испуганно огляделся по сторонам. Чего же он боялся?

В комнате он находился один и все же дожал от страха, как ребенок, наслушавшийся историй про разбойников.

У него не было сил дальше оставаться в этих четырех стенах.

Вытащив пистолеты из карманов бекеши, он проверил. Заряжены ли они, и испробовал стилет: легко ли выскакивает клинок?

Прочь отсюда, скорее!

На дворе ночь, ночной сторож только что выкликнул час пополуночи. Разве дождешься тут утра?

Можно ведь перебраться на тот берег и не пользуясь мостом: выше острова лед на Дунае стал прочно. Для дерзкого предприятия нужно лишь не так бояться ночной темноты и опасной переправы по льду, как горящей свечи и этого ужасного письма на столе.

Поднеся письмо к свече, Тимар сжигает его; затем задувает свечу. Теперь они не страшны более - ни свеча, ни письмо.

Спотыкаясь впотьмах, он выходит из комнаты.

Уже захлопнув дверь, он спохватывается, вдруг письмо не все сгорело, и возвращается. В глухой темноте огненные искорки мечутся по испепеленному листку подобно взбудораженным мыслям. Тимар выжидает, пока гаснет последняя искра и комната погружается в непроглядный мрак. Теперь можно и уходить. Пока он идет к выходу, все тот же страх, которому нет названия, движется вместе с ним вперед, окружает его со всех сторон. Заслонив левой рукою голову, в правой он держит наготове кинжал. А ведь никто не подкарауливает его в засаде, никто не крадется за ним вослед.

Лишь очутясь на улице, он облегченно вздыхает.

К нему вернулась мужская храбрость.

За эти часы успел выпасть свежий снег. Он хрустит под ногами, когда Тимар торопливо идет вдоль по улице Рац, к мельничному причалу на берегу Дуная.

Лед.

Дунай вплоть до самой Братиславы надежно сковало льдом, так что в любом месте можно было безбоязненно переправиться с берега на берег. Однако, чтобы попасть из Комарома в Уй-Сёнь на противоположном берегу, следовало проделать немалый обход вокруг мыса острова: там

множество отмелей, где летом моют золото, и лед в этих местах, как правило, ломкий и сквозь ледяные завалы нелегко пробраться.

Тимар заранее прикинул путь: как только он увидит моношторский холм, на вершине которого стоит его летний дом, - пойдет прямо в том направлении.

Однако непредвиденное обстоятельство смешало его планы: выпал туман. Тимар рассчитывал на звездную ночь, а Дунай встретил его легкой дымкой, которая - стоило ему спуститься на лед - сгустилась в непроглядную мглу.

Прислушайся Тимар к голосу рассудка, он должен был бы сразу же повернуть обратно и попытаться выйти на берег, но он отринул доводы рассудка, решив перейти Дунай во что бы то ни стало.

Ночь выдалась темная, а Дунай выше острова достигает наибольшей своей ширины, и ледовое поле там трудно проходимое. Взгромоздившиеся одна на другую льдины длинными валами пересекают реку поперек и наискось; кое-где мощные ледяные глыбы, вздымаясь над неровной ледяной поверхностью, образуют причудливые горные хребты.

Обходя эти заторы, Тимар обнаружил, что заблудился в тумане. На его карманных часах пробило три четверти третьего, он шел уже больше часа и давно должен был очутиться на другом берегу; значит, он сбился пути.

Тимар прислушался: в ночи царила глухая тишина. Не приходилось сомневаться, что он не только не приблизился к деревушке на противоположном берегу, но еще больше отдалился от нее.

Даже собачьего лая и то не было слышно.

Тимар подумал, что, должно быть, идет вдоль Дуная вместо того, чтобы пересечь его, и решил изменить направление. Дунай даже в самом широком месте не более двух тысяч шагов шириною, и если все время идти в одном направлении, рано или поздно уткнешься в берег. Только ведь ночью, да еще в непроглядном тумане, трудно выдержать направление. Начнешь обходить ледяной затор и волей-неволей собьешься с прямой, метнешься вправо, кинешься влево - и очутишься на том самом месте, где уже побывал; вот вроде бы идешь в нужную сторону - еще несколько сот шагов, и ты на берегу, как вдруг передумаешь, свернешь наискосок, и снова блуждаешь в ледовом лабиринте.

Вот уже пятый час Тимар без устали кружит по Дунаю. Усталость дает себя знать: он не спал ночь, весь день ничего не ел и извелся от тяжких дум.

Он остановился и вслушался во тьму. Об эту пору обычно звонят к ранней службе, либо из города, либо из прибрежного села благовест будет слышен.

Разве не ирония судьбы: глас божий, колоколом взывающий к правоверным, столь же сладостно звучит и для еретиков и неверующих. С какой жадностью внимает ему беглец и вероотступник!

Наконец Тимар услышал долгожданный звук: перезвон комаромских колоколов.

Колокольный звон раздавался вроде бы точно позади. Значит, если сделать пол-оборота вправо, а затем идти все вперед, то упрешься в Уй-Сёнь.

Но колокола сыграли над Тимаром злую шутку, заставив его идти вдоль Дуная. Он забрел в такие места, где и шагу по ровному льду не ступить: льдины громоздились друг на друга вкривь и вкось, вздымались отвесной стеною; где перелезая поверху, где проползая на четвереньках, спотыкаясь и падая, Тимар пробивался вперед, однако берега все нет как нет.

Кричать он не осмеливался.

Да и голосов вокруг не было слышно, только кричали над головой невидимые в тумане вороны. Оставалась последняя надежда: когда рассветет, определить по солнцу, в какой стороне восток, а там для бывалого матроса нетрудно будет установить, куда течет Дунай.

Если бы где-нибудь попалась прорубь, то по течению воды можно было бы сообразить, в какую сторону забирать; но лед лежал плотной коркой, ее без топора не пробьешь.

Развиднелось; но солнца в густом тумане было не видать.

И все время приходилось идти: останавливаться на льду - опасное дело.

Пошел десятый час утра, а Тимару все не удавалось выбраться на берег.

Тут вдруг туман на миг поредел, и обозначился солнечный диск, похожий на тусклый, белый лик или на собственную бледную тень. Весь воздух наполнился мириадами сверкающих ледяных игл; искрясь и вздымаясь клубами, они сливаются в ослепительную дымку.

Теперь можно было и сориентироваться, да вот беда: солнце стояло так высоко, что в какой стороне восток - не угадаешь.

Однако солнце помогает увидеть нечто другое.

Оглядевшись по сторонам, Тимар сквозь сверкающую дымку тумана увидел справа вдали словно бы контуры крыши.

Где дом, там и земля. Тимар направился в ту сторону.

Солнце как проглянуло на миг, так же мгновенно и скрылось. Клубы тумана вновь сгустились над рекою, и Тимару снова пришлось пробираться вслепую.

Теперь он изо всех сил старался не сбиться с намеченного направления. Он шел ровным, размеренным шагом. На этот раз его расчет оказался верным; вскоре сквозь густую завесу тумана проступили очертания крыши. Наконец-то он наткнулся на человеческое жилье. Еще шагов тридцать, и он спасен.

Его отделяло от дома шагов десять, когда он увидел, что это мельница.

Должно быть, ледоходу удалось подобраться к ее зимнему пристанищу и утащить мельницу с собою или же нерадивый хозяин припозднился вытащить ее на берег. Острыми краями льдин борт мельницы был срезан так ровно, словно тут на славу потрудился умелый плотник, колоса разбиты в щепки, а самый сруб вмерз в ледяную толщу и был окружен льдинами, точно бруствером.

Тимар испуганно остановился перед мельницей. Мозг его был одурманен, как у человека, которому мерещатся призраки.

Ему вдруг вспомнилась мельница, затонувшая у периградского омута.

Не призрак ли той мельницы возник перед ним в конце пути, чтобы напугать его... или дать ему приют?

Но какой приют может дать дом, обреченный на гибель, изуродованная мельница, вмерзшая в лед?

Тимар испытывал мучительное желание проникнуть внутрь. Замок на двери был сорван, вероятно, когда мельницу трепало ледоходом, дверь была распахнута настежь. Тимар вошел. Механизмы были в целости, и Тимар не удивился бы, появившись сейчас белым призраком мельник, чтобы засыпать в воронку зерна.

Крышу, балки, каждый выступ мельницы сплошь обсело воронье; при появлении Тимара одна-две птицы сочли за благо отлететь подальше, на их место тотчас же уселись другие. Остальные вороны не обратили на человека ни малейшего внимания.

Тимар чувствовал себя смертельно усталым. Восемь часов без передышки блуждал он по замерзшей реке, а обход ледовых барьеров лишь усугубил усталость; в желудке пусто, нервы взбудоражены, лютый холод сковывает все тело.

Устало опускается он на балку и едва успевает сесть, как глаза смежает сон.

Тимар с багром в руках стоит на носу "Святой Варвары", рядом с ним белолицая девочка.

"Прочь отсюда!" - кричит он ей; корабль несет к водопаду, стремительно приближаются пенистые буруны над каменистым порогом. "Скорее в каюту!" Но девочка не двигается с места. Корабль вместе со всеми людьми летит вниз.

Тимар упал на пол и проснулся.

Лишь сейчас он осознал грозящую ему опасность: стоит ему уснуть, и он замерзнет.

Из всех способов самоубийства этот, несомненно, наиболее приятный. Но его чес еще не пробил, у него есть еще дела на этом свете.

Что скажут люди, обнаружив назавтра Михая Тимара Леветинцкого замерзшим на этой затертой льдами мельнице? Как он здесь очутился? Думай, что хочешь!

Нет, Тимар не собирался умирать такой нелепой смертью.

Он вышел наружу.

Туман стоял густой, непроглядной мглой, словно бы сейчас была ночь, а не белый день. Вдох, обращенный к небесам, поглощает тяжелая, вязкая масса и не выпускает из плена.

Человек отрезан от всех живых существ, заживо погребен в этой непроницаемой толще тумана.

Неужели не найдется никого поблизости, кто бы вызволил его?

Как не найтись - найдется! Льды унесли мельницу вместе с мышами; мыши дождались, пока лед стал, и перебрались на берег. Мелкая цепочка их следов виднелась на слабо припорошенном льду.

Тимар вовремя заметил эти следы. Самые крошечные из млекопитающих вывели мудрого и могущественного человека на берег.

Через полчаса он очутился на твердой земле - чуть выше Уй-Сёня.

Теперь проще простого было отыскать дорогу, а затем и постоянный двор, где он оставил свою повозку. Следы его надежно затерялись в тумане: никто не видал, откуда он пришел.

В харчевне Тимар мигом управился с миской студня из говяжьих ножек - едой для кучеров, запил стаканом вина и велел запрягать. Он лег на дно повозки и проспал до самого вечера; сны его тоже были только о том, как он блуждал во льдах, и когда повозка подпрыгивала на ухабах, он просыпался с мыслью, что проваливается под лед.

Из Уй-Сёня он выехал поздно, поэтому добрался до своей усадьбы в Фюреде лишь на другой день к вечеру.

Туман сопровождал его всю дорогу, так что даже Балатон было не разглядеть.

Той же ночью Тимар призвал к себе рыбаков и узнал от них, что как раз на утро назначен первый подледный лов в этом году. Он велел своему виноградарю выставить вина и виноградной палинки, сколько потребуется.

Старый Галамбош, староста рыбаков, сулил очень удачный лов. Тимар поинтересовался, по каким признакам он это определяет.

Первая хорошая примета состояла в том, что Балатон рано схватило льдом; в такую пору, перед нерестом, рыба косяками заходит в залив. А вторая примета так и еще того лучше: к началу лова сам господин Леветинцкий подоспел. Ведь ему всегда сопутствует удача.

"Сопутствует удача!.." - с тяжелым вздохом повторил про себя Тимар.

- Готов побиться об заклад, - сказал Галамбош, - что завтра и царь-рыбу выловим.

- Это что еще за чуда?

- Мощная, старая рыба, его еще суда-король называют. Каждый балатонский рыбак с ним, можно сказать, знаком: кому он только ни попадался в сети, а вытянуть его так никто и не сумел. Только заметит, что в сети попал, и давай в песчаном дне хвостом яму копать; сделает под сетью подкоп, да и был таков. Страсть какой хитрый, стервец. За его голову награда объявлена, потому как он один рыбею молоди больше губит, чем трое рыбаков вместе взятых. А уж до чего огромная рыба! Когда близко к поверхности держится, можно подумать, будто белуга. Завтра мы его как пить дать выловим!

Тимар не стал с ним спорить. Распустил весь народ по домам и лег.

Лишь сейчас он почувствовал, до какой степени устал.

Он уснул и спал долго, здоровым, крепким сном без сновидений. Пробудившись, почувствовал себя бодрым и окрепшим. Даже душевные заботы отодвинулись куда-то далеко-далеко.

Отсрочка со вчерашнего дня на сегодняшний казалась таки долгим временем!

Рассвет еще не наступил, но он с удивлением увидел, что в разрисованные инеем окна падает свет: то была луна. Значит, погода разгулялась.

Тимар быстро поднялся, по обыкновению окатил себя ледяной водой, а затем оделся и поспешил на озеро.

Зимний Балатон, особенно в первые дни после ледостава, - незабываемое зрелище.

Огромное озеро замерзает совсем не так, как реки, на поверхности которых громоздятся обломки льдин. В момент затишья поверхность озера замирает враз, и наутро водяное зеркало превращается именно в зеркало - гладкое, хрустально-сверкающее.

Под светом луны оно сверкает серебром. Нет на нем ни трещины, ни щербинки, оно отлито из цельного куска.

Ледяное зеркало пересечено лишь следами повозок, снующих меж селами, густо облепившими побережье; ровные полосы следов переплетаются, перекрещиваются друг с другом - как будто огромная стеклянная доска исчерчена геометрическими линиями.

Мыс тиханьского полуострова с двубашенной церковью столь четко отражается в зеркале, что, если бы не стоял он там с перевернутыми вниз башнями, трудно было бы определить, где реальность, а где - ее отражение.

Тимар не мог налюбоваться этим дивным зрелищем.

Из мечтательного созерцания его вывела ватага рыбаков; рыбаки принесли с собою сети, шесты, пешни, чтобы прорубать лед. Как только солнце взойдет, надо будет начинать лов, сказали они.

Когда все были в сборе, они выстроились в кружок, и ватажный - староста рыбаков, начал молитву: "Благослови, Господь, рабов твоих смиренный труд!" Остальные подхватили. Тимар отошел подальше - ведь он не умел молиться Богу. Обращаться к всеведущему? Нет молитвами его не обманешь.

Пение разносится далеко окрест, мили на две, и замирает среди гладких ледяных просторов; береговое эхо повторяет величественные звуки.

Тимар далеко ушагал по ледяному зеркалу.

Забрезжил рассвет; луна померкла, и небо на всем своем протяжении постепенно розовеет; гигантское ледяное зеркало отзывается на это столь же чудесной метаморфозой: сейчас оно словно резко поделено надвое, одна его часть приобретает фиолетовый с переходом в медно-красный оттенок, а та часть, что обращена к восходу и, стало быть, соприкасается с розовеющим небом, остается лазурно-синей.

По мере того как небо светлеет, великолепие этих радужных переливов все возрастает. Золото и багрец небес удваиваются, отраженные в незамутненном зеркале озера, а когда тусклый, раскаленный солнечный диск появляется из-за лилово-бурой дымки горизонта и, осиянный огненными всполохами, восходит над сверкающей ледяной гладью, такого волшебного зрелища не способно явить ни одно море, ни одна волнующаяся водная поверхность: создавалась иллюзия, будто одновременно всходили два настоящих солнца - низко над горизонтом и в зеркале озера.

И наконец, пробившись сквозь коричневатую дымку тумана, солнце во всем своем лучезарном величии засияло на небе.

Старый Галамбош издали крикнул Тимару:

- Сейчас таких страстей наслушаемся, сударь! Вы только не пугайтесь!

"Не пугайтесь!" - пожимает плечами Тимар. Да разве способно его напугать еще хоть что-нибудь на свете?

Вскоре стало ясно, что имел в виду старый рыбак.

Когда первые лучи солнца ложатся на молодой ледок, над озером прокатывается удивительный, мощный гул, словно в подводных глубинах лопнули тысячи струн волшебной арфы. Можно бы сравнить его со звучащим феноменом статуи Мемнонского колосса, но подледный гул не смолкает после первого аккорда. Таинственное звучание набирает силу, феи-арфистки в озерных глубинах не щадят струн, а те лопаются так резко и громко, что это напоминает пушечные выстрелы. И каждый такой разрыв сопровождается сверкающей трещиной на поверхности льда, доселе напоминавшего ровное, прозрачное стекло. Гигантский лист стекла весь испещрен причудливой сеткой и теперь похож на мозаику из мириад мелких квадратиков, пятигранников и всевозможных призм, покрытую зеркальным слоем.

Разбегаясь трещинами, лед звенит, как лопнувшая струна.

Новичок, которому такая музыка в диковинку, слушает ее с замиранием сердца. Мощная толща льда рокошет, гудит, звенит под ногами. Раскаты грома перебивают божественное пение цитр, и обрыв каждой струны пушечным эхом разносится на мили окрест. А рыбаки на оглушительно грохочущем льду невозмутимо разматывают сети; вдали виднеются возы сна, неспешно влекомые четверкой волов. Постоянные обитатели здешних краев свыклись с гневным рокотом, который утихает лишь с заходом солнца.

Это доселе незнакомое ему явление глубоко запало в душу Михая, которого всегда поражала великая, обособленная жизнь природы. Его чувствительной натуре не чужда была мысль о том, что все сущее должно обладать сознанием: ветер, буря, молния, сама земля, луна, звезды.

Научиться бы понимать их речь, знать бы, к примеру, что говорит сейчас лед под ногами!

И вдруг раздается оглушительный грохот, словно разом выстрелили из сотни пушек или из недр земли изверглись вулканы. Толща льда дрогнула и сотряслась, как от взрыва, расколота трещиной не менее сажени в ширину; черная полоса протянулась на три тысячи шагов от фюредского побережья наискосок к самому Тиханьскому полуострову.

"Полынья, полынья!" - закричали рыбаки и, побросав сети, побежали к трещине.

Полынья прошла всего сажень в двух от Тимара; лед раскололся у него на глазах. Он ощутил мощный толчок, когда исполинская сила рассекла ледяную толщу надвое. Недвижно стоял он, замороженный этим удивительным чудом природы.

Подроспевшие рыбаки вывели его из оцепенения.

Рыбаки сказали ему, что в народе такие трещины называют полыньей; эти полые места грозят путникам смертельной опасностью, так как издали они не заметны и никогда не замерзают из-за волны. Поэтому рыбаки первым делом позаботились поставить отметины в тех местах, где полынья пересекала наезженную дорогу: по обе стороны трещины воткнули жерди с пучкам соломы наверху, чтобы издали было видно.

- Бывает и пострашнее, - растолковывал старый рыбак Тимару, - ежели, к примеру, набегит сильный ветер и начнет гнать льдины обратно на полынья. Треск и грохот стоит в точности такой, как вы, сударь, сейчас слышали. Но зачастую ветер бушует с такою силой, что края полыньи, вместо того чтобы вплотную сомкнуться, налегают друг на друга и становятся горбом; тогда под этим встопорщенным льдом образуется пустота. Тут только гляди в оба: зазеваешься и ухнешь вместе с возом; где лед не касается поверхности воды, там он враз проломится и сам Господь бог не спасет.

Время близилось к полудню, когда рыбаки начали лов.

Подледный лов на Балатоне - основанная на опыте и точно выверенная работа.

Первым делом в заливе, где об эту пору обычно сбиваются косяки, вырубают на расстоянии пятидесяти сажень друг от друга две проруби длиною в сажень, а затем между ними долбят проруби поменьше, размером в два фута, так, чтобы две большие проруби располагались как бы на противоположных сторонах четырехугольника.

Вырубленные куски льда ставят у прорубей на ребро, чтобы идущий по льду человек вовремя заметил опасность.

Под лучами солнца эти расставленные на ледяном поле квадраты кажутся издали гигантскими сверкающими алмазами.

Рыбаки подтаскивают длинную, прочную сеть к большой проруби - той, что дальше от берега, и, размотав оба ее конца, привязывают их к двум длинными, чуть ли не трехсаженным жердям. Один из рыбаков проталкивает жердь подо льдом вместе с привязанной к ней сетью, а другой уже поджидает наготове у малой проруби и, как только показывается конец жерди, проталкивает ее к третьей проруби, где изготовился третий парень. То же самое проделывают и с другим концом сети, по другую сторону четырехугольника, покуда обе жердины с обоими концами сети не сойдутся у другой большой проруби - той, что ближе к берегу.

Сеть, низ которой грузилами оттянут ко дну, а верхний край идет под самой поверхностью льда, образует идеальную ловушку для пленников, заключенных внутри этого четырехугольника.

А пленников должно собратся немало. Сомы и судаки поднимаются с илистого дна и подплывают к прируби глотнуть кислорода. Рыбье племя в это время года празднует свадьбы; для холоднокровных наступает жаркая пора любви; ведь прочный ледяной свод надежно защищает их от враждебных стихий... однако не спасает от человека.

Сейчас лед оборачивается для них гибелью.

Когда рыба заметит опасность, бежать уже некуда: сеть все плотнее охватывает ее кольцом. Выскочить поверх сети тоже не выскочишь - лед не пускает. И осетры не могут спастись даже своим испытанным приемом: мощным хвостом выбить в иле канавку и уйти под сетью - поскольку беспокойно мечущаяся рыба мелочь увлекает их за собой.

А рыбаки - человек двадцать, - ухватившись за веревки, привязанные к концам сети, начинают постепенно вытягивать из-под льда и самую сеть.

Напряженные усилия двух десятков людей яснее ясного говорят о том, какой груз приходится им тащить - по весу, должно быть, несколько центнеров.

Большая прорубь оживает. Теснимая со всех сторон масса рыбы беспокойно устремляется к единственно свободному отверстию - навстречу собственной гибели.

Какие только головы и пасти не высовываются из воды наружу; прозрачные плавники, рыбы хвосты, чешуйчатые и гладкие, голубые, зеленые, серебристые хребты - все теснится и ищет выхода. А время от времени среди них мелькнет "акула Балатона" - сом в несколько пудов весом; разверстая пасть с усами наподобие крысиных хвостов глотнет воздуха и опять скрывается под водой. Мощная рыбина отвесно уходит вниз, все еще надеясь на спасение.

Трое парней под командой ватажного, вооружившись большими саками, вычерпывают кишашую у края проруби живую массу прямо на лед, где, сваленная в кучу, прыгает, ползет, топорщит жабры рыба. Со льда, сколько ни прыгай, податься некуда: все малые проруби надежно закрыты уложенными на место ледяными плитами.

И начинаются пляски ведьм! Карпы, широко разинув рты, лихими прыжками мечутся в стороны, отчаявшиеся спастись щуки змеями извиваются среди сотен и сотен беспокойных карасей и окуней. Огромным сомам помогают выбраться из проруби, подцепив их крюками за жабры; выброшенные на лед, они лениво утыкаются бесформенной головой в гладкую поверхность, мощными взмахами хвоста расшвыривая по льду всякую рыбу мелюзгу. Ледовое поле вокруг большой проруби обрастает густым барьером. Сазаны скачут по льду проворно, что твои землеройки. Никто и не думает за ними гоняться: скачи не скачи - далеко не ускачешь. Рыбы не столь резвые грудой застывают на льду.

- Я же говорил, жди богатого улова! - довольным басом рокошет старый рыбак. - господин Леветинцкий всюду за собой удачу на веревочке водит. Теперь только и осталось, что царь-рыбу поймать.

- Похоже, она уже попалась, - говорит один из парней, которые тянут сеть: он стоит первым с краю, у воды. - крупная рыбина бьется, сеть так ходуном и ходит, обеими руками еле удерживаю.

- Да вот же она! Кричит другой рыбак, который только что успел зачерпнуть полный сак рыбы. Огромная, как у крокодила, нежно-серебристая голова показалась из воды; разверстая пасть обнажает два ряда острых, как у каймана, зубов и четыре цепляющихся один за другой клыка, каким мог бы позавидовать даже тигр. Такая голова способна внушить уважение. Рыбину эту по праву называют царем, королем: нет во всем озере ей равных, даже среди сородичей судаков.

- Вот он, держи его! - вскричали разом еще трое. Однако мощная рыбина вновь скрылась под водой, и тогда-то начался самый волнующий этап лова.

Словно бы заманенный в западню, король отдал приказ остаткам своей лейб-гвардии в последней схватке пробиться во что бы то ни стало - такому ожесточенному нападению подверглась вдруг сеть. Боевые отряды щук, сомов, сазанов очертя голову ринулись в надежде прорвать туго натянутую сеть, выныривающих рыбных голиафов приходилось глушить дубинами. Рыба вошла в раж, холодная кровь вскипела, побуждая к героическим подвигам;

балатонские обитатели взбунтовались против узурпаторов и вступили с ними в схватку. Конечно, схватка закончилась гибельным поражением бунтовщиков. Оглушенные дубинками сомы недвижно валялись на льду, сеть выплескивала из воды вытесненных на поверхность великолепных белых судаков, и лишь король-судак затаился.

- Неужто опять ушел? - бурчит старый рыбак.

- Нет, он еще здесь, - сквозь зубы цедит парень, что сводит сеть. - Руки чувствуют, как он бьется. Как бы только сеть не порвал.

Рыбы было выловлено невероятное количество, она громоздилась повсюду, неудачно было ногу поставить, чтобы не оскользнуться о рыбы спины.

- Братцы, беда! - испуганно вскрикнул крайний парень. - Сеть порвана!

Сеть еще наполовину оставалась под водой.

- Тащи! Взревел ватажный, и рыбаки изо всех сил рванули за веревку. Вся остальная рыба вывалилась наружу вместе с сетью. Тут был и король-судак - превосходный экземпляр весом более сорока фунтов: такие попадались раз в двадцать лет, да и то в дедовские времена. Мощной головой судак действительно сумел порвать сеть, но колючими плавниками застрял в ячейках, и это помешало ему уйти. Когда его вытащили на лед, он с такой силой ударил хвостом, задев одного из рыбаков, что тот растянулся плашмя. Однако это оказалось его последним подвигом: в следующее мгновение король-судак валялся бездыханный. Живого судака еще ни одному из рыбаков не доводилось держать. Говорят, стоит его вытащить из воды, как у него тотчас же лопаются воздушный пузырь.

Поимка царь-рыбы доставила рыбакам больше радости, чем весь остальной обильный улов. За этим злодеем давно уже охотились: он имеет скверную привычку поедать лишь себе подобных, чем и завоевал свое прозвище "судак-король". Когда его распотрошили, то обнаружили в его алчной утробе недавно заглоченных четырех крупных судаков. Сой жира - дивного золотого цвета - был, как у поросенка, а мясо белизною напоминало тонкое полотно.

- Я так думаю, сударь, надобно отправить этого судака вашей всемилостивейшей супруге! - сказал старый рыбак. - Обложим его льдом и упакуем в ящик, он один поди целую телегу займет. А вы, сударь, письмецо ее милости напишите: что это, мол, был король-судак. Кто его съест, все равно что диковинного мяса отведают.

Михай одобрил идею и посулил выпивку.

К тому времени, как окончили разделывать судака, подошел к концу и короткий зимний день. Из окрестных сел, из Шиофока, Сантода, Замарди, Фюрета, Арача, Чопака съехались крестьяне на телегах, груженных корзинами, торбами, фляжками: фляжки - с вином, торбы с жареной поросятиной, а корзины - под рыбу.

Когда рыбаками приступили к сортировке улова, вокруг них уже всю толпился народ. Солнце село, но оказалось, и темнота не помеха: из камыша сделали факелы, разложили костры на льду, и пошла бойкая торговля рыбой. Карпы, щука, сом, карась - пожива для бедного люда. В Вену и Пешт отправляют только осетров - там они в цене, весь прочий улов распродается задешево. Но рыбаки все равно в накладе не остаются: за один раз выловили чуть ли не триста центнеров. Поистине Тимар любимец удачи.

Если не вся рыба будет распродана, ее свалят в корзины и снесут в погреба, а потом отвезут в Веспрем на рынок.

Тимар решил потешить народ: распорядился прикатить бочку вина и велел ватажному старосте сварить уху, какую только рыбак умеет.

В большущий котел мелко нарезается отборная рыба - она не должна быть ни костлявой, ни жирной; больше ничего туда не кладется: лишь добрая горсть паприки да красный лук, а там рыба сама пустит сок. Однако весь секрет удачной ухи в особом способе размешивания; тут требуется мастер своего дела, а ежели не научен - как ни старайся, все равно не получится.

Отменной ухи даже Тимар съел на удивление много.

А там, где льется вино и готовится уха, разве без цыган обойдется?

Откуда ни возмись и эта смуглая братия тут как тут подросла; на опрокинутой вверх дном корзине устали цимбалы и затаили любимую господскую песню:

Веселей, смычок, играй!
Варин, денежку давай!

Ну, а если музыканты-цыгане, задорные молодки и лихие парни все в сборе, неужто без танцев обойдется?

На ледяной поверхности озера разыгралось веселье хоть куда. При свете камышовых факелов разудалые пары, горланя песни, отплясывают танец за танцем. Тимар и ахнуть не успел, как его подхватила какая-то бойкая молодка и закружила по всем правилам огненного чардаша.

И Тимар отплясывал вместе со всеми.

В ясной зимней ночи костры и факелы сияли фейерверком.

Веселье на озере длилось чуть ли не до полуночи.

К тому времени рыбаки управились с делами: перенесли рыбу в ледники.

Тут и подгулявший народ стал расходиться по домам, громко воздавая хвалу щедрому хозяину, господину Леветинцкому.

Тимар дождался, покуда Галамбош упакует судака, обложенного льдом и сном, в деревянный ящик. Затем ящик заколотили гвоздями и погрузили на повозку - ту самую, с которой прибыл сюда Тимар. Кучеру было наказано немедленно собираться домой в Комаром: рыба - товар капризный, долго лежать не будет.

Сам Тимар тем временем настроил письмо Тимее; послание вышло ласковым, а кое в чем даже веселым. Обращаясь к своей "дорогой женушке", он подробно описал ей события этого дня: изумительный восход солнца на Балатоне, разрыв ледяного покрова; он умолчал о том, как близко от него прошла трещина, зато в мельчайших деталях рассказал обо всех перипетиях подледного лова. Заканчивалось письмо описанием пирушки, где и сам он изрядно повеселился, а некая недурная собой деревенская молодка заставила его плясать чардаш. Такие бесшабашно веселые послания сочиняют обычно люди, замыслившие самоубийство. Закончив письмо, он вручил его возчику.

Старый рыбак тоже стоял у повозки.

- Шли бы вы домой, дядюшка Галамбош, - сказал ему Михай. - Устали, наверное.

- Надобно добавить хворосту в костры, - сказал старик, раскуривая трубку. - Рыбный дух по всей округе разнесло, так что теперь жди гостей. Все лисы да волки из прибрежных чащоб повылезают, чтобы к нашей проруби подобраться. Они ведь тоже до рыбки охотники: какая из воды выскочит, они ее - цап себе! Остальную всю рыбу распугают, а нам потом как ловить?

- Не стоит вам больше с кострами возиться! - отговорил его Михай. - Положитесь на меня; я ночью часто просыпаюсь, что мне стоит выйти на балкон да из ружья пальнуть! А от выстрелов все четвероногие рыболовы разбегутся.

Старый Галамбош поддался на уговоры и, попрощавшись с господином Леветинцким, отправился домой.

Глухой виноградарь - единственная, кроме Тимара, живая душа в доме - давно спал. Помимо его глухоты изрядная порция доброго вина, коим старик угостился, давали уверенность, что уж он-то не потревожит ночной покой хозяина.

Тимар прошел наверх к себе в комнату и растопил камин. .

Спать ему совсем не хотелось. Его встревоженная душа чуждалась вялого покоя, ей требовалось иное отдохновение.

Ведь это тоже отдых, если морозной зимней ночью при открытых дверях сесть на балконе и погрузиться в созерцание безмолвного мира.

Луна еще не взошла, лишь звезды сияли на небосклоне; и каждая звездочка сверкает и на гладком ледяном зеркале, словно рассыпанные на металлической пластинке карбункулы или

огоньки кладбищенских свечей в день поминаения усопших. Вон Сатурн, а там Вега, Лебедь, созвездие Гончих Псов, Дева и Волосы Вероники - преданной супруги.

Так приятно смотреть и ни о чем не думать! Все видеть и ничего не чувствовать: ни холода, ни биения собственного сердца, не ощущать жизни вокруг и в самом себе - лишь созерцать. Это и есть отдых.

Страшный призрак.

Звезды сияли на небе, звезды отражались в ледяном зеркале озера; даже ветерок не нарушал ночного безмолвия.

И тут за спиной Тимара раздается голос:

- Добрый вечер, сударь!

Неожиданный оклик выводит его из состояния бездумной расслабленности. Он возвращается с балкона в комнату, где оставил зажженной лампу и растопленным камин. Свет лампы и отблески каминного огня освещают комнату.

При этом двойном освещении Тимар видит у двери в комнату фигуру какого-то человека и холодеет.

Тимар не узнает его... И все же знает, кто он такой.

Морозной ночью, в непроглядный туман бежал он по льду Дуная от этого страшного человека....

Мужчина в форме морского офицера. Правда, на ней оставила следы непогода и житейские передряги. Золотые позументы пообтрепались, словно пришиты были не оп ставу правительственного флота, а ради некоего театрального спектакля. Зеленое сукно на плечах выцвело, несколько пуговиц у мундира не хватало; большая дыра на правом рукаве была зашита белыми нитками. Башмаки тоже были н в лучшем виде. Швы на мысках распоролись, выставляя напоказ босые пальцы; одна нога была замотана тряпкой.

Под стать обноски был их владелец: загорелое, обветренное лицо, всклокоченная борода, неровная щетина на месте сбритых усов, черная повязка на глазу.

Человек пожелал Тимару доброго вечера.

- Кто там? - вскрикнул Тимар.

- Вот так новость, папочка! Похоже, вы не узнаете сыночка? - с насмешливой галантностью отозвался незнакомец.

- Кристьян! - прошептал Тимар.

- Он самый. Ваш дорогой Тодорущка. Единственный и неповторимый Тодор Кристьян, ваш приемный сынок. Выходит, вы все же меня узнали.

- Чего ты хочешь?

- Прежде всего я хочу завладеть этим дуствольным ружьем, - отвечал оборванец. - Вдруг да вам придут на память слова, с какими я в нашу последнюю встречу с вами распрощался: "Если я еще раз попадусь вам на пути, застрелите меня!" С тех пор я переменял свое мнение.

С этими словами пришелец взял ружье Тимара, прислоненное к стене в углу, взвел оба курка и уселся в кресло у камина, положив ружье на колени.

- Вот так-то оно лучше! Теперь можно и потолковать по душам. Я чертовски устал с дороги.

Экипаж, знаете, подвел, и часть пути пришлось проделать пешком.

- Что вам здесь нужно? - спросил Тимар.

- Первым делом приличную одежду. Моя, как видите, носит на себе следы всевозможных ненастий.

Тимар подошел к шкафу, достал оттуда свою смушковую бекешу и прочие предметы гардероба и, сложив все это на пол между собою и Кристьяном, молча указал рукой.

Бродяга, ни на секунду не отнимая пальцев от ружейных курков, одной рукой брал каждую вещь с пола и осматривал с оценивающим видом.

- Ладно, годится. Вот только не кажется ли вам, что к этому платью кое-чего не хватает, а?. Что должно лежать во внутреннем кармане? Бумажник, не правда ли?

Тимар молча вытащил из ящичка спрятанный туда бумажник и бросил ему.

Проходимец ловко поймал его одной рукой, раскрыл, помогая себе зубами, и пересчитал сложенные там тысячные и сотенные банкноты.

- С паршивой овцы хоть шерсти клок, - подытожил он, пряча бумажник в карман бекеши. -

Позвольте воспользоваться и вашим бельишком, а то в своем я хожу вот уже две недели и боюсь, что вид у него непристойный.

Тимар достал из шкафа белую сорочку исподнее.

- Ну что ж, экипировки достаточно, можно приступать к туалету! - заметил Кристьян с циничной небрежностью. - Однако прежде мне придется дать кое-какие пояснения, чтобы потом, когда я разденусь, для вашей милости мой вид не был неожиданным. Послушайте, какого черта мы тут разводим церемонии? "Ваша милость", "извольте видеть"!.. Так между старыми приятелями не годится. Давайте перейдем на "ты"!

Тимар молча сел к столу.

- Ну так вот, приятель, - начал Кристьян, поправив повязку на глазу, - ты, конечно, помнишь, как несколько лет назад заслал меня в Бразилию, не правда ли? Я-то, дурак, тогда растаял, как воск. В приемные сыновья к тебе напросился и дал клятву стать честным человеком. Но ты-то меня не за тем послал в Бразилию, чтобы я там заделался честным человеком, а чтобы убрать меня со своего пути. Ты очень мудро рассчитал, что если такой испорченный человек, в ком не осталось ни капли добропорядочности, окажется в той части света, откуда "женскую отраву" поставляют в Европу и прививают белокожим, он неизбежно должен погибнуть. Либо сдохнет, либо станет разбойником, либо в море утонет, либо будет убит в драке, но так или иначе уберется с твоего пути.

Тимар удрученно поник и подпер лоб ладонью; у него не было сил смотреть в лицо этому чудовищу и опровергать его слова.

А злодей, одержавший над ним верх, продолжал с язвительной иронией:

- Деньги он мне, видите ли, доверил! Да что тебе эти деньги - капля в море! Ты ведь рассчитывал, что я украду их, а тогда ты велишь арестовать меня и посадить в тюрьму? Все та и вышло, как тебе хотелось. Правда, я несколько раз мог в угоду тебе сдохнуть от болезней, каких там, что деревьев в лесу, но, как видишь, выкарабкался тебе на радость. Тогда пришлось со всем усердием приступать к службе: я выкрал у тебя из кассы десять миллионов рейсов. Десять миллионов - смешно сказать! Эти мелкие жулик испанцы привыкли вести счет на гроши, чтобы сумма больше казалась, а на форинты так там и было-то всего неполных сто тысяч. Эх, брат, знал бы ты, какие прекрасные глаза у креолок, тогда бы ты не считал, что это большая цена. Тамошние красавицы желают носить только на стоящие жемчуга, и ничего другого. Но их смуглым шейкам жемчуг удивительно пристал! Да что об этом вспоминать! Теперь я дома и надо довольствоваться тем, что есть. За неимением ананаса и картошка сгодится.

Мерзавец начал изливаться в сантиментах.

- Твой тамошний агент-испанец решил, каналья, посмотреть на дело с другой стороны. Велел меня схватить, предать суду, а судьи, шельмецы, за ошибку молодости упекли меня на галеры. На пятнадцать лет, представляешь? Ну не варварство ли, скажи по совести?

Тимар дрожал всем телом.

- Сняли с меня красивый наряд и, чтобы я каким-нибудь образом не потерялся, каленым железом выжгли мне на лопатке клеймо с виселицей.

С этими словами беглый каторжник снял свой морской мундир и, сорвав с левого плеча рубаху, показал Тимару еще не заживший красный рубец на лопатке.

- Видишь, поставили мне тавро, будто я жеребец или вол из твоего стада, - с горьким юмором произнес он. - А я и так не сбегу от тебя, не бойся!

Тимар с мучительным любопытством смотрел на выжженное клеймо, не в сила отвести глаз.

- Итак, пометили скотину и - прямиком на галеру, а там десятифутовой цепью приковали к скамье. Полюбуйся, вот он, след.

Он сбросил башмак и показал Тимару кровавую язву на щиколотке.

- И это мне досталось от тебя в подарок, - вызывающе проговорил беглый каторжник.

Тимар, как замороженный, уставился на изуродованную ногу.

- Однако судьба преподносит иногда удивительные сюрпризы. Воистину неисповедимы пути Господни, но они-то и привели несчастного страдальца к неожиданному счастью. К той же скамье, куда я был столь милостиво определен на поселение, был прикован старик с колючей бородкой. Стало быть, мой напарник на ближайшие пятнадцать лет. Только ежели с кем на такой долгий срок обручаешься, нелишне и присмотреться поближе. Глянул я на старикашку и говорю ему по-испански: "Сеньор, сдается мне, что где-то я вашу милость видел".

"Видел так видел, чтоб тебе вовсе ослепнуть!" - вежливо отвечает почтенный старец.

Тогда я ему по-турецки, учтиво так:

"Эфенди, а не приходилось тебе в Турции околачиваться?".

"И в Турции я бывал. Какое твое собачье дело?".

Осталось только обратиться к нему по-венгерски:

"Уж не Кристьян ли твоя подлинная фамилия?".

У старикашки глаза на лоб полезли. "Да", - говорит.

"В таком случае я твой сын, Тодор. Твой дорогой Тодорушка, единственный твой отпрыск!".

- Ха-ха-ха! Представь себе, приятель: обнаружить собственного, дано пропавшего папашу на другом краю земли да на галерной скамье! Вот таким чудесным образом провидению было угодно после столь долгой разлуки вновь соединить любящие сердца отца и сына! Ха-ха-ха!..

Дал бы ты мне кувшин вина да чего-нибудь перекусить, а то и в горле пересохло, и живот подвело с голоду. А мне предстоит рассказать тебе еще немало занятных историй, которые тебя очень позабавят.

Тимар исполнил его желание: дал ему ветчины, хлеба и вина.

Гость подсел к столу, зажал ружье в коленях и с жадностью набросился на еду, как изголодавшийся пес. Каждый кусок он запивал большими глотками вина, причмокивая, как гурман, которому напиток пришелся по вкусу. И не переставал говорить даже с набитым ртом:

- Когда мы оправились от нечаянной радости, дорогой папаша, нежно огрев меня кулаком по голове, поинтересовался: "Как тебя угораздило попасть сюда, чертов висельник?" Мне, разумеется, сыновнее почтение не позволило задать аналогичный вопрос виновнику моего появления на свет. Я признался ему, что растранижил десять миллионов рейсов из кассы некоего господина по фамилии Тимар. "А он где ухитрился столько наворовать?" - "Зачем ему воровать? - говорю. - Он человек порядочный, очень богатый, землевладелец, негоциант, владелец судов". Однако отец в этом вопросе остался неисправимым скептиком. "Какая разница! Если у кого есть деньги - значит, ворованные. У кого их много, тот воровал по - крупному, у кого мало - мелочью пробавлялся; кто не сам украл, значит, отец или дед расстарался. Существует сто тридцать три способа кражи, из них лишь за двадцать три рискуешь попасть на галеры" Видя, что старика не переубедишь, я и не стал с ним спорить.

Тогда он спросил:

"На кой дьявол ты с этим Тимаром связался?".

Я ему и расскажи все, как было.

"Знавал я этого господина, когда он еще был бедным судовым комиссаром и сам чистил на палубе картошку для гуляша. Однажды мне по поручению турецкой полиции пришлось выслеживать одного беглого пашу, а он бежал в Венгрию как раз на судне Тимара".

Тут старик мой поднял брови и подвигал кожей черепа. Ха-ха-ха! У него такая подвижная была кожа на голове, со смеху умрешь смотреть, когда она у него то вверх, то вниз по макушке елозила. Когда он ее кверху вскидывал, стриженные волосы на голове торчком вставали - точь-в-точь обезьянья шкура.

"Как звали этого пашу?" - перебил меня старик.

"Али Чорбаджи".

"Али Чорбаджи!" - заорал он не своим голосом и стукнул меня кулаком о колену. Он до того разволновался, я думал, как бы в море не выскочил. Да куда там, с такой цепью не больно поскачешь! Ха-ха-ха!

"Т его знаешь, что ли?"

Старик сердито замотал головой, стянул складками кожу ко лбу и велел рассказать, что случилось с этим Али Чорбаджи.

Ну, рассказал я ему:

"Я напал на его след у оградинского острова. Тогда я пустился в обход судну, и мы поджидали его у Панчева, чтобы схватить. А судно пришло без паши. Турок в пути неожиданно скончался, и поскольку нигде на берегу его хоронить не разрешили, пришлось бросить тело в воду. Тимар подтвердил все это бумагами".

"И этот Тимар тогда был человеком бедным?" - спросил старик.

"Таким же бедным, как я сам".

"А теперь, говоришь, у него миллионы?"

"Да. Из его несметных богатств и я урвал себе десять миллионов рейсов".

"Ну, теперь ты видишь, дурак безмозглый, что я прав. Его богатство тоже ворованное. Могу сказать даже, кого он ограбил: Али Чорбаджи. Убил пашу, когда они плыли на судне, и все его сокровища к рукам прибрал".

Я так и обмер. И сделался, должно быть, такой же бледный, как ты сейчас, любезный приятель.

"Как же это я сам не додумался!"

"А теперь ты меня послушай, - пробурчал старик и опустил голову на колени; как сейчас вижу его перед собой: рысьи глаза так и зыркают на меня искоса. - Потешу и я тебя своей историей. Знавал я этого Али Чорбаджи. Знал его так, что лучше некуда. Тоже ворюга был, как любой из смертных, у кого денежки водятся. Вор номер 122 и 123: под такими номерами значатся правители провинций и хранители казны. Им вверены сокровища главного грабителя номер 133 - самого султана. Однажды я прознал, что жулик номер 132 - главный визирь - решил свернуть шею номеру 123 - хранителю казны, чтобы завладеть награбленной им добычей. Я в ту пору находился на службе у турецкой тайной полиции - так, мелкота, воришка номер 10, обанкротившийся купец, сбежавший от кредиторов. И тут меня осенило: отчего бы, думаю, мне по лестнице не продвинуться хотя бы до номера пятидесятого! Явился я к паше, выложил ему тайну, что и он тоже попал в список тех богачей, каких решено обвинить в заговоре, а денежки их огрести. Что, говорю, дашь, если я тебя вместе с твоими сокровищами вызволю? Али Чорбаджи посулил четвертую часть всех богатств, как только очутится в безопасности. "Э нет, - говорю, - мне kota в мешке не надобно, я желаю заранее знать, сколько их, этих богатств, от которых мне четвертая часть достанется. У меня семья, я должен сыну своему будущность обеспечить".

Ха-ха-ха! Старик произнес это с такой серьезностью, что я до сих пор со смехом вспоминаю.

"Значит, у тебя есть сын? - спрашивает тогда паша моего отца. - Это хорошо. Если поможешь мне бежать, отдам твоему сыну в жены свою единственную дочь, все богатство в семье останется. Сегодня же пришли ко мне своего сына, чтобы я с ним познакомится".

Черт побери! Знать бы мне тогда, что белолицая красавица со сросшимися бровками мне предназначена! Придется вином тоску залить. Позволь, приятель, осушить этот бокал за здоровье ее милости, самой очаровательной дамы, какую я когда-либо знавал!

Разбойник с издевательской учтивостью, стоя, осушил бокал.

Затем вновь уселся в кресло и поцыкал зубом в знак того, что наелся.

- Отец мой клюнул на эту приманку. "Условились мы с ним, - рассказывал старик, - что самые ценные сокровища сложим в кожаный мешок и я пронесу его на английское судно. Человек я вне подозрений, так что вместе с добычей беспрепятственно доберусь до Мальты, там дождусь Али Чорбаджи с дочерью. Они уедут из Стамбула без всякой поклажи, вроде на прогулку, а затем окольными путями через Пирейский залив на торговом судне улизнут на Мальту. Паша

проявил ко мне наивысшее доверие - пустил меня в казну одного, чтобы никому в глаза не бросилось, если мы там на пару хозяйничать станем, и поручил отобрать что, на мой взгляд, поценнее и сложить в мешок. Я и сейчас могу перечислить все драгоценности, какие отобрал собственноручно. Чего там только не было: дорогие камеи, низки жемчуга, кольца, аграфы, агатовая шкатулка, доверху набитая солитерами!"

"Что бы тебе тогда припрятать парочку!" - попенял я старику.

"Экий ты дурак! - окрысился он на меня. - Какой смысл было красть один бриллиант и попасть в восемнадцатый номер воровской категории, когда мне представилась возможность прихватить весь мешок?"

"Все ясно! Ты, оказывается, парень не промах".

"Как же, держи карман шире! Промахнулся я тогда, да еще как. Мне бы и вправду поступить так, как ты говоришь. Взять хотя бы ту драгоценность, какая мне больше всех понравилась: медальон с портретом жены этого паши, обрамленный двумя рядами бриллиантов..."

... При этих его словах лицо Тимара застыло, как смертная маска. Свято хранимая тайна стала-таки достоянием другого человека, а уж от него пощады не жди....

- Отец продолжал свой рассказ:

"Набил я кожаный мешок драгоценностями и вынес паше, не возбудив ничьих подозрений. Он добавил туда несколько свертков с луидорами, а затем запер мешок хитроумным английским замком и все четыре угла скрепил свинцовыми печатями. После этого спровадил меня за паланкином, чтобы я потом незаметно смог вынести мешок. Не прошло и четверти часа, как я вернулся. Он вручил мне мешок - запертый, запечатанный, - я сунул его под плащ и через садовую калитку прошмыгнул к паланкину. Всю дорогу я ощупывал мешок, явственно угадывая его содержимое: тут и аграфы, и нитки жемчуга, и агатовая шкатулка, и свертки луидоров. Час спустя я уже бал на палубе английского судна; вскоре подняли якорь, и мы отчалили из бухты Золотой Рог".

"И ведь нет чтобы меня взять с собой на Мальту! - укорил я старика с сыновней горечью. - Мне бы тогда и досталась в жены красавица - дочка паши".

"Отстань со своими глупостями! - оборвал меня старик, - Нужны вы мне были, что ты, что паша, что его красавица дочка! Я вовсе не собирался задерживаться на Мальте; деньги на дорогу паша мне выдал, так что я сел на пароход - да и в Америку! Кожаный мешок, конечно, со мною путешествовал. Однако и надул же меня проклятый турок! Заехал я к черту на рога, где меня ни одна ищейка не сыщет, и, когда наконец почувствовал себя в полной безопасности, решил распотрошить кожаный мешок. Вспорол его ножом, и - как ты думаешь, что оттуда посыпалось? Медные пуговицы, ржавые железные подковы, вместо агатовой шкатулки с алмазами - керамическая чернильница, а свертки луидоров все были подменены упакованными трубочкой медяками, какие выплачиваются капралам на недельное содержание солдат. Гнусный мошенник ухитрился провести даже такого выжигу, как я. Из ста тридцати трех градаций ни одну к нему не примеришь. Жулик из жуликов, не то что пробу ставить негде, а и номера ему не подберешь".

Старик чуть не плакал с досады.

"И я-то, простак ему доверился! Пока я ходил за паланкином, он взял такой же в точности мешок, набил всякой дрянью и снарядил меня за море. А сам тем временем со всеми сокровищами подался совсем в другую сторону; ему не пришлось откупаться от меня, чтобы сохранить тайну, он ее получил даром. Счастье еще, что есть справедливость - не только на земле но и на воде: нарвался - таки и он на вора половчее, тот его пристукнул и ободрал до нитки!"

- А кто же этот ловкач, ухитрившийся обвести вокруг пальца даже наипервейшего вора вне всяких рангов и категорий? Да это же ты, дорогой приятель: Михай Тимар Леветинцкий, "золотой человек"! - Беглый каторжник встал и подчеркнуто церемонно поклонился.

Тимар не возразил ему.

- На, а теперь побеседуем в другом тоне! - проговорил Тодор Кристьян. - Но ближе. Чем на три шага, не подходи, и помни, что ты под прицелом.

Тимар равнодушно взглянул на дуло ружья, которое он собственноручно зарядил.

- Эта ошеломляющая новость окончательно отбила у меня охоту гнить на каторге, - продолжил авантюрист. - Я никак не мог примириться с мыслью, что крупный вор ни за что ни про что приковал к галерной скамье мелкого воришку. Ведь если бы сокровища Али Чорбаджи присвоил не Михай Тимар, а мой отец, то был бы я сейчас богатым джентльменом, единственным наследником, и ни одна живая душа не стала бы допытываться, каким образом удалось моим предкам нажить состояние. Никто ведь не допытывается у нынешних баронов и графов относительно их предков - рыцарей-грабителей. А я должен заживо пропадать тут, на смрадной галере! И все потому, что Михай Тимар увел у меня из-под носа не только сокровища, какие мне предназначались, но и девушку, с которой я был обручен: белокурую дикарочку, мне на радость подраставшую на пустынном острове. Даже ее отобрал у меня Тимар, ему, видите ли, понадобилась возлюбленная, потому что с супругой, отца которой он спровадил на тот свет, у него счастья не получилось. А репутацией своей он дорожит, в глазах людей он - образец добродетели; ну, как тут заведешь подружку из танцовщиц или циркачек, которых на его месте предпочел бы человек с хорошим вкусом вроде меня! Вот он и отыскал бедную девушку, которая о жизни, человеческих законах и понятия не имеет, которая среди людей никогда не бывает, а стало быть, и никогда не узнает, что господину Тимару она нужна лишь для мимолетных утех. Фи, господин Тимар! И ради этого стоило на пятнадцать лет приковывать меня к галерной скамье?

Удар за ударом обрушивался на голову пристыженного Тимара.

Каждый в отдельности взятый пункт обвинения не соответствовал истине: он не убивал отца Тимеи, не похищал его сокровища, не совращал Ноэми, не приковывал Тодора к галерной скамье... И все же в совокупности своей эти обвинения невыносимы!

Он надел фальшивую маску и теперь оказался повинным во всех смертных грехах.

А беглый каторжник продолжал свою речь.

- Когда мы стояли в заливе Барра до Рио до Гранде до Суль, на галере вспыхнула желтая лихорадка. Ее подцепил и мой отец. Он умирал тут же на скамье, подле меня. Заболевших каторжников никуда не уносят, так уж заведено: галерный раб должен умирать там, где прикован. Мне, конечно, от этого было мало радости. Старика сутками тряс озноб, у него зуб на зуб не попадал, а он знай себе клянет весь белый свет. Невозможно было слушать его богохульства; особенно доставалось деве Марии, и на мою беду сквернословил он по-венгерски. Отчего ему не делать бы этого по-испански - звучит столь же приятно для слуха, и другие каторжники могли бы насладиться. И чем уж ему Мадонна не угодила! Слушать было тошно; существует целый сонм святых мужского пола, ну и поносил бы их сколько влезет, а задевать честь дамы недостойно воспитанного человека и джентльмена. По этой причине я окончательно рассорился со стариком. И не из-за того, что мне надоело смотреть, как он рядом со мной погибает от желтой лихорадки, которая не нынче-завтра и на меня перекинется, - а между прочим это отнюдь не самый приятный способ околоть, - только лишь из-за его сквернословия я решил уносить ноги. Сколь бы прочные родственные узы нас ни связывали, а придется их разорвать. И я разорвал их вполне успешно, стакнувшись еще с двумя товарищами по несчастью. Надо было только выждать, когда у старика начнется агония, так как он грозился кликнуть стражу, если я вздумаю его покинуть. Ночью мы подпилили цепи; надсмотрщика, который обнаружил наш побег, мы спровадили в воду, так что он и пикнуть не успел. Затем отвязали шлюпку и пустились в плавание. Нас крепко мотало по волнам, а неподалеку от берега шлюпка и вовсе перевернулась. Один из беглецов не умел плавать и сразу пошел ко дну; другой умел плавать, но не так хорошо, как погнавшаяся за ним акула. Я услышал лишь его предсмертный вопль, когда акула, изготоясь его заглотнуть, на миг подбросила несчастного над водою. До берега добрался один. Согласись: то перст божий. Значит, есть еще какие-то дела у меня здесь, на грешной зеле. Ты как добрый кальвинист и я как истый мусульманин оба верим

в предначертание судьбы. У меня было заветное желание - попасть обратно в Европу. Уж очень хотелось тебя повидать: ты у меня теперь вместо отца остался; старика моего уже наверняка акулы сожрали, и так для него к лучшему, по крайней мере в пекло не угодит, из акульей утробы его даже самому дьяволу не выпарапать. Как я раздобыл морскую форму, паспорт, деньги на дорогу и все другое, необходимое для океанского путешествия, - я тебе расскажу как-нибудь в другой раз, за стаканчиком вина, а сперва покончим с делами. Надеюсь, ты понимаешь, что мы должны свести счеты.

Кристьян потрогал повязку на левом глазу. Должно быть, его беспокоила плохо заживающая рана, да и скитания по морозу не шли на пользу.

- Вот я и направился прямо в Комаром, где, как мне было известно, ты постоянно живешь, в надежде тебя увидеть. "Он еще не вернулся из-за границы" - сказали твои управляющие. В каком именно государстве за границей ты пребываешь, никому не было известно. Ладно, думаю, дождусь, вернется же он рано или поздно. Чтобы не терять зря времени, я ходил по ресторациям, перезнакомился с офицерами; сам я тоже в мундире, так что дружбы завязать было нехитро. Разок-другой наведалься в театр; там-то и увидел я дивной красоты даму с алебастрово-белым лицом и страдальческими глазами. Догадываешься, кто это? При даме всегда состоит компаньонка - тоже красавица, но взгляд - убийственный. Не светская дама, а пират в юбке. Не возражал бы я вступить в разбойничью шайку, если бы она там была предводительницей, да и на галерах не прочь бы побывать, если бы ее рядышком приковали. Ну, да ладно, сантименты в сторону, вернемся к нашим делам. Начал я, что называется, "зондировать почву". Однажды подстроил так, чтобы оказаться в партере рядом с предводительницей пиратов. Слегка приударил за ней - она не противилась. Нельзя ли, спрашиваю, нанести вам визит, а она на госпожу сослалась, все, мол, от нее зависит. Тут я рассыпался в комплиментах сей достойной поклонения мадонне, и как бы вскользь упомянул, что имел счастье знать эту семью еще в Турции, и подивился, до чего она похожа на мать. "Разве вы могли быть знакомы с матерью госпожи Леветинцкой? - насторожилась красотка. - Ведь она умерла совсем молодой".

"Нет, я видел ее лишь на портрете, - отвечаю. - Он хранился у отца госпожи Леветницкой, с которым мы были в большой дружбе. На портрете почти такое же белое, мечтательное лицо в обрамлении двойного ряда бриллиантов. Вещь дорогая, стоит, должно быть, тысяч сто, не менее".

"Ах, так вы видели этот дивный медальон?" - восклицает барышня. - Мне госпожа тоже показывала однажды, когда получила в подарок от господина Леветницкого...".

Тимар сжал кулаки в бессильной ярости.

- Какая приятная новость! - продолжал авантюрист с жестокой улыбкой, явно наслаждаясь мучениями Тимара. - Выходи, ты подарил дочери Али Чорбаджи драгоценность, похищенную у ее же отца!... Тогда, значит, и остальные сокровища у тебя, ведь они были все в одном мешке. Теперь уж не отопрешься... Вот мы и сравнялись рангами, можем говорить друг другу "ты", можем величать один другого "ваша милость", главное, что теперь нам нечего друг друга стесняться!

Тимар, весь окаменев, сидел перед человеком, которому судьба предоставила неограниченную власть над ним. Кристьяну не было никакой нужды держать его под прицелом; у него не хватило бы сил даже встать со стула.

- Однако ты, приятель, заставил себя долго ждать, и я уж начал беспокоиться. К тому же я совсем издержался, а денежные переводы - от богатой тетушки, из адмиралтейства, от управляющего имением или от банкиров, - по поводу которых я ежедневно справлялся на почте, по вполне понятным причинам не поступали. И вдобавок ко всему, куда ни пойдешь, везде только и слышишь похвалы в твой адрес сметливый коммерсант, способнейший предприниматель, благодетель сирых и убогих. О твоей примерной супружеской жизни мне тоже все уши прожужжали. Оказывается, ты у нас идеал супруга, так и жди, что после смерти

женщины спалят тебя на костре, чтобы потом щепотку праха твоего подмешать мужьям в приворотное зелье... Ха-ха-ха!

Тимар отвернулся, чтобы лицо оказалось в тени.

- Похоже, тебе наскучила наша беседа? Потерпи чуть-чуть, сейчас до дела дойдет. Как-то раз был я не в духе: тебя все нет как нет, а тут еще в офицерском казино, где кто-то опять помянул твое имя всуе, я дерзнул выразить робкое сомнение по поводу стольких совершенств всего лишь в одном простом смертном. Ну, и получил пощечину от какого-то несдержанного субъекта. Признаться, на это я не рассчитывал. Ах, язык мой - враг мой! Я тотчас же раскаялся в непочтительных словах по твоему адресу: мол, урок учту и больше поклепов на тебя возводить не стану. Оно бы и славно на том поставить точку; таким пустякам, как пощечины, я не придаю значения. Однако ударивший меня грубиян, отстаивая твою честь, вынудил меня драться с ним на дуэли. Как узнал впоследствии, этот одержимый некогда был поклонником белолицой мадонны, а теперь вступился за честь ее супруга. Тоже редкая удача, какая может случиться лишь с тобою, "золотой человек". Что ж, я поплатился за твою удачливость: сабельный удар рассек мне голову до самой брови. Поллюбуйся!

Беглый каторжник сдвинул черную шелковую повязку, обнажив длинный шрам, стянутый грязным пластырем. Зловещая багровая припухлость по края пластыря свидетельствовала о том, что рана воспалена. Тимар в ужасе смотрел на изуродованное лицо.

Тодор Кристьян снова прикрыл глаз повязкой и с циничной усмешкой произнес:

- Это зарубка номер три, какие я ношу на своей шкуре в знак твоего ко мне расположения. Но не беда: тем длиннее будет предъявленный счет. После такого казуса в Комароме мне нельзя было долго оставаться. История наделала шума, я легко мог подвергнуться неприятному допросу. Хотя благодаря нерадивости наших судей любому проштрафившемуся в нашей стране ничего не стоит уйти от возмездия - чему живые примеры мы оба.

Кристьян был очень горд своей находчивостью.

- Да и вообще мне уже порядком осточертело околачиваться в Комароме и ждать, когда ты соблаговолишь вернуться. Ладно, думаю, коли ты не торопишься, поеду-ка я сам тебе навстречу! Уж я-то знаю, в какой загранице ты государственные дела улаживаешь: не в какой-либо известной части света, а, напротив, в уголке, никому не ведомом, - на ничейном острове. Наведаюсь-ка я на остров!

- Значит, ты был на острове! - взволнованно вскричал Тимар. Его трясло от гнева и от страха за близких.

- Спокойно, приятель! - охладил его пыл каторжник. - Ружье заряжено, и стоит тебе шевельнуться, как оно выстрелит; тогда уж пеняй на себя. К тому же тебе не стоит волноваться. Моя поездка на остров тебе не повредила, а для меня обернулась к худшему. Так уж у нас получается: во всем мне приходится расплачиваться за тебя - железный закон, что твои десять заповедей. Я плачу за вход, ты резвишься на балу. Меня гонят взащей, а ты укладываешься в уготованную мне постель. Как же мне было не ездить на остров, ведь я надеялся там встретить тебя. А мы, оказывается, разминулись. Никого я там не застал, кроме Ноэми да мальчика. Ах, друг мой Михай, кто бы мог заподозрить тебя в таком двуличии? Тс-с, никому про то не скажем!.. Доди его зовут, верно? Славный, смысленный такой мальчонка. Меня из-за этой дурацкой повязки насмерть перепугался. Да и Ноэми здорово струхнула, что и говорить. Вдвоем с ребенком на пустынном острове... Очень я расстроился, когда узнал, что матушки Терезы нет в живых. До чего добрая душа была! При ней-то мне небось другой прием оказали бы. А Ноэми, представь себе, даже присесть не позволила, так прямо и заявила: она, мол, меня боится, а Доди и того пуще, и они одни на всем острове. "Но ведь я затем и пришел, чтобы было кому вас защищать. Для этого и нужен мужчина в доме". Кстати спросить, чем ты ее опоил, что она так похорошела? Такая красавица стала, аж дух захватывает. Я не преминул ей это выложить, и в ответ получил недовольную гримасу. Я-то с ней пошутить хотел. Разве так годится, говорю жених тебя проведать зашел, а ты взглядом готова его насквозь проткнуть. Она меня обозвала

прощелыгой и велела убираться из дома. Ладно, говорю, уйду, но и тебя с собой прихвачу, и изловчился было обнять ее за талию.

Глаза Тимара метали молнии.

- Сиди, приятель, не вскакивай. Опять не для тебя, а для меня плохо кончилось. Красавица твоя мне такую оплеуху отвесила, что куда майору с ней тягаться. Правда, справедливости ради отмечу, что на этот раз досталось другой щеке, так что симметрия была восстановлена.

Тимар не в силах был скрыть свое злорадство.

- Благодарю покорно, и этим тоже обязан тебе. Ну, тут уж я рассердился не на шутку. Вступать с женщинами в рукопашную не в моих правилах. Как известно, я убежденный поклонник женского пола. Но душа моя жаждала отомщения. "Не разрешаешь здесь мне остаться, так сама пойдешь за мной как миленькая". И схватил мальчонку за руку, чтобы увести с собой.

- Будь ты проклят! - вскричал Тимар.

- Тише, приятель, тише! Каждый высказывается в свой черед. Сейчас дойдет очередь и до тебя, вот тогда ты запоешь, а я послушаю. Но прежде изволь выслушать меня до конца. Я неточно выразился, когда сказал, что в доме были всего двое. Трое их было; Альмира, собака эта проклятая, лежала под кроватью и делала вид, будто вовсе меня не замечает. Но когда мальчонка закричал, эта мерзкая тварь - по злобе натуры - метнулась из-под кровати и набросилась на меня. Хорошо, что я на чеку был: выхватил пистолет и разрядил его в упор.

- Душегуб! - прохрипел Тимар.

- Э-э, приятель, если бы только собачья кровь была у меня на совести! К тому же не думай, будто это чудовище тут же сдохло от одной пули, ей это было нипочем. Еще злее вцепилась в меня, левую руку насквозь прокусила, опрокинула на пол и придавила так, что ни подняться, ни шевельнуться. Пытался я было другой пистолет вытащить, да где там: вцепилась зубами, как тигрица. Пришлось упрашивать Ноэми, чтобы вызволила. Ноэми сжалилась надо мной, попыталась оттащить проклятую зверюгу, а та еще глубже клыки вонзила. Наконец Ноэми сказала, проси, мол, ребенка, его собака послушается. Стал я Доди уговаривать. Ну, он мальчик добрый, пожалел меня; подошел, обнял Альмиру за шею, тут только собака меня и выпустила и позволила мальчонке морду свою обцеловывать.

У Тимара на глаза навернулись слезы.

- И тут надо мной надругались! - сказал Тодор Кристьян и засучил грязный, окровавленный рукав на левой руке. - Видишь, вот следы собачьих зубов, все четыре клыка разорвали руку до кости. Еще одна зарубка на память о тебе - эта уже за номером четыре. Моя шкура вроде ходячего альбома, где полным-полно ран, полученных по твоей милости; выжженное клеймо, след от кандалов, сабельный шрам, собачий укус - все это твои дружеские отметины на моем теле. А теперь скажи, что я с тобой должен сделать, чтобы мы были квиты?

Теперь белый каторжник стоял перед Тимаром совершенно раздетый. И Тимар вынужден был смотреть на эти ужасные раны, порывающие его тело с головы до ног. Все эти отметины Кристьян носит из-за него.

И душа этого человека также обнажена перед ним: она покрыта отвратительными рубцами и шрамами, тоже нанесенными его, Тимара, рукою.

Этому человеку хорошо известно, что Тимар лишь вел с ним игру, когда столь великодушно снарядил его в Бразилию. Верно, назначая его казначеем, Тимар, рассчитывал на его дурные задатки. И то правда, что он желал устранить Кристьяна со своего пути. Этот человек знает, каким путем обогатился Тимар, и завидует ему. Знает, что Тимар обманул Ноэми и обманывает Тимею, что он завладел обеими этими женщинами, и теперь в злобе Кристьяна примешивается и ревность. Все дурные человеческие страсти гнойными язвами источили его душу. А он, Тимар, целиком и полностью во власти этого человека и не способен защитить себя даже физически. Все тело его сковано слабостью, как у человека, которому снится погоня, а он не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Вид этого изуродованного ранами тела парализует его волю.

Кристьян это прекрасно понимает. Теперь он уже пренебрегает мерами предосторожности. Встает, ружье оставляет прислоненным к камину, разговаривает с Тимаром вполоборота, а то и вовсе отвернувшись.

- Ну, а теперь займемся туалетом. Пока я буду приводить себя в порядок, ты подумай, как ответить на мой вопрос: как мне расправиться с тобой?

Снятые с себя обноски Кристьян - каждую вещь по отдельности - побросал в камин; тряпки вспыхнули, огонь в жадностью пожирал их, языки пламени взметались к дымоходу. Затем он неторопливо, с удовольствием облачился в белье и одежду Тимара. Обнаружив на каминной полке часы Тимара, сунул их в жилетный карман, а хозяйскими запонками застегнул рукава рубашки. Не поленился даже расчесать перед зеркалом бороду. Завершив свой туалет, он горделиво вздернул голову, давая понять, что вновь чувствует себя светским человеком. Удобно расставив ноги, а руки скрестив на груди, он встал перед камином.

- Ну, что скажешь, друг-приятель?

- Что вам угодно? - отозвался Тимар.

- Ага, заговорил-таки? Нелепо было бы ответить: око за око, зуб за зуб. Ступай и попроси, чтобы тебе выжгли клеймо, чтобы тебя приковали к галерной скамье, чтобы гнались за тобой преследователи по морю и по суше, по лесам и городам. Спасайся от акул, ягуаров, гремучих змей и полицейских ищеек. Вели воздыхателю твоей супруги рассечь тебе саблей голову и прикажи собаке твоей возлюбленной насквозь прокусить тебе руку... Ну, а что останется, разделим пополам, - и на том будем квиты. Нет, я не настолько жесток. И о ранах своих больше упоминать не стану, заживет, как на собаке. Я решил проявить великодушие. Давай заключим сделку.

- Вам нужны деньги? - спросил Тимар.

- И деньги тоже, но к этому вопросу мы вернемся позднее. Сперва поговорим о наших общих интересах. Мне необходимо на некоторое время исчезнуть с глаз долой. Теперь меня преследуют уже не за то, что я растратил твои капиталы. Побег с галер мне не простят, да и утопленного в море надсмотрщика - тоже. Поэтому пока что деньгами меня не осчастливишь; понадобится какое-то время, пока я не сведу клеймо со спины и не залечу след кандалов на ноге. Против клейма -молочай хорошее средство, а ноге помогут примочки из минеральной воды. Я не боюсь, что ты выдашь меня преследователям, у тебя хватит ума не делать этого. Напротив, думаю, ты сам бы стал укрывать меня, а если бы вдруг меня обнаружили в твоём доме, выдал бы за ближайшего родственника. Я тебя хорошо знаю, ты - "золотой человек". И все же: верь куму, а про себя держи думу. Хотя мы с тобой и друзья, а я вовсе не исключаю такой возможности, что кто-нибудь ненароком стукнет меня по голове на темной улице, или разбойники от доброты сердечной пристрелят на дороге, или стаканчиком дружески поднесенного вина спровадят в тот путь, откуда Али Чорбаджи не вернулся. Нет, приятель, теперь я не стал бы тебя просить еще раз наполнить этот кувшин вином, даже если бы ты хлебнул из него первым. Теперь я буду очень остерегаться.

- Так что же вам нужно?

- "Вам"? Не желаешь быть со мной на дружеской ноге, беглый каторжник тебе не компания!..

Что мне нужно? Давайте сначала зададимся вопросом: а что нужно вашей милости? Вам нужно, чтобы я помалкивал обо всех известных мне тайнах. Думаю, что за это вы не отказались бы обеспечить мне сто тысяч франков ренты во французских государственных бумагах.

- Да, - ответил Тимар, не задумываясь.

Кристьян засмеялся.

- Такой большой жертвы, ваша милость, я с вас не потребую. Я ведь сказал уже, что одними деньгами вам от меня не откупиться. Клейменный раб да при таких дурных задатках - в два счета попадешься, и что тогда мне проку с этой ренты? Мне, как я вам объяснил, нужен покой, нужно надежное убежище, причем на долгий срок, ну, и необходимые жизненные удобства. По-моему, скромное желание, не так ли?

- Говорите начистоту: что вам нужно?

- Сейчас скажу, коли уж вам не терпится.

Кристьян потянулся к ружью и, усевшись в кресло, взял ружье на изготовку.

- Итак, не нужна мне пока ваша рента в сто тысяч франков. Мне нужен ничейный остров. Тимара словно током ударило. Он мигом стряхнул с себя оцепенение.

- Причем тут ничейный остров?

- Во-первых, это надежное убежище, куда не сунут нос ищейки ни одной из полиций мира. Ну, и, разумеется, я хочу, чтобы на время моего пребывания на острове ваша милость изволили обеспечить меня всем, что моя душа пожелает, не считаясь ни с деньгами, ни со средствами. Тимара возмутили эти наглые претензии.

- Полно вам шутки шутить! Просите денег - любую сумму. Ступайте на все четыре стороны и распоряжайтесь деньгами, как вздумается. Но остров я вам не отдам. И вбросьте из головы эту дурацкую прихоть.

- Не такая уж она дурацкая, моя прихоть. Согласитесь, ваша милость, что воздух там целительный, а моему подорванному южноамериканским климатом здоровью сейчас это крайне необходимо. Мама Тереза, царство ей небесное, говаривала, что тамошние травы залечивают любые раны. Профессор Диосеги в своей ботанической книге пишет, что о целебный трав срастается даже сваренное в горшке мясо, - своими глазами читал. Кроме того, после всех перенесенных невзгод мне необходима спокойная, размеренная жизнь. И кажется, я заслужил право пожить как сибарит, предаться буколическим утехам золотого века. Ваша милость, отдайте мне ничейный остров! Прошу вас, ваше превосходительство, ваша светлость, серениссиме!

Просьбы в сочетании с нацеленным ружьем звучали особенно издевательски.

- Чушь какую выдумали! - раздраженно воскликнул Тимар, выведенный из себя насмешками Кристьяна; резко развернув стул, он уселся спиной к дерзкому авантюристу.

- Нет уж, пожалуйста, не отворачивайтесь, ваше высокопревосходительство. Сеньор, экселенца, милорд, майн герр, пан ясновельможный, менеер, монсеньор, эффенди! На каком из языков вы слоны выслушать мольбу смиренного бедняка?

Эти грубые издевательства лишили Кристьяна его преимуществ. Тимар очнулся от дурмана, воля и мысль его заработали. Перед ним запуганный человек, который дрожит за свою шкуру.

- Хватит, кончайте! - сердито бросил он Кристьяну. - Не собираюсь вступать с вами в длительные переговоры. Назовите сумму, и вы ее получите. Если вам нужен остров, купите себе остров в греческом архипелаге или у берегов Китая. Если боитесь преследования, отправляйтесь в Рим, Неаполь или в Сицилию, выдайте себя за маркиза, поладьте с каморрой, и вас никто не тронет. Денег я вам дам. Остров вы не получите.

- Вон как вы свысока заговорили, ваша милость? Брошенный в воду котенок опомнился от испуга и попытается выплыть. Придется тебя мокнуть еще разок. Небось думаешь сейчас: ступай себе, оборванец, ищи желающих выслушать твои рассказы. Тебя же и схватят первым, упекут в холодную, а там и забудут; заткнут тебе рот так, что больше и словом никогда ни с кем не перемолвишься. А то и другие житейские неприятности приключиться могут. Идешь себе по дороге, а из-за угла кто-нибудь тебя и подстрелит; разве станут искать виновного? И если Дунай вынесет труп твой, неужто захотят выяснять, сам ты прыгнул в воду или тебя столкнули? Ну, а в худшем случае, если тебе удастся рассказать всю мою подноготную, кто поверит тебе, нищему бродяге, если я, золотой человек, гордо вскинув голову, заявлю: "Неправда!" Денег у меня куры не клюют. Если обвинитель и свидетели сдуру откажутся от подкупа, судьи наверняка будут поумнее, эти не побрезгуют золотом даже из грязи поднять... Вижу, приятель, ты себя тешишь такими мыслями. А зря! Видно, забыл, с каким плутом имеешь дело, ну так я тебе напому. Пойми: ты связан по рукам, по ногам и валяешься у моих ног, беззащитный, как истязаемый грабителями скупец. Не признается, где спрятал богатство? - иголки ему под ногти, бороду по волоску выщипать, лить на обнаженное тело кипящее масло, пока не скажет.

Придется и мне поступить с тобою так же. Когда станет невтерпеж, кричи "хватит"!

Тимар с ужасом истязаемого прислушивался к словам беглого каторжника.

- Пока что я о твоих тайнах еще никому словом не обмолвился, клянусь. Кроме тех намеков, что я позволил себе в Комароме, но по намекам ведь ни о чем не догадаешься. Зато все, что мне известно, я изложил на бумаге: вот они - четыре варианта и четыре разных адреса. Первое - донесение турецкому правительству, где я сообщаю, что заговорщик Али Чорбаджи вывез из Стамбула сокровища, подлежащие конфискации в казну султана, а кстати, возможно, оттуда и похищенные; далее перечисляю их, подробно описывая со слов своего отца каждую вещь, указываю, у кого они находятся, а заодно и как они к этому человеку попали. Во втором письме я изобличаю тебя перед венским правительством как убийцу Али Чорбаджи и похитителя его сокровищ. Не забывай, что у людей, внезапно разбогатевших, всегда много недругов. Мое третье послание адресовано в Комаром госпоже Леветинцской. Ей я тоже рассказываю, как ты расправился с ее отцом, каким образом раздобыл ты медальон с портретом ее матери и прочие драгоценности, какими ее одаривал. Здесь я добавил и еще кое-какие подробности. Ну, например, сообщаю где ты бываешь, когда надолго отлучаешься из дому. Живописал твои тайные утехы на ничейном острове, твою любовную связь с другой женщиной. Познакомил ее с Ноэми и Доди... Ну как, загонять еще иголки под ногти?

Грудь Тимара бурно вздымалась.

- Ну что же, коли молчишь, продолжим! - промолвил бессердечный палач. - Четвертое письмо пойдет Ноэми. В нем рассказано все, что она о тебе еще не знает: что ты знатный господин, что у тебя есть законная жена. Что ты унизил, опозорил ее, что ей принадлежать ты никогда не будешь, а лишь используешь ее для удовлетворения своих плотских утех. Ну что, по-прежнему не просишь пощады? Попробуем прибегнуть к кипящему маслу. Я не такой дурак, чтобы все время таскать эти письма в кармане и дожидаться, пока наемный убийца угробит меня в каком-нибудь пустынном месте, а письма передаст тебе. Если ты заявляешь, что не намерен торговаться, я тебе тоже говорю: "Честь имею кланяться!" Но прямо отсюда я пойду во-он туда - видишь две башенки? Да-да, тиханьский монастырь. Монахи честные люди, на них можно положиться, там мои письма будут в надежных руках. Я попрошу приора, в случае если я через неделю не явлюсь самолично за письмами, отправить их по указанным адресам. Тогда, даже если ты постарайся меня прикончить, ты ничего этим не добьешься: письма все равно придут по назначению, и для тебя не останется места в стране. Домой не сунешься - жена даже если бы простила тебе смерть отца, то ни за что не простит супружеской измены. Судебная палата начнет расследование, и тебе придется давать объяснения по поводу загадочных источников твоего богатства. Турецкое правительство привлечет тебя к суду, и австрийское тоже. Люди узнают о тебе всю правду. Из золотого человека разом превратишься в грязного мошенника. И на ничейный остров больше не сбежишь, Ноэми тебя на порог не пустит. Ноэми - женщина гордая, у таких от любви до ненависти один шаг. Не останется у тебя другого выхода, кроме как бежать из привычного мира, как бежал я, отречься от собственного имени, как отрекся я, прятаться и скрываться в чужих городах, как я, и вздрагивать от шагов за дверью, как вздрагиваю я! Ну что, уходить мне или остаться?

- Останься! - простонал измученный пленник.

- Так, значит, согласен выложить спрятанные богатства! - с удовлетворением заметил истязатель. - Ну что ж, начнем с начала. Прежде всего отдашь мне ничейный остров. У Тимара был в запасе слабый аргумент, который он и попытался выставить.

- Но ведь ничейный остров принадлежит не мне, а Ноэми!

- Очень верное замечание. Но и мои претензии все обоснованы. Остров принадлежит Ноэми, а Ноэми принадлежит тебе.

- Что ты задумал? - вскричал Тимар, дико уставясь на него.

- Тише, тише, посмотри, на кого ты похож: у тебя того гляди газа на лоб выскочат. Забыл, что ты вязан по рукам и ногам? Пойдем по порядку. Сделаем так: ты напишешь Ноэми письмо, а я ей его передам. Черное страшилище теперь уже наверняка сдохло, так что мне нечего бояться. В письме ты с ней распрощаешься честь по чести; объяснишь ей, что не можешь на ней жениться, так как уже связан семейными узами; у тебя уже есть жена, красавица Тимея - Ноэми

наверняка ее помнит. В утешение сообщи ей, что ты, как положено, позаботился о ее будущем и вернул ей обратно с другого конца света бывшего жениха, бравого красавца и достойного человека, который и сейчас готов на ней жениться, закрыв глаза на некоторые обстоятельства последних лет. Ты, мол, впредь обязуешься содержать ее и будущего супруга наилучшим образом, шлешь им свое благословение и напутствие жить долго и счастливо.

- Как, ты желаешь заполучить и Ноэми?

- А ты как думал? Робинзон я, что ли, прозябать на твоём нищем острове? Должен же кто-то скрасить мое одиночество! Я по уши сыт жгучими брюнетками, и сейчас, как увидел золотые волосы и голубые глаза Ноэми, совсем покоя лишился. Кроме того, она закатила мне пощечину, выгнала меня из дому - должен же я отомстить ей! А может ли быть месть более благородная, чем расквитаться за пощечину поцелуями? Желаю укротить эту строптивую дикарку, такова моя прихоть. И по какому, собственно, праву ты отнимаешь ее у меня? Я между прочим, давно был обручен с Ноэми, мне ничего не мешает сделать ее своей законной женою и вернуть ей поруганную честь, а ты не можешь на ней жениться и только делаешь ее несчастной.

О, этот человек лил кипящее масло прямо на сердце Тимара.

- Бери себе все мое состояние! - со стоном взмолился он.

- Успеется, дойдет очередь и до этого. Но сейчас не это мое наипервейшее желание. Не хочу ничего, только Ноэми. Да я ведь и не твое прошу, а требую свое законное.

Тимар в муках ломал руки.

- Ну что, напишешь письмо Ноэми или мне идти в Тихань с этими четырьмя письмами?

В мучительной тоске у Тимара вырвалось одно слово:

- Доди!..

Каторжник гнусно рассмеялся.

- Не волнуйся, я заменю ему отца!..

В этот миг Михай Тимар одним прыжком, как ягуар, метнулся к Кристяну и, прежде чем тот успел пустить в ход оружие, крепко схватил его за руки: он с такою силой встряхнул каторжника, что тот вылетел в открытую дверь в коридор и упал навзничь: затем кое-как поднялся и словно сила того страшного толчка еще не угасла в нем споткнулся на первой же ступеньке и со стонами и бранью покатился по лестнице.

Повсюду царили мрак и тишина. Единственный человек в доме, кроме них двоих, - глухой виноградарь - спал пьяным сном.

О чем говорит луна? О чем говорит лед?

Тимар мог бы убить этого человека - ведь он попался ему в руки, а Тимар ощущал в своих руках силу безумца. Он мог бы задушить его, прикладом ружья размозжить ему голову, если уж пожалел бы для него кусочек свинца. Но Тимар не убивает людей. Не убивает даже злодея, пытаясь защититься. Теперь, когда он потерпел в жизни полный крах, когда его богатство и честь, как шелуха, развеяны ветром, Михай Тимар и вправду стал золотым человеком.

Он позволил убежать человеку, который может уничтожить его и наверняка сделает это.

Еще не поздно прикончить негодяя. В спальне у Тимара висит еще одно заряженное ружье, и можно подстрелить Кристяна из окна, когда тот пойдет через двор. Разве станут призывать его к ответу за убийство беглого каторжника? Глядишь, еще бразильское правительство выплатит награду за его голову.

Но Тимар не станет убивать этого человека: этот человек прав. Судьба должна свершиться.

Тимар - не преступник, одно злодеяние покрывающий другим, а человек стойкой души. Если согрешил - надо искупить свою вину.

Он выходит на балкон и, скрестив руки на груди, смотрит, как Кристьян выходит из дверей, идет к воротам.

Луна поднялась на небосклоне и освещает стену дома. Темная человеческая фигура на освещенном луною балконе - отличная цель для того, кто вздумает спустить курок.

Тодор Кристьян. Проходя под балконом, поднимает голову.

Когда он летел по лестнице, рана на лбу раскрылась, и все лицо его теперь залито кровью.

Быть может, Тимар и встал на виду в надежде, что разъяренный каторжник в отместку выстрелит в него?

Но Кристьян останавливается перед балконом и беззвучно произносит какие-то слова - в точности как некогда Атали. Как же похожи эти два человека! Кристьян объясняется с Тимаром жестами. После падения он хромает на одну ногу. Постучал левой рукой по дулу ружья, он отрицательно качает головой, показывает Тимару кулак, грозит ему пальцем. Его немая речь понятна: "Я убью тебя не из ружья! Я готовлю тебе иную смерть. Жди и дождешься!".

Тимар сморит, как этот человек выходит со двора, сворачивает на занесенную снегом дорогу.

Он провожает его взглядом до самого озера, не отводит глаз, даже когда тот превращается в черную точку, движущуюся по серебристому льду к церкви на горе.

Он и не замечает бури, надвигающейся со стороны залайских гор.

Очень часто в окрестностях Балатона, когда воздух тих и неподвижен и ничто не предвещает бури, вдруг налетает ураган; у рыбаков, услышавших вдали грозный шум деревьев, уже не остается времени укрыться на залайском берегу; бурный порыв ветра внезапно вздымает волны, уносит лодки в глубь озера и выбрасывает их на противоположный берег. Иногда буря стихает уже через полчаса: коварная плясунья решила пройтись в танце лишь один круг. И вновь воцаряются тишина и покой.

Надвигающаяся из-за гор буря гнала впереди себя снежную тучу, сыпала колючие, как иглы, снежные кристаллы. Сама туча была настолько невелика, что захватила лишь часть обширной панорамы: накрыла мраком тиханьский полуостров со скалой на мысу и строгим храмом на вершине этой скалы, а восточные берега сияли, залитые лунным светом.

Буря с ревом пронеслась вдоль арачской долины, нещадно раскачивая вековые деревья. Ставни летнего дома скрипели, словно неприкаянные души оплакивали свое земное бытие, а стоило порывистому ветру промчат по льду Балатона, среди поставленных вдоль прорубей ледяных глыб, и она заставлял звучать поистине inferнальную музыку; казалось, видишь загробных духов, что, гоняясь друг за дружкой, плачут, завывают и взвизгивают на лету. А вот выделяется чей-то сердитый рев: должно быть, этот рассерженный дух и преследует всех остальных.

Тимару кажется, словно бы среди этой кошмарной ночной музыки вдруг раздастся вдали испуганный вопль. Это не духи, это человеческий вопль: в нем звучит отчаяние, страх перед гибелью и богохульство. Крик пронзает ночь, пробуждая спящих и заставляя вздрагивать звезды. Мгновение спустя крик вроде бы повторяется снова, но уже глуше, отрывистее, и после него слышно лишь завывание бури.

Да и буря пронеслась, как не бывало, словно лишь затем и заглянула на озеро, чтобы прогнать снежную тучу. Деревья в долине стоят недвижно, ветер, сонмами духов завывавший среди ледяных плит, теперь, плавно стихая, замолкает вдали. Небо прояснилось, вновь все тихо.

В сердце Тимара тоже воцарилась тишина.

Конец. Идти дальше некуда, ни вперед, ни назад хода нет.

Он бежал, пока мог; теперь стоит на краю пропасти, у которой нет другого берега.

Вся жизнь его пронеслась перед ним, как сон, и он знал, что пора пробуждаться.

Его первое заветное желание: добиться дивной красавицы, богатой барышни, - явилось основой всей его злополучной судьбы. На этом строилась вся его жизненная карьера - как загадка сфинкса: когда загадка разгадана, сфинкс умирает....

Как жить дальше, избалованным перед всем светом, перед Тимеей и перед Ноэми, сброшенным с пьедестала, где годами возвышался он в глазах своей страны и заграницы, окруженный уважением соотечественников и милостью монарха.

Разве сможет он взглянуть в глаза женщине, которая с такой святой самоотверженностью превозносила его перед соперником, теперь, после того как она узнает, что он начисто лишен тех добродетелей, которые она в нем ценила, что вся его жизнь - сплошная ложь?

И разве сможет он предстать перед Ноэми, после того как она узнает, что он - муж Тимеи?

Разве сможет взять на руки Доди?

Нет на всем белом свете места, куда можно было бы убежать. Все так, как сказал тот человек: бежать от людей, как он, отречься от своего имени, как он, затеряться в чужом городе, как он.

Гонимым, обежать всю землю вокруг.

Но Тимар знал еще одно место: луна, холодная планета. Как, бишь, сказала Ноэми? Туда переселяются те, кто самовольно лишил себя жизни, те, кому больше ничего не нужно. Они уходят туда, где пустота... А когда этот человек станет наведываться на ничейный остров и своим преследованием доведет одинокую женщину до отчаяния, тогда и Ноэми наверняка устремится за ним, Тимаром, на эту холодную звезду.

Тимар настолько утвердился в этой мысли, что у него хватило самообладания направить подзорную трубу на убывающий рожок луны - где яркие пятна и зияющие круглые кратеры сменяют друг друга - и облюбовать для себя место среди множества мертвых гор: "Вон там я стану ждать Ноэми!".

Он вернулся в комнату, где проходил их разговор с каторжником.

В камине еще видны были следы сожжения, кучки пепла хранили контуры сгоревшей одежды. Тимар подбросил в огонь поленьев, чтобы уничтожить самые следы. Затем, надев пальто, вышел из дома.

Путь его лежал к Балатону.

Полумесяц освещал огромную застывшую озерную гладь; словно ледяное солнце отражалось в ледяно зеркале.

"Иду, иду! - сказал Тимар. - Скоро я узнаю, что ты говорила мне. Ты звала, и я приду".

Он направился прямо к полынье.

Отыскать ее было нетрудно: отметины, сделанные предусмотрительными рыбаками, издали предостерегали каждую праведную душу, что это место надобно обойти стороной, Тимар же намеренно шел туда.

Подойдя к одной из отметин, он остановился, снял шляпу и взглянул на небо.

Целые годы он не молился. А в этот час ему вспомнилась всемогущая сила, приводящая в движение звезды и дающая жизнь ничтожным червям; эта же сила создала человека, который бросил ему вызов.

В этот последний час душа Тимара обратилась к Богу.

"О всемогущая сила! Тебя бегу и к тебе припадаю в этот час. Не ропщу, не жалею: ты вела меня, но я сворачивал с пути; ты наставляла меня, а я хотел делать по-своему, и вот к чему я пришел. Со слепой покорностью ухожу я в мир иной. Холодна будет моя душа и вынесет тот холод. Каюсь в грехе своем: несчастными я сделал тех, кто любил меня и кого я приблизил к себе. Не остави их своей милостью, о вечная справедливость! Я грешил, так мне и каяться, пусть я умру! Нет другой причины их страданиям - только я один. О, вечно правый, меня сюда приведший, будь справедлив к ним. Храни и утешь слабых женщин, малого ребенка. А меня препоручи твоим карающим ангелам. Я каюсь и смолкаю!".

Он опустился на колени.

Неутихающие волны Балатона бились о края полыньи. Меланхолическое озеро зачастую начинает бушевать даже в полный штиль, а когда поверхность его скована льдом, бушует в зеркале полыньи.

Тимар склонился над волною, чтобы поцеловать ее, как целуют мать, отправляясь в дальнюю дорогу, как целуют дуло ружья, прежде чем направить выстрел в висок.

И когда он склонился над водою, прямо перед ним показалась голова человека.

Голова человека, обращенная лицом вверх....

Правый глаз мертвеца был скрыт черной повязкой, другой - налитый кровью, холодно, неподвижно взирал в пустоту; в открытом рту плескалась вода.

Страшный призрак вновь ушел под воду.

Минуты через две, когда в полынье вновь вскипела волна, кошмарное лицо снова всплыло на поверхность, остекленелый глаз словно бы смотрел на Тимара.

И еще раз показалась голова у кромки полыни, чтобы скрыться навсегда, и лишь мертвая рука с судорожно искривленными пальцами какое-то мгновение торчала из воды.

Тимар, обезумев от ужаса, вскочил с колен. Ему показалось, будто чудовищный призрак манит его за собою.

Волна меж кромок полыни билась, точно живая.

Вновь раздалась вдали загробные органные аккорды, какими внезапно набежавшая ночная буря предвещает свое появление; этот органный гул раскалывается о ледяные плиты, распадается на отдельные голоса: плачут, воют незримые духи; их призрачный хор набирает силу, звучит все громче и громче.

И вновь охвачено все ледяное поле мощным звучанием. Словно у тысяч арф в подледных глубинах вдруг лопнули струны, гул этот, постепенно нарастая, переходит в мощный рокот; словно раскаты гром прокатываются в глубинах озера, басами оттеняя величественную мелодию, подобно гласу Божию грохочет мощная симфония. Ледовая масса содрогается, приходит в движение, и края полыни вновь смыкаются наглухо.

Сотрясаясь всем телом, Тимар падает ниц на холодный лед.

Кто идет?

Иней превратил ничейный остров в серебристый лес. Затяжные туманы каждую веточку украсили снежным цветком; затем наступили солнечные дни, и иней, чуть подтаяв, покрыл деревья ледяным панцирем, каждую ветку заключил в прозрачный футляр, - теперь весь лес стоял как бы стеклянный. Ветви, отягощенные ледовым убором, клонились к земле, придавая всем деревьям сходство с плакучей ивой, и стоило ветру пробежаться по этому стеклянному лесу, как поднимался звон, словно в хрустальных садах волшебных сказок.

По лужайке, густо покрытой инеем, от дома проложена узкая цепочка следов; она ведет к том месту, где покоится Тереза. Ноэми и Доди ежедневно совершают туда паломничество.

Ходят они туда лишь вдвоем. Третий спутник - Альмира - лежит в доме при последнем издыхании. Пуля повредила жизненно важные органы, и собака должна умереть.

Вечер. Ноэми зажигает светильник, достает прялку с колесом и садится пряхать. Доди пристраивается рядом и, прикрепив к колесу соломинку, воображает, будто это ветряная мельница. Альмира лежит в углу и стонет, совсем как человек.

- Мама, - вдруг говорит мальчик, - нагнись, я хочу тебе кое-что сказать, чтобы Альмира не слышала.

- Она же все равно не поймет, сынок.

- Как - не поймет? Ведь она все понимает. Скажи, мама, Альмира умрет?

- Да, милый.

- Кто же нас будет охранять, когда ее не станет?

- Господь бог.

- Он сильный, этот Бог?

- Сильнее всех.

- Даже сильнее папы?

- Он и папе дает силу.

- А тому злому дядьке с завязанным глазом Бог тоже дает силу? Я этого дядьки боюсь. Вдруг он опять придет сюда и захочет увести меня с собой?

- Не бойся, я не позволю тебя забрать.

- А что, если он убьет нас обоих?
- Тогда мы с тобой попадем на небо.
- И Альмира тоже?
- Альмира? Нет.
- А почему?
- Потому что она животное.
- А мой любимый жаворонок?
- Он тоже не попадет на небо.
- Как же ты так говоришь? Ведь он умеет летать, а мы с тобой не умеем.
- Царство небесное, сынок, высоко-высоко; жаворонку туда не долететь.
- Значит, там нет ни животных, ни птиц? Тогда я лучше останусь здесь, с папой и с жаворонком.
- Оставайся, родной, оставайся.
- Если бы папа здесь был тогда, он бы побил того злого человека, ведь правда, мама?
- Злой человек убежал бы от него.
- А когда папа вернется?
- Еще зимой.
- Откуда ты знаешь?
- Он так сказал.
- Все, что папа говорит, - правда? Папа никогда не обманывает?
- Нет, сынок, папа всегда говорит правду.
- Но ведь сейчас уже зима.
- Значит, скоро он к нам придет.
- Ой, только бы Альмира не умерла до тех пор!

Мальчик поднялся и подошел к поскуливающей собаке.

- Альмира, милая, не умирай, не покидай нас! В царство небесное тебя с нами не пустят, нам только здесь можно быть вместе. Оставайся с нами. Летом я тебе построю из орехового дерева такой же красивый дом, какой папа нам выстроил. Я буду делиться с тобою самой вкусной едой. Положи голову мне на колени и смотри мне в глаза. Не бойся, я больше не впущу сюда того злого человека, он больше не посмеет стрелять в тебя. Как услышу, что он идет, сразу привяжу ручку двери веревкой. Он просунет в дверь руку, а я как стукну своим топориком. Не бойся, Альмира, я обороню тебя от него.

Умное животное, подняв свои выразительные глаза, смотрит на ребенка, тихонько колотя хвостом по полу. Альмира тяжело вздохнула, словно и в самом деле поняла все, что ей говорили.

Нозми, опустив пряжу на колени, оперлась о ладонь подбородком и задумчиво следила за язычком пламени.

Тодор Кристьян, уходя отсюда, в сердцах крикнул под окном: "Я еще вернусь и тогда расскажу тебе, что это за человек, которого ты любишь!".

Уже одно только обещание вернуться само по себе достаточная угроза; но что означают слова: "расскажу тебе, что это за человек"?

Кто же он, Михай? Может ли быть он иным, чем кажется? Что может рассказать о нем этот чудовищный призрак, явившийся с другого конца земли? Ах, отчего Михай ее не послушался! Надо было сделать так, как она говорила: "Лучше бы нас разделяли три фута земли!".

Нозми не робкого десятка. Она выросла в суровых условиях и приучена полагаться на собственные силы. Нервы ее не испорчены баловством - неизбежным уделом городских детей. Олоферну и Сисаре следовало бы знать, что оружие в руках женщины опасно!

Волчица сумеет защитить свое логово от собак - у нее есть когти и зубы.

Нозми после того ужасного столкновения всегда носит под шалью на груди остро наточенный нож Михая.

Дверь она загораживает на ночь толстой жердиной и привязывает скобу веревкой к дверной стойке.

Теперь все зависит от того, как судьба распорядится.

Если раньше прибудет Михай - быть ей счастливой, и душа ее будет спасена, если же первым явится тот чудовищный призрак - быть ей убийцей и обречь свою душу на вечные муки!

- Альмира, что же ты так стонешь?

Несчастливая собака с мучительным трудом отрывает голову с колен ребенка и, вытянув шею, принюхивается. Она беспокойно скулит, повизгивает, скребет когтями пол. Из ее горла вырывается лишь глухой хрип, и не понять, что он означает: радость или злобу?

Животное чует человека.

Кто же сюда идет? Добрый человек или злой? Что у него на уме: даровать им жизнь или лишить ее?

Снаружи в ночной тиши отчетливо слышны шаги. Кто-то, хрустко приминая заиндевелую траву, идет к дому.

Из груди Альмиры вырывается мучительный хрип; она пытается подняться на ноги, но падает снова; хочет подать голос и не может. Ноэми, вскочив на ноги, прячет правую руку под шаль и сжимает рукоятку ножа.

Кто там идет?

Настороженно прислушиваются все трое: Ноэми, Доди и собака.

Теперь шаги совсем близко, и все трое узнают человека по походке. "Папа!" - с радостным смехом восклицает Доди. Ноэми острым ножом поспешно перерезает веревку на двери, а Альмира, привстав на передние лапы, все же ухитряется в последний раз приветственно взлаять.

В следующее мгновение все трое сплетают объятия: Михай, Ноэми и Доди.

Альмира из последних сил подползает к любимому хозяину, поднимает голову, чтобы лизнуть его руку, и падает бездыханной.

- Ты не покинешь нас больше? - робко спрашивает Ноэми.

- Не оставляй нас больше! - молит маленький Доди.

Михай прижимает к груди их обоих, и слезы его катятся неудержимо, орошая дорогие лица.

- Никогда... никогда... никогда!

Мертвец.

В тот год лишь последние дни марта положили конец суровому засилью зимы. Теплый, южный ветерок, призвав на помощь дождь, взрыхлил ледяной покров Балатона, а подоспевший на смену порывистый серверный ветер, взломав лед, нагромоздил торосы вдоль шомодьского побережья.

Средь тающих льдин рыбками обнаружили чей-то труп.

Тело основательно подверглось разложению, черты лица стали неузнаваемы, однако установить, кто он таков, удалось со всей определенностью.

То были бранные останки Михая Тимара Леветинцкого, который исчез сразу же после той на редкость удачной рыбной ловли, когда поймали царь-рыбу. Дома давно жаждали хозяина, и вот теперь он объявился.

На покойнике была одежда Тимара, его смушковая бекеша, запонки, рубашка с вышитой монограммой. В кармашке жилета сохранились карманные часы с боем, на эмалевой крышке которых стояло полное имя владельца. Однако надежнее всего подтверждал личность Тимара бумажник во внутреннем кармане платья, набитый сотенными и тысячными банкнотами, с которых еще не смылась типографская краска. На внутренней стороне бумажника искусные руки Тимеи вышили три слова: "Вера, надежда, любовь".

Из бокового кармана извлекли четыре письма, перевязанные лентой, однако чернила были полностью мыты водой, что и не удивительно: ведь бумаги четыре месяца пролежали в воде.

В те же дни в фюредского причала рыбаки выловили сетями двуствольное ружье господина Леветинцкого, и эта находка окончательно пролила свет на всю историю.

Теперь-то старик Галамбош припомнил все подробности. Ведь его милость сказал тога ему, что ночью, мол, когда лисы и волки выйдут из прибрежных зарослей и соберутся у полыньи, он займется отстрелом.

Другие рыбаки тоже вспомнили, что той ночью на Балатоне разыгралась снежная буря, должно быть. Она и явилась причиной гибели: снег мел в лицо, господин Леветинцкий не заметил полынью и провалился под лед.

Старик Галамбош, которого частенько мучает бессонница, заявил, что в самый разгар бури он слышал два предсмертных крика - один за другим подряд.

До чего же нелепая гибель для такого замечательного человека!

Едва прослышав о случившемся, Тимея тотчас же отправилась в Шиофок и присутствовала при процедуре официального опознания.

Когда ей показали одежду мужа, она дважды теряла сознание, и ее едва удалось привести в чувство. Затем она все же взяла себя в руки и выдержала даже тяжелую сцену, когда изуродованные останки клали в свинцовый гроб. Она упорно допытывалась, где же обручальное кольцо, но кольца ей выдать не могли: у мертвеца не было пальцев.

Тимея перевезла в Комаром останки дорогого ей человека, где и состоялось их погребение в помпезном фамильном склепе и - поскольку усопший был протестантом - со всей церковной пышностью. Все четыре прихода прислали на церемонию своих представителей.

Суперинтендант Задунайского края читал проповедь, а комаромский пастор служил заупокойную в завешенном черной материей украшенном гербами храме. Хор училища города Папа пел заупокойные псалмы. На обтянутом черным бархатом гробе серебряными гвоздиками были выбиты даты жизни и имя усопшего. Городские сенаторы и члены суда вынесли гроб и установили его на катафалк. На крышку гроба водрузили саблю - знак дворянского достоинства, лавровый венок и награды покойного: крест венгерского ордена святого Иштвана, итальянского - святого Маврикия и командорский крест бразильского ордена Аннунциаты. Саван с серебряной бахромой несли высшие комитатские чиновники, знатнейшие господа шли по обе стороны катафалка с факелами в руках, а впереди вышагивали все школяры, священники и другие служители церкви, представители купеческих гильдий и цеховыми знаменами, солдаты городской гвардии в венгерской и немецкой униформе и при оружии вышагивали под глухой бой обернутых сукном барабанов. А за гробом следовали се городские дамы в черном и среди них скорбящая вдова с беломраморным ликом и заплаканными глазами, достойнейшие мужи Венгрии и Вены, высокие военные чины, даже его величество и тот прислал доверенного человека, чтобы проводить в последний путь славного сына отечества. И нескончаемым потоком шел народ. Траурная процессия тянулась через весь город, каждая церковь на пути встречала ее похоронным звоном. И в звоне колоколов, и в перешептывании людей слышалась великая скорбь о человеке, равного которому никогда не родиться в этом городе: о благодетеле простого люда, о гражданине, умножившем славу нации, об учредителе многих полезных институтов, о верном супруге.

"Золотой человек" уходит в землю.

К окраинному кладбищу через весь город пешком провожают его женщины, мужчины, дети. Атали тоже в их числе.

Когда гроб с телом усопшего вносят в склеп, за ним следуют, сменяя друг друга, близкие друзья, родственники, почитатели.

Среди них и майор Качука. На узкой лестнице он вплотную сталкивается с Тимеей и Атали. Когда провожающие выходят из склепа, Атали припадает к нише, сокрывшей гроб, и молит заодно похоронить и ее.

К счастью, поблизости оказывается Янош Фабула; он поднимает с пола прекрасную даму и на руках выносит ее из склепа, а изумленному народу объясняет, что барышня, мол, страсть как любила покойного, он ей был вместо отца родного.

Полгода спустя был установлен великолепный памятник, на гранитном постаменте, с высеченной золотыми буквами эпитафией: "Здесь покоится его благородие господин Михай Тимар Леветинцкий, королевский советник, член суда нескольких комитатов, кавалер орденов св. Иштвана, св. Маврикия и св. Аннунциаты, великий патриот, истый христианин, примерный супруг, отец сирых и убогих, попечитель сирот, благотворитель школ, оплот церкви. Его оплакивают все, кто знал, о нем скорбит навеки преданная супруга Жужанна".

На гранитном постаменте стоит алебастровая статуя женщины с урной в руках. Все говорят, что статуя - вылитая Тимея.

А Тимея каждый божий день ходит на кладбище сменить венок у надгробья, собственноручно поливает цветы, которые так дивно цветут и благоухают за могильной оградой. Поливает прохладной водою, орошает горящей слезою....

Вот уж никогда бы не поверил Тодор Кристьян, что удостоился таких почестей после смерти.... Госпожа Зофия.

Прекрасная вдова отнеслась к трауру со всей серьезностью. Она не бывала в обществе и никого не принимала у себя в доме. На улице ее можно было видеть лишь в черном облачении и с густой вуалью, скрывающей лицо.

Комаромские кумушки заранее высчитали, как долго это протянется. В какой бишь день господин Тимар преставился? Ну вот, и накиньте еще годик. Годовщина сравнялась зимой, затем наступили святки. Однако Тимея по-прежнему блюла траур и не выезжала на балы. Тогда комаромское общественное мнение установило другой срок: наверное, Тимея отсчитывает год траура со дня похорон господина Тимара, ведь, в сущности, именно тогда и началось ее вдовство. Прошел и этот срок, уж и весна позади, а Тимея и траур не сняла, и в доме никого не принимает.

Тут уж городское общество всерьез заволновалось: сколько же так может продолжаться?

Наибольший ропот вызывал тот факт, что Тимея не принимает визитеров мужского пола.

Однажды рано утром в базарный день... кого же мы видим среди оживленной толпы? Да это госпожа Зофия: с большой корзиной на руке она переходит от торговки к торговке - приценивается и все никак не сторгуется насчет курицы. Вернее, она делает вид, будто торгуется, а на самом деле ничего не покупает - дорого мол, запрашивают - и всячески норовит очутиться поближе к "Англии". Пробравшись в парк, под сень живой изгороди, ода делает большой крюк, то и дело озираясь по сторонам, не следит ли кто, и вдруг, прошмыгнув через одну из арок, прокрадывается в ворота с изображением большого двуглавого орла.

В небольшом, стоящем на отшибе доме по-прежнему живет господин Качука. Став майором, он не расстался со своей обителью лейтенантской поры; более просторная квартира ему и не требуется.

Ворота открыты, дверь не заперта, все окна настежь. Офицеры не боятся воров, и на то у них есть две причины.

Госпожа Зофия застаёт господина Качуку в одиночестве; майор занят проверкой фортификационных работ.

- Доброго вам утречка, господин майор! Прошу прощения, что вторгаюсь неожиданно-негаданно. Шла мимо, смотрю, все окна-двери распахнуты, не ровен час вор какой сунется; дай, думаю, скажу лакею, чтобы дверь запер, а вместо лакея самого хозяина застала. Премного благодарствую, присяду на минуточку, в ногах правды нет. Сколько лет, сколько зим мы с вами не беседовали! На диван, подле вас? О, как вы любезны! Сей момент, только корзину поставлю. Да там и нет ничего, яиц десяток. Я ведь сама все продукты покупаю, на прислугу понадеюсь, останешься без гроша. И потом, эти нынешние служанки все о себе большого понятия, а хозяйкой корзину носить их не допросишься. Это им, видите ли, унижительно. Ну, а я и корзину сама ноши, и покупки все сама делаю, и вовсе не считаю для себя зазорным. Кто со мной знаком, тот цену мне знает. Вот вы же, к примеру, господин майор, меня не осудите? Не осудите, ясное дело, мы с вами знаем друг друга сто лет. Помните добрые старые времена, когда вы у нас на кухне сиживали и вареную кукурузу из шапки ели, а я Тимее голову дурила,

про крещение всякие небылицы плела? Вовсе не про то у нас с ней тогда разговор шел, а совсем про другое, да тут как раз господин майор, то бишь в те поры еще лейтенант, и пожаловал. Ах, сударь, кабы вы знали, с той поры вон столько воды утекло! Господина Леветинцкого нашего Господь прибрал. А уж смерть-то какая жуткая, подумать немыслимо! Тимея, бедняжка, ни днем ни ночью места себе не находит, боюсь, как бы и она за муженьком своим на тот свет не отправилась. Уж так-то мне ее жалко, ведь сердца-то у нее золотое... Горюет по мужу, убивается, мужчин, какие с визитами придут, и на порог не пускает. Раз сто на дню подойдет к портрету господина Леветинцкого, встанет перед ним и смотрит, сморит, голубка моя. А то письмо его достанет - последнее, какое он ей перед смертью отправил, и давай перечитывать. Иной раз даже мне вслух читает, а потом все допытывается: "Как по-вашему, мама Зофия, не странно ли, что уж очень оно веселое, это письмо? Он пишет даже, что танцевал!" Никак у нее это письмо из ума нейдет. И так-то мне ее жалко становится, прямо сердце кровь обливается, такая молодая да собой красивая - и с горя сохнет. Я ей ото всей души добра желаю, нашла бы она себе какого человека приличного, чтобы можно и руку отдать, и судьбу своюверить. Это я от чистого сердца говорю, я ведь тут тоже свой интерес имею. Знаете, господин майор, Атали, дочка-то моя, все время твердит, что ежели, мол, Тимея решится выйти замуж за одного человека, на кого она, Атали, думает, то она сама ни дня в этом доме не останется, а выскочит замуж за первого встречного, кто попадется. Не посмотрю, говорит, господского звания или из простых, молодой или в годах, пригожий из себя или рябой - выйду, говорит, и дело с концом. Господи, а уж я-то как рада была бы! Вы не подумайте, вовсе не оттого, что и я бы за ней пошла, упаси бог, я все равно при Тимее останусь, По мне, так будь Атали из богатых богачка, а Тимея без гроша за душой, я все равно ее на Атали не променяю. Хотите верьте, хотите нет, а только нету больше моей моченьки с ней под одной крышей жить. Негоже матери на родную дочь жаловаться, но я ведь ни кому другому словечка не скажу, только вам, господин майор, доверюсь без утайки. Да, я ей мать, я ее выродила. И она ребенком такая-то добрая да славная была, покуда из-под моей руки не вышла, покуда отец ее не избаловал, покуда балы да наряды ей голову не вскружили. А теперь у меня не житье, а чисто ад крошечный. Нет у нее, кроме меня, ни одной живой души, на ком бы можно злобу выместить, вот она надо мной целыми днями и измывается. То щипнет, то ногой пнет и бьет куда ни попадя, я из-за нее, поверите ли, с кухни и нос-то высунуть боюсь. Заговоришь с ней ласково, но и тут хоть как к ней ни подлаживайся, а она тебя вроде и не слышит. За столом в рот глядит, у меня кусок с вилки валится, как увижу, что она на меня своими глазами уставилась. Весь день только тем и занимаюсь, что платья ее зашиваю: она их нарочно рвет, чтобы в лохмотьях ходить. А по ночам она мне совсем спать не дает. Поставит свечку, чтобы свет мне прямо в глаза бил, и читает до утра. И вот ведь манеру какую взяла: нет чтобы сразу все листы в книге разрезать, а она каждую страницу по отдельности разрезает. Только начнешь засыпать, а она как бумагой зашуршит, я и просыпаюсь. И так без конца. Начнешь ее просить-молить по-хорошему, она рожки корчит. Раз как-то заткнула я уши ватой, чтобы шелеста бумажного не слышать, ну и уснула. Так, знаете, она что удумала? Тертого хрена, какой велела приготовить ей против мигрени, вместо того чтобы себе к шее прикладывать, мне к пяткам привязала, так что к утру все ноги волдырями окрылись. Но и этого ей мало. С утра засунет мне то в одну, то в другую туфлю клочок очеса, так к вечеру у меня ногти на ногах готовы отвалиться, хромая, не могу на ногу ступить. Долго я не могла взять в толк, с чего бы это хромота у меня с ноги на ногу перекидывается, покуда не смекнула, в чем тут дело. А она со смеху покатывается. Знает за мной слабость - я привидений страсть как боюсь, так она с вечера щетку простыней белой нароет да за дверь спрячет; в комнату войдешь, дверь зарывать станешь, и того гляди со страху очуришься. Перед слугами так мною помыкает, что уж от них потом никакого почтения не жди. Кухарку всегда мне назло выгораживает. Господи боже мой, сколько же мук я от нее принимаю! Но страшнее всего ее богохульствования. Только вынешь по праздникам молитвенник да молиться начнешь, а она пристроится за столом напротив, уставит локти и давай свои словечки вставлять: "Да падут на дом сей все кары небесные и земные, козни

диавола и геенна огненная, пожар и трясение земли, чума и холера, язвы телесные и падучая, яд и удары кинжальные, горе и срам, безумие и гибель, и нечистый дух, грядущий в ночи. Аминь!" Это у нее молитва такая за своих благодетелей. Зато уж когда с Тимеей с глазу на глаз очутится, уж до того-то она лстивая да покорная и сюсюкает, слушать тошно. Сударь, боюсь я спать с ней в одной комнате. Жду не дождусь, чтобы сдержала она свое обещание и вышла замуж за первого, кто подвернется. И сейчас ей как раз могла бы подвернуться удача. Господин Янош Фабула во вдовцах ходит, жена у него о прошлом годе преставилась. Конечно, года его немолодые, зато человек он солидный и состоятельный, недавно вице-куратором стал; у него сорок тысяч форинтов капитала, так что он вполне может содержать жену прилично. Дети него давно на ноги встали и все из родительского гнезда разлетелись. Атали жилось бы при нем как у Христа за пазухой, а уж дом он на улице Медерчи себе такой отгрохал, что любой позавидует. К тому же его по восемь месяцев в году и дома-то не бывает. Вот вам мое слово - Атали всем назло тут же вышла бы за него, если бы Тимея вышла замуж за человека, какой у меня на примете. И уж моя-то душенька наконец успокоилась бы! Осталась бы я со своей Тимеей век доживать. Да только ведь о каком счастье загадывать, ежели она из дома глаз не кажет, а он и близко к дому не подходит, она там тоскует, он здесь печалится. Я ведь не за тем пришла, чтобы сплетни сводить, избави бог, сроду наушницей не была. Но ужо том, что я тут на днях проведала, не могу смолчать. Извольте знать, что я по утрам убираю постель Тимеи, никого другого до этого дела не допускаю. Разве можно доверить прислуге дивные кружевные подушки поправлять? И вот как-то утром поднимаю это я нижнюю подушку, а там... что бы вы думали? Сломанная сабля. Тимея в тот раз по нечаянности забыла ее прибрать. Нет сомнения, что эту саблю она каждый раз кладет туда на ночь так и спит с ней. Когда я Атали рассказала про это, она меня так ущипнула за руку, что синяк до сих пор не сошел, пригрозила убить, если я об этом хоть кому-нибудь пикну. Да разве стану я об этом кому другому рассказывать, пусть у меня язык отсохнет! А про себя подумала: если прежний владелец сабли про это узнает, уж он-то сообразит, как ему надобно поступить!

Весь этот длиннейший монолог госпожа Зофия произнесла на одном дыхании и не позволив майору прервать себя.

Господин Качука терпеливо выслушал ее речь, а затем ответил ей так:

- Мама Зофия, бывший владелец сабли знает, как ему поступить. Будь госпожа Леветинцкая женщиной разведенной, останься она бедно, без гроша за душою, прежний владелец сабли тотчас же предложил бы ей руку. Однако теперь, когда госпожа Леветинцкая стала богатой вдовой, унаследовавшей после мужа все его миллионы, бывший владелец сабли, будучи человеком бедным, не может просить руки богатой дамы.

- Однако же сильно изменился характер у этого господина! - вздохнула госпожа Зофия. - Когда он был обручен с Атали, то никак не желал идти под венец, покуда ему сто тысяч форинтов не выложат.

- Хм... А разве не мать Атали только что говорила: будь Тимея бедной, а Атали богачкой, она все равно осталась бы с Тимеей? А ведь она родная мать Атали!

- Верно. Я ей мать, и все же я так сказала. Ваша правда, господин майор. Ну что ж, если прежний владелец сабли не знает, как ему быть, пусть о том голову болит у нынешнего ее обладателя.

Госпожа Зофия испросил тысячу извинений, что так надолго оторвала господина майора от дел, еще тысячу - за то, что не может побыть с ним дольше, потому как надо еще закупить всякой всячины на базаре.

Подхватив вою корзину, она выскользнула из ворот и, не купив на рынке ровным счетом ничегошеньки, напрямик поспешила домой.

Письмо от Доди.

Вот уже полтора года Михай неотлучно жил на острове. За это время он совершил великое дело: научил Доди писать.

Какое счастье видеть первые каракули, начерченные неумелой детской рукою мелом на полу! Диктуешь ему: "Напиши букву "К", потом букву "О", рядом еще букву "Т", а теперь прочти, что получилось!" Ребенок поражен: получается "кот", а он вовсе не рисовал никакого кота! И вот через полтора года на разлинованном листе бумаги наезжающими друг на друга буквами мальчик пишет именное поздравление матери - творение, не менее грандиозное, нежели обелиск Клеопатры, сплошь покрытый иероглифами.

Глаза Ноэми увлажнились слезами, а поздравление сына, полученное ею впервые в жизни, дрожало в ее руке, когда она сказала Михай:

- Почерк у него будет в точности, как твой.
- А где ты видела мой почерк? - удивленно спросил Михай.
- Во-первых, на прописях, какие ты составлял для Доди. А кроме того, на разрешительном письме на право пользования островом. Ты что, уже забыл?
- И правда, забыл. Ведь это так давно было.
- Ты теперь никому не пишешь писем?
- Никому.
- Ты уже полтора года не отлучался с острова. Разве у тебя нет никаких дел в той жизни?
- Нет и не будет.
- А что же случилось с теми делами, какие до сих пор держали тебя там?
- Хочешь знать?
- Да, хотела бы. Меня огорчает, что такой умный человек вынужден похоронить себя на пустынном острове только лишь из-за любви к нам. Если это единственная причина, которая заставляет тебя находиться здесь, то мне и любовь твоя не в радость.
- Будь по-твоему, Ноэми. Я расскажу тебе, кем я был в той, другой, жизни, что я содеял там и отчего желаю остаться здесь. Когда уложишь ребенка, выходи к скамеечке у веранды, и все узнаешь. Открою тебе всю правду, как на духу. Услышишь мою исповедь - удивишься и содрогнешься. Но в конце концов простишь мне мои прегрешения, как простил Господь, когда послал меня сюда.

После ужина Ноэми уложила Доди и вышла из дома. Они с Михаем друг подле друга расположились на березовой скамье.

Сквозь зелень беседки пробивался лунный свет, но не тревожил людские души: луна перестала быть роковым светилом, ледовым раем самоубийц - она стала добрым другом.

И Михай поведал Ноэми обо всем, что произошло с ним в той, другой, жизни. О внезапной смерти таинственного путника, о гибели "Святой Варвары", о найденный сокровищах.

Он рассказал ей, как стал баснословно богатым и влиятельным человеком, как снаряжал суда за море. Приумножая свои сокровища. Рассказал, сколько кораблей и домов у него было, каким почетом и уважением он пользовался; не утаил и свою женитьбу на Тимее.

Михай живописал Ноэми тоску и страдания, выпавшие на долю Тимеи, муки совести, терзавшие его самого за эти страдания; в глазах Ноэми он представил Тимею святой. А когда он со всей откровенностью передал ей сцену, тайным свидетелем которой он был, рассказал, как отстаивала Тимея доброе имя супруга, как защищала его от любимого ею человека, наперекор собственному сердцу, Ноэми разрыдалась, преисполненная сочувствия к несчастной женщине. Когда же Михай обрисовал ей свое мучительное положение, из которого он никак не мог выкарабкаться: прикованный к одному месту своим общественным долгом, огромным состоянием, верностью Тимеи, он рвался к любви, счастью, к своему жизненному идеалу, - Ноэми утешила его нежными поцелуями.

А затем он описал ей ту страшную ночь, появление в безлюдном замке отпертого мошенника Кристьяна, отчаяние, приведшее его на край могилы, рассказал все вплоть до момента, когда он заглянул в прорубь и вместо собственного отражения увидел мертвое лицо своего

преследователя, и рука провидения заслонила перед ним разверстую ледяную могилу, - Ноэми в порыве чувств прижала его к груди, словно удерживая его от гибели....

- Теперь ты знаешь, что я оставил там и что обрел тут. Можешь ли ты простить мне страдания, какие я причинил тебе?

Слезы и поцелуи Ноэми сказали ему: "Могу!".

Рассказ его затянулся; короткая летняя ночь пролетела, уступив место утренней заре, когда Михай закончил свою исповедь.

Он получил отпущение грехов!

- Теперь я со всеми долгами расквитался! - сказал Михай. - Тимея получила все мое состояние и свободу впридачу. Авантюрист был одет в мое платье, в кармане у него был мой бумажник; его похоронят вместо меня, и Тимея станет вдовою. Ну, а тебе я принес свою душу, и ты приняла ее. Каждый остался при своем.

Ноэми, взяв Тимара за руку, потянула его в дом подвела к кровати спящего ребенка.

Мальчик, разбуженный родительскими поцелуями, открыл глаза и, увидев, что настало утро, встал на колени и, благоговейно сложив ручонки, начал утреннюю молитву:

"Храни, Господь, доброго папу и добрую маму!".

Все долги выплачены, Михай!..

Ангелы - один над твоей могилою, другой у изголовья твоей постели - молят Господа о счастье для тебя....

Ноэми помогла малышу одеться, а затем долго смотрела на Михая задумчивым взглядом.

Понадобится немало времени, прежде чем она сумеет постичь все, что услышала сегодня. А ведь у женщин ум быстрый.

И вот однажды Ноэми сказала своему супругу:

- Михай! Все же за тобой остался долг в этой жизни.

- Какой и перед кем?

- Ты должен был открыть Тимее тайну, которую тебе сообщила та женщина.

- Какую тайну?

- Надо было сказать ей, что в ее комнату ведет потайной ход. Ведь когда она спит или когда совсем одна, к ней может проникнуть кто угодно.

- но ведь о тайнике никому не известно, кроме Атали.

- По-твоему, этого мало?

- К чему ты клонишь?

- Ах, Михай, Михай! Ничего-то ты в нас, женщинах, не понимаешь. Ты не знаешь, что собою представляет Атали, а я знаю. А оплакивала Тимею - потому что она страдает, потому что не любит тебя, потому что ты принадлежишь мне. Но если бы она испытывала к тебе те чувства, что питает к другому мужчине, если бы ты из любви к ней отверг меня, как поступил с Атали тот мужчина, - о, тогда не приведи Господь мне хоть раз застать ее одну спящей!

- Не пугай меня, Ноэми!

- Что поделаешь, таковы мы, женщины. А ты и не знал? Поспешి известить Тимею о тайнике.

Я хочу, чтобы Тимея была счастлива.

Михай поцеловал Ноэми в лоб.

- Милое, доброе дитя! Я не могу написать Тимее, ведь она узнает мой почерк, и тогда ее вдовству конец, и я перестану быть воскресшим из мертвых и лишусь места в твоём раю.

- Тогда я напишу ей.

- Нет, нет! Так не годится. Я с ног до головы осыпал ее золотом и алмазами, но от тебя она ни единой буковки не получит: это мои сокровища. Я ничего не прихватил для Ноэми от Тимеи, но и Тимее ничего не дам от Ноэми. Нет, тебе нельзя писать ей.

- Хорошо, - с улыбкой проговорила Ноэми. - Я знаю человека, который смело может обратиться к Тимее. Письмо ей напишет Доди.

Тимар рассмеялся.

Столько веселья, радости, ребяческой наивности, невинного бахвальства, столько серьезных, меланхолических раздумий крылось за этой идеей: маленький Доди предупредит Тимею, чтобы та остерегалась!

Маленький Доди напишет... Тимее!

Тимар смеялся, а из глаз его катились слезы.

Однако Ноэми всерьез взялась осуществить свой замысел. Своей рукою написала Доди слова, какие он должен был переписать, и мальчик без единой ошибки перенес их на разлинованный листок бумаги. Содержания он так и не понял.

Ноэми достала для этого случая особые чернила красивого темно-фиолетового оттенка, сваренные из листьев черной мальвы, запечатала письмо белым воском, а за неимением в доме печатки с гербом скрепила воск красивым золотисто-зеленым жучком, которого поймал Доди. Письмо вручили одному из торговцев фруктами, чтобы тот отправил его по почте.

Письмо маленького Доди ушло к Тимее.

"Ах, какая ты неловкая!..".

У Тимеи по календарю было и другое имя: Жужанна. Первым нарекла ее мать-гречанка, второе даровали ей при крещении; им она пользовалась при подписи официальных документов и в день святой Жужанны отмечала именины.

В венгерских провинциальных городах праздновать именины - распространенный обычай. Родственники, знакомые безо всякого приглашения считают своим долгом явиться в дом именинника, где к приему гостей уже накрыты столы. Однако в лучших домах заведен обычай рассылать на именинные торжества напечатанные приглашения. Тем самым почти на аристократический лад дается понять: те, кто не получил приглашение, могут оставить свои добрые пожелания при себе.

День Жужанны бывает два раза в году; Тимея отмечала его зимой, поскольку муж ее в эту пору находился дома. Приглашения рассылались за неделю до торжества.

Другое ее имя праздника не удостоилось. "Тимея" - такого имени нет ни в комаромском календаре, ни в общенациональном, а иных календарей в тех краях тогда и не существовало. Немало усилий потребовалось бы приложить тому, кто захотел бы узнать, на какой день года приходится это имя.

День святой Тимеи приходится на светлый месяц май, когда Михай успевал давным-давно отбыть из Комарома.

И все же Тимея каждый раз получала в этот день роскошный букет из одних белых роз.

Даритель предпочитал оставаться в тени; букет, упакованный в коробку, прибывал по почте.

На празднества в день Жужанны - в ту пору, когда Тимар был "еще жив", - господин Качука, как правило, тоже получал приглашение, на которое, как правило, отвечал оставленной у привратника визитной карточкой. На званные вечера в этот дом он никогда не ходил.

В этом году празднование для Жужанны не состоялось. Преданная Жужанна скорбит об усопшем супруге.

Зато утром погожего майского дня, когда обычно по почте прибывает букет белых роз, лакей Леветинцских, с головы до пят облаченный в черное, доставил господину Качуке конверт. Вскрыв его, майор, к превеликому своему удивлению, обнаружил приглашение, как всегда напечатанное на глянцевої бумаге, однако в именинницах значилась не Жужанна, а Тимея Леветинцкая, и гостя просили пожаловать нынче вечером.

Господин Качука недоумевал. Что за странная прихоть со стороны Тимеи? Бросить вызов комаромскому обществу, решив отпраздновать день греческой святой вместо правоверной кальвинистской Жужанны, а главное, приглашая гостей на вечер утором того же дня, - ведь это противоречит всем правилам хорошего тона!

Господин Качука решил на сей раз откликнуться на приглашение.

Вечером он постарался не быть в числе первых гостей; приглашали к половине девятого - он выждал до половины десятого и тогда отправился к особняку Леветинцских.

В прихожей, сдавая лакею шинель и саблю, он поинтересовался, много ли собралось народу. Лакей ответил, что никого, мог, нет.

Майор бы неприятно поражен. Не иначе как остальные гости, разобидевшись, сговорились не приходить.

Его беспокойство усилилось, когда он, войдя в залу, увидел, что все люстры зажжены, все комнаты ярко освещены, как в дни больших приемов.

Вышедшая навстречу горничная направила его в будуар: госпожа находится там.

- Кто у нее?

- Она одна. Барышня Атали с матерью уехали к господину Фабуле в его поместье, он сегодня устраивает рыбный пир.

Теперь господин Качука и вовсе не знал, что думать. Хороши именины: мало того, что гости не явились, так и домашние, оказывается, бросили именинницу и уехали.

Но это была не последняя загадка, над которой ему пришлось поломать голову.

Тимея ждала его у себя в будуаре. Одета она была не подобающим к случаю и к окружающей роскоши образом: по-прежнему в черном.

Носить траур и праздновать именины! Черное платье так не вяжется с великолепием золоченых люстр и серебряных канделябров.

Однако и выражение лица дамы не соответствовало траурному наряду. Тимея улыбалась, и щеки ее были окрашены слабым румянцем. Она приветливо встретила своего единственного гостя.

- Долго же вы заставили себя ждать! - молвила она, протягивая руку.

Майор почтительно склонился к ее руке.

- Напротив, опасаюсь, что прибыл первым.

- Ах нет! Все, кого я пригласила, уже здесь.

- Где? - озабоченно спросил майор.

- В столовой. Все уже сидя за столом, мы только вас дожидались.

Взяв изумленного майора под руку, она подвела его к дверям в столовую и распахнула их перед ним.

Вот тут-то майор окончательно растерялся, не зная, что думать.

Столовая была ярко освещена множеством свечей в великолепных серебряных канделябрах, расставленных вдоль стола; длинный стол был накрыт на одиннадцать персон, против каждого прибора стоял придвинутый стул со спинкой в стиле рококо, но на стульях никто не сидел.

Ни единого человека.

Однако стоило майору окинуть взглядом стол, как он тотчас же все понял, и глаза его наполнились слезами.

Перед девятью приборами роскошно сервированного стола стояло по букету белых роз, под стеклянным колпаком каждый; последний - совсем свежий, из роз, сорванных нынче утром, остальные - увядшие, засохшие, пожелтелые.

- Здесь собрались те, кто из года в год поздравлял с днем ангела Тимею. Это мои гости в день Тимеи, их девятéro. Хотите стать десятým? Тогда все, кого я на сегодня пригласила, в сборе.

Счастливый майор молча прижал к губам ее прекрасную руку.

- Бедные мои розы!... - он на мгновение закрыл глаза рукой.

Тимея не противилась, когда он снова припал поцелуем к ее руке. Пожалуй, она дала бы ему и большую свободу, но вдовий чепец - ах, какая помеха! Тимея сообразила это.

- Хотите, чтобы я заменила вдовий чепец на другой?

- С того для и началась бы моя жизнь.

- Скажем, в настоящий день моих именин, известный всему свету.

- Но это целая вечность!

- Не пугайтесь. Летом тоже бывает день святой Жужанны, так что мы можем его и отпраздновать.

- Все равно долго ждать.

- Но ведь не до бесконечности. Неужели вы не притерпелись к ожиданию? Поймите, мне нужно время, чтобы привыкнуть к радости, это ведь так сразу не получается. Я должна научиться мечтать о счастье. А до тех пор мы каждый день сможем видаться: сначала минуту, потом две и наконец не расстанемся навеки. По-моему, я хорошо придумала, не правда ли?

Разве возразишь, когда так нежно просят!

- Ну, а теперь наш праздничный вечер окончен, - прошептала Тимея. - Вы мною довольны? Остальным гостям пора на покой, да и вам тоже. Впрочем, постойте! Я верну вам одно слово из вашего последнего именинного поздравления.

С этими словами Тимея сорвала головку полураспустившейся розы из свежего букета, слегка прикоснулась к ней губами и воткнула в петлицу обожаемого мужчины. Но прежде тот успел перехватить это "одно слово" и, дабы добавить в пару ему другое, тоже поцеловал белый бутон...

Когда майор, выйдя на улицу, взглянул на окна дома, всюду погас свет. Он был единственный гость....

Тимея постепенно осваивала великую науку: свыкаться с мечтою о счастье.

Ей попался хороший учитель. С того для господин Качука стал ежедневно бывать в доме, не, конечно же, не слишком придерживался установленного Тимеей регламента: сначала на одну минуту, потом на две и далее в порядке арифметического возрастания.

День свадьбы был назначен на августовский день именин Жужанны.

Атали тоже, казалось, примирилась со своей участью: приняла обручальное кольцо господина Фабулы. Что ж, не первый случай, когда честной вдовец получает в жены молодую красивую девицу. Более того, такие женихи как раз хорошо себя зарекомендовали: солидный вдовец сумеет обеспечить жене приличное содержание, не то что юный кавалер, еще не успевший получить докторат.

Да будут благословенны сии брачные союзы!

Тимея твердо решила дать Атали в приданое ту сумму, какую предлагал ей Михай и какую она тогда отвергла.

Госпожа Зофия была чрезвычайно довольна таким пересечением жизненных путей. "Каждый нашел себе достойную пару". Она полагала, что все сладилось исключительно благодаря ее усилиям, и старалась где надо ослабить, а где надо затянуть узы.

Тимее превозносила майора до небес, а перед Атали всячески хулила.

Когда Атали приняла обручальное кольцо Яноша Фабулы - кольцо как кольцо, обычный металлический обруч, - госпожа Зофия заявила, что она такой красоты сроду не видывала.

И как уж только ни старалась она улестить Атали!

- Радуйся, дочка, какое счастье тебе привалило. Куда лучше партия, чем тот прощелыга, ни кола ни двора, одна ржавая сабля да ржавый циркуль. Голову даю на отсечение, что ему до сих пор из харчевни обеды в кредит носят. На мой вкус, господин фабула и как мужчина его за пояс заткнет. А уж как он усы свои длинные подкрутит да облачится в ментик с серебряной цепью!.. Майор небось тоже рад бы подкрутить, ан -нечего! Я бы, например, озолоти меня, нипочем бы не могла поцеловать мужчину с голой рожей - ни усов, ни бороды, тьфу! Да и годов ему уже немало; наверно, думает, никто не замечает, как волосы у него с одного бока на другой зачесаны, чтобы лысину на макушке скрыть. А уж как чтут господина Фабулу в городе, как уважают! Всяк, кто ни пройдет, с ним раскланивается, даже священники перед ним шляпу снимают. Вице-куратор - ушка сказать! Главным-то куратором был господин Леветинцкий, так что они промеж собой рангами соотносились, как губернатор и вице-губернатор. Хотя господин Фабула и не дворянского звания, зато "один из шестидесяти", и стоит ему пальцем шевельнуть, будет избран в "камергеры", а ты станешь госпожой "камергершей". Будут тебя величать "почтенной госпожой", как меня когда-то.

"Один из шестидесяти" и "камергер" в ту пору считались в Комароме важными чинами: первый являлся членом внешнего совета, второй был полномочным комендантом над всеми волами и лошадьми.

И Атали позволяла убаюкивать себя столь неуклюжими утешениями. С тех пор как господин Качука стал бывать в доме, она настолько сумела подавить свою натуру, что даже с матерью обращалась приветливо. По вечерам готовила ей чай, сдобренный изрядным количеством рома, и Атали потрафляла ее вкусу. С челядью она тоже была очень мила, тоже потчевала чаем, каковой у лакея, кучера и привратника набирал такую крепость, что переходил в категорию пунша. Слуги - и в первую очередь госпожа Зофия - только и делали, что расхваливали достоинства Атали.

Госпожа Зофия и этой перемене в дочери отыскала причину. Уж таково свойство холопской натуры: если домашние угождают ей, платить за добро подозрительностью и непременно доискиваться причины.

"Дочка-то моя сейчас ко мне ластится, чтобы потом, как замуж выйдет, и я к ней переселилась: сама-то она к хозяйству неприучена, простой мучной заправки и то приготовить не сумеет. Вот и стала я теперь "мама, милая", вот и подают мне чай на подносе что ни вечер. Меня не проведешь, уж я-то хорошо знаю, что у моей дочки на сердце!".

...Вскоре она узнает это еще лучше.

Свою покорность по отношению к Тимее и майору Атали довела и вовсе до холопского подобострастия. Ни выражением лица, ни поведением не выдавала она своих былых притязаний. Кода появлялся майор, она с улыбкой открывала ему дверь, любезно провожала к Тимее, участвовала в общем разговоре, а если выходила из комнаты, то было слышно, как она по соседству весело напевает.

Усвоенную ею подобострастную манеру она развила до сценического совершенства. Однажды Тимее предложила ей сыграть в четыре руки, в ответ на что Атали с наивной стыдливостью заметила - так, чтобы слышал майор, - что она уже забыла, как это делается; единственный музыкальный инструмент, на котором она играет, это "Hackbrett"¹⁷, но не на цимбалах, а на доске для рубки колбасного фарша. После перемены в своей жизни Атали играла на фортепиано, лишь когда никто не слышал.

Все были уверены, что она готовится стать достойной супругой господина Фабулы.

Лишь господина Качуку ей было не провести. Он способен был прозреть все темные глубины души Атали. Он знал, что сам он в должниках у Атали, и знал, какие счета у Атали с Тимеей. Такие долги судьба прощать не привыкла.

Прекрасная, белолицая женщина, неужели тебе никогда не приходило в голову, что, прежде чем ты попала в этот дом, другая барышня была здесь госпожою: богатая, блестящая невеста, окруженная любовью мужчин и завистью женщин? Не догадывалась ты, что с тех пор, как тебя прибило к этому берегу, для нее началась злая доля: она стала нищей, всеми осмеиваемой и презираемой, отвернутой любимым женихом?

Не твоя вина, что так случилось, но ведь случилось-то из-за тебя; ты принесла с собою этот злой рок. Он неотделим от твоего белого лица, от твоих слившихся в поцелуе черных бровей; тонет судно и рушится дом, стоит тебе туда войти. Ты не виновата в этом, но ты несешь фатум с собой. Гибнет тот, кто преследует тебя, и гибнет тот, кто спасает. Не ты причина тому, что тебя так любят, и не ты причина тому, что тебя так ненавидят; но ты вызываешь и любовь, и ненависть....

И ты осмеливаешься спать под одной крышей с Атали! Под "этой" крышей!

Неужели не содрогаешься ты всем своим существом, когда она улыбается тебе в лицо?

Неужели кровь не стынет у тебя в жилах, когда она склоняется поцеловать тебе руку? Когда она зашнуровывает тебе ботинки, неужели ты не чувствуешь, как змеи обвивают твои ноги

¹⁷ Это слово имеет в немецком языке два значения: доска для рубки мяса и цимбалы

холодными кольцами? Когда она наполняет твой бокал, неужели тебе не приходит в голову проверить, что там на дне?

Но нет, Тимея лишена подозрительности. Ведь сама она так добра. С Атали обращается как с родной сестрою. Приготовила ей сто тысяч форинтов в приданое, как хотел сделать Михай, и Атали об этом сказала, что желает, мол, упрочить ее счастье. Она думает, будто можно выплатить деньгами стоимость утраченного жениха. Да и что ей остается думать? Ведь Атали сама, по своей воле, отреклась от него. Когда Тимар предложил ей денег в приданое, она заявила: "Мне этот человек ни на этом, ни на том свете больше не нужен!" Тимея не знает о том, что Атали втайне посетила своего сбежавшего жениха и была выставлена за порог ни с чем. Тимея не знает также, что мужчину, какого женщина ненавидит, она еще меньше пожелает уступить другой, нежели того, кого любит. Ведь женская ненависть - та же любовь, только обращенная в яд; но и тогда она продолжает оставаться любовью.

Зато господин Качука прекрасно помнит то ночное свидание, а потому страшится за Тимею и не решается ей об этом сказать.

Всего лишь день оставался до летнего дня Жужанны. Тимея все это время по частям снимала с себя траур, словно ей было бы неприятно избавиться от него разом, словно она хотела постепенно приучить себя к радости. Сперва она позволила себе оживить черное платье белыми кружевными оборками; затем черный цвет сменился пепельно-серым, шерстяная материя - шелковой; вскоре в серый цвет вплелись белые клетки, и под конец от траура по Михая Тимару Леветинцкому не осталось ничего, кроме черного кружевного чепца.

В день Жужанны и этой последней детали гардероба надлежит переключиться к прочим реликвиям. Красивый новый чепец из дорогих кружев валансьен уже доставлен на дом, надобно только его примерить.

Какое-то роковое тщеславие надоумило Тимею обождать с примеркой нового чепца до прихода майора. Ведь белый кружевной чепец для молодой вдовы то же самое. Что для девицы - свадебный венок.

Майор в тот день долго заставил себя ждать. На то у него была причина: запаздывал выписанный из Вены букет белых роз. В этом году это был уже второй именинный букет. Ведь теперь ему дозволено поздравлять Тимею и в день Жужанны.

Накануне для именин Тимею завалили письмами и записками. У нее пропасть знакомых в округе и отделенных местах: официальных и добровольных почитателей. Ни одного из этих писем Тимея не вскрывает сейчас, они грудой копятся в серебряной корзиночке на столе.

На многих конвертах адрес надписан детским почерком. У Тимеи в городе и окрестностях сто двадцать четыре крестника и крестницы, и каждый из них прислал поздравление. Обычно ее забавляли и умиляли эти трогательные, наивные послания. Но сейчас все ее мысли были заняты тем поздравлением, которое запаздывало.

- взгляни, какое странное письмо! - говорит Атали, беря в руки одно из только что полученных посланий. - Вместо герба на печати - какой-то золотистый жучок.

- И какими странными чернилами написан адрес, - отзывается Тимея. - Положи вместе с остальными, завтра прочтем.

А ведь что-то внутри подсказывает Тимее, что это письмо лучше бы не откладывать на завтра! Это письмо маленького Доди. Его бросили к остальным.

Но тут прибывает майор, и все сто двадцать четыре поздравления мигом забыты. Тимея спешит ему навстречу.

Пожалуй, в этой самой зале счастливый жених девять лет назад вручал пышный букет огненно-алых роз другой невесте.

Она сейчас тоже присутствует здесь.

И пожалуй, там же, где сейчас, стояло и большое трюмо, в котором Атали еще раз оглядела себя, чтобы убедиться, хорошо ли сидит на ней свадебный наряд.

Тимея, приняв от майора роскошный букет белых роз, ставит его в дорогую вазу севрского фарфора и шепчет ему:

- А сейчас я подарю вам кое-что такое, что никогда не будет вашим, а только моим, и все же будет принадлежать вам.

Очаровательный сюрприз извлекается из коробки: новый чепец.

- Ах, какая прелесть! - восторгается майор, беря чепец в руки.

- Хотите, примерю?

У майора язык прилип к гортани: он смотрел на Атали. Тимея в порыве ребяческого веселья подошла к зеркалу и сняла с себя траурный чепец; тут лицо ее омрачилось, она поднесла к губам траурные кружева, тихо поцеловала, пошептав: "Бедный мой Михай!..".

И с этими словами отложила в сторону последний символ своего вдовства.

Господин Качука все еще держал в руках белый чепец.

- Дайте, я примеры.

- Не могу ли я вам помочь....

Тимее при ее модной, как тогда было принято, высокой прически и правда требовалась помощь.

- Нет, вы не сумеете. Атали окажет мне такую любезность.

Тимея произнесла эти слова без всякой задней мысли, но майор был поражен бледностью, какая при этих словах покрыла лицо Атали, и тут ему вспомнилось, что когда-то то же самое сказала Атали Тимее: "Иди люда, пришпиль мне фату". И пожалуй, Атали тоже не думала тогда, какой убийственный яд заключался в ее словах.

Атали подошла к Тимее, чтобы водрузить белый чепец поверх ее высокого пучка. Его надлежало прикрепить с разных сторон всевозможными шпильками.

Руки Атали дрожали. Одной из шпилек она чувствительно уколола Тимею.

- Ах, какая ты неловкая! - вскричала Тимея, резко отдернув голову.

Те же самые слова... В присутствии того же самого человека....

Тимея не видела, зато Качука хорошо разглядел молнию, которая при этих словах озарила лицо Атали.

То было извержение адской злобы, огненный всполох горечи, яркая вспышка стыда!

Все черты ее дергались, словно это было не лицо, а гнездо разворошенных змей. Какие злобно поджатые губы! Какие убийственные глаза! Какая бездна бушующих страстей в одном только взгляде!..

Тимея, едва успев сказать, тотчас же пожалела о своих словах и поспешила смягчить их. Она обернулась к Атали, обняла ее и поцеловала.

- Пожалуйста, не сердись, милая Тали, я забылась. Ты прощаешь меня? Не сердишься?

В ту же секунду Атали вновь превратилась в покорную, провинившуюся служанку и заговорила ласкательным, сюсюкающим тоном:

- О, милая Тимея, это ты не сердись на меня, моя крашавича! Я же нечаянно уколола твою прелестную головку! Ах, какая ты каршавая в этом чепчике, прямо фея!

И целовала Тимее плечи.

Майора от ужаса мороз продрал по коже....

Аталия.

Канун именин совпал с предсвадебным днем.

Волнующая ночь!

Жених и невеста уединились в самой дальней комнате: ведь им так много нужно было сказать друг другу. Что именно? Не нашего ума дело.

Язык цветов понятен лишь цветам, язык небесных сфер - лишь звездам, Мемнонскому колосса способен понять только его собрат - другой колосс, речи валькирий поймет лишь опочивший, язык любви - только влюбленный. И тот, кому когда-либо доводилось слышать и понимать эти произнесенные шепотом священные слова, сочтет кощунством пересказывать их посторонним и сохранит в душе, как хранят тайну исповеди. Этих слов не найти ни в "Песне Песней"

Соломона, ни у Овидия в "Искусстве любви", ни в газелях Хафиза, ни в стихах Гейне, ни в "Жемчужинах любви" Петефи; слова эти - вечная и нерушимая тайна.

А на другой половине дома шумной компанией веселится челядь.

Сегодня всем пришлось потрудиться на славу: на кухне шли приготовления к завтрашнему празднеству, точно к торжественному выступлению в поход.

Роль главнокомандующего взяла на себя госпожа Зофия, которая не позволила пригласить со стороны ни парадного повара, ни кондитера: ей не занимать кулинарного искусства, такой стряпухи, как она, днем с огнем не сыщешь. Госпожа Зофия горда своим умением, унаследованным ею от матери - великой кулинарки, без которой не обходилась ни одна свадьба, ни один бал в округе.

Все подсобные помещения при кухне, все подвалы и кладовые, как боеприпасами, сплошь заставлены тортами, пирожными, миндальными трубочками, глазированными медовиками, цукатными пряниками, ореховым беже, шоколадными желудями; пончиковые палочки, сложенные горкой на блюдах, зияя жерлами подобно старинным пушкам, выстроились поблизости от изготовившихся к штурму паштетных бастаионов. А в просторный ледник отправлены захваченные в плен всевозможные мясные блюда, жаркое из домашней птицы и дичи, напиканное салом.

Лихорадочные приготовления затянулись чуть не до полуночи. Когда же все, что должно было испечься, испеклось, а что должно было остудиться на холоде, застыло, госпожа Зофия сочла уместным проявить великодушие. И вот она сзывает в людскую весь свой исправно потрудившийся штат - угостить, чтобы добро не пропало, всякими редкими лакомствами, так или иначе не доведенными до нужной кондиции. Чего не бывает даже с опытной кулинаркой? Пудинг вместо того, чтобы подняться пышной взбитой массой, возьмет да и оседет, или желе так и не хочет застывать ни в какую, а то корка у пирога пригорит и его никак не вынуть из формы целиком. А уж сколько всяких пенек, пригарков, обрезков, остатков: тут и жирок от ветчины, и жестковатые части зайчатины или фазаньих тушек, - на господский стол не подашь, а для челяди - пальчики оближешь. Слуги не гнушаются пройти языком по промасленной бумаге, на которой отпечатались румяные физиономии сдобных кренделей и рулетов, напротив, им то и по нраву, что допреж господ удалось отведать праздничных яств.

Госпожа Зофия сегодня не только великодушна, но и весьма велеречива. Публика у нее благодарная - в особенности после того, как к столу подадут вино. Правда, оно уже было использовано в деле, при изготовлении одного из видов начинки: завернутая в салфетку, она должна была прокипеть в красном вине; зато ничего вкуснее этого кипяченого вина и вообразить невозможно. Госпожа Зофия не ленится сдобрить вино мускатным орехом, имбирем, корицей и сахаром - получается чисто амброзия. Лакей и привратник суповыми ложками хлеблют ванильный соус, кучер кусочком хлеба подбирает с тарелки шоколадный крем. Сегодня канун свадьбы!

А где же Атали? Ее не видно ни тут, ни там.

Воркующие влюбленные думают, что и она вместе с матерью пирует на кухне. А на кухне думают, что она не иначе как пристроилась к любовной парочке - насладиться ролью третьего лишнего. Или о ней и вовсе не думают ни тут, ни там?

Хотя не лишнее бы и тем, и другим хоть на миг прервать беседу и задаться вопросом: "Где Атали?"

Атали в полнейшем одиночестве пребывает в той самой зале, где впервые увидела Тимею. Прежняя обстановка давно сменилась новой, лишь табурет с вышитой обивкой напоминает о прошлом: на нем сидела Атали в ту минуту, когда белолицая девочка, сопровождаемая Тимаром, вошла в залу. Атали позировала тогда господину Качуке, а тот, засмотревшись на Тимею, прочертил на протрете лишнюю линию.

Атали и сейчас сидит на этом табурете.

Портрет давно перекочевал в кладовую, где хранится всякий хлам, но Атали по-прежнему явственно видит перед собою молодого лейтенанта: с заискивающей улыбкой он упрасивает ее не быть такой надменной и смотреть чуть приветливее.

В зале темно, свечей никто не зажигал; лишь месяц светит в окно, но скоро и он скроется за строгими башнями храма святого Андрoша.

Здесь, в темноте, Атали наяву видит кошмарный сон, именуемый жизнью.

В доме царят роскошь, счастье, гордыня. Прекрасную деву льстецы как бы в насмешку называют королевной и всем своим обхождением внушают ей, будто они без ума от нее.

И тут к дому прибивается сирота: нищая девчонка, тощая и нелепая, безжизненный призрак, холодная лягушка! Только и проку от нее, что есть над кем посмеяться и поиздеваться, есть кем помыкать.

А спустя два года эта бледная моль, эта лягушка станет полновластной хозяйкой в доме и расположит к себе все сердца. Пустит в ход свои чары и верного служащего превратит в заклятого врага всего семейства, а влюбленного жениха - в нарушителя клятвы.

Сколь ужасен был тот свадебный день! Очнувшись после обморока, невеста увидела, что лежит на полу, всеми покинутая. Подле нее не было ни одной живой души.

Когда пришел конец роскоши, восторженному обожанию, она пыталась сберечь хотя бы любовь: украдкой, втайне от всех, но быть любимой. Ей и в этом было отказано. Страшно вспомнить тот путь по мрачным, темным улицам, какой она дважды прошла той ночью: к дому своего бывшего жениха и обратно!

Как ждала она его на другой день, как считала удары часов под грохот аукционного молотка! И ждала тщетно - он так и не пришел!

И потянулись долгие годы мучительного притворства, затаенной обиды.

Лишь один человек на свете понимал ее. Уж он-то знал, что для нее единственная улада сердца видеть свою соперницу страдающей и чахнувшей от тоски. И надо же было этому человеку, сумевшему распознать ее натуру до самых черных глубин, этому изначальному виновнику всех бед, так глупо погибнуть, провалившись под лед! Единственное препятствие устранено, теперь счастье войдет в этот дом, счастье улыбнется всем, кроме нее.

Долгими бессонными ночами наполнялась эта горькая чаша. Не доставало лишь последней капли, чтобы горечь хлынула через край.

Такой последней каплей было сегодняшнее оскорбление: "Ах, какая ты неловкая!" - полученное Атали в тот миг, когда она непослушными пальцами припиливала невесте чепец.

Выбранить ее как прислугу, унижить перед майором!

Атали дрожит, словно в лихорадке.

Все в доме поглощены приготовлениями к завтрашней свадьбе. В будуаре шепчутся влюбленные, из кухни даже сюда, на далекое расстояние, доносятся крикливые голоса подгулявшей челяди.

Но Атали нет дела до шумного веселья; она слышит лишь тихий шепот нежной пары....

А на сегодняшнюю ночь у нее особые планы....

Зала не освещена, однако и при свете луны можно прочесть названия ядов из заветной шкатулки.

Средства одно другого лучше - надежные изобретения восточного алхимика. Атали перебирает пакетики и усмехается. Вот будет веселья завтра на свадебно пиру, если гостям пригубить за здоровье новобрачных такого зелья! Лица пирующий позеленеют, гости, взывая о помощи, повскакивают с мест, и начнется такая свистопляска, что сам сатана лопнет со смеху. Вот уж когда лицо прекрасной невесты станет воистину мраморным, а гордое лицо жениха исказится предсмертной гримасой!

Дзинь! У фортепьяно лопнула струна.

Атали испуганно вздрогнула и уронила порошки на пол; руки у нее судорожно тряслись.

Это всего лишь лопнувшая струна, чего же ты так испугалась? Или сердце твое не достаточно твердо?

Атали засунула пакетики обратно в шкатулку, оставив лишь один: нет, не смертельный яд, всего лишь сонный порошок. Но такой победой ее душе не насытиться. Разве это достаточная месть за оскорбительные слова: "Ах, какая ты неловкая!?" Тигра не польстится на трупы, ему подавай живую кровь.

Если уж кого и отравить, то прежде всего себя самое. Правда, такой оравы не купишь ни у одного алхимика. Смертоносный яд припасен для нее в тайнике, за "глазком" в мозаичной картине.

Атали бесшумно прокрадывается к тайнику, откуда видна спальня Тимеи.

Нежный шепот влюбленных, их страстные взгляды - вот яд, который способен поразить ее в самое сердце.

Майор собрался уходить, он держит руку Тимеи в своей руке.

Лицо Тимеи алеет румянцем!

Ах, сыщется ли яд более убийственный?

Обрученные не говорят о любви, и все же их разговор не для посторонних ушей. Жених задает вопросы, на которые имеет право только он.

- Вы одна здесь спите? - спрашивает он, со сладостным любопытством отдергивая парчовый полог у кровати под балдахин.

- С тех пор как овдовела - одна.

"И до того как овдоветь - тоже!" - злорадно шепчет Атали, скрытая изображением змия.

Жених, пользуясь своей привилегией, продолжает обследовать спальню невесты.

- Куда ведет эта дверь за кроватью?

- В переднюю. Когда приходят в гости дамы, они там оставляют пальто. Кстати, оттуда входили и вы, когда впервые явились ко мне с визитом.

- А другая дверь?

- Там ничего интересного: кабинка с умывальными принадлежностями.

- У нее есть другой выход?

- Нет. Вода по трубе стекает на первый этаж, а оттуда - через кухню - отводится наружу.

- А третья дверь?

- О, ведь это вам хорошо известно! Она ведет в мою гардеробную, а оттуда в гостиную, к парадному входу.

- Где спит прислуга?

- Женщины - в комнате возле кухни, остальные - на первом этаже. У моей постели два шнура к звонкам на ту и другую половину. В случае надобности я могу разбудить слуг.

- А в комнате рядом с вашей никто не спит?

- Ну, как же, там спит сестрица Атали с мамой Зофией.

- И госпожа Зофия тоже?

- Да, конечно. Вы желаете разом изучить весь наш распорядок? Но с завтрашнего дня здесь все будет устроено по-другому.

"С завтрашнего дня?" - беззвучным шепотом отзывается мозаичная картина.

- Вы запираете двери, когда отправляетесь на покой?

- Никогда! От кого мне запирается? Слуги любят меня и преданы мне. Со стороны улицы подъезд надежно заперт, так что я в полной безопасности.

- Нет ли в эту комнату потайного хода откуда-нибудь?

- Мой дом, должно быть, представляется вам неким таинственным венецианским дворцом! - рассмеялась Тимея.

"Мой дом!.. Ты, что ли, его строила?"

- Прошу вас ради меня, сегодня, прежде чем ложиться спать, закройте на ночь все двери.

Что это? Змий, попранный архангелом, словно бы смеется на картине! Да и как не смеяться: майор, похоже, догадывается, какие сны будут сниться сегодня ночью обитателям этого дома. Тимея с улыбкой погладила хмурое лицо жениха.

- Хорошо, вам в угод у я согласна запереть сегодня на ночь все двери.

"Запирай, запирай крепче..." - злорадно шепчет змий.

Влюбленные обмениваются нежным объятием, и вновь журчат приглушенные голоса.

- Молитесь вы на сон грядущий, любимая?

- Нет, никогда.

- Но отчего же?

- Бог, в которого я верю, хранит меня денно и ночью....

"А вдруг он сегодня отступится от тебя?..".

- Простите, дорогая Тимея, но, по-моему, философские умствования женщину не украшают. Скептицизм оставьте мужчинам, а вам подобает испытывать религиозное благоговение.

Проведите эту ночь в молитвах!

- Но теперь вы перешли в лоно христианской церкви, а христианские молитвы необычайно красивы. Приготовьте на ночь молитвенник.

- Хорошо. Ради вас я научусь молиться.

Майор отыскал в молитвеннике Тимеи, некогда подаренном ей Тимаром к новому году, "молитва женщины, готовящейся ко вступлению в брак".

- Вот и прекрасно! Я выучу эту молитву наизусть.

- Да, да, прошу вас!

Тимея прочла молитву вслух от начала до конца.

"...Да падут на дом сей все кары небесные и земные: козни диавола и адский огонь, землетрясение, пожар и яд, и удары кинжальные, чума, холера, нарывы, язвы телесные и падучая, и безумие, горе. Позор и злой дух, по ночам являющийся. Аминь!" - в такт словам молитвы шипел змий, пронзенный копьем архангела....

В душе Атали бушевала дьявольская злоба. Майор словно провидел тайну, скрытую за семью печатями. Подумать только: уговорил Тимею всю ночь провести в молитве!

Будьте вы оба прокляты, будь проклят злополучный молитвенник!

Когда майор вышел в прихожую, Атали уже дожидалась там. Из спальни послышался голос Тимеи, повелительным тоном отдававшей распоряжение:

- Посветите господину майору, пока он будет спускаться с галереи!

Тимея надеялась, что хоть кто-то из слуг окажется на месте, ведь они так преданы своей госпоже. Однако вся челядь снимала пробу с праздничный яств, приготовленных к свадебному пиру.

Атали взяла со стола подсвечник и пошла впереди, освещая майору путь.

Счастливому жениху теперь все женщины были на одно лицо: их заслонила Тимея. Вот и сейчас Атали, отворившую перед ним дверь и посветившую впотьмах, он принял за горничную и, решив проявить щедрость, сунул ей в руку серебряный талер.

Майор спохватился, лишь услышав в ответ знакомы шепот:

- Премного благодарна, ваша милость!..

- Ох, барышня, простите ради бога! Я не узнал вас в потемках.

- Ничего страшного, господин майор.

- Еще раз прошу прощения. Извольте вернуть мой оскорбительный дар.

Атали с насмешливым кокетством уклонилась, спрятав за спину зажатый в руке талер.

- Завтра верну, господин майор, а пока пусть у меня побудет. Я ведь его как-никак заслужила.

Господин Качука проклинал собственную неловкость, чувствуя, как невероятная тяжесть, давившая грудь, после этого талера стала и вовсе непомерной.

Майор вышел на улицу. Домой было идти невмочь, и он повернул к гауптвахте.

- Вот что, приятель, - сказал он старшему лейтенанту, который нес службы, - приглашаю тебя завтра ко мне на свадьбу. А сегодня уж позволь мне скоротать ночь с тобою и походить с дозором по городу.

В людской стоял дым коромыслом.

Когда майор вызвал звонком привратника, чтобы тот выпустил его, слуги поняли, что госпожа осталась одна; горничная наведальась узнать, не надобно ли чего хозяйке.

Тимея решила, что это горничная светила майору на галерее. Ей ничего не нужно, разделется она без сторонней помощи, а служанка может отправляться спать, распорядилась Тимея.

Горничная вернулась в людскую.

- Теперь мы сами себе господа! - залихватски вскричал лакей.

- кошки спят - мышам раздолье! - вторит ему привратник, пряча в карман ключ от входной двери.

- Теперь бы только по стаканчику пунша опрокинуть, оно было бы и в самый раз! - развязным тоном высказал пожелание кучер.

И словно в ответ распахнулась дверь, и вошла барышня Атали с подносом в руках, на котором набатным отзвуком звенели, соприкасаясь друг с другом бокалы горячего пунша. Обычная, повседневная услуга к сегодняшнему праздничному вечеру прилась как нельзя кстати.

"Дай бог здоровья нашей дорогой барышне!" - взрывается криками людская.

Атали с улыбкой ставит поднос на стол. В фарфоровой вазочке грудой высится сахар, с чрезмерной предупредительностью натертый апельсиновой коркой, - оттого он стал желтый и пахучий.

Госпожа Зофия больше всего любит чай именно в таком виде: добавить побольше рома и сахара, пропитанного апельсиновой цедрой.

- А ты не откушаешь с нами? - спрашивает она у дочери.

- Спасибо, я уже пила чай с господами. Голова что-то разболелась, пойду лягу.

Она пожелала матери спокойной ночи, а слугам наказала не засиживаться: ведь завтра рано вставать.

Слуги с жадностью набросились на угощение и сочли восхитительный нектар достойным завершением пирушки.

Лишь госпоже Зофии он таким не показался.

После первой же ложечки она поморщилась.

"Ну и прикус у этого пунша, точно у отвара из маковых головок, каким нерадивые матери поят капризных детей".

Этот привкус и запах показался ей настолько противным, что она не в силах была поднести бокал ко рту и отдала его поваренку. Тот, не избалованный лакомствами, выпил пунш с причмокиванием.

А госпожа Зофия, сославшись на то, что утомлена хлопотами долгого дня, тоже наказала слугам не засиживаться допоздна да проверить, хорошо ли закрыта дверь кладовой, чтобы кошка не подобралась к дорогим угощениям, и поспешила вслед за Атали.

Когда она вошла в их общую спальню, Атали уже лежала в постели. Полог был раздвинут, и она видела дочь: Атали, укрывшись до подбородка одеялом, отвернулась к стене.

Госпожа Зофия торопливо разделась. Однако запах пунша по-прежнему преследовал ее; глядишь, из-за малюсенькой ложечки этой отравы весь роскошный ужин насмарку пойдет.

Она задула свечу и опустилась на постель, не но легла, а приподнявшись на локтях, долго смотрела на дочь. Смотрела до тех пор, пока глаза у нее не стали слипаться, и она уснула.

Стоило ей уснуть, как она снова увидела себя в людской. Все спят мертвецким сном. Кучер повалился навзничь на скамью. Лакей уткнулся головой в стол, привратник, развалившись на полу, голову положил на спинку опрокинутого стула, кухарка прикорнула на постели, горничная - на краю плиты, голова у нее свесилась вниз, а поваренок свалился под стол. И перед каждым валяется пустой бокал из-под пунша. Только она свой не выпила.

Сон продолжается. Атали босиком, в ночной сорочке подкралась сзади и шепчет ней на ухо: "А ты, милая мама, почему не пьешь пунш? Сахару тебе мало? На, вот тебе сахар!" И наваливает ей целый стакан до краев. А запах, отвратительный запах макового зелья не оставляет ее ни на минуту.

"Не надо, не хочу!" - отбивается во сне госпожа Зофия, но Атали прижимает к ее губам бокал с горячим напитком, от запаха которого ее мутит. Ни за что не проглотить эту дрянь! Она с силой

отталкивает от себя бокал и... опрокидывает на себя со столика приготовленный на ночь стакан воды.

Госпожа Зофия просыпается, но даже после этого ей чудится Атали с выражением угрозы в прекрасных глазах.

- Атали, ты не спишь? - беспокойно спрашивает она.

В ответ молчание.

Госпожа Зофия прислушивается: с соседней кровати не слышно сонного дыхания дочери. Она встает и дрожа подходит к постели Атали. Постель пуста.

- Атали, где ты, Атали? - вконец напуганная, шепотом вопрошает она.

И, не дождавшись ответа, чувствует, как безотчетный страх сковывает все ее существо. Такое впечатление, будто все тело одеревенело, нет сил шевельнуться, нет голоса, чтобы закричать. Она молчит, и вдруг ей кажется, будто она оглохла. Ни в доме, ни с улицы - ни шороха, ни звука.

Где же Атали?

Атали на своем наблюдательном посту в тайнике.

Она уже давно находится здесь.

Сколько же можно заучивать наизусть одну-единственную молитву?

Наконец Тимея откладывает книгу и истово молится. Затем берет в руку подсвечник и проверяет, надежно ли заперты двери, и даже заглядывает за спущенные на окна портьеры. Слова жениха заронили в ее сердце чувство страха.

Подняв над головой свечу, она внимательно оглядывает стены: нельзя ли откуда-нибудь сюда проникнуть?

Тимея, конечно же, ничего не видит. А между тем смотрит прямо в глаза человеку, который подглядывает за ней....

Теперь она подходит к туалетному столику и, распустив косы, укладывает их вокруг головы, стянув сеткой для волос, чтобы за ночь не растрепались.

Оказывается, сия дама не лишена тщеславия. Дабы сохранить кожу рук белой и нежной, она смазывает их душистым кремом и натягивает высокие, до локтей, лайковые перчатки. Теперь осталось только раздеться и облачиться в капот. Но прежде чем лечь, Тимея идет в глубь комнаты к шкафчику за постелью и достает из выдвижного ящика обломок сабли с эфесом. Долго и нежно разглядывает его, прижимает к груди. Затем целует и кладет под подушку. Она привыкла спать, не расставаясь с драгоценной реликвией.

И Атали вынуждена видеть все это!

Наконец Тимея гасит свечу, и теперь уже Атали ничего не видно. Остается лишь прислушиваться к бою часов. Часы бьют час и три четверти. У нее хватает выдержки ждать. Она прикидывает: когда Тимея погрузится в сон - настанет ее время... А ведь в моменты тягостного ожидания каждые четверть часа кажутся вечностью.

Наконец часы бьют два часа пополудни....

Мозаичная картина сдвигается в сторону, и на ней как бы оживает змий, который, хоть и пригвожден копьем, не отнюдь не убит: Атали выходит из тайника. Она ступает босыми ногами совершенно неслышно, так что пол словно бы и не ощущает ее ступней.

В комнате кромешная тьма, ставни заперты, портьеры задернуты.

Медленно, ощупью продвигается она к цели.

Глубокое сонное дыхание Тимеи служит ей ориентиром.

Вот она нащупывает подушку, на которой покоится голова Тимеи. Засовывает руку под подушку и натыкается на холодный предмет: эфес сабли.

От прикосновения холодного металла адский огонь разливается в ее жилах. Атали сжимает сабельную рукоятку. Прислонив к губам клинок, она чувствует, как остро он наточен.

Однако в комнате так темно, что спящую не видно. И спит она сейчас столь тихо, что даже дыхания ее не слышно.

А ведь удар должен быть нацелен точно....

Атали, низко склоняясь над постелью, прислушивается.

Но вот спящая чуть шевельнулась и вздохнула во сне: "О, господи боже мой!..".

Удар сабли обрушивается на то место, откуда раздался этот вздох.

Однако удар оказался не смертельным: Тимея во сне прикрыла голову правой рукой, и острый клинок, рассекший перчатку, лишь поранил руку Тимеи.

Спящая проснулась от боли и привстала в постели на колени.

Тут ее и настиг второй удар - по голове, но густые косы смягчили его, и соскользнувший клинок лишь рассек лоб до самого виска.

В этот момент Тимее удалось левой рукой схватить саблю.

- Убивают! - закричала она, соскакивая с постели, и пока острый клинок кромсал и кромсал ей левую ладонь, она изловчилась вцепиться раненной правой рукой в волосы врага.

Она почувствовала под рукой длинные, густые женские волосы и тут же сообразила, кто перед нею.

Бывают такие жизненно опасные моменты, когда душа с молниеносной быстротою успевает охватить цепь умозаключений.

Итак, пере нею Атали. В соседней комнате - мать Атали. Ее, Тимею, решено убить из ревности, из мести. Звать на помощь бесполезно. Надо бороться своими силами.

Тимея больше не взывает о помощи; собрав все вилы, она старалась раненной рукой прижать голову противницы к полу и вырвать у нее смертельное оружие.

Тимея была сильной женщиной, а убийца, как известно, всегда сражается не в полную силу.

Молча боролись они во тьме, разостланный на полу ковер заглушал шум единоборства.

Вдруг в соседней комнате послышался душераздирающий крик: "Караул, убивают!" - отчаянно надрывался визгливый женский голос.

То был голос госпожи Зофии.

От этих криков руки-ноги Атали наливаются тяжелым свинцом.

Она чувствует, как теплая кровь жертвы заливает ей лицо.

В соседней комнате раздается звон разбитого стекла, и визгливые крики госпожи Зофии, оглашают безмолвную улицу.

- Караул! Убивают!

Атали в испуге выпускает саблю и теперь уже обеими руками пытается высвободить волосы, в которые вцепилась Тимея; они поменялись местами: теперь Атали - жертва нападения, и она напугана. Вырвавшись из рук Тимеи, она отталкивает ее, бежит к тайнику и тихонько притворяет за собою дверцу - мозаичную картину.

Тимея, пошатываясь на неверных ногах, делает несколько шагов и, выронив на пол саблю, без чувств падает на ковер.

В конце улицы слышны торопливые шаги. Привлеченный истошными воплями госпожи Зофии, к дому поспешает ночной дозор.

Первым подбегает майор. Узнав его, госпожа Зофия кричит из окна:

- Скорее на помощь, Тимею убивают!

Майор звонит, барабанит в дверь кулаками, но никто в доме не торопится отпереть подъезд.

Подроспевшие солдаты пытаются взломать дверь, но она слишком прочна и не поддается.

- Сударыня! - кричит майор госпоже Зофии. - Разбудите прислугу, пусть отопрут дверь.

Госпожа Зофия в порыве отчаянной храбрости, какую способен вызвать лишь чудовищный страх, бежит анфиладою неосвещенных комнат и темных переходов, ударяясь впотьмах об углы мебели и дверные притолоки, пока не попадает наконец в людскую.

Взору ее предстает та же картина, что и в недавнем сне. Слуги валяются как попало, где настиг сон: кучер навзничь опрокинулся на лавку, лакей уткнулся головою в стол, привратник развалился на полу, горничная пристроилась на плите, голова ее в неудобной позе свешивается с края. Догорающая свеча всполошенными язычками пламени освещает эту гротескную группу.

- Убийца в доме! - срывающимся голосом кричит госпожа Зофия и в ответ слышит лишь мощный устрашающий храп.

Она поочередно тормошит каждого, громко называя по имени, но все ее попытки тщетны: спящие, не открывая глаз, безвольно роняют головы.

Внизу ни на миг не смолкает стук в парадную дверь.

Привратника тоже не добудиться, зато в кармане у него ключ от подъезда.

Госпожа Зофия завладевает ключом и, собрав последние остатки сил, бежит по темной галерее, темной лестнице, темным сеням. Чтобы открыть входную дверь. И все это время ее не отпускает мысль об убийце, притаившемся в темноте! Что, если она столкнется с убийцей и опознает его?.. Эта мысль был еще страшнее!

Наконец она отыскала впотьмах входную дверь, нащупала замок и отперла его.

В темные сени ворвался свет: и у ночного дозора, и у городской стражи были при себе фонари.

К месту происшествия подоспел и начальник городской полиции, и поблизости живущий полковой лекарь, наспех одетые и вооруженные кто топориком, кто саблей наголо.

Господин Качука взбежал по лестнице, ворвался в прихожую и очутился перед дверью, ведущей непосредственно в спальню Тимеи.

Дверь оказалась запертой изнутри; поднажав плечом, майор высадил ее.

Перед ним на полу лежала Тимея - без чувств, вся в крови.

Полковой лекарь, осмотрев раны, сказал, что ни одна из них не представляет опасности для жизни; у пострадавшей просто глубокий обморок.

Теперь, когда тревога за жизнь любимой женщины улеглась, в майоре проснулась жажда мести.

- Но где же убийца?

- Странно, однако! - недоуменно заметил начальник полиции. - Все двери заперты изнутри; никто не мог ни войти, ни выйти.

Нигде не малейшего предательского следа. Само орудие убийства - сломанная сабля, бережно хранимая Тимеей в бархатном футляре, - окровавленное, валялось на полу.

Тут подоспел и городской лекарь.

"Давайте-ка займемся челядью!".

Слуги спали беспробудным сном. Врачи осмотрели их и убедились, что никто из них не притворяется: все до одного опоены маковым настоем.

Кто мог сделать это? Есть ли еще какие-то люди в доме?

- Где Атали? - обращается майор с вопросом к госпоже Зофии.

Та молча смотрит на него, не в силах вымолвить ни слова. Да она и не знает, где сейчас может находиться ее дочь.

Начальник городской полиции распахивает дверь в спальню Атали, и все гурьбою вваливаются туда. Госпожа Зофия, каждую минуту готовая упасть в обморок, следует за ними. Ведь она-то знает, что Атали там нет.

Атали лежит в своей постели и спит, как ни в чем не бывало.

Белый батистовый, весь в оборка, капот застегнут наглухо, волосы аккуратно запряты под вышитый чепец, прекрасные белые руки, до самых запястий скрытые воланами, выпростаны поверх одеяла.

Лицо и руки ее чисто вымыты, она спит безмятежным сном.

Госпожа Зофия при виде дочери прислоняется к стене, чтобы не упасть.

- Как крепко она спит, - замечает городской лекарь. - Ее, видно, тоже угостили опиумом.

К постели подходит полковой врач, щупает у Атали пульс: он бьется спокойно, ровно.

- Да, безусловно спит!

Ни единая черточка не дрогнула в лице Атали, пока врачи проверяли пульс. Невозможно предположить, будто она слышит все, что происходит вокруг.

Благодаря столь невероятному самообладанию ей удалось провести всех. Только один человек не поддавался обману: тот, возлюбленную которого она пыталась убить.

- Вы уверены, что она спит? - спрашивает майор.

- Потрогайте ее руку, - предлагает врач. - Рука холодная и безвольная.

Атали чувствует : сейчас ее берет за руку майор.

- Взгляните, господин доктор! - восклицает майор. - Если повнимательнее присмотреться к этой белой ручке, то под ногтями у нее - свежая кровь....

При этих словах пальцы Атали судорожно сжимаются, и майору кажется, будто орлиные когти впиваются ему в руку.

С демоническим смехом барышня сбрасывает с себя одеяло и встает; под капотом она полностью одета. Вызывающе дерзко смотрит она на изумленных мужчин, с торжествующим злорадством глядит на майора. Затем взгляд ее переходит на лицо госпожи Зофии, простодушная женщина, не выдержав злобного укора дочери, падает без чувств.

Последний удар кинжала.

"Дело девицы Атали Бразович" - одно из интереснейших уголовных дел, хранящихся в комаромском архиве.

Обвиняемая мастерски защищалась. Вину свою отрицала начисто, любые доказательства блистательно опровергала и, когда, казалось, ее удавалось припереть к стене, она напускала такого тумана, что судьям из него никак было не выбраться.

С какой стати ей было покушаться на Тимею? Ведь она и сама в невестах ходит; партия ей подвернулась приличная, а Тимея. Благотельница, позаботилась о богатом приданом для нее. Кроме как в комнат Тимеи, нигде никаких следов убийства не обнаружено: ни окровавленной тряпки, ни полотенца в пятнах, ни остатков сожженной в печи одежды.

Установить, кто подсыпал челяди сонного порошка, тоже невозможно. В тот день слуги ели и пили подряд все, что ни попало, среди подкрашенных сладостей и всевозможных иноземных специй вполне мог оказаться какой-то продукт снотворного действия. Думали на пунш, но в людской не удалось обнаружить его ни капли; даже бокалы, из которых его пили, к тому времени как вломилась стража, были тщательно вымыты и расставлены по местам. Атали утверждала, будто бы и она в тот вечер почувствовала какой-то странный привкус у пунша, оттого и уснула так крепко, что ни от криков госпожи Зофии ни от последующего переполоха в доме не пробудилась. Она пришла в себя, лишь когда майор схватил ее за руку.

Единственная живая душа, кто за полчаса до трагедии видел ее кровать пустой, была госпожа Зофия, но разве мать станет свидетельствовать против родной дочери?

Главным аргументом в свою пользу Аталиставляла такое обстоятельство: все двери в комнату Тимеи были заперты изнутри, а сама она лежала без памяти. Каким же образом убийца ухитрился проникнуть в комнату, а затем выбраться оттуда?

Если кто-то покушался на жизнь Тимеи, то отчего за разгадкой этой таинственной истории обращаются к ней, а не к другим обитателям дома?

Кстати сказать, майор допоздна засиделся в тот вечер у Тимеи. Не мог ли злоумышленник прошмыгнуть в комнату в тот момент, когда майор уходил?

Был ли то мужчина или женщина - даже этого никто не может сказать с определенностью.

А единственный человек, кому все доподлинно известно, не выдаст ее тайны.

Тимея по-прежнему настаивает на том, что ничего не помнит. Ужас пережитого был слишком велик, все тотчас же улетучилось из памяти, как кошмарный сон. Нет, Тимея не станет обвинительницей Атали, даже очную ставку она отклоняет.

Тимея все еще не оправилась от ран. Душевное потрясение мучает ее сильнее, чем сабельные удары. Она страшится за судьбу Атали.

После трагического события Тимею и на минуту не оставляют одну; врач и сиделка попеременно дежурят у ее постели. Днем у нее подолгу сидит майор, часто навещается и вице-губернатор, чтобы в беседе как бы ненароком выпросить кое-какие подробности. Однако

стоит Тимее заметить, что разговор переходит на Атали, как она сразу же умолкает и от нее ни слова не добьешься.

Однажды врач посоветовал занять Тимею каким-нибудь развлекательным чтением.

Тимея к тому времени уже поднялась с постели и теперь принимала визитеров, сидя в кресле. Господин Качука предложил прочесть именинные поздравления, полученные в тот памятный день.

Исполненные трогательной детской любви наивные пожелания добра - может ли быть что-нибудь более приятное сердцу крестной матери, чудом избежавшей смерти? Стоило выжить хотя бы ради того, чтобы слышать слова детской ласки и благодарности!

Руки Тимеи пока еще в бинтах: конверты распечатывает господин Качука и читает письма вслух. При этой сцене присутствует и вице-губернатор.

Лицо больной сияет от радости. Чтение и правда выбрано удачно.

- Какая странная печать! - вдруг говорит майор, беря в руки письмо, запечатанное вместо фамильного герба кусочком воска с вплавленным в него золотистым жучком.

- Правда, - подтверждает Тимея, - мне тоже тогда бросилось в глаза.

Господин Качука вскрывает письмо и начинает читать: "Сударыня! В вашей комнате на стене висит картина с изображением святого Георгия..." Он умолкает, взгляд его, пробегающий строки письма, страшен, губы бледнеют до синевы, на лбу выступает пот. Дочитав письмо, он отбрасывает его в сторону и, как одержимый, бросается к мозаичной картине. Разбив стекло кулаком, он вместе с рамой срывает картину со стены.

В стене чернее проем.

Майор врывается в тайник и через минуту выходит обратно, держа в руках вещественные доказательства преступления: окровавленную одежду Атали.

Тимея в ужасе закрывает лицо руками.

Вице-губернатор подбирает с пола письмо и завладевает уликами.

Из тайника извлекаются и еще кое-какие сюрпризы: битком набитая ядами шкатулка и дневник Атали. Чудовищная исповедь освещает темные омуты ее души подобно фосфоресцирующим моллюскам среди подводных коралловых зарослей. Какие же монстры скрываются в тех глубинах!..

Тимея, забыв о незаживших ранах, молитвенно стискивает руки и закликает врача, вице-губернатора и своего жениха сохранить находку в тайне, никому о ней не рассказывать....

Однако просьбу эту выполнить невозможно.

Улики переданы в суд, и Атали остается разве что уповать на милость божью.

А Тимее придется подчиниться закону и, как только выздоровеет, самолично предстать перед судом для очной ставки с Атали.

Какая суровая мера! Ведь Тимея не оступится от своих показаний: она ничего не помнит.

Теперь следует поторопиться со свадьбой: Тимея может выступать на суде лишь как супруга господина Качуки.

Когда здоровье Тимеи пошло на поправку, состоялась скромная свадьба: на дому, без торжественных песнопений и праздничной роскоши, без шумного пира и без гостей.

Присутствовали только священник и два свидетеля: вице-губернатор и домашний врач. Иных визитеров в тот день у Тимеи не было.

Как только Тимея достаточно окрепла, чтобы доехать в карете до комитатской управы, ее вызывают - теперь уже в сопровождении супруга - в суд для очной ставки с Атали. Законы человеческой справедливости не избавляют ее от мучительной сцены - вновь столкнуться лицом к лицу с собственным убийцей.

Зато Атали не страшится этой встречи. Она с нетерпением ждет, когда ее жертва предстанет перед нею, и если уж другого оружия нет под рукою, она убийственным взглядом сумеет нанести еще один удар сопернице.

Атали облачена в глубокий траур, лицо ее бледно, однако в глазах горит дерзкий вызов.

Насмешливо смотрит она на судей.

И все же она вздрагивает при словах председателя:

- Пригласите госпожу Тимею Качука!

Госпожа Качука! Значит, она все-таки стала его женой.

Но затем лицо Атали расплывается в довольной улыбке: входит Тимея - бледная, точно статую белого мрамора, с красным шармом ото лба к виску. Этот след рокового удара останется ей в память об Атали.

Председательствующий призывает Тимею поклясться именем Господним отвечать на вопросы судей правду и подтвердить правоту своих прежних показаний. Тимея, сняв перчатку, простирает к небесам руку, обезображенную глубоким сабельным шрамом. Грудь Атали наполняется горделивой радостью: это ее свадебный подарок Тимее.

А Тимея, подняв дрожащую, израненную руку, клянется именем Господним, что ничего не помнит; была ли то женщина или на нее напал мужчина - она не знает.

"Жалкая женщина!" - сквозь стиснутые зубы шепчет Атали. Ведь они боролись, вцепившись друг в друга. "У тебя не хватает духа даже на обвинение, тогда как у меня хватило на удар!"

- Не станем вдаваться в подробности! - вмешивается председательствующий. - У суда к вам следующие вопросы: действительно ли по почте пришло к вам в день покушения письмо, написанное детской рукою и запечатанное жучком? Не было ли оно вскрыто, прежде чем его распечатал ваш супруг? Не было ли известно его содержание кому-либо из посторонних?

Тимея спокойно отвечает на каждый вопрос: "Да". "Нет". "Нет".

Тогда председатель обращается к Атали.

- А теперь послушайте, барышня Бразович, о чем говорится в письме.

"Сударыня! В вашей комнате на стене висит картина с изображением святого Георгия. Эта картина закрывает потайную нишу, в которую можно попасть через посудный шкаф. Велите замуровать нишу и берегите свою жизнь. Да продлит Господь ваши счастливые годы! Доди".

Председатель сдергивает со стола покрывало, и взору собравшихся предстают обличающие улики: окровавленный капот Атали, шкатулка с ядами, дневник.

Атали вскрикивает, как смертельно раненный хищник, и прячет лицо в ладони.

Когда она вновь открывает лицо, бледности ее как не бывало: щеки полыхают огненным румянцем.

Шею Атали украшает завязанная бантом широкая черная лента. Обеими руками она срывает бант и швыряет на пол, словно обнажая перед палачом свою прекрасную белую шею или давая простор рвущимся из сердца словам.

- Да, все правда! Это я пыталась убить тебя и жалею лишь об одном: что мне не удалось довести задуманное до конца! Ты сгубила мою жизнь, проклятая! Из-за тебя, бледная немочь, все мои муки и страдания! Да, я хотела убить тебя, таков мой долг перед судьбою. Не знать мне покоя ни в этой жизни, ни на том свете, покуда ты жива и счастлива! Видишь, сколько у меня яда? Его хватило бы для всех гостей на твоей свадьбе, но мне нужна была твоя кровь. Жаль, что ты не умерла, а я свою жажду утолила и теперь не боюсь смерти. Но прежде чем топор палача коснется меня, я нанесу тебе еще один удар, от которого тебе уже никогда не оправиться. Эту рану не исцелят нежнейшие супружеские объятия! Теперь моя очередь давать клятву. Услышь меня, Господи! К вам взываю, святые угодники и ангелы! Нечистая сила, служители сатаны, приспешники дьявола, не дайте солгать!

Обезумевшая женщина упала на колени и иступленно простерла руки над головой, призывая в свидетели все силы небесные и адские:

- Клянусь! Клянусь, что о потайном ходе знал кроме меня только один человек: Михай Тимар Леветинцкий. Он исчез на другой день после того, как узнал от меня эту тайну. И если кто-то сейчас открыл тебе эту тайну, значит, Тимар не умер на следующий день. Значит, Михай Тимар Леветинцкий жив, так что страшись и жди, твой первый муж еще вернется! Клянусь милостью

господней, это святая правда: Тимар жив! А ты похоронила какого-нибудь вора, укравшего у Тимара одежду!.. Живи же с этой раной в сердце, если выживешь!

На вечное поселение.

За попытку отравления семерых человек и предумышленное покушение на убийство суд осудил Атали на смерть. Король милостиво заменил казнь пожизненным тюремным заключением. Атали жива и поныне.

С тех пор минуло четыре десятилетия, и ей теперь, должно быть, лет шестьдесят семь. Однако душою она не сломилась - молчаливая, жестокосердая, ничуть не раскаивающаяся в содеянном.

Когда ее товарки по воскресеньям отправляются в церковь, Атали запирают в одиночной камере, чтобы она своим богохульством не оскверняла благоговейные чувства верующих. Поначалу ее принуждали ходить на богослужения, но, после того как она посреди прочувствованной проповеди закричала священнику: "Врешь!" - и плюнула на пол перед алтарем, ее оставили в покое.

За это время в стране не раз проходили широкие амнистии. Во дни всеобщих радостей народа сотням заключенных высочайшей милостью была дарована свобода, и лишь одну эту женщину тюремные надзиратели никогда не представляли на амнистирование.

Когда ее уговаривали подать на высочайшее имя покаянную просьбу о помиловании, она неизменно отвечала:

- Можете выпустить меня на волю, но, как только я освобожусь, я первым делом убью ее! Она и теперь твердит то же самое, хотя соперницы ее давно уж нет в живых: бедную женщину после долгих лет страданий свел в могилу последний удар, нанесенный в самое сердце. Счастье Тимеи навсегда было отравлено злой фразой: "Твой первый муж жив!" Хладным призраком стоял Тимар на ее пути к земным радостям, и поцелуи желанного супруга бессильны были утешить ее сердечную боль. Чувствую приближение смерти, она велела отвезти себя в Леветинц, чтобы не быть похороненной в том склепе, где под гербом Тимара покоится неведомо чей прах. В Леветнице она облюбовала себе укромный уголок под плакучей ивой на берегу Дуная - недалеко от того места, где на речном дне обрел свое последнее пристанище ее отец, Али Чорбаджи, и так близко к ничейному острову, словно ее влекло туда какое-то необъяснимое предчувствие... Ее надгробие и "блуждающая" скала острова находятся друг против друга.

Богатства, которые оставил ей Тимар, также не принесли удачи. От второго брака у Тимеи был единственный сын; расточительный по натуре, он промотал колоссальное состояние с такою же фантастической легкостью, с какою оно наживалось. Внук Тимеи уже вынужден был содержать себя лишь на то пособие, которое Тимар учредил для обнищавших родственников, оставив по себе единственное благое дело.

На месте комаромского особняка выстроен другой дом, гробница Леветинцских уничтожена при возведении оборонительных укреплений - не сохранилось и следа было славы и богатства.

Ну, а что поделывают обитатели ничейного острова?

Никто.

Сорок лет минуло с тех пор, как Тимар исчез из Комарома. Я постигал азы грамматики, когда нас, школяров, торжественным строем вывели на похороны этого богатого господина, хотя впоследствии поговаривали, будто бы он не умер, а скрывается. В народе сильна была

уверенность, что Тимар жив и рано или поздно объявится. Скорее всего уверенность эту породили угрозы Атали, однако же всеобщее мнение упорно придерживалось такое версии. В памяти моей и поныне живо дивное лицо дамы, которую я по воскресеньям любовался с церковных хоров; она сидела на передней скамье у самого амвона. Красота ее поражала совершенством и удивительной кротостью.

Помню всеобщий ужас, охвативший горожан при страшной вести: на жизнь прекрасной дамы покушалась ее компаньонка. Событие это всколыхнуло Комаром.

Помню, как осужденную на смерть преступницу в открытой повозке везли к месту казни; ей должны отрубить голову - слышал я разговоры взрослых. Осужденная, в сером платье с черными лентами, сидела в повозке спиной к кучеру, напротив нее занял место священник с распятием в руках. Базарные торговки слали проклятья и плевали ей вслед, а она, с холодным безразличием глядя перед собой, не обращала внимания на суету вокруг.

Народ валом валил за повозкой, охочие до зрелищ ребятишки бежал гурьбой, чтобы не пропустить финальный момент кровавой драмы, когда прекрасная голова покатится с плеч. Я же украдкой подглядывал из окна, когда преступницу провезли мимо; сердце мое замирало от страха: вдруг да ее взгляд случайно упадет на меня!

Часом позже недовольно ропщущая толпа хлынула обратно. Редкого зрелища ее лишили: осужденная красавица взшла на эшафот, и тут ей была дарована королевская милость.

Рассказывали, что, когда был оглашен королевский указ, священник протянул преступнице крест для целования, однако злодейка и не подумала припасть к нему устами. Она с такой яростью вонзила зубы в священную реликвию, что на лице спасителя остались вмятины.

После этого я долгое время встречал по воскресеньям в церкви ту бледнолицую красавицу - только теперь уже с красной отметиной на лбу и с тоскою, растущей год от года.

О ней ходила разная молва; ребятишки, наслушавшись дома материнских рассказов, в школе передавали их друг другу.

Постепенно река времени вымыла из людской памяти всю эту историю....

Мой давний друг - натуралист, ботаник и энтомолог, известный не только у нас в стране, но и во всем ученом мире, часто рассказывал мне о необычных территориях на границе венгерских и турецких владений: поскольку они не принадлежат ни той, ни другой стороне, то не являются и частной собственностью. Для страстного естествоиспытателя там поистине заповедная Калифорния, где сочетаются редчайшие флора и фауна. Мой старый друг каждый год навещается в эти нетронутые места, целыми неделями предаваясь излюбленному занятию.

Однажды осенью он уговорил меня поехать с ним: я ведь тоже любитель по этой части.

Досугом я располагал, так что охотно вызвался сопровождать старика ученого в его путешествии к низовьям Дуная.

Он-то и привел меня на ничейный остров.

Мой друг впервые посетил эти места пятнадцать лет назад, когда они были еще не обжиты и освоение их только начиналось.

Теперь же, если не считать девственных зарослей камыша, по-прежнему скрывающих остров от посторонних глаз, здесь развилось поистине образцовое хозяйство.

Сам остров окружен дамбой, надежно защищающей его от паводков, и наряду с этим покрыт сетью оросительных каналов; механизм, приводимый в действие лошадьми, снабжает их водой.

Стоит попасть в этот райский уголок завязанному садоводу, и он с трудом уйдет отсюда: на фруктовых деревьях, на декоративных растениях, на полезных культурах - на всем лежит печать божьей благодати. Каждый клочок земли приносит пользу либо дарит наслаждение.

Табак мускатного сорта, который здесь разводят, отличается необычайным ароматом и благодаря умелому возделыванию распродается нарасхват. Пасека с ее замысловатыми домиками и много ярусными постройками издали производит впечатление миниатюрного города для лилипутов. У леса выгорожен загон для домашней птицы редчайших пород; сердце любого птицевода преисполнилось бы зависти при виде великолепных криверков с хохолками

на голове, белоснежных кокинхинок, демонической красоты годанов с раздвоенным гребешком, дымчатых экземпляров "принц Альберт", при виде серебристых индюков, золотистых и белых павлинов. В искусственном пруду плавают, гоняясь друг за дружкой, рябые утки, гуси, лебеди - тоже отборные экземпляры редчайших пород. На тучных лугах пасутся безрогие коровы, ангорские козы, черные ламы с длинной, блестящей шерстью.

По всем приметам чувствуется, что здесь живет господин, знакомый с роскошью.

Между тем у этого господина нет и гроша за душой. Деньгам на остров ход заказан.

Те, кто нуждается в здешних продуктах, знают, какие товары требуются обитателям острова, и провозят на обмен пшеницу, материю для одежды, крашеную пряжу, всевозможный инструмент.

Мой друг-ученый обычно поставляет на остров семена новых садовых культур и яйца домашней птицы - также новейших пород; а взамен получает экземпляры уникальных насекомых и засушенных растений, которые потом продает заграничным музеям и коллекционерам. Акция эта служит моему приятелю к немалой выгоде, и ничего предосудительного тут нет, так как наука не только страсть, но и средство к существованию.

Для меня же наиболее приятной неожиданностью оказалось, что обитатели острова говорят по-венгерски; такое в окраинных землях не часто встретишь.

Остров населяет одна семья, поэтому люди там обходятся лишь именем, каким их нарекли при рождении. Шестеро сыновей первооснователя поселения взяли в жены девушек из ближайшей округи и привезли их сюда; семья разрослась, так что теперь вместе с внуками и правнуками их здесь человек сорок.

Остров щедро содержит своих обитателей. Они ни в чем не знают нужды, всего хватает с избытком.

Островитяне приучены к труду, и будь их даже в десять раз больше, чем теперь, работа всех прокормит.

Прадед и прабабка воспитывают новые поколения: глава рода обучает мужчин тяжелому труду, хозяйка передает трудовые навыки женщинам.

Мужчины осваивают тонкости садоводства и резьбы по дереву, учатся изготавливать домашнюю утварь, выращивать табак, ухаживать за скотиной; среди них встретишь мельников и мастеров плотницкого дела. Здешние женщины - мастерицы ткать пестрые турецкие ковры, искусные вышивальщицы и кружевницы, мед, сыр и розовая вода их приготовления выше всяческих похвал. И работа как бы идет сама собой, никому не надо указывать, что он должен делать. Каждый знает свои обязанности и выполняет их безо всяческих напоминаний, находя радость в труде.

Дома для разрастающейся семьи выстроились в целую улицу. Каждый дом возводится общими усилиями, и старшие в роду берут на себя заботы о новобрачных.

Гостей, приезжающих на остров, обычно принимает нынешний глава семьи; родичи называют его "отец", посторонним он известен как Деодат - мощного телосложения, красивый, с благородными чертами лица, мужчина лет сорока. Он заключает с торговцами обменные сделки и показывает гостям остров.

Деодат встретил нас с тем радушием, какое естественно меж давних добрых знакомцев: мой друг-натуралист наведывался сюда каждый год.

Разговор наш шел на темы помологии, виноградарства и виноделия, садоводства, ботаники, энтомологии, в коих Деодат выказал солидные познания. Во всем, что касается садоводства и животноводства, он придерживался наиболее передовых взглядов, и я не в силах был скрыть свое удивление: откуда он все это усвоил?

- У старца нашего научился! - почтительно склоняя голову, ответил Деодат.

- Кто это?

- Увидите вечером, когда все соберутся.

В ту пору шел сбор яблок; все женины и ребятишки были поглощены этим благим занятием. Дивные золотистые, коричневатые и кармазинно-красные плоды подобно пушечным ядрам

пирамидами были сложены во дворах домов, грудой высились на зеленой лужайке. Шум веселых голосов разносился по всему острову.

Когда осеннее солнце стало клониться к закату, звон колокольчика со стороны скалы возвестил об окончании дневных трудов. Все засуетились, поспешно подбирая с земли оставшиеся плоды, сложили их в корзины и, взявшись попарно, понесли к дому.

Мы с Деодатом тоже направились туда, откуда раздался зов колокольчика.

Как оказалось, колокольчик висел на башенке небольшого деревянного дома. И башенка, и сам домик были густо обвиты плющом, но по замысловатым колоннам, поддерживавшим крыльцо, чувствовалось, что строитель вложил в свое детище немалую часть души: думы, мечтания, радости.

Перед домиком простиралась круглая площадка со столами скамьями. По завершении дневных забот тут собиралась вся семья.

- Здесь живут наши патриархи! - шепнул мне Деодат.

Старики не заставили себя долго ждать.

Это была на редкость красивая пара. Женщине было, должно быть, лет шестьдесят, ее супругу - восемьдесят.

Лицо старика отличалось столь выразительными, характерными чертами, что даже по прошествии сорока лет позволяло угадать некогда знакомый облик. Я был поражен. Голова его облысела, однако поредевшие волосы и усы почти не затронула седина, да и черты лица мало изменились. Причина такой неподвластности времени была ясна: неколебимое спокойствие, воздержанность, ровный нрав.

Что до прабабушки, то она поистине радовала глаз необычайной привлекательностью. Правда, в волосы, некогда золотистые, вкраплены серебряные нити, но глаза по-прежнему, как у юной девушки, и когда губы супруга касаются ее щеки, она вспыхивает, словно невеста.

Лица обоих сияют при виде большой, дружной семьи; каждого из близких они, называя по имени, поочередно целуют. Этот трогательный обряд передает всю глубину их счастья, он заменяет им молитву и помогает воздать хвалу небесам.

Последним старики обняли своего старшего сына Деодата. Лишь после этого доходит черед и до нас. Оба пожали нам руку и пригласили отужинать вместе со всеми.

Старая женщина и по сей день сохранила за собой право присматривать за делами на кухне, она же и раскладывает еду по тарелкам для всей своей семьи. А старец дает каждому полную волю садиться за стол, с кем душа пожелает. Сам он подсаживается к нам и Деодату. Маленькая белокурая и курчавая, как ангелок, девочка по имени Нозми забралась на колени к старику; ей было дозволено слушать наши серьезные разговоры да молча разглядывать гостей.

Старцу назвали мою фамилию, и он долго смотрел на меня; лицо его заметно вспыхнуло.

Должно быть, ему приходилось слышать это имя, поинтересовался мой друг. Старец промолчал.

Деодат поспешил объяснить: отец его вот уже сорок лет понятия не имеет о том, что творится на свете, он ничего не читает, кроме книг по сельскому хозяйству и садоводству.

И тут я, по обыкновению людей, ремесло которых состоит в том, чтобы, едва успев самому узнать что-нибудь, тотчас передать другим, воспользовался случаем блеснуть своею осведомленностью и принялся пересказывать ему мировые новости.

Первым делом сообщил о важнейших событиях в жизни отечества: Венгрия при помощи коротенького словечка "и" оказалась соединена с Австрией.

Он, попыхивая трубкой, выпустил густые клубы дыма, как бы говорящие: "Мой остров к этой стране не относится!".

Я рассказал о тяготах, обременяющих наши карманы.

Облачко дыма ответило мне: "На моем острове поборов не взимают!".

Я поведал ему о грандиозных войнах, прогремевших за четыре десятилетия у нас на родине и во всем мире.

Облако дыма презрительно пыхнуло: "А мы ни с кем не воюем".

Как раз в ту пору на нашем денежном рынке разразилась крупная инфляция, прославленные торговые дома банкротились один за другим. Я попытался было объяснить старику наше бедственное положение.

"У нас на острове деньги не в ходу", - вылетело очередное облачко дыма.

У меня была в запасе еще одна тема: наша межпартийная борьба. Сколько горя народу причиняют эти религиозные и национальные распри, властолюбивые устремления отдельных партий!

Старик выбил трубку: "У нас нет ни епископов, ни министров, ни вербовщиков голосов!".

Под конец я попробовал заинтересовать его дальнейшей судьбой страны: как укрепитесь ее мощь, если нам удастся осуществить все задуманное!

...Маленькая Нозми уснула на руках прадедушки. Надо было унести ее в дом и уложить - забота куда более важная, чем все мои, вместе взятые. Спящий ребенок переключался на руки к прабабушке, и когда жена ушла, старец вдруг обратился ко мне с вопросом:

- Где вы родились?

Я сказал.

- Какое у вас ремесло или служба?

- Романист, - ответил я.

- Что это значит?

- Романист - это человек, который по развязке истории может воссоздать все события в целом.

- В таком случае опишите мою историю! - воскликнул он, схватив меня за руку. - Был однажды человек, который оставил мир, где ему поклонялись, и создал себе другой мир: где его любят.

- Позвольте спросить ваше имя? - вырвалось у меня.

При этих словах старец выпрямился, словно бы став на голову выше, и положил дрожащую руку мне на голову. И в этот момент мне почудилось, будто бы когда-то, в бытность мою белоголовым мальчонкой, эту руку клали мне на голову и лицо это склонялось надо мной.

А на мой вопрос он ответил:

- Мое имя - Никто!

Старец повернулся, ушел в дом и, пока мы оставались на острове, так больше и не появился.

Так выглядит "ничейный остров" на сегодняшний день.

Привилегия, предоставленная этому клочку земли двумя государствами и позволяющая ему существовать вне всяческих границ, остается в силе еще пятьдесят лет.

А за пятьдесят лет бог знает сколько воды утечет!

Послесловие

Творческая деятельность Мора Йокаи охватывает свыше шестидесяти лет. За это время им было написано множество романов, повестей и драм, его наследие насчитывает более ста объемистых томов. Первые стихотворения Йокаи появились в печати, когда их автору было всего лишь девять лет, последние романы написаны глубоким старцем, до конца дней не утратившим взволнованного интереса к судьбам людей и событиям истории.

Мор Йокаи родился 18 февраля 1825 года в городе Комаром (ныне г. Комарно, ЧССР). Его отец - адвокат и опекун сиротского приюта - происходил из знатного, но обедневшего дворянского рода. Человек либеральных взглядов и безукоризненной честности, располагавший довольно скромными средствами и не стремившийся к обогащению, он пользовался всеобщим уважением среди горожан самых различных общественных слоев, называвших его "отцом сирот", защитником слабых и обездоленных. Еще мальчиком Йокаи имел возможность

наблюдать не только быт дворянства, но и ремесленников, крупных и мелких торговцев, спекулянтов всех мастей - внезапно разбогатевших или же разорившихся, - волей-неволей ставших клиентами отца. В доме Йокаи любили народные сказки и легенды, от моряков и контрабандистов мальчик слышал самые диковинные истории об их путешествиях в дальние края, аферах и порой мошеннических сделках. Таинственная, непонятная жизнь этих людей будоражила богатую фантазию впечатлительного, нервного, на редкость развитого ребенка. Особенно волновала Мора загадочная судьба одного из них - чудом разбогатевшего, удачливого и энергичного Домонкоша, внезапная смерть и пышные похороны которого вызвали самые невероятные сплетни и пересуды. Ходили слухи, будто вместо него погребен совсем другой человек, а сам он куда-то уехал и живет под другой фамилией. Есть предположение, что Домонкош впоследствии послужил прообразом Михая Тимара - главного героя романа "Золотой человек", а его история легла в основу сюжета этой книги.

Очень рано к увлечению Йокаи литературой прибавилась страсть к живописи; уже первые его пейзажи и портреты свидетельствовали о незаурядном даровании. Однако профессией своей Йокаи выбирает не живопись и не литературу, ему кажется, что и то и другое - лишь "благородные страсти", которые сулят, быть может, славу, но не надежный кусок хлеба. Гордый и свободолюбивый юноша не хочет слышать ни о каких "покровителях", всесильных меценатах, в зависимость к которым в те годы часто попадали начинающие писатели. Как и большинство юношей его круга, Йокаи изучил право и получил диплом юриста, однако вскоре призвание одержало верх над "здравым смыслом".

Уже в 1842 году рассказы Йокаи были отмечены поощрительной премией, а год спустя его первая драма - историческая трагедия "Еврейский юноша" - привлекает внимание крупнейших венгерских поэтов того времени - Йожефа Байзы и Михая Верешмарти. Покровительству М. Верешмарти Йокаи во многом обязан той известности, которую уже в восемнадцать лет он завоевывает в литературных салонах Будапешта.

В 1846 году Йокаи вместе с поэтом-революционером Шандором Перефи основывает журнал "Картины жизни", вокруг которого группируется большинство прогрессивных литераторов того времени. Дружба двух талантов - столь различных и столь близких - сыграла большую роль в судьбе Йокаи. Склонный к внутренним компромиссам, Йокаи особенно нуждался в дружеской поддержке такого последовательного демократа и революционера, как Шандор Петефи. Во многом под влиянием Перефи, провозгласившего народность своей программой, Йокаи обращается к народной жизни, создает колоритные, хотя и романтически приукрашенные фигуры простых людей, стремится писать на их языке.

Смело идущий вслед за Петефи в момент подъема революции, Йокаи в дни ее поражения, однако, не устоял на последовательно революционных позициях. Неблагоприятная международная обстановка, поражение революции во Франции, Австрии, Пруссии, размежевание классовых сил в самой Венгрии - все это сильно повлияло на взгляды Йокаи. Он все больше сближается с консервативной "партией мира" и выступает за мирное соглашение с Австрией, надеясь путем реформ добиться коренных, революционных преобразований. Революция и дружба с Петефи, пожалуй, самый яркий период в жизни Йокаи. Воспоминания об этих днях помогли писателю сохранить бодрость духа и веру в гуманизм, придали эмоциональную напряженность и героико-романтическую настроенность его лучшим книгам.

Крупнейший венгерский писатель Кальман Миксат - критик строгий и скупой на похвалы - назвал роман "Золотой человек" (1872) "самым поэтическим" из всех творений Йокаи и "прекрасным, как утренний сон". Отзыв Миксата не случаен: этот роман стал самым популярным произведением Йокаи. Еще при жизни автора он выдержал наибольшее число изданий, был переведен на несколько языков, пьеса по его мотивам на протяжении многих лет не сходила со сцены. Впоследствии постановки неоднократно возобновлялись, роман был трижды экранизирован.

"Золотой человек" был написан Йокаи меньше чем за два месяца; однако замысел его зародился еще в детстве; писатель давно познакомился, сжился и сроднился со своими героями. Этот роман во многом воспроизводит душевное состояние самого писателя, устами героев он выражает свое недовольство окружающим, свою мечту о лучшем жизненном устройстве. Не потому ли именно этой книге суждено было стать любимым произведением автора?

Достигнув апогея славы и, быть может, даже чуточку устав от слишком восторженных почитателей, Йокаи, однако, переживает как личную драму провал своей кандидатуры на выборах в парламент, ловко подстроенный оппозиционной партией. Эта, столь явная, победа лидеров реакции над умеренно либеральной, реформистской платформой Йокаи заставляет его над многим призадуматься. В этот период - путь кратковременный - громче начинает звучать его обличительный голос.

В романе "Золотой человек" Йокаи с большой художественной силой осуждает буржуазное общество как царство бессердечного чистогана, рисует нравственную ущербность людей, слепо поклоняющихся золотому тельцу.

...

...

Прошло более столетия с тех пор, как был создан роман "Золотой человек", любимое творение крупнейшего венгерского романиста прошлого века Мора Йокаи, но краски его не потускнели со временем. Читателя и сегодня привлекает интересный сюжет, благородство характеров, вера в торжество добра и справедливости

Е. Умнякова.